

А. Н. РЕЗНИКОВ

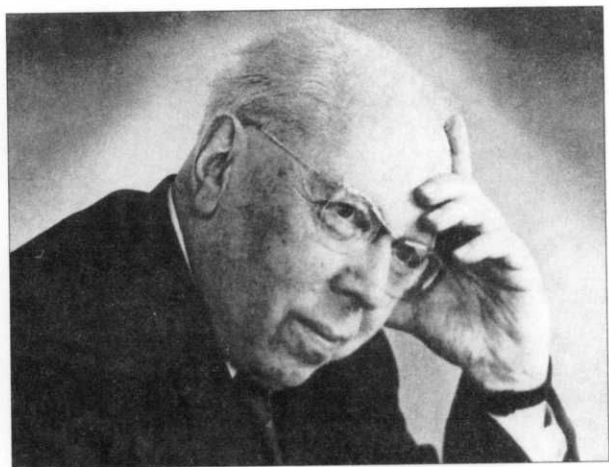
ЭСКИЗЫ
ПРОШЛОГО
В ПРОЕКЦИИ
НА НАСТОЯЩЕЕ

ЭСКИЗЫ
прошлого
в проекции
на настоящее

Александр /

A. Peroumy.

С Е М Е Й Н А Я К Н И Г А

А. Н. РЕЗНИКОВ

ЭСКИЗЫ ПРОШЛОГО
НАСТОЯЩЕЕ
В ПРОЕКЦИИ НА

Корпорация "ФЕДОРОВ"

Самара

1998

РЕЗНИКОВ А.Н.

Эскизы прошлого в проекции на настоящее.

Самара. Корпорация "Федоров": 1998. - 440 с.

Оформление и верстка:

Л.А. Резников, СМ. Бобровский.

Записки начаты в июне 1992 г.

© А.Н. Резников, 1998.

ЧАСТЬ I

ЗАЧЕМ ЭТИ ЗАПИСКИ

Вот мне исполнилось семьдесят семь! Число в известной мере каббалистическое, тем более что с цифрой семь у меня связано одно курьезное на первый взгляд воспоминание.

В конце сороковых годов, работая в Куйбышевском индустриальном институте, я по каким-то делам зашел на кафедру химии. Заведующий кафедрой Николай Михайлович Парахонский, сухощавый, лысый, лет пятидесяти от роду, в пенсне на тонком носу, вел беседу с посетителем. Его собеседник - немолодой человек в черной косоворотке, с седыми волосами, торчащими в разные стороны, красноватыми, глубоко посаженными глазами под мохнатыми бровями, высоким, немного скрипучим голосом что-то объяснял Николаю Михайловичу. При этом его крупные руки с плоскими ногтями, по-видимому, привычные к физическому труду, слабо жестикулировали.

- Послушайте, - обратился ко мне Парахонский, - этот товарищ требует, чтобы я срочно созвал заседание кафедры для обсуждения его сообщения о критике периодической системы Менделеева. Он полагает, что Менделеев неправильно распределил все элементы на восемь групп, тогда как естественным и издревне почитаемым людьми числом является семь. И представьте себе, - продолжал Парахонский, - приводит ряд доказательств, из которых, с его точки зрения, немаловажными являются: семь дней недели, семь отверстий в голове у человека и животных, поговорка "семь раз отмерь, один - отрежь" и другое. Я, - при этом пенсне Николая Михайловича весело блеснуло, - подкинул товарищу еще одно вполне неотразимое доказательство его правоты - портвейн марки "777", где сразу три семерки! Но все же, при всем моем уважении к то-

варищу и портвейну, опровергать периодическую систему не намерен!

Двойственное впечатление произвел на меня этот разговор. С одной стороны, завкафедрой, конечно же, был прав, аргументы его собеседника не выдерживали элементарной критики. С другой - мне не совсем приятно, скажу точнее, неприятна была пренебрежительно-насмешливая манера ведения беседы Н. М. Парахонским. Посетитель, по-видимому, принадлежал к исчезнувшему ныне племени авторов конструкции вечных двигателей и ниспровергателей общеизвестных научных теорий. Эти люди, в большинстве своем немолодые, малообразованные и недостаточно культурные (так сложилась их жизнь!), вместе с тем отличались беспокойной душой, желанием отыскать и поставить на службу людям новое, необычное. Их сознанием овладевала та или иная идея, да так сильно, что становилась частью жизни, иногда доводила до психоза. Несколько лет тому назад все газеты обошла информация о том, как один человек застрелил из охотничьего ружья заместителя начальника отдела Комитета по делам изобретений СССР, отклонившего его заявку на изобретение. Это, конечно, экстраординарный случай, но он показывает, до какой степени расстройства психики может довести "заноза" в сознании изобретателя!

Как же поступать с этими людьми? Как вообще поступать с людьми, которые стоят ниже нас на ступенях знания и культуры? Здесь мы подходим к главному вопросу о человеческих взаимоотношениях в процессе освоения знаний, накопленных наукой и практикой, в педагогическом процессе.

Возможны два пути. Можно посмеяться над незнанием, иронизировать по поводу недостатка культуры, словом, показать свое превосходство и образованность. Другой путь, с которым, возможно, не все будут согласны, особенно применительно к описанному выше случаю с семерками, состоит в терпеливом разъяснении, попытке направить мышление собеседника на решение других, доступных ему и полезных задач, передать ему частицу своих знаний.

Сейчас не принято цитировать Маркса (очередной перегиб в попытке управлять общественным сознанием), но мне очень по душе его слова, которые привел в своих воспоминаниях Поль Лафарг:

"Наука совсем не эгоистическое удовольствие, и те счастливицы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первыми должны отдавать свои знания на службу человечеству".

Человечество - не аморфная масса. Оно состоит из молодых и старых, умных и не очень, знающих и невежественных, ищущих и равно-

душных, при различных уровнях перехода от одного качества к другому. Одни отдавали и отдают нам свою душу и знания, другим мы отдаем свои.

Потолкался и я среди той части человечества, на контакты с которой выводили зигзаги и траектории моей судьбы. В молодости, в средние года не возникало желания как-нибудь записать, обобщить, зафиксировать разные встречи и мысли, да и времени для этого как будто бы не было. Дневников я не вел, исключая небольшие записи о путешествиях, написанные в более зрелом возрасте. Сейчас, когда с горизонта лет уже пришли две семерки, все чаще приходят на память родные и чужие, близкие и учителя, ушедшие от нас, ученики покойные и здравствующие. Иногда они даже стали являться мне во сне, как бы толкая на то, чтобы извлечь их из памяти и рассказать, вспомнить.

Кажется необходимым для себя (а может, и еще для кого-либо) честно разобраться в том, действительно ли зря прошла жизнь нашего поколения, как об этом не устает твердить современная пресса, считающая себя свободной, свобода которой главным образом состоит в очернительстве прошлого и развале настоящего.

Я не намерен обсуждать вопросы политики. Хочу просто на примере своей жизни и жизни известных мне людей показать, что было хорошо, а что плохо.

Хочу нашей дружной семье немного рассказать о наших прошлых годах, о дедах-прадедах и их житье. Надо ведь сохранять историю семьи не только в фотографиях и документах, но и в свидетельствах очевидца.

Словом, хочется стать чем-то вроде семейного Пимена, пишущего сказания для потомков. Вместе с тем, поскольку я буду писать об обычной семье, испытавшей на себе многое из хорошего и не меньше плохого, чем отличались долгие годы нашей жизни, о хороших и плохих людях, которых я встречал и с которыми работал, мои записи как малая частица истории страны, на мой взгляд, могут быть интересны не только моим родным.

Память - субстанция особая. Одно она хранит четко и долго, другое в ней размывается, теряет даты и контуры. Я не претендую на последовательность и точное координирование во времени того, о чем думаю написать. Если хотите - это больше всего эскизы прошлого, иногда спроецированные на настоящее. Итак, уяснив задачу, приступаю к ее исполнению, и, как говорят, да поможет мне Бог!

Я БОЛЕЮ ДИФТЕРИЕЙ

Первое четкое воспоминание - я, закутанный в теплое одеяло, еду по пустынным улицам города в извозчицкой пролетке. Рядом -мама, она держит меня, а на ступеньке пролетки стоит отец, напряженный, он беспокойно оглядывается по сторонам. Возникает мысль что есть силы понукает свою лошадаенку.

Время от времени то дальше, то ближе слышны глухие удары, будто кто-то сильно стучит по дну громадной бочки. Теперь я знаю, что мы тогда мчались по улицам Екатеринослава (ныне пока еще Днепропетровска) во время очередной артиллерийской перестрелки, которые периодически вспыхивали между петлюровцами, махновцами, красными и зелеными, словом, разными войсками и бандами, попеременно занимавшими город в первые годы гражданской войны.

Многие дети болеют, доставляя переживания своим близким. Но я в этом отношении отмерил моим родителям "полную катушку" переживаний. Болезнь всегда несвоевременна. Но я ухитрялся заболеть в самый неподходящий момент и уж если болел, то обязательно с каким-нибудь "вывертом", трудным течением недуга или осложнением. Вот и в этот раз, когда все люди старались сидеть дома за семью замками или в подвале, испуганно вздрагивая при каждом стуке, я подхватил где-то дифтерию с высокой температурой. Болезнь диагностировал наш семейный врач доктор Книрель, немец по происхождению. Я его помню, потому что лечил Книрель меня от разных болезней еще долгие годы. Всегда очень аккуратно одетый в костюм-тройку, седой, стриженный "под бобрин", он одним своим спокойным видом и тихим голосом в самых сложных обстоятельствах, действуя умело и решительно, влиял на больного и мятущихся родителей так, что после его визита становилось вроде бы даже легче.

Пользуясь случаем, хочу несколько слов сказать о семейных врачах. Раньше многие семьи прибегали к помощи частнопрактикующих врачей. Моего младшего брата Борю всегда лечил доктор Мейтус, отец известного на Украине композитора. Мы тогда жили уже в Харькове. Дочь Инну всегда лечила (в Куйбышеве) доктор Бушкова, сына Леву - доктор Аксельдорф. В семье моей тогда еще будущей жены многие годы лечащим врачом был харьковский профессор Губергриц.

О всех них, как и о многих других частнопрактикующих врачах, хочется сказать доброе слово. Это были врачи высокой квалификации, универсалы, солидные и вдумчивые, отличные психологи. Деньги они брали в общем небольшие, а некоторых малообеспеченных пациентов и вовсе лечили бесплатно. Приходили по вызову в семью больного не на бегу, не на десять - пятнадцать минут, а фундаментально, никуда не спешили, беседовали обстоятельно, всегда приветливо и спокойно. Не писали никаких многостраничных историй болезни, так как всю "историю" своих пациентов знали отлично и наизусть.

Частная практика врачей была вполне законным делом, особенно в довоенное время (я имею в виду Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.). Это, между прочим, явилось одной из причин, по которой с чьей-то нелегкой руки на государственной службе медицинским работникам были установлены невысокие оклады. Считалось, что они могут заработать неплохо и на стороне. Но потом, когда частная практика была официально запрещена, заработную плату медикам все же не повысили. Так и оказались теперь наши врачи и сестры на грани нищеты. Они вынуждены, нарушая клятву Гиппократу, поступать так, как ни за что не поступили бы врачи прежней формации: бастовать, отказываться от лечения страждущих, прекращать прием.

Может ли быть восстановлена частная практика семейных врачей в наше время? На первый взгляд, может, тем более что уже сейчас расплодился целый сонм медицинских кооперативов, фирм, и даже в поликлиниках есть возможность вместо того, чтобы просидеть пару часов в очереди и быть обслуженным кое-как, пройти ту же процедуру быстро и при полном внимании персонала, но за порядочные деньги.

На мой взгляд, это все же не то. В кооперативах и поликлиниках сейчас главная цель - коммерция, тогда как семейные врачи лечили по призванию. Уровень квалификации и ответственности среднего врача нашего времени (даже при всех успехах современной медицины), я думаю, ниже, чем уровень прежних врачей-универсалов, непрерывно повышавших свою квалификацию в условиях конкуренции. Деньги, которые берут с пациентов в кооперативах и разных фирмах, в самой малой доле идут непосредственно лечащим врачам и медсестрам, а расползаются для оплаты администраторов, организаторов и аппарата сотрудников, плодотворный который мы великие умельцы. Да и правительство прикладывает свою тяжелую руку к этим доходам. Вот пример. Недавно Беллочке (моей жене) потребовалось сделать 10 сеансов лазерной терапии сустава. В платной части поликлиники с нее взяли 400 рублей. Из этой суммы непосредственный исполнитель процедуры получает, как мне стало извест-

но, всего 4 рубля, немногим более того и врач-физиотерапевт, остальное - накладные расходы. Частный же врач обходился без всяких "соавторов" в своем деле и даже, рассчитываясь с фининспектором, не приглашал бухгалтера. Поэтому и брал с пациентов по-божески.

В нынешней ситуации, я думаю, мы еще не скоро придем к системе семейных врачей. А жаль!

Но вернемся к моей дифтерии. Доктор Книрель направил меня в детскую инфекционную больницу. Когда мы прибыли туда, оказалось, что в больнице дикий холод, в большой палате на аккуратно заправленных койках не было ни одного больного, да и персонала негусто. Родители, в первую очередь мама, решили не помещать меня в это убогое заведение. На той же пролетке, по тем же малолюдным улицам мы вернулись домой. Сомневающемуся доктору Книрелю мама сказала со всей свойственной ей решительностью, что обеспечит изоляцию больного (то есть меня) и сама меня выводит, если доктор будет ею руководить.

По ходу этих записок мне не раз придется писать о своих родителях. Вот и сейчас, по-моему, просто необходимо немного рассказать о маме, о том, как складывался ее характер. Без этого нельзя понять упомянутую решительность и тот эпизод ее поведения во время моей болезни дифтерией, о котором напишу ниже.

Мама была старшей дочерью в семье Арона-Евеля Гехта, проживавшего в местечке Толочин в Белоруссии. Кроме мамы было в семье еще три сестры - Геня, Ася и Рива, а также брат Хоня, младший из детей. Дед мой Арон Гехт, по-видимому, был коммерсантом средней руки (точно не знаю), а про бабушку ничего сказать не могу, кроме того, что она была сестрой Иосифа-Хаима Резникова, впоследствии моего другого деда, проживавшего с семьей в местечке Сухари Смоленской губернии.

Мама в молодом возрасте осталась сиротой. Сначала умерла ее мать, а затем и отец, который до этого непрерывно и тяжело болел. Главой семьи стала девушка, на хрупкие плечи которой легла забота о четырех младших членах семьи. Судьба заставила маму саму пробивать дорогу в жизни. Сначала (еще при жизни отца) она сдала экстерном экзамен за шесть классов гимназии, выехав для этого в Смоленск, так как в Толочине гимназии не было.

Вот лежит передо мной пожелтевшее свидетельство с сургучной печатью. Оно гласит:

"Предъявительница сего Бейля Гехт, как видно из документов, дочь мещанина, вероисповедания иудейского, родившаяся в 1890 году, подвергалась в мае месяце 1906 года при 2-й Смоленской женской гим-

наши испытанию в знании курса шести классов и таковое выдержала, показав нижеследующие познания.

В обязательных предметах:

в русском языке - 3,

в математике - 3,

в географии - 4,

в истории - 4,

в естественной истории - 4, в физике - 4.

В удостоверение чего и дано Бейле Гехт сие свидетельство за надлежащей подписью и приложением печати, г. Смоленск, 7 дня, 1906 года.

*Председатель Педагогического
совета (подпись). Секретарь
Совета (подпись)."*

С помощью витого шнура и сургучной печати к свидетельству прикреплена картонка с фотографией молодой девушки с печальными глазами. Черными чернилами на фотографии сделана надпись: "Бейля Гехт".

Цитируя этот документ, я, чтобы не затруднять читателя, привожу текст в современном написании, не так как в оригинале - с буквами "ять", V и твердыми знаками. Не в них суть. Суть в том, что девушка, шестнадцати лет от роду, из глухого местечка сама уехала за 150 верст и, несмотря на все трудности и придирки, сдала испытания. А трудности были. Мне отец как-то рассказывал, что на испытаниях такого типа учителя русского языка диктовали примерно так: "ха-ра-ша ха-лод-ная ва-да, кагда хоцицца пить". И в том же духе весь текст. А ты пиши грамотно, одна ошибка - и двойка! Многие ли наши молодые (и не совсем молодые) люди грамотно написали бы диктант под таким моральным давлением (а, может быть, даже и без оногo)?

Свидетельство о сдаче испытаний за шесть классов открывало маме возможность поступить на зубо врачебные курсы в Орше, примерно в пятидесяти верстах от Толочина. Теперь приходилось разрываться между курсами, семьей и больным отцом. Восемнадцати лет, закончив курсы, услышала, что в Германии, якобы, лечат таких больных, как ее отец. С тяжело больным мама рискует ехать на консультацию к врачам в Берлин, не зная языка, не зная никого в Берлине, мужественно перенося все трудности пути и ухаживая за больным. Немецкие врачи поставили диагноз: болезнь неизлечима (рак печени). Обратная дорога, сокрытие от больного истинного диагноза, похороны отца вскоре по прибытии.

Все это, как и дальнейшая жизнь в Толочине, воспитало в маме умение не теряться в трудных обстоятельствах, действовать решительно, я бы даже сказал, мужественно.

Так было и в том далеком году, когда я лежал с тяжелой дифтерией. Очередная артиллерийская дуэль и ружейная перепалка кончились. Екатеринослав (а может быть, только его окраина, где мы жили) заняли какие-то националисты, анархисты или другие вооруженные отряды, которых немало во время гражданской войны бродило по Украине. Дюжие молодчики, с ног до головы увешанные оружием, разгоряченные не столько боем, сколько самогоном, ходили по дворам, врываются в квартиры, хватали все, что под руку попадется, искали и избивали большевиков и евреев.

Несколько таких "победителей" внезапно вошли и в наш двор. Начали свой обход с первого этажа. Все оцепенели. Только мама решительно велела отцу и няне уйти в дальнюю комнату нашей квартиры (где лежал я) и не выходить ни в коем случае. Сама она быстро надела белый халат, белую косынку, повязала марлей нижнюю часть лица, взяла в руки шприц и стала у входной двери. Вот уже шаги кованых сапог загремели по железной лестнице, ведущей на второй этаж. Наша квартира крайняя. На первый же стук мама широко открыла дверь и на грозный вопрос: "Кто такая? Кто здесь живет?" ответила: "Входите, братцы! Я здесь не живу, я - сестра милосердия, приставлена к тяжелобольным, у них то ли холера, то ли брюшник, в общем, что-то очень заразное. Если хотите - посмотрите сами. Но я вам не советую. Зачем таким молодым и красивым лезть в какую-нибудь дрянную инфекцию?" Голос ее звучал спокойно и убедительно. Свообразными декорациями к маминему монологу служили простыни и бинты, вывешенные для просушки на галерее, и открытая дверь, ведущая в полутемную кухню. (Я потом расскажу о нашей квартире. Здесь отмечу: пройти во внутренние комнаты от наружной двери можно было только через галерею и кухню.)

Весь этот антураж - халат, марлевая повязка, шприц, простыни и бинты, полутемный вход в квартиру - вместе с доброжелательным и спокойным голосом "сестры милосердия" возымели свое действие. Старший из вояк поблагодарил "сестрицу" и приказал уходить. Причем, впечатление было, по-видимому, достаточно сильным, так что незванные гости не стали бродить по другим квартирам нашего этажа, а, топая по гудящим железным ступеням, быстро спустились вниз и, перекинувшись несколькими словами со своими (рискну их так назвать) коллегами, ожидавшими там, вовсе удалились из нашего двора.

Я, как понимает читатель, не видел эту сцену и не знал о ней до тех пор, пока много лет спустя мама, к слову, с известной долей юмора не описала мне происшедшее в лицах. Присутствовавший при этом отец, правда, заметил: "В комнату ты вошла белее мела и в полуобмороке опустилась на стул. Так что юмора было не так уж много". Мама, конечно, в описанном выше эпизоде балансировала на острие ножа. Но она защищала свою семью, как птица, которая, рискуя своей жизнью, отвлекает внимание хищника от гнезда с птенцами.

Другой эпизод истории болезни дифтерией я видел сам (хотя, в чем было дело, тогда не понимал). Однажды, открыв глаза, я увидел у кровати своего деда Иосифа-Хаима и маму. Дед, протягивая маме медный пятак, громко говорил: "Я покупаю у тебя этого больного ребенка и его имя. Тот ребенок, который останется у тебя, теперь будет называться Давидом". У меня не было сил что-либо спросить или сказать, тем более, что дед, захватив с собой какую-то мою вещицу (рубашку, кажется), скоро ушел.

А дело было вот в чем. Суеверные люди, совершая акт "купли-продажи", рассуждали так: дух болезни все время находится в той комнате, где лежит больной, и ждет не дождется как бы вызвать к его постели ангела смерти (на идиш: "Малах а мовес"). Но если больного на глазах духа продали насовсем и даже унесли его вещи, то он, дух, последует за новым владельцем ребенка в его дом и будет там ждать, пока появится, допустим, Арон, то есть я, чтобы вновь стеречь свою жертву и творить черное дело болезни. Ждет день, ждет два. А Арона все нет! Назад дух не летит, так как там остался ребенок (он сам это слышал) по имени Давид. Ему же нужен именно Арон, на него духу выписан ордер и командировка. Посидит, посидит дух на новой квартире и, экономя командировочные средства (их не только на земле, но и в аду всегда не хватает), смоемся ближайшим рейсом нечистой силы в свое подземелье. А Арон без неприятного соседства, хоть временно и именуется Давидом, выздоровеет. Что и требовалось доказать, как говорят математики.

Не знаю, что сыграло главную роль - продажа меня деду, бессонные ночи и самоотверженность родителей или умелое лечение доктора Кни-реля (читатель может решить это сам), но вскоре я начал поправляться и даже получил возможность не лежать постоянно в постели, а понемногу сидеть на стуле на лестничной площадке, наблюдая за жизнью обитателей нашего двора.

НАШ ДОМ НА ЧЕЧЕЛЕВКЕ

На окраине Екатеринослава (потом Днепропетровска) в непосредственной близости к металлургическим заводам располагался жилой район, который в мое время называли Чечелевкой. Не знаю, откуда возникло это название, тогда говорили, что по имени купца Чечелева, построившего здесь первые дома.

Сейчас у нас принято чуть ли не каждый день оглядываться на так называемые цивилизованные страны, поскольку мы, якобы, за что ни возьмись, нецивилизованные, дикие. Так вот, со всей ответственностью заявляю, что Чечелевка по планировке еще в те годы соответствовала цивилизованному Нью-Йорку. Она также состояла из нумеруемых продольных улиц (так сказать, "авеню") и поперечных ("стрит"). "Авеню" носили названия: 1-я Чечелевка, 2-я Чечелевка и так далее до седьмой, а из "стрит" я помню только Сквозную и Керосинную, по которым чаще всего приходилось ходить.

"Небольшое" различие, конечно, было - в Нью-Йорке многоэтажные каменные дома, а на Чечелевке в основном одно-, двух- и максимум трехэтажные. Так сказать, "труба пониже и дым пожиже". Хотя насчет дыма Чечелевка могла дать Нью-Йорку сто очков вперед. В те часы, когда на металлургическом заводе из домен и других печей выпускали металл, весь район покрывался густым облаком дыма с характерным запахом металлической окалины и серы.

Селились на Чечелевке в основном рабочие ближайших заводов, мелкие торговцы и служащие, небогатая интеллигенция, словом, все те, кому не по карману было жилье в более престижных районах города. Из всех Чечелевок главной была Первая. По ней ходил трамвай, здесь располагался, пожалуй, единственный в районе кинотеатр, а также учреждения и конторы. Вторая Чечелевка была улицей, по которой двигался гужевой и редко автомобильный транспорт. Седьмая Чечелевка была самой дальней и пустынной, за ней уже начиналось поле и видна была деревня (кажется, Мандрыковка), из которой ранним утром крестьяне привозили на продажу плоды своего труда.

Пройдемте, читатель, по Сквозной-"стрит" от остановки трамвая на Первой "авеню" до Четвертой Чечелевки и посмотрим, что я мог видеть здесь в начале двадцатых годов, поскольку часто ходил по этому марш-

ругу сначала с родителями, а потом уже и сам.

На участке от Первой до Второй Чечелевки узкая Сквозная медленно поднимается в гору, зажатая с обеих сторон заборами. Смотреть, собственно говоря, нечего. Выходим на пересечение Сквозной со Второй Чечелевкой. Остановимся, оглядимся. Слева - одноэтажный дом. В этом доме (Вторая Чечелевка, 48) жил мой дед Иосиф-Хаим с частью родни. Перейдем улицу. С правой стороны - аптека, в ее окне выставлен большой стеклянный шар, наполненный подкрашенной водой - предмет искреннего любопытства всех девчонок и мальчишек, проходивших здесь. Дело в том, что в шаре было все наоборот: прохожие, телеги, лошади виделись перевернутыми кверху ногами, что было ужасно интересно!

На левом углу под вывеской, на которой изображена кружка с пенистым напитком, написано: "Пиво - распивочно и на вынос". Как вы понимаете, здесь помещается пивная.

Выражение "распивочно и на вынос" с детских лет так сильно застряло в памяти, что превратилось в своеобразный афоризм, масштаб для оценки некоторых явлений, совсем не связанных с пивом, происходящих и сейчас, в наши дни. Вот примеры. На площадке троллейбуса целуются парень с девушкой - "распивочно и на вынос". В фойе института студент и студентка недвусмысленно прижимаются друг к другу - опять "распивочно и на вынос". Непомоное декольте в повседневном платье женщины - тут уж точно "на вынос".

А вот пример другого сорта. Как-то в Тольятти у нас дома обедал мой коллега - молодой московский профессор. Главной темой разговора для него была критика недостатков собственной супруги, здесь не присутствовавшей. "Очень вкусный у вас, Белла Львовна, салат. А моя жена так не умеет". Аналогичный рефрен сопровождал каждое блюдо, которое ему подавала моя супруга. Жена моего коллеги представлялась нам как неумеха, бестолковая и т. д. и т. п. Даже если это был очень своеобразный способ делать комплименты Белле Львовне, даже если жена моего седовласого коллеги, с которой он прожил не один десяток лет, такова, как он ее рисовал, все равно это "распивочно и на вынос".

Словом, под таким термином я понимаю всякую неинтеллигентную демонстрацию интимных сторон жизни "широким кругам общественности", говоря расхожим журналистским штампом.

Впрочем, я, кажется, увлекся, и вам, мой друг и читатель, уже надоело стоять на углу Второй Чечелевки и Сквозной. Пойдем дальше. Пройдем небольшой узкий участок улицы между Второй и Третьей Чечелевками, выйдем к длинному, круто идущему вверх кварталу, расположенному между Третьей и Четвертой "авеню". Нынче, даже будучи трех-

опорным самодвижущимся механизмом (так назвал меня один из друзей, имея в виду наличие клюшки), я, пожалуй, с большим трудом одолел бы этот подъем. А тогда, когда еще не знал, что такое аритмия сердца и как могут не гнуться в коленях ноги, поднимался вверх. Зимой гора между Третьей и Четвертой Чечелевками была излюбленным местом катания многих ребятишек. Сядешь на санки или ляжешь на них животом и мчишься вниз! Помните, как в "Шуточке" А. П. Чехова: "Санки летят как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, рвет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать.

Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу."

Лучше не скажешь! На горку кроме ребятишек приходили чечелевские девушки и юноши. Может быть, для того, чтобы сказать или услышать заветное под свист ветра: "Я люблю Вас, Надя!", как в том рассказе А. П. Чехова.

Ну, так или иначе мы добрались до угла Сквозной улицы и Четвертой Чечелевки. Повернем налево, пройдем шагов двести-триста и остановимся перед двухэтажным домом из красного кирпича. Адрес: Четвертая Чечелевка, дом № 40. Здесь живет наша семья. Войдем в калитку у ворот, спустимся вниз по десятку ступенек и попадем во двор, расположенный между трехэтажным домом, который выходит на улицу, и флигелем. Я не оговорился. Кирпичный дом с улицы имел два этажа, а со двора - три, строители учли рельеф местности.

В доме и флигеле проживали, как я думаю, пятнадцать-шестнадцать семей различных национальностей, различного (впрочем, в среднем скромного) достатка, разных профессий и занятий. Большинство было русских и украинцев, но была одна семья евреев (это мы), одна - поляков (Вашкевичи, наши соседи по этажу), были обрусевшие немцы (фамилии не помню). Несмотря на многонациональность, профессиональные и имущественные различия, население двора в те тяжелые голодные годы жило если не сказать дружно, то по-товарищески. Не помню, чтобы во дворе или на этажах вспыхивали какие-либо крупные перепалки или тем более драки. Наоборот, соседи часто старались помочь друг другу в какой-нибудь беде или в трудных ситуациях. Так, например, когда родители были на работе, няне было необходимо отлучиться по каким-либо делам (скажем, постоять в очереди за хлебом), а я маялся очередным недомоганием, со мной оставалась Геля Вашкевич. Это была белобрысая девочка, лет на пять-шесть старше меня, веселая и толковая, умирявшая меня фразой, составленной из смеси польских и украин-

ских слов: "Езус Мария! Цо то за хлопец такой?"

Если я был здоров, то меня иногда отводили к Федотовым, квартира которых располагалась этажом выше. Федотovy жили вдвоем - муж и жена. Глава семьи в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, опираясь на трость с белым набалдашником, сухопарый, строгий, обычно утром уходил из дому, так как служил в какой-то канцелярии. Его жена тетя Маша после ухода мужа выпускала меня в очень чистую и аккуратную квартиру, заставленную старинной мебелью, с половичками и дорожками, фаянсовыми и гипсовыми фигурками на комодe, фикусом в бочке, стоящим в углу, многочисленными вышитыми и кружевными салфетками на мебели, фотографиями на стенах - всем, что положено было иметь в добропорядочной мещанской квартире. Усадив меня на стул и предупредив, чтобы я ничего не трогал, тетя Маша уходила в другую комнату и возвращалась с толстой-претолстой книгой. Усевшись на низенькую скамеечку рядом со мной, тетя Маша раскрывала книгу и показывала мне картинки, на которых были нарисованы птицы и животные, знакомые и диковинные. Как я понял через несколько лет, когда такую же книгу мне подарил отец, это была хорошо иллюстрированная монография - энциклопедия Брема "Жизнь животных". Мы смотрели картинки медленно, внимательно. Тетя Маша, не один раз, по-видимому, читавшая этот капитальный труд, кое-что объясняла мне, с любовью рассказывала о представителях фауны, изображенных на картинках. Она, даже не имея такой цели, невольно передавала мне свою любовь к творениям природы и красоте всего живого. Как жаль, что книгу Брема не переиздают сейчас! Ее бы надо иметь в каждой семье и показывать детишкам.

Не все, конечно, было гладко и идеально. Помню, когда в годы НЭПа немец, жилец флигеля, отгородил угол у забора и поставил там коптильню для колбасы, население двора немного ворчало, хотя коптильня, в общем, никому не мешала, а дымом, тем более аппетитным, нас было не испугать. Мальчишки с первого этажа (помните тот этаж, где окон на улицу не было), взобравшись на акацию, которая росла во дворе, и поедая пестики ее цветов, при появлении новоявленного колбасника орали:

*Немец, перец, колбаса,
Купил лошадь без хвоста,
Поехал жениться,
А лошадь не годится!!!*

Но дальше этого конфликт не пошел. Были, конечно, и "бои местного значения" в виде перебранок между соседками, особенно после того,

как какой-нибудь пацан в пылу мальчишеских взаимоотношений поставит синяк или порвет другому рубашку. А в общем, как я уже писал, жили мирно. Не так, как в некоторых других, в том числе и соседних дворах.

Размышляя, пытаюсь понять, в чем причина мирного настроения жителей нашего двора? И прихожу к заключению, что немаловажным фактором было влияние семьи сапожника Голодова, или Голода, что занимал квартиру на первом этаже флигеля. Сам Голодов был сравнительно невысокого роста, кряжистый, с крупной головой, седоватый, молчаливый. Его жена - еще не старая, худая женщина, совсем седая, видимо, когда-то была красивой, так как тонкие черты ее лица угадывались сквозь сетку морщин даже теперь.

У Голодовых было три сына: Леня - примерно восемнадцати, Гриша - шестнадцати и Борис - двенадцати-тринадцати лет. Тяжелый рок, скорее всего результат дурной наследственности, преследовал эту семью. Рождались сыновья нормальными, развивались и росли, как все сверстники, но затем лет в четырнадцать-пятнадцать в их походке начинала появляться какая-то неправильность, аритмичность что ли. Примерно через год-полтора после этого ноги парнишки и вовсе отказывались служить, так что он не мог стоять, а только сидеть, да и то на корточках. Как я помню, Леня тогда уже передвигался только сидя, взявшись руками за колени и раскачиваясь словно утка, чтобы сделать очередной шаг, а Гриша еще стоял на ногах, но уже с трудом. Борька был вполне здоров, бегал и лазил по деревьям, как все мальчишки. Что ждало его?

Поймите трагедию родителей! Здоровые во всем остальном парни один за другим на глазах превращались в полных инвалидов. Медицина, по-видимому, была (по крайней мере, в те времена) бессильна что-либо сделать, да и мог ли бедный сапожник в те тяжелые годы привести в действие серьезные медицинские силы? Поймите трагедию парней! Что готовит им жизнь?

Не всякая семья выдержит такие удары. Вполне могли и Голодовы-родители, и старшие парни начать пить, дебоширить, опуститься и потерять человеческий облик. Но эта семья несла свой крест мужественно и достойно. В противовес поговорке "пьет как сапожник" старик Голодов никогда не пил, во всяком случае так, как обычно понимают эти слова. Родители и дети всегда были одеты чисто и аккуратно. Отец, приходя из сапожной мастерской, приносил сыновьям всякие самоучители и журналы, другую литературу.

Особенно помню Леонида Голодова. Красивое, чисто выбритое лицо, руки с подвижными тонкими пальцами. Как правило, в косоворотке и

невысоком картузе. У него был прекрасный слух и музыкальные способности, поэтому Ленья отлично играл на мандолине, гитаре, гармошке. Вообще был талантливый мастер. Впервые в жизни я увидел детекторный радиоприемник у Леонида. Этот приемник он собрал сам. Черненький такой ящик с вращающейся ручкой и кристаллом в оправе. Надо было надеть наушники и концом тонкой проволоочки, закрепленной на коротком рычажке, до тех пор тыкать в кристалл, вращая ручку, пока не услышишь голос или музыку. Тогда мне это казалось чудом, да, впрочем, не только мне.

Старший Голодов смастерил у двери своей квартиры, которая выходила прямо во двор, невысокую скамеечку, на которой Лене было удобно сидеть, и вторую скамейку повыше - для Гриши. Часто вечером Ленья с мандолиной, Гриша с гитарой и бывший Ленин соученик по школе -высокий парень из соседнего двора - с гармошкой собирались вместе, садились на эти скамеечки, дружно и складно играли украинские и русские песни, полечки, вальсы. Играли негромко, но как-то очень проникновенно и задушевно. Иногда выходила из дома Голодова-мать и чистым голосом пела вместе с ними украинские мелодии. Потом появлялся отец и вторил ей. Одно за другим открывались окна в основном доме и флигеле. Люди, уставшие от горестей и забот, под действием музыки как-то светлели душой. Никогда не было никаких аплодисментов или выкриков. Самодеятельный оркестр играл час-полтора (репертуар у них был довольно большой), и, когда совсем темнело, музыканты расходились по домам, а слушатели возвращались к своим обычным делам, но облагоороженные и умиротворенные великим изобретением человечества - музыкой.

Такой была эта трагическая и дружная семья, семья Голодовых. Я думаю, что Голодовы незаметно оказывали влияние на всех жителей нашего двора, заставляя их быть сдержаннее, человечнее, лучше.

Мама, к которой Голодова иногда приходила, чтобы излить свои слезы и облегчить душу, говорила мне как-то, что вся надежда этой несчастной женщины была на то, что Борька не похож на своих братьев: они лицом и статью в нее, а Борис - в мужа. Может, минует его тяжелая доля? Очень хотелось бы мне узнать о судьбе этой семьи, но думаю, что никого из них уже нет в живых, так как самый младший - Борис, если не сгорел в огне Отечественной войны, то будучи старше меня на шесть-семь лет, уже, наверное, покинул наш беспокойный мир.

Вспоминая жителей нашего двора, не могу обойти вниманием рабочего-металлурга Маслова и его малолетнего сына Павлушку. Маслов был очень крупным мужчиной. Его лицо и руки всегда были красными, опа-

ленными жаром печей и жидкого металла, с которыми ежедневно приходилось иметь дело. Работал он чаще всего в вечернюю или ночную смену, когда из печей выпускали металл. Утром, вернувшись со смены, спал до полудня, затем в любое время года выходил без рубахи, направлялся к водопроводной колонке (она находилась в одном из углов двора), окатывался холодной водой, растирался вышитым рушником (полотенцем) и, сияя от удовольствия, легко, несмотря на массивную фигуру, поднимался по уже упоминавшейся мною лестнице со ступенями из рифленого железа на второй этаж, в свою квартиру, соседнюю с нашей.

Через некоторое время, по-видимому, плотно закусив, а может и пропустив рюмашку, выходил покурить на лестничную площадку, выносил из дому табуретку, садился сам и усаживал к себе на колени Павлушку. На фоне отца мальчонка казался хрупкой фарфоровой игрушкой. Дело в том, что Павлушка был худеньким, с тонкими ручками и ножками, тонкой шеей, на которой неясно как держалась сравнительно большая (скорее всего от рахита) голова с синими жилочками на висках и оттопыренными полупрозрачными ушами. Замечательными у Павлушки были глаза. Приходилось ли вам, читатель, видеть зверюшку, которая именуется лемур и проживает где-то в Австралии? Глянешь на фото этого зверька и кажется, что весь он состоит из пары крупных печальных и внимательных глаз. Такими или почти такими были глаза и у трехлетнего Маслова. Казалось, вся скорбь и печаль земная лежит на дне этих темных, немного вытаращенных глазенок. Они врезались в мою память в связи с одним эпизодом.

Как-то осенью Павлушка стоял на площадке нашей лестницы. Я уже писал, что лестница шла не внутри здания, а снаружи, поэтому она и площадка были огорожены решеткой из вертикальных прутьев. Держась одной рукой за прут, Павлушка другой держал кусок спелого арбуза и медленно, стремясь растянуть удовольствие, поедал сочную мякоть. Я, пробегая мимо, нечаянно толкнул малыша, он пошатнулся, арбуз выскользнул из слабой ручонки и, проскочив между прутьями решетки, шмякнулся на землю, в лужицу. И тогда Павлушка не захныкал, не заорал, не тронулся с места, он просто посмотрел мне в глаза. На всю жизнь я запомнил эти скорбные, затягивающиеся пленкой слез выразительные глаза, недоумевающие - за что нанесена обида, почему отнят лакомый кусок. Не забудем, что годы были голодные и даже простой кусок арбуза не каждый день выпадал малышам.

Я помчался к Павлушкиной маме, признался в своей вине. Выдав мне несколько эпитетов, соответствующих моменту, Маслова сказала, что арбуза у нее больше нет. Я помчался к моей няне, попросил дать что-

нибудь для Павлушки, хотя бы кусок сахара. Няня, в общем-то добрый человек, по-своему понимала интересы семьи и в сахаре мне отказала. Уйдя в свою комнату, я долго не мог успокоиться.

С той поры, когда я нечаянно или в-запальчивости наносил или наносил кому-либо обиду, мне всегда мерещатся Павлушкины глаза. От многих необдуманных поступков они меня удержали.

О НАШЕЙ КВАРТИРЕ И НЕМНОГО О ЕЕ ОБИТАТЕЛЯХ

Наша квартира, если смотреть со стороны двора, располагалась на if втором этаже, а если со стороны Четвертой Чечелевки - на первом. Вход был со двора. Пройдя застекленную галерею и кухню, мы попадали в первую из комнат площадью примерно 15 кв. метров. В этой комнате было два окна: одно - на галерею, второе - в соседний двор, вернее, в узкий проход между нашим и соседним домом. Естественного освещения было не так уж много, поэтому над столом в центре комнаты рано зажигали электрическую лампочку под абажуром. Если электричества не было (что случалось довольно часто), то на стол ставили тридцатилинейную керосиновую лампу на высокой подставке. Вы не знаете, что такое тридцатилинейная лампа? А что такое линия? Тоже не знаете? Объясню: линия в старой русской системе мер - это отрезок длиной примерно в 2,5 миллиметра, точнее 1/10 дюйма. Следовательно, тридцатилинейная лампа - светильник, стекло которого в месте, где оно надевается на горелку, имеет диаметр примерно 75 миллиметров.

В комнате стоит топчан, застланный одеялом, ночью на нем спит няня. Здесь же небольшой шкафчик с книгами. На стене у входной двери висит грифельная доска, покрытая линолеумом. На этой доске отец иногда выполняет расчеты или пишет формулы, готовясь к занятиям. На ней же он показывал мне, как пишутся буквы и слова.

Входим в следующую комнату. Она более светлая - два окна выходят на улицу. В комнате большой шкаф-буфет и кровати родителей.

Через вторую комнату можно попасть в третью - узкую, как пенал, с одним окном на улицу. Здесь подалеже от окна стоит моя кровать и ма-

ленький столик, а поближе - запасная кровать для кого-либо из гостей, а чаще всего для мамы, когда я болею.

Ну вот и все. Нельзя сказать, что квартира очень удобная - комнаты проходные, небольшие, водопровода и канализации нет, но по тем временам все же терпимо.

Осенний или зимний вечер. Отец что-то чертит, укрепив лист ватмана на столе, периодически сверяясь с синькой, приколотой к грифельной доске. Во время работы он любит вполголоса напевать. Одна из песен начинается так:

*От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Все студенты толпой собираются.
Они курят и пьют,
Они песни поют
И еще кое-чем занимаются!
Через тумбу, тумбу - раз,
Через тумбу, тумбу - два,
Через тумбу, тумбу - три
Спотыкаются!*

Дальше в песне повествуется о святом Николае, который, преодолев смущение и святость, спускается со своей колокольни к студентам. В связи с этим "на небе был совет и решил комитет, что Никола из святых исключается". Студенты же радушно приняли экс-святого в свои ряды, и теперь он с ними пьет, поет и спотыкается. Веселая такая песенка. Столько раз я слышал ее в детстве, а потом и в студенческие годы, что врезалась она в память и поныне пользуется успехом, когда в дружеской компании я осмеливаюсь ее спеть.

Напевал отец и романсы, в том числе:

*Кари глазки, где вы скрылись,
Что вас больше не видать?
Куда вы скрылись, удалились ?
Меня заставили страдать.*

С этой песней у отца и мамы было, по-видимому, связано какое-то очень личное воспоминание. Каждый раз, когда звучали "Кари глазки", родители обменивались взглядом, а мама таинственно улыбалась.

Все были заняты чем-либо в описываемый выше вечер. Отец чертил, мама шила, няня возилась на кухне. Только мне, пяти-шестилетнему мальчишке, делать было нечего и я слонялся от папы к маме, от мамы к

няне и ныл: "Ску-учно, скуучно!" Мама с усмешкой обещала нанять мне оркестр, няня говорила: "Одчепись!" (отстань). Только отец пытался как-то занять меня. Помню, однажды он дал мне четвертушку бумаги и толстый карандаш, один конец которого позволял писать синим цветом, а другой - красным (теперь таких карандашей, кажется, не выпускают, их вытеснили шариковые ручки) и порекомендовал нарисовать что-нибудь. И я нарисовал песню! На всей поверхности листка изобразил много голов, которые рисовались по методу "точка, точка, запятая, вышла рожица такая". На каждой из голов была форменная фуражка, отдаленно напоминавшая те, которые тогда носили студенты. Рисунок завершали несколько непонятных предметов, похожих на крупные ландыши с толстыми синими ножками и круглыми цветками красного цвета. Эти предметы должны были изображать горящие фонари, тогда как головы в фуражках - студентов, которые "толпой собираются". Словом, картина соответствовала песне, которую я цитировал выше.

Рисунок насмешил маму, был с интересом воспринят отцом. Как всегда в искусстве, не дремала и критика. На сей раз она предстала в лице няни. Няня усмотрела в моем художественном произведении, как сказали бы профессиональные критики, отступление от принципов реализма (головы есть, а рук, ног, тел нет), а также нечеткость идейных позиций ("Це шо - у цэркви? Так чому усе в шапках? А иде батюшка?") И, наконец, вынесла резолюцию: "Стребив папер. Лучче нарисував бы цвяток".

Няня, белорусска по национальности, жила среди русских, украинцев, евреев. Поэтому постепенно ее язык стал особой, только ей свойственной смесью слов, иногда неожиданных, которые она сама изобретала. Так, например, уронив и разбив очередную тарелку, няня посылала ей вдогонку: "Холюрия зол ди хап", что означало "холера бы тебя взяла", так как на идиш "зол дих хапн" означает "чтоб тебя схватил", а слово "холюрия" она выдумала сама. Слова "стребив папер" означали "испортил, истребил бумагу".

Мне было немного обидно, что няня с позиций реализма не восприняла мое фундаментальное полотно. Но прожив много лет, я замечая, что иногда и сам испытываю по отношению к некоторым объектам искусства те же чувства, которые тогда испытывала моя няня. Они, эти чувства, по-моему, заложены в человеке природой и состоят в стремлении к правде, красоте, понятности. Няня, человек неграмотный, руководствовалась ими чисто интуитивно.

Многие восторгаются знаменитым "Черным квадратом" Малевича. А я его не понимаю, не воспринимаю, мне хочется сказать: "Стребив папер". За колоссальные деньги продают картины Марка Шагала, в част-

ности ту, где парень с девушкой, изображенные почти что в стиле "точка, точка, запятая", летят по небу над игрушечными домами. И это мне непонятно, не трогает. Может, потому что я, подобно няне, в какой-то мере безграмотен по отношению к искусству. Но с другой стороны, произведение искусства не должно от каждого зрителя требовать специальных знаний. Это ведь не чертеж машины и не топографическая карта, которые без соответствующей подготовки не разберешь.

Или еще пример, как говорят, из другой оперы. Не могу принять одежду и манеру исполнения некоторых современных ансамблей, которых расплодилось великое множество, и названия они носят экстраординарные и курьезные: "Крематорий", "Адский аборт" и аналогичные им. Выходят на сцену здоровые парни, нечесаные, даже, кажется, давно немывтые. Один - в шляпе и трусах, другой - в майке и мятых-пермятых джинсах, третий - в пальто, надетом, извините, на голое пузо. Поют, вихляясь до неприличия, дикими голосами, например, о том, как плохо без любви, ушла любимая, а достаточно ей отдать певцу одну ночь и она поймет, что "он то, что надо". Боже мой, какой ужас! Какое оскорбление искусства, человеческих чувств и взаимоотношений! Мне говорят, что дело в современности стиля и примитивности фабулы песни по простенькой схеме: "она его любит, а он ее нет; он уезжает, потом возвращается, осознает, что он ее любит, но она уже ушла к другому", однако Пушкин написал "Евгения Онегина", а Чайковский - гениальную оперу. Сходная простенькая схема у грибоедовского "Горя от ума", у многих прекрасных народных песен и романсов.

Дело не в фабуле, а в уровне культуры, интеллигентности чувств исполнителей, таланте авторов независимо от того, касается это известных всему миру произведений или задушевных народных песен. Что же до современного стиля, который якобы выражает протест молодежи по отношению "к устоявшимся традициям", то - может быть, может быть. Но мне позвольте остаться при своем мнении.

Теперь переключим машину времени на обратный ход и вернемся к началу двадцатых годов в нашу квартиру на Чечелевке. Возникает вопрос - как очутилась здесь в эти годы Бейля Гехт из Толочина, Наум Резников из местечка Сухари, Арон Резников - уроженец Минска и Христина Сплошная - белорусская крестьянка из села Галынки?

История такова. Двоюродные брат и сестра Наум и Бейля (Берта, как ее называли в более поздние времена) встретились впервые, как я думаю, в 1910-11 годах. Встречи в Толочине продолжались и в дальнейшем, хотя семья Наума в годы, предшествовавшие первой мировой войне, выехала в Екатеринослав, а сам он, теснимый процентной нормой

для поступления евреев в высшие учебные заведения, уехал учиться в Варшаву. Хотя Польша в те времена и принадлежала России, "процентная норма" там была, по-видимому, не такой жесткой, как в других местах, а может быть, ее и вовсе не существовало.

Результатом встреч и переписки явился, как сказано в каллиграфически исполненном свидетельстве, законный брак между студентом механического отделения Варшавского Императора Николая II политехнического института Н. Резниковым, 24 лет, и девицей Б. Гехт, 23 лет, состоявшийся 24 августа (по старому стилю) 1914 года в г. Екатерино-славе. Вскоре после свадьбы молодые разъехались - молодая супруга в Толочин к своим сестрам и брату, а супруг в Варшаву продолжать учебу.

Естественным следствием этого брака было событие, отраженное в лежащей передо мной ветхой справке Харьковского областного суда, который, ссылаясь на перевод с еврейского, определил (сохраняю орфографию оригинала): "З метрично1 випиБ1 , що було видано равшом, в той час, коли загса не було, а головним з'являвся равш, свщчить про те, що громадянин Резшков Арон Наумович народився 1915 року тысяча девятьсот пятнадцатого року, 18 Травня в м. Мшск". Справка датирована 29 марта 1933 года. Видимо, к этому времени впервые понадобился официальный документ о том, что я родился в городе Минске 31 мая 1915 года по новому стилю. Возможно, это требовалось при оформлении паспорта.

Семейное предание гласит, что я родился уродливым. Мама рассказывала, что когда меня принесли ей первый раз и она увидела рыжее, до ужаса курносое, непрерывно чихающее существо, то от обиды на судьбу расплакалась. Но присутствовавший при этом палатный врач якобы сказал: "Не расстраивайся, милая. Я их много перевидал, все такие. Уверю тебя, он будет красивым!"

Не мне судить, насколько оправдался прогноз старого врача. Думаю, что он просто хотел успокоить молодую мать, тем более что никакой ответственности за мою наружность он не нес. Через несколько дней маму выписали из родильного дома, и молодые супруги (теперь уже родители) с ненаглядным, в перспективе красивым потомством уехали в Толочин.

В те времена появилась в нашем доме не очень молодая незамужняя крестьянка Христина. Не знаю, почему у нее не сложилась в девичестве собственная семья, почему она никогда не рассказывала о своей родне и односельчанах. Ее семьей стала наша, в которой она прожила почти полвека до самой своей кончины в 1962 году в возрасте 85 лет. Всю свою неистраченную материнскую любовь Христина отдала формально чужим

для нее детям - мне, брату Боре, моим детям Инне и Лева. Постепенно она стала неотъемлемым членом нашей семьи, родным человеком, переносившим с семьей все радости и невзгоды.

В нашем семейном архиве почти нет фотографий Христины - она не любила фотографироваться. Поэтому, нарушая хронологию изложения, попробую восстановить ее образ так, как он сохраняется в моей памяти. Невысокого роста, худощавая, не располневшая даже к старости. Никогда не носила туфель даже на невысоких каблуках, не носила лифа, всегда одевалась в неяркие широкие кофты или платья, на голове платок или косынка, повязанные по-деревенски. Стриглась коротко в мужских парикмахерских, ее темные волосы мало седели. Никогда не носила очков. Ее руки с узловатыми пальцами, всегда покрытые мелкими трещинами и порезами, с загрубевшей кожей, казалось бы, мало приспособленные для ласки, могли, однако, нежно ухаживать за очередным малышом, появившимся в нашей семье, успокоить и приласкать его. Не помню ни одного случая, чтобы няня в сердцах шлепнула меня, Бору или других детей, чтобы насильно принудила что-либо сделать.

Я уже писал, что Христина была неграмотной. Сначала я, а потом уже и Боря делали попытки обучить ее грамоте, но безуспешно. То ли возраст няни был таким, что грамота уже не давалась, то ли учителя были малоопытные, но дальше узнавания некоторых букв дело не пошло. Эти буквы Христина определяла по аналогии с некоторыми предметами - бублик (О), топор (Г), ворота (П), грабли (Ш) и так далее. Но слоги ей не давались никак. Между тем, цифры она знала неплохо, хорошо считала деньги - как мелочь, так и бумажные, всегда правильно отчитывалась за покупки в магазинах.

Каждая душа жаждет творчества. У няни было увлечение - искусственные цветы. Не знаю, где она доставала или приобретала обрывки разноцветной бумаги, кусочки проволоки, разноцветные нитки. Вооружившись ножницами, иглой и гладко оструганными щепочками, Христина делала довольно красивые бумажные цветы. Особенно ей удавались полевые - васильки, ромашки, маки. Неплохо получались и розы, лепестки которых она мастерила, накручивая бумагу на щепочки.

Любила смотреть кино, хотя в кинотеатры ходила нечасто. Не всегда запоминала названия фильмов, по-своему понимала их содержание. Однажды, вернувшись из кино, на вопрос, какой был фильм, ответила: "Нейкая рукавичка, бьют один одного". Оказалось, что фильм назывался "Первая перчатка" и был он о талантливом боксере, интригах в спортивном мире, любви и верности.

Обладала своеобразным юмором. Например, заглянув в холодильник,

спрашивала: "Барышня (так она называла маму многие годы), решню сделать Навуму Иосиповичу на одно яйцо, чи на два?" и, услышав в ответ: "Ну, сделайте на два", сообщала: "А тут усяго однэ яйцо, больше нэма".

Взаимоотношения с мамой у нее были сложные. Обе, безусловно, любили друг друга, но часто ссорились. Причины ссор были, как правило, мелкие, бытовые, чаще всего связанные со своенравием няни, которая, полагая, что она старше "барышни" и сама все знает, делала кое-что не так, как просила мама, пропуская ее просьбы мимо ушей. И если при этом что-либо портилось, подгорало или разбивалось - запальник для ссоры был готов!

Умерла наша любимая няня от внезапного инсульта, приключившегося с ней ночью. Лишившаяся речи, полностью парализованная, она прожила еще примерно две недели. Эти недели мама не отходила от Христины, ухаживала за ней, пыталась кормить, не гнушаясь, выполняла самые грязные процедуры по уходу за неподвижным телом. С глазами, полными слез, гладила нянины трудовые руки, по движению и выражению глаз больной пыталась угадать ответ на свои вопросы, так как Христина кое-что слышала и, по-видимому, понимала.

Завершая воспоминания о няне, хочу еще раз обратиться к моим детям, внукам, правнукам и последующим их поколениям. Берегите друг друга, не обижайте неосторожным словом или делом, щадите старших, особенно старых! Незаслуженные обиды и неосторожные слова, не замеченные вами в молодые годы, как изображение на проявляющейся фотографии, выплывут из памяти в дни вашей старости и будут тревожить. Вернуть прошлое, что-либо исправить в нем нельзя так же, как нельзя вернуть назад, в небытие проявившееся на фотобумаге изображение. Я пишу об этом потому, что ощущаю свою вину перед покойной няней. Однажды для того, чтобы прервать бурную ссору между мамой и Христиной, я, будучи уже взрослым мужчиной, подхватил на руки легкую, старенькую няню и отнес ее в другую комнату. В запальчивости, по-видимому, сжал ее слишком сильно и сделал старушке довольно больно. Няня ничего мне не сказала, только посмотрела "павлушкиным" взглядом, о котором я уже рассказывал. Этот эпизод вспомнился через годы, пришел, кажется, в какую-то бессонную ночь. Рад бы я теперь на коленях отомлить у няни прощение, но нет уже ее, и тяжесть проступка лежит на моей душе, тревожит память.

Отвлекись воспоминаниями о Христине, я не ответил на вопрос - как очутились мы все в Екатеринославе в годы моего детства? Очень просто: папа закончил институт, забрал меня, маму и няню и увез на Украи-

ну, где уже жила его родня. Так для меня, еврейского мальчика, родившегося в Белоруссии, с трехлетнего возраста на многие годы стала родной украинская земля, как впоследствии земля Казахстана и вот уже многие годы Россия.

ЧЕТЫРЕ ВРАЧА И ЮРИСТ-МЕТАЛЛОВЕД ИЗ ОДНОЙ СЕМЬИ

Я уже писал, что первые годы своей жизни провел вместе с мамой в местечке Толочин. Отец до 1916 года учился в Варшавском политехническом институте, а затем перевелся в Харьковский технологический, который закончил в декабре 1917 года. В январе 1918 года молодая семья переехала в Екатеринослав, где отец начал работать заведующим техническим отделом завода "Сатурн". Одновременно он преподавал в еврейском технологическом техникуме (был тогда такой в Екате-ринославе).

Мама сняла на Второй Чечелевке две небольшие комнаты, в которых открыла зубоучебный кабинет. Она смогла уехать из Толочина, так как ее младшие сестры и брат уже повзрослели, разлетелись из родного гнезда учиться, пробивать себе дорогу в жизни. Чтобы в дальнейшем не возвращаться к этой ветви нашего рода, расскажу о ней сейчас. Из семьи Гехтов (считая маму) вышли четыре врача и один специалист по поставке металлов. Старшая из маминых сестер Геня (Евгения), получив медицинское образование, вышла замуж за своего земляка Исаака Гильмана, жила в Орше, а затем в Витебске. Во время Отечественной войны Исаак Гильман был мобилизован и назначен начмедом фронтового госпиталя медицинской реабилитации раненых фронтовиков. Госпиталь потом был переведен в Сарепул (Удмуртская автономная республика). Здесь же работала врачом и Геня. После войны супруги Гильман с дочерьми Балей (Изабеллой) и Тamarой переехали в Ленинград, где прожили до конца своих дней, пользуясь высоким доверием больных как опытные и сердечные врачи.

Баля Гильман, моя двоюродная сестра, после окончания медицин-

ского института вышла замуж за своего однофамильца Григория Иосифовича Гильмана (так что после свадьбы и паспорт не пришлось менять). Григорий (Гриня), будучи еще школьником, жил в блокадном Ленинграде. После войны закончил институт. Энергичный и общительный человек, он долгие годы работал на крупном предприятии оборонной промышленности в разных должностях (вплоть до главного метролога объединения). Выйдя на пенсию, ныне работает в одном из ленинградских (теперь петербургских) академических учреждений. Баля вплоть до ухода на пенсию заведовала рентгенологическим отделением одной из ленинградских клиник, работает врачом и сейчас. К сожалению, на ее здоровье время от времени сказываются последствия облучения, полученного в рентгенкабинете.

Младшая сестра Бали Тамара Баршай - инженер, высококвалифицированный программист, специалист по вычислительной технике, работает в Санкт-Петербурге (скажу в скобках, что я с трудом усваиваю новое наименование Ленинграда).

Судьба второй маминой сестры - Аси довольно трагична, она несет на себе отпечаток беззаконий, творившихся многие годы в нашей стране. Высококвалифицированный врач, Анна Ароновна в конце сороковых годов заведовала физиотерапевтическим отделением больницы имени Боткина в Москве. В эти годы Сталин и его приспешники развернули очередную волну репрессий. Это была кампания, замешанная на антисемитизме и проводившаяся под лозунгом борьбы с космополитизмом. Недавно я прочитал о том, как в 1948 году был зверски убит известный актер, председатель еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс, всемирный авторитет которого общеизвестен. Он мог мобилизовать мировое общественное мнение против грязной и преступной кампании, которая готовилась Сталиным. Поэтому его и убили. Во время пребывания в Минске Михоэлса пригласил к себе на дачу один из его почитателей - крупный чин КГБ. На этой даче Михоэлса убили, а чтобы инсценировать дорожное происшествие, мертвого переехали грузовиком и отвезли на один из пустынных перекрестков города. В начале пятидесятых годов было обнародовано так называемое "дело врачей-вредителей", во главе которого якобы стоял академик Вовси, брат Михоэлса.

В этот мрачный период моей тете Асе сравнительно "повезло". Ее не арестовали, не уничтожили, просто без всяких объяснений сняли с должности заведующей и уволили из Боткинской больницы. Асин муж, Виктор Викторов, человек пустой, сменивший ряд занятий и ни в одном не достигший заметных успехов, вскоре ушел от нее к другой женщине,

с которой давно уже "дружил". Сын Борис, в те времена студент, остался с матерью. Но воспитанный в духе семейного поклонения "нашему талантливому ребенку" вырос себялюбцем и эгоистом, третировал мать, не считался с нею. Ася после ухода на пенсию прожила не очень долго. Она похоронена в поселке Ильинское Московской области вблизи запущенной дачи, на которой жила последние годы своей жизни.

Младшую из сестер Гехт в нашей семье называли Бибой. В детстве она так выговаривала свое имя Рива, вот и осталась Бибой. Закончив Ленинградский мединститут, она вышла замуж за своего земляка-толо-чинца Еремея Соломоновича Рудина (в семье мы его звали Ирмой). Ирма многие годы работал в Ленинграде на Пролетарском заводе. Здесь же работал и все долгие дни ленинградской блокады. После войны был главным бухгалтером объединения "Пролетарский завод". От звонка до звонка пережила блокаду Ленинграда и Биба, врач-ординатор, а затем заведующая терапевтическим отделением железнодорожной больницы.

Не буду писать о трудностях, которые пережили Рива и Ирма в блокадном Ленинграде. Приведу лишь один пример. Как рассказывала мне Биба, сыромятный ремень, разрезанный на мелкие куски и сваренный со щепоткой соли в студень, был иногда главным и единственным блюдом на обеденном столе.

Как они пережили блокаду? Как все - с верой в Родину, с верой в победу. Ирма, человек физически крепкий, часто сутками не уходил с завода, обеспечивая планово-финансовую деятельность предприятия. Завод в ту пору выпускал военную продукцию (в том числе, кажется, снаряды) и ремонтировал железнодорожный подвижной состав, прибывавший с фронта. Биба, по-моему, держалась прежде всего тем, что боролась за жизнь своих больных и пациентов, а еще тем, что надеялась увидеть семилетнего сына Аркашу. Аркашу незадолго до войны отправили в Ташкент в гости к родственникам, там он и застрял. Из Ташкента в 1943 году мальчика переправили моим родителям в Алма-Ату, откуда Биба его увезла в Ленинград после того, как тиски гитлеровской блокады были разрушены нашими войсками.

Последние годы жизни Бибы нельзя назвать счастливыми. Ирма вскоре после выхода на пенсию умер. Я думаю, что причин его раннего перехода в мир иной было, по крайней мере, три. Первая - резкий сброс трудовой нагрузки, губительный для человека, всю жизнь работавшего по 10-12 часов в сутки. Вторая - хроническая болезнь желудка, обострившаяся в послеблокадный период времени. И, наконец, третья - сердечная боль, которую повседневно причинял ему сын. Аркадий, неуправляемый, ленивый, бросил школу, водился с такими же бездельниками, ка-

ким был сам. Помимо природных черт характера, его поведение было, наверное, следствием недостатков воспитания в семье и передряг, выпавших на долю парнишки в военное время.

После смерти Ирмы Биба решила объединиться с семьей Аркадия (к тому времени он был женат и имел двух дочерей), обменяла его и свою квартиры на одну, более просторную. Но, как это часто бывает, не заладились отношения с невесткой, а это до крайности обострило отношения с сыном. Огорченная и обиженная, она тихо угасла на восьмом десятке лет.

Ну, и наконец о моем дяде Хоне (в официальных документах он именовался Ананием Аркадьевичем Гехт). Получил какое-то юридическое образование (не убежден, что высшее), работал в различных организациях и конторах Самары, Ростова и других городов, специализируясь на арбитражных делах, связанных с нарушением договорных сроков поставки металла. Будучи способным человеком, изучил не только юридическую сторону дела, но и другие аспекты - стандарты, сортамент, химсоставы, свойства, взаимозаменяемость различных металлов и материалов, содействовал своевременному обеспечению представляемых им предприятий (в том числе авиационных) исходным сырьем. Видимо, поэтому незадолго до начала войны получил предложение от Министерства авиационной промышленности СССР создать в Ташкенте опорный пункт, предназначенный для своевременного обеспечения металлом крупного узла авиационных предприятий, который тогда организовывался в Узбекистане. Приняв это предложение, Хоня перенес свою контору из Ростова в Ташкент и переехал туда с женой и сыном. Методы его работы для тех лет были необычными. Будучи в гостях у Хони еще в Ростове, я имел возможность наблюдать их. Теперь бы мы назвали эти методы брокерскими.

Вся контора состояла из одного человека - его самого. Главными орудиями производства были телефон и пишущая машинка. "Контора" размещалась у Хони дома, телефон звонил непрерывно днем и ночью, часто приходили и уходили разные люди, иногда дома проводились небольшие совещания. Так же была организована работа опорного пункта МАП СССР и в Ташкенте в предвоенное, военное и послевоенное время.

В начале двадцатых годов Хоня женился на красивой, черноглазой и статной девушке - Софье Волк. Впервые я увидел свою новую тетку в 1923 году во время первого семейного съезда в Самаре. Периодические съезды были прекрасной традицией Гехтов. В заранее оговоренные дни все члены семьи, где бы они ни находились, съезжались в один город. Я помню два таких съезда - в 1923 году в Самаре у Хони и в 1935 году в

Харькове у моих родителей. В 1923 году все сестры Гехт были уже замужем, а Хоня женат. Следующее поколение представлял только я, у других членов семьи детей пока не было.

Не помню, где находилась дядина квартира в Самаре, как она выглядела и как выглядел сам город. Только два воспоминания, связанных между собой, остались с тех времен. Первое - алое солнце, лучи которого сквозь дымку освещают город, скованный сорокаградусным морозом. На Украине, где мы жили в ту пору, таких морозов никогда не было. И второе - это "голландка", о которую так приятно было греть озябшие на морозе руки.

Знаете вы, что такое "голландка"? Скорее всего, не знаете. "Голландка" - это печь, встроенная во внутреннюю стену квартиры. Она выходила, как правило, в смежные комнаты: в одну - топкой и поддувалом, в другую - кафельной поверхностью, излучающей тепло. Топили "голландку" дровами (лучше всего березовыми), иногда еще и углем (только малосернистым, антрацитом). После того, как дрова и уголь прогорали, закрывали задвижку на дымоходе - вьюшку) и печь долго хранила тепло.

Положишь, бывало, озябшие руки на кафельную поверхность "голландки" или прислонишься к ней спиной и почувствуешь, как в тебя медленно входит, вливается ласковый, живительный поток теплоты. Ноздри твои улавливают легкий, едва ощутимый запах горящих дров, который пробивается через поры и трещинки в кафеле печи и распространяется вместе с теплом. Становится так уютно, спокойно и приятно.

Конечно, возни с "голландкой" было много - топить, периодически чистить дымоходы, запастись дрова и уголь. Не то, что с нынешними батареями парового отопления. Но и ощущение, которое она дарила людям, несравнимо с ощущением, которое дают наши нынешние отопительные системы, поставщики застандартизованного сухого тепла.

В связи с этим вспоминаю слова Тура Хейердала, написанные им в книге "Фату-Хива":

"Человек изобрел магическое слово, выпустил его изо рта и позволил ему водить себя за нос. Слово это - прогресс. Оно было призвано обозначать движение вперед от плохого к хорошему, от хорошего к лучшему. Но не от хорошего к плохому. Однако мы на этом не остановились. С великой самоуверенностью внушили себе, что не способны изменить что-либо к худшему. И, не долго думая, стали обозначать этим словом каждый шаг, отдаляющий человека от природы" (цитирую по изд. "Мысль", М., 1978).

Человек издавна любил смотреть на огонь костра, чувствовать его

теплоту и запах, смотреть на воду в ручье или речке. Теперь мы загнали теплоту и воду в железные трубы и некоторые из нас годами не видят живого огня и свободно текущей воды - этих великих даров природы, созерцание которых облагораживает душу! Изредка, разве у кого-либо на даче, можно посидеть у камина или костра, глядя на пляшущие языки пламени, ощущая его бесконечность и красоту. Стремясь утолить тоску по огню, люди зажигают свечи, как это стало теперь модно в барах, ресторанах или дома. Но это все не то!

Не примите написанное выше за ностальгию по печному отоплению и ведрям, которые приходилось раньше носить, набирая воду в дворовой или уличной раздаточной колонке. Совсем нет! Но я думаю, что когда-нибудь в будущем люди найдут рациональные способы, совмещающие требования брэнного тела в тепле и питье с требованиями души в созерцании огня и текущей воды.

Голландская печь в квартире Хони запомнилась мне и вот по какому поводу. Кто-то из участников семейного съезда придумал обводить карандашом на белой кафельной поверхности контур тени человека, стоящего у печи. Так на "голландке" появились профили всех участников съезда, а также контур моей пятерни как самого младшего члена семьи.

Через несколько месяцев после того, как семейный съезд разъехался по своим домам, у Хони родился сын. Назвали его, как и меня, Ароном в память о покойном деде Ароне-Евеле Гехте. У евреев, как у многих народов, принято называть новорожденных детей именами родственников, однако, только не ныне здравствующих. Поэтому, в отличие, например, от Ивана Ивановича или Степана Степановича, что часто встречается у русских, у евреев очень редко можно было встретить Бориса Борисовича, Григория Григорьевича или Мойсея Моисеевича. Такое имя могло означать только одно - отец ребенка скончался незадолго до его рождения.

Мой тезка рос красивым, статным и толковым ребенком. Помню, в 12-13 лет, когда Арон с родителями приехал в Харьков на очередной семейный съезд, он удивлял широкими познаниями в географии, истории, литературе, умением быстро решать задачи по алгебре и геометрии. Надо сказать, знания Арона по географии и истории были особо удивительными для меня. География и история всегда были трудными дисциплинами во время моей учебы. Дело в том, что мне и по сию пору трудно запоминать то, что нельзя объяснить логически. Например, почему какой-нибудь Яблоновый хребет находится на карте здесь, а не в другом месте. Или почему Наполеон Бонапарт родился в 1769 году, а не позже

или раньше. Замечу, что по этой же причине в данных записках я не вполне ручаюсь за точность дат.

Мой отец в этом отношении был более способным, чем я. Проиллюстрирую это интересным фактом, тем более, что он относится к одному из четырех врачей, вышедших из коренной семьи Гехтов. Я уже писал, что мама закончила зубоврачебную школу. Потом она закончила стоматологический институт и долгое время практиковала как зубной врач. Но поставила перед собой цель стать полноправным врачом-терапевтом и, как только позволили обстоятельства, поступила в медицинский вуз. Это было в 1937 году, т. е. когда маме исполнилось 47 лет. Надо же отважиться на такое! По правилам приема возраст не позволял ей поступать на дневное отделение, но она стремилась именно туда, понимая, что качество подготовки здесь выше, чем на вечернем. Мама писала в разные инстанции и, наконец, получила разрешение Наркомата здравоохранения Украины на поступление в Харьковский медицинский институт. Приняли ее на VI семестр (третий курс), зачтя дисциплины младших семестров по аттестату стоматологического института.

Никогда не представлял себе, как ужасны некоторые медицинские науки! Например, анатомия. Оказывается, не только каждая самая примитивная косточка в человеческом организме имеет свое название, но и каждый самый маленький выступ на ней или едва заметная впадинка -тоже. А костей у человека Бог создал много. И все их названия надо запомнить, равно как названия всех впадинок и шишечек! Да еще на латыни! Ужас! А взять фармакологию? Здесь такая сплошная органическая и неорганическая химии, все элементы и их, как тогда говорили, валентности (кажется, теперь уже другой термин) тоже надо запомнить! Двойной ужас, если иметь в виду, что студентке почти полсотни лет.

И вот тут на сцену вышел отец, тогда уже профессор, но не по медицине, а по металлообработке. Много часов по выходным дням, вечерами, а иногда и за полночь сидели мама и папа над изучением необходимых ей дисциплин. Отец со всей дотошностью вникал в кости или в химические реакции и, пользуясь своей прекрасной памятью и умением схватывать суть дела, служил для мамы своеобразным тренером. Скажите, разве это не прекрасный пример дружбы и взаимовыручки между супругами? Часто ли мы встречаем такое?

Мама закончила лечебный факультет мединститута за два года, при чем из двадцати экзаменов, которые ей пришлось сдавать, восемнадцать сдала на отлично (об этом свидетельствует "Академична картка № 193" студентки Гехт-Резниковой Б. А.", хранящаяся в моем архиве).

Но вернемся к Арону Гехту. Казалось бы, со свойственными ему на

клонностями он должен был стать гуманитарием или математиком. Но судьба распорядилась иначе. Грянула война, и Арон решил, что его долг - лечить и возвращать в строй солдат. Поэтому сразу после окончания средней школы он подал заявление в военно-медицинское училище (или, может быть, военный факультет медицинского института, точно не знаю), закончил его и был выпущен в армию военным врачом. Служил в различных частях и соединениях.

На левом берегу Волги, если плыть в сторону Астрахани, есть простенький дебаркадер "Капустин Яр", теплоход стоит там пять-десять минут. До последнего времени мало кто знал, что в приволжских степях недалеко от этого малозаметного дебаркадера располагался особой секретности полигон, на котором выполняли какие-то манипуляции с ядерными боеголовками или радиоактивными устройствами. В течение ряда лет начальником медсанслужбы полигона и исследовательской части при ней был полковник А. Гехт. В положенное время он вышел в отставку и уехал с семьей в Ташкент. Но пребывание в Капустинском Яру не прошло для него даром. Вскоре случился инсульт с частичной потерей речи и подвижности, начались необратимые процессы разрушения печени и других внутренних органов, видимо, как следствие лучевой болезни. Отдав всю свою сознательную жизнь служению медицине и людям, Арон Гехт скончался, не дожив до шестидесяти лет.

Мне пришлось впервые быть в Ташкенте в октябре 1979 года, когда местный политехнический институт пригласил прочитать курс лекций преподавателям и студентам. Я нашел небольшой одноэтажный дом, расположенный в глубине двора, по улице Первого Мая, 48. Хоня, которому уже было почти восемьдесят, был, однако, энергичным, подвижным. Софья Михайловна, его жена, давно умерла, и хозяйство вела старушка Галя, бывшая няня Арона. Впрочем, Хоня и сам мог сделать по-хозяйству что угодно - у него были, что называется, золотые руки. Диапазон его умений можно иллюстрировать двумя фактами. Первый - Хоня сделал своему внуку Мише прекрасный футляр для скрипки, лучше, чем фабричный. Второй - угощал меня лично им зафаршированной рыбой, причем, можете поверить, это было вкусно.

Второй раз я был в Ташкенте осенью в 1982 году на выездном заседании Научно-методического совета Минвуза СССР, членом которого являлся. К этому времени уже умер его сын Арон, скончалась и Галя. Хоня, хотя и сильно сдал, но все же обслуживал себя сам, интересовался политикой, смотрел телепередачи. На квартиру к себе он бесплатно поселил двух студентов-узбеков, приехавших из дальнего района республи-

ки. Ребята жили с ним дружно, помогали убирать квартиру, выполняли отдельные мелкие поручения.

В третий раз я попал в Ташкент осенью 1984 года. Мы с Левой прибыли в качестве докладчиков на VI Всесоюзную конференцию "Теплофизика технологических процессов". Со мной приехала и Беллочка. В первый же свободный день мы пошли на Первомайскую, 48. Долго стучали в закрытую калитку, собрались уходить. В это время на соседнем участке появился мужчина, который спросил, кого мы ищем. Мы ответили. "Так его неделю назад похоронили", - сказал сосед.

К сожалению, невестка Хони (жена его покойного сына) не сообщила ни мне, ни брату моему Борису в Алма-Ату о смерти дяди, и мы не смогли отдать долг любви, почтения, уважения и памяти этому последнему представителю основной ветви рода Гехтов.

ДЕД РЕЗНИКОВ И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ

Теперь вновь возвратимся в Екатеринослав начала двадцатых годов нашего столетия. Одноэтажный дом на Второй Чечелевке, 48. Квартиру из двух маленьких комнат и двух комнат побольше занимал мой дед Иосиф-Хаим с бабушкой Саррой Гдальевной, а также семья их младшей дочери Хаси.

Не знаю род занятий деда, думаю, он служил в какой-то фирме или конторе. Достаток имел, по-видимому, небольшой - иначе зачем было его сыну Науму в студенческие годы мотаться по урокам, чтоб заработать немного денег? Деда помню хорошо, ведь был я уже довольно большим мальчишкой. Роста он был выше среднего, широкоплечий, с окладистой рыжеватой бородой, с острым взглядом карих глаз. Интересно, как передаются гены через два поколения - мой сын Лева очень похож на своего прадеда. Воспринял он от прадеда и такую (я бы не сказал положительную) черту характера как вспыльчивость. Ею, правда, страдал и мой отец, отчасти страдаю и я (хотя жизнь научила сдерживать себя).

Порядок в доме деда поддерживался строгий. Ни в коем случае не допускалось какое-либо неуважение к старшим, зряшная болтовня или

ругань. Когда в доме деда собирались все родственники (что бывало довольно часто), в одной из комнат раздвигался старинный стол и все рассаживались в определенном порядке: во главе стола - дед, справа от него - бабушка Сарра, слева - старший сын Наум и дальше - по порядку. Женщины вносили очередное блюдо, приготовленное по правилам еврейской кухни.

Дети (я имею в виду себя и двоюродных сестер) за столом должны были вести себя чинно и спокойно. Не дай Бог сказать о каком-либо блюде, что оно тебе не по вкусу - дед немедленно бросит на тебя грозный взгляд и выгонит из-за стола. Потом, после трапезы, поостыв, он подзовет к себе виновника и скажет: "Как же так, бабушка старалась, готовила, а ты ее так обидел, грубо отказался. Не хочешь - не ешь, но обижать женщин не смей!" Надо сказать, что эта хорошая традиция (разумеется, без того, чтобы выгонять кого-либо из-за стола) сохранялась в семье моих родителей, а ныне сохраняется и в нашей семье. Впрочем, наши женщины так вкусно готовят, настолько хорошо знают вкусы всех родичей, что традиция, о которой я пишу, только подразумевается, никому не приходится применять ее на практике.

Бабушка Сарра осталась в памяти как нечто теплое, ласковое и круглое. В самом деле, она, казалось, состояла из одних шаров. Сверху - косы, закрученные в шароподобный узел, уложенный на темени. Волосы, гладко зачесанные под этот узел, придавали голове вид второго шара, который, в свою очередь, опирался на шароподобную верхнюю часть туловища, так как шея у бабушки была короткой. Нижняя часть туловища - полушарие, от которого до самого пола спадала длинная юбка. Где-то под юбкой при ходьбе мягко шаркали бабушкины туфли.

У деда и бабушки было четверо детей - старшая дочь Лиза, мой отец Наум, дочь Хася и младший сын Исаак. Лиза к тому времени овдовела, вышла замуж вторично. От первого брака у нее остались сын Лазарь Волне (по фамилии отца) и дочь Евгения. Лазарь рано ушел из материнского дома на заработки. Я встретил его много лет спустя, когда он приезжал в Харьков на несколько дней в командировку. Постоянно же Лазарь жил в Москве, был высококвалифицированным фотографом. В ту пору (в конце тридцатых годов) я увлекался фотографированием, и он дал мне немало ценных советов. Между прочим, рассказал об уникальной работе, которую ему пришлось выполнить - нанести светочувствительный материал на громадное полотно, по частям проецировать на него негатив какого-то портрета, с помощью пульверизаторов проявлять и фиксировать изображение.

Лиза вышла замуж вторично в тот период, когда мне было лет пять-

шесть. Муж ее Анатолий Гинзбург, как и она сама, работал в торговом предприятии. Жили они на 4-й Чечелевке, дом № 54. Вскоре после свадьбы Лиза и Анатолий были в гостях у моих родителей. С ними пришла какая-то родственница Анатолия, девушка лет 17-18, на мой тогдашний взгляд, умопомрачительной красоты. Я первый раз в жизни страстно влюбился и не отходил от избранницы моего сердца весь вечер ни на шаг, был счастлив, что она держала меня за руку, ласково обнимала. Когда пришло время мне лечь в постель, я во всеуслышание потребовал, чтобы она тоже шла со мной, чем вызвал смех присутствующих. Не понимая, в чем дело, но чувствуя, что смеются надо мной, заметив слезы в глазах девушки, я решил, что нас с ней обижают, и раскомандовался еще сильнее. Не помню, как родителям удалось утихомирить меня, но знаю, что, как говорила няня, я "от того дурного глупства" долго не засыпал. Наутро спрашивал о девушке, ждал, что она придет. Девушка больше не появлялась. Папа и мама тактично уводили меня от разговоров на эту тему. (Замечу, что это был единственный в жизни случай, когда родители вмешивались в мои сердечные дела.) И поскольку "с глаз долой - из сердца вон", то я вскоре забыл предмет своего обожания.

Раз уж рассказал, как я первый раз влюбился, то расскажу и о том, как первый и единственный раз в жизни напился, тем более что это происшествие относится примерно к тому же периоду времени, что и предыдущее.

Каждый зубной врач кооперируется с каким-либо зубным техником. У мамы был такой техник по фамилии, кажется, Копелян. Однажды родители встречали Новый год, наступавший по гражданскому календарю, в компании молодых людей на квартире Копеляна.

Чтобы было понятно, почему я подчеркиваю "по гражданскому календарю", скажу, что я имею в виду тот новый год, который начинается 1 января. Религиозные евреи, как, например, мой дед, эту дату не отмечали, а праздновали свой Новый год ("Рош-Ашана"), который приходится примерно на сентябрь месяц. Молодежи, наверно, интересно будет также узнать, что долгие годы после революции первое января официально не праздновали. Этот день был обычным, рабочим. Встреча Нового года считалась "одним из пережитков капитализма в сознании людей", поэтому была запрещена и в какой-то мере (не уголовно, конечно) преследовалась. Школьники старших классов и студенты этот запрет игнорировали, вечеринки устраивали, но так, чтобы не узнали педагоги. Встречали Новый год и многие другие люди. Только в середине или в конце тридцатых годов этот абсурдный запрет был отменен, 1 января стало красным днем в календаре.

Итак, захватив меня, родители пошли к Копелянам встречать Новый год. На этой вечеринке уже полночь какие-то молодые люди, изолировав меня от папы и мамы, "для смеху" влили в меня большую рюмку вина. Надо сказать, что в те годы, как, "впрочем, и до сих пор, я мог выпить любую дрянь. Пил многократно различные лекарства. Однажды с няниной подачи вместо отхаркивающего выпил ароматный уксус, которым меня растирали. Другой раз хлебнул на кухне керосина вместо кипяченой воды, которая находилась в такой же темной бутылке, но стояла в другом месте. Словом, мог без рвоты выпить любое пойло. Выпил и вина. Вскоре мне стало плохо, потерял сознание. Последнее, что я помнил, были глаза склонившейся надо мной мамы, которую позвали перепуганные шутники, увидев мое состояние.

Как вы понимаете хотя бы по тому, что читаете эти записки, я остался жив. Но описываемое происшествие имело, по крайней мере, два следствия. Первое - мой организм, по-видимому, выработал какой-то иммунитет к алкоголю, так что в дальнейшей жизни, если я и выпивал по необходимости некоторый объем винно-водочных изделий, то не пьянел. Второе - интерес к вину, желание выпить были отбиты у меня навсегда. Впрочем, последнему содействовало и то, что в нашем доме вина потребляли всегда мало. В доме моих родителей вино, конечно, было и в достаточном количестве в том случае, если пригласив гостей, они отмечали за общим столом какое-либо событие. Отец, пропустив одну-две рюмки вина (водку он никогда не употреблял) больше не пил, а любил макать в вино печенье или кусок торта, приговаривая на идиш: "Тинкн из нит тринкн" (Макать - не значит пить).

В доме деда вино появлялось только по праздникам, когда это предусматривалось национальными традициями, причем в таком количестве, которое сейчас назвали бы смехотворным. Пару рюмок мог выпить дед, пару - Лева Брегман, муж младшей его дочери Хаси.

Лева Брегман, как мне помнится, не имел определенной специальности, поэтому довольно часто менял места работы. Хася, наоборот, всю жизнь проработала на одном месте - на почте, потом в "Союзпечати". У них было две дочери, мои двоюродные сестры - Сима и Евгения. Сима ненамного старше меня. Она с детства была серьезной, я бы сказал, немного суховатой, редко участвовала в детских шалостях. Насколько мне известно, в дальнейшем Сима закончила Институт инженеров железнодорожного транспорта, вплоть до выхода на пенсию работала в управлении дороги, жила в Днепропетровске, умерла в 1992 году.

Более сложно и трагически сложилась судьба у Гени. Она закончила мединститут и ушла на фронт Великой Отечественной войны. В моем

архиве есть фронтовая фотография, датированная июлем 1943 года. Трое мужчин и две женщины, все военные, засняты, по-видимому, после вручения наград. Геня с погонями капитана и новеньким орденом Красной Звезды на груди. Лицо спокойное, красивое, я бы даже сказал, мужественное. Прослужив почти до конца войны, с тяжелым заболеванием сердца Евгения демобилизовалась из армии. Прожила она в мирное время недолго, скончалась от сердечного приступа.

В семье деда, как я уже писал, был младший сын Исаак. О нем я очень мало знаю, так как в семье никогда о нем не говорили. Знаю только, что в молодом возрасте он уехал из дома в Москву, специализировался на общественных науках и журналистике, взял себе псевдоним "Павел Ильич Анатольев".

В Екатеринославе жила сестра моего деда Хая-Рохл Юровицкая с двумя дочерьми - Идой и Соней, красивыми девушками. Сою Юровицкую Исаак увез в Москву, там у них родились дочь и сын. В 1937 или 1938 году, когда начались сталинские репрессии, Исаака арестовали за публикацию какой-то статьи и расстреляли. Соня, как это делали в то время некоторые морально неустойчивые и запуганные люди, публично отреклась от мужа и вышла замуж за другого. Детей Исаака - Инну и Юру Анатольевых взяла к себе в Тамбов и воспитала старшая из сестер Юровицких - Ида, которая к тому времени вышла замуж за хирурга Иезекиля Берлина.

Обо всем этом мы узнали только в 1956 году, когда Берлин разыскал в Куйбышеве моих родителей и приехал к ним погостить. Исаак (Павел Анатольев) был полностью реабилитирован, его сын Юрий Анатольев работал в какой-то закрытой организации, как я теперь понимаю, связанной с освоением космоса.

Этим эпизодом я завершаю эскизы прошлого, относящиеся к двум породненным семьям - Гехтов и Резниковых. В клане Гехтов-Резниковых было богатых купцов, помещиков, дворян или других привилегированных лиц. Все члены семьи пробивали себе дорогу в жизни трудом, любовью к стране, где они родились, и к людям, которые их окружали, независимо от того, в какой части страны они жили и какой национальности люди их окружали. Семья отдавала жизни и кровь своих детей защите Родины (я еще в дальнейшем расскажу об этом дополнительно), подвергалась необоснованным репрессиям со стороны властей (и об этом тоже еще расскажу), но выжила и внесла свой вклад в развитие нашего общества. Поэтому, когда я читаю или слышу в телепередачах экстремистские заключения о потерянных годах России, о бесплезности жизни людей старшего поколения в последние семьдесят лет, словом, всю ту

"чернуху", которую льют на прошлое модные журналисты, я вспоминаю о простых семьях Гехтов и Резниковых, о своей жизни и жизни моих детей и согласиться с этим не могу.

ВСЕ РАСТЕТ НА СВЕТЕ

*Все растет на свете,
Выросли и дети.
Носится орава с самого утра.
Мать-сороконожка,
Погрустив немножко,
Говорит: "Пора вам в школу, детвора".*

т Жак написано в популярной детской сказке о сороконожках. Рас-Ж* тут дети. Подрастал и я. Правда, по нашей квартире орава не носилась, так как, во-первых, в ораве был всего один ребенок, а во-вторых, квартира не позволяла. Но школьный возраст приближался. Когда мне исполнилось восемь лет (боже мой, было же когда-то так мало лет!), родители решали вопрос о том, в какую школу меня отдать: ближе к дому, но похуже, или дальше от дома, но получше. Ближе - это школа на Пятой Чечелевке, которую называли железнодорожной. Педагогический коллектив этой школы, с которым познакомился отец, не произвел на него впечатления. Лучше была школа № 2 на Пушкинской улице, в прошлом гимназия. Но чтобы до нее добраться, мне надо было спуститься с Четвертой Чечелевки на Первую Чечелевку, сесть в трамвай, проехать четыре или пять остановок, перейти трамвайную колею и прошагать еще полквартала. То, что мне надо было ежедневно совершать такой маршрут туда и обратно, беспокоило родителей. Но все же вопрос решили в пользу лучшей школы, тем более, что в один год со мной должна была идти учиться и двоюродная сестра Сима. Мы могли ходить в школу и обратно вместе, а Симочка, как уже было сказано выше, была девочка серьезная и надежная.

Наступил день, когда после предварительных переговоров с дирекцией школы родители отвели меня на "смотрины" к моей первой учительнице - Наталии Сергеевне Добровольской. Она имела обыкновение

беседовать с каждым малышом перед тем, как принять его в свою группу, немного экзаменовать, словом, старалась понять, кто перед ней, каков уровень развития ребенка. Родители ненавязчиво готовили меня к школе. Как-то незаметно научили довольно бегло читать. Развивали речь, следили за правильностью произношения. Во время многочисленных периодов болезни с самых малых моих лет папа, сидя у кровати, не рассказывал сказки, а читал наизусть большие отрывки из "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя и даже из его "Ревизора", изображая в лицах Городничего, Ляпкина-Тяпкина и других персонажей комедии. Кстати замечу, что через много лет он так же читал произведения Гоголя своим внукам Инне и Левочке. Дети слушали внимательно, понимали. Однажды трехлетний Левочка, заливаясь смехом, удивил нас фразой: "И будь я собачий сын", явно заимствованной из лексикона героев "Заколдованного места" и "Пропавшей грамоты".

Итак, Наталия Сергеевна дала мне что-то прочитать вслух, попросила кое-что рассказать и продиктовала несложную фразу. С чтением и рассказом все было хорошо, а текст я написал хоть и грамотно, но "печатными" буквами. "Что же ты так пишешь, дружок?" - сказала учительница, на что, как потом рассказывали родители, я честно ответил: "Это я еще старался, дома я хуже пишу".

Скажу вам откровенно, чистописание было моей ахиллесовой пятой. Долгие годы в школе меня мучили резолюции учителей на письменных работах: "Грязно! Пиши лучше!" и подобные им. Даже в старших классах школы мои сочинения внешне выглядели неважно, почерк был плохой. В пятнадцатилетнем возрасте я решил, что почерк надо исправить. Приобретя несколько тетрадей, которые тогда назывались "в две косых линейки", я начал ежедневно писать отдельные буквы и слова сначала медленно, потом быстрее, но придерживаясь правил каллиграфии. Надо сказать, что длительная тренировка помогла - с тех пор и по сие время, если я пишу медленно, то почерк ничего, даже красивый. Но если спешу, то уж извините.

Каждый человек, наверное, всю жизнь помнит своего первого учителя или учительницу. Помню Наталию Сергеевну и я. Высокая, стройная, с седыми волосами при сравнительно молодом лице, всегда одета в костюм темного цвета. Она, как я теперь понимаю, обладала двумя очень важными для педагога свойствами: уважала учеников и была справедливой. (Замечу, что мы еще будем иметь возможность в дальнейшем обсудить вопрос и о других качествах, необходимых педагогу.) Наталия Сергеевна уважала достоинство детишек, которых учила, никогда не по-

вышала голоса до крика, не помню, чтобы она кого-либо выгнала из класса. Даже самого непоседливого Наума Карпина, моего "земляка" по Чечелевке. Она ему тихо говорила: "Карпин, не шуми, пожалуйста, у меня болит горло, я не могу говорить громко!" И такая спокойная и безапелляционная просьба звучала в ее голосе, что Наум успокаивался.

В своей жизни я видел много педагогов, которые неумышленно, не думая, походя задевали самолюбие учащихся. Уже будучи доцентом и деканом факультета в Куйбышеве я присутствовал на каком-то совещании со студентами, которое созвал заведующий кафедрой металлорежущих станков, к сожалению, ныне покойный профессор Клебанов, тогда еще доцент. Читая список студентов, он дошел до фамилии Кукуй, остановился и с усмешкой сказал: "Он кукует, что-ли?", чем вызвал смех присутствующих и краску на лице объекта внимания.

В противовес этому приведу эпизод, который сохранился в моей памяти, несмотря на то, что прошло около семи десятков лет. Наталия Сергеевна, заполняя классный журнал, сказала: "Какая у тебя длинная фамилия - Константинопольская, девятнадцать букв, в графе не помещается". Но тут же заметив смущение девочки, предупреждая зубоскальство класса и желая исправить впечатление от неосторожных слов своих, добавила: "Но независимо от этого, Наташенька, ты - молодец, сегодня отлично выполнила домашнее задание, ставлю тебе в журнале пятерку!"

"Будь осторожен в преподавании, ибо ошибка в преподавании равносильна умышленному греху", - говорил Якоб Иегуди, польский педагог, живший в XVIII веке. И я с ним согласен.

Класс единодушно отвечал Наталии Сергеевне послушанием и любовью. Судите сами по следующему эпизоду. Помните, Ильф и Петров в "Двенадцати стульях" рассказывали о том, как Ипполит Матвеевич Во-робьянинов покрасил усы, но вследствие особых "качеств" краски они стали не черными, а зелеными. Точно то же самое случилось с нашей Наталией Сергеевной. Однажды когда она вошла в класс, мы были удивлены зеленым цветом ее волос и смущением, написанным на лице. Необычный вид учительницы вызвал шумок в классе, но тут же вскочил вездесущий Карпин и заорал: "Тихо, не шумите, у Натальи Сергеевны глотка болит!" - "Горло, а не глотка, Наум, горло!" - со смехом поправила его Наталья Сергеевна. Смех в классе, атмосфера разрядилась, все вошло в свою колею!

То, что Наталия Сергеевна относилась к своим ученикам с уважением, совсем не означало, что она снижала уровень требований к их зна-

ниям и поведению. Я учился неплохо, был довольно активным в классе и на третьем году учебы меня по предложению учительницы избрали старостой класса. Власть часто портит человека, даже такая микроскопическая, как власть старосты третьего класса. Я, будучи избранным, вообразил себя центром вселенной (кстати, этого не избегают и некоторые другие, избранные ныне на более высокие должности), посчитал, что мне дозволено командовать и распоряжаться (и это теперь не редкость), а в случае сопротивления - применять силу (к сожалению, и это возможно теперь и не только в школьных кругах). Под своим руководством в составе моего друга Вовки Котляревского и Наума Карпина я организовал нечто подобное тому, что сейчас называют ОМОН (отряд милиции особого назначения) для воздействия на одноклассников. В большой перерыв, например, всем ученикам положено было покидать класс, чтобы дежурный мог проветрить помещение. Если кто-либо задерживался, наш "ОМОН" не очень вежливо выталкивал его в коридор. Применяли силу и в других случаях.

Словом, из недр моего характера поднялись и стали развиваться такие плохие черты, как администрирование, неуважение к однокашникам, стремление силой заставить их выполнять мои распоряжения. Наталия Сергеевна заметила это, пару раз сделала мне замечания, но я не реагировал. Тогда, почувствовав, что класс уже готов "к смене власти", она предложила переизбрать меня, что и было сделано подавляющим большинством голосов. Не прошло даже Вовкино предложение оставить меня в составе редколлегии классной стенгазеты, и оттуда меня вывели.

Урок для меня, самолюбивого мальчишки, был сильный, но справедливый. На всю жизнь запомнилось, что будучи на какой-либо административной должности, нельзя задирать нос и неуважительно относиться к людям. Вы скажете, что это слишком серьезный вывод, не вытекающий из незначительных эпизодов, изложенных выше. Но ведь все воспитание человека складывается из непрерывной цепи незначительных, как правило, эпизодов. Наталия Сергеевна, если говорить обо мне, вовремя уложила эти эпизоды-кирпичики в здание моего воспитания.

Сейчас, по-моему, самое время рассказать о пионерской организации, существовавшей в те годы. Предварительно, однако, хочу конспективно изложить один из рассказов, автора которого не знаю точно, так как слышал его от отца. Мне этот рассказ понадобится для аналогии.

Рассказ, который я имею в виду, касался вопроса о преемстве евреев на жительство за пределами пресловутой "черты оседлости". К сведению молодежи поясню, что по антисемитскому закону, действовавшему на

территории царской России, за пределами районов, ограниченных "чертой оседлости", в частности, в крупных городах могли проживать только еврей-мастера, выпускавшие какую-либо продукцию. Остальным, в том числе мелким торговцам, документ на право жительства не давали. Периодически власти осуществляли проверку производственной деятельности евреев-мастеров, и если эта деятельность не удовлетворяла полицию, то эту семью в 24 часа высылали за пределы города. Одной такой проверке, предпринятой в каком-то (сейчас не помню, в каком) городе околоточным надзирателем Павлом Максимовичем Сапоговым, посвящен рассказ. Вначале надзиратель зашел в мастерскую гравера. Хозяин объяснил ему суть своей деятельности, но недоверчивый Сапогов велел немедленно и быстро продемонстрировать образец, изготовленный на его глазах. Тогда еврей предложил сделать визитную карточку "для господина надзирателя". Подойдя к кассе со шрифтами, он набрал необходимые буквы в кассетку (есть, кажется, профессиональный термин для нее, но я его не помню) и приготовился сделать оттиск на бумаге. Но надзиратель велел показать кассетку, "чтобы все было сделано без мошенничества". Когда он прочитал в наборе "леваП чивомискаМ вога-паС", то пришел в ярость, счел себя оскорбленным и велел бедному еврею убраться из города в 24 часа.

Следующий визит был в лавочку еврея, торговавшего кондитерскими товарами. "Торгуешь?" - грозно спросил надзиратель еврея - хозяина лавчонки, на что хитрый негодник ответил: "Что вы, ваше благородие! Я делаю шоколад, а потом уже им торгую!" В доказательство он подвел околоточного надзирателя к автомату, в щель которого бросил медную монету. Внутри автомата послышались шум, урчание и звон, а через некоторое время на нижний лоток вылетела небольшая шоколадка в яркой обертке. "Видите ли, ваше благородие, - сказал хитрец, - внутри машины медь растворяется, обрабатывается, смешивается с сахаром и другими важными веществами, прессуется, заворачивается в обертку - и шоколадка готова. Соблаговолите попробовать!" - "Молодец! - сказал проверяющий, принимая увесистый пакет с шоколадом - Продолжай работать, дело полезное".

Теперь оставим на время рассказ и его героев и вернемся к пионерской организации. В мои времена пионерские отряды были не при школах, а при предприятиях. Ребята записывались в них по интересам. Вожатыми отрядов были, как правило, молодые рабочие и техники предприятия, имеющие жизненный опыт, активные комсомольцы. Они не только сами с любовью и ответственностью общались с ребятами,

но привлекали к этому делу и более солидных рабочих, очевидцев или участников тех или иных событий, мастеров своего дела. Последние водили пионеров в цеха, показывали производство, машины, немножко учили своему ремеслу. Сборы отрядов часто превращались в увлекательные беседы о мастерстве, о трудовой или ратной славе, о жизни трудового люда. Незначительное внимание уделялось внешней атрибутике - построениям, маршировке под барабан, сигналам горна, во всяком случае мне они не запомнились.

Я был пионером отряда при городской типографии. Отряд или его звенья собирались после окончания трудового дня в клубе типографии один-два раза в неделю. Никто не отмечал присутствие или отсутствие пионера, но все стремились попасть на эти сборы вовремя, так как было интересно. Помню, однажды зимой я бежал в клуб, поскользнулся, упал и ушиб коленку. Какой-то мужчина, проходя мимо, заметил: "Не падай, малыш, печенку отобьешь". Мне показалось это настолько обидным, что, вскочив с земли, я догнал обидчика и укусил его за руку, в ответ получил подзатыльник, но довольный мстью помчался на сбор отряда.

Система организации пионерских отрядов при предприятиях, по-моему, имела ряд достоинств. К воспитанию подрастающего поколения были привлечены кроме школы и родителей трудовые коллективы, многие люди с жизненным опытом. Воспитывалось уважение к труду, трудовому человеку, учитывалась индивидуальность ребенка. Предприятия, имевшие средства, организовывали для пионеров спортивные кружки, соревнования под руководством специалистов.

Но эта система не понравилась какому-то "сапогову" из идеологов ("Все задом наперед! Убрать в 24 часа!"). И все пошло по-другому. Во-первых, пионерские отряды передали школам. Сборы отрядов теперь стали мало отличаться от классных собраний, главным предметом обсуждения стали двойки и дисциплина, главный голос принадлежал классному руководителю. Во-вторых, вожатыми отрядов стали ученики старших классов, не имеющие жизненного опыта и достаточного кругозора. В-третьих, ребят изолировали от живого производства. Естественным следствием стало то, что главное внимание отряды начали уделять тому, что доступнее - форме и атрибутике: линейкам, рапортам, сигналам, слетам и торжественным маршировкам по любому поводу, аккуратно написанным и подшитым в папку планам мероприятий (выполнялись ли эти планы - это уже другой вопрос). Словом, работа пошла по варианту, суть которого изложил второй из евреев - подопечных околоточного Сапогова - "автомат" гремел, урчал, звонил и выдавал "одинаково упакованных" пионеров.

Конечно, не везде так было. Были и талантливые вожатые, отличные и активные отряды, но в среднем, насколько я могу судить, наблюдая за своими внуками и другими ребятами, все шло именно по стандартной схеме. Поэтому в отрядах становилось скучно, неинтересно. Так постепенно, особенно начиная с 50-х годов, пионерская организация начала терять свой авторитет среди школьников и ныне дошла до того состояния, которое можно назвать развалом.

Я учился в школе № 2 в течение четырех лет до середины 1927 г., закончил 4 класса. С этими годами у меня связано еще одно воспоминание. Почти ежедневно, когда я утром шел в школу, на Пушкинской улице встречал худого старика, одетого в темно-серый плащ, с длинным посохом в руке. В любую погоду - в снег, в дождь, в жару - он ходил босиком с непокрытой головой, глядел прямо перед собой, шел быстро, энергично, седая его борода развевалась на ходу. Иногда он появлялся у ворот нашей школы в часы, когда заканчивалась первая смена и ребятня шумными стайками выпархивала из дверей. Он стоял молча, неподвижно, пристально смотрел на детей.

Говорили, что старик якобы был причиной гибели собственного сына и дал обет до конца дней своих ходить в любую погоду босиком и без головного убора. Так ли это, не знаю, но образ несчастного отца на всю жизнь врезался в мою память. Дорогие мои читатели, дети, внуки! Берегите свое потомство от физической или моральной гибели, так как нет страдания более сильного, чем боль от потери сына или дочери!

Абраам Хасдай, ученый, еврейский переводчик с арабского, живший в первой половине XIII века, писал: "Сын твой, когда ему пять лет, - твой повелитель, когда ему десять - твой раб, когда ему пятнадцать - твой двойник, но потом уже одно из двух: либо друг, либо враг, в зависимости от воспитания". (Цитирую по книге Нодара Джина: "Еврейские афоризмы", изд. "Ротация", М., 1991).

Я могу согласиться только с последней частью цитаты. В остальном, я думаю, древний мудрец не прав. В нашем доме малыши никогда не были тиранами-повелителями. Никогда домочадцы, фигурально выражаясь, не становились на четвереньки, чтобы "их превосходительство" съели лишнюю ложку каши. Никогда в доме дети не были рабами - бессловесными и покорными существами, для которых воля родителей - закон, даже если ребенок не понимает этот закон. Наоборот, мы всегда старались объяснить ребенку, почему надо поступать так или иначе.

Когда Леве, сыну моему, было пять-шесть лет, у нас в ходу были рассказы о двух ежиках, Ежишке и Ежущке, которые я сочинял, а Левушка

очень любил слушать. Один из героев рассказов - Ежишка - был хорошим, а другой, Ежушка - не очень хорошим, и поэтому с ним постоянно приключались разные неприятности. Поведение и проступки Ежушки очень напоминали поведение и проступки Левочки, а Ежишка всегда поступал правильно, таких проступков не допускал. Например, Левочка делал что-либо, что мама ему запрещала. Вечером, когда мы с ним уютно устраивались на диване, в ответ на просьбу что-нибудь рассказать я начинал очередную историю о двух ежиках, на ходу сочиняя фабулу и подробности. Начинал издали, описывая красивый лес, в котором жила семья ежей, их заботливую маму, зверюшек-соседей. Левочка - весь внимание! И вот оказывалось, что Ежушка, несмотря на запрещение мамы и предупреждение Ежишки, делал что-то плохое, аналогичное тому, что сделал Левочка. Это приводило к какой-то беде, зверюшки с Ежушкой переставали дружить (а с Ежишкой они дружили), мама или Ежушка заболели, происходило еще что-нибудь плохое в соответствии с возможными последствиями поступка. С глазами, полными слез, Левочка обычно шептал: "А я больше не буду так делать". Тогда в сказке ситуация постепенно исправлялась, всем становилось хорошо, с Ежушкой все дружили, словом, традиционный хороший конец, как во всякой сказке.

Жаль, что я не записывал эти многочисленные устные рассказы, они могли бы кому-нибудь пригодиться. Возвращаясь к приведенной выше цитате, замечу, что отец не пытался сделать из меня своего двойника по принципу "делай только так, как я" ни в мои детские, ни в юношеские, ни в более поздние годы. Он, конечно, привлекал меня тем или иным способом к своему делу. Помню, что в возрасте 11-12 лет он взял меня с собой на какой-то завод (может быть, паровозоремонтный, где работал). Отец познакомил меня с тем, как формуют детали, показал вагранку, процесс заливки металла в формы, станки, на которых обрабатывали заготовки. Дома он предложил мне написать отчет о том, что я видел. Приступив к отчету и не зная, как изложить громадное количество впечатлений, я решил упростить дело. Взял один из студенческих отчетов, лежавших на подоконнике (отец, по-видимому, руководил практикой студентов), и добросовестно выписал ряд отрывков из него. Увидев мой "отчет", отец ужасно рассердился и сказал что-то в том смысле, что надо смотреть своими, а не чужими глазами, "иначе будешь не человеком, а копией" (это как раз запомнилось).

Продолжая традиции, заложенные отцом, я тоже водил Левочку к себе в лабораторию и показывал ему станки, когда ему было примерно

ЭСКИЗЫ ПРОШЛОГО В ПРОЕКЦИИ НА НАСТОЯЩЕЕ

10 лет, приучал его к элементам технического образования. В семейном архиве хранится листок, датированный 7 июня 1961 года, на котором Лева изобразил в трех проекциях по правилам черчения простую фигуру, проставил размеры. На листке моей рукой написано: "Изделие:", а Левиной - "Коробочка из-под кольца", опять моей: "Материал:", а Левиной - "картон с кожей", далее "Масштаб 1:1" и подписи: "Чертил: Л. Резников, проверил: А. Резников".

Правда, в возрасте 9-10 лет Левик не связывал свое будущее с техникой. Обычно в этом возрасте на вопрос о том, кем он хочет стать, мальчишка, как правило, отвечает: "шофером", "летчиком", "капитаном корабля" или что-либо аналогичное. Наш Лева представлял себя в должности начальника милиции. В том же архиве хранится передняя страничка обложки от тетради, на которой написано (орфографию сохраняю):

Тетрадь № 1

для записей на кукальный театр ученика 2-го класса "Б" средней школы № 3 Резникова Левы (сына).

Выше этого текста наклеена бумажка, из которой ясно, что посещение театра организовывал "начальник милиции":

1-е отделение милиции!

начальник милиции Л. А. Резников!! 1959 г.

номер телефона 02!

Не курить! Штраф 25 руб.

Другая тетрадь, датированная 1961 годом и написанная по всем правилам каллиграфии, содержит "документы", например:

Протокол. Имя:

Инна отчество:

Ароновна фамилия:

Рудая год рождения:

1938 возраст: 23

года профессия:

электрик подпись: И.

Рудая

подпись нач. м. Л. Резников (Л. Резников) №

паспорта 38,23

когда выдан: 26/Х-61 в 10 ч. 15 м. утра.

К сему прилагается "паспорт" в виде почтовой открытки с адресом: "Куйбышев, Ульяновская, 19, кв. 7." и фамилией. Инна в то время была уже замужем, жила в одной квартире с нами, училась на электротехническом факультете Индустриального института. В "протоколе" - оригиналы подписей И. Рудой и Л. Резникова. Графа "национальность" отсутствует, что свидетельствует, по-видимому, о прогрессивности взглядов "нач. м.", т. е. начальника милиции. Вполне возможно, что увлечение Левика административной должностью в милиции в какой-то мере объясняется наследственностью. Мама рассказывала, что когда мне было три-четыре года, я любил, положив на плечо детское деревянное ружье, маршировать по квартире, громко объявляя, что идет "начальник вечерних скандалов, флагальщик народной свободы". Первая часть этого оригинального текста была, по-видимому, отражением перебранок, которые систематически происходили в соседнем дворе, чаще всего под вечер. Что же касается знаменосца ("флагальщика народной свободы"), это, по-видимому, была дань времени.

К сожалению, у нас не сохранились какие-либо вещественные свидетельства ранних детских лет Инночки. Это понятно, если иметь в виду, что в трехлетнем возрасте ей пришлось пережить бомбежку Харькова, потом эвакуацию в Алма-Ату, переезд с бабушкой и дедушкой в Куйбышев. Инна росла спокойным и дисциплинированным ребенком, так что рассказывать о Ежишке и Ежушке ей не приходилось. В школе училась отлично.

Теперь возвратимся от школьников Инны и Льва Резниковых к школьнику Арону Резникову. Пока мы рассуждали о воспитании, Арон успел вместе с родителями, няней и братишкой Борей, пополнившим состав семьи в 1923 году, переехать на другую квартиру. Она была расположена в верхней части проспекта Маркса, пересекавшего весь город. Квартиру предоставил отцу Днепропетровский горный институт, в котором он работал с 1921 года, читая курсы "Начертательная геометрия", "Детали машин", "Технология металлов". Одновременно отец руководил отделом рационализации производства Днепропетровского паровозоремонтного завода.

Моя бабушка Сарра Гдальевна и дед Иосиф-Хаим Резников с дочерью Хасей и сыном Исааком (примерно 1890 г.).

Наум Резников - студент
Варшавского Политехнического
института (1916 г.).

Берта Гехт (1911 г.).

Наум Иосифович и Берта Ароновна
Резниковы (Екатеринослав, 1919 г.).

Я с двоюродной сестрой Симой
Брегман (Екатеринослав, 1919 г.).

Берта Гехт (1905-1906).

Хоня Гехт (слева) (1914 г.).

Слева: Геня Гехт (Гильман), Рива Гехт (Рудина), Баля (Изабелла) Гильман, Исаак Гильман, Ирма Рудин, Гриня Гильман с дочерью Ирой.
Во втором ряду сестры И. Рудина (Ленинград, 1956 г.).

На съезде семьи Гехтов.
Харьков, 1935 г.:
Арон Резников,
Арон Гехт,
Борис Резников,
Борис Викторов,
Баля Гильман,
Аркаша Рудин.

Мои двоюродные сестры Сима и Геня Брегман. (Днепропетровск, 1934 г.).

Двоюродная сестра Евгения (Геня) Брегман. Фронтальная фотография 1943 г.

1-й (слева): Лева Брегман (муж Хаси), Б. А. Резникова, Вита (дочь Симы), Н. И. Резников, Хася (сестра Н. И.),
во втором ряду второй слева - Илья (муж Симы), далее - Сима, Наум (муж Гени), Геня. (Днепропетровск, 1950 г.).

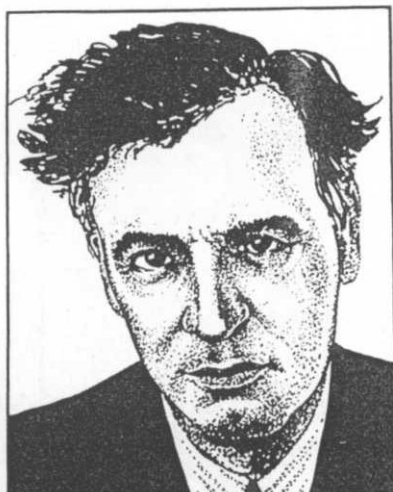
Профессор В. М. Маковский.

Академик АН УССР Г. Ф. Проскура.

Академик АН СССР А. К. Вальтер.

Лауреат Нобелевской премии
академик АН СССР Л. Д. Ландау.

Я - участник перехода
"Харьков - Перекоп"
(1936 г.).

Бывшие участники перехода
"Харьков - Перекоп". Слева - комиссар
отряда М. Ф. Семко (затем
профессор, ректор Харьковского
политехнического института);
справа - зам. начальника клуба,
комвзвода А. Н. Резников (позже
профессор, ректор Тольяттинского
политехнического института).
Тольятти, 1972 г.

О. Д. Бержигал
с дочерьми Беллой
и Машей
(Кисловодск, 1926 г.).

Беллочка Бержигал
(Кисловодск, 1933 г.).

Сестры Белла и Муся Бержигал (Харьков, 1936 г.).

Беллочка Бержигал
(Харьков, март
1936 г.).

Результат одновременного увлечения
Беллочкой и фотографированием.
(Харьков, 1937 г.).

Белла и Арон. (Май, 1937 г.).

Дед Беллы Львовны -
Давид Леонтьевич Минстер..

Лев Абрамович и Ольга Давидовна
Бержигал (Гуляйполе, 1911 г.).

Я. Д. Минстер ("Дядя Яша"). (1972 г.).

М. Л. Бержигал - актриса Харьковского областного драматического театра. (1937 г.).

О. Д. Бержигал (Куйбышев, 1957 г.).

М. Л. Бержигал.
(Куйбышев, 1960 г.).

А. Н. Резников -
начальник механического
цеха завода им. Шевченко.
(Харьков, 1939 г.).

Б. Л. и А. Н. Резниковы.
(Харьков, 1938 г.).

ПРОВЕРКА НА ЯБЕДНОСТЬ

После того, как мы прожили в Днепропетровске (Екатеринославе) около десяти лет, судьба на 14 лет связала автора этих заметок с городом Харьковом. Переезд семьи в Харьков произошел потому, что отец перешел на работу в Харьковский технологический институт. Этот институт, основанный еще в 1885 году, пережил все трудности и неприятности, связанные с гражданской войной. Вот что написано в истории развития института, изданной в 1985 году к столетнему юбилею:

"За годы гражданской войны значительно поредел профессорско-преподавательский состав. Предстояло его пополнить. К преподаванию в Харьковском технологическом институте привлекаются такие крупные специалисты, как Е. Е. Фарафонов, Д. Н. Тамарин, В. Т. Цветков и другие." (Замечу, что впоследствии, будучи студентом, я слушал лекции профессора Д. Н. Тамарина по грузоподъемным машинам, а профессор В. Т. Цветков, специалист по двигателям внутреннего сгорания, и профессор Е. Е. Фарафонов, специалист по литейному делу, были деканами факультетов, на которых я обучался.)

В марте 1928 года ректором института был назначен профессор Я. М. Майер. Он принял меры по дальнейшему укреплению коллектива, в связи с чем, как написано в том же юбилейном издании "в течение года в институт было принято 25 преподавателей и в их составе три профессора." Одним из этих трех профессоров был мой отец, приглашенный на должность заведующего кафедрой "Холодная обработка металлов" и декана механического факультета.

Как я уже упоминал, отец с 1921 года работал в Днепропетровском горном институте в должности доцента, а затем профессора. В этот период формируется его интерес к теории и оптимизации процесса резания металлов. Он пишет несколько работ, в том числе фундаментальную статью об использовании линейки системы С. Ф. Глебова для расчета режимов резания. В 1927-28 гг. периодически выезжает из Днепропетровска для чтения лекций в Харьковский технологический институт. Эти поездки стали первым этапом переселения нашей семьи в Харьков.

Второй этап начался с конца августа 1928 года, когда в Харьков переехали отец и я (мне надо было с сентября идти в школу). Третий, завершающий этап, состоялся в ноябре-декабре того же года, когда приехали

мама, Борисик и няня, прибыл вагон с мебелью и другими вещами, отправленными из Днепропетровска.

Нашей семье была выделена квартира в химическом корпусе, расположенном на территории институтского городка. В этом корпусе часть аудиторий на первом, втором и третьем этажах были перестроены под квартиры с отдельной лестничной клеткой и ходом со двора, тогда как в основные учебные аудитории и лаборатории входили через подъезд с лицевой части здания.

Наша квартира состояла из большой комнаты площадью 30-35 кв. метров (столовая), двух комнат примерно по 12 кв. метров (кабинет отца и спальня родителей), а также очень маленькой комнаточки площадью порядка 6 кв. метров, отведенной мне. Няня спала на раскладушке в столовой, кровать Борисика стояла в комнате родителей. Выгородки с фанерными стенками отделяли кухню, ванную и туалет. Поскольку жилое помещение переделывалось из аудиторий, у нас в квартире были очень высокие потолки, громадные окна (взрослый человек, став на подоконник, не мог дотянуться до верха окна) и массивные входные двери. Входные двери образовывали между собою столь поместительный тамбур, что в нем была устроена кладовка. Лет через десять, когда я начал увлекаться фотографированием, на одной из полок этой кладовки я устроил фотолабораторию, в которой проявлял фотопластинки и печатал снимки, стоя между двумя плотно прикрытыми входными дверями.

Отец определил меня в школу № 32, которая находилась на Бассей-ной улице неподалеку от институтского городка. Школа почему-то называлась трудовой, может быть потому, что имела свои мастерские - столярную и переплетную, а в расписании занятий были предусмотрены уроки труда (в днепропетровской школе этого не было). Меня поначалу определили в столярную мастерскую, однако, после того, как я умудрился ножовкой порезать палец на правой руке (несколько параллельных между собою следов от пореза долгие годы были видны и только недавно сгладились), меня перевели на более безопасную работу в переплетную мастерскую. Не могу утверждать, что мои переплеты были верхом искусства, скорее наоборот.

Надо заметить, что вообще всю жизнь я не был склонен к какому-либо ремеслу, разве что фотографирование у меня получалось неплохо. В народной пословице говорится: "Еврей, не умеющий стать сапожником, мечтает стать профессором". В школьные годы, уверяю вас, я не мечтал стать профессором, но так уж случилось, что пословица оправдалась.

Пятый класс "А", в который я попал, встретил меня приветливо: че-

рез пару дней по окончании уроков во дворе школы накрыли голову пиджаком и слегка избили. Поскольку в течение трех последующих дней ни пострадавший, ни родители не обращались с жалобой к учителям, я, как сказал Мишка Сопильник, верзила-второгодник, верховодивший в классе, прошел проверку на ябедность. Класс меня признал, и, как положено, вскоре я получил прозвище "Кугельрунд" или просто "Кугель". История этого прозвища такова. В учебнике немецкого языка был стишок про одного мальчику, который сначала был переборчив в еде, а потом регулярно начал кушать кашу и стал "kugelrund", то есть шароподобный. Я был в те времена не очень высокого роста, пожалуй, одним из самых низких в классе, имел довольно круглую физиономию. После того, как учитель Щерба на уроке немецкого языка объяснил значение слова "kugelrund", кто-то заметил вслух: "Это Резников". Так и прилипла ко мне кличка "Кугель", которая сменилась только в седьмом классе. После классного собрания, на котором я что-то резко говорил, Володька Балашов, один из великовозрастных учеников по кличке Верблюд, сказал, что я вцепился в него как волкодав. Так появилась новая кличка - "Волкодав", тем более что кугельрунда я теперь напоминал мало - подрост и похудел.

Из учителей школы № 32 я помню только трех: математика Панаса Мироновича, преподавателя украинского языка и литературы Йосипа Михайловича и упоминавшегося выше Щербу (имени и отчества не помню). Панас Миронович был высоким статным мужчиной с шапкой черных волос и небольшими усами. Говорил басом, двигался медленно, был уравновешенным, как большинство крупных и сильных мужчин. На уроках Панаса Мироновича все было понятно. Он умел находить такие простые и ясные слова, ставить их в таком безупречном порядке, что даже слабые ученики неплохо понимали учителя. Не помню случая, чтобы какая-либо теорема или задача не были закончены к звонку и чтобы их продолжение было отнесено на следующий день. Наоборот, когда Панас Миронович со свойственной ему добродушной улыбкой говорил: "Ну вот все, что я хотел вам сегодня сказать", можно было не сомневаться, что через несколько секунд раздастся звонок.

Вспоминая об этих уроках, я теперь понимаю, что они были результатом тщательной и трудоемкой подготовки педагога к занятиям. Имея более чем пятидесятилетний опыт преподавания, я с уверенностью могу сказать, что важной особенностью педагогического мастерства является именно умение подготовить себя к проведению лекции или другого занятия. Пользуясь случаем, а также желая дать молодежи несколько полезных советов, остановлюсь на этом вопросе более подробно. Для на-

чала приведу высказывание известного ученого и педагога Джероламо Кардано, жившего в 1501-1576 годах (знаете известный шарнир Кардана?):

"В Болонье я освоился с импровизационной речью, так как почти всегда читал лекции без подготовки. И хотя это порождало очень высокое мнение обо мне, однако в моей речи отсутствовало изящество и не было истинного красноречия в изложении мысли". (Цитирую по книге С. Г. Гиндикина "Рассказы о физиках и математиках", изд. "Наука", 1982).

Многие молодые (и не только молодые) преподаватели полагают, что они настолько хорошо знают свой предмет, что, как говорят, разбуди их ночью и они смогут провести урок или прочитать лекцию на импровизационной основе. Между тем прав Д. Кардано - без подготовки нет изящества лекции и истинного красноречия в изложении мыслей. Давайте, читатель, определим, что такое красноречие в изложении мыслей. На мой взгляд, это, во-первых, умение изложить мысль (понятие, закон, явление) с помощью минимального количества точных и простых слов и фраз, понятных всем слушателям. Во-вторых, как писал когда-то М. В. Ломоносов, "красно говорить о предмете - это значит преклонять слушающего к своему о нем мнению". Говоря нынешним языком, уметь заинтересовать учащегося предметом и показать ему отправные, понятые самим лектором позиции, с которых видна роль, структура и логика данной науки.

Принципы подготовки и проведения лекции, соответствующие приведенным выше требованиям, я хочу представить в виде нескольких афоризмов. Афоризм первый: "Думай не только о том, что ты должен сказать, но и о том, чего говорить не должен". Поясню, в чем суть этого афоризма. Преподаватель, конечно же, располагает большим объемом знаний, чем он должен преподнести слушателям. Если это не так, то перед нами не лектор, а кассета с магнитофонной записью - она содержит ровно столько информации, сколько звучит при проигрывании. При импровизационном характере изложения редко какого лектора не "ведет" в сторону подробностей и дополнительных материалов, которые, может быть, интересны сами по себе, но с успехом могут быть опущены для обеспечения стройности лекции. Если это не так, то слушатели, как правило, теряют стержень излагаемой проблемы, а преподаватель не укладывается в отведенное ему время. "Истинное красноречие, - говорил французский писатель Франсуа де Ларошфуко, - это умение сказать все, что нужно, и не больше, чем нужно".

Афоризм второй: "Излишняя краткость - не сестра таланта". Отсекая излишний материал при подготовке занятия, не следует доводить этот

процесс до абсурда. Однажды, когда я начал интересоваться проблемами теплофизики, я пошел на лекцию, которую читал для студентов мой знакомый профессор. Сообщив тему занятия и вооружившись мелом, профессор излагал содержание темы буквально или почти буквально следующим способом.

"Пусть имеем выражение", - сказал он и от края и до края широкой доски быстро написал сложное дифференциальное уравнение. - "Положим", - и вновь написал ряд выражений. - "Тогда", - снова пишется длинная формула. - "Следовательно", - опять математическое выражение. - "Введем безразмерные критерии", - пишутся формулы для критериев. - "И получим", - формула переписывается наново. - "Что и следовало доказать!" - с удовлетворением заканчивает лектор. Такой способ изложения, пригодный, может быть, в среде математиков, конечно, не годится для лекции, читаемой студентам.

Идею третьего афоризма заимствую из повести "Отцы и дети" И. С. Тургенева: "Друг мой, не говори красиво". Только добавлю (отнюдь не набиваясь в соавторы к классику): и заумно. Вы поймете, что я имею в виду, если я изложу точку зрения моего друга профессора Б. Ф. Трах-тенберга, металловеда по специальности. Он полагает, что лекция или доклад не имеют надлежащего научного уровня, если в них не применяются сложные термины и выражения. Я полагаю, что это не так. Поэтому мой друг говорит, например: "бинарная корреляция между параметрами", а я говорю: "двойная взаимосвязь между величинами".

Не могу с сожалением не отметить, что стремление "говорить красиво" (практикуемое в обобщенном смысле) иногда является следствием моды и, в какой-то степени, политики. Мы все чаще слышим по телевидению о цивилизованных странах, в число которых нашу страну, как правило, не включают, что я считаю оскорбительным для Родины. И поэтому из стремления подделаться под "цивилизацию" слышу, например, как ведущий концерта сообщает: "Кантри-группа представляет фольк-шоу на тему песни "Коробейники". После этого на сцену выходят девушки в русских сарафанах и кокошниках (слава Богу, не в мини-юбках), а также ребята в разноцветных косоворотках, черных штанах и сапожках "вмятку". Почему не "русская народная песня и танец, которые исполняет ансамбль"?

Панас Миронович, который первым из учителей привил мне любовь к математике, говорил ясно, доступно, пользуясь отличным украинским языком (в школе преподавание велось именно на нем), не без того, конечно, чтобы в необходимых случаях использовать термины из других языков, общепринятые в математике. Красивым и мелодичным украин-

ским языком пользовался и преподаватель литературы Йосип Михайлович (имя учителя пишу в украинской транскрипции). Его методика ведения урока служит примером четвертого из моих афоризмов: "Рассуждай вместе с учащимися". Тонкий, с красивым лицом, всегда изящно и аккуратно одетый, Йосип Михайлович ходил по классу и, обращаясь то к одному, то к другому ученику, приглашал их порассуждать не только над образом того или иного героя произведения, но и над содержанием каждого слова. Например, обсуждается "Заповг" Т. Г. Шевченко, в котором есть такая фраза:

*І мене сім'ї великій,
Сім'ї вільній, новій,
Не забудьте споманути
Незлим, тихим словом!*

(Для тех, кому украинский язык мало знаком, сообщу, что буква "и" читается как в русском "ы", "е" - как "э", "Г" - как "йи", а "Г" и "і" - как русское "и".) Остановившись у любой парты, учитель спрашивал, например, ученика о том, почему поэт применил слова "незлим" и "тихим"? Рассуждая вместе с учеником, он показывал, если можно так сказать, объем и глубину каждого слова.

По-другому вспоминается учитель немецкого языка Щерба. Невысокого роста, очень худой, с маленькими глазками, глубоко сидящими под нависшими надбровными дугами, с немного выдающимися вперед зубами, очень нервный, непрерывно суесящийся, он немного напоминал мартышку. Когда-то (может быть, в войне 1914 года) он потерял правую руку, рукав его пиджака был вставлен в карман и пристегнут. Возможно, эта травма и послужила причиной его нервозности. Щерба уроки вел суматошно, непоследовательно. Может быть, он не имел специального образования, немецкий язык выучил на фронте или в плену. Недостатки методики проведения уроков накладывались на полную незаинтересованность учеников в изучении языка, характерную для того (да и для более позднего) времени. Поэтому на уроках Щербы всегда было шумно. Стоило учителю отвернуться к доске, чтобы что-либо написать единственной рукой, как шум усиливался. Это бесило педагога. Помню, один раз он, резко повернувшись, запустил кусок мела в голову Ваньки Курило, отличавшегося недисциплинированностью. "Снаряд" был запущен с такой силой, что у Ивана на лбу вскочила шишка. Этот случай послужил предметом разбирательства на педсовете, Щерба стал немного сдержаннее, но отношение наше к нему и его предмету не изменилось.

К ВОПРОСУ О НОШЕНИИ ГАЛСТУКОВ, МОДНЫХ ПРИЧЕСОК И ПРИМЕНЕНИИ "КРЕПКИХ" СЛОВ

С закончив в 1930 году семь классов (в те времена почти все школы были семилетними), я получил справку невзрачного вида, никак не похожую на нынешние документы об образовании. Эту справку достаточно было сдать в канцелярию выбранного мною машиностроительного и конструкторского техникума, чтобы я приобрел статус студента, невероятно возвысивший меня в собственных глазах. Никаких экзаменов при поступлении в техникумы и вузы в те годы не требовалось.

Из нашей группы 7"А" в техникумы поступили немногие. Мишка Со-пильник и другие великовозрастные ребята с задних парт ("Верблюды", "Бегемот", "Каланча" и другие) ушли из школы на производство. Многие поступили в ФЗУ (школы фабрично-заводского ученичества, предшественники нынешних ПТУ), чтобы получить ту или иную профессию. Тоня Дараган (девочки у нас прозвищ не имели), которой к моменту окончания школы было, наверное, лет семнадцать, сразу вышла замуж, чем повергла весь класс в удивление, смешанное с любопытством.

Техникум, в который я поступил, располагался на тогдашней окраине Харькова - Новоселовке, вблизи завода "Свет шахтера", которому и принадлежал. Учебные классы и кабинеты были размещены довольно вольготно в трехэтажном красном кирпичном здании. Занятия проводили в одну смену, первый урок начинался, как и утренняя смена на заводе, в семь часов утра. Администрация полагала, что студенты должны с молодых лет приучаться к ритму производства, тем более, что занятия в техникуме шли по шестидневной системе - четыре дня учебы, день - на заводе, день - выходной. Раннее начало занятий создавало ряд трудностей для студентов, живших далеко от техникума, в том числе и для меня. Надо было втиснуться в вагон трамвая, заполненный людьми, ехавшими на работу и на наш завод тоже, или в крайнем случае повиснуть, держась за поручни и стоя на подножке. Поэтому книги и тетради мы заталкивали за туго подтянутый поясной ремень, оставляя руки свободными. Впрочем, так же поступали и другие студенты, которым не приходилось пользоваться трамваем. Ношение портфелей в те годы не было

принято в студенческой среде. Да и вообще считалось, что студент должен быть экипирован просто, без претензий на шик. Ребята носили косоворотку либо так называемую юнгштурмовскую форму - гимнастерку с отложным воротником и поясом с португеей. Девушки были одеты в простые платья, кофточку или юнгштурмовскую гимнастерку с юбкой.

Ношение девушками всякого рода украшений и сережек, а ребятами галстуков считалось признаком мещанства и подвергалось осуждению в прямом смысле слова. Помню, как вскоре после моего поступления в техникум в большом классе состоялся товарищеский суд над студентом третьего курса Гришкой Добиним. В обвинительном заключении было сказано, что Добин "систематически носит галстук, ботинки шимми, поливается одеколоном и недостойно выражается при девушках".

Суд был по всей форме: председатель, два заседателя, секретарь. Председательствовал студент Владимир Шпица. (Тесен мир, с бывшей женой Шпицы - Верой я в середине пятидесятых годов встретился, работая в Куйбышевском индустриальном институте, а с самим Шпицей в конце семидесятых годов был на совещании работников высшей школы в Кремле, так как я был к тому времени ректором Тольяттинского политехнического института, а Владимир - Львовского полиграфического.)

В качестве обвинителя на "процессе" Добина выступал студент Федор Шаров, очень похожий на прокурора - строгий, подтянутый и в пенсне. Адвоката не было - Гришка защищался сам. Не будучи лишен чувства юмора, он явился в суд с обрывком веревки на шее, повязанным взамен галстука. Вместо сверхмодных остроносых туфель "шимми" Гришка надел старые ботинки, которые, как говорят, "просили каши". Когда Шаров, серьезно анализируя "мещанскую сущность обвиняемого", упоминал о галстуке, Гришка с невозмутимым видом поддегивал веревочный узел на шее, а как только заходила речь о модных ботинках, внимательно рассматривал полуотгорванные подметки своих бугс. Это, как пишут в газетных отчетах, вызывало оживление в зале. Действие, задуманное ортодоксами "борьбы с мещанством", приобретало тот характер, который и должно было иметь - вид сатирического фарса. Гришка был доволен, в какой-то мере даже купался в лучах своей дешевой славы.

Проблема моды, всегда интересующая молодежь, иногда приводит к уродливым ситуациям. Я имею в виду не только описанный выше процесс. В пятидесятых годах возникла мода на брюки столь узкие внизу, что непонятно было, как их владельцы влезали в эту часть туалета. С легкой руки какого-то журналиста любителей узких брюк обозвали "стилягами" (от слова "стиль"). Между "широкобрючниками" и "узкобрючниками" в Куйбышеве тогда разгорелась борьба не на шутку, вплоть до

избиения студентов-"стиляг" учащимися ремесленных училищ, выступавшими в качестве "оппонентов", и разгрома, учиненного студентами в общежитии ремесленников в отместку за эту акцию. Бои между студентами и ремесленниками приняли столь серьезный характер, что в усмирении воюющих сторон должны были вмешаться милиция и администрация учебных заведений.

Однажды мне, в ту пору декану факультета, студенты задали вопрос: "Как вы относитесь к узким брюкам?" Я ответил, что если узкие брюки не характеризуют уозсть мышления их владельца, то безразлично. В самом деле, я полагаю (может быть, иные со мной не согласятся), что незачем связывать моду с идеологией. Нам теперь смешно слышать, как борцы с мешанством устраивали суды над носителями галстуков, колец или модных ботинок. Мы понимаем, что мешанство состоит совсем не в этом. Почему же некоторые авторы и лекторы с серьезным видом рассуждают о том, что драные и грязные джинсы, нечесанные, немые волосы или еще что-либо в этом духе отображают протест молодежи против условий ее жизни в современном обществе?

Всему должно быть свое время и место. Если парень ходит по улице в джинсах, специально натертых песком до появления на них пятен износа, с раздерганными до бахромы штанинами, словом, в одежде, аналогичной той, в которой в мои времена уходили с грязной работы штукатуры и маляры, - это дело его вкуса. Но когда тот же парень появляется в джинсах-"варенках" на защите дипломного проекта перед Государственной экзаменационной комиссией - это безобразие и неуважение к институту и к самому себе. Если девушка ходит по улице с прической, которую остроумно называли "взрыв на макаронной фабрике", - это ее дело. Но когда студентка с такой прической однажды появилась у меня на лекции, я в перерыв попросил старосту группы осторожно передать ей мою нижайшую просьбу - покинуть занятия и в таком виде больше не появляться, так как слишком "красивая" ее прическа отвлекает меня от лекции. Через день эта студентка, нормально причесанная, вновь была на моей лекции, и до чего же она хорошо выглядела!

На мой взгляд, бороться с гримасами моды надо не с помощью товарищеских судов, окриков или крутых запретов. Здесь значительно лучше действуют ирония, вовремя сказанное слово. Расскажу случай из личной жизни. За два года до того, как мы с Беллочкой поженились, как-то днем я пришел на Заиковскую (есть такая улица в Харькове), чтобы пригласить мою подружку пойти вечером в театр. Надо сказать, придя, я был неприятно удивлен тем, что вместо обычной прически, которая мне очень нравилась, на сей раз красивые волнистые волосы Беллочки были

уложены в модную прическу "с рогами", которая, на мой взгляд, ей совсем не шла. Мы уже более двух лет дружили, поэтому я считал возможным высказаться в том смысле, что прежняя прическа была лучше и что неплохо бы к ней вернуться. В ответ услышал, что ей, Беллочке, так нравится и, вообще говоря, это не мое дело. Я не стал настаивать и, как было раньше предусмотрено, поехал к себе домой, чтобы переодеться и вернуться вечером перед театром. Дома я вымыл голову и волосы (тогда их было еще достаточное количество), расчесал на прямой пробор с завитушками на лбу, словом, сделал такую прическу, какую в захудалых фильмах носят приказчики и официанты в кабаках. Глянул в зеркало -противно до невозможности!

Чтобы не подвергаться насмешкам в трамвае и на улице, глубоко натянул кепку и поехал к моей дорогой. Эффект был прекрасный - Беллочка потребовала, чтобы я немедленно причесался по-прежнему. В ответ она услышала, что мне так нравится и что, вообще говоря, не ее дело. Рассмеявшись, она ушла в другую комнату и, разрушив модную прическу, причесалась по-старому, то есть так, как мне нравилось (и нравится вот уже скоро 60 лет). Я тоже придал своим волосам обычное положение. Довольные друг другом, мы ушли в театр.

Но вернемся в аудиторию, где шел "суд" над Гришкой Добиним. Мы оставили его в тот момент, когда настроение присутствовавших в зале было в основном в пользу Григория. Но пока мы рассуждали о моде, настроение зала резко переменялось и стало не в пользу Добина. Дело в том, что речь пошла о недостойных выражениях и пошлостях, которые "обвиняемый" допускал в присутствии девушек. Здесь ему досталось и от суда, и от выступавших из зала, поскольку в студенческой среде тех лет существовал негласный, но твердый закон - сквернословить и нести пошлятину в присутствии девушек нельзя. Не помню, как был сформулирован приговор "суда", но вполне уверен, что после такой проработки Гришка поукоротил свой язык.

Кто-либо, прочитав эту часть моих записок, подумает, что я не избежал участи других стариков, которые считают, что раньше все было лучше, да и молодежь была не чета нынешней. Может быть, я невольно чуть-чуть идеализирую студенческую среду периода моей молодости. Но все же дело не в этом. Даже внося поправку на эту идеализацию, не могу не видеть, что за период жизни моего поколения, особенно в последние годы, средний уровень интеллигентности молодежи существенно менялся. Он двигался как бы по экстремальной кривой: вначале повышался, а в последние одно-два десятилетия пошел вниз, особенно резко в после-

дни года. Это с беспокойством признают многие публицисты, и не только они.

Интеллигентность, на мой взгляд, включает комплекс признаков, свойственных человеку, причем, необязательно связанных с его формальным образованием. Возьмем, например, затронутый выше вопрос об уважительном отношении к собеседнику или, как говорят, культуре речи. Одной из сторон этого признака интеллигентности является незасоренность речи бранными или нецензурными словами, пошлостями и грубостью. Не могу сказать, что лексикон ребят в мои студенческие годы блистал чистотой. Нет, в очень большом количестве случаев терминология, которую использовали студенты, была далека от требований культурной речи. Кое-кто даже бравировал якобы "рабочей" простотой языка. Но все же речь, пересыпанная нецензурщиной, не считалась достоинством парня или нормой его общения с другими людьми. К сожалению, сквернословие нынче в очень многих случаях за грех не считается, а в последние годы оно в какой-то мере стало модой не только для парней, но и для девушек. Вот случай, свидетелем которого я был недавно. На территории, расположенной между корпусами института, оживленно и громко болтая, меня обогнали две студентки. Одна из них, используя большой набор нецензурных слов, рассказывала другой о постигшей ее неудаче со сдачей очередного зачета. Некоторые считают, что такая "образная" речь якобы придает девушкам мужественность и пикантность (мне кажется, весьма сомнительного свойства). Как мы дошли до этого? На мой взгляд, несколькими путями. Прежде всего, постепенным снижением среднего уровня культуры. Я знаю доцентов и профессоров, даже одного очень известного академика, специалиста по вычислительной технике, которые в мужской компании вполне равнодушно вплетают в речь нецензурщину. Не могу себе представить ни одного из своих бывших учителей и профессоров, которые были бы способны на это!

Безусловно, разрушающим (в рассматриваемом смысле) является воздействие некоторой части литературы и прессы. Долгожданная свобода слова, провозглашенная ныне, некоторыми авторами понята не только как свобода говорить и писать о чем угодно, но и как полная свобода писать как угодно, не стесняясь в выражениях. Некоторые журналы как будто соревнуются между собой - кто больше опубликует нецензурщины. А в скольких телепередачах и видеофильмах текст "украшен" крепкими выражениями и пошлостями!

В. Решетников в газете "Известия" от 3 июня 1992 года пишет: "После падения коммунизма запреты, с помощью которых местные власти боролись за нравственность, перестали быть популярными. Сегодня на

сцене разрешено делать все: ходить голым, орать матом и призывать оторвать кому-либо голову".

Как бы мне хотелось дожить до суда, не административного, нет, а общественного, товарищеского, над носителями элементов и средств антикультуры в нашей стране! Если уж не мне, то хотя бы моим детям и внукам. Возможно, кто-либо, ссылаясь на права человека, упрекнет меня в слишком резком тоне моих заметок об антикультуре, считая, что каждый волен делать то, что хочет. Я отвечаю моим оппонентам словами Льва Толстого:

"Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше - жизнь снесет".

ДАЛЬТОН-ПЛАН

И ШАХТЕР СТЕПАН НЕГУРЫЦЯ

Более шестидесяти лет я связан с учреждениями технического образования - то в качестве студента, то в качестве преподавателя. В течение этих лет по инициативе начальства (наркоматов, комитетов, министерств) неоднократно проводились различные эксперименты над учебными планами, учебным процессом, методикой обучения. В разгар одного из таких экспериментов в 1930 году я поступил, как уже писал выше, в машиностроительный и конструкторский техникум при заводе "Свет шахтера". Эксперимент назывался бригадно-лабораторным методом обучения, а коротко - Дальтон-планом. Как показывает его краткое наименование, метод обучения был, по-видимому, заимствован в одной из англоязычных стран, скорее всего в Америке.

Главная идея Дальтон-плана состояла в перенесении центра тяжести обучения на самостоятельную работу студента. В связи с этим большинство лекций были отменены, они были заменены практическими и лабораторными занятиями, а также консультациями преподавателей. В соответствии с перечнем литературы и достаточно большим объемом домашних заданий студент должен был изучать тот или иной предмет самостоятельно, сдавая многочисленные зачеты. Словом, в оригинале Дальтон-план немного напоминал существующую ныне систему заочно-

го обучения с той только разницей, что посещение практических занятий и консультаций было для студентов обязательным, а лабораторные работы надо было отрабатывать в определенные сроки.

При перенесении Дальтон-плана на нашу почву были сделаны два, на первый взгляд незначительных, дополнения. Во-первых, для самостоятельного обучения студенты были объединены в бригады, в связи с чем "наш" метод получил наименование бригадно-лабораторного. Во-вторых, была отменена оценка знаний учащихся по пятибалльной системе, использовали только два варианта: "удовлетворительно" и "неудовлетворительно" (по-украински - "задовшньо" и "незадовшньо"). Бригады формировали не по желанию студентов, а по алфавитному списку. Так, например, моя бригада состояла из четырех человек: Поляков Михаил, Поляков Федор (однофамилец), я и Свириденко Арсений.

Список литературы и домашние задания выдавали по одному экземпляру на бригаду. Соответственно и сдавать домашние задания, графические и лабораторные работы надо было в одном экземпляре, подписанном всеми членами бригады. Отвечал при зачете тот член коллектива, на которого указывал бригадир. Как вы думаете, какова была технология выполнения студентами домашних заданий? Не сомневаюсь, что ответ вы угадали. Каждое задание делал один человек, а подписывали все. Исполнитель сдавал зачет, а остальные, как говорят о четвертом игроке в преферансе, "при сем присутствовали и руками размахивали". Мне, например, всегда легко давалась математика. Поэтому все домашние задания по математике выполнял я, я же отвечал на зачетах. Наш бригадир - Мишка Поляков (бригадиров назначали тоже по алфавиту) любил теоретическую механику и сопромат. Поэтому все задания по этим дисциплинам выполнял и сдавал он. Федька Поляков хорошо чертил, всю графику в бригаде исполнял он. Арсений Свириденко был слабо подготовлен, поэтому бригада ему практически не поручала выполнение каких-либо заданий, он просто подписывался под результатами работы других. Его дело было - достать и принести ватман, бумагу, карандаши, в общем, обеспечить "материальную часть" учебного процесса.

Преподаватели, конечно, знали, как работают студенты. Некоторые из них пытались как-то пополнить и усовершенствовать знания студентов, используя практические занятия и объявляя обязательным посещение часов, отведенных для консультаций. Помню, в частности, преподавателя математики Медведева. Никогда не видел, чтобы фамилия так подходила человеку. Невысокого роста, очень широкоплечий, почти квадратный, хромым на одну ногу, с крупной головой, не пропорциональной туловищу, с лицом, обросшим черной щетиной, громким голо-

сом - Медведев представлял собою живописную фигуру. Входя в аудиторию, он еще за дверями громко произносил: "А ну, Резшков (Поляков, Сидоров или кто другой из студентов), щть до дошки!" (Идите к доске). Надо было пулей лететь к доске и вооружаться мелом и тряпкой, потому что уже через несколько секунд, усевшись на стул, положив больную ногу на здоровую, скрестив на груди руки, Медведев начинал диктовать условия очередной задачи. Написав условие, Резников (или кто другой, вызванный к доске) начинал решать задачу. Преподаватель в процессе решения ничего не подсказывал, только с разными интонациями произносил одно и то же слово: "Так! Та-ак! Та-а-ак!" Задавать вопросы Медведеву по ходу решения было нельзя. Стоять и молчать тоже нельзя - он грозно рычал что-то невразумительное. Поэтому студент, если знал решение, писал его молча на доске, а если не знал - писал что Бог на душу положит. В последнем случае вскоре следовал вопрос: "Заюнчили?" (Окончили?), - и в случае положительного ответа под смех класса произносилось: "зтрьть! Усе неправильно! Почнемо знову!" (Сотрите! Все неправильно! Начнем сначала!). У нас это называлось "получить от Медведева под зад лапой" или "продемонстрировать медвежью болезнь".

Я размышляю, зачем Медведеву была нужна такая игра, тем более что он при вторичном решении задачи обстоятельно и подробно все разъяснял? Думаю, что были две причины. Первая - нежелание студента попасть под осмеяние классом и последующие ядовитые комментарии товарищей по поводу "медвежьей болезни" заставляли каждого серьезно готовиться к занятиям по математике. Вторая - в то время, когда студент томился у доски и что-то писал, Медведеву удавалось заметить слабые стороны подготовки, что позволяло ему делать тот или иной акцент в процессе последующих объяснений.

Преподаватель Звеняцкий, который вел предмет, именуемый "Машиноведение", принимал свои меры для того, чтобы студенты индивидуально и серьезно готовились к зачетам. На зачет он приносил 10-12 различных книг по машиноведению и, вручая одну из них очередному студенту, говорил, допустим: "Найдите мне конструкцию парового котла типа "Бабкок - Вилькокк" и расскажите, как он устроен". Не отпуская студента от себя, он смотрел, сколько времени сдающий зачет ищет в книге конструкцию котла и читает ли текст, относящийся к этой конструкции. Если быстро найдет и сразу начинает рассказывать, значит, читал книги по машиноведению - получи свой "зад" и можешь идти. Если же возишься долго, то уж, извини, - "незад".

Бригадно-лабораторный метод устраивал многих моих сверстников - работы мало, свободного времени много! Но в техникумы, особенно про-

изводственного направления, поступали не только те, кто пришел со школьной скамьи, а и молодые рабочие, пришедшие с предприятий. И многие из этой части студенчества были недовольны бригадно-лабораторным методом обучения, так как полагали, что техникум должен дать не только свидетельство, но и объем знаний, недостаток которых они ощутили на практике.

В нашей группе, например, был молодой шахтер Степан Негурыця. В ранней юности он остался круглым сиротой и пошел работать коногоном на шахту. Потом был подручным у забойщика. Когда Степану исполнилось 19 лет, он закончил вечернюю школу, и комсомольская организация шахты послала его на учебу в техникум. Негурыця привык в годы работы на шахте трудиться на совесть, ничего не делать спустя рукава, на халтуру, и не прятаться за чужую спину. Поэтому бригадно-лабораторный метод был ему не по сердцу. Степан пошел к директору техникума и добился разрешения организовать бригаду не по алфавиту, а из таких же, как он, молодых рабочих. В этой бригаде был установлен совсем другой порядок, чем, например, в нашей. Получив очередное домашнее задание, его размножали в количестве экземпляров, соответствующем числу членов бригады. Затем каждый самостоятельно выполнял задание от начала до конца. Когда все заканчивали работу, члены бригады собирались, сопоставляли варианты решения, совместно отыскивали и анализировали ошибки, уточняли и отбирали вариант, который затем представляли к зачету. Конечно, такой метод работы над учебным материалом требовал большой затраты времени, поэтому часто после занятий в аудиториях техникума можно было видеть членов бригады Негурыцы, склонившихся над книгами или тетрадами.

Естественно, что при столь упорной работе (да и способностями, видно, Бог не обидел), Негурыця к концу первого года обучения стал одним из лучших студентов. Единственным предметом, который ему никак не давался, был немецкий язык. Язык у нас преподавала немолодая женщина, Марта Францевна, по-видимому, старая дева, из бывших гувернанток. Невысокая, сухонькая, слегка сутулая, на седой прическе - шляпка или наколка, удерживаемая длинной шпилькой с шариком на конце, в темном платье с кружевным воротничком и с кружевными же манжетами, с золоченым пенсне на шнурке - вот как она выглядела. Язык, конечно, знала, но управиться с такой аудиторией, как наш класс, не могла. Поэтому пошла по пути наименьшего сопротивления - при малейших признаках знаний, демонстрируемых студентом, каллиграфическим почерком выводила в зачетной ведомости универсальную оценку "задовшьно".

С Негурыцей же было совсем плохо. Вместо того чтобы на элементарный вопрос: "Was ist das?" - ответить: "Das ist ein Buch", - он намертво замолкал, каким-то потусторонним взглядом смотрел прямо перед собой и только изредка рукавом вытирал крупные капли пота со лба. В конце первого года обучения педсовет техникума решил, имея в виду положительные отзывы ряда учителей, перевести Негурыцу на второй курс при одной неудовлетворительной оценке. Хуже обстояло дело в конце второго курса, когда изучение иностранного языка заканчивалось и неудовлетворительная оценка грозила Негурыце оставлением на второй год или отчислением из техникума. Последние недели весеннего семестра второго курса Степан ходил мрачнее тучи, студенту, который задал бы ему вопрос о немецком языке, грозила взбучка.

Но вот однажды после выходного дня Негурыця явился в класс веселый, общительный и добродушный, как всегда. В этот день был последний в году урок немецкого языка. Негурыця с него ушел. Мы были удивлены: Негурыця обычно занятий не пропускал, тем более по языку. Наше удивление неизмеримо возросло, когда кто-то из сидевших за первой партой, заглянув в зачетную ведомость, которая лежала у преподавательницы на столе, увидел против фамилии Негурыцы положительную оценку. Сенсация! Члены бригады, друзья Негурыцы, которых мы начали допрашивать в перерыв, отбивались, загадочно улыбаясь. Только через несколько дней под большим секретом, оглянувшись вокруг - нет ли вблизи скорого на расправу Степана, один из них рассказал байку о том, как, якобы, Негурыця получил зачет. Будто бы он уговорил Марту Францевну прийти в выходной день, чтобы в последний раз проверить его знания. Взяв на вахте ключ от какой-то дальней аудитории, Степан, вежливо пропустив учительницу вперед, зашел за ней, запер дверь и ключ положил в карман. На недоуменный вопрос Марты Францевны он якобы ответил, что она не выйдет отсюда до тех пор, пока не поставит оценку "задовшньо". Возмущенная пленница заявила, что начнет кричать. "Кричите, - якобы сказал Негурыця, - никто в этой дальней аудитории вас не услышит". Марта Францевна требовала, чтобы он ее выпустил, угрожала тем, что будет жаловаться директору техникума, на что якобы Степан сказал, что продержит ее здесь всю ночь, а рано утром, когда придут уборщицы, выйдет вместе с нею и распустит по техникуму слух, что они провели ночь в аудитории. Последний аргумент будто бы так сильно повлиял на бывшую гувернантку, что она вытащила из сумки зачетную ведомость и на глазах узурпатора свободы и очернителя авторитета ее непорочности поставила искомую оценку. Чтобы не смущать

Марту Францевну, Негурыця не пошел на ее последний урок.

В самом ли деле так было или это была фантазия местного трепача -не знаю. Думаю, что скорее всего Марта Францевна просто пожалела парня и выставила ему зачет.

Возвращаясь к вопросу о бригадно-лабораторном методе, замечу, что он вызвал большие нарекания в педагогических коллективах высших учебных заведений и протесты студенческих коллективов (о студентах того времени я еще расскажу). Поэтому в сентябре 1932 года специальным постановлением правительства этот метод был осужден, восстановлены лекции, экзамены и пятибалльная система оценки знаний. Были восстановлены и вступительные экзамены, так что мне, поступавшему в то время в Харьковский механико-машиностроительный институт, пришлось сдавать экзамены по всей форме.

Но перед тем как закончить рассказ о техникуме, скажу несколько теплых слов о его директоре Лебедеко (имени и отчества, к сожалению, не помню). Лебедеко был среднего роста, с резкими чертами лица, какие рисуют обычно на плакатах у рабочих, с немного суровым взглядом, седой копной зачесанных наверх волос, одет в полувоенную форму, почти обязательную в те годы для всех руководящих работников, ходил твердо и четко, как в строю. Несмотря на строгий внешний вид, к молодежи относился тепло и сердечно, где мог, помогал и защищал. Редко пользовался административными мерами воздействия, больше любил разговор "по душам".

С директором мне пришлось встретиться с глазу на глаз всего один раз - через четыре месяца после того, как я поступил на первый курс техникума. Время было довольно беспокойное, начинались репрессии по отношению к невинным людям. Только-только закончился громкий процесс Промпартии, в котором большая группа инженеров и ученых во главе с профессором Рамзиным была осуждена якобы за вредительство в промышленности. Мне довелось присутствовать однажды на открытом судебном процессе при рассмотрении дела "вредителей - членов Промпартии" на Украине. Отец моего друга Леньки Кушнира был членом правительства Украины, кажется, наркомом здравоохранения или его заместителем. Правительство тогда находилось в Харькове. Он достал два пропуска на заседание суда, которое проходило на Рымарской улице в зале Оперного театра. Судьи, прокуроры и защитники находились на сцене, здесь же за невысокой загородкой под охраной сидели и подсудимые. Мыс Ленькой побыли в зале часа три. Ему было интересно, а мне, откровенно говоря, нет. Единственное, что меня удивило, это то, что подсудимые (шел их допрос) говорили о себе ужасные вещи, при-

знавались в преступлениях, но как-то равнодушно, будто по заученному тексту.

Находясь в зале, я не думал, что тень этого процесса чувствительно заденет и нашу семью. После осуждения Промпартии ГПУ (Государственное политическое управление) начало поиск "пособников". И вот какой-то мерзавец в декабре 1930 года написал в ГПУ анонимку, в которой возводил клевету на моего отца, тогда заведовавшего кафедрой в Харьковском механико-машиностроительном (бывшем технологическом, затем политехническом) институте. Отца немедленно арестовали, забрали прямо с работы. До позднего вечера мама и я, обеспокоенные отсутствием отца, не могли понять, где он. Люди были так запуганы, что никто из сотрудников кафедры и лаборатории не осмелился прийти к маме и рассказать об аресте. Только когда она в десятый раз пришла в корпус мастерских, на втором этаже которого помещалась кафедра обработки металлов резанием, старик вахтер, оглянувшись по сторонам, осторожно поманил ее пальцем и тихонько на ухо сказал, в чем дело.

После бессонной ночи мама утром помчалась на Совнаркомовскую улицу, где находилось ГПУ. Полдня простояв в различных приемных, наконец, узнала фамилию следователя и номер камеры в следственной тюрьме, где находился отец. Когда я вернулся из техникума, мы начали собирать отцу первую передачу - элементарно необходимые вещи и кое-какие продукты. Утром следующего дня мама унесла передачу в приемный пункт тюрьмы. В этот же день меня неожиданно вызвал к себе директор техникума Лебеденко. Он уже все знал (ГПУ работало быстро и четко), спросил меня, что я думаю об аресте отца. Я сказал, что вполне уверен в его невиновности. Лебеденко помолчал, потом сказал: "Ладно, пока учись. Арестованный еще не значит осужденный. Только поменьше болтай". И отпустил меня.

Конечно, директор рисковал. В те времена арест кого-либо из членов семьи сразу бросал зловещую тень на всех родственников, и всякого рода перестраховщики начинали принимать по отношению к ним свои "меры". Лебеденко ничего не сделал, не отстранил меня от занятий, не перевел на заочное отделение, ничего никому не сказал, тем самым взяв ответственность на себя.

Последующие пять месяцев мы с мамой жили только короткими записками, которые раз в неделю получали от отца в обмен на передачу. Однажды он попросил прислать писчую бумагу и логарифмическую линейку. Мама долго ходила по инстанциям ГПУ, пока добилась, наконец, разрешения передать отцу линейку, но без визирного стеклышка. Просьба прислать линейку несколько ободрила нас, мы поняли, что отец

спокоен и чувствует себя уверенно. Действительно, как мы узнали позже, находясь в заключении, он продолжал работать над задуманной ранее системой расчета геометрических параметров режущих инструментов. Будучи в тюрьме, подвергаясь допросам и унижениям, отец находил отдохновение и черпал уверенность в своей правоте, углубляясь в любимую работу. Известная ныне, входящая во все учебники по резанию и инструментам система формул так называемой единой геометрии режущих инструментов была разработана отцом именно во время заключения.

Наши терзания закончились так же неожиданно, как и начались. В середине мая, точнее 12 мая 1931 года, к вечеру вдруг открылась дверь и в квартиру вошел отец в зимнем пальто и в теплой шапке, с вещевым мешком за плечами. Мама упала в обморок, я и няня металась между родителями, Борисик плакал. Вскоре, однако, радость встречи и освобождения овладела нами, отец, исхудавший и какой-то серый, принял ванну и, обняв всех нас сразу, начал очень немногословный рассказ о том, что с ним было (при выходе из тюрьмы он дал подписку ничего не разглашать). В семейном архиве хранится с тех пор небольшая, плохо опечатанная на машинке справка, которую привожу в переводе с украинского:

Справка

Народный комиссариат

По распоряжению прокурора ЭКУ юстиции 12. V. 31 ГПУ УССР т. Кабаненко дана сия № 90е70943 Резникову Науму Иосифовичу в том, что дело его, которое возникло в ведении ЭКУ ГПУ УССР по обвинению по статье 54- 7 УК, Прокуратурой республики на основе статьи 5 УК от 12. V. 31 закрыто.

Инструктор-корреспондент /Грановская/

Вот и все! А сколько мучений мы пережили! Благодаря стойкости отца и его честности следователям не удалось заставить его возвести на себя напраслину, а никаких фактов, естественно, у них не было. Пришлось дело, возбужденное по статье 54 Уголовного кодекса (по-видимому, экономические преступления), закрыть, а обвиняемого освободить.

Через несколько дней я в коридоре встретил Лебеденко, поздоровался, он мне ответил доброжелательной улыбкой. Конечно, директор уже знал об освобождении отца.

ПРОФЕССУРА И ДОЦЕНТЫ ГЛАЗАМИ БЫВШЕГО СТУДЕНТА

Еще будучи студентом техникума, я познакомился с заведующим кафедрой турбостроения Харьковского механико-машиностроительного института (ХММИ) профессором Маковским Владимиром Матвеевичем и знал этого крупного ученого до конца его жизни. Знакомство произошло при следующих обстоятельствах. В. М. Маковский работал вместе с моим отцом в Днепропетровском горном институте. Вскоре после нашего переезда в Харьков он с женой также приехал в этот город, оформляя свой переход в ХММИ.

Мои родители по прибытии четы Маковских в Харьков пригласили их к себе на обед. Тогда и состоялась моя первая с ними встреча. Владимир Матвеевич был худощавым человеком выше среднего роста, с зачесанными наверх не очень густыми седоватыми волосами и небольшой бородкой клинышком. Привлекали внимание его глаза - немного округленные, редко мигающие, с каким-то особым любопытством и удивлением глядевшие на мир. Говорил он тихо, немного нараспев.

В. М. Маковский был очень рассеянным человеком. Еще в Днепропетровске говорили, что перед тем как войти в трамвай, чтобы ехать в институт, он снимал галоши. Студенты, знавшие его в лицо, брали эти галоши и на конечной остановке у Горного института ставили их возле подножки трамвая. Владимир Матвеевич как ни в чем не бывало надевал свои галоши и шел на работу. Но эту историю я слышал применительно и к другому какому-то ученому, поэтому не очень ей верил.

Однако мне самому пришлось убедиться в крайней рассеянности профессора Маковского во время его визита к моим родителям. За обеденным столом что-то обсуждая с отцом, автоматическим движением он положил в верхний карманчик пиджака столовую ложку. Мой маленький братишка Борисик как защитник домашнего очага немедленно вслух задал маме вопрос: "Зачем дяде наша ложка?" Мама нашла дипломатический выход из положения, сказав: "Владимир Матвеевич, Вы вместо карандаша положили в карманчик ложку". Маковский посмотрел на маму своими круглыми глазами, наконец понял, в чем дело, усмехнулся и со словами: "Ай-ай-ай! Извините, пожалуйста!" - возвратил ложку на место. Однако через несколько минут, в пылу беседы, у него из карманчика уже торчала вилка. Братишка как человек последовательный не-

медленно задал новый вопрос: "Мама, а зачем теперь дяде наша вилка?" Тогда уже вмешалась супруга Владимира Матвеевича, вынула злополучную вилку и положила ее на стол.

Когда гости начали прощаться, в передней комнате профессор прежде всего подал руку своей жене. Затем упорно пытался надеть галоши моего отца, которые были ему малы, и только после объяснения супруги, что он пришел без галош, успокоился. Это то, что я видел лично. Разные анекдоты о рассеянности профессора Маковского я слышал и в более поздние годы, уже будучи студентом и аспирантом ХМ МИ.

В литературе и в устном фольклоре содержится много рассказов о бытовой рассеянности крупных ученых. Всем известны, например, рассказы о рассеянности Д. И. Менделеева. Но интересно отметить, что эти ученые были образцом собранности при разработке научных идей и проведении оригинальных экспериментов. Чем объясняется это противоречие (свойственное, кстати, и В. М. Маковскому)? Не знаю, как его объясняют психологи, но я думаю, что у человека, захваченного какой-либо идеей, мозг работает над этой идеей независимо от того, чем занят и что делает его владелец. Может быть, это грубая аналогия, но мозг здесь уподобляется мною управляющему крупным предприятием при решении неотложных экстремальных проблем производства, когда времени и сил не хватает на решение текущих задач. Занятый главной работой, мозг не успевает своевременно подавать команды исполнительным органам, и те, оставшись "без присмотра", автоматически делают то, что когда-то делали раньше (например, вместо карандаша кладут в карманчик пиджака ложку).

Владимир Матвеевич Маковский разрабатывал такую "генеральную" идею всю жизнь. Один из основателей отечественной научной школы турбостроения, он был автором идеи и руководителем коллектива, создавшего первую в нашей стране стационарную газовую турбину. Коллектив возглавляемой им кафедры вместе с инженерами Харьковского турбогенераторного завода (ХТГЗ) в конце тридцатых годов разработал конструкцию турбины мощностью 1000 л. с. Турбина была построена на ХТГЗ в 1940 году и предназначалась, по видимому, для эксплуатации на одной из шахт в Горловке. Об этом свидетельствует упоминание, что в период Великой Отечественной войны турбина конструкции Маковского была с помощью сотрудников ХМ МИ эвакуирована из Горловки, приведенное в цитированном уже мною сборнике "100 лет ХПИ".

Владимир Матвеевич, к сожалению, не мог участвовать в испытаниях и пуске своего детища в 1940 году, так как лежал при смерти в Харькове. Отец, регулярно навещавший умирающего, рассказывал мне, что

последние десять дней жизни Владимир Матвеевич полностью отключился от окружающей обстановки, лежал неподвижно и молча, с закрытыми глазами. Однажды к нему прямо с поезда пришел доцент Кричевский, только что возвратившийся из Горловки. Подойдя к ложу своего учителя, он сказал: "Владимир Матвеевич! Испытания идут успешно, турбина вошла в рабочий режим!" Старый профессор открыл глаза и сказал: "Ну вот и все. Теперь я могу умереть!" И через два часа скончался.

Какую силу духа, какую преданность делу надо иметь, чтобы удерживать в немощном теле уходящую жизнь, экономить последние ее крохи, дожидаясь сообщения об удачном завершении своих трудов! Пример истинного трудового героизма и выдающегося человеческого достоинства!

В период моего пребывания студентом (а потом аспирантом) ХМ МИ я неоднократно слышал острые, безбоязненные и принципиальные выступления профессора Маковского на различных собраниях. В Коммунистическую партию он вступил на склоне лет, хотя был организатором и участником студенческих марксистских кружков в Харьковском технологическом институте еще в 1896 году.

Мне известно, что Владимир Матвеевич прекрасно читал лекции (правда, говорили, что он мог, не найдя тряпки, которая лежала тут же, на кафедре, вытереть доску носовым платком и сунуть его в карман брюк). К сожалению, я его лекций не слушал, так как поступил в институт не на турбинную, а на другую специальность - "Двигатели внутреннего сгорания".

Вообще говоря, я хотел поступить в институт на специальность "Механосборочное производство", о которой имел некоторое представление, поскольку в техникуме обучался по специальности "Холодная обработка металлов". Однако в сентябре 1932 года, когда я поступал в ХМ МИ, набора на интересующую меня специальность не было, пришлось поступать на другую. На свою "родную" специальность я перевелся позднее, о чем расскажу в дальнейшем.

Первый день первого для меня учебного года в вузе открылся лекцией по высшей математике. Лекция проходила в большой аудитории, ряды парт поднимались вверх от небольшой эстрады, на которой стояла кафедра. В аудитории находились 200-300 студентов различных специальностей энергомашиностроительного факультета. Непривычность обстановки для первокурсников и некоторая торжественность момента были причиной того, что в аудитории еще до звонка было очень тихо. Наконец раздался звонок, и из боковой двери легкой походкой, почти вприпрыжку вбежал профессор Владимир Фомич Бржечка. Представьте себе сильно увеличенную в размерах птичку, например воробья, уберите у нее

хвост и клюв, оденьте в пиджак, жилет и брюки, белоснежную рубашку и черный галстук, и у вас создастся первое впечатление о нашем профе-соре математики. Очень невысокого роста, подвижный, ни минуты не стоявший на месте, с круглой лысеющей головой, небольшими усиками над слегка выступающей вперед верхней губой, Владимир Фомич читал артистически. Не делая никакого вступления к предмету, он объявил тему первой лекции: "Бесконечно малые величины" - и начал ее вопросом: "Что такое бесконечно малая величина?" Хитро прищурился и ответил: "Одна десятая? Меньше!.. Одна сотая? Меньше! Одна тысячная? (Бржечка был чех, и это сказывалось на его произношении. Меньше! Одна десатитисачная? Опять меньше!.. Одна сотисачная? И тоже меньше!" Овладев вниманием аудитории, заинтриговав всех без исключения слушателей этой серией вопросов, произнесенных с красивыми интонациями, показывающими, что лектор как будто искренне сам ищет ответ на поставленный вопрос, он далее точно сформулировал понятие о бесконечно малой величине: "Если заранее возьмем некоторую сколь угодно малую величину, то бесконечно малая всегда меньше ее". Отнюдь не диктуя, он несколько раз, как бы раздумывая, повышая и понижая голос, повторяя это важное понятие, менял порядок слов во фразе, например: "Бесконечно малая всегда меньше, чем любая заранее взятая, сколь угодно малая величина", - давая возможность каждому студенту записать в конспекте определение в любом из понравившихся ему вариантов.

Внутренним чутьем педагога убедившись, что студенты готовы слушать дальше, Владимир Фомич произнес новую фразу: "Бесконечно малые величины, как микроскопические кирпичики, создают здание дифференциального и интегрального исчисления", - причем произнес это так, как будто любовался чудесным фантастическим зданием математики.

В одной из предыдущих глав этих записок я перечислил четыре афоризма, относящихся к педагогическому мастерству. На фоне воспоминаний о лекциях профессора Бржечки и некоторых других преподавателей ХМ МИ я сформулирую еще несколько афоризмов.

Пятый: "Лекция - театр одного актера". Лекция - это небольшой спектакль (кстати, и продолжительность лекции соответствует продолжительности некоторых спектаклей). Спектакль, как известно, оказывается удачным, если в нем удачны все компоненты - содержание, внешний вид и мастерство актеров, оформление. О содержании лекции и отборе материала к ней я уже писал выше. Теперь остановимся о вопросе на мастерстве лектора. "Борода еще не делает козла раввином" - гласит ев-

рейская пословица. То, что кому-либо поручен курс лекций, еще не делает его педагогом, лектором.

Чтобы лекция прошла на надлежащем уровне и принесла удовлетворение как слушателям, так и лектору, преподавателю необходимо обладать многими элементами актерского мастерства. Это прежде всего хорошая дикция. Затем - умение целесообразно модулировать интонации речи по ходу изложения учебного материала. Далее - умение в одних местах держать паузу, а в других - проявлять экспрессию. Немаловажную роль также играет целесообразная и красивая жестикуляция лектора.

Кроме Владимира Фомича Бржечки, который в большой мере обладал перечисленными мною элементами артистизма, я знал и других прекрасных лекторов. В некоторых потоках ХМ МИ (к сожалению, не в моем) курс теории машин и механизмов читал профессор Столяров (инициалы не помню). Его "коньком" была лекция по зубчатым соединениям. Многие студенты других факультетов и даже старших курсов заранее узнавали, когда Столяров читает эту тему, чтобы прийти на лекцию, а диспетчеры учебной части, зная, что она будет многолюдной, отводили под лекцию большую аудиторию. Профессор входил, немного театрально здоровался со слушателями и начинал изложение. Красивая речь, точная по содержанию понятий и вместе с тем с неожиданными оборотами, сравнениями (например, "зубчатые колеса, интимно зацепляясь"), превращала геометрические тела как бы в оживленные элементы машин, движущиеся и действующие по целесообразным законам. Лектор увлекал студентов, вел их по пространству, занятому этими телами, изредка останавливаясь, чтобы полюбоваться целесообразностью их формы и логикой движений.

В противоположность воспоминаниям о лекциях профессоров Бржечки и Столярова, приведу воспоминания о лекциях по гидравлике, которые в нашем потоке читал академик Украины Георгий Федорович Про-скура. Смуглый, с седой лысой головой и седыми небольшими усами, Г. Ф. Проскура держался очень прямо, жестикулировал весьма скупно, читал лекции тонким голосом, неожиданным при его высоком росте и крупных чертах лица. Голос почти не содержал звуковых модуляций, только концы некоторых фраз произносились на неожиданно низких нотах, отчего слова выпадали из контекста и терялись. Требовались большие усилия, чтобы уследить за ходом мысли лектора, не поддаться усыпляющему действию его монотонного голоса. Поэтому перед лекциями Г. Ф. Проскуры студенты спешили занять четыре задних ряда в аудитории на втором этаже главного корпуса (так он тогда назывался, теперь,

кажется, зовется иначе), где мы обычно слушали гидравлику. Эти ряды не имели подъема по отношению друг к другу, в отличие от предыдущих, и поэтому были плохо видны с места лектора. К тому же Г. Ф. Про-скура имел обыкновение смотреть только на слушателей, сидящих в первых рядах аудитории. Студенты, сидевшие в задних рядах, во время лекции по гидравлике могли заниматься чем угодно, даже дремать.

Помню, однажды я прибежал в аудиторию за несколько минут до звонка, когда все ряды, кроме первого, были уже заняты. Пришлось мне сесть в первый ряд. А я, надо сказать, в тот день не выспался, так как допоздна провожал известную вам теперь Беллочку и шел с Заиковской улицы домой пешком через весь город, поскольку трамваи уже не ходили.

В первые же минуты лекции я понял, что неизбежно усну под монотонное течение речи педагога, и, конечно же, он это заметит. Безвыходность положения заставила меня пойти на хитрость. Аккуратно изготовив два кружка из бумаги, быстро нарисовал карандашом и отретушировал на каждом из них по открытому глазу. Затем незаметно для лектора укрепил эти кружки за стеклами своих очков, подпер голову рукой, закрыл глаза и блаженствовал в легкой дремоте, не теряя, однако, бдительности.

Кстати, я как-то читал, что аналогичный прием использовал один из корреспондентов, присутствовавших на Нюрнбергском процессе (кажется, писатель Вишневский). Во время длительного чтения каких-то документов он заснул, задрапировавшись рисованными глазами на очках, полагая, что никто не раскроет его секрета. Однако судья неожиданно объявил перерыв, все участники суда и зрители покинули зал. Все, кроме одного корреспондента, сидевшего неподвижно с раскрытыми глазами, подперев голову руками. Корреспондент проснулся от громкого хохота полицейского, подошедшего, чтобы выяснить, в чем дело.

Продолжая рассказ о лекциях Г. Ф. Проскуры, вспоминаю, что однажды в конце особенно непонятной лекции он сделал нашему потоку замечание, что курсовой проект по гидромашинам выполняется студентами не в срок. Один из нас ответил, что по плану у механиков-технологов никакого проекта по гидромашинам нет. "Как - у технологов? - забеспокоился Г. Ф. Проскура. - Вы разве технологи, а не гидромеханики? Боже мой, я вам не ту лекцию прочитал".

А нам было безразлично - все равно мы лектора понимали плохо и ходили на занятия, потому что посещение лекций в те времена было обязательным.

Приведенный пример позволяет сделать замечание о том, что высоко-

кий научный авторитет лектора не всегда залог удачно читаемых им лекций. Конечно, чем выше научная квалификация, тем содержание лекции и ее современность будут выше. Однако научная квалификация педагога - условие, необходимое, но не достаточное для того, чтобы состоялась лекция, в полном смысле отвечающая значению этого слова.

Обсуждая вопрос об артистизме, хочу обратить внимание читателей на то, что пользоваться его элементами следует с известной осторожностью, иначе лекция может превратиться в декламацию, а лектор - стать объектом иронических усмешек студентов. Вот пример. В нашем потоке какую-то из общественных дисциплин читал доцент Михайленко. Некоторые преподаватели общественных дисциплин всегда были склонны к декларативности изложения материала. Михайленко же, как многие мужчины маленького роста, кроме того, говорил громко, назидательно и авторитетно (по-видимому, это придавало ему больший вес в собственных глазах). Любимым жестом доцента было движение руки с вертикально поставленным указательным пальцем. Качая этим пальцем, Михайленко, например, говорил: "Ленин поднял (палец вверх) и углубил (палец вниз) учение Маркса на высшую ступень (опять палец вверх)!" Далее следовал самодовольный взгляд в аудиторию. Невольно вспоминаю выражение, принадлежащее французскому философу Мишелю Монте-ню: "Никто не гарантирован от того, чтобы произнести глупость. Несчастье заключается в том, когда ее произносят торжественно".

Неправильные выражения и слова, засоряющие речь лектора, всегда снижают качество изложения и отвлекают внимание слушателей. Лекции по прикладной механике у нас читал известный ученый, профессор Яков Лазаревич Геронимус. В студенческой среде ходили разговоры, что его диссертация на соискание ученой степени доктора физико-математических наук содержала всего несколько десятков страниц, но была с большим интересом встречена специалистами, так как посвящена решению сложнейшей задачи из области математики. Профессор Геронимус читал лекции четко, ясно, интересно. Но вот примерно в середине курса лекций поступило указание "сверху", обязывающее преподавателей читать только на украинском языке. Яков Лазаревич хотя и жил на Украине, язык знал довольно плохо. Но человек был дисциплинированный и продолжал чтение лекций в нашем потоке на невообразимой смеси искаженного украинского и русского языков. Студенты, в большинстве своем закончившие украинские школы и хорошо знавшие язык, сосредоточили теперь внимание не на содержании лекций, а на фразеологии лектора, записывали и в перерыв читали друг другу однозвучные выраже-

ния. Эффект лекций был существенно снижен.

Разве не мог известный ученый, понимая, что не в состоянии сразу выполнить требование начальства без снижения качества лекций, воспротивиться ему? Нет, тогда это было не принято!

Начальником военной кафедры в ХМ МИ был комбриг Шумов, бывший генерал царской армии, перешедший в дни революции на сторону красных. Он читал у нас тактику. В общем интеллигентный и неплохой человек, Шумов, к сожалению, имел привычку очень часто вставлять в текст своей речи, как говорят "ни к селу, ни к городу", словечко "понимаете", которое произносил быстро, так что оно слышалось как "пти". ("Расположение стрелковой роты, пти, на местности, пти, в данных условиях возможно, пти, в трех вариантах"). Студенты, во-первых, между собой звали Шумова "Комбриг Пти", а во-вторых, на его занятиях соревновались в том, кто больше насчитает этих "пти" за лекцию.

Раз уж разговор зашел о военных, то скажу, что моя внучка Олечка (теперь уже сама мама) всегда вспоминает фразу, ставшую классической в лексиконе учеников тольяттинской средней школы, в которой она училась. Преподаватель военного дела, отставной офицер, на полевых занятиях, поясняя задачу, сказал: "От меня и до следующего столба расстояние 50 метров".

То, что я привел два примера неаккуратной речи военных, отнюдь не следует понимать как мое критическое отношение именно к офицерам-педагогам и офицерам вообще. Наоборот, я знал многих военных, представлявших образец культуры и интеллигентности. Вспоминаю, например, генерал-лейтенанта А. И. Шевченко, зам. командующего Приволжским военным округом, автора интересных книг, пользовавшихся успехом у читателей, и генерал-майора П. Л. Иваненко, члена военного совета того же округа. С обоими я был знаком в частной жизни. То же относится и к генерал-майору А. О. Дзевульскому, начальнику военной кафедры Куйбышевского политехнического института, с которым работал в этом институте, и ко многим другим с менее высокими военными званиями, но интересным, культурным и достойным людям.

Возвращаясь к рассуждениям об артистизме преподавателей, замечу, что он отнюдь не означает апломб и высокомерие лектора. В качестве иллюстрации расскажу историю, случившуюся на химическом факультете Харьковского политехнического института в конце сороковых годов. Ее поведал мне Евгений Некрич, сын профессора Максима Исидоровича Некрича, семья которого жила рядом с нами еще в довоенные годы. Женя Некрич (так мне привычнее его называть) в начале пятиде-

сятых годов был в командировке в Куйбышеве и, конечно, зашел навестить моих родителей.

Так вот, когда Женя вскоре после войны стал студентом химического факультета ХПИ, им читал лекции по машиноведению какой-то доцент. Читал с превеликим апломбом, хотя предмет свой знал, по-видимому, недостаточно глубоко, на вопросы студентов отвечал часто невнятно, хотя и быстро. И вот однажды доцент перечислил ряд конструкций паровых котлов, не вполне точно назвав некоторые из них, видимо, недостаточно подготовившись к лекции. Надо вам сказать, что названия котлов часто содержат фамилии двух конструкторов или владельцев фирм (я уже упоминал, например, "Бабкок - Вилькокс"). Женька, с детства росший проказником, поднял руку и с невинным видом спросил лектора, к какой категории относится Корсунь-Шевченковский котел, о котором он якобы слышал. В обычной своей манере преподаватель быстро ответил, что это, по-видимому, водотрубный котел, и только услышав смех студентов, спохватился, что сморозил ерунду. (Как известно, Корсунь-Шевченковским котлом называлась одна из операций по окружению крупных соединений фашистских войск, успешно проведенная Советской Армией).

Разразился скандал. Доцент подал официальный рапорт с требованием исключить Женьку из института. За Женьку вступились студенческие организации. Дело для Женьки закончилось строгим выговором, а для доцента - "добровольным" уходом из института. А скандал возник потому, что преподаватель хотел показать себя всезнающим специалистом.

На фоне этого рассказа хочу сформулировать еще один афоризм (кажется, шестой по счету): "Не знаешь, как ответить студенту, - отвечай не сегодня, а завтра". Преподаватель, который затрудняется ответить точно на какой-либо вопрос, заданный студентом, и честно говорит об этом, обещая ответить в следующий раз, не теряет авторитета в глазах слушателей. Наоборот, путанные, неточные, еще того хуже, неверные ответы, сказанные немедленно после вопроса, никак не прибавляют уважения к лектору.

Уподобляя лекцию театру одного актера, я упомянул об оформлении как важном элементе этого мини-спектакля. В мои студенческие годы в распоряжении преподавателей, даже в лучших вузах (к ним относился и ХМ МИ) не было столь широкого набора технических средств, которыми располагают сейчас даже вузы средней руки, - телевизоры с видео-приставками, кодаскопы, кинопроекторы и т. д. Поэтому одним из главных средств визуального оформления текста лекции были (кстати, оста-

ются до сих пор) графические и буквенные иллюстрации, выполняемые лектором на доске.

Здесь я должен остановиться, чтобы воспеть гимн аудиторным доскам довоенного и даже дореволюционного времени. Боже мой, какие это были доски! Покрытые коричневым, реже черным линолеумом, иногда с едва заметным красным или голубым рисунком в виде крупных клеток, они не засаливались, не старели, позволяли легко и четко выполнять рисунки и писать формулы. В больших аудиториях ХМ МИ доски были подвижные - написав что-либо, можно было легким толчком отправить доску по стене вверх, а ей на смену опускалась другая доска. Кто, когда и где потерял или "рационализировал" состав линолеума, применяемого ныне для покрытия досок? Современное покрытие быстро засаливается, мел, как правило, сколько на него ни дави, оставляет только прерывистые, едва заметные следы. Преподаватель тратит громадные усилия, чтобы изобразить рисунки или написать формулы, нервничает, злится, теряет темп лекции и настроение, необходимое для ее успешного проведения.

Будучи ректором Тольяттинского политехнического института, я читал лекции для студентов и преподавателей технического университета, расположенного в городе Мишкольце (Венгрия). И обратил внимание, что роль аудиторных досок в этом выстроенном в шестидесятые годы учебном заведении играют участки стен, как-то обработанные и покрытые специальной черной краской, обрамленные рамой. Писать и рисовать на этих "досках" было удобно и приятно.

Аудиторная доска - ерундовое, на первый взгляд, дело. Но оно отображает заботу об условиях труда и качестве лекций, которую проявляли в прежние годы в России, проявляют и ныне в других странах. У нас же, когда для строителей главным показателем деятельности стал план, план любой ценой, с огрехами и недоделками (я об этом еще предполагаю рассказать в дальнейшем), кому какое дело до того, чем покрыты доски и как на них писать? Важно сдать объект, а там делайте с ним что хотите!

Но вернемся в те прекрасные времена, когда аудиторные доски не доставляли преподавателям неприятностей и открывали широкие возможности для иллюстрации лекций. Профессора и доценты использовали этот элемент оформления лекций по-разному. Говорили, что профессор П. М. Мухачев, заведовавший в конце двадцатых - начале тридцатых годов кафедрой паровых машин, блестяще чертил на доске разрез паровоза. (Я, правда, думаю, что лучше было бы сделать соответствующий плакат). Кстати, профессор Мухачев был ректором Харьковского

технологического института до революции, после революции ушел из него и возвратился по просьбе дирекции лишь в 1920 году. В модных тогда анкетах в графе "политические убеждения" четко писал "монархист" и только по прошествии нескольких лет вместо ответа начал ставить черточку.

Владимир Фомич Бржечка писал на доске математические выражения четким, красивым почерком, после каждого выражения обязательно ставил точку с запятой. Один раз, помню, точка с запятой не уместилась на поле доски, так он поставил ее на раме. Профессор Бржечка умел планировать размещение формул и изображений так, что на доске у него всегда был порядок и чистота. Знаете, как у хорошей хозяйки на кухне - все на своем месте и под рукой. В. Ф. Бржечка никогда не писал на доске каких-либо слов - только математические выражения и графики.

По-другому использовал поле аудиторной доски профессор Б. П. Дашкевич, читавший у нас лекции по деталям машин. Эскизы деталей он выполнял четко и красиво, всегда предупреждал студентов о том, сколько проекций будет иметь рисунок и как они будут расположены на доске. Во время черчения эскиза периодически останавливался, чтобы студенты могли увидеть и правильно скопировать в своих тетрадях элементы рисунка, давал небольшие пояснения. Надо сказать, эту методику я воспринял у профессора Дашкевича и по сие время применяю ее в своих лекциях.

Но Б. П. Дашкевич имел один недостаток - неаккуратно писал на доске формулы и сопровождал их текстом, например: "коэффициент трения стали по стали 0,05 0,1, а стали по бронзе". Текст он писал быстро, мелкими, вытянутыми по горизонтали буквами, окончания слов не дописывал, заменял какими-то закорючками. От этого вся надпись принимала вид арабской вязи, а не текста на русском языке, она была непонятна и излишня. С тех пор я понял, что никакие тексты на доске лектору писать не нужно (конечно, если это не занятия по языку). Всякий текст, если он необходим, должен произноситься лектором вслух.

Курс "Металлорежущие станки" у нас читал профессор А. И. Троицкий. Перед тем как рассказать о его работе с доской, скажу несколько слов о самом профессоре. Анатолий Иванович принадлежал к старой формации, читал лекции еще до революции. С виду был сухощав, с короткой бородой, обрамлявшей все лицо, с довольно большой шевелюрой, посреди которой, как тонзура у монахов-иезуитов, располагалась круглая лысина на затылке. Приходил на лекции в застегнутом на все пуговицы старомодном сюртуке и брюках с кантом, которые он, по-видимому, носил много лет. Передвигался вдоль доски и по аудитории шар-

каюшей походкой. В его речи преобладали старомодные обороты, к студентам обращался ни по-старому "господа", ни по-новому "товарищи", а нейтрально - "граждане!" Не ходил ни на какие собрания, категорически отказывался участвовать в обязательной тогда подписке на государственные займы. Жил одиноко, взаперти, никого к себе не пускал. Регулярно посещал богослужения в маленькой церкви на Журавлевке (район Харькова), которая уцелела в те времена, был старостой этой церкви. Всем своим поведением и видом показывал, что Советскую власть не принимает, а терпит. Однако в душе такого, на первый взгляд, сухаря была преданность Родине. Не могу утверждать точно, но слышал, что, когда в Харьков пришли немцы и ректором института был назначен какой-то чин СС, Анатолий Иванович отказался войти в состав педагогического коллектива, убого жил на гроши и тихо скончался в своей квартире.

Но вернемся к лекциям, которые профессор Троицкий читал в мои студенческие годы. Объявив какую-либо тему, например "Зубострогаль-ные станки", профессор поворачивался спиной к аудитории и начинал чертить на доске на память сложнейшую кинематическую схему станка, аккуратно нумеруя все зубчатые колеса и обозначая (на память!) числа их зубьев. Черчение продолжалось в полном молчании примерно полчаса, затем следовали небольшие комментарии, которые Анатолий Иванович произносил очень тихим голосом, в бороду. На реплики аудитории типа: "Анатолий Иванович, непонятно!" - отвечал: "Все понятно, сидите тихо, граждане, и слушайте", а "Анатолий Иванович, не слышно!" - "Сидите тихо, и все будет слышно. Громче меня никто не читает".

Словом, курс станков мы все учили по литературе и учили серьезно, не только потому, что это была важная профилирующая дисциплина, но и потому, что экзаменовал профессор Троицкий очень требовательно и строго.

Красиво чертил на доске электрические схемы доцент А. А. Миц, который вел у нас практические занятия по электротехнике. Все прямые линии на схеме у него были почти идеально прямыми, все окружности - почти идеально круглыми. Доцент Миц уже в те годы применял, как мы бы теперь сказали, программированное обучение. Очень быстро нарисовав очередную схему, он, поплевав на указательный палец, в каком-либо месте протирал на одной из прямых мел и говорил: "Здесь произошел обрыв провода. В какую сторону изменится ток в остальной цепи - увеличится или уменьшится? Кто за то, что увеличится, поднимите руки". И быстро делал какие-то пометки в своей записной книжке (фамилии студентов своей группы он, конечно, знал). Далее объявлял: "Всем, кто

за увеличение, - птички, остальным - собачки!" Птичка - это был знак "V", а собачка - "Y", первый обозначал положительную оценку, второй - отрицательную. После опроса Миц вызывал одного из "птичников" и просил его вслух объяснить "собачечникам", почему они не правы. Потом следовала та же процедура с другой схемой, с третьей и т. д. В конце семестра он объявлял, например: "Резников, у вас двадцать восемь "птичек" и шесть "собачек", могу вам поставить зачет" или "Резников, у вас пятнадцать "птичек" и девятнадцать "собачек", вам придется подготовиться и прийти ко мне дополнительно".

Миц вел занятия легко, весело и добивался своей цели: по мере изучения курса количество "собачек" у студентов становилось все меньше, а "птичек" - все больше. А. А. Миц охотно общался со студентами во внеучебное время, участвовал в концертах студенческой самодеятельности, выступая в качестве остроумного конферансье.

Поскольку речь зашла о внеучебной работе преподавателей, не могу не упомянуть о профессоре Андрееве, заведующем кафедрой начертательной геометрии и черчения. Плотный, даже скорее полный, не очень высокого роста, он всегда был одет в толстовку с накладными карманами и всем видом - медленными движениями, бородкой клинышком, густыми усами на крупном лице, нижегородским произношением - напоминал помещика средней руки. Всегда веселый, добродушный, он любил студентов и пользовался их взаимной любовью и уважением.

Так вот, профессор Андреев любил почти ежедневно, а часто и в выходные дни, приходил в чертежки, где работали студенты, посмотреть, что они делают, посоветовать и помочь. Подойдет, например, к студенту-первокурснику, задумавшемуся над доской, вперив взгляд в деталь, которую надо эскизировать или чертить, и скажет: "Что же ты, Сережа, на деталь смотришь, как на девушку? (Всех студентов прикрепленных к нему групп Андреев знал по именам). Это на девушку надо смотреть, любоваться, а руками ни-ни! Деталь же надо взять в руки, осмотреть со всех сторон, представить ее вид сверху, сбоку, в разрезе. Смелее, смелее!" И смотришь, действительно, студент уже что-то рисует, вертит деталь в руках, словом, работает.

Походив по чертежке, профессор имел обыкновение устроиться за одним из столов, закутить свою неизменную короткую трубку - "носогрейку", позвать к себе пяток студентов и устроить между ними соревнование на решение задач, сопровождая этот процесс шутивными комментариями, вместе с тем зорко наблюдая за тем, как работают студенты.

Задачи были сложными, требовали не только знаний, но и сообрази-

тельности. Постепенно вокруг соревнующихся собирались другие студенты, они принимали участие в соревновании, иногда предлагали свои варианты решения и задачи.

Профессор Андреев часто появлялся в чертежках в сопровождении доцента той же кафедры Соколова. Доцент представлял собою как бы уменьшенную копию профессора - такой же общительный, с таким же нижегородским произношением, в котором сильно и как-то кругло произносится буква "о", но меньше ростом, не такой полный, с прокуренными усами, но без бороды. Иногда профессор и доцент затевали громкую дискуссию, в которой обсуждали преимущества и недостатки того или иного метода изображения фигур и тел. Они остроумно пикировались друг с другом, втягивали в дискуссию студентов, расширяя кругозор слушателей.

Теперь ответим на вопрос: следует ли удивляться тому, что "начерталка", являющаяся непреодолимым препятствием для некоторых нынешних студентов, для нас, несмотря на высокую требовательность профессора Андреева и его коллег, не была трудным барьером на пути к инженерным знаниям? Думаю, что вы ответите на этот вопрос отрицательно.

Я знал многих профессоров и доцентов, постоянно общавшихся со студентами за рамками учебных занятий. Особенно показательным в этом отношении был инженерно-физический факультет ХМ МИ, который, как я уже писал, мы кратко называли физмех. На этом факультете в тридцатые годы работали профессора Лев Давыдович Ландау, выдающийся ученый, впоследствии академик, Антон Карлович Вальтер - один из первых физиков-атомщиков, также известный ученый, и другие. В перерыве ли между занятиями в коридорах и рекреациях института, на скамеечке ли возле корпуса, а иногда и на улице - всегда Л. Д. Ландау и А. К. Вальтер были окружены студентами-физмеховцами. Мне запомнилась такая картина. В круглом садике на территории институтского городка, в просторечии именовавшемся "блин", стоит Л. Д. Ландау, одетый в оригинальный зеленый пиджак с золотыми пуговицами и в светлые брюки. Рядом А. К. Вальтер в белой рубашке с отложным воротником, в которой он иногда приходил читать лекции по физике в моем потоке. Туг же среди других и студент Маслов, внешне немного напоминающий Пушкина, старательно подчеркивающий это сходство прической, бакенбардами, широким бантом на шее. Рядом высокий, немного нескладный студент Фалько, как говорили, очень способный физик, к сожалению, погибший в годы репрессий конца тридцатых годов. Они что-то обсуждают, о чем-то спорят, над чем-то смеются.

Помню, как мы, студенты других факультетов, завидовали, когда нам

рассказывали о вечерах-капустниках, которые проводили педагоги и студенты физмеха. Говорили, что на этих вечерах А. К. Вальтер выступал в знаменитом номере с переодеванием: "Борец Антонец Вальтерец", "Балерина Антонина Вальтерина" и т. д.

Атмосфера дружбы и сотрудничества, созданная выдающимися учеными и педагогами, работавшими на физмехе, явилась одной из причин того, что среди выпускников этого факультета оказалось много известных инженеров, исследователей и научных работников.

Воспоминания о внеучебной работе профессоров и доцентов ХМ МИ позволяют мне сформулировать седьмой афоризм, относящийся к педагогическому мастерству: "Настоящий педагог - он и за пределами учебного процесса педагог".

При всем моем уважении к цифре семь, с которой начались эти записки, думаю, однако, что приведенные выше афоризмы не исчерпывают всю область проблем, относящихся к педагогическому мастерству. На основе своего опыта и мышления каждый читатель может сформулировать и другие афоризмы взамен или в дополнение к сформулированным мною.

СТУДЕНЧЕСТВО ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Закончив весной 1933 года первый курс по специальности "Двигатели", я попросил дирекцию ХМ МИ направить меня на практику, чтобы иметь возможность перейти на второй курс в поток зимнего приема, где была специальность "Механосборочное производство". Меня направили в отдел главного механика ХТЗ, где я получил интересное задание - составлять паспорта и оформлять кинематические схемы некоторых станков, на которые эта документация отсутствовала. Связавшись с бригадами слесарей-ремонтников, я участвовал в разборке и сборке станков, подлежащих капитальному и текущему ремонту. Во время выполнения этих операций составлял кинематические схемы, а также делал измерения, необходимые для составления паспортов. Надо сказать, что perso-нальность задания, хоть небольшая, но личная ответственность за его выполнение, а также интерес к этому делу позволили мне за полгода получить большой объем знаний и умений, которые неоднократно оказыва-

лись очень полезными в дальнейшей инженерной деятельности. С удовольствием и даже с гордостью я рассматривал отпечатанные на заводе синьки с моей подписью. Одну такую синьку со штампом ОГМ ХТГЗ я принес домой и показал отцу, чем доставил ему удовольствие.

В феврале 1934 года пришел на занятие в поток студентов-механиков. Группы этого потока были скомплектованы в основном из выпускников рабочего факультета (рабфака) при ХМ МИ. Большинство моих коллег имели производственный опыт, отслужили в армии, некоторые имели семьи и детей. Надо сказать, что в те годы в высших учебных заведениях, в том числе и в ХМ МИ, значительную часть студенческого коллектива составляли ребята, пришедшие с производства или из армии. (Я пишу "ребята" потому, что девчат в технических вузах было очень мало. В двух группах механиков, например, было всего четверо девчат, все они пришли с производства).

Были, конечно, и студенты помоложе, вроде меня - из техникумов или школ. Документа о наличии полного среднего образования для поступления в вуз не требовалось. Надо было хорошо сдать вступительные конкурсные экзамены и дальше хорошо учиться. Насколько помню, при желании можно было некоторые дисциплины сдавать экстерном. Студенты нашего потока говорили, что в то время, когда мы перешли на второй курс, на первый курс инженерно-физического факультета ХМ МИ поступил молодой мальчишка Лифшиц; к моменту окончания нами второго курса Лифшиц уже учился на третьем; мы закончили третий курс, а Лифшиц - институт. К моменту окончания нами института он был уже известным молодым ученым. В дальнейшем Е. М. Лифшиц стал академиком, всемирно известным физиком-теоретиком. "Какая голова!" - говорили студенты. "Какая трудоспособность и самодисциплина!" - добавлю я, зная теперь, сколько труда и самоотдачи требует научная работа.

Наличие в вузе старших ребят, которые пришли серьезно учиться, достаточно строгий отбор молодежи на конкурсных экзаменах, а также влияние общего трудового подъема в стране в период индустриализации народного хозяйства привели к тому, что в студенческой среде преобладало серьезное отношение к учебе.

Помню такой факт. Занятия по технологии металлов на первом курсе энергомашиностроительного факультета вел некто Зайцев. (Я тогда еще был на специальности "Двигатели"). Читал достаточно примитивно, наивно полагая, что двигателям о металлургическом производстве надо "растолковывать на пальцах". Поэтому он все время приводил какие-то невообразимые кухонно-гастрономические аналогии. Например, "металл упревает в бессемеровском конвертере как гречневая каша в горшке" или

"шлак в ковше все равно что пенки на молоке". На одном из собраний, на которое был приглашен Зайцев, студенты-первокурсники из числа производственников вежливо, но решительно высказали свои замечания по форме изложения дисциплины. Речь шла не о содержании лекций (это вне компетенции студентов), а именно о форме подачи материала. Преподаватель, по-видимому, понял претензии студентов, так как стиль изложения был им изменен уже со следующей лекции. Случай, конечно, уникальный даже для тех времен. Но он в принципе демонстрирует деловой настрой и защиту своего достоинства со стороны студенчества тридцатых годов.

Другой иллюстрацией серьезного подхода к освоению учебного материала были, на мой взгляд, групповые занятия, которые проводили сами студенты при подготовке к экзаменам или защите проектов. За день или два до экзаменов (с 1934 года в вузах были введены экзаменационные сессии) собирались все желающие. Студенты, наиболее подготовленные и успевающие по данной дисциплине, отвечали на вопросы сокурсников, разъясняли наиболее сложные места в учебном материале. Польза была обоюдной и для спрашивающих, и для отвечающих - знания углублялись, становились прочнее. Тем более что на таких занятиях (отнюдь не исключавших консультации преподавателей) студенты, находясь в среде товарищей, чувствовали себя раскованно, не стеснялись задавать друг другу любые вопросы.

В нашем потоке была также традиция защищать дипломный проект вначале перед сокурсниками, а затем уже выходить на защиту перед Государственной экзаменационной комиссией (ГЭК). Надо сказать, что в те времена было не принято делать дипломные проекты на дому. Для дипломного проектирования были специальные аудитории. Каждый студент имел отдельное рабочее место (чертежную доску, столы) и мог работать на нем в любое время. Здесь же консультировали руководители проектов и другие специалисты. В "дипломке", как правило, было тихо. Иногда лишь, если никто не возражал, негромко коллективно пели, работая над чертежами. Такая обстановка создавала атмосферу тесной дружбы между студентами. Студенты, завершившие работу над проектом, вывешивали свои чертежи на стене "дипломки" или на доске, выступали с кратким сообщением перед товарищами, отвечали на сыпавшиеся градом вопросы и замечания. Этот предварительный "обстрел" позволял дипломанту устранить некоторые ошибки, не замеченные им, и подготовиться к защите проекта перед ГЭК.

Мне бы очень не хотелось, чтобы приведенные выше воспоминания о серьезном подходе к получению и освоению знаний создали у совре-

менного читателя представление о студентах тридцатых годов как о сухарях и отшельниках, круг интересов которых состоял только из лекций, чертежей, экзаменов и зачетов. Далеко нет! Все были обычными молодыми людьми со свойственной каждому большей или меньшей любовью к спорту, литературе, искусству, большей или меньшей долей юмора. Травили анекдоты (избегая "политических", что в те годы было очень-очень небезопасно!); влюблялись - разлюблялись; ходили в театры и кино; учились танцевать модные фокстроты, танго и румбу; участвовали в различных розыгрышах и проделках.

Мои однокашники помнят, наверное, противоборство между студентами и директором институтской столовой, о котором, думаю, следует рассказать. В меню того времени не было разносолов, оно, как правило, состояло из борща, котлет и того, что называлось компотом. Сервировка столов также не блистала разнообразием - на все про все алюминиевая столовая ложка. Однако этот немудреный прибор студенты довольно часто уносили из столовой в общежитие, чем наносили урон предприятию общественного питания. Директор столовой решил одним махом пресечь утечку инвентаря. Для этого он договорился с учебным заводом института и на черенках ложек отштамповал: "Украдено в ХММИ". На некоторое время убыль ложек сократилась почти до нуля, но вскоре, явно по наущению студентов, в столовой появился корреспондент, который на фоне меченых ложек сделал неплохой фельетон для городской газеты.

Пришлось директору столовой все ложки отправить в переплавку, приобрести новые. Не надеясь на моральные факторы, он теперь решил защищать свой инвентарь с помощью экономических методов. Был введен такой порядок. Оплачивая стоимость обеда, допустим 30 копеек, студент должен был внести в кассу еще рубль залога за ложку, которую ему выдавал кассир. Поел, ложку облизнул - сдавай ее обратно в кассу, получи свой рубль. Мера оказалась как будто действенной, директор был доволен. Однако через несколько дней, подсчитав после закрытия столовой выручку, убедились, что рублей в кассе маловато, а ложек больше, чем было в ней с утра. Секрет вскоре раскрылся, он был прост, как разгадка любого фокуса. Студенты обнаружили, что в магазине "Хаторга", расположенном неподалеку от общежития, такие же алюминиевые ложки продаются по сорок копеек за штуку. Приобретя ложку за 40 копеек, студент сдавал ее в кассу столовой ХММИ, получал рубль и, следовательно, возвратив первоначальные капиталовложения (теперь модно говорить "инвестиции"), имел еще возможность дважды пообедать за счет общепита. Пришлось директору отменить "экономический" вариант и

вернуться на самые первоначальные позиции, смирившись с небольшими потерями инвентаря. Правда, говорят, и студенты сдали свои позиции, ложки из столовой практически перестали уносить.

Кстати замечу, что несколько лет назад, будучи в командировке, я обедал в студенческой столовой какого-то института и обратил внимание, что у всех ножей, которые можно было брать при самообслуживании, отломан конец лезвия. Я спросил у женщины, вытиравшей столы, в чем дело. "Иначе воруют ножи, уносят в общежитие!" - ответила она. "Жив курилка!" - подумал я и вспомнил директора столовой ХМ МИ. До поломки ложек он не додумался!

После этой не столько смешной, сколько поучительной истории возвратимся к описанию некоторых коллективных черт студенчества тридцатых годов. Многие из ребят, пришедших в институт с производства и из армии, были членами партии, комсомольцами, некоторые имели опыт административной или общественной работы. Они, как правило, возглавляли общественные организации института. В годы моей учебы секретарем партийного комитета был студент, в прошлом шахтер, Черников. Секретарем комсомольской организации вуза был студент-двигатель-лист Андрей Витрук, откомандированный на учебу из армии. Председателем профсоюзного комитета был студент-механик из нашего потока Ехилевский, солидный мужчина, работавший до института то ли старшим мастером, то ли начальником цеха на заводе.

Все общественные организации института были, конечно, частью общественной пропагандистской машины, имевшей целью воспитать в народе безоговорочное подчинение и некритическое единодушное одобрение деятельности ВКП(б) и правительства, лично Сталина. Но вместе с тем комсомольская и профсоюзная организации (к партийной организации я в ту пору отношения не имел) работали очень активно, дельно и серьезно над решением целого ряда вопросов, относящихся к жизни коллектива. Предметом их заботы являлось, например, повышение культурного уровня молодежи. В воскресные дни в аудиториях института систематически и много лет подряд работал Университет культуры. В этом Университете с лекциями, беседами, концертами выступали известные актеры, музыканты, поэты и писатели. Помню, например, захватывающий цикл лекций о театре, который прочитал народный артист Н. В. Петров, художественный руководитель театра русской драмы. С концертами выступали известнейшие народные артисты Украины Лит-виненко-Вольгемут и Паторжинский. Целый год читал лекции о музыке профессор Миклашевский, который сам за роялем или с помощью артистов симфонического оркестра иллюстрировал свои лекции.

В те годы существовала неписаная традиция: если в город приезжал поэт или писатель, то он считал для себя честью и обязанностью выступить перед студентами крупных вузов. У нас, насколько я помню, выступали поэты Александр Жаров, Вера Инбер, Иосиф Уткин, Владимир Сосюра, поэт-сатирик Илья Набатов и другие. Аудитории и залы института, в которых проходили эти встречи, так же как и на занятиях Университета культуры, всегда были переполнены. Никакой платы за вход, разумеется, не взималось.

Другим примером интереснейшего дела, организованного в 1936 году комсомолом института, стал военизированный поход студентов по памятным местам боев Красной Армии. Маршрут похода "Харьков - Перекоп" имел протяженность 800 километров. Финансирование перехода взяло на себя Общество содействия развитию авиации и химизации в армии СССР (Осоавиахим) - добровольная полувоенизированная организация, предшественница ныне распавшегося ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту). Правительство Украины выдало командованию отряда "открытый лист" - письмо с указанием местным организациям оказывать переходу всяческое содействие, в частности обеспечивать отряд продовольствием и фуражом.

Поскольку мне выпала честь быть участником похода "Харьков - Перекоп", а сам поход был одной из наиболее ярких страниц моей молодости, расскажу о нем более подробно. К тому же подготовка и проведение похода служат хорошей иллюстрацией методов работы студенческих организаций 30-х годов.

О подготовке к походу было объявлено заранее. Комитет комсомола установил, что в число 150 участников будут отобраны те студенты, которые учатся преимущественно на отлично, а также проявят себя еще в чем-нибудь, относящемся к походу. Для этой цели желающие могли обучаться верховой езде, сдавать нормативы по стрельбе на звание "Ворошиловский стрелок", участвовать в различных видах спорта (в том числе, велосипедного), играть в оркестрах, готовить наглядную агитацию и т. д. Отдельно был объявлен конкурс на создание походной электростанции и передвижного радиотранслятора.

Мне удалось попасть в число участников похода не только потому, что отлично учился, но и потому, что постоянно участвовал в оформлении корпусов института и праздничных колонн на демонстрациях. В довоенные годы на главном корпусе ХММИ в праздничные дни часто вывешивали большие контрастные портреты Ленина и Сталина, выполненные мною по оригиналам рисунков, принадлежавших художнику Дени.

Командиром отряда стал секретарь комитета комсомола Андрей Вит-

рук, комиссаром - аспирант Михаил Семко, начальником штаба - комбриг Шумов, интендантом - зав. кафедрой физкультуры Степанов. Отряд состоял из взвода кавалеристов, взвода велосипедистов и стрелковых взводов. Командирами взводов были студенты.

В составе отряда функционировал передвижной клуб в виде двух специально оборудованных грузовых автомашин. В одной из них находилась передвижная электростанция, спроектированная и смонтированная студентами. Устройство электростанции было достаточно простым. На карданный вал грузовой машины был надет и закреплен разъемный шкив, ремень от которого проходил через отверстие, пропиленное в деревянном днище кузова грузовика. Второй шкив ременной передачи был надет на вал динамомашины, установленной в кузове. Если нужно было привести динамомашину в действие на стоянке, то поднимали задок автомобиля и устанавливали его на специальные подставки так, что при работающем двигателе автомашины ее ведущие (задние) колеса не касались земли, а вращались вхолостую.

Своя электростанция позволяла клубу в любом месте приводить в действие кинопроектор и радиотранслятор. Клуб вез с собой несколько кинокартин, в том числе "Чапаев", "Юность Максима" и "Гроза" (по Островскому). Организация киносеансов для жителей в местах стоянок отряда входила в мои обязанности как замначальника клуба. Поэтому за время похода я смотрел фильм "Чапаев" с Бабочкиным в главной роли по крайней мере раз пятнадцать, так как именно эту картину выбирали обычно жители деревень, через которые пролегал маршрут отряда. Я и до сих пор люблю это безусловно талантливое произведение и сожалею, что его почти не демонстрируют в наши дни.

Для населения глухих деревушек прибытие отряда было праздником. После небольшого доклада, посвященного предстоящим в 1937 году первым выборам в Верховный Совет СССР, начинались концерт самодеятельности и гуляние. Большим успехом пользовалось выступление двух студентов (фамилии их не помню), из которых один играл на листочке бересты, зажатой между пальцами, а другой - на флексотоне. Флексотон - это тонкая пластина наподобие куска обычной пилы, из которой можно извлекать очень мелодичные звуки различной высоты с помощью вибрирующего шарика. Свою лепту в концерты вносил и духовой оркестр отряда.

Уставшие за день (движение по маршруту проходило обычно в дневное время) студенты, отдыхая от жары, с удовольствием любовались красотой украинской природы, белыми домиками-мазанками под соломенными крышами, осторожно флиртовали с чернобровыми местными дев-

чатами. Осторожно потому, что несмотря на полувоенную форму, в которую были одеты отрядовцы, можно было за слишком настойчивый флирт запросто получить по шее от местных ребят.

Кстати, о форме отрядовцев. Ее нам предоставил Осоавиахим. Комплект включал фуражку со звездочкой, гимнастерку с петлицами на отложном воротнике, брюки, обмотки и ботинки. У кавалеристов петлицы были синие, у остальных - красные. Командный состав носил в петлицах звездочки наподобие тех, которые сейчас носят на погонах лейтенанты. Командир перехода и комиссар имели по четыре звездочки, остальные - меньше. У меня было по две звездочки на каждой из красных петлиц гимнастерки.

Комсостав имел право вместо обмоток с ботинками носить сапоги или краги. У меня не было ни того ни другого, поэтому огорчился, что не мог "давить фасон", как тогда говорили. Вдруг узнаю, что в магазине "Динамо" на Павловской площади появились краги. Мчу туда и, хотя краги оказались картонными, а не кожаными, хватаю их немедленно. (Знаете ли вы, что такое краги? Это разъемные голенища, застегиваемые ремешками, которые надевают на икры ног и упирают внизу в ботинки). Все! Фасон спасен! Но не тут-то было. Надел краги, и за пару часов ходьбы они через ботинки натерли на ногах выше пяток такие волдыри, что я стал двигаться с трудом. А через три дня старт похода! Участие в нем стало для меня проблематичным. Положение спасла, как всегда, моя милая мама. Она вскрыла волдыри, забинтовала ноги, приложив холстинки, смоченные раствором риваноля. На другой день стало легче, ко дню выхода в поход - совсем хорошо. По совету мамы я и в походе еще бинтовал ноги под крагами, периодически смачивая холстинки ривано-лем.

В начале июля 1936 года отряд, напутствуемый добрыми пожеланиями, провожаемый подругами, женами и друзьями, от главного корпуса института прошел по центральным улицам Харькова в таком порядке: впереди на коне - Андрей Витрук, за ним на машине - штаб похода. Далее - оркестр, каввзвод, велосипедисты, пехотные взводы, клуб, а в арьергарде - транспортные грузовые машины. На этих машинах, оборудованных сиденьями, в дальнейшем периодически ехала пехота, иначе невозможно было бы обеспечить синхронное прибытие различных частей отряда в пункты, предназначенные для обедов и ночевков. Поездка на открытых машинах по проселочным дорогам доставляла мало удовольствия не столько тряской, сколько пылью, плотным слоем покрывавшей лица и одежду. Помню, в какой-то деревушке один из мальчишек, которые раньше всех встречали отряд и бежали рядом с ним, с удивле-

нием заорал: "Диви, диви, з ними і негри шуть!" Это он увидел наших ребят, ехавших на последней машине и покрытых пылью так, что на лицах были видны только глаза и зубы. На стоянках приходилось долго чиститься и мыться, чтоб из "негра" превратиться в рядового студента.

Я уже писал, что отряд перемещался преимущественно в дневное время, совершая переходы по 30 - 40 километров ежедневно. Периодически отряд разбивался на подразделения, проводившие друг с другом ту или иную военную игру по плану, разработанному штабом. В играх участвовали все, независимо от постоянного места в отряде. Я, например, из клуба уходил в пехотный взвод.

Особенно запомнился ночной "бой" на подступах к Каховке - героическому месту гражданской войны. Командование отряда заранее договорилось с комсомольской организацией Каховки, которая сформировала подразделения молодежи для "обороны" города от "нападения" нашего отряда. Каждому из нас выделили по боевой винтовке с комплектом холостых патронов, был даже пулемет, естественно, тоже с холостыми патронами. Было сказано, что неизрасходованные патроны подлежат сдаче командирам подразделений. Как на настоящих маневрах, были выделены посредники, определявшие, кто "убит" и должен выйти из игры. Правда, как только посредник определял, что какое-нибудь отделение "уничтожено огнем противника", то начиналась дикая беспорядочная стрельба, так как никто из "убитых" и не думал сдавать неизрасходованные патроны вместо того, чтобы доставить себе удовольствие лишний раз пальнуть из винтовки в воздух.

В конце игры, уже на рассвете, мы пошли в общую атаку и с криками "ура-а-а!" взбежали на какую-то возвышенность. Я, обалдев от стрельбы и крика, влетел на горку и кинулся на одного из "противников", по-видимому, стоявшего в охранении. Довольно крупный и сильный парень, не поняв, в чем дело, быстро сбил меня с ног, припечатал к земле и сказал на чистейшем украинском языке: "Тю, ти шо - сказився?" ("Ты что, с ума сошел?"). Мой пыл сразу пропал, мы оба расхохотались и, обнявшись, пошли к месту сбора отряда. Каховка была нами взята!

Если Каховка запомнилась маневрами нашего отряда, то заповедник Аскания-Нова, в котором мы провели ночь и половину дня, запомнился буйной непокоренной природой, красотой степи и леса. Рано утром все, даже самые большие любители поспать, проснулись от щебета птиц, шорохов и шумов, носившихся в воздухе опьяняющей чистоты и сладости. Под руководством сотрудников заповедника малыми группами, тихо, чтобы не напугать животных и птиц, живущих в заповеднике, спе-

циальными тропками, отведенными для посетителей, мы прошли по некоторым участкам этого прелестного уголка природы. Блаженство и спокойствие охватывали душу, непонятными и излишними казались здесь наши полувоенные доспехи. Мир, а не война - основа жизни на земле, жизнь и природу надо сохранять - вот что без слов и лозунгов внушала каждому из нас Аскания-Нова!

Поход, длившийся более трех недель, отряд закончил на Перекопе. В соленой земле перешейка мы находили старые гильзы от патронов, ржавые осколки снарядов - следы боев, проходивших почти за два десятилетия до нашего похода. Охваченные тяжелым молчанием, сняв фуражки, постояли мы у места, где незадолго до нашего прибытия были найдены останки красноармейца, погибшего в гражданскую войну. Крутая соленость перекопских лиманов сохранила тело бойца для потомков как символ, как напоминание об ужасах братоубийственной войны, как призыв к тому, чтобы гражданская война не повторилась на территории нашей страны никогда.

По окончании похода на станции Джанкой мы погрузились на открытые платформы товарного состава и благополучно прибыли в Харьков. Здесь профком каждому из нас вручил путевку в дом отдыха (я был в доме отдыха "Пуща водица" под Киевом). Были вручены подарки от Центрального совета Осоавиахима - мелкокалиберные винтовки или фотоаппараты "Фотокор", по выбору. Я выбрал фотоаппарат, и с тех пор началось мое длительное увлечение фотографированием.

В заключение расскажу о судьбе некоторых участников похода. Андрей Витрук в начале Отечественной войны ушел в армию, воевал на разных фронтах, дослужился до генеральского звания. С Нонкой Козак-вичем, начальником клуба перехода, судьба столкнула меня на Рижском взморье в 1954 году, где я отдыхал с женой и детьми. Нонка (не знаю, как звучало его полное имя) к тому времени был главным инженером крупного предприятия.

В 1970 году, путешествуя по Волге, я прогуливался по палубе теплохода. Вдруг меня кто-то окликнул по имени и фамилии. Я обернулся - и сразу узнал Нюсю Долгополову, нашего бравого кавалериста, помком-взвода. Она, конечно, уже была на пенсии, но сохраняла живость боевой девчонки, одной из немногих участвовавших в походе. Закончив институт, кажется по специальности "Подъемно-транспортные машины", Долгополова до ухода на пенсию работала в каком-то КБ.

Особо остановлюсь на судьбе комиссара отряда - Михаила Семко. По окончании перехода он блестяще защитил, кстати, под руководством

моего отца, диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. В начале войны доцент Михаил Федорович Семко был командиром отряда ополчения. В августе - сентябре 1941 года батальоны народного ополчения в районе железнодорожных станций Репки и Перещепино, работая днем и ночью, строили противотанковые рвы, дзоты, окопы. Во избежание окружения фашистскими войсками, вторгшимися в пределы Харьковской области, батальоны ополченцев получили приказ срочно отходить к Харькову. Батальон машиностроителей под командованием М. Ф. Семко за пять дней прошел 150 км и вступил в город без потерь.

В октябре 1941 года ХМ МИ был эвакуирован в г. Красноуфимск, где М. Ф. Семко занял должность заместителя директора института по учебной и научной работе. Институт возвратился в Харьков в 1943 году после освобождения города от фашистов. С 1949 и по 1978 год доцент М. Ф. Семко, затем уже профессор, возглавлял институт и заведовал кафедрой резания металлов. В 1966 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники Украины, а в 1976 году - Героя Социалистического Труда.

Я хорошо знал М. Ф. Семко не только потому, что в конце тридцатых - начале сороковых годов работал с ним на одной кафедре (он - доцентом, я - аспирантом). Тесные контакты мы поддерживали и в дальнейшем, особенно в период с 1960 по 1979 годы. Неоднократно встречались с ним на различных совещаниях ректоров вузов в период с 1968 по 1978 годы. В 1979 году, уже после оставления должности ректора, М. Ф. Семко умер от неудачной хирургической операции.

Обаятельный в общении, крупный организатор и авторитетный ученый - таким сохранился в моей памяти бывший комиссар студенческого отряда "Харьков - Перекоп".

Мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление о студенчестве тридцатых годов как о военизированной и "стандартизированной" массе молодых людей. Конечно, вопросам подготовки к защите Родины, особенно после выхода на международную сцену воинствующего германского фашизма, уделялось большое внимание, о чем, в частности, свидетельствует и организация перехода "Харьков - Перекоп". Не следует также отрицать и того, что под влиянием определенных идеологических стандартов взгляды молодых людей на ряд проблем внешней и внутренней политики не отличались разнообразием и индивидуальностью. Во всем остальном мои коллеги были обычными юношами и девушками с достаточно широким полем интересов, как правило, инициа-

тивные и общительные. У каждого из нас был свой круг близких друзей и товарищей, с которыми делились мыслями, спорили или просто встречались, слушали музыку, танцевали.

В те времена клубы, независимо от принадлежности их какому-либо профессиональному или творческому союзу, были вполне доступны молодежи. Отмечу характерную деталь - в клубах либо вовсе отсутствовали, либо играли очень незначительную роль буфеты и кафе. Не могло быть и речи о том, чтобы в этих буфетах были спиртные напитки. Появившийся в последние десятилетия термин "хорошо посидели", обозначающий, по сути, неумеренную выпивку и закуску, в те времена еще не существовал за ненадобностью. Собираясь у кого-либо на дому, мы никогда не приносили с собой вина, да и хозяева не ставили на стол батарею бутылок, разве что одну-две, если сбор был по поводу дня рождения кого-либо из членов компании.

Из моих друзей того времени упомяну брата и сестру Явчуновских, студентов-медиков. Дания (Даниил) Явчуновский, полный, крупный, ходил, опираясь на костыль, так как вследствие туберкулеза суставов, перенесенного в детстве, левая нога у него была короче правой. Добродушный, ироничный и уравновешенный парень, Дания еще с детства поставил перед собой цель стать врачом-ортопедом, лечить детей, страдающих болезнями позвоночника и ног. Он упорно учился и за несколько лет до войны закончил мединститут, уехал из Харькова в Скадовск Одесской области, где на побережье Черного моря расположен детский ортопедический санаторий. Вначале был врачом-ординатором, затем главным врачом санатория. К сожалению, во время войны и в послевоенное время наши с ним контакты потерялись.

Мэри (Мэри), младшая сестра Дани, симпатичная, веселая девушка, прекрасно читала детские рассказы и мечтала стать педиатром. Однако жизнь ее сложилась иначе: закончив мединститут перед самой войной, она добровольно ушла в армию, в течение всей войны была на фронте, отмечена многими наградами. Я случайно встретил ее в начале шестидесятых годов, когда с мужем-фронтовиком, полковником медицинской службы в отставке, и дочерью она уже жила в Москве.

Наша компания, в которую входили еще и другие ребята и девушки, часто собиралась на квартире Беллы Меттер, родители которой жили недалеко от институтского городка. Белла (или Белка, как мы ее тогда называли) была немного болезненная, но очень общительная девушка, хорошо ориентированная в вопросах литературы. Это, по-видимому, являлось следствием влияния ее старших братьев, в частности Израила

Меттера, бывшего тогда то ли студентом-филологом, то ли уже профессиональным литератором.

Тесен мир! Работая над этими записками, я был обрадован, прочитав повесть Израиля Меттера "Родословная", опубликованную в третьем номере журнала "Нева" за 1992 год. Ее обнаружила моя женушка, любительница литературы, в библиотеке санатория "Прилесье", в котором мы отдыхали. Блестяще, талантливо и откровенно написанная автобиографическая повесть словно вернула нас в молодые годы, на квартиру Меттеров. Печальная судьба его родителей, переживших блокаду Ленинграда, ранила мою душу. К сожалению, в повести почти ничего не сказано о судьбе сестры писателя, той самой Белки, которая входила в нашу студенческую компанию. Мы с Беллочкой написали через редакцию журнала письмо И. Меттеру с просьбой ответить на этот вопрос. В начале ноября 1992 года я получил от И. М. Меттера очень теплое письмо, в котором он сообщил, что Белла в первый день войны вышла замуж за очень хорошего парня Зяму Розенбаума. Он работал на авиационном заводе и всю семью Меттеров вывез в эвакуацию с этим заводом в г. Пермь. В Перми они прожили до 1943 года. Затем завод возобновили под Москвой в городе Жуковском, где Белла с мужем живут и сейчас.

Будучи студентом техникума, а затем первого курса института, я с друзьями часто бывал в Харьковском Доме писателей. Этот клуб располагался на углу улиц Пушкинской и Каплуновской, в двух кварталах от территории институтского городка. Здесь один раз в неделю (кажется, по четвергам) проходили открытые для всех желающих встречи и беседы с писателями. На встречах литераторы рассказывали о себе, читали отрывки произведений, отвечали на многочисленные вопросы аудитории. Помню, например, встречи с Павлом Тычиной, Петром Панчем, Иваном Микитенко. Последний был драматургом, известным своей плодовитостью и умением быстро откликаться на задачи текущего момента. Стоило только пройти какому-нибудь партийному пленуму или съезду, на котором выдвигались очередные лозунги, Микитенко сразу же откликался новой пьесой. Пьесы, конечно, были однодневками, я даже не запомнил их названий, кроме одной - "Кадры", написанной в ответ на лозунг: "Кадры решают все". В кругах молодежи иронически говорили, что есть два драматурга, известных своей плодовитостью, - Иван Шекспир и Вильям Микитенко.

На четвергах в Доме писателей выступали и молодые литераторы. Запомнился, например, молодой парень, одетый в матросский костюм, -Вадим Собко, впоследствии известный писатель. Читал свои стихи мо-

лодой поэт Александр Хазин, тот самый Хазин, который потом, в конце сороковых годов, в соответствии с постановлением ЦК партии о литературе подвергся гонениям за сатирическую поэму "Евгений Онегин в Ленинграде". Он попал в одну компанию с Анной Ахматовой, Михаилом Зощенко и другими писателями, которых резко и незаслуженно критиковали.

Все, кто посещал Дом писателей, могли получить консультации у специалистов или отдать свои произведения на рецензию. Этим решил воспользоваться и я (как говорят на Украине: "Коня куют и жаба лапу сунет"). Не долго думая, написал повесть, которую назвал "Лебедка". Повесть была выдержана в стиле некоторых произведений того времени. Вот ее фабула. Народному хозяйству страны позарез необходим элементарный механизм для подъема грузов - лебедка, причем именно та, которую молодые рабочие и студенты-практиканты собирают на машиностроительном заводе. Трудовой энтузиазм охватывает молодежь. Бригада работает днем, прихватывает вечерние и даже ночные смены. Им мешает реакционно настроенный помощник мастера, который нарочно прячет в свой верстак важнейшую деталь по названию "собачка". Студент Саша и полюбившая его на фоне производственных взаимоотношений работница Маша разоблачают вредителя. С опасностью для жизни они извлекают дефицитную деталь из тайника. Сборка механизма заканчивается в срок, вернее досрочно. Бригаду студентов и рабочих поздравляет директор завода, оценивший их подвиг как весомый вклад в борьбу страны с капиталистическим окружением.

Аккуратно переписав текст повести с черновиков, я снабдил "произведение" тонкими картонными корочками и отнес его в Дом писателей. У меня приняли рукопись и пообещали дать квалифицированный отзыв. В очередной четверг я получил рецензию, написанную критиком Рудым. Критик "разложил" мой опус так, как он того был достоин. Особенно обидной мне показалась заключительная часть рецензии, в которой критик сравнивал автора с сюсюкающим малышом, пытающимся что-то сказать, но ничего порядочного сказать не умеющим. Я дал себе слово никогда не писать литературных произведений и держал это слово более 60 лет, пока не начал эти записки. Надеюсь при этом, что на сей раз вы, мои рецензенты, хотя бы имея в виду возраст автора, постесняетесь назвать меня "сюсюкающим малышом", а поищите какое-либо другое сравнение.

КУРОРТНОЕ ЗНАКОМСТВО В ПОНЕДЕЛЬНИК

Мои родители никогда не были владельцами дачного участка. Поэтому в отпускное время обычно выезжали на курорт, тем более что отец еще со студенческих времен, когда питался нерегулярно, болел желудком, а мама нуждалась в лечении сердечно-сосудистой системы. Так было и летом 1933 года - отец лечился в одном из санаториев Железноводска, а мама, прихватив меня и Борю, выехала в Кисловодск. В те времена в Кисловодске можно было сравнительно легко снять у местных жителей комнату, а в курбюро приобрести курсовки на лечение и питание. Мама сняла комнату в доме по улице Ярошенко, вблизи кардиологической клиники. Диетстоловая, к которой мы были прикреплены, находилась довольно далеко, в центре города, возле курортной поликлиники. Нужно было три раза в день идти от дома через прекрасный кисловодский парк к месту питания и обратно, что само по себе было приятнейшей процедурой.

В первый день, когда мы появились к обеду, в столовой не оказалось столика, за которым было бы три свободных места. Диетсестра предложила приставить еще один стул к четырехместному столику, где были две вакансии. Мама согласилась, и сестра повела нас к дальнему столу. Вскоре после того, как мы уселись, подошла довольно приятная, невысокая, немного полноватая женщина, отрекомендовавшаяся Ольгой Давидовной. Она оказалась нашей соседкой по столу. Увидев приставной стул, Ольга Давидовна сказала, что сегодня в нем нет необходимости, так как ее дочь обедать не будет - она ушла на музыкальную викторину, которую проводит в парке симфонический оркестр.

Надо вам сказать, что Московский симфонический оркестр, гастролировавший в том году в Кисловодске, очень умело и настойчиво пропагандировал музыку зарубежных и отечественных композиторов. Часто днем и в предвечернее время, когда в парке было много гуляющих, оркестр давал бесплатные концерты популярной музыки. В те времена музыкальная площадка, огороженная небольшим забором, располагалась около Нарзанной галереи, в очень людном месте. Благодаря прекрасной акустике оркестровой раковины музыка была слышна не только на площадке, но и далеко вокруг.

Два-три раза в неделю проходили платные вечерние концерты, когда

оркестром управляли известные дирижеры, а в программе участвовали популярные артисты. В дневное время концертмейстер оркестра или специальные лекторы проводили открытые для всех желающих беседы о музыке, а также музыкальные викторины. На одну из таких викторин и ушла наша неизвестная пока соседка по столу, заменив материальную пищу духовной.

Столик наш в столовой был дальний, официантки не очень торопились, словом, времени оказалось достаточно, чтобы мама разговорилась с Ольгой Давидовной. Она оказалась нашей землячкой, приехала с дочерью из Харькова за несколько дней до того, как мы прибыли в Кисловодск. Пока женщины разговаривали, я делал небольшие наброски в блокноте, зарисовывая наиболее характерные лица столующихся. Блокнот я иногда носил с собой, заполняя его страницы шаржами. Мои рисунки заинтересовали и насмешили нашу новую знакомую.

После обеда мы уже все вместе пошли в парк, к главному входу. Здесь к Ольге Давидовне подошла черноволосая симпатичная девушка, которая оказалась ее дочерью, той самой, которая курсовочный обед променяла на музыкальную викторину. Девушку звали Беллой. Ольга Давидовна попросила показать Белле мои рисунки.

Читатель пошел нынче дотошный. Он уже догадался, что эта девушка - та самая Белла, которая теперь уже прабабушка, много лет моя дорогая подружка и жена. Наша встреча, по-видимому, была предопределена Судьбой. Судите сами. Мало того что мы прибыли из одного города и оказались одного года рождения. Оказалось также, что дом, в котором поселились в Кисловодске Беллочка с ее мамой, не только расположен на той же улице Ярошенко, где и наш дом, но стоит прямо на противоположной стороне этой улицы. При такой дислокации естественно было обеим семьям договориться идти на ужин вместе в тот день и вообще часто встречаться в последующие дни.

Мне было приятно проводить время с моей новой знакомой. Она была живая, искренняя, понимала юмор (для меня это немаловажное качество человека), больше молчала, чем говорила (я не терплю болтливых девчат), не рисовалась и не кокетничала (это свойственно Беллочке всю жизнь). С ней было интересно и легко. По-видимому, и ей было более или менее интересно в моем обществе, поэтому, рассказав, что в музыкальной викторине она получила приз в виде двух билетов в театр (он тогда назывался Курзал), пригласила меня сопровождать ее. Я, конечно, с радостью согласился.

На другой день вечером, надев свою любимую украинскую рубашку с отложным воротником и темный костюм, в уловленное время я посту-

чал в знакомое окошко. Беллочка вышла ко мне во всем обаянии своей молодости и красоты, одетая в легкое платье терракотового цвета, с простой, но изящной прической естественно вьющихся волос. Можете поверить, что в театре я не столько смотрел на сцену (кажется, был вечер балета), сколько на мою спутницу.

Спектакль закончился. Мы направились домой, как обычно, через парк. На полпути нас застал теплый дождь, один из тех, которые на Кавказе начинаются мгновенно и интенсивно, а затем так же неожиданно заканчиваются. Моя спутница в своем легком платье моментально промокла до нитки, но как я ни предлагал ей свой пиджак, категорически отказывалась от него, заявляя не без некоторой логики, что если пиджак сейчас мокрый снаружи, то зачем его делать еще мокрым изнутри. Мокрые, но веселые, добрались мы до своих квартир, благо дождь скоро прекратился. Но он сделал свое дело - смыл настороженность и некоторую неловкость, которую испытывают молодые люди в первые дни знакомства. Мы с Беллочкой подружились. Примета, по которой дождь в начале долгого пути - добро, нашей совместной жизнью оправдалась. Другая примета, однако, не оправдалась. Точно зная дату нашего знакомства - 17 июля 1933 года, я недавно, пользуясь специальным календариком, попытался узнать, какой тогда был день. Представьте себе, понедельник! Общеизвестный тяжелый день. Говорят, правда, что когда один молодой человек, собиравшийся жениться, обратился к Бернарду Шоу с вопросом: "Как вы полагаете, это верно, что человек, женившийся в понедельник, всю жизнь будет несчастным?" - мудрый писатель ответил: "Разумеется! Почему именно понедельник должен быть исключением?" По прошествии почти шестидесяти лет со дня нашего знакомства я с уверенностью могу заявить, что ни понедельник, ни какие-либо другие дни недели не помешали нам с Беллочкой прожить дружно и счастливо скоро вот уже пятьдесят пять лет. Но тогда, в 1933 году в Кисловодске, конечно, не только речи, но и мысли о женитьбе у нас не было.

По прибытии из Кисловодска в Харьков я быстро разыскал в отдаленном районе города Заиковскую улицу, а на ней дом номер тридцать шесть. Дом оказался двухэтажным, кирпичным, старой постройки, без удобств и водопровода, с довольно плотно населенными дворовыми постройками. Квартира, в которой жила Беллочка, ее родные и родственники, располагалась на первом этаже этого дома. Вход со двора, через застекленную веранду. Далее, из небольшого коридорчика - две комнаты налево, а две - направо. В левой части квартиры жили Лев Абрамович Бержигал с женой Ольгой Давидовной и их две дочери - старшая Маша и младшая Беба (так ее называли родные). Две комнаты направо зани-

мала Буня Давидовна, вдовья сестра Ольги Давидовны, тоже с двумя дочерьми - старшей Машей и младшей Аней.

Мое знакомство с семьей Бержигал началось с двух приключений. Во-первых, я умудрился сесть на стопку патефонных пластинок, лежавшую на стуле, и только потому, что вес мой был намного меньше, чем сейчас, а реакция более быстрой, чем теперь, раздавил не все пластинки, а только одну-две. Во-вторых, заинтересовавшись большим будильником иностранной конструкции, который стоял на пианино, я долго вертел его, двигал рычажки, а затем поставил на место. Как оказалось впоследствии, я установил сигнал будильника на три часа ночи и до конца завел пружину. В ближайшую же ночь все семейство Бержигал было поднято по тревоге громкой трелью звонка, особенно резко прозвучавшей в ночной тишине. Новые знакомые, будучи людьми интеллигентными и добрыми, не обратили внимания на эти прегрешения и продолжали принимать меня в своем доме.

Лев Абрамович Бержигал, Беллочкин отец, был приятным, довольно молчаливым человеком среднего роста, худощавым, с тонкими чертами лица, небольшими усиками на верхней губе. Будучи специалистом-товароведом по тканям, всегда очень много работал. Ко времени нашего знакомства Лев Абрамович заведовал отделом в одном из текстильных магазинов в центре города Харькова. Он любил музыку, хорошо играл на гитаре, пел романсы и народные украинские песни, легко танцевал. Ольга Давидовна знала классическую литературу, могла читать наизусть большие отрывки из поэзии и прозы. Мечтой супругов было дать детям образование в области искусства. Когда я познакомился с семьей Бержигал, старшая дочь Мария (Маша) была студенткой театрального, а младшая - Беба - музыкального отделения (по классу фортепиано) Харьковского муздрамтехникума.

Две небольшие комнаты, в которых жили Бержигалы, всегда были открыты для молодежи. Здесь часто бывали молодые музыканты и актеры, культурные ребята из различных творческих организаций, привлекаемые (что греха таить) не только гостеприимством семьи, но красотой и живостью обеих дочерей. В течение четырех лет - с 1933 по 1937 год мне пришлось упорно расталкивать плотные ряды поклонников, окружавших младшую из дочерей Бержигал, пока, наконец, эта борьба не завершилась успехом.

Семье Бержигал (кроме всего прочего) я обязан существенным повышением уровня знаний в области классической музыки. Сопровождая Беллочку на концерты симфонического оркестра, а также на выступления известных и малоизвестных еще тогда солистов, я постепенно

стал постигать красоту, глубину и эмоциональную насыщенность произведений классической музыки, к которым до этого был сравнительно равнодушен. Каюсь, на первых концертах мне было довольно скучно, и я посещал их главным образом для того, чтобы место подле моей очаровательной спутницы не было бы занято кем-либо другим. Но вот однажды мы пошли слушать Эмиля Гилельса, тогда еще молодого музыканта, только начинавшего свой путь к всемирной славе. На сцену вышел молодой человек моего возраста (Гилельс младше меня на год), среднего роста, с шевелюрой ярко-рыжих волос. В сопровождении симфонического оркестра он играл Первый фортепианный концерт П. И. Чайковского. Этот концерт, который я раньше не слышал, прекрасен сам по себе. Но молодой пианист наполнял его звучание какой-то особой сердечной теплотой, размышлением, радостью, а иногда и тоской. Казалось, он держал в руках букеты прекрасных звуков, перемешивал их, в лирических местах произведения располагал в прозрачные ряды, а потом вдруг разбрасывал в фейерверке бурно звучащих, словно святящихся разноцветными огнями нот. Когда Гилельс начал играть финал концерта, особенно то место, где гремят и рокочут октавы, я почувствовал неведомое ранее волнение. Музыка захватила меня, звала с собой, требовала бороться за счастье и доброту, полностью овладела моим вниманием. И я впервые по окончании концерта аплодировал не только молодому пианисту, но и музыке.

Через некоторое время мы были на концерте молодой скрипачки Розы Тамаркиной. Она была еще настолько мало известна, что ведущая назвала исполнительницу Тамарой Розкиной. Высокая черноволосая девушка, одетая в скромное платье, играла в сопровождении оркестра скрипичный концерт Мендельсона. После очень короткого вступления оркестра в зал полилась чудесная, полная радости и счастья мелодия, которую изящные руки скрипачки как бы извлекали из инструмента. И вновь я испытал то же волнение, что и на концерте Гилельса. На одном, как говорят, дыхании я прослушал вторую, задумчивую часть концерта и его бурный, зовущий к жизни финал. С тех пор скрипичный концерт Мендельсона стал одним из любимых моих произведений, по небольшому отрывку я всегда могу его узнать.

Так свершилось мое посвящение в ряды любителей классической музыки. С тех пор мне никогда не бывает скучно на концертах симфонического оркестра. Это, однако, не значит, что я не люблю эстрадную легкую музыку и танцы. Честно признаюсь, что в те годы, о которых идет речь, я не раз оттапывал носки туфелек у Беллочки, которая упорно и настойчиво под популярные "Рио-риту" и "Брызги шампанского" учила

меня танцевать фокстрот и танго. Надо сказать, что она все-таки добилась известных успехов в этом деле.

В заключение разговора о музыке хочу отметить, что эстрадные мелодии и танцы легко овладевают вниманием молодежи, особенно в наше время, когда не лучшие их образцы широко пропагандируются телевидением, радио и концертными бригадами всякого толка. Воспитание же вкуса к классической музыке как элементу интеллигентности человека требует известных усилий и от него самого, и от общества. Но поверьте мне, дорогие читатели, что войдя в мир классической музыки, вы почувствуете себя намного чище, добрее и лучше, чем если вы остановитесь у его порога, полностью отдав себя сокрушающим слух децибеллам и возбуждающим ритмам эстрады. Мне бы очень хотелось, чтобы мои дети, внуки, правнуки поняли и приняли мысль Чарльза Дарвина, известного ученого, записанную им в дневнике на склоне лет: "Если бы мне пришлось второй раз прожить свою жизнь, я бы поставил себе за правило хоть раз в неделю читать стихи и слушать музыку; таким образом все клеточки моего мозга сохранили бы живучесть. Атрофия художественных вкусов влечет за собой утрату известной доли счастья, а может быть, и вредно отражается на умственных способностях" (цитирую по книге И. Эдельмана "Ищу предка").

Общение с семьей Бержигал, особенно с Беллочкой и Машей, а также с их друзьями и сокурсниками существенно расширило круг моих интересов, содействовало развитию художественных вкусов. Может быть, это, в соответствии с мыслью Дарвина, является одной из причин работоспособности, которую я еще сохраняю на восьмом десятке лет.

Наша дружба с Беллочкой закономерно привела к браку, который мы юридически оформили 5 ноября 1937 года. В те времена юридическому оформлению брака придавалось совсем не такое значение, как сейчас. Не было никаких пышных процедур, марша Мендельсона, свидетелей, фаты и цветов. Без всякой предварительной заявки мы пришли в ЗАГС, где в одной комнате помещались три стола, обслуживающие всю технологию человеческой жизни. За одним столом регистрировали браки, за другим - рождение детей, за третьим - увы, переход в иной мир. Нас зарегистрировали в течение пятнадцати минут и выдали соответствующее свидетельство. Не было громкого пира с криками "Горько!" в ресторане, дорогих подарков и денег. Просто собрались родственники 5 ноября на квартире Бержигалов, 7 - на квартире моих родителей и, подняв бокалы, пожелали молодым супругам счастливой жизни. И эта жизнь состоялась.

Не с целью бахвальства или самолюбования, а только для того, что-

бы мои дети, внуки, потомки (а может быть, и другие читатели) поняли, в чем "секрет" многолетней счастливой супружеской жизни, скажу, что у нас с Беллочкой она сложилась хорошо не только потому, что волею Судьбы встретились двое молодых людей, во многих отношениях подходящие друг к другу, не только потому, что наши родные желали нам счастья, причем не вмешивались в нашу жизнь, навязывая свою точку зрения, но и потому, что мы руководствовались определенными, выработанными интуитивно, отчасти заимствованными у родителей неукоснительными правилами совместной жизни.

Первое из них - полное уважение партнера как личности. За более чем пятьдесят лет совместной жизни в любых экстремальных обстоятельствах, при любом временном обострении отношений (в какой семье их не бывает!) мы никогда не сказали друг другу ни одного бранного слова из числа тех, что унижают и оскорбляют личность. Мы не позволяли и до преклонных лет не позволяем себе в домашней обстановке ходить полураздетыми, непричесанными (а я - небритым), в рваной или неаккуратной одежде, так как видим и в этом элемент неуважения к партнеру. Мы никогда не позволяем себе в присутствии родственников, а тем более посторонних лиц обсуждать наши взаимоотношения или плохо отзываться о тех или иных качествах друг друга, даже если они имеют место ("распивоchno и навынос", как я писал выше).

Мы никогда не заставляем один другого ждать, если условились о встрече, полагая справедливой поговорку, в которой говорится о связи между точностью и вежливостью. Даже в юные годы, назначая свидание, например, под известными всей харьковской молодежи часами Яковлева на площади Тевелева, мы приходили вовремя: я - за пять минут до срока, а Беллочка - ровно в срок. Единственный случай, когда она опоздала на полчаса, чем заставила меня изрядно поволноваться, произошел в день нашей свадьбы. Но она со смехом рассказала мне, что была у своей маникюрши, та упросила поиграть на фортепиано, а ногти еще были влажными, пришлось подождать. Я счел причину уважительной. Взявшись за руки, мы пошли на трамвайную остановку, чтобы ехать в ЗАГС.

Второе правило супружеской жизни, по-моему, очень удачно сформулировал А. И. Герцен: "Жена, исключенная из всех интересов, занимающих ее мужа, чуждая им, не делящая их, - наложница, экономка, нянька, но не жена". То же самое, по-моему, можно сказать и о муже. У нас с Беллочкой принято быть в курсе всех дел и интересов друг друга, ежедневно обмениваться взаимной информацией. Это не только сближает нас, не только позволяет (вследствие дружеского участия близкого

человека) снять часть стрессов, накапливающихся ежедневно в нынешнее многотрудное время, но при необходимости оказать прямую помощь в решении тех или иных задач. На первый взгляд, мелочь, но именно потому, что Беллочка всегда в курсе моих дел, она в целом ряде случаев дает дельные советы и ведет себя как референт, правильно адресуя людей, разыскивающих меня по тому или иному делу.

Третье правило касается методики решения внутрисемейных задач. С молодых лет мы положили, что когда рассматривается вопрос, важный для семьи (например, о месте работы, об отдыхе, о воспитании детей и т. д.), то решение должно быть принято, как теперь говорится по-модному, на основе консенсуса, то есть взаимного согласия. Во всех остальных случаях делается так, как это считает необходимым Беллочка, а я не вмешиваюсь в ее решение. Это же правило распространяется и на расходование денег - вопрос о покупке крупных или дорогостоящих объектов мы обсуждаем, остальные расходы Беллочка делает по своему усмотрению. Никогда мы не унижались до того (как это бывает в некоторых семьях), чтобы требовать друг у друга дотошного и постатейного отчета о расходах.

Следующее правило касается взаимного внимания. Я никогда не упускаю случая заметить новую деталь туалета или прически у моей дорогой супруги и сказать ей об этом словами, доставляющими обоим нам удовольствие. Беллочка тоже, например, не упустит случая отметить, что меня хорошо постригли (хотя, впрочем, и стричь-то уже почти нечего). Я всю жизнь старался (и стараюсь теперь) находить и дарить любимые ею духи или одеколон "Красная Москва", а она - затащить меня в магазин, чтобы купить новый костюм или шляпу. Мелкие знаки внимания создают в семье теплоту отношений, вызывают у женщины желание быть обаятельной и интересной независимо от возраста, у мужчины - оставаться кавалером до преклонных лет.

И, наконец, последнее - умение, несмотря на какие-либо трудности и нездоровье, поддерживать в семье атмосферу спокойствия, юмора, самоиронии. Мы не упускаем возможности рассказать друг другу приятную весть, веселый случай или прочесть отрывок из хорошей книги и статьи. Удачно сказанное слово, самоирония и юмор позволяют, как правило, в зародыше гасить наметавшиеся конфликты, снимать обиды и огорчения.

Желаю вам, дорогие друзья, такого же счастья, какое принесло нам курортное знакомство в понедельник. Оно в ваших руках.

ОБЫЧНАЯ ТРУДОВАЯ И ЧЕСТНАЯ СЕМЬЯ

Теперь, я думаю, самое время рассказать более подробно о семье Бержигал, поскольку она является одной из самых фундаментальных ветвей нашего родового дерева.

Лев Абрамович Бержигал родился в 1885 году в городе Гуляйполе Ека-теринославской губернии. Этот город впоследствии приобрел известность как основная база отрядов батьки Махно, уроженца тех же мест. Отряды Махно активно действовали на Украине во время гражданской войны 1918-20 годов.

Семья, в которой родился Лев Абрамович, была многодетной. Поэтому еще в юношеском возрасте ему пришлось пойти работать подручным в какой-то из местных мануфактурных магазинов. Жену нашел себе в одном из ближайших сел - Селидове. Молодая супруга, родившаяся в 1891 году, происходила из многодетной семьи Давида Минстера, мелкого промышленника. Ольга Давидовна принадлежала к четверем детям Минстера от первого брака. Ее отец после смерти супруги женился второй раз и от второго брака имел еще десять детей. Обе жены Давида Минстера были родными сестрами: первая - старше, вторая - младше. Второй брак Минстера был следствием патриархального еврейского обычая, состоявшего в следующем. Если после смерти одного из супругов остаются дети, а в семье покойной (или покойного) есть незамужняя сестра (или, соответственно, брат), то она (он) должны заменить умершего в браке. Так древний обычай пытался защитить детей. При этом, конечно, возникали сложности и трагедии. Младшая сестра покойной матери Ольги Давидовны мечтала о молодом человеке, а не о вдовце с четырьмя детьми. Она сопротивлялась традиционному браку и только под угрозой религиозного проклятия родителей (а тогда это была страшная кара!) вышла замуж за Минстера, смирилась со своей тяжелой судьбой.

Лев Абрамович перевез молодую супругу из Селидова в Гуляйполе. Здесь у них в 1911 году родилась дочь Маша, а в 1915 - Беллочка. В 1919 году девочки вместе с родителями и семьей Буни Давидовны, старшей сестры, выехали в Бердянск, поскольку дальнейшее пребывание в Гуляйполе в те грозные и неустойчивые времена гражданской войны становилось опасным для жизни. К сожалению, и Бердянск не стал благополучным убежищем: обстановка в этом городе накалялась, жителям грозил

голод. Спасая жен и детей, Лев Абрамович и его свояк Иосиф (муж Буни) в 1922 году решили отправить свои семьи в Харьков, где работал Яша, сводный брат Ольги Давидовны. Решить было нелегко, но уехать еще труднее. По железной дороге тогда ходили преимущественно воинские эшелоны. После нескольких неудачных попыток Ольге Давидовне наконец удалось уговорить красноармейцев какого-то эшелона взять с собой двух женщин с детьми. В красноармейской теплушке они доехали до Харькова. Здесь с помощью Яши Минстера нашли квартиру на Заи-ковской улице. Яков отдавал им паек, который получал как служащий кооперации, сам перебивался кое-как. Он помогал сестрам и материально, так что голод уже не грозил. Хотя жили, конечно, очень трудно и скудно. Беллочка вспоминает такой эпизод. Вскоре после их переезда в Харьков Яша принес кулечек гречневой крупы. Изголодавшиеся девочки, не в силах дожидаться, когда сварят кашу, отсыпали себе в спичечный коробок немного гречки и, удалившись в укромный уголок, начали есть сырую крупу. Увидев это, Яков, молодой и сильный мужчина, разрыдался.

Я встречал Яшу в тридцатые годы, когда познакомился с семьей Бержигал, а также позднее, уже после войны. Он был человек исключительной доброты и честности, преданный Родине и людям. В семнадцатилетнем возрасте молодой еврейский парень добровольно ушел в Красную Армию, воевал в кавалерийских частях. После гражданской войны работал в разных учреждениях, кормил свою семью, поддерживал родных. Вновь ушел воевать в 1941 году, освобождал от фашистов Украину, сражался в Сталинграде. Демобилизовался из армии с тяжелой болезнью сердца, некоторое время прожил в Сталинграде, а затем обосновался в узбекском городе Андижан, где работал главным бухгалтером в каком-то учреждении. Дружил с узбеками (даже его единственная дочь вышла замуж за узбека), но не терял связи со своей национальной культурой. Любил читать еврейские газеты (был подписчиком "Советиш гей-мланд", выходившей на идиш). Не получив систематического образования, много читал, пробовал сам писать стихи. Выйдя на пенсию, не мог оставаться без дела. С трудом переставляя отекавшие ноги, ходил ходатаем по делам ветеранов, участвовал в комиссиях народного контроля, помогал молодым бухгалтерам осваивать профессию.

Таким был беспартийный еврей Яков Минстер, любивший свою национальную культуру, с уважением относившийся к другим нациям и их культурам, верно и честно защищавший свою многонациональную Родину.

Возвратимся, однако, к другим членам семейства Бержигал. Вскоре

после переезда сестер с детьми в Харьков прибыли их мужья, устроились на работу и так или эдак обосновались. К сожалению, Иосиф, муж Буни Давидовны, через несколько лет умер, поэтому Льву Абрамовичу и Ольге Давидовне пришлось заботиться отчасти и об этой семье.

Продолжая воспоминания, хочу найти самые теплые и вместе с тем справедливые слова, чтобы рассказать о старшей дочери - Марии Львовне, Мусеньке, потом тете Мусе и, наконец, бабе Мусе, тем более что эти слова пишутся в день шестой годовщины ее безвременной кончины.

Я уже писал, что в начале тридцатых годов Муся была студенткой театрального отделения Харьковского музучилища. Вскоре, однако, это отделение закрыли, а учащихся передали в студию при украинском драматическом театре "Березьш", переименованном в конце 1933 года в театр имени Т. Г. Шевченко. Молодые студенты попали в талантливый коллектив, в котором работали известные режиссеры (Лесь Курбас, Марьян Крушельницкий) и выдающиеся актеры (Амвросий Бучма, Наталья Уж-вий, Иван Марьяненко, Валентина Чистякова и другие, впоследствии народные артисты СССР и Украины). Театр, которого в то время еще не коснулась зловещая тень сталинских репрессий (в огне этих репрессий потом погиб Лесь Курбас и другие талантливые люди), жил полнокровной творческой жизнью. За кулисами театра царил атмосфера шуток, юмора, розыгрышей, на которые всегда способны актеры. Как рассказывала нам Муся, особым мастером розыгрышей был Амвросий Бучма. Однажды, например, он организовал сложный розыгрыш молодого актера Н., природным недостатком которого был длинный нос (как у Си-рано де Бержерака в одноименной драме Эдмона Ростана). Бедный актер, гримируясь перед выходом на сцену, изобретал всяческие ухищрения, чтобы его нос казался более коротким, чем был на самом деле.

Однажды, придя в театр, Н. услышал от двух-трех сотрудников коллектива одно и то же замечание примерно следующего содержания: "Слушай, Саша! У тебя что-то изменилось на лице. Нос, что ли, вырос?" Поначалу молодой актер отругивался, но когда в течение нескольких дней самые различные сотрудники театра, начиная от вахтера и кассира и кончая помрежем и администратором, встречая Н. в различных местах, говорили ему, что нос вырос, парень потерял спокойствие и решил проверить, что у него творится с этой ответственной частью физиономии. Придя в общежитие и убедившись, что сосед по комнате спит, Н. вырезал тонкую полоску бумаги, перед зеркалом отмерил ею расстояние от переносицы до кончика носа. Изготовленную таким способом мерку заложил между страницами книги, поставил книгу на полку и улегся отдыхать. Однако коварный сосед не спал и все видел. На другой день,

когда Н. ушел в театр, сосед разыскал спрятанную мерку, укоротил ее на пару миллиметров и вновь уложил на место. Через несколько дней, в течение которых разговоры о носе молодого человека в театре не прекращались, Н. тайком вынул мерку из книги и приложил ее перед зеркалом к лицу. О ужас! Край полоски не доставал до кончика носа на несколько миллиметров! Значит, нос вырос! Парень был в отчаянии. И только тогда, когда деморализация Н. достигла предела, Бучма открыл ему, что все это - розыгрыш.

Может быть, остроумная, хорошо организованная, но жестокая шутка, на мой взгляд, отчасти характеризовала неуважительное отношение к театральной молодежи в "Березиле". Возможно, поэтому Муся вместе со своей подружкой и коллегой по театральной студии Ольгой Б. решила искать счастья в Москве, во МХАТе, куда они поступили стажерами, по-видимому, в 1934 году. Однако во МХАТе ей не удалось пробиться в основной состав труппы, во-первых, потому что (если говорить честно) не обладала сверкающим талантом, а во-вторых, потому что не могла пойти по пути, избранному ее подружкой. Молоденькая Ольга оказалась в сфере интимного внимания одного из выдающихся актеров, корифея театра (впоследствии она родила от него сына, который ныне является известным искусствоведам). Новый статус открыл ей дорогу в штат театра, правда, не столько на сцену, сколько в сотрудники театрального музея. Муся по своим нравственным принципам не могла пойти на это и возвратилась в Харьков. Здесь она поступила в областной драматический театр, не имевший своей постоянной площадки, а гастролировавший в различных городах и районных центрах Украины. Во время этих гастролей произошло событие, сломавшее всю ее жизнь. Маша полюбила первой пылкой и молодой любовью одного из актеров театра. Будучи прямой и честной, поверила его обещанию оформить брак. На самом же деле этот человек (он мне всегда интуитивно был неприятен) оказался давно женатым, его жена работала в одном из учреждений Харькова и к театру отношения не имела.

В октябре 1936 года Муся приехала в Харьков и здесь родила дочь, названную Сусанной. Ребенку присвоили отчество Львовна, чтобы ничто не напоминало о ее нечестном отце. Но ожог от первой изуродованной любви был столь силен, что в течение всей своей дальнейшей жизни Муся, несмотря на то, что вокруг нее вились разные мужчины, не нашла в себе сил полюбить кого-либо и на всю жизнь осталась незамужней. Никогда ни с кем не говорила на эту тему. Только когда слышала песню об одинокой рябине или о том, что "встретились два одиночества", или песню Шаинского "Один раз в год сады цветут" в исполнении

Анны Герман, горькие тихие слезы катились из ее печальных глаз. Так было до самых последних дней жизни нашей дорогой родственницы.

Рождение ребенка, а возможно, и другие какие-то обстоятельства заставили Марию Львовну искать новую область приложения своих сил. Проработав еще некоторое время в театре (ребенка воспитывали дед с бабушкой), она в 1940 году уволилась из него и поступила на курсы по подготовке учителей английского языка, успешно обучалась на этих курсах. Но грянула война, и об учебе пришлось забыть. Поступила на работу (не знаю, в каком качестве) на один из оборонных заводов Харькова. С этим заводом, имея на руках ребенка, а также периодически болевших отца и мать, эвакуировалась в Нижний Тагил. На эвакуированном предприятии работала табельщиком-нарядчиком в одном из цехов, что давало хоть небольшой, но устойчивый заработок, а главное - рабочую карточку на хлеб и продукты. Лев Абрамович поступил на тот же завод заведующим залом в рабочей столовой. К сожалению, у него вскоре развился рак пищевода, его перевели в онкологическую больницу Свердловска, где он скончался 17 сентября 1942 года. Похоронен на кладбище этого далекого уральского города.

Главой маленькой семьи стала Муся, ей пришлось принять все заботы о семье на свои плечи. В 1944 году все тот же дядя Яша, который к тому времени демобилизовался из армии и остался в Сталинграде восстанавливать город, неизвестно какими путями разыскал их и позвал к себе. Кое-как добравшись из Тагила в Пермь, в сентябре 1944 года они погрузились на теплоход, шедший по Каме и Волге в Сталинград и Астрахань. Теплоход проходил через Куйбышев, куда в 1943 году переехали мои родители, а в марте 1944 года и мы с Беллочкой. На пристани мы встречали дорогих родичей и условились, что если в Сталинграде будет плохо, то они переезжают в Куйбышев. Так и случилось. Вначале в Куйбышев переехала Ольга Давидовна, а затем и Муся с Сусанной.

В Куйбышеве раскрылся и расцвел истинный талант Марии Львовны, полностью соответствующий главным чертам ее характера - доброте и человеколюбию. Я имею в виду педагога - воспитателя маленьких детишек. Став воспитателем в детском саду завода "Прогресс" (кстати, того самого, который выпускает объекты космической техники), она так умело и душевно организовала работу своей группы, что вскоре стала известной в коллективе завода и в районном отделе народного образования. Почувствовав, что ей не хватает специальных знаний, Муся на пятом десятке лет поступает в педагогическое училище и блестяще экстерном заканчивает его. Становится известным в Куйбышеве методистом, разрабатывая и совершенствуя приемы воспитания детей. Любимая работа

и уважение коллег вернули Марии Львовне живость и энергию и, несмотря на некоторую полноту, красоту и симпатичность, поблекшие было в годы войны и в период нашей семейной беды, которая стряслась в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов. Этой бедой был арест Ольги Давидовны органами КГБ в декабре 1948 года.

Я уже писал, что с 1948 года в стране начал разворачиваться очередной виток сталинских репрессий, на сей раз замешанный на антисемитизме. Сигналом к началу этой кампании стало убийство Соломона Михоэлса. В мельницу репрессий попала и наша "баба Аля", как называли дети Ольгу Давидовну. Дикость и необоснованность ареста были очевидны. Пожилая женщина, всю жизнь посвятившая семье, не имевшая никакого отношения к производству или науке, фронту или армии, чем она могла быть опасна Родине, чтобы привлечь внимание органов государственной безопасности? Арестовали Ольгу Давидовну прямо на работе, в библиотеке авиационного института, куда она незадолго до этого поступила на скромную должность регистратора, надеясь заработать себе хоть какую-нибудь пенсию. Мы терялись в догадках. Поводом для ареста мог быть какой-либо ее разговор с коллегами, который один из "стучачей", в избытке водившихся в те времена в любом коллективе, истолковал превратно и доложил "куда следует". Может быть, ей инкриминировали то, что родной брат еще до революции выехал в Америку и она получила от него пару писем. Но аргументы следователей КГБ были, по-видимому, настолько слабыми, а поведение Ольги Давидовны в процессе следствия столь твердым и спокойным, что специальная тройка, заменявшая в те времена судей, вынуждена была назначить ей самую мягкую из возможных мер наказания - пять лет лагерей с правом переписки. Об освобождении невинных за отсутствием в их действиях состава преступления в те годы не могло быть и речи - КГБ не выпускало из своих рук тех, кого арестовывало даже по облыжным доносам.

Наша баба Аля провела в заключении немногим более четырех лет, затем в мае 1953 года после смерти Сталина, расстрела Берии и дезавуирования надуманных дел о космополитах и евреях-вредителях была реабилитирована, освобождена из заключения и возвратилась в Куйбышев. Она никогда не рассказывала нам о том, как прожила эти годы, только один раз обмолвилась, что вместе с нею в лагере находилась академик Лина Штерн, были несколько известных женщин-музыкантов и актрис.

В 1967 году меня перевели из Куйбышева на работу в Тольятти (об этом подробно расскажу в дальнейшем). В 1969 году к нам переехала из Куйбышева Мария Львовна, вышедшая к тому времени на пенсию, а в 1973-м - и Ольга Давидовна, поскольку жившая с ней Сусанна вышла

замуж за Игоря Калужского и тоже переехала в Тольятти. Мы стали жить в Тольятти с Ольгой Давидовной и Мусей одной семьей.

Много анекдотов и баек ходит о тещах. Скажу честно, у меня никаких трений с тещей не было. Ольга Давидовна была человеком деликатным и интеллигентным. Если, например, ей приходилось лечиться какой-либо остропахнувшей мазью, то она стремилась это делать в часы, когда остальных членов семьи, в частности меня, не было дома. Если же я был дома, то ужасно волновалась, не мешает ли этот запах, и успокаивалась только после моих заверений, что это не так. Она была полноправным и авторитетным членом семьи, принимавшим участие в обсуждении всех наших планов и проблем. До самых последних дней (Ольга Давидовна умерла на девяносто первом году жизни 5 ноября 1982 года) сохраняла ясный ум, жизнелюбие и желание что-либо сделать для близких людей. Она похоронена на старом кладбище в Центральном районе города Тольятти.

Восемнадцать лет прожила с нами Мария Львовна. Значительная часть бытового порядка в доме была ее заслугой. Это позволило Беллочке, работавшей в отделе информации ВНИИцеммаша, уйти на пенсию только в 71 год. К нашей боли и огорчению, у Муси в 1985 году диагностировали злокачественную опухоль в кишечнике. Смертельно больная, догадываясь о неизлечимой болезни, наша дорогая сестра продолжала в меру своих сил участвовать в обеспечении быта семьи. В тяжелые последние месяцы жизни, скованная страшными болями, она как могла оберегала нас от лицемерия ее страданий. Скончавшись второго октября 1986 года, она унесла с собой часть наших сердец. Похоронена на новом кладбище в Центральном районе г. Тольятти.

На этой трагической ноте заканчиваю воспоминания о старшем поколении семьи Берзигал. Что поделаешь - такова жизнь! Перед вами, мои читатели, прошли эскизы истории семьи, с которой я породнился. Чем отличалась эта семья? В ней не было гениальных личностей и выдающихся персон. Она никогда не имела особого достатка и роскоши. Но это были люди честные, порядочные, добрые к родственникам и согражданам. Несмотря на ряд моральных и физических ран, которые наносила им судьба, трудились честно, часто на пределе своих сил, вносили свой вклад в благополучие и безопасность Родины, которую любили и для блага которой делали то, что могли.

МОЛОДОЙ ИНЖЕНЕР

ОБРАЗЦА 1938 ГОДА

В феврале 1938 года я закончил Харьковский механико-машиностроительный институт и получил диплом с отличием о присвоении звания инженера-механика по специальности "Механосборочное производство". Незадолго до этого весь наш выпуск был распределен на работу, причем в отличие от предыдущих и, насколько мне известно, последующих выпусков распределение происходило особо торжественно. Нас вызвали в Москву, разместили в какой-то правительственной гостинице на Угольной площади, кормили за счет государства так, что мы только ахали. Само распределение происходило в одном из правительственных зданий. Не знаю, чем объяснялся такой ажиотаж. Может быть, тем, что наш поток состоял в основном из рабфаковцев с большим производственным и партийным стажем, или тем, что в это время на очередном партийном пленуме было объявлено о необходимости повысить внимание к кадрам и интеллигенции. Но факт остается фактом - распределение шло по высшему разряду.

Нас по одному вызывали в громадный кабинет какого-то начальника, в котором заседала комиссия по распределению. Ожидавшие вызова томились в большой приемной под наблюдением мужчины-секретаря. Первым вызвали Федю Хворостецкого. Это был солидный, сравнительно немолодой мужчина, опытный производственник. Он вышел из кабинета главным инженером какого-то предприятия в Оренбурге. За ним вызвали Григория Липчанского, тоже члена партии и производственника. Несмотря на то, что учился он слабо, получил высокое назначение - не помню, то ли главным технологом, то ли начальником крупного цеха. Меня вызвали одним из последних и распределили на невидную должность технолога инструментального цеха завода текстильного машиностроения в г. Харькове со сравнительно низким окладом 400 рублей в месяц.

Завод, на который я получил назначение, был одним из не очень крупных предприятий Харькова. Неясно, почему он носил имя Т. Г. Шевченко, ведь уважаемый поэт никакого отношения к ткачеству не имел. Тем более он не имел отношения к специальному производству, занимавшему два цеха на заводе. Несмотря на строгую систему про-

пусков и секретность этого производства, каждый молодой слесарек, не говоря уже о других работниках завода, знал, что в спеццехах делают мины и главными контролерами там являются "военпреды", то есть военные представители с широкими полномочиями.

Инструментальный цех был небольшим - три-четыре десятка станков, слесарное отделение и термичка. Технологическое бюро, состоявшее из четырех человек, находилось в небольшом помещении, отгороженном от производственных участков фанерными стенками.

Моим непосредственным руководителем был начальник техбюро по фамилии Корфанти, происходивший, по-видимому, из обрусевших греков. На грека он совершенно не был похож, разве что имел черные немного выпуклые глаза. Был широкоплечим, высокого роста, как большинство высоких людей, немного сутулился. Всегда был одет в просторный видавший виды пиджак и простую рубашку, в темные брюки с "пузырями" на коленях. Никогда не снимал с головы кепку, так что я даже не знал, был он лысым или нет. На кончике тонкого длинного носа носил очки, глядел поверх них и, только читая что-либо, поднимал оправу на переносицу. Очки с кончика носа систематически падали, он их подхватывал, чертыхаясь, и водружал на место.

Я был единственным дипломированным инженером в составе техбюро и, кажется, вторым после начальника цеха инженером во всем коллективе. Остальные имели среднетехническое образование или были инженерами-практиками. Мой начальник Корфанти тоже выдвинулся из мастеров-практиков. Несмотря на отсутствие специального образования, он отлично знал конструкции и технологию режущих инструментов, приспособлений и штампов. Он сумел поставить технологическую дисциплину в цехе на надлежащий уровень.

Я очень благодарен Корфанти за то, что он умно и тактично организовал мои первые шаги на производстве. Как и многим современным выпускникам, приходящим в цех с вузовской скамьи, мне были свойственны, по крайней мере, два недостатка: во-первых, страх перед местными традициями и авторитетами и, во-вторых, неумение работать с людьми. Поэтому мне намного легче было сидеть в бюро и писать более или менее подробные технологии на инструмент, детали и штампы, чем организовывать исполнение этих технологий на рабочих местах. Я, как правило, сразу соглашался с требованиями какого-либо крикливого мастера, пришедшего в бюро с критикой моих технологий, основанной на принципе "а у нас так не делают".

Корфанти, однако, в этом случае не разрешил менять технологический лист, а заставлял меня идти на рабочее место и вместе со станочни-

ком налаживать операцию так, как я ее запроектировал. Естественно, что возникали два варианта разрешения спора: либо я доказывал свою правоту, получая одновременно опыт и уверенность в решении практических задач непосредственно на рабочих местах, либо убеждался, что не прав и тем самым получал хороший урок на будущее.

Не хвалясь, скажу, что первых вариантов решения споров было больше: мои наладки, осуществленные руками рабочих, оказывались годными и целесообразными. Поэтому довольно быстро я завоевал определенный авторитет как "въедливый" технолог. Успех вскружил мне голову и привел к несчастному случаю, в результате которого я едва не погиб.

Дело было так. На мощном вертикально-фрезерном станке надо было обработать партию сложных деталей приспособлений, предназначенных для спеццеха. Как всегда, заказы спецпроизводства шли "по зеленой улице", срочно. Делать какие-либо зажимные устройства не было времени, и я предложил зажимать заготовки в тиски с помощью дополнительных губок, которые можно было сделать быстро. Когда приступили к обработке деталей, поначалу все шло хорошо. Однако затем одна из заготовок подвинулась в тисках и была испорчена. Мало того, были поломаны зубья дорогостоящей твердосплавной торцевой фрезы, так как ее оправка повернулась в зажимном патроне станка. Корфанти велел мне немедленно пойти на рабочее место и разобраться, в чем дело. Выполняя его распоряжение, я совершил две ошибки.

Во-первых, будучи вполне уверенным в непогрешимости моей наладки ("Как же! Авторитетный технолог не может ошибиться!"), я решил, что в аварии виноват рабочий, который недостаточно прочно укрепил инструмент. Тем более что на станке работал так называемый "переква-лификант", то-есть крестьянский парень, скорее всего из раскулаченной семьи, пришедший на завод зарабатывать себе новую социальную категорию - "рабочий". "Переквалификант" был очень огорчен. Ему только что разрешили работать самостоятельно, как вдруг такой сюрприз - поломка инструмента и брак. Как бы не перевели назад в ученики!

Вторая ошибка состояла в следующем. Глядя на расстроенного парня, я решил сам зажать новую фрезу в шпинделе станка, вместо того чтобы понаблюдать, правильно ли это делает рабочий. А надо вам сказать, что патрон зажимали тяжелым накладным ключом длиной более метра. Зацепив зубец ключа за паз в патроне, я уперся ногою в станину станка и потянул эту метровую палку на себя. Что показалось переква-лификанту, какой черт толкнул его под руку, но он в этот момент нажал пусковую кнопку станка! Слава Богу, что ключ накидывался по ходу вращения шпинделя. Когда он сорвался с патрона, то только ударил меня

по правой стороне грудной клетки. Я отлетел по проходу между станками метра на два от злополучного рабочего места. Если бы ключ имел другую конструкцию, например, был сделан по типу гаечного, то он прижал бы меня к станине станка и раздавил насмерть.

Ощущение, которое я испытал, лежа на полу цеха, запомнилось на всю жизнь. Я видел склонившихся надо мной людей, но как бы издали; я слышал разговор и крики, но как через вату. У меня ничего не болело. Только грудь была зажата в такие тиски, что я не мог сделать ни одного вдоха. От этого я потерял сознание и очнулся только на скамейке в садике, расположенном у входа в цех, от боли, которую причиняли руки Корфанти, ошупывавшего и массирувавшего мою грудную клетку. Подхватив в очередной раз очки, которые свалились с носа, Корфанти сказал: "Ничего, переломов нет. Молодой, отойдет. Пусть отлежится." И действительно, полежав часок на свежем воздухе, я почувствовал себя значительно лучше и без посторонней помощи пошел в заводской медпункт. Меня сопровождал смертельно бледный "переквалифицикант".

В здравпункте старичок фельдшер осмотрел место ушиба, чем-то его смазал, дал какой-то порошок и сказал, что, в общем, я легко отделался и что боли через несколько дней пройдут.

Я тщательно скрывал это происшествие от Беллочки и родителей, продолжал ходить на работу, только оберегал ушибленное место от прикосновений до тех пор, пока молодость не взяла свое и все прошло. Правда, на одном из ребер справа у меня еще длительное время прощупывался какой-то бугорок. Он долго напоминал о том, что, решая сложную задачу, нельзя считать себя всезнайкой, делать то, что лучше тебя сделают другие, и спешить с выводами. Сейчас этот бугорок уже не прощупывается, может быть потому, что я стал толще и добраться до моих ребер не так просто, а может быть, и потому, что в нем как на поминании уже нет необходимости.

В первые месяцы работы на заводе произошло еще одно событие. Весной 1938 года страна встречала Папанина, Кренкеля, Ширшова и Федорова - первых обитателей станции СП-1, длительное время дрейфовавшей вместе со льдами в районе Северного полюса. Везде проходили митинги и собрания в честь героев-полярников, им посылали приветствия и поздравления. Такое собрание состоялось и у нас в зале заводского клуба. С сообщением выступил член завкома, начальник планового отдела Кацнельсон. Невысокого роста, с круглой лысой, как будто косо прилаженной головой, он почти не был виден из-за трибуны. Нудно и тихо читал по бумажке (микрофонов тогда не было). Оживился, поднял глаза и глянул в зал только тогда, когда сказал, что на полю-

се было очень холодно и систематически дул ветер. Закончил свое выступление словами: "Мы должны, как и другие предприятия, послать полярникам поздравление по случаю их благополучного возвращения".

Различие между словами, которых был достоин действительно героический подвиг четырех граждан нашей страны, впервые в мире осуществивших столь выдающуюся экспедицию, и теми бледными и скучными фразами, которыми Кацнельсон чуть не усыпил присутствующих, было столь велико, что я возмущился, неожиданно для самого себя поднял руку и попросил слова, даже недостаточно продумав, что буду говорить. В те времена еще не готовили выступающих заранее по списку парткома, и слово мне дали немедленно. Я никогда ранее не выступал перед такой большой аудиторией, в институте не приходилось. В первые две-три секунды, выйдя на трибуну, растерялся, но желание воздать должное героям так волновало меня, что я быстро овладел собою и нашел горячие, эмоциональные слова. Помнится, сказал, что мы приветствуем Ивана Дмитриевича Папанина и его товарищей не за то, что они терпели холод и ветер, а за то, что показали всему миру, и нам в том числе, высокие качества: умение выполнить труднейшее задание, в котором нуждается Родина и все человечество; умение поддерживать товарищей в экстремальных условиях; умение сохранять высокое человеческое достоинство, глядя в лицо опасности. Далее сказал, что каждый должен не просто любоваться героями, а взять из их качеств то, что сумеет совершенствовать себя в труде и преданности Отечеству.

Мое волнение и эмоциональный подъем передалось залу, люди оживились, аплодировали. Через день в городской газете появилась небольшая заметка, сообщавшая о митинге на заводе им. Т. Г. Шевченко и о том, что на этом митинге "со взволнованной речью выступила технолог инструментального цеха Резникова". По-видимому, когда корреспондент спросил обо мне, ему сказали "Резников А.", а он записал "Резникова", а раз так, то уже не "выступил", а "выступила".

Удачное выступление на митинге и, по-видимому, некоторые сведения о работе в цехе привели к тому, что мне стали предлагать повышение по службе. Начальник ремонтно-механического цеха предложил пойти к нему в заместители. Когда я с известной гордостью рассказал об этом отцу, он быстро остудил мой пыл, сказав, что я еще не имею практически никакого опыта управления людьми и что вообще "кто часто хомуты меняет, у того конь гуляет", то есть высказался против перемены места работы. Я отказался от предложения перейти в РМЦ.

Начальник отдела кадров завода предложил должность заместителя начальника ОТК (отдела технического контроля) предприятия. Здесь у

меня самого хватило соображения понять, что я еще не знаю технологии основного производства, без чего нельзя участвовать в контроле продукции и отвечать за ее качество. Я отказался и от этой должности.

Переговоры о новых должностях происходили весной 1938 года. В это же время в нашей семье состоялось важнейшее событие - накануне моего дня рождения, а точнее 28 мая, Беллочка родила дочурку, которую мы назвали Инной. Инночка росла здоровым, спокойным, не крикливым ребенком, настолько спокойным, что молодая мама осенью 1938 года смогла поступить на второй курс трехгодичного подготовительного отделения (рабфака) при Харьковском институте текстильного машиностроения.

Последняя фраза требует некоторых пояснений. Дело в том, что в музыкальном техникуме, в котором, как вы помните, училась Беллочка, резко ограничили исполнительское отделение, а остальным студентам предложили перейти на педагогический факультет, готовивший музыкальных работников для детских учреждений и школ. Беллу это не устраивало, так как педагогические наклонности в ее характере практически отсутствовали. Не без моего влияния она решила сменить музыкальное образование на техническое.

Нам понравился институт текстильного машиностроения, контингент которого состоял преимущественно из представительниц прекрасного пола. Семилетнего образования для поступления в вуз уже в то время было недостаточно, пришлось поступать на рабфак. С учетом свидетельства об окончании семилетней школы и зачетов по некоторым общеобразовательным дисциплинам, полученным в техникуме, Беллочку приняли на второй курс. Учебный процесс на рабфаке был организован так, что одни и те же занятия дублировались в дневное и вечернее время. Это позволяло слушателям, посменно работающим на производстве или имеющим какие-либо другие причины, посещать лекции и практические занятия в удобные для них часы. Молодую маму это тоже устраивало.

Как говорят, в порядке самокритики, должен признаться, что по легкомыслию молодости я еще не ощущал себя отцом в глубоком понимании этого слова. Малышка дочь была больше забавной игрушкой, чем частью души. Поэтому я мог, например, вместо того, чтобы помогать Беллочке возиться с дочерью, в выходной день на два-три часа задержаться в студенческой парикмахерской, куда ходил бриться. В фойе парикмахерской был установлен редкий еще в те времена небольшой бильярд с металлическими шариками, и я не мог отказать себе в удоволь-

ствии быть участником разыгрывавшихся на нем турниров местного значения.

Перелом наступил тогда, когда семи-восьми месяцев от роду Инночка заболела пиелитом (воспалением почечных лоханок). Бедная девчушка, по-видимому, очень страдала от болей и общего недомогания, горько плакала, стала беспокойной. Успокаивалась только тогда, когда я брал ее на руки и прижимал к себе. То ли мои руки, большие по сравнению с ее тельцем, создавали удобное ложе, то ли моя теплота и ритм дыхания были ей приятны, но факт оставался фактом - крошка успокаивалась и засыпала, как только я брал ее на руки и ходил по квартире. Однажды для того, чтобы дать поспать уставшей Беллочке и облегчить страдания ребенка, я всю ночь, держа Инночку на руках, прошагал по узкому коридору между комнатами в нашей квартире. Малышка доверчиво прижималась, положив свою крошечную ручку мне на грудь; изредка открывала круглые глазенки, потом вновь закрывала их, засыпая или забываясь в хрупкой дремоте, сквозь сон горестно вздыхала и всхлипывала. И такая острая жалость к этому маленькому человеку, такая любовь к ее маленьким пальчикам, шевелившимся во сне, ко всей этой крошке пронзила меня, что вдруг я по-настоящему понял, что это моя, моя доченька, что отныне и на всю жизнь ее место в моем сердце, что я готов не только прошагать с нею на руках всю ночь, а всегда принять на себя ее боль и заботы. Не знаю, передались ли мои чувства дочурке в виде линий какого-то сенсорного поля, но к утру она совсем успокоилась и со следующего дня начала поправляться.

Радостный, не чувствуя усталости от бессонной ночи, я ушел на завод, где ждали довольно сложные заботы. Дело в том, что осенью 1938 года меня вызвал главный инженер завода Рубан и предложил принять должность заместителя начальника вновь организуемого механического цеха по изготовлению рифцилиндров. Подумав, я согласился, поскольку привлекала возможность пройти все стадии подготовки производства, начиная от комплектования цеха оборудованием и до выпуска готовой продукции; к тому же оклад составлял семьсот рублей вместо четырехсот, которые я получал в инструментальном цехе.

Обстоятельства, которые привели к созданию нового цеха, таковы. Основным видом гражданской продукции нашего завода были ватермашины, предназначенные для вытяжки пряжи. Главной частью рабочего аппарата ватермашин являются рифленые цилиндры (коротко - рифци-линдры), столь сложные и точные детали, что их и сейчас в нашей стране не производили, а закупали в Англии. В 1938 году правительство по-

ставило перед заводом задачу освоить выпуск рифцилиндров, причем за этой работой наблюдал лично Анастас Иванович Микоян, зам. председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Сроки для освоения производства были весьма жесткими.

Дирекция завода отвела под цех рифцилиндров большой пролет только что построенного производственного корпуса. Начальником цеха был назначен способный, сравнительно молодой, но опытный инженер Владимир Болотников, а я - его заместителем. Нам предстояло организовать установку оборудования, освоить технологию и начать массовое изготовление рифцилиндров. Оборудование получали частично со станкостроительных заводов страны, но в основном - за счет изъятия из других цехов нашего же завода. В этих условиях одной из важных задач руководства цеха рифцилиндров было наблюдение за тем, чтобы "друзья-коллеги" из соседних цехов не воспользовались случаем, чтобы переадресовать нам разболтанные или дефектные станки, поскольку, как известно, "своя рубашка ближе к телу". Вот когда пригодились знания и опыт, полученные мною еще в студенческие годы во время полугодичной практики в отделе главного механика ХТГЗ и в бригаде слесарей-ремонтников, о чем я писал в одной из предыдущих глав записок. С помощью механика цеха я организовал жесткий контроль и проверку паспортных данных передаваемых нам станков еще до того, как их снимали с фундаментов и отправляли в цех рифцилиндров.

Как только оборудование прибывало в наш цех, мы принимали меры к незамедлительной его установке, подключению, оснащению необходимыми приспособлениями и инструментом. Если станок был предназначен для выполнения операций в начале технологической цепочки, то на нем сразу же начинали выпуск продукции в виде заготовок под последующие операции. Работы по установке оборудования и освоению выпуска продукции шли в три смены, они требовали круглосуточного присутствия в цехе кого-либо из администрации. Поэтому начальник цеха, старший мастер и я работали подряд по две смены: первую-вторую, вторую-третью или третью-первую. Если же Болотников болел или выезжал в командировку, то приходилось работать и сутками. "Прихватывали" дополнительное время также мастера и наладчики.

Напряженный ритм, а то и суета, связанная с неполадками или необязательностью персонала других цехов, приводили к тому, что часто не удавалось вовремя сходить в заводскую столовую, чтобы пообедать. Приходилось закусывать всухомятку, запивая еду кипятком из титана, который круглые сутки кипел в одном из углов цеха. Каким божественным напитком казалась горячая вода с кусочком сахара вприкуску в три-че-

тыре часа ночи, когда ужасно хочется спать, а спать некогда и нельзя! Скажу честно, мне с тех пор не вполне понятны рассуждения о достоинствах и недостатках разных сортов чая, методах приготовления этого напитка и другие "чайные церемонии". Кружка кипятка вприкуску с сахаром и воспоминаниями - самый лучший вид чая, который я знаю.

Моя молодая супруга, однако, не была удовлетворена таким режимом моего питания. Она настояла, чтобы я выписал ей пропуск на завод с правом входа и выхода в любое время, и довольно часто привозила обед или ужин. Изолировав меня в конторке, она требовала, чтобы я спокойно поел все принесенное ею, и только потом "снямала арест" и уезжала домой. Кстати замечу, что в течение всех лет нашей супружеской жизни Беллочка (теперь уже Белла Львовна) обращала особое внимание на режим и качество питания семьи, что, я думаю, является немаловажной причиной нашей с ней работоспособности (плюнем три раза через плечо и постучим по дереву!) в пожилом возрасте.

Я уже писал, что Володя Болотников, мой начальник, часто болел (он и умер молодым в последующие годы) или уезжал в командировки. В этих случаях мне приходилось представлять цех рифцилиндров на еженедельных оперативках у директора завода. Сначала директором у нас был некто Александров, крупный мужчина с мохнатыми бровями и мощными усами. Александров пришел на завод из армии, где служил в артиллерии, технического образования, по-видимому, не имел. Как память о дорогом ему военном прошлом носил суконные или кожаные галифе и сапоги. Правда, шпор на сапогах не было, хотя они неплохо соответствовали бы методам его руководства предприятием. Судите сами.

Оперативка, как правило, начиналась с сообщения начальника производственного отдела о том, что план за истекшую неделю заводом не выполнен, на сборку не поступили хронически дефицитные детали - рамы ватермашин и стойки для крепления рифцилиндров. Взгляд директора обращался в сторону начальника основного механического цеха. Тот спокойно вставал и как дважды два доказывал, что план выполнить не мог, так как литейный цех не поставил вовремя заготовки для рам, а кузнечный - для стоек. Тогда директор медленно вставал во весь свой рост, опирался сжатыми кулаками о стол, коротко бросал секретарше: "Роза, выйди!" - и начинал "мужской разговор" с приложением к начальникам литейного и кузнечного цехов таких эпитетов, от которых разве только стекла в окнах кабинета не становились матовыми. Артиллерийская атака заканчивалась грозным вопросом: "Когда будут заготовки?" - в ответ на который начальники литейного и кузнечного цехов называли первые пришедшие им в голову даты. Александров мгновенно успокаивал-

вался, приглашал в кабинет Розу и приказывал ей записать обязательства, взятые цехами. Обязательства, поскольку они не были подкреплены организационно-технической работой, как правило, не выполнялись. Поэтому на следующей оперативке опять были и "Роза, выйди!", и громовая атака, и новые липовые сроки, и опять "Роза, запиши!".

Завод, для которого главной бедой была партизанщина в управлении, отсутствие дисциплины и порядка, систематически не выполнял план. Когда стало ясно, что Александров не годится, его, как уважаемого ветерана, перевели командовать каким-то другим учреждением, а директором завода назначили Чуписа, работавшего ранее в одном из институтов Харькова.

Чупис, латыш по национальности, высокий, худощавый, выглядел совсем не так, как Александров. Он всегда был одет в хорошо выглаженный костюм, белую рубашку с галстуком, аккуратно пострижен и побрит. После назначения в течение двух-трех недель ходил по цехам завода, очень много времени проводил в литейке и кузнице, все осматривал, изучал, при этом мало говорил. Вообще был, как многие латыши, немногословен, руководствуясь, по-видимому, хорошим правилом, сформулированным еще в XIV веке Бахья бен Ашером, испанским филологом еврейского происхождения: "Рот - это дверь, а дверь, как правило, должна быть закрыта".

Оперативки в это время продолжались, вел их главный инженер Рубан. Чупис присутствовал, но не вмешивался в разговор. Только на одной из оперативок, выслушав очередные обещания начальников литейки и кузни войти в ритм производства через пять дней, сказал: "Нет, за пять дней вы не управитесь. Даю вам неделю, но чтобы через неделю все было сделано!" Следующую оперативку (ровно через неделю) вел сам Чупис. Начальники заготовительных цехов (к слову сказать, порядочные разгильдяи), конечно, задание в срок не выполнили и были готовы назначить новый срок. Однако директор очень спокойно и вежливо попросил Розу записать приказ о том, что начальник литейного цеха такой-то освобождается от занимаемой должности и переводится мастером отделения формовки, а начальником цеха назначается старший мастер такой-то (кандидатуру директор, по-видимому, присмотрел). Аналогичный приказ был тут же сформулирован и о начальнике кузни, после чего оперативное совещание, длившееся всего двадцать минут вместо обычных двух часов, было закрыто. Решительные меры по наведению порядка, предпринятые новым директором, в сочетании с мерами по техническому перевооружению завода, разработанными под его руковод-

ством, дали свой эффект - через некоторое время предприятие стало выполнять план.

Чупис обладал свойством, важным, по-моему, не только для руководителя, но и для любого честного и достойного человека - он никогда не обещал сделать то, что не мог, и всегда в срок делал то, что обещал. Я думаю, что именно благодаря такому пониманию одного из правил общения между людьми, директор не наложил на меня взыскания, хотя вся обстановка должна была толкнуть его на это. Дело было вот в чем. Я уже писал, что освоение производства рифцилиндров на нашем заводе находилось под наблюдением высокого начальства. Поэтому периодически, примерно раз в месяц, к нам приезжал какой-то сотрудник Глав-текстильмаша из Москвы. Теперь мы назвали бы его привычным словом "куратор". Наш куратор был белобрысым сравнительно молодым человеком с аккуратно расчесанными на прямой пробор редковатыми волосами, немного сонными глазами, спрятанными за очки в золоченой оправе, с холеными руками. Говорил медленно и важно, по территории цеха ходил с оглядкой, чтобы не повредить, не дай Бог, свои модные туфли. В те и в последующие годы в разного рода управлениях и министерствах находилось (не скажу - работало) громадное количество чиновников, основным преимуществом которых было то, что они являлись коренными москвичами или имели в Москве авторитетных родственников. Именно благодаря этим качествам они попадали и попадают до сих пор на хорошо оплачиваемые должности, в большинстве своем ни за что не отвечая, реально ничего не делая, кроме сбора информации о "прикрепленных" к ним предприятиях или учреждениях и подготовки докладов для начальства.

Я тогда впервые встретился с представителем этого племени и поначалу отнесся к нему с полным почтением, как к начальству. Болотников поручил мне сопровождать куратора по цеху, все рассказать о подготовке производства рифцилиндров. Мой спутник что-то записывал в большой красный блокнот. Когда после длительной экскурсии по цеху мы зашли в конторку, гость спросил меня: "А в чем ваш цех сейчас нуждается больше всего?" В цехе было много шлифовальных станков, поэтому самым острым дефицитом у нас были алмазные карандаши для правки кругов. Об этом я и сказал куратору. Он аккуратно записал в блокнот: "Алмазные карандаши", поставил восклицательный знак и дважды подчеркнул. Затем сказал: "Помогу вам обязательно и в ближайшее время".

Прошел месяц. Карандашей не было. Пользуясь своими прошлыми связями, я занял два карандаша в инструментальном цехе с обещанием вернуть как только получим. Когда куратор приехал вновь, я напомнил

ему, что мы задыхаемся без правящего инструмента. Он сказал: "Ах, да!" - сделал запись об алмазных карандашах в тот же блокнот, поставил два восклицательных знака и трижды подчеркнул написанное.

Когда же по прошествии еще одного месяца наряд на карандаши из Москвы так и не поступил, а куратор опять появился в нашем цехе и задал традиционный вопрос: "В чем нуждается цех рифцилиндров?" - во мне проснулись гены моего вспыльчивого деда и я сказал: "Чтобы порог цеха не переступали такие люди, как вы, которые реальной помощи нам не оказывают, а только отрывают от работы!" Мой собеседник стал пунцовым, захлопнул блокнот и со словами: "Вам это так не пройдет, мальчишка!" - выскочил из цеха.

К концу дня, часов в шесть, меня вызвал Чупис, в кабинете он был один. Внимательно выслушал, никак не прокомментировал происшедшее, только сказал: "Идите, но впредь имейте в виду, что интеллигентный человек должен уметь себя сдерживать!" На этом конфликт был исчерпан. Куратор в золотых очках, если и появлялся в нашем цехе, то проходил прямо к Болотникову, который сам сопровождал его (таково, видимо, было распоряжение директора завода). Наряд на алмазные карандаши все же пришел, правда, не из нашего главка.

В конце апреля 1939 года цех выдал первые рифцилиндры. И хотя месячную программу выпуска мы еще не освоили, к Первому мая были отмечены приказом по заводу и премированы. Вскоре цех начал работать ритмично, выполняя и перевыполняя план, дежурить по две смены уже не приходилось.

В июле того же года меня пригласили в партком завода, где предложили вступить кандидатом в члены ВКП(б). Я, конечно, с радостью согласился, оформил необходимые документы. Рекомендующими были Корфанты и Болотников, хорошо знавшие меня по работе.

В начале сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, в нашей стране была проведена (правда, не объявленная в печати) частичная мобилизация резервистов. Военкомат вызвал и меня, старшего техника-лейтенанта запаса. Это звание и специальность "Ремонт артиллерийских орудий" я получил еще в период обучения в ХММИ после сдачи государственного экзамена по военной подготовке. Воинская часть, в которую я был направлен в числе других резервистов, находилась на Холодной горе (так называлась одна из окраин Харькова). Эта часть (военно-ремонтный завод) не была готова к приему большого количества рядовых и командиров из запаса, не было ни казарм, ни обмундирования. Поэтому хотя все мы ходили строем, но в собственной одежде, а ночевали в каких-то летних помещениях, где были оборудованы нары с

сеном. К концу сентября правительство страны, ориентируясь на развитие событий в Польше, сочло, по-видимому, возможным демобилизовать некоторое количество призванных. В число демобилизуемых попала и наша часть; в военных билетах нам проставили штампик "Прошел большой учебный сбор", а сами мы, не побывав военными, вновь превратились в штатских.

Возвратившись на завод, я узнал, что цех рифцилиндров по-прежнему работает хорошо, в должности зам. начальника успешно действует старший мастер (фамилию его, к сожалению, забыл). В этих условиях я счел возможным попросить у руководства завода разрешение на поступление в аспирантуру ХМ МИ, прием в которую был объявлен в октябре 1939 года. Директор завода Чупис дал согласие, но секретарь парткома был против моего увольнения, так как я не отработал еще положенных двух лет по окончании института. Вопрос был вынесен на очередное заседание парткома. Секретарь доложил суть дела и высказал свою точку зрения. Однако неожиданно за меня вступился один из членов парткома, немолодой рабочий, старый член партии. Он сказал примерно так: "Парень работает честно, старается, пусть учится, пока молодой. Нам это было недоступно, не будем мешать молодым". Поскольку в мою пользу высказался также директор завода (он тоже был членом парткома), то большинством голосов было принято решение снять меня с партийного учета и разрешить уход на учебу.

В начале ноября 1939 года, сдав вступительные экзамены, я стал аспирантом кафедры резания металлов ХМ МИ. Мне, надо сказать, повезло - к этому моменту на кафедре оказалась беспризорной научно-исследовательская тема, которую следовало выполнять по договору с Бюро технических нормативов Наркомата станкостроения СССР. Работать над этой темой должен был аспирант кафедры А. М. Александров. Он провел некоторую часть подготовительных работ - получил режущий инструмент, обрабатываемый материал и аппаратуру. Но начать исследования Александрову не удалось, так как он неожиданно был назначен одним из руководителей отдела среднеевропейских стран Наркоминдела СССР и выехал в Москву. Предыстория этого назначения такова. В 1939 году происходила переориентация советской внешней политики на сотрудничество с гитлеровской Германией. В связи с этим М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел заменил В. М. Молотов, был значительно обновлен и аппарат наркомата. При комплектовании нового аппарата предпочтение отдавалось не столько профессиональным дипломатам, сколько проверенным членам партии с рабочим происхождением, которых отбирали из числа лиц, рекомендованных обкомами

ВКП(б). После нескольких вызовов в Москву и бесед в различных инстанциях наш Саша Александров, потомственный рабочий, пришлось, как говорят, ко двору и был отозван из Харькова в Наркоминдел. Впоследствии, насколько мне известно, он сопровождал В. М. Молотова в поездках в Берлин, был представителем СССР в комиссии по демаркации советско-германской границы на территории Польши. После начала войны с Германией из руководства наркомата был удален и отправлен послом в далекую Новую Зеландию. Дальнейшие следы деятельности А. М. Александрова потерялись.

Работа на заводе приучила меня не терять времени зря. Я немедленно начал исследования по теме и вел их в лаборатории по 8-10 часов ежедневно. Это позволило в течение 1940 года полностью завершить все эксперименты, предусмотренные планом, обработать результаты наблюдений и написать отчеты по основным разделам темы. Один комплект отчетов, состоявший из трех томов, переплетенных каждый сам по себе, был отправлен в феврале 1941 года заказчику - Бюро технических нормативов в Москву. Второй комплект томиков-отчетов передан в научный отдел ХММИ.

Я останавливаюсь подробно на чисто технической стороне дела, поскольку она через несколько лет сыграла важную роль в почти детективной истории получения мною исходных материалов для кандидатской диссертации. Об этом расскажу во второй части записок.

Год 1940-й и начало 1941 года были, в общем, удачными для всей нашей семьи. В начале 1940 года мы переехали в четырехкомнатную квартиру на третьем этаже нового жилого дома сотрудников ХММИ по Технологической улице (потом ул. Фрунзе). Новая квартира была значительно удобнее, чем наша старая в химическом корпусе института.

Отец, продолжая заведовать кафедрой, стал известным в стране специалистом по теории резания металлов. Был организатором и участником ряда научных конференций по скоростной обработке резанием. Являлся активным членом всесоюзной комиссии по резанию металлов. Эта комиссия была единым центром, который руководил крупными и разветвленными исследованиями тридцати вузов, отраслевых институтов и заводов, направленными на создание общесоюзных нормативов по прогрессивным режимам резания. Финансирование работ осуществляли Наркоматы тяжелого машиностроения и станкостроения.

Мама, закончив в 1939 году лечебный факультет Харьковского мединститута, работала терапевтом в городской студенческой поликлинике.

Беллочка, закончив рабфак, в сентябре 1940 года поступила на первый курс института текстильного машиностроения.

Я в октябре 1940 года был принят в члены Коммунистической партии. В марте-апреле 1941 года сдал кандидатский минимум.

Брат Боря успешно заканчивал среднюю школу.

Словом, все члены семьи, каждый в своем направлении, упорно трудились, имели свои планы, надежды и перспективы. Все планы и перспективы, однако, были нарушены войной, начавшейся 22 июня 1941 года.

О том, как жила наша семья в военные и послевоенные годы, расскажу во второй части записок.

ЧАСТЬ II

МОЙ БРАТ БОРЯ – УЧАСТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Воспоминания о днях Великой Отечественной войны 1941-45 гг. считаю необходимым начать с судьбы тех близких и родственников, которые в этот период служили в армии, были на фронте и участвовали в боевых действиях. Я уже писал в предыдущих главах о двоюродной сестре Гене Брегман, двоюродном брате Ароне Гехте, дяде Исааке Гильмане и Беллочкином дяде Якове Минстере. Я могу с горечью сказать о погибших на фронте Беллочкиных родственниках - двоюродном брате Эммануиле Бержигале и четырех двоюродных братьях ее матери (из одной семьи) - от самого старшего Леонида до самого младшего Абрама Святских, некоторых из них я знал лично. Но ближе всех, конечно, мне жизнь и судьба родного брата Бори, того самого Борисика, который упоминался в предыдущих главах, - ныне профессора Бориса Наумовича Резникова, заслуженного деятеля Высшей школы Казахстана. Его судьба типична для многих из тех, кто верно защищал свою Родину и честно трудился после войны.

Работая над этими записками, я обратился к Боре с просьбой написать часть воспоминаний, относящуюся к его жизни. Он выполнил мою просьбу и я привожу написанный братом текст, включая некоторые мои комментарии и дополнительные материалы.

Первый день войны мы (папа, мама и я) встретили в Москве, где папа находился по командировочным делам, а мы с мамой отдыхали на даче у тети Аси в Ильинском. Еле выбравшись из Москвы, на следующий день мы выехали домой. Харьков показался мне строгим, тревожным. Стекла домов были заклеены крест-накрест полосками белой бумаги. У населения отобрали все радиоприемники.

В первые же дни войны властями было издано распоряжение о сда-

че радиоприемников, которые, как указывалось в распоряжении, каждый владелец сможет получить обратно немедленно по окончании войны. Мы, наивные люди, полагавшие, что война скоро закончится, аккуратно упаковывали свои приемники, несли их на приемный пункт, бережно сохраняли квитанции, полученные взамен радиоаппаратуры. Изъятие приемников имело целью поставить заслон потоку пропаганды, который непрерывно посылали в эфир фашисты и зарубежные комментаторы. В нашей семье был ламповый приемник СИ-235, слушать его очень любил отец. Пришлось сдать и наш СИ-235. Взамен приемников в квартирах появились черные тарелки репродукторов местного вещания. Эти репродукторы, как правило, не выключали круглые сутки.

В конце июля или начале августа (не помню точно) я получил повестку военкомата и явился на сборный пункт (какой-то стадион) для отправки в армию. Надо сказать, что молодежь тех лет была патриотичной, юноши готовили себя к защите Родины, усиленно занимались спортом, стремились сдать нормы на значки "Готов к труду и обороне" (ГТО), "Готов к противовоздушной и химической обороне" (ПВХО), "Ворошиловский стрелок", еще в мирное время поступали в военные училища. Нынешняя молодежь, зачастую дезертируя из армии или уклоняясь от призыва, проигрывает в этом отношении своим довоенным сверстникам.

В тот день нас отпустили со стадиона по домам, а на следующий - уже на железнодорожном вокзале - стали размещать в теплушки. Посадка в теплушки и формирование состава длились двое суток. Оба дня со мной была мама, которая и проводила меня в дальнюю армейскую дорогу длиной почти два года.

Небольшие уточнения. Первое - отправка эшелона происходила с Северного вокзала г. Харькова, по-видимому, 6-7 августа 1941 года (в моем архиве есть фотография Бори перед отъездом в армию, на которой рукой отца поставлена дата "6. VIII. 1941"). Второе - на вокзале в дни отправки была также Беллочка, хотя она и не ночевала там.

Часть эшелона по пути высадили в Барнауле и направили в пехотное училище, а остальных, в том числе и меня, довели до Красноярска. Здесь находилось в эвакуации Киевское военное училище связи имени Калинина, курсантом которого мне и довелось стать почти на год. Трудно было привыкать к армейским порядкам, которые в училище в то время были весьма строгими, трудно было в какой-то степени подавлять свое "я", хотя дедовщины не было. Не доставляли удовольствия разгрузка барж с лесом на Енисее или ночные по тревоге полевые выходы по азимуту при сибирском сорокаградусном морозе, после которых мы возвращались с обмороженными носами и щеками, ибо экипировка

наша оставляла желать много лучшего. Запомнились стометровки по-пластунски в противогазах жарким летом и многое другое. Облегчала службу общая физическая тренированность, умение работать на спортивных снарядах (перекладина, брусья), которые я приобрел еще в средней школе. От хождения в некоторые наряды меня освобождало участие в художественной самодеятельности училища в качестве аккомпаниатора.

Однажды я получил из дому (теперь это была уже Алма-Ата, где находились в эвакуации мои родные) извещение на посылку. Велико было удивление мое и почтовых работников, когда посылкой оказалась толстая книга "История ВКП(б)". Только придя в казарму, я увидел, что в книге искусно выдолблена ниша, в которую вложены теплые носки. Это был царский подарок! С тех пор я стал уважительно относиться к истории партии.

Дело в том, что в те годы отправка посылок была запрещена (можно посылать только на фронт), а бандероли с книгами разрешалось отправлять в любой город.

Я знал, что мама мужественная женщина, но предположить, что она отважится в 1942 году на тяжелейшее путешествие из Алма-Аты в Красноярск, чтобы повидать своего сына-курсанта, я, конечно, не мог. Однако это было так. Два или три дня я провел с мамой, которая по несколько часов днем была со мной, а ночевать устраивалась в сторожке на проходной или у знакомых. В то время маме шел уже пятьдесят второй год.

В училище нас неплохо обучили "морзянке", работе на буквопередающем аппарате СТ-35. Научили ставить столбы и наводить телефонную связь. В августе 1942 года приказом по Сибирскому военному округу мне, как и другим курсантам, было присвоено звание "лейтенант войск связи", нам выдали по два кубаря на петлицы.

Специально для молодых читателей сообщая, что армейская форма 1942 года не предусматривала погон со звездочками. Знаки различия имели вид геометрических фигур количеством от одной до четырех, размещавшихся в петлицах. Фигуры имели вид: для младшего командного состава - треугольник, для среднего - квадрат ("кубарь"), для старшего - прямоугольник ("шпала"), для высшего - ромб.

Мы с моим товарищем Петей Козловым по окончании училища были направлены в Москву, в резерв ГУСКА (Главное управление связи Красной Армии). В Москве нас расквартировали где-то в районе ВДНХ. Дни тянулись нудно и голодно до тех пор, пока, наконец, выдали направление в штаб Сталинградского фронта для дальнейшего прохождения

службы. Описать наши приключения по дороге от Москвы до Сталинграда можно было бы в отдельном бестселлере под условным названием "Два мальчика идут на войну". Если же сказать коротко, приключения начались с того, что пассажирский поезд шел только до Энгельса, оттуда товарняками мы добрались до Мичуринска. Однажды оказались в пустом вагоне, в котором устроился уже побывавший на фронте какой-то грузин. Он предложил развести в вагоне костер и сварить суп из гороховых концентратов. Кончилось это тем, что дождавшись, когда состав замедлил ход, мы, несолоно хлебавши, выбросили вещи и сами выпрыгнули из загоревшегося вагона.

Дальше шли пешком по волжским степям, проходили станицы, в том числе, например, Кайсацкую. Иногда по дороге попадались калмыки, они просили у нас чай. В сухом пайке, полученном еще в Москве, как раз остались чай и подсолнечное масло. Чай мы обменяли на мясо, которое пытались поджарить. Однако, ввиду отсутствия кулинарных навыков, это нам не удалось, мясо мы съели полусырым, правда, обильно политым подсолнечным маслом.

В дальнейшем нам помог случай. Мы набрали на деревню Малая Ивановка, в которой старшиной военного продовольственного склада оказался родной брат Пети. Три дня мы отъедались и отсыпались, а затем снова отправились в путь. Поскольку из соображений секретности или просто по незнанию никто не мог нам сказать, где находится штаб фронта, нам выдали сухой паек и справку, что мы ищем свою часть. С такой справкой можно было искать часть в течение всей войны, однако мы упорно продолжили свой путь на юг. Штаб фронта нашли в Средней Ахтубе. Здесь меня направили в резервный батальон комсостава 62-й армии, которой командовал тогда еще генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков, а Петю определили в 64-ю армию. Больше мы с ним не встречались.

Через пару дней в батальон прибыли представители частей с правого берега Волги (из Сталинграда) для отбора командиров вместо выбывших. Меня взял комбат второго отдельного батальона 92-й особой стрелковой бригады лейтенант Кокоско, который имел орден Красного Знамени еще за Халхин-Гол. Первым вопросом, который он мне задал, был: "Что сказал Ворошилов о связистах?" - "Связист - это интеллигент Красной Армии", - ответил я. - "А у нас в Сталинграде говорят, - сказал комбат, - связистов бьют как мух!" Не могу сказать, что этот разговор поднял мой боевой дух. На следующий день рано утром с чужой маршевой ротой я направился к 62-й переправе. Переправлялись мы через Волгу ночью, хотя было светло как днем от висящих в небе "свечек" -

немецких осветительных ракет на парашютиках. Переpravлялись на катере под огнем немцев, переprava была трудной.

Когда я добрался до своего батальона, мне дали взвод матросов, которые до этого прибыли с кораблей Северного и Дальневосточного флотов. Все они были в тельняшках. Немецкие снайперы частенько выводили матросов из строя. Изредка приходило слабо обученное пополнение. У меня, как у командира связи батальона, забот хватало. При передислокации приходилось наводить линии связи, составлять схемы связи, где-то доставать крестовины (а еще лучше американские катушки) для намотки проводов.

С середины сентября 1942 года шли бои местного значения. Я замечал, что немцы, хоть и медленно, но постепенно выдыхались. Наш батальон, как оказалось позже, готовили к штурму Мамаева кургана. Рано утром 19 ноября начался штурм. Мой взвод, от которого к тому времени осталось с десяток человек, вместе с пехотой под непрерывным минометным и артиллерийским огнем (немцы, закрепившись на вершине кургана, имели преимущество) наводил связь. Я бежал вместе с бойцами, разматывая проволоку руками и зубами. Часто падали по несколько человек в воронки от снарядов, не зная порою, кто под тобой или над тобой. За этот бой меня наградили медалью "За боевые заслуги".

Описывать подробно дальнейшую фронттовую жизнь, конечно, невозможно. Отмечу лишь, что вскоре нас перевели в Банный овраг, где мы заняли оборону, потому что вся 92-я бригада и наш батальон в частности были сильно обескровлены. Правда, и немцы уже были не те, что раньше. С самолетов им сбрасывали большие черные бумажные мешки с продовольствием, которые, однако, зачастую попадали к нам.

В январе 1943 года мне присвоили звание старшего лейтенанта, а в конце месяца батальон пошел к Волге, как мы надеялись, на переформирование. На самом же деле 29 января нас отправили на завод "Баррикады", где засела большая группа фанатиков фашистов. До нас там была другая часть, полностью выведенная ими из строя. Ночью с передовых окопов мы бегом поднялись на штурм цеха № 32 этого завода. Взбежав на горку, попали, как потом оказалось, в бывшие душевые цеха № 32. Положение оказалось сложным - во дворе завода был немецкий дот. Немцы были в цехе, даже на его крыше. Связь со штурмующим отрядом комбату и другому батальонному начальству, которое осталось на передовой, мы периодически давали, но все время ее рвало снарядами, и последние бойцы моего взвода здесь полегли. Утром 31 января немцы двинулись из глубины цеха с криками: "Рус, сдавайсь!" - а через проломы в потолке нас начали закидывать гранатами. В этот день я был

ранен и контужен, кроме того, маленький осколочек гранаты попал в глазное яблоко. Несмотря на то что был в валенках, обморозил ноги (на правой ноге потом диагностировали обморожение второй степени). Все же, несмотря на сильный огонь противника, мне удалось, сложив руки, скатиться с горки на передовую. Здесь заградотряд было достаточно посмотреть на мою окровавленную шинель, разорванную от пояса до плеча, чтобы отправить меня в медпункт.

Я думаю, имеет смысл привести выдержки из статьи однополчанина Бори, бывшего командира взвода связи другого батальона 92-й бригады морской пехоты А. Зотова, опубликованной к 40-летию Победы под Сталинградом в многотиражке того самого завода "Баррикады" (№ 15 от 21 февраля 1975 года).

"Весь день Резникову пришлось отбиваться, его персональная позиция находилась в южной угловой комнате цеха. Здесь умирающий командир попросил: "Сынок, отомсти им". Борис стрелял из карабина по каждому движению, шороху из глубины цеха. С наступлением сумерек пробрался замполит, отыскал связиста, удивился, так как считал его погибшим. Борис обещал этой ночью наладить связь. И наладил, потом занял свою огневую позицию с двумя бойцами. Сверху через пролом в потолке падали гранаты. Двух бойцов убило. От взрыва гранаты сорвало шапку. Стало вдруг тихо, как в монастыре. Неужели тишина? Нет. Оказывается, от взрыва оглох. Подполз сосед, жестами показал: "Выползай, лейтенант!" И он не стал откладывать (двум смертям не бывать, а одной не миновать!), чувствуя, что если сейчас не использует последние силы, позже их может не быть.

Через несколько часов отважного лейтенанта отправили в медпункт, затем в госпиталь. Ранение оказалось тяжелым". Добавлю от себя, что Боря был ранен разрывной пулей в левую лопатку. Его счастьем было то, что пуля разорвалась вдоль трассы полета по касательной к лопатке, а не поперек, иначе бы она ему повредила сердце, а так "всего" сделала на спине рану длиной 35 и шириной 12 сантиметров.

В медпункте мне сделали укол в живот от столбняка, дали хлеба с сахаром, а потом прооперировали и отправили на санях через замерзшую Волгу в полевой прифронтовой госпиталь. Затем лежал в коридоре госпиталя в Ленинске, санпоездом перевезен в эвакогоспиталь № 3684 в г. Медногорск и, наконец, в эвакогоспиталь № 3582 в Алма-Ату. Боря знал, что в Алма-Ате в одном из корпусов семейного общежития Казахского сельскохозяйственного института (ул. Гоголя, 23) проживала наша семья, эвакуированная из Харькова (об эвакуации я рас-

скажу в дальнейшем). По этому адресу с фронта он высылал на имя мамы свой денежный аттестат, сюда же сообщил нам о прибытии в алма-атинский эвакуогоспиталь. После довольно длительного пребывания в госпитале получил отпуск, в конце которого прошел медкомиссию, и так как левая рука у него не работала, был демобилизован из армии. Вместе с отцом и мамой в сентябре 1943 года выехал из Алма-Аты в Куйбышев. Здесь он закончил авиационный институт и был направлен инженером на моторный завод им. Фрунзе, расположенный в том же городе. Через пару лет возвратился в институт, имея целью готовить кандидатскую диссертацию. Далее вновь предоставляю слово Борису.

В ноябре 1953 года меня вызвали в обком партии и предложили в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС ехать в Казахскую ССР в качестве главного инженера машино-тракторной станции (МТС), поднимать сельское хозяйство. Никакие доводы, выдвигавшиеся мною, в расчет не принимались. Например, если я говорил, что сдал кандидатский минимум по авиационным газотурбинным двигателям и приступаю к проведению исследований, мне говорили: "Вам и карты в руки. У главного инженера МТС вся техника в распоряжении, вот и будете проводить свои эксперименты". Я сказал, что жена не может ехать со мной, и в ответ услышал: "Значит, она вас недостойна". Эти и аналогичные ответы убедили меня, что никакие разумные доводы не помогут. Пришлось в декабре 1953 года отправиться в Яны-Курганскую МТС Кзыл-Ординской области.

Небольшой комментарий. В июне 1949 года Боря женился на очень милой девушке Рае Вайн-Риб. Ее отец - Борис Михайлович, профессиональный музыкант, участвовал в войне, имел боевые награды. Мать - Роза Григорьевна - домохозяйка. Рая закончила педагогический институт по специальности "Русский язык и литература" и работала в школе. В 1952 году у Раи и Бори родилась дочь Марьяна, к ноябрю 1953 г. ей было около года. Раечка действительно не могла выехать с маленьким ребенком в совершенно неблагоустроенные незнакомые места, где, кроме всего прочего, не могла надеяться на получение работы по специальности. Так что довод, который Боря приводил в обкоме, был обоснованным. Но что доводы, когда обкому надо было отчитаться о выполнении плана отправки коммунистов на село?

Поселок Яны-Курган был вблизи железнодорожной станции, на которой останавливались поезда "Алма-Ата - Москва". В вагоне-ресторане этого поезда мы частенько брали сигареты, водку, разную снедь, так как в поселке всего этого не было. Первые два дня я жил в доме бывшего директора МТС, а затем нам с вновь назначенным директором Иш-

матовым (колоритная личность, железнодорожник, бывший танкист, порядком обгоревший в танке, узбек) дали на двоих один небольшой домик. В этот дом, как когда-то в военное училище, посмотреть на сына приезжала из Куйбышева моя мама, хотя шел ей уже в то время шестьдесят пятый год. С присущей ей энергией и деловитостью мама навела порядок в моей половине дома, и жизнь стала сносной.

Новая администрация МТС провела на территорию станции электричество, что дало возможность пользоваться привезенным из Куйбышева шикарным по тем временам радиоприемником "Нева" и не чувствовать себя совсем оторванным от цивилизации. Позднее МТС построила новый дом для директора и главного инженера, быт стал легче, тем более что приехала Раечка. Заезжал к нам и дядя Хоня Гехт из Ташкента, откуда недалеко до Яны-Кургана.

Работать поначалу было трудно: мешало незнание казахского языка, сельскохозяйственной техники и технологии сельхозработ, организации ремонта техники в маленьких мастерских. Наряду с этим - непривычная природа и незнакомое население. Контингент работников - в основном казахи, немного русских и высланных сюда чеченцев.

В первую очередь я постарался уравнивать в правах по работе (например, в получении запчастей) и по бытовым вопросам всех сотрудников, невзирая на национальность. Это принесло мне определенный авторитет и некоторую популярность (особенно у чеченцев). Постепенно я входил в курс дела, знакомился с людьми, понемногу овладевал языком. Научился ездить на лошади и на верблюде (удовольствие ниже среднего). У меня была машина "ГАЗ-67", которая разваливалась на ходу, зато ходила на керосине. Я часто бывал во всех шести колхозах зоны нашей МТС, знал всех участковых механиков, многих трактористов по именам (помню их и сейчас). Дела в МТС шли неплохо, она стала передовой. Правда, если сказать откровенно, МТС была неплохой и до нас; важно, что мы не ухудшили дело. Вообще же, на мой взгляд, хрущевская идея "тридцатитысячников", направленных из города на село, ничего не дала. -Многие из направленных, понимая свою бесполезность, будучи не в силах приспособиться к новому положению, самовольно уезжали домой, платились за это партбилетами и работой.

В 1955 году меня перевели в Кзыл-Ординское областное сельхозуправление старшим инженером-инспектором. Начальник управления Жа-март Адамов, вначале казавшийся приличным человеком, как только узнал, что я хочу поступить в аспирантуру на кафедру тракторов и автомобилей Казахского сельскохозяйственного института, начал чинить мне всяческие препятствия.

Препятствия были незаконными. Боря сдал вступительные экзамены, используя для этого свой очередной отпуск, привез из Алма-Аты справку, что может быть зачислен в аспирантуру. Существовало всем известное постановление правительства, согласно которому руководители предприятий и учреждений, независимо от их подчиненности, обязаны были в месячный срок освобождать сотрудников от работы и командировать их в аспирантуру. Постановление такого типа действовало даже в годы войны, что я познал на собственном опыте (об этом расскажу в свое время). Получив письмо от Бори, я решил выехать в Кзыл-Орду и с копиями постановлений на руках поговорить с Адамовым. Однако Адамов буквально выгнал меня из своего кабинета. Тогда я посоветовал Боре подать в суд.

Народный суд, в который я обратился с иском к Адамову, решил дело в мою пользу, и я выехал в Алма-Ату в сельхозинститут, в котором работаю с 1956 года. В 1961 году я защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук, с 1963 года - доцентом, а с 1986 года (после утверждения ВАК СССР) - профессором. С 1962 года и по настоящее время (с перерывом от 1974 по 1982 годы из-за работы деканом факультета) заведую кафедрой теоретической механики и теории механизмов и машин.

На этом заканчиваются материалы, подготовленные братом Борей в сентябре 1992 года.

Продолжая воспоминания, хочу сообщить читателям об удивительном факте из биографии Бориса. Этот факт вместе с тем позволяет рассказать о других достойных людях, верных своему долгу, из числа тех, которые иногда проходят мимо нашего повседневного внимания.

Я уже упоминал об Александре Григорьевиче Зотове, ветеране-фронтовике, цитировал его статью из газеты завода "Баррикады". Он задался благородной целью воссоздать историю 92-й бригады морской пехоты, воевавшей в Сталинграде в составе 62-й армии. В статье, отрывок из которой я приводил выше, А. Г. Зотов далее пишет: "Как-то я разбирал дело о нашей бригаде в архиве Министерства обороны СССР. Мне не раз на глаза попадалась фамилия лейтенанта Б. Н. Резникова. Жив ли он? И где он мог быть? Сделал несколько запросов".

Письмо-запрос А. Г. Зотов направил и в Алма-Ату, ул. Гоголя, 23, то есть по адресу, по которому лейтенант Резников отправлял матери свое фронтовое денежное довольствие. Насколько мне известно, А. Г. Зотов в этом письме просил маму сообщить, жив ли старший лейтенант Резников, тот ли это командир, который героически воевал в Сталинграде.

Приводил перечень наград, которыми удостоен Б. Н. Резников, в том числе упомянул орден Красной Звезды. Письмо, датированное 1974 годом, не могло застать маму в Алма-Ате, где она давно уже не жила. Более того, к этому времени мы с Борей сиротели - 17 июня 1971 года умер папа, а вскоре за ним - 14 апреля 1972 года - и наша мама. Корреспонденция попала коменданту общежития Казахского сельскохозяйственного института. Эта достойная женщина, обнаружив, что "во вверенном ей объекте" гражданка Б. А. Резникова не проживает, поступила не формально, не так, как сделали бы многие из ее коллег по профессии. Она не бросила письмо в корзину, не вернула его на почту с надписью "адресат не числится". Вспомнив, что в основном корпусе института (за главным арыком - так называется это место) есть декан факультета с аналогичной фамилией, решила, прежде чем вернуть письмо, выяснить, не имеет ли оно к декану какого-либо отношения. Так запрос А. Г. Зотова попал к Борису, хотя при других обстоятельствах мог и не попасть.

Боря с радостью откликнулся, причем в ответе уточнил, что среди полученных им наград ордена Красной Звезды нет. Тогда А. Г. Зотов сообщил ему и в Алма-Атинский облвоенкомат, что согласно сведениям, имеющимся в наградном отделе Минобороны СССР, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1943 года за мужество, проявленное в боях за Сталинград, Б. Н. Резников награжден орденом Красной Звезды и орден ему не вручен. После соответствующей проверки награда была торжественно вручена Борису. Казахское телевидение по этому поводу сделало передачу под названием "Орден вручен через 31 год", а газета "Вечерняя Алма-Ата" опубликовала статью "31 год спустя".

К сорокалетию Победы в 1975 году брата наградили также орденом Отечественной войны I степени, а местное радио посвятило ему передачу "Поклонись ветерану".

В заключение отмечу, что в 1980 году в связи с юбилеем КазСХИ Президиум Верховного Совета Казахской ССР присвоил Борису почетное звание "Заслуженный работник высшей школы Казахстана", оценив этим заслуги брата в подготовке специалистов для народного хозяйства республики.

Таков наш Боря, воин и педагог, проливший кровь за свою Родину, внесший свой трудовой вклад в развитие одной из республик большой и дружной страны, которой теперь, к сожалению, уже не существует. Мы с братом всю жизнь были гражданами одной страны. Нынешние суверенитеты развели нас по разные стороны границы, формально превратив в граждан различных стран. По живому разрезана наша семья, как и многие другие. Слава Богу, сейчас, когда я пишу эти заметки, отноше-

ния между Россией и Казахстаном таковы, что мы не очень чувствуем жесткость границы. Не хочется думать, что возможна ситуация, аналогичная отношениям России со странами Прибалтики, Азербайджаном или Грузией, где эти границы становятся жесткими, а иногда и обгаются кровью. Надеюсь, что история воздаст должное тем, кто развалил Союз, а разум, дружба и братство народов вновь восторжествуют.

ХАРЬКОВ, ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

В воскресенье, 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут по радио было сообщено о нападении фашистской Германии на нашу страну и начале войны. Я немедленно пошел в партком ХМ МИ. Там уже собрались многие члены и кандидаты партии, люди все время подходили. Секретарь парткома (кажется, им в то время был доцент Пинчук) некоторым дал задания, а другим предложил направиться на свои рабочие места и ждать указаний.

Далее цитирую отрывок текста книги "Харьковский политехнический институт. 1885-1985" - юбилейного издания к 100-летию института.

В начале июля 1941 г. в институтах (имеются в виду институты, на которые в то время был разделен ХПИ: механико-машиностроительный, химико-технологический и электротехнический. - *А. Р.*) возникли формирования рот и батальонов народного ополчения, истребительные батальоны. В ряды их добровольно вступали ученые, инженеры, служащие, студенты. Выполняя свои повседневные служебные обязанности, они проходили и военную подготовку.

Я был рекомендован командиром взвода одной из рот народного ополчения. В мой взвод входили научные работники и сотрудники старшего возраста, в том числе и собственный отец. Ему тогда шел пятьдесят второй год. Человек абсолютно мирный, он никогда не служил в армии и не обучался военным наукам, поэтому хоть к тому времени был уже профессором, в военном билете имел запись "рядовой необученный". Отцу трудно давались премудрости строевой подготовки, которую я проводил со взводом. Он путал команды "нале-во!" и "налево марш!", а команду "кругом!" всегда выполнял с запозданием, так как должен был вна-

чале вспомнить, через какое плечо следует повернуться.

В дальнейшем наш взвод был привлечен к устройству на территории институтского городка так называемых "щелей" - узких, глубоких, зигзагообразных окопов, служивших для укрытия людей при артиллерийском обстреле и бомбардировках. Взводом я командовал недолго, так как (вновь цитирую юбилейное издание ХПИ) "все аспиранты и часть научных работников направлялись на заводы налаживать производство военной продукции". Меня направили на один из небольших заводов на окраине города, который ранее принадлежал местной промышленности, а теперь перепрофилировался в качестве филиала одного из крупных оборонных предприятий. Хотя в штат филиала я не был зачислен (продолжал числиться аспирантом ХММИ), но работать приходилось много, в основном по пересмотру технологии деталей, которые ранее изготавливали на основном производстве, а теперь должны были делать на филиале, имевшем набор оборудования не такой, как на базовом предприятии.

Война повлияла на трудовую деятельность и других членов нашей семьи. Отец вместе с доцентом М. Ф. Семко организовал бригады научных работников по повышению производительности механической обработки на военных заводах. Маму как врача поставили на военный учет. (В моем архиве имеется вкладыш в военный билет Резниковой Б. А., выданный Фрунзенским горрайвоенкоматом Алма-Аты, свидетельствующий о том, что мама продолжала находиться на военном учете и в 1943 году.)

Многие студенты пошли работать на производство, чтобы заменить призванных в армию. Беллочка тоже пошла разметчицей на одно из небольших предприятий, работала посменно по 12 часов.

По вечерам и ночам, надев через плечо сумку с противогазом, мы поочередно дежурили в подъездах домов и на улицах, наблюдая за тем, чтобы нигде не нарушалась светомаскировка. Для светомаскировки в каждую квартиру были выданы плотные синие бумажные шторы, которые следовало опускать перед тем, как зажигать свет.

В течение нескольких первых недель после начала войны вражеские самолеты не появлялись над Харьковом. Потом днем прилетел разведчик, а поздно вечером, почти ночью, к городу прорвались бомбардировщики. Не дай вам Господь, мои читатели, увидьСгь красивую, но жуткую картину ночного налета вражеской авиации. Сначала (если не опоздала служба оповещения) в репродукторах раздается вой сирены, голос диктора непрерывно повторяет слова: "Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога!" Вскоре вой сирены и голос дикто-

ра смолкают, по радио слышен только громкий и четкий стук метронома. С разных сторон горизонта бесшумно поднимаются лучи прожекторов, более яркие у земли и рассеянные в куполе неба. Лучи шарят в ночном небе, перекрещиваются, расходятся, сходятся вновь. Наконец, в сноп света, направляемый каким-либо из прожекторов, попадает серебристый, будто вырезанный из фольги, издали похожий на плоскую елочную игрушку, самолет. И сразу же в это место, как гончие, сорвавшиеся с привязи, бросаются лучи еще двух-трех прожекторов. Они захватывают самолет в перекрестье, следуют за ним, не дают уйти в тень, уклониться от разоблачающего света. Одновременно взлаивают зенитки, захлебываясь, шлюют в небо снаряды, которые там разрываются и образуют маленькие облака, словно куски ваты. Если вражеский самолет снижается, то в схватку между охотниками и злодеем включаются крупнокалиберные зенитные пулеметы, прочерчивающие небо штрихпунктиром траассирующих пуль.

Первый налет на Харьков, как я уже писал, произошел поздно вечером, почти ночью. Инночка уже спала, а мы с Беллой, погасив лампу, сидели у раскрытой настежь двери балкона. Вдруг мы заметили, что вдали, почти у горизонта, поднялись в небо лучи прожекторов и начали в нем загадочную пляску. Постепенно прожектора зажигались все ближе к нашему дому. Мы не знали, в чем дело (никогда раньше не видели), но ощутили некоторую тревогу. Беллочка разбудила дочурку и одела ее. В это время послышался запоздавший вой сирен и прозвучало объявление о воздушной тревоге. Я схватил малышку на руки, и мы втроем побежали по лестнице вниз. Подвальный этаж дома, где раньше размещались кладовки, был оборудован под временное бомбоубежище. Нам оно показалось ненадежным и мы решили укрыться в одной из "щелей", отрытых на территории институтского городка. Но не успели пробежать и половины пути, как вдруг совсем рядом грохнула зенитка и застучал пулемет. Мы забежали в ближайший подъезд. Им оказался вход в инженерный корпус ХММИ с большими стеклянными витражами и высокими застекленными дверями. Вслед за нами в этот же подъезд забежал какой-то мужчина с противоголозом через плечо, по-видимому, дежурный. "Вы что, дураки? - закричал он. - Куда прячетесь? При первой же ударной волне вас посечет стеклами!" Мы выскочили из подъезда и, не сговариваясь, помчались обратно домой, где нас встретили родители и Христина. Они никуда из квартиры не уходили. Квартира с привычной обстановкой показалась нам самым надежным местом на земле, и мы немножко успокоились. Между тем стрельба удалялась от нашего дома, скоро издали послышался глухой удар, через некоторое время стрельба

вовсе прекратилась, по радио прозвучало сообщение об отбое воздушной тревоги.

На другой день мы узнали, что ночью к городу прорвалось несколько вражеских самолетов, но бомбу сбросил только один из них. Бомба попала в жилой дом на Московской улице. Многие жители пошли посмотреть на это место. Пошел и я. Взрыв разрушил часть трех- или четырехэтажного (не помню) дома, обнажилась лестничная клетка и квартиры в оставшейся части строения. Было жутковато и необычно видеть жилище без стенки, выходящей на улицу. В одной из комнат стоял черный рояль, висела люстра, виднелись шкафы и другая мебель. В другой с разрушенного пола свисали ножки наклонившегося наружу стола, а на стенах все еще висели картины и портреты каких-то стариков, видимо, предков людей, занимавших квартиру. Казалось, что сейчас войдут сами люди, как на сцене театра, где привычно отсутствует одна из стен, обращенная в зал, начнут двигаться и что-то говорить. Было неизвестно, остались ли живы эти люди, или изувеченных и убитых их уже увезли куда-то.

Толпа, стоявшая у разрушенного дома, молчала. Ни разговоров, ни жестов. Я тоже стоял в каком-то оцепенении. Впервые ощутил не только каждой клеточкой мозга, но сердцем и каждым нервом, какая страшная вещь война, которую человечество выдумало, чтобы люди уничтожали друг друга, разрушали добытое и построенное трудом поколений!

Налеты гитлеровской авиации продолжались. В один из дней, еще засветло, звено фашистских самолетов сбросило много бомб на площадку вблизи одного из двух мостов через реку Лопань в районе все той же Московской улицы. Замысел их был понятен. На берегу Лопани, недалеко от первого моста стояла ТЭЦ, снабжавшая электроэнергией ряд районов города. Немцы имели целью вывести электростанцию из строя. Но их перехитрила служба противовоздушной обороны Харькова. Здания, принадлежащие ТЭЦ, были вскоре после начала войны разрисованы и закамуфлированы так, что с воздуха они имели вид жилых строений. На берегу реки, возле второго моста, похожего на первый, на территории бывшего мыловаренного завода построили декорации, изображавшие электростанцию. Гитлеровцы срывали строения мыловаренного завода и декорации с землей и, как говорят, сразу же хвастливо передали по радио, что Харьков-де остался без электроэнергии. Однако город жил, ТЭЦ давала электричество, заводы работали.

История с бомбежкой мыловаренного завода передавалась из уст в уста, с мрачным юмором харьковчане рассказывали ее друг другу. Во время налета на декоративную ТЭЦ был подбит один из вражеских самолета-

тов. Он задымил, пытался уйти, но упал на окраине города. На другой день этот самолет был выставлен на всеобщее обозрение на площади Дзержинского. Я видел эту искореженную и обгоревшую грудку металла, из которой торчали отдельные части двигателя, какие-то медные трубки и обрывки разноцветных проводов. Скажу вам откровенно, я не любил и не люблю до сих пор смотреть на поломанные машины, раскуроченные станки или другую неисправную технику. Я испытываю к ним какую-то жалость, как к инвалидам. Но в данном случае мною владело совсем другое чувство - какое-то мстительное злорадство. Не думалось о том, что в этой грудке металла погиб человек, пусть враг, но человек, у которого где-то в далеком краю есть мать или жена. Нарастало чувство ярости к тем, кто развязал войну и бросил людей в ее кровавую мельницу, именно то чувство благородной ярости, вскипевшей, как волна, о котором было сказано в известной тогда песне "Идет война народная" композитора Александрова и поэта Лебедева-Кумача. По-видимому, аналогичные чувства испытывали и другие жители, окружавшие сбитый самолет. Никто не прикасался к нему, не отвинчивал на сувениры гайки или другие мелкие детали (в мое время вообще не было такой гонки за сувенирами, как сейчас). Люди громко беседовали, отпускали по поводу поверженной техники ядовитые замечания и расходились, возвращаясь к повседневным делам и заботам военного времени.

ВОЙНА ПЕРЕБРАСЫВАЕТ НАШУ СЕМЬЮ В КАЗАХСТАН

В середине сентября 1941 года фашисты вторглись в пределы Харьковской области, 16 сентября они перерезали дорогу Харьков -Днепропетровск, 20 сентября оккупировали город Красноград. В Харькове началась эвакуация населения и предприятий.

В эти дни, где-то числа 18 сентября, когда уже было известно, что готовится эвакуация, но дата начала ее еще не была определена, к нам домой неожиданно пришел профессор Терешенко, заведующий кафедрой "Металловедение и термообработка" ХММИ. Этого профессора я знал со студенческих лет, он читал в моем потоке металловедение. Терешенко происходил из семьи известных сахарозаводчиков, на Украине до

Октябрьской революции им принадлежали многие предприятия. Может быть, поэтому профессор был очень похож на карикатурные изображения буржуев-капиталистов. Такие карикатуры часто помещали в прессе тридцатых годов. Высокий, с большим округлым животом, на котором из одного карманчика жилета в другой тянулась массивная золотая цепочка от часов. Любил носить брюки в полоску и черный пиджак с разрезом сзади. Из рукавов пиджака выглядывали крахмальные манжеты с золотыми запонками и волосатые кисти рук. Небольшая лысая голова, казалось, без шеи, непосредственно с помощью жировых складок была прикреплена к туловищу. Если сказать еще о маленьких глазках, усах и бородке клинышком, то можно завершить эскиз внешнего вида профессора. При массивной фигуре голос Терещенко имел тонкий, высокий, немного с хрипотцой. Студенты профессора Терещенко не любили главным образом за то, что он с явным наслаждением ставил неудовлетворительные оценки, особенно рабфаковцам.

Отец не был с Терещенко в близких или дружеских отношениях. Тем более удивительным оказался его визит к нам на квартиру. Папа провел профессора в свой кабинет и затворил дверь. Оттуда послышался высокий голос Терещенко и в ответ громкий голос отца, слов разобрать было нельзя. Потом еще голос Терещенко и еще более громкий, раздраженный голос отца. Неожиданно дверь кабинета распахнулась, выскочил весь красный отец, пробежал к входной двери из квартиры, распахнул ее и жестом показал гостю: "Идите вон!" Терещенко как-то боком прошел мимо разъяренного отца и удалился.

Немного успокоившись, папа сказал: "Этот сукин сын (в устах отца это было очень сильное ругательство) предложил мне остаться в Харькове. Он объяснял мне, что немцы - цивилизованная нация и что с ними можно сотрудничать. Я выгнал его!" Потом я узнал, что Терещенко ходил ко многим профессорам. Большинство отвергли его предложения, но некоторые остались. Из оставшихся почти все при немцах влачили жалкое существование, вынуждены были, чтобы выжить, заниматься кустарным промыслом или торговать всякой мелочью, а некоторые погибли. В еврейском гетто на тракторном заводе погиб доктор физико-математических наук А. М. Эфрос. Гитлеровцы обвинили в связях с партизанами и расстреляли старейшего профессора-химика А. С. Федорова и его жену. Погиб от руки немцев доцент М. И. Пономаренко. Сам Терещенко тоже не здорово жил во время оккупации Харькова немцами.

Днем 19 сентября 1941 года отца предупредили по телефону, что женщины и дети нашей семьи должны быть готовы к эвакуации на следующий день. Мама и Беба заявили, что без нас они не поедут. Тягостное

настроение, вызванное этой ситуацией, царило в семье день и весь вечер. Белла ушла на завод в ночную смену, мама стала укладывать некоторые вещи для всей семьи. В шесть утра 20 сентября отцу позвонили из эвакукомиссии и передали новое распоряжение - зайти за эвакуационным удостоверением, так как выехать должна вся семья, включая мужчин. Отец вернулся около восьми часов утра со следующим удостоверением (оно хранится в моем архиве):

УСССР

*Исполнительный комитет Харьковского
областного Совета депутатов трудящихся
Харьков, Госпром, 8 подъезд 20 сентября 1941
года*

Удостоверение

Дано сие тов. Резникову И. И. в том, что он направляется в гор. Алма-Ату.

Семья тов. Резникова состоит из 5 человек:

Резникова Б. А. - жена

Резников А. И. - сын

Резникова Б. Л. - жена сына

Резникова Инна - дочь сына

Сплошная Христина - тетя.

Просьба к советским организациям оказать помощь в предоставлении квартиры и работы.

*Гербова
печать*

*Нач. Облэвакоотдела
Зам. председателя
Харьковского облисполкома (В. Валуев)*

Отец сообщил также, что грузовые машины за эвакуируемыми семьями профессоров будут поданы к жилому дому преподавательского состава через три часа и что можно взять только небольшой багаж. Мама и Беба, которая пришла с работы, начали быстро собирать тот минимум предметов, который может быть необходимым; отец отбирал документы и фотографии (это его заботами в моем архиве сохранились старые фото, документы и дипломы об образовании). Я же решил помчаться на филиал завода, чтобы предупредить о том, что эвакуируюсь. Надеялся обернуться в течение полутора-двух часов, поэтому поехал в обычной одежде - парусиновых туфлях и легком пальто.

На предприятии мне не сразу удалось пробраться к директору. Затем он стал уговаривать меня эвакуироваться с заводом, обещая взять жену

и дочь в заводской эшелон. Однако я заявил, что не намерен отрываться от семьи и буду эвакуироваться с эшелонном научных работников. Пока мы обсуждали этот вопрос, пока я сдал в спецотдел чертежи и инструкции, лежавшие в моем столе, прошло более двух с половиной часов. На остановке я ужасно долго ждал трамвая, потом вагон медленно тащился через весь город (или это мне так казалось). Я явно опаздывал к сроку отправления машин. Они действительно, погрузив в кузова профессуру и их семьи, отъехали от нашего дома и направились в сторону вокзала.

Но фортуна была на моей стороне! Когда на остановке я выскочил из трамвая, то увидел, что с Технологической улицы на Пушкинскую выехала колонна грузовиков и вот-вот они проедут мимо меня. На одном из грузовиков были мои родные. Они заметили меня, постучали в крышу кабины, машина остановилась, и я перемахнул через борт. Вот что значит случай! Ведь я не знал, с какого из трех вокзалов Харькова отправляется эшелон, с какой платформы и в котором часу. Наверяд ли я смог бы отыскать свою семью, если бы случайно не встретил колонну грузовиков на Пушкинской улице.

Эшелон отправился с Северо-Донецкого вокзала. Научные работники и их семьи занимали два или три вагона, в остальных ехали другие жители Харькова. Вагоны были от пригородных поездов - без вторых и третьих полок, только с местами для сидения в виде деревянных диванчиков. В каждом купе таких диванчиков (нижних полок) было два. Одно купе предоставляли двум семьям. Нашими соседями оказалась семья профессора Ивана Михайловича Бабакова, заведующего кафедрой теоретической механики ХММИ. Он эвакуировался с женой и взрослой дочерью. Таким образом, в купе пригородного поезда нас было девять человек. Чтобы хоть как-то расположиться, мы разместили багаж в проходе между сиденьями, создав нечто вроде единого лежака. По ночам на нем могли одновременно лежать все женщины и Инночка. Двое мужчин в это время сидели у женщин в ногах, а один, которого мы называли "принцессой на горошине", - на отдельном узле, выставленном в общий проход. В этом узле вещи (посуда) были уложены в большую кастрюлю (выварку) с крышкой. Ручка от крышки выходила наружу и служила для переноски узла. Теперь можете понять, почему сидевший на этом отдельном месте чувствовал себя не лучше, чем принцесса на горошине в известной сказке Андерсена. В роли принцессы мужчины были поочередно.

На рассвете женщины, кроме мамы, вставали, а мужчины устраивались, чтобы немного поспать лежа. Мама же почти все время лежала. У нее еще в Харькове, незадолго до отъезда, образовалась (как следствие

закупорки вены) незаживающая рана на ноге, доставлявшая ей немало мучений. В дороге мама все время прикладывала к ране какие-то примочки из лекарств, и от этих лекарств, а также вследствие ограниченной подвижности ноги, вызванной теснотой в купе, рана к концу поездки, к счастью, затянулась.

Эшелон шел то быстро, то медленно, а то и вовсе стоял по несколько часов на каком-либо полустанке. Запомнилась длительная стоянка в поле перед станцией Лиски. Гитлеровские самолеты бомбили эшелоны, идущие на восток, прекрасно зная, что в них находятся не военные люди, а женщины, дети и старики. Под такую бомбежку в районе Лисок попал эшелон, следовавший впереди нашего. Железнодорожникам пришлось устранять результаты бомбардировки, и поэтому наш эшелон задержали надолго. Нам повезло - мы проскочили опасную зону, на всем пути по областям, близким к фронту, эшелон не попадал под бомбардировку и обстрел с самолетов противника.

Несмотря на то, что на восток с Украины перемещались большие массы людей, предприятия со своим оборудованием, вагоны с другим имуществом, эвакуация в общем проводилась сравнительно организованно. В каждом эшелоне был старший начальник с определенными полномочиями. В каждом вагоне был избран староста (в нашем, кстати, выбрали меня). На некоторых узловых станциях по указанию начальника эшелона старосты, захватив с собой тару и одного-двух помощников, шли к голове поезда, где из лавки получали хлеб, а иногда и другие продукты для населения своих вагонов.

Возвратившись из лавки, я со своими помощниками резал буханки и раздавал хлеб пропорционально количеству членов семей. Если в очередной раз получали консервы, то раздавали по одной банке на несколько человек. Хуже было, если получали копченую колбасу (бывало и такое). Колбасу отпускали старостам вагонов по весу, причем палки колбасы могли быть разного диаметра. Весов же в вагоне, разумеется, не было. Вопрос о распределении колбасы мы решили строго по-научному. Измерили периметр окружности и длину каждой палки колбасы. Это было сделано с помощью портновского сантиметра, который оказался у кого-то из женщин. Затем отец вооружился своей любимой логарифмической линейкой (он, конечно же, захватил ее с собой) и рассчитал объем продукта, содержащегося в одном сантиметре длины колбас различного диаметра. Дальнейшее распределение суммарного объема между населением вагона было делом техники. Я подходил к очередной семье и спрашивал: "Вам какую - тонкую или толстую?" В зависимости от ответа и количества членов семьи отмерял сантиметром длину куска кол-

басы. Распределение оказалось верным, все были довольны.

Выдача продуктов эвакуированным людям имела значение не только как фактическая поддержка. Так или иначе, все прожили бы (хуже, конечно) и без нее - кое-что захватили с собой, кое-что подкупали или выменивали у населения тех мест, через которые шел эшелон, кое-что (будем откровенны) таскали с полей на местах стоянок. Но каждая выдача продуктов являлась материальным свидетельством того, что государство о нас помнит, оно нас не бросило на произвол судьбы. Значит, и в дальнейшем не оставит! Это поднимало настроение людей, которых война вынудила покинуть свои жилища и ехать в неизвестные места.

Для нас этим неизвестным местом оказалась станция "Алма-Ата I", куда эшелон прибыл после двух недель пути. В те времена станция "Алма-Ата I" находилась за чертой основной части города. Главной была станция "Алма-Ата II", которая и сейчас является воротами столицы Казахстана.

Всех, кто прибыл с нашим эшелоном, разместили в привокзальном садике, где было несколько скамеек, а также в зале ожидания и еще в каком-то большом корпусе (может быть, складе). Там было поставлено некоторое количество кроватей с досками вместо матрасов. Люди, сидевшие или лежавшие среди узлов и чемоданов на земле, грязные, запыленные, утомленные, являли собою удручающую картину. Не намного лучше было и в закрытых помещениях, куда поселяли женщин с детьми, стариков и больных. Мы сначала всей семьей расположились в садике, здесь, по крайней мере, был воздух посвежее, чем под крышей. Однако к ночи стало сильно холодать (в Алма-Ате даже если жарко днем, то, как правило, холодно ночью). Пришлось поискать место в закрытом помещении, тем более что у Инночки поднялась температура, а у дочери профессора Бабакова резко ухудшилось самочувствие (наши две семьи продолжали держаться вместе). Мама диагностировала у Инны корь, а у дочери профессора - воспаление легких. Пришлось ухаживать за больными, имея очень небольшой запас лекарств (антибиотиков тогда, конечно, не было) и никаких, по сути, условий для лечения.

В моей памяти от этой первой ночи на вокзале сохранились два впечатления. Первое - реакция на неожиданное включение фонарей в садике и ламп в помещениях. Яркое освещение еще подсознательно связывалось с нарушением светомаскировки и опасностью. Правда, через несколько секунд ощущение опасности прошло. Второе - надрывный плач какого-то ребенка в углу зала, в котором мы укрылись на ночь. Ребенок плакал несколько часов подряд и сквозь плач непрерывно скандировал на одной ноте: "Ма-ма, и-ди сю-да! Ма-ма, и-ди сю-да!" Столько тоски

и печали было в этом плаче и призывах к неизвестно где оставшейся (а может быть, и погибшей) маме, что в нем, казалось, сконцентрировалась вся беда, которую принесла людям война, трагедия и несчастье того трудного времени. Сердце обливало кровью и сжималось от жалости к этому ребенку, к своей семье, к своей Родине, ко всем людям, гибнущим на фронте и страдающим в тылу.

Утром следующего дня научные работники, прибывшие нашим эшелонам, выделили делегацию, которая уехала в Алма-Ату для решения вопросов о работе и жилье. Долго и нудно тянулся для нас, оставшихся на вокзале, день, проведенный в ожидании посланцев. Они вернулись вечером, и по их грустному виду мы поняли, что дела идут плохо. Оказалось, что какой-то из областных начальников, на прием к которому делегации удалось пробиться (после многих часов ожидания), сказал, что в немногочисленных высших учебных заведениях города все места заняты старожилками, вакансий нет. С жильем тоже плохо. Поэтому он предложил рассредоточить профессуру и их семьи по близлежащим колхозам, где приезжие смогут работать в школах или в полевых бригадах.

Растерянность и угнетенное состояние овладело большинством из нас. Кое-кто, измученный полугодным существованием и невзгодами последних недель, предлагал смириться с отъездом в колхозы. На фоне общего огорчения и растерянности неожиданную для многих твердость и инициативу проявил мой отец. Он выступил перед коллегами с предложением не поддаваться унынию и панике, а попытаться пробиться в самые высшие эшелоны власти республики. Он считал, что еще есть надежда на здравый смысл руководителей, которые могут понять целесообразность использования научного потенциала иногородних ученых для подъема уровня высших учебных и научных учреждений Казахстана, а также для решения ряда насущных задач военного времени. В общих чертах, ориентируясь на персональный состав прибывших, он обрисовал контуры конкретных предложений, которые могут быть сделаны руководству республики. Словом, отец предложил выступать не в качестве несчастных просителей, а в качестве специалистов, берущихся за решение задач, полезных и необходимых народному хозяйству края, куда нас забросила судьба.

Заручившись согласием большинства, отец во главе делегации из трех человек на другой день вновь уехал в центр Алма-Аты. Делегации удалось попасть на прием к зам. председателя Верховного Совета Казахстана Лукьянцу (инициалов, к сожалению, не помню), работавшему одновременно директором Казахского государственного университета (КазГУ). Лукьянец внимательно выслушал эвакуированных коллег и сра-

зу понял целесообразность их использования в высших учебных заведениях республики. Он позвонил Председателю Совета Народных Комиссаров Казахстана Заговельеву и договорился о целевом дополнительном финансировании вузов, которые примут прибывших ученых. Распорядился своему заместителю по КазГУ немедленно подготовить в студенческом общежитии университета несколько комнат и перевезти в эти комнаты все семьи профессоров с вокзала "Алма-Ата I".

Радостные и оживленные, на двух грузовиках, предоставленных КазГУ, примчались наши делегаты на "Алма-Ату I". Двумя рейсами вывезли всех с вокзала в общежитие университета (если память не изменяет, расположенное по ул. Шевченко). Мы опять оказались в одной комнате с Бабаковыми. Уверен, что не каждый из моих читателей может понять то чисто физическое наслаждение, которое доставила возможность помыться под душем, попить в спокойной обстановке кипятка со скудными припасами, а затем выйти на красивые, зеленые и чистые улицы столицы Казахстана, имея за плечами пусть временное, пусть тесное, но жилье.

В общежитии КазГУ мы прожили около недели. За это время Лукья-нец пригласил часть прибывших профессоров на работу в университет (в том числе И. М. Бабакова), а моего отца и профессора Я. Л. Герони-муса определил в Казахский сельскохозяйственный институт (КазСХИ). Отцу предложили заведование кафедрой технологии металлов и дерева (до него кафедрой возглавлял инженер Кердод, впоследствии защитивший диссертацию), а профессору Геронимусу - заведование кафедрой высшей математики (до него этой кафедрой заведовал старший преподаватель Дыхман). В связи с зачислением отца и Я. Л. Геронимуса на работу в КазСХИ наши семьи переехали из общежития КазГУ в жилые помещения сельхозинститута. Правда, в основном корпусе общежития (по ул. Гоголя, 23) мест не было, и нас поместили в одноэтажном кирпичном домике, расположенном в глубине городского парка культуры и отдыха. Этот домик, в прошлом какое-то служебное помещение, наскоро перестроили под общежитие из нескольких (кажется, восьми) отдельных комнат, оснастили минимумом мебели и отвели приезжим. Наша семья получила комнату площадью примерно 18 кв. метров. После тесноты эшелонного купе, нечеловеческих условий существования в привокзальном садике, скученности в общежитии КазГУ чистая и теплая комната показалась нам замечательной, несмотря на то, что водопровод и другие службы находились не в общежитии, а на территории парка. Из элементов цивилизации был только общий телефон, в трубку которого старый казахтер кричал, отвечая на звонок: "Але, оптеттыты пак тутули!" -

что должно было означать "общежитие, парк культуры".

Вскоре все члены семьи определились и с работой. Мама стала участковым врачом районной поликлиники, Беллочка - студенткой первого курса факультета механизации сельского хозяйства КазСХИ, я - мастером ремесленного училища. В этой должности проработал недолго, всего около четырех месяцев, а потом перешел в другое предприятие, о чем расскажу в следующей главе.

В ДВУХ ШАГАХ ОТ АРЕСТА

В январе 1942 года руководство Казахстана получило из Москвы (говорили, что по указанию Сталина) задание - срочно наладить в Алма-Ате массовое производство ружейных противотанковых гранат конструкции Сердюка. Современный читатель может и не знать, что представляют собой ружейные гранаты, поскольку они уже давно не используются армией. Скажу о них несколько слов. Ружейные гранаты были предназначены для стрельбы из обычной винтовки. Они состояли из головки со взрывчатым веществом, механизма взрывания с предохранителем, шомпола и стабилизатора полета. Шомпол закладывали в ствол винтовки со стороны дульного среза и, прицелившись, делали выстрел, предварительно удалив чеку из механизма взрывания гранаты. При выстреле граната летела по некоторой траектории, а при ударе о цель - взрывалась.

В довоенные годы в Алма-Ате практически не было машиностроительных заводов. Станочным парком располагали только ремонтные предприятия, среди которых наиболее крупными были авторемонтные мастерские, ремонтная база железной дороги, мастерские КазСХИ и ремонтное отделение табачной фабрики. Каждое из этих и некоторые другие предприятия получили от Совнаркома республики задание на срочное изготовление первой партии гранат Сердюка. Мастерским КазСХИ было поручено в месячный срок выпустить крупную партию этих изделий. Задание для коллектива мастерских было необычным и трудным, о чем директор института доцент Ахмид Ивнеевич Сембаев сказал отцу, попросив его подключить к выполнению ответственного заказа сотрудников кафедры технологии металлов и дерева. Отец, в свою очередь, зная мой опыт организации массового производства, пригласил меня участво-

вать в совещании, которое Сембаев проводил с коллективом мастерских и кафедрой.

Предварительно ознакомившись с чертежами изделия и составом оборудования мастерских, я изложил на совещании общий план подготовки производства и выпуска продукции, в основе которого было пооперационное изготовление деталей. Были и другие точки зрения. Некоторые из присутствовавших предлагали не разделять технологический процесс на операции, выполняемые на налаженных станках, а, пользуясь высокой квалификацией рабочих, поручить каждому из них изготовление гранат в комплекте. Сембаев хоть и химик по образованию, понял, однако, преимущества моего плана и по окончании совещания предложил мне должность главного инженера мастерских, которая к тому моменту оказалась вакантной. Я ответил, что работаю мастером в ремесленном училище и по законам военного времени не имею права по собственному желанию переходить на другое предприятие. Директор института обещал получить разрешение в райисполкоме и действительно оформил соответствующий документ.

С середины января 1942 года я перешел на работу в мастерские КазСХИ и немедленно включился в подготовку производства гранат. Среди эвакуированных рабочих нашел слесаря-лекальщика высокой квалификации и поручил ему изготовление инструментов для контроля продукции в массовом производстве - так называемых предельных калибров. Запроектировал ряд приспособлений к станкам и срочно организовал их изготовление. Работать приходилось не меньше, чем по 12-14 часов в сутки. Двенадцатичасовые смены были введены и для некоторых рабочих, большинство из которых охотно взяли за новое дело, непосредственно связанное с обороной страны. Среди них были токари-универсалы Томбаков и Полищук, слесарь Смышляев и другие.

Через несколько дней после того, как я приступил к работе в КазСХИ, в Совете Народных Комиссаров Казахстана состоялось совещание по ходу выполнения задания Москвы. Директор Сембаев взял на это совещание и меня. Совещание было назначено на час ночи. Не следует этому удивляться. Вы, наверное, знаете, что Сталин имел обыкновение появляться в Кремле в середине дня и работать за полночь. Во всех высших учреждениях Москвы был установлен порядок, по которому руководители не уходили домой, пока из Кремля не уезжал Сталин. Соответствующий режим с учетом разницы во времени между Москвой и Алма-Атой был и в центральных партийных и государственных органах Казахстана. Работа начиналась в 16-17 часов и продолжалась до 6-7 часов утра.

После того как у нас неоднократно проверили документы, мы с Сем-

баевым попали, наконец, в большой, ярко освещенный кабинет, где находились и другие участники совещания. Вскоре из боковой двери вышел и занял место за письменным столом зампредсовнаркома, кажется, Ерофеев (точно не помню). Это был типичный представитель некоторых руководящих работников того времени - властный, самоуверенный, требовательный, говорил коротко и громко, причем в его высказываниях всегда сквозила, хоть и в неявной форме, угроза по отношению к людям, к которым он обращался. Ерофеев (будем называть его так) предложил руководителям предприятий доложить, как идут работы по освоению выпуска гранат. Представители авторемонтных мастерских, железнодорожного депо и некоторых мелких предприятий принесли с собою первые образцы гранат. Сембаев сообщил, что мы еще ведем подготовку производства, чем вызвал явное неудовольствие председательствующего.

Мне было ясно, что за пять-шесть дней, прошедших от момента получения задания, ни одно из предприятий не могло еще наладить пооперационный выпуск продукции и что образцы, показанные на совещании, изготовлены рабочими-универсалами от начала до конца. Контроль продукции в процессе изготовления, по-видимому, осуществлялся с помощью ненадежных универсальных измерительных средств. Поэтому когда Ерофеев спросил, кто имеет сделать какие-либо предложения, я сказал, что хорошо было бы обеспечить всех участников стандартными инструментами массового производства - предельными калибрами, без чего может быть нарушена взаимозаменяемость деталей и возможен брак продукции. Меня поддержал только главный механик табачной фабрики Бакши, который сказал, что они также начали подготовку с изготовления предельных калибров и приспособлений. Ерофеев заметил, что не надо мудрить, а надо делать гранаты как другие, иначе можно опоздать к концу войны. Меня же и Бакши он особо предупредил о нашей ответственности и необходимости в ближайшую пятидневку начать комплектный выпуск гранат.

Через пять дней, на следующем совещании, руководители некоторых предприятий докладывали о досрочном выполнении двухнедельного плана. Я же показал только отдельные детали - боек с иглой и цангу стабилизатора, которые к этому времени прошли всю технологическую цепочку и были готовы к сборке. Остальные детали гранаты были еще в запуске. Их регулярный выпуск должен был начаться позднее. Мое сообщение вызвало бурную реакцию Ерофеева. Он сказал, что в моих действиях просматриваются элементы саботажа задания, порученного городу товарищем Сталиным, и что если через пять дней половина месячной программы не будет выполнена, то эту работу вместо меня будет про-

должать кто-либо другой. Здесь во мне проснулись гены моего вспыльчивого деда, и я довольно резко ответил, что поступать иначе мне не позволяет моя инженерная и партийная совесть и что к концу месяца программа будет выполнена полностью некачественно.

По окончании совещания, когда мы вышли из кабинета в приемную, ко мне подошел молодой человек в полувоенной форме и попросил пройти с ним в соседнюю комнату. Там, не представляясь, он сказал, что органы (это слово всем было хорошо знакомо) наблюдают за выполнением правительственного задания, что они не вполне удовлетворены моей работой и что если я не обеспечу выпуск половины месячной программы через пять дней, то у меня будут неприятности. После этих слов он удалился не прощаясь. Ушел и я. Можете понять мое состояние, если иметь в виду, что через пять дней никакими способами, в том числе и теми, которыми изготавливали гранаты некоторые другие предприятия, обеспечить выпуск половины месячной продукции мы не могли. Ничего не сообщив ни Сембаеву (он по какой-то причине не был на совещании), ни дома, я продолжал работать еще более напряженно, морально готовясь к самому худшему.

Но Фортуна и на этот раз выручила меня! На другой день после описываемых событий в мастерские пришли двое военных - майор и капитан. Они оказались военпредами, прибывшими накануне для приема готовых ружейных гранат и, как это делается обычно, вначале познакомились с организацией производства на местах. Военпреды внимательно изучили нашу технологию, задали ряд вопросов и, ничего не сказав, удалились. Примерно в двенадцать часов ночи, когда я только-только прилег отдохнуть, в общежитие позвонили по телефону и в ответ на "опте-тыты пак тугули" попросили вызвать меня. Звонок был из приемной Ерофеева, велели через час быть в Совнаркоме. Когда, пройдя по темным аллеям парка и улицам сонного городка, я пришел в знакомое здание, там уже был Сембаев, были и другие руководители предприятий. Ерофеев представил нам военпредов и дал слово старшему из них. Майор сообщил, что в пункте, расположенном на территории алма-атинской мебельной фабрики, они начинают прием ружейных гранат, изготовленных предприятиями города. Одновременно заметил, что из обследованных военпредами предприятий технологический процесс налажен правильно в ремсехе табачной фабрики и в мастерских КазСХИ, а в остальных имеются, на их взгляд, те или иные отклонения, которые могут привести к браку. На это Ерофеев бросил реплику: "Наши мудрецы (имелись в виду Бакши и я) постарались, по-видимому, произвести на вас

хорошее впечатление. Но у этих мудрецов план горит синим пламенем, за что они еще ответят!"

На другой день Сембаев и я на линейке, запряженной лошадей, поехали в приемный пункт. Я держал в руках коробку с одиннадцатью ружейными гранатами (естественно, без зарядов), первыми, которые прошли всю технологическую цепочку и сборку. Сембаев повеселел, когда увидел у военпредов такие же калибры, как и те, которые применялись в нашей мастерской. Еще более радостным он стал, когда все наши гранаты, тщательно проверенные по размерам и взаимозаменяемости деталей, были приняты военпредами.

Мы решили посмотреть, как будут сдавать продукцию другие поставщики. Прибыли представители авторемонтных мастерских, они привезли несколько сот гранат. Выборочная проверка калибрами и на взаимозаменяемость привела к тому, что большую часть этой партии военпреды изготовителям вернули как исправимый или неисправимый брак. Огорченные, представители авторемонтных мастерских удалились. Уехали и мы, правда, в более радужном настроении.

Ночью вновь был звонок из Совнаркома и вновь было совещание. Оказалось, что военная приемка забраковала большую часть гранат, изготовленных на предприятиях города. Ерофеев метал громы и молнии, обзывал всех бракоделами, хотя, конечно, главным бракоделом был он сам. Скандал получился большой!

Еще через день нас вызвали в ЦК Компартии Казахстана. Вел совещание секретарь ЦК по оборонной промышленности Кайшигулов. Он сообщил, что поскольку Ерофеев переведен на другую работу (мы уже знали, что он удален из Совнаркома), то отныне оперативные совещания будут проводиться в отделе оборонной промышленности ЦК. Кайшигулов, советуясь с нами, наметил ряд мер по исправлению создавшегося положения. Это положение возникло по вине крупного руководителя, не знавшего дела, которым руководил, и не желавшего слушать никого, кроме самого себя. К сожалению, такие руководители есть и в наши времена! "Мой коллега Дон Кихот, - писал как-то Гейне, - принимал ветряные мельницы за страшных гигантов; что же касается меня, я, напротив, в хвастливых великанах нашего времени вижу всего лишь шумливые мельницы". К сожалению, вовремя разглядеть эти шумливые мельницы дано не всем и не всегда!

Когда мы вышли из кабинета Кайшигулова, ко мне подошел человек, лицо которого показалось знакомым. Дружелюбно поздоровался и пожелал успехов. После того, как он отошел, я вспомнил, что это был тот самый представитель "органов", который холодно беседовал со мной

не так давно в отдельной комнате вблизи кабинета Ерофеева. Ситуация, видимо, изменилась, изменилось и его поведение. А ведь неизвестно, что могло произойти, если бы военпреды приехали на неделю-другую позже. Доказывай потом, что ты не верблюд, то бишь не саботажник.

Чтобы закончить рассказ о производстве ружейных гранат, добавлю, что план мы, конечно, выполнили (и даже немного перевыполнили); работа коллектива мастерских по выпуску боеприпасов была отмечена ко Дню Советской Армии - 23 февраля 1942 года, а меня премировали талоном на приобретение пары сапог (тогда это была очень существенная премия). Гранаты выпускали еще в марте-апреле 1942 года, пока не поступило распоряжение прекратить производство, поскольку они были заменены более эффективными противотанковыми ружьями.

Я рассказал историю о производстве ружейных гранат отнюдь не для того, чтобы выставить себя в розовом свете, а некоторых других - в черном. Моя цель была совсем другой - привлечь внимание к вопросам взаимоотношений между людьми в процессе производства, в частности, взаимоотношений между специалистами и руководителями. Хотелось бы посоветовать моим детям, внукам и другим читателям в любых, даже экстремальных условиях сохранять честь и достоинство специалиста. Если вы твердо знаете, что и как надо делать, знаете не по наитию, а на основе своего образования, опыта работы, анализа современной литературы, сопоставления своего мнения с мнениями других людей, то защищайте свою точку зрения и достоинство специалиста всеми доступными вам (конечно, культурными) способами. Мне очень неприятны те люди, про которых сказано, что обмен мнениями для них состоит в том, что они заходят в кабинет руководителя со своим мнением, а выходят с мнением начальника. Такой обмен может быть только в одном случае - если вы поняли, что начальник (или другой специалист) знает больше вас, мыслит более широко и масштабно, он убедил вас в этом.

Если вы сами волею судеб оказались крупным или большим руководителем, то обязательно выслушайте специалистов, послушайте их мнение и предложения, изучите проблему по литературе и передовому опыту и ни в коем случае не беритесь решать вопрос, о котором не имеете ясного представления.

В наше время много говорят о менеджерах, причем некоторые понимают их как универсальных руководителей, способных управлять чем-то безотносительно к тому, чем именно. По принципу "пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что". Наша страна и ее производство сильно пострадали и еще страдают ныне от таких "универсальных" руководителей, которые вчера, например, управляли машиностроительным пред-

приятием, сегодня - хлебозаводом, а завтра - городским отделом культуры. Есть, конечно, специфические приемы управления, руководителю нужны, конечно, знания в области инженерной психологии и другие современные качества организатора (менеджера), но прилагать их следует только в отрасли хозяйства, которая руководителю хорошо известна. В противном случае получится то же, что и в Алма-Ате при выпуске первой партии боеприпасов.

ЖИЗНЬ, ЗАБОТЫ, ПЕЧАЛИ

И РАДОСТИ В 1942 ГОДУ

Напряженный ритм жизни, о котором я писал выше, был характерен не только для меня, но и для всей семьи, а если сказать точнее, то для всех людей страны, сопротивлявшейся вероломному нашествию вражеской армии. Главным фактором, который определял настроение, были сводки с фронта. Как только звучали сигналы радио, предварявшие сообщения "От Советского Информбюро" или "В последний час", все люди, где бы они ни находились и что бы ни делали, замолкали, подходили к репродуктору и от слова до слова выслушивали очередную информацию. Если диктор Левитан (а эти сводки чаще всего читал он) с тяжелым сердцем сообщал о том, что наши войска оставили какой-либо пункт, тяжело становилось на сердце и у слушателей. Молча, без комментариев все расходились по своим местам. Если же сводка была оптимистичной - светлели изможденные лица, теплели глаза.

Написал "изможденные лица" и подумал, что это не просто образ. Жили действительно трудно, впроголодь. В Алма-Ате продуктовые карточки выдавали только на хлеб - 400 граммов на работающего и 200 - на иждивенца. Никаких других продуктов в магазинах не было, на рынке их было немного и по очень высоким ценам. Самым дешевым продуктом были яблоки (не зря же "Алма-Ата" переводится как "отец яблок"), но при всей прелести этого продукта питаться им по нескольку раз в день было трудно.

Чтобы читатель понял, как жили люди в тылу, расскажу об одном случае. Однажды среди ночи меня срочно вызвали из общежития в мастерские. Оказалось, что молодому парню по фамилии Ткаченко, рабо-

тавшему в ночную смену, отрезало правую руку выше кисти. Когда я, задыхаясь, прибежал в мастерские, парня уже увезли, только станок, инструмент и приспособления были в крови. На станке выполнялась операция по прорезке тонкой дисковой-фрезой (их еще называют дисковыми пилами) пазов на цангах стабилизатора ружейной гранаты. Очевидцы с соседних рабочих мест рассказали, что вдруг фрезерный станок как-то странно загудел, раздался крик, а когда они оглянулись, то увидели Ткаченко лежащим на полу, а на столе станка бледную кисть руки.

В тот момент я не мог думать ни о своей возможной уголовной ответственности, ни о сорванном плане смены (это было в те самые несчастные пять дней, когда под угрозой я должен был обеспечить выпуск продукции). В моих глазах стоял молодой парень, которого я видел еще вечером, в начале смены, и его окровавленная, отдельно лежащая кисть руки!

Следователи и эксперты, назначенные прокуратурой, на другой день посетили пострадавшего в больнице. Ткаченко сказал, что вчера он потерял хлебную карточку (надо заметить, что взамен утерянных хлебные карточки не выдавали), денег на приобретение пищи у него не было, а просить у кого-либо он стеснялся. Поэтому впроголодь пошел на работу. Дальше помнит только то, что сильно закружилась голова и, теряя сознание, он ухватился рукой за приспособление для зажима цанг. Станок был включен. Рука попала между фрезой, с высокой скоростью приближавшейся к заготовке, и самой заготовкой.

Эксперты установили, что при наладке станка не были нарушены правила техники безопасности (в противном случае главному инженеру мастерских, то есть мне, было не миновать тюрьмы!), а несчастный случай произошел вследствие болезненного состояния рабочего. Но случившееся мучило и тревожило меня много дней. Недели через две в мастерские пришел Ткаченко, которого выписали из госпиталя. С болью в сердце, весь внутренне зажатый и скованный, я подошел к нему. Ткаченко прямо посмотрел мне в глаза, протянул левую руку и сказал: "Не мучайтесь, Арон Наумович! Вашей вины в этом нет. Это судьба и война виноваты".

В молодые годы, скажу вам, дорогие друзья, у меня нервы были намного крепче, чем сейчас. Это теперь при малейшем волнении перехватывает дыхание и слезы появляются на глазах. Но тогда, после слов Ткаченко, я, не стыдясь своих слез, расплакался. Мы молча обнялись и разошлись. Дальнейшую судьбу Ткаченко я не знаю. Кажется, он поступил учиться на агрономический факультет сельхозинститута. Конечно, трагическое событие, произошедшее от недоедания с Ткаченко, относит-

ся к разряду экстремальных. Но при высоких трудовых нагрузках баланс необходимого и имевшегося в наличии питания с трудом сходился, а в ряде случаев и не сходился у многих жителей Алма-Аты, как коренных, так и прибывших по эвакуации. У коренных жителей положение было несколько лучшим. Они существовали в условиях устоявшегося быта, некоторые имели огороды, могли продать кое-какие вещи. Всего этого не было у тех, кто вынужден был бежать из родных мест. Но (и это я хочу подчеркнуть особо) подавляющее большинство коренных жителей Алма-Аты - казахов, корейцев, русских и людей других национальностей, приняли эвакуированных дружески, делились с ними жильем, едой, помогали, чем могли.

В прессе пишут, что в прошлые годы выростали корни тех национальных конфликтов, которые бушуют ныне в стране. В противовес этому могу честно, как свидетель, заявить, что в местах, где находились я и мои родные, до войны и в ее тяжелые годы люди различных национальностей жили, в основном, дружно (были и исключения - в семье не без урода!), помогали друг другу, не ущемляли национальных прав и культур. Если такое ущемление делали, то не рядовые граждане, а руководители, имевшие целью не защитить ту или иную нацию или национальные меньшинства, а на волнах вражды и катастроф подняться на вершины власти и укрепить там свое положение. Разжечь национальную рознь, конечно, легче, чем натравить, например, всех брюнетов, блондинов и шатенов на рыжих. Но я вполне убежден, что если бы в мире вообще не было национальностей, то нашлись бы злые люди, которые строили свое благополучие на ущемлении, например, прав рыжих, обвиняя их в желании переокрасить всех остальных в свой колер, узурпировать права блондинов и брюнетов и т. д. Сталин только в целях укрепления своей диктатуры выселял, например, чеченцев в Казахстан, а в конце сороковых - начале пятидесятых годов натравливал народ на евреев. Я думаю, что и в наше время есть люди калибром поменьше, чем Сталин, но строящие, как и он, свое благополучие и власть на национальной вражде и крови.

Изложенное выше ни в коем случае не следует понимать как призыв к обезличиванию, нивелированию национальных культур, традиций и искусства. Наоборот, мне очень жаль, что в течение ряда лет, по крайней мере, столетия, это насильственно происходило с еврейской культурой, и что я сам, а тем более дети и внуки, отделились от языка, традиций и искусства народа, из которого мы произошли полностью или частично.

Дружба и переплетение национальных культур ведут к их взаимному обогащению. Вот несколько примеров.

В те годы, когда мы жили в Алма-Ате, композитор Брусиловский (русский или украинец), творчески переработав национальные мелодии, написал для выдающейся певицы-казашки Куляш Байсеитовой "Казахский вальс", "Ласточку" и другие песни с громадным успехом звучавшие в любой многонациональной аудитории. Поэт-казак Джамбул писал стихи о Родине, затрагивавшие лучшие струны в душе любого человека - казаха, русского, белоруса, еврея или украинца. Киностудия имени Горького, эвакуированная из Москвы в Алма-Ату, вместе с Казахской киностудией создала ряд патриотических и лирических фильмов, причем музыку к некоторым из них написал композитор-еврей Оскар Сан-длер, друг нашей семьи.

Далее приведу три примера, может быть, несколько разрозненных, но относящихся непосредственно к нашей семье.

Первый. Президиум Верховного Совета Казахстана наградила врача Резникову БERTУ Ароновну грамотами: 8 мая 1942 года за образцовую работу при проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий, а 15 июля 1943 года - за образцовую работу в области здравоохранения в Казахстане (в 1942-43 годах в Казахстане возникли эпидемии тифа и других опасных инфекционных заболеваний, и мама, не щадя себя, боролась за жизнь и здоровье больных).

Второй пример. Коренная жительница Алма-Аты, коллега по работе в мастерских и соседка по двору (мы уже тогда жили в доме КазСХИ по ул. Гоголя, 23), бухгалтер Мария Михайловна Жукова, зная трудное положение нашей семьи, увезла Беллочку и меня на свой дальний пригородный участок и, не взяв ни копейки денег, так нагрузила нас брынзой, свеклой, луком и другими продуктами питания, что мы с большим трудом прошагали несколько километров от ее дачи до станции железной дороги, а потом от вокзала до дома. Ужасно уставшие, но довольные, притащили этот груз, существенно улучшивший наш рацион.

И, наконец, третий пример. Я, как и в детстве, не упустил возможности поболеть в экстремальных условиях, причем, как всегда, с "вывертом". У меня на боковой поверхности языка образовалась язва размером с две копейки. Она имела странный вид, язык распух, я не мог сказать ни слова, питался только жидкими блюдами. С сотрудниками на работе объяснялся записками, дома - жестами и мычанием. Напряженный план по выпуску все тех же ружейных гранат требовал моего десяти-двенадцатичасового присутствия в мастерских, времени для посещения врача не было. Когда стало совсем худо, отец пришел в мастерские, с решительным видом сел на мое место и сказал, что один день он сам будет здесь командовать, а я должен немедленно идти к врачу. Мама повела

меня к эскулапам. Однако большинство из них не могли сформулировать диагноз, разброс мнений был от обычной инфицированной ранки до сибирской язвы (правда, на это не совсем уверенно намекнул только один молодой доктор). Наконец, кто-то вспомнил, что в поликлинике давным-давно работал фельдшер, который успешно лечил всякие язвы. Нашли его адрес, и мы поехали на окраину города. Фельдшер оказался еще бодрым старичком-казахом или уйгуром, сухоньким, седым, с реденькой бородкой на лице, покрытом морщинами как печеное яблоко. Жил он в старом кирпичном домике, в комнате, заставленной простой мебелью, стопками книг и какими-то предметами, назначения которых я не понял. Фельдшер радушно принял нас, тщательно вымыл коричневые, сухие, с узлами на суставах руки и, стараясь не причинять мне боли, осмотрел язык. Потом написал рецепт на лекарство, велел каждые три-четыре часа полоскать этим лекарством рот и заверил, что через пять дней гнойная часть язвы отпадет и дело пойдет на поправку. В ответ на предложение мамы оплатить визит, категорически отказался, хотя обстановка, в которой жил фельдшер, свидетельствовала о том, что деньги ему были совсем не лишними. Прощаясь, подал мне руку, дружественно глянул через щелочки век своими немного выцветшими глазами и еще раз сказал: "Все будет хорошо. Живите счастливо на нашей земле!"

Когда ровно через пять дней, как по мановению волшебной палочки, мне действительно стало легче, да и в других случаях я вспоминал старика казаха или уйгура, которому хотелось, чтобы всем было хорошо на его родной земле.

Теперь расскажу еще о некоторых людях, с которыми мне приходилось сталкиваться по работе в мастерских КазСХИ. Я уже писал о директоре института А. И. Сембаеве. Добавлю, что это был очень уравновешенный и здравомыслящий человек, хороший организатор и серьезный педагог. Не зря через некоторое время А. И. Сембаева назначили народным комиссаром просвещения Казахстана. Под стать ему была интересная и культурная жена, кажется, тоже преподаватель.

Заместителем директора КазСХИ по административно-хозяйственной части в те времена был некто Амиров. Сравнительно энергичный, хотя и не высококультурный человек. Помню такой случай. Финансирование отдельных работ, которые выполнялись в мастерских, в частности, по заданию Наркомата обороны СССР, осуществлялось через расчетный счет КазСХИ, хотя распоряжалась средствами только администрация мастерских. Поэтому на некоторых документах чисто формально должна была стоять подпись кого-либо из дирекции института. Обычно, когда нужно было выполнить банковскую операцию, мы заготовливали

платежные документы, а подписывал их Амиров. Однажды я направил банковские документы и препроводительную записку на имя Амирова с просьбой подписать поручение и передать в бухгалтерию. Отнести документы Амирову я поручил одному новому сотруднику, недавно зачисленному на работу в мастерские. Каково же было мое удивление, когда этот сотрудник, отшагав туда и обратно довольно большое расстояние между мастерскими и главным корпусом института, вернулся с резолюцией буквально следующего содержания: "Не оплатить, как не согласованное со мной. Амиров." Я по телефону высказал Амирову свое возмущение и в ответ услышал: "Что ты волнуешься? Пойми меня - пришел новый человек. Должен я ему показать, что я начальник: хочу подпишу, а хочу - нет? Должен. Теперь пришли его опять, все сделаю, дорогой". Когда наш сотрудник пришел вторично, Амиров в прежней резолюции убрал частицы "не" и подписал все, как надо.

В жизни я часто встречал начальников (встречаю иногда и сейчас), которые из своих амбиций поступают точно так, как это сделал Амиров, не жалея труда, времени и нервов людей, пришедших для решения того или иного вопроса.

Под стать заместителю директора были и некоторые сотрудники АХЧ института. Отдел снабжения возглавляла женщина с резким голосом, крупными чертами лица, всегда ходившая в мужских сапогах. Звали ее Анной Ивановной, но сама себя именовала "заведующей кафедры отборной матерщины". Увлекаясь, по-видимому, разработками именно в этом направлении, Анна Ивановна из рук вон плохо выполняла снабженческие операции - не вовремя завозила в институт материалы, инструменты и запчасти, в которых больше всего нуждались мастерские. Это нервировало нас, лихорадило производство. Мы решили взять в штат мастерских своего снабженца. Однажды пришел предложить свои услуги человек лет сорока, очень странной наружности. Высокий, в длинном, явно с чужого плеча пальто, сидевшем мешком и достававшем чуть ли не до щиколоток, в выдавшем виды картузе и грубых ботинках, весьма близорукий, в очках со столь толстыми стеклами, что глаза казались маленькими шариками, спрятанными где-то глубоко за витриной. Портрет дополняло худое, недостаточно выбритое лицо с густыми бровями и большим ртом, в котором торчали всего несколько длинных, обкуренных зубов. Назвавшись Семеном Михайловичем Каневским, он добавил: "Я понимаю, что моя наружность несколько отличается от общепринятого внешнего вида снабженцев и что вы хотите с ходу мне отказать. Но давайте сделаем эксперимент. Назовите мне материал или инструмент, в котором мастерские сейчас нуждаются более всего, скажите, где он мо-

жет быть, а затем дайте три дня сроку. Если через три дня я доставлю вам этот дефицит - вы берете меня на работу, если нет - не берете!"

Столь забавной была самоуверенность этого нескладного человека, что я решил включиться в игру, написал на листке бумаги "спиральные сверла диаметром 1,8 мм - 30 штук", а также наименование двух-трех предприятий, где эти сверла могли быть. Отдал Каневскому. Он поднес бумажку к кончику носа, поглядел на нее сквозь свои очки-телескопы и откланялся. Задание было очень трудным. Сверла 1,8 мм, хрупкий и непрочный инструмент, применяли для обработки отверстий под чеку в ружейных гранатах, а гранаты, как я уже писал, делали одновременно на ряде предприятий города. Поэтому сверл всегда не доставало, хотя стоили они копейки. Каково же было мое удивление, когда через два дня Каневский положил мне на стол три пакетика по десятку сверл в каждом и квитанцию об оплате, выданную одним из названных мною предприятий. Когда я спросил, как ему удалось эта операция, он, загадочно улыбаясь, ответил: "Я им просто объяснил, что это нужно не мне, а для дела".

Все было, конечно, не так просто. Проработав с Каневским еще пару лет, я понял его методику. Он считал выполнение задания, которое ему поручали, делом личной чести и не отступал от него ни за что. При этом никогда не пользовался обходными путями, не давал взятку или каких-либо обещаний. Просто он входил в кабинет к лицу, от которого зависело решение вопроса, и несмотря ни на какие отказы или намеки на то, что кабинет надо покинуть (к тому же не всякий наберется смелости удалить пожилого слабовидящего человека), не уходил, непрерывно "объясняя" владельцу дефицита обстановку в стране, важность выполнения каждым его обязанностей и т. д. У некоторых не выдерживали нервы, другие смеялись, но результат, как правило, оказывался положительным. В коллективе мастерских Каневского уважали за верность слову и любили за легкий характер и чувство юмора.

Летом 1942 года Алма-Атинский обком партии и облисполком направили меня уполномоченным по контролю за ходом уборки урожая в Джамбульский район области. Практика посылки уполномоченных из городов в сельские районы процветала многие годы. Толку от этих уполномоченных, как правило, было мало. Большинство из работников предприятий и учреждений, посланных в разные районы области (например, я), никогда в сельском хозяйстве не работали и с трудом отличали пшеницу от других зерновых злаков. Хорошо, если уполномоченный оказывался таким, как я: не вмешивался в дела сельчан, брал у председателей колхозов сводки о ходе уборочной страды и передавал их по те-

лефону в сельхозотдел облисполкома, хотя почти одновременно эти сводки районное начальство передавало в сельхозотдел обкома партии. Но ведь были и такие, которые совали свой нос в дела агрономов, механизаторов и полевых бригад, лезли со сврими советами и мешали людям работать. Если дела в районе шли плохо, уполномоченный получал от областного начальства "накачку", формулируемую в самом общем виде: "Потребовать! Принять меры! Разъяснить!" и т. д. Эту "накачку" в таком же общем виде уполномоченный передавал председателям колхозов и главным специалистам. Все понимали, что система "приезжих гастролеров" не имеет смысла, но все делали вид, что она нужна, поскольку такими были многолетние традиции, и отменять их никто не рисковал.

На совещании, которое провели с уполномоченными перед отъездом, нас предупредили о необходимости соблюдать определенные правила поведения, в том числе проявлять осторожность, чтобы не нарушить местные традиции и случайно не оскорбить национальные чувства колхозников. Насколько это тонкое дело, я мог судить по инциденту, произошедшему в мастерских накануне.

Надо вам сказать, что в мае-июне 1942 года, когда производство ружейных гранат прекратилось, мастерские были заняты преимущественно ремонтом тракторов, в том числе и по разрядкам Алма-Атинского облвоенкомата. Военкомат обеспечивал нас запчастями строго по дефектным ведомостям на ремонтируемые машины. Другим заказчикам, тракторы которых тоже ремонтировала наша организация, было хуже, запчастей часто не хватало, ремонт затягивался. Поэтому как только очередной трактор для военкомата был готов и принят заказчиком, мы требовали, чтобы во избежание "раскулачивания" его немедленно уводили с территории мастерских.

Однажды к концу рабочего дня молодой тракторист-казах принял машину из ремонта и расписался в приемной ведомости. Несмотря на предупреждение механика, он оставил трактор на открытой площадке и ушел ночевать к друзьям. Утром следующего дня обнаружил, что трактор не заводится (хотя накануне работал исправно), так как ночью кто-то снял с машины жиклер. Жиклер - ерундовая такая деталь, стоила несколько копеек, но по тем временам остродефицитная, мы получали их строго поштучно по дефектным ведомостям.

Взволнованный тракторист вбежал ко мне в кабинет с криком: "Жол-дас начальниги! Жиклер нет! Дай другой!" ("жолдас" по-казахски означает "товарищ"). Я отказал. Тракторист растерялся, но потом, интуитивно освоив методику, применявшуюся Каневским, остался в моем кабинете и каждые десять-пятнадцать минут вновь повторял все ту же фразу. На-

доел он ужасно, и я сказал пошедшему ко мне механику Шкурскому: "Знаешь, Юра! Если бы я понимал по-казахски, сказал бы я ему покрепче!" Боже мой, что произошло с трактористом, когда он услышал мои слова! Он подскочил к столу и начал взволнованно что-то кричать на своем языке, часто повторяя: "Руськи не карапчи, а хазах карапчи? Русь-ки не карапчи, а хазах карапчи?"

Пришлось пригласить слесаря Андрея Палагина, уроженца Алма-Аты, неплохо знавшего казахский язык. Андрей пояснил, что тракторист из произнесенной мною фразы понял только слова "по-казахски" и "покрепче" и истолковал их по-своему: "казах карапчи!", что означает "казах вор". Словом, получалось так, будто бы я его обвинил в воровстве и желании получить дополнительную деталь. Было от чего взорваться! Я попросил Палагина объяснить казаху, что ничего такого я не думал и не говорил. Шкурский же, чтобы ликвидировать инцидент, предложил отдать имеющийся у него запасной жиклер (у механиков всегда в критический момент обнаруживается "запасная" деталь!) и увел тракториста из моего кабинета.

Кстати, несколько слов об Андрее Палагине. Если вы видели кинофильм "Александр Невский", то запомнили, наверное, одного из героев - русского богатыря Буслая в исполнении артиста Охлопкова. Андрей вполне мог служить прототипом Буслая - такой же крупный, плечистый, с большими ручищами, добродушный и бесхитростный. Значительную часть заработанных денег Палагин тратил на приобретение хлеба у спекулянтов (во время войны тоже водились спекулянты, хотя далеко не в таком количестве, как сейчас). В студенческую столовую, где Андрей обедал, он приносил кирпичик хлеба, разламывал его пополам, брал две-три порции супа или борща и уничтожал все это за один присест. Говорили, что однажды грузовик-"полуторка", на котором он ехал с сыном, застрял по дороге. Тогда Андрей взял из кабины сиденье, положил его себе на спину и, согнувшись, залез под торцевую часть кузова. Поднатужившись, приподнял машину и удерживал ее в таком положении столько времени, сколько нужно было сыну, чтобы подложить под задние колеса доски. Сынок, кстати, у Андрея был весь в него - крупный, красивый и сильный.

С радостью я встретил и обнял Палагина много лет спустя, когда в 1980 году прилетел из Тольятти в Алма-Ату на празднование пятидесятилетия КазСХИ. Андрей постарел (прошло как-никак почти сорок лет!), поседел, носил очки. Но был таким же мощным и добродушным, как в 1942 году, когда как знатока казахского языка и местных обычаев я при-

хватил Палагина с собою в Джамбульский район "инспектировать" уборку урожая.

Через некоторое время после моего возвращения с уборочной страды, а точнее в начале сентября 1942 года, из Нижнего Тагила пришло сообщение о тяжелой болезни Льва Абрамовича Бержигала. Как ни опасна и непредсказуема была дорога длиною более чем 3000 км, Беллочка быстро собралась и выехала в Нижний Тагил.

К сожалению, после одиннадцати дней тяжелого пути она не застала отца в живых, его похоронили накануне. Побыв несколько дней с матерью, Машей и Сусанной, моя наполовину осиротевшая супруга пустился в обратный путь и после почти месячного отсутствия возвратилась в Алма-Ату.

В этой главе я рассказал, в основном, о трудностях и печальных событиях, которые нам пришлось пережить в 1942 году. Ничего удивительного в этом нет - такое было время, трудное для всех, а значит, и для нашей семьи. Но вот что считаю необходимым отметить. Несмотря на трудности, неутешительные (за малым исключением) сводки с фронтов Отечественной войны, мы, как и все другие, с кем я встречался, были уверены в победе, трудились, чтобы эту победу приблизить и сделать кое-что про запас для последующего мирного времени, в наступлении которого не сомневались. Отец, продолжая развивать отечественную науку о резании металлов, в 1942 году разработал один из сложных ее разделов - теорию процесса фрезерования и подготовил докторскую диссертацию, которую в дальнейшем (март 1943 г.) успешно защитил в ученом совете Среднеазиатского индустриального (ныне Ташкентского политехнического) института. Беллочка, как и многие студенты, в летнее время работала комбайнером на уборке урожая в Талгарском районе Алма-Атинской области. О маме, о себе и Боре я уже писал.

Мы научились радоваться небольшим улучшениям повседневного быта, например, тому, что переехали из общежития "Парк культуры" в двухкомнатную квартиру по улице Гоголя, 23, хотя и не имевшую удобств, но чистую, теплую и светлую. Научились с известной долей юмора относиться к трудностям жизни, в точности по еврейской пословице: "Если у вас нет простыни, утешайтесь тем, что вы экономите на стирке".

Так мы прожили в Казахстане военный 1942 год.

ТРОЕ В ШИНЕЛЯХ ПРЕДЛАГАЮТ СОЗДАТЬ ТАНК-ПАРОВОЗ

В конце 1942 года меня и директора КазСХИ Андрианова (он заменил назначенного Наркомом Сембаева) пригласили в отдел оборонной промышленности ЦК Компартии Казахстана. Не зная причины вызова, мы ждали в приемной секретаря ЦК Кайшигулова. Обратили внимание на три офицерских шинели без петлиц (погон тогда еще не было), висевшие на стоячей вешалке у входа в кабинет. В кабинете, когда нас туда пригласили, кроме Кайшигулова находились трое молодых людей в возрасте 26-28 лет в военной форме, но тоже без знаков различия. Секретарь ЦК представил нас этим людям, а их назвал инженерами Деминым, Шпанько и Фараоновым. Далее зачитал письмо Бронетанкового управления (БТУ) Наркомата обороны СССР с просьбой к ЦК и Совнаркому оказать содействие в реализации предложения этих трех офицеров.

Суть дела изложил Демин. По его словам, находясь на службе в танковой части, они случайно наткнулись на трофейную информацию о том, что итальянцы якобы сконструировали и испытали тягач, на котором вместо дизеля установлена паровая машина. Тягач на высокой скорости влезал на горки с углом до 45°, успешно выбирался из канав и ям, демонстрировал другие маневры, недоступные обычным транспортным средствам того времени. Тогда Демин, инженер-теплотехник, Фараонов, специалист по тракторам, Шпанько, инженер-конструктор, быстро сделали ориентировочный расчет и эскиз танка с паровой машиной и доложили о нем начальству. Кто-то из начальников решил командировать троих друзей для консультации в БТУ. Неожиданно там идея понравилась, и было решено для ее проверки поручить авторам сделать более основательный технический проект. Управление было согласно создать и финансировать отдельную конструкторскую группу (ОКГ) при каком-либо из тыловых учреждений. Фараонов, который ушел в армию из Алма-Аты, предложил организовать такую группу в Казахстане. Захватив с собою соответствующее письмо от БТУ, инженеры прибыли в наш город. Здесь им предложили в качестве ведущей организации уг-

вердить КазСХИ, поскольку институт, кроме кадров, имел неплохую экспериментальную базу в виде мастерских. (Думаю, что некоторую роль сыграло и то, что после истории с ружейными гранатами наш авторитет в глазах ЦК КПК был достаточно высоким.)

На первый взгляд, идея оснастить танк паровой машиной кажется не имеющей смысла. Однако только на первый взгляд. Паровая машина имеет ряд преимуществ по сравнению с двигателем внутреннего сгорания, который является энергетической установкой современных танков. Каждый автомобилист знает, что подъезжая к крутому подъему или препятствию, следует переключить передачу, чтобы снизить скорость движения, не снижая числа оборотов коленчатого вала двигателя, иначе двигатель заглохнет. Паровая машина свободна от этого недостатка - она обеспечивает необходимую мощность при изменении скоростей вращения вала в широком диапазоне. Поэтому, во-первых, отпадает необходимость в коробке передач, во-вторых, оказывается возможным форсировать подъемы на местности с высокой скоростью и, в-третьих, уверенно преодолевать препятствия (завалы, канавы и т. д.). Словом, как говорят специалисты, тяговая характеристика у паровой машины намного лучше, чем у двигателя внутреннего сгорания.

Паросиловая установка чаще всего ассоциируется с крупногабаритным котлом тем большего размера, чем большую мощность желательно получить. Но незадолго до того времени, о котором идет речь, был изобретен малогабаритный прямоточный взрывобезопасный котел высокого давления. Автором изобретения был профессор Л. К. Рамзин, осужденный в начале тридцатых годов к тюремному заключению как глава "вредительской Промпартии". Я уже писал в первой части записок, что процесс Промпартии был одной из массовых репрессий, проведенных Сталиным и его окружением. Находясь в заключении, Л. К. Рамзин создал изобретение мирового значения, за что был награжден орденом Ленина и освобожден из-под стражи, правда, с обязательством не выезжать за пределы подмосковного района, где располагалась его дача "Черный лебедь". В 1943 году он был удостоен и Государственной (тогда Сталинской) премии. Поистине, от ненависти до любви один шаг, если та и другая порождены политикой и деспотизмом!

Изобретение прямоточных котлов высокого давления открывало возможность их установки на малогабаритные транспортные машины, в том числе и на танки. Немаловажным обстоятельством было и то, что такие котлы работали на дешевом топливе, например мазуте.

Словом, в применении паросиловой установки просматривались определенные положительные качества, которые могли быть приданы тан-

кам. Вместе с тем возникал ряд сложных задач и неясностей. К ним относилось, например, обеспечение замкнутого цикла водооборота, поскольку боевые машины должны работать без систематической подзаправки водой. Можно было предвидеть также чисто технологические трудности при изготовлении и монтаже узлов системы, работающей при высоком давлении. Так или иначе, но проблема требовала серьезного изучения всех сторон дела и ответа на вопрос: можно или нельзя, целесообразно или нецелесообразно создавать танки с паросиловой установкой. Эта задача была поставлена перед отдельной конструкторской группой Наркомобороны СССР при Казсельхозинституте, как официально называлась новая организация. Начальником группы был назначен А. Демин, научным руководителем - доктор физико-математических наук А. Гухман, главным конструктором - К. Шпанько, главным инженером - я. В работе группы постоянно принимали участие, кроме упоминавшегося уже С. Фарафонова, профессор Я. Геронимус, кандидат наук М. Вайс-ман и доцент А. Леймер.

Расскажу немного о сотрудниках нашей группы. Авторы идеи - Анатолий Демин, Константин Шпанько и Семен Фарафонов - были молодыми, светловолосыми, работоспособными, чем-то похожими друг на друга парнями. Впрочем, каждый из них имел свои особенности. Анатолий был хорошим организатором, умел дипломатично вести переговоры с различным начальством. Это Демин, имея в виду невысокие воинские звания трех коллег, предложил снять с шинелей и гимнастеров знаки различия, что освобождало от необходимости "тянуться" по уставу при посещении военных организаций, а при посещении штатских - придавало некоторую загадочность положению друзей на ступенях воинской иерархии. Анатолий был более склонен к решению теоретических задач, чем к конструированию. Костя, наоборот, меньше интересовался вопросами теории, но быстро создавал сложные компоновочные схемы и прекрасно чертил.

У Семена был склад ума изобретателя, он мог предложить оригинальные схемы и устройства, часть из которых, правда, не удавалось реализовать.

Помню, например, что в 1943 году Фарафонов предложил схему роторной паровой машины. У этой машины отсутствовали шатун и кривошип, а также поршень обычной конструкции. Парораспределение осуществлялось системой из двух лопаток-шторок, одна из которых играла роль поршня. Идея роторной машины нам понравилась своей простотой и эффективностью. Семен вместе с профессором Геронимусом (я уже упоминал, что последний был крупным специалистом по теории машин

и механизмов) в течение месяца выполнял расчеты, относящиеся к кинематике и динамике роторной машины. К сожалению, после ряда попыток им не удалось создать схему механизма, предназначенного для управления парораспределительной шторкой со скоростью, которая обеспечивала бы нормальную работу машины. Схему роторного устройства пришлось отклонить. Замечу, что примерно через тридцать лет японцы сконструировали и изготовили автомобильный роторный двигатель, главная идея которого - устранить шатунно-кривошипный механизм - была такой же, как и в роторе Фарафонова.

Научный руководитель группы профессор Александр Адольфович Гухман уже тогда был известен как один из фундаментальных деятелей отечественной науки о теплопередаче. В те годы, когда он был эвакуирован из Москвы в Алма-Ату, ему было, пожалуй, лет пятьдесят. Выглядел легким, стройным и подвижным. Ежедневно по утрам совершал длительные пробежки, при случае играл в теннис и волейбол. При взгляде на Гухмана бросался в глаза большой лоб под черно-седой, достаточно поредевшей шевелюрой. Я бы сказал, что лоб был несколько большим, чем это соответствовало средневероятным соотношениям частей мужского лица. Крупные черные брови, под ними за стеклами очков - живые глаза, иронично поглядывающие на мир. Александр Адольфович всегда был готов к серьезному разговору, напряженному размышлению над сложной задачей или к дружескому общению, юмору и "подначке". Отличительной чертой А. А. Гухмана была его способность прямо и честно, без ложной дипломатии сказать любому коллеге то, что он думает о нем, о его работе или статье. Говорилось это не за спиной, а в лицо, не грубо, а интеллигентно, не с целью обидеть или унижить, а с целью помочь, исправить, посоветовать.

Чтобы проиллюстрировать эту черту характера А. А. Гухмана, расскажу о разговоре, состоявшемся между нами в более поздние годы. Закончив докторскую диссертацию, в основе которой лежал теплофизический анализ процесса резания, я решил показать ее Александру Адольфовичу и попросить его дать отзыв на автореферат. Мы не виделись полтора десятка лет. Я разыскал Гухмана в Москве, позвонил и попросил о встрече, ничего не говоря о диссертации. "Дорогой Арон! Рад буду вас увидеть! Приходите на кафедру в институт химического машиностроения", - услышал я в трубке знакомый голос с картавым "эр". При встрече мы обнялись и в течение получаса забрасывали друг друга вопросами и воспоминаниями. Гухман был, как всегда, живым, эксцентричным, доброжелательным. Но как только я сказал о диссертации, он сник, заторопился и предупредил, что у него в запасе всего пятнадцать минут, поэто-

му может только мельком просмотреть мою работу. После этого мы смотрели и обсуждали диссертацию более двух часов, причем постепенно Александр Адольфович возвращался в свое нормальное состояние и доброе настроение. Когда просмотр был закончен, Гухман сказал: "Арон! Когда вы попросили посмотреть диссертацию, я, откровенно скажу, загрустил. Ожидал, что увижу еще одну работу, в которой вы, как и ваши коллеги-технологи, прилаживаете теплофизику к процессу резания как седло к корове. Я постарался уклониться от этой неприятной процедуры. К моей радости обнаружил, что вы теплофизику применили разумно и строго, получили ряд новых выводов и поставили оригинальные эксперименты. Вашу работу одобряю, желаю успешной защиты. Отзыв на автореферат пришлю". Действительно, Александр Адольфович прислал в ученый совет Томского политехнического института, где в декабре 1959 года я защищал докторскую диссертацию, отзыв, который я запомнил почти дословно, так как он был кратким и энергичным: "Не являясь специалистом по резанию металлов, не могу судить о специфических особенностях диссертации доцента Резникова А. Н. Но убежден, что эта работа вносит существенный вклад в теорию теплообмена между твердыми телами и с этой точки зрения имеет научное и практическое значение. Профессор А. А. Гухман".

Доцент А. Леймер, специалист по аэрогидродинамике, прибыл в Алма-Ату вместе с эвакуированным из Москвы авиационным институтом. (Кстати замечу, что студенты МАИ ввели своеобразную моду. Поскольку обувь следовало экономить, все ребята в теплые дни ходили по городу и на занятия босиком, с чисто вымытыми ногами. Кажется, А. Макаренко в "Педагогической поэме" писал, что так же ходили и его воспитанники в двадцатых годах.) Леймер, молчаливый, как большинство эстонцев, почти никогда не расставался с изогнутой трубкой, которую если не курил, то посасывал. Ходил в длинном пальто или плаще, в клетчатой кепке, с почти пустым рюкзаком за плечами. В рюкзаке у него была справочная литература, а также хлеб, полученный по карточкам, и еще какие-нибудь припасы. За рабочим столом сидел, углубившись в свои расчеты, не слышал, казалось, о чем беседуют другие сотрудники ОКГ. Но вдруг бросал в контексте разговора фразу или пару слов, свидетельствующих о его остроумии и чувстве юмора.

Теперь о Михаиле Дмитриевиче Вайсмане. Вместе с престарелыми родителями и малолетней дочерью он попал в Алма-Ату после того, как была прорвана блокада Ленинграда, где он работал в политехническом институте. Жена М. Д. Вайсмана - военный врач - осталась на Ленинградском фронте, в связи с чем Михаил Дмитриевич полушутя-полугру-

стно называл себя солдаткой мужского рода. Несмотря на очень трудные условия жизни, сохранял оптимизм и высокую работоспособность. Обладал широким кругозором не только в своей специальности (турбины), но в музыке, литературе, искусстве,, умел в конце дня (а работали мы не считаясь со временем), когда все уже устали, а работать еще надо, рассказать веселую историю или анекдот, разрядить обстановку, снять усталость у коллег.

Как видите, ОКГ состояла из квалифицированных людей, которые с интересом и умением принялись решать сложную задачу, поставленную перед группой. Профессор Гухман и А. Демин взяли на себя проектирование котла, а также радиатора, предназначенного для конденсации отработанного пара. Доцент Леймер разрабатывал крупногабаритный вентилятор, который должен был создавать поток воздуха для охлаждения радиатора. М. Д. Вайсман конструировал турбинку для вращения вентилятора. Семен Фарафонов и профессор Геронимус проектировали паровую машину. Костя Шпанько координировал все работы с точки зрения габаритов и компоновки узлов паросиловой установки, имея в виду, что их нужно было разместить в корпусе танков без реконструкции последних (таково было требование БТУ). На мою долю досталось общее наблюдение за технологичностью узлов и их изготовлением, а также проектирование насоса высокого давления для подачи конденсата из радиатора в котел. Я взялся за насос, потому что эту работу поручить было некому, а горшки, как известно, обжигают не только боги.

К началу июня 1943 года был готов первый вариант технического проекта танка KB с паросиловой установкой, а к концу месяца в мастерских КазСХИ изготовлен испытательный стенд с круглым радиатором и вентилятором. Для участия в испытаниях радиатора из БТУ прибыли два военных инженера. Они же привезли распоряжение - по окончании испытаний направить в Челябинск на Опытный танковый завод, а затем в Москву бригаду с техническим проектом машины. В конце августа 1943 года Демин, Шпанько, Фарафонов и я, заручившись удостоверениями, подписанными председателем Совнаркома Казахстана Заговельевым и секретарем ЦК Кайшигуловым, выехали в Челябинск. В удостоверениях была туманная фраза "направляется по специальному заданию", которая нам во многом помогала в течение всей командировки. Во всяком случае, в Челябинске мы сразу же получили места в центральной гостинице "Южный Урал".

Челябинск жил в ритме города, который трудится на нужды фронта. Все внимание было сосредоточено на предприятиях, выпускавших танки и вооружение. Ежедневно утром масса людей направлялась в район

заводов, они шли пешком или ехали на трамваях. Впервые здесь я увидел, как пассажиры едут на крышах переполненных трамваев, причем никто не заставляет их спуститься на землю. Мы, однако, предпочитали не ехать трамваем, а влиться в поток людей, идущих на завод пешком, тем более что от "Южного Урала" до Опытного завода было минут 30-40 ходьбы. На завод вела с утра не только наша работа, но и возможность поесть в заводской столовой. В меню других предприятий общественного питания были щи из крапивы и отварная свекла. Черный и сырой хлеб, который выдавали по карточкам, имел в своем составе какой-то компонент (может быть, траву?), придававший ему горький вкус, иногда настолько горький, что сводило челюсти.

Прибыв в Челябинск, мы не застали главного конструктора (он же директор Опытного танкового завода) генерал-майора Жозефа Яковлевича Котина. В течение нескольких дней до его прибытия знакомились с заводом. Особое внимание привлек музей танков и самоходных машин, расположенный под открытым небом на территории предприятия. В музее были многие виды отечественных машин: маленькие танкетки с экипажем один-два человека; старые танки БТ, которые показали малую эффективность в начале войны; громадный танк БТ с тремя башнями, изготовленный всего в одном экземпляре и не пошедший в серию из-за полной непригодности к боевым действиям. Наряду с ними были новые высококачественные машины KV и Т-34, успешно применявшиеся на фронтах войны. Были трофейные немецкие танки, а также танки других стран. Среди последних, например, английские машины с широкими своеобразными гусеницами для передвижения в песках Африки.

В назначенный день и час мы прибыли на прием к Ж. Я. Котину. Обстановка его кабинета и манера решения вопросов произвели на нас вначале несколько странное впечатление. Судите сами. Директор крупного завода, генерал, известный в стране конструктор, занимал кабинет площадью всего 18-20 кв. м, обставленный минимумом простой мебели - письменным столом, столиком для посетителей, десятком стульев. Никакой роскоши и излишеств, таких типичных в огромных кабинетах начальников даже более мелкого калибра, здесь не было. На пустой поверхности письменного стола - простенький прибор с одной авторучкой и блокнот, несколько телефонных аппаратов.

Владелец кабинета, высокий, с густой шевелюрой, спокойным и доброжелательным лицом, одетый в обычную воинскую форму с полевыми погонами генерал-майора, вышел из-за стола, поздоровался с нами, пригласил сесть. Выслушал информацию, задал пару вопросов, а потом, назвав фамилии и должности двух-трех сотрудников завода, попросил

пройти к ним на рабочие места и передать задание - в течение недели изучить наш проект и доложить свое мнение. Потом спросил, как мы устроились с питанием, и в ответ на красноречивое молчание попросил зайти в административный отдел заводоуправления и сказать от его имени, чтобы нам выдали обеденные талоны на десять дней. Кто-то из нас осторожно спросил, не следовало ли упомянутые распоряжения оформить письменно. На это Ж. Я. Котин, улыбнувшись, ответил: "У нас не принято!" Затем встал, показывая этим, что визит окончен.

Самое странное происходило в дальнейшем. В административном отделе без звука выдали талоны, записав лишь фамилии и номера командировочных удостоверений. Сотрудники завода, которым мы передали технический проект, ни на минуту не усомнились, что задание исходит от Ж. Я. Котина, не стали ворчать о занятости и перегруженности, как это было бы на многих других предприятиях. Пробыв около двух недель на Опытном заводе, мы поняли, что все эти "странности" являются звеньями единой рациональной системы управления предприятием, которую ввел Ж. Я. Котин. Он не издавал никаких письменных приказов и распоряжений, за исключением тех, которые необходимы по чисто юридическим соображениям (прием на работу, увольнение и т. д.). Не проводил шумных оперативок и совещаний (поэтому и кабинет имел маленький). Распоряжения отдавались им устно, причем иногда не непосредственно, а через других лиц, как было в нашем случае. Вслед за директором такой же системы придерживались начальники отделов, служб и цехов завода. Работа в коллективе строилась на доверии. Никто не мог себе позволить в личных или корпоративных (цеховых и др.) интересах исказить распоряжение, переданное устно, или впоследствии отказаться от него. Мне рассказывали работники завода, что несколько таких случаев раньше имели место, но их носители, независимо от занимаемой должности, немедленно оказывались за воротами предприятия.

Дело, конечно, не так просто, как может показаться на первый взгляд. Для того, чтобы отдать разумное и исполнимое распоряжение и отвечать за него, любой начальник должен был дотошно и глубоко знать состояние дел на производстве. Пример в этом отношении показывал сам Котин. Он появлялся в своем кабинете, как правило, только во второй половине дня. Первую же половину, заполненную у многих тогдашних (да и нынешних) руководителей оперативками, совещаниями, разборками и т. д., Ж. Я. Котин проводил в отделе главного конструктора, в других отделах и цехах завода, не только получая необходимую информацию, но и непосредственно участвуя в решении наиболее сложных задач.

Система взаимоотношений между людьми в процессе производства, с которой мы познакомились на Опытном танковом заводе, отличалась рядом достоинств. Резко сокращался поток бумаг, высвобождалось колоссальное время, которое обычно расходуется на их составление и чтение. Руководители подразделений получали возможность проявлять инициативу и распорядительность, действуя оперативно в конкретных условиях, поскольку все разнообразие обстоятельств не могло быть предусмотрено в приказах и инструкциях вышестоящего начальства.

Кстати, об инициативе. Однажды я прочитал, что японские железнодорожники, недовольные действиями администрации, объявили работу "по правилам". Суть ее в том, что рабочие и служащие в процессе труда строжайшим образом и чисто формально руководствуются требованиями приказов и инструкций. Если реально сложившиеся в ходе производства условия приходят в противоречие с приказами или инструкциями или просто оказываются неучтенными соответствующими документами, то человек не вносит в свои действия коррективы, основанные на собственном опыте, знаниях, интуиции; он продолжает работать по правилам. Придаться к нему нельзя, но в течение суток железнодорожное движение на многих участках страны было полностью парализовано (журнал "Знамя", № 11, 1985 г.).

Возвращаясь к системе взаимного доверия, требовательности и инициативы, которые мы встретили в коллективе Опытного завода, отмечу, что в России еще до 1917 года существовали взаимоотношения между промышленниками или купцами, основанные на твердом слове, без оформления бумаг. Многие зарубежные фирмы пользуются этой системой и сейчас. К сожалению, в нашей стране, особенно начиная с тридцатых годов, бумаги приобрели необыкновенную силу. Очень многие, боясь ответственности и репрессий, по каждому случаю оформляли тот или иной документ. "Лучше лишняя бумажка, чем лишняя неприятность", - говаривал один из персонажей Аркадия Райкина.

Я уделил сравнительно большое внимание вопросам организации работы коллектива Опытного завода, так как хотел показать, что в нашей стране еще в сороковые годы существовали прогрессивные системы управления предприятиями, стоявшие, как теперь говорят, на уровне мировых стандартов.

В установленный Ж. Я. Котиным срок наши расчеты и чертежи были рассмотрены в отделе главного конструктора завода. Отметив ряд положительных сторон проекта, ОГК сделал замечание об одном серьезном недостатке, свойственном предлагаемой конструкции, а именно: слабой защищенности конденсаторной части установки от повреждения в бое-

вых условиях. Этот недостаток мы знали и сами, но не могли его устранить. Дело в том, что радиатор пришлось разместить в кормовой части танка, перекрыв его системой жалюзи с достаточными просветами для прохода извне потока охлаждающего воздуха. При существовавшей конструкции корпуса танка (напомню, что неизменность конструкции корпуса была строгим требованием, выдвинутым БТУ) жалюзи оказывались в зоне, подверженной воздействию бутылок с горючей жидкостью или гранат. Повреждение же конденсатора немедленно выводило из строя всю паросиловую установку. Исправить этот недостаток можно было только разработав новую конструкцию кормовой части танка. С надеждой на то, что мы уговорим заказчика принять такое решение, Демин, Шпанько и я выехали в Москву.

Заканчивая рассказ о командировке в Челябинск, отмечу, что мне не довелось никогда в дальнейшем встречаться с Ж. Я. Котиним. Несколько лет назад в центральных газетах прочитал некролог о выдающемся танкостроителе генерал-полковнике Котине, посмотрел на его фото и с грустью подумал о том, что даже самые талантливые люди, заслуженно отмеченные званиями и наградами, не могут избежать конца пути, предопределенного природой.

В Москве, в Бронетанковом управлении Наркомобороны СССР вокруг нашего проекта устроили длинный хоровод, скорее даже "летку-енку": шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону. Во-первых, направили материалы по расчету котла на экспертизу самому Л. К. Рамзину. Профессор Рамзин, немолодой человек, с совершенно седой головой, принял нас в кабинете, сплошь заставленном книгами, к которому прекрасно подходило название "думодром", как называл свой рабочий кабинет академик В. А. Энгельгардт. Л. К. Рамзин обещал дать отзыв через месяц. Во-вторых, проект турбины послали еще кому-то, а конденсатор с вентилятором - третьему эксперту. Мы же ежедневно, как на работу, являлись в БТУ для того, чтобы дотошно и подробно давать объяснения длинной цепочке разных начальников - мелких, средних и полусредних. Если случались кадровые перестановки, а они бывали: на место начальника А приходил начальник Б, то все начиналось сначала. Словом, мы провели в командировке в Москве ни мало ни много, а три месяца.

За время командировки у каждого из нас произошли изменения в личной жизни. Я получил письмо от отца о том, что ВКВШ (Всесоюзный комитет по делам высшей школы) переводит его заведующим кафедрой во вновь организуемый Куйбышевский авиационный институт. Вскоре пришло письмо от Беллочки с сообщением, что отец, мама, Боря, Христина, а с ними и наша дочурка Инночка выехали в Куйбышев. Бел-

лочка осталась ждать меня, поселившись в отдельной комнате студенческого общежития.

Костя Шпанько познакомился с коренной москвичкой Руфиной, изящной девушкой небольшого роста с громадными черными глазами, оформил с ней брак и жил в семье родителей жены на Красной Пресне.

Анатолий Демин в результате длительной переписки установил неизвестное ему ранее местонахождение своей семьи, эвакуированной из какого-то прифронтового города, и собирался выехать к семье в Ташкент.

В Москве появился, возвратившись из эвакуации, профессор А. А. Гухман.

Только Семен Фарафонов, который из Челябинска возвратился домой, остался в Алма-Ате.

Словом, наша группа распалась на ходу. Поэтому вы, читатель, поймете, почему мы не стали сильно сопротивляться, когда в БТУ прохладно отнеслись к идее перепроектирования корпуса боевой машины и предложили в течение января-февраля 1944 года законсервировать работу над паросиловой установкой для танка до лучших времен. Это мы и сделали, возвратившись в Алма-Ату.

Совсем недавно, 19 ноября 1992 года, я прочитал в газете "Правда" следующие две выписки из "Книги рекордов Гиннеса":

- Самый первый автомобиль (на паровой тяге) построил в 1668 году бельгийский монах-иезуит Фердинанд Вербье. Идее ему подсказали Джованни Бранка, который опубликовал в 1629 году трактат о паровых турбинах, а также старинные манускрипты, которые рассказывали об "огненных телегах" в Китае в VIII веке до н. э.

- Самый древний из сохранившихся до наших дней автомобиль выставлен в одном из музеев Парижа. По сути дела это паровой трактор для военных нужд. Его построили в Парижском арсенале в 1771 году по чертежам Николя-Жозефа Кюньо.

История, как известно, развивается по спирали, иногда возвращаясь к прежним идеям, но на новом уровне. Наша группа (ОКГ) участвовала в одном из таких витков, возвратившись к старой идее на новом уровне. Этот уровень определяли малогабаритный высокопроизводительный котел конструкции Л. К. Рамзина, а также достижения науки и техники, соответствовавшие началу сороковых годов двадцатого столетия.

Возможно, через некоторое время спираль развития техники совершит новый виток, в результате чего будет создан пусть не танк, но современный трактор с паровой машиной.

Боря Резников
6 августа 1941 г.
перед отъездом
в училище связи.

Боря Резников - курсант
Красноярского военного
училища связи.
Январь 1942 г.

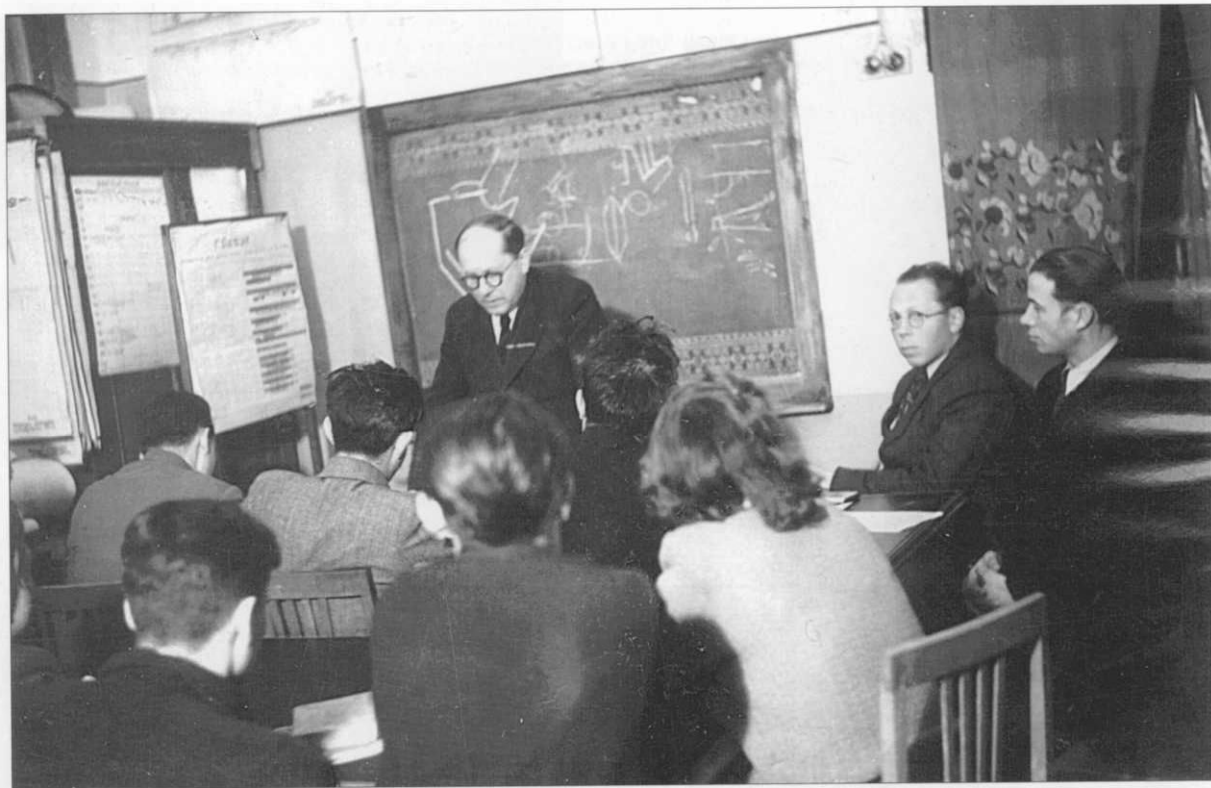
Лейтенант
Б. Резников перед
отъездом на фронт.
Красноярск,
31 августа 1942 г.

Старший лейтенант Б. Н. Резников
после ранения и выхода из госпиталя.
(1943 г., 23 июня)

Борис Резников после вручения
ордена Красной Звезды.
(Алма-Ата, март 1975 г.)

Заседание кафедры "Режущий инструмент" КИИ с рабочими - новаторами производства (ведет заседание профессор Н. И. Резников, 1950 г.).

Кафедра технологии машиностроения КИИ. 1-й ряд: доц. Е. А. Веретенников, асс. Н. А. Подлесова, доц. К. И. Морозов, зав. каф. доц. В. Ф. Совкин, доц. Г. В. Дембинский, доц. А. Н. Резников, ст. пр. Л. А. Чижов. 2-й ряд: инж. И. П. Лимонов, инж. В. В. Хвойницкий, доц. Д. Д. Папшев, ст. пр. А. В. Николаев, ст. пр. В. Ф. Севастьянов, инж. А. И. Салманов, инж. В. И. Пилинский, ст. лаб. М. Н. Волков.

Лева на даче «Студеный овраг». Лето 1953 г.

Лева, там же.

Марьяна Резникова, 1956 г.

О. Д. Бержигал, 1957 г.

Декан мехфака КИИ доцент А. Н. Резников с секретарем бюро ВЛКСМ Семеном Фишбейном (слева) и доцентом Н. Н. Пановым.

Инна и Белла, 1948 г.

Инна - студентка КИИ,
1960 г.

Инна с дочкой Олечкой,
1962 г.

Профессора - доктора наук на Всесоюзной конференции по резанию металлов. Москва, Политехнический музей, 1963 г. Слева направо: М. М. Ларин, С. С. Рудник, А. М. Розенберг, С. С. Четвериков, Г. И. Грановский, Н. И. Резников, М. Ф. Семко, А. Н. Резников.

"Золотая свадьба" (Б. А. и Н. И. Резниковы), 8 сентября 1964 г.

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ИСХОДНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Еще в середине 1943 года у меня появилась мысль готовить материалы и документы, которые позволили бы при удобном случае восстановиться в очной или заочной аспирантуре и завершить кандидатскую диссертацию. Эта мысль возникла, по-видимому, в связи с успешной защитой докторской диссертации отцом, о чем я упоминал выше.

Написал в Красноуфимск, куда был эвакуирован ХМ МИ, с просьбой выслать документ о сдаче кандидатского минимума, а также три томика-отчета по исследовательской работе, которые в начале 1941 года были сданы в научный отдел института (я писал об этих томиках в главе "Молодой специалист образца 1938 года"). В ответ получил справку о сдаче кандидатских экзаменов и письмо, в котором сообщалось, что мои отчетные материалы из Харькова не вывезены.

Тогда возникла мысль получить другие экземпляры отчета, а именно те, которые в феврале 1941 года были переданы в Бюро технических нормативов (БТН) в Москве. К сожалению, письмо в БТН, отправленное по довоенному адресу, возвратилось с пометкой, что по данному адресу этой организации нет. В Москву по делам службы ехал наш снабженец С. М. Каневский. Я попросил его выяснить, существует ли БТН, а если существует, то где находится. Со свойственными ему ответственностью и упрямством в выполнении поручений Каневский прорвался в Техническое управление Наркомата станкостроения СССР и выяснил, что БТН существует и находится в здании, расположенном в одном из переулков вблизи улицы Кирова (точный адрес я позабыл). Эти сведения были получены мною перед отъездом в командировку по маршруту Челябинск-Москва. Естественно, что вскоре после того, как Демин, Шпанько и я прибыли в Москву, я разыскал БТН и сделал попытку получить свои материалы. Не тут-то было! В книге регистрации корреспонденции за 1941 год наши отчеты упоминались. Однако ни в библиотеке, ни в архиве, ни в других отделах БТН их в натуре не оказалось. Персонал БТН за последнее время существенно сменился, поэтому никто ничего о работах, выполненных в Харькове в 1941 году, не знал. Словом, вновь тупик!

Когда я совсем было потерял надежду, кто-то из сотрудников БТН посоветовал обратиться к старушке, которая раньше работала в архиве, а теперь убирает помещения. Старушка вспомнила, что когда БТН, как и многие другие московские учреждения, готовили к эвакуации, архив запаковали в ящики. Эвакуация не состоялась, а БТН перевели в новое (нынешнее) помещение. Ящики распаковали, но одному из них не хватило места в тесной комнате архива, и его отнесли на чердак. Со свечами в руках полезли мы с этой милой женщиной на пыльный чердак. Действительно обнаружили там полуоткрытый ящик с литературой. В нем, запыленные и в паутине, нашли два из трех моих отчетов. Третьего, как ни искали, не нашли. Обтерев с находки пыль и убедившись, что текст и фотографии в неплохом состоянии, я пошел к директору бюро Е. П. Надеинской и попросил ее отдать мне эти материалы насовсем или на время для снятия копии. Директор категорически отказала в моей просьбе, ссылаясь на то, что отчеты являются исходными материалами для нормативов, выпущенных недавно. На мое резонное замечание, что об этих исходных материалах никто не знал и они могли служить разве что паукам и крысам, ответила: "Раз нашли, значит, они должны быть у нас, мало ли для чего понадобятся". (Который раз я столкнулся с принципом: "Лучше лишняя бумажка, чем лишняя неприятность!") Далее Е. П. Надеинская сказала, что отчеты будут сданы в библиотеку, а мне выделяют стол и если я хочу, то ежедневно в рабочее время могу переписывать материалы вручную.

Пришлось пойти по этому пути. Однако вскоре возникли трудности. Во-первых, из Бронетанкового управления нам удавалось уйти никак не раньше шестнадцати часов. Пока добирались до БТН, становилось уже почти семнадцать, а рабочий день в бюро заканчивался в 18.00. Следовательно, для копирования материалов оставался всего один час в день. Кроме того, заранее не было известно, когда БТУ откомандирует нас домой, и поэтому возникала реальная угроза не успеть скопировать текст полностью. Во-вторых, не ясно было, как скопировать документальные фотографии. Сделал попытку перерисовывать их на кальку. Ничего путного не получилось. Костя Шпанько попробовал представить фото в виде изометрических эскизов. Это тоже не дало результатов. Обозленные, мы, не сговариваясь, положили по томику отчета под гимнастерки и покинули негостеприимное Бюро технормативов. Как мне стало известно позднее, Е. П. Надеинская, узнав о пропаже, подняла шум, даже послала телеграмму моему отцу в Куйбышевский авиационный институт (они были знакомы) с требованием, чтобы я вернул "исходную документацию".

Между тем, просидев далеко за полночь, мы с Костей за два дня переписали текст и перечертили графики. В эти же дни Анатолий нашел какое-то небольшое фотоателье, в котором мастер брался сделать репродукции документальных фотографий в виде негативов на стеклянных фотопластинках. Правда, он потребовал за это дико спекулятивную оплату, в несколько раз превышающую преysкуранные расценки на фотоработы. У нас и денег таких не было! Но Анатолий не зря славился умением быстро и энергично решать сложные задачи. Оставив мастеру наши два томика, он договорился, что зайдет за заказом через три дня. Дальше все происходило по разработанному им сценарию. Мы зашли в маленькое помещение ателье, когда клиентов там не было. Анатолий попросил мастера (довольно плюгавого на вид человечка) принести оригиналы и пластинки. Оригиналы (отчеты) завернул в газету, отдал мне и, сказав, что я спешу, велел мне уходить. Затем взял коробку с негативами и подошел к окну якобы для того, чтобы просмотреть их на просвет. Посмотрел, сложил в коробочку и, не возвращая мастеру, сунул в карман шинели, а затем положил на прилавок сумму, соответствующую преysкуранной расценке выполненной работы. Когда мастер начал, как теперь говорят, "выступать", Анатолий и Костя, приблизившись к нему, пригрозили "дать по витрине", причем так серьезно, что плюгавый фотомастер счел за лучшее для себя не связываться с этими двумя здоровыми парнями в шинелях. Так что, дорогой читатель, и я когда-то участвовал в том, что нынче зовут рэкетом!

На другой день мы подошли к БТН и попросили вахтера передать Е. П. Надеинской пакет. Как вы понимаете, в пакете находились оба томика отчетов.

Итак, копия двух третей экспериментальной части работы уже была в моем распоряжении. Это было одновременно много и мало. Много потому, что до начала нашей детективной операции я вообще не имел ничего. Мало же потому, что без недостающей части отчета нельзя было представить все исследование в комплексном виде, как нужно для диссертации. О проведении новых исследований, заменяющих утерянные, не приходилось даже мечтать. Вскоре, однако, появился еще один лучик надежды. Я получил письмо от отца, в котором он, во-первых, выражал свое недоумение телеграммой Е. П. Надеинской, а во-вторых, сообщил, что в ХММИ обнаружили и выслали на его адрес один томик моего отчета, о чем сообщили из Красноуфимска. Посылка к моменту написания письма еще не пришла, поэтому какой именно из томиков обнаружен - неизвестно.

В двадцатых числах декабря 1943 года, завершив дела в Бронетанко-

вом управлении, мы выехали в Алма-Ату: Анатолий - через Ташкент, я - через Куйбышев. Костя должен был выехать после Нового года. В Куйбышеве я нашел своих родных по адресу: ул. Куйбышева, 129, кв. 6 и, с радостью обняв их, конечно, сразу же спросил о посылке из Красно-уфимска. В ответ отец вынес мне пакет, в котором, немного обгоревший и подмоченный, был недостающий до комплекта томик отчета! Окрыленный этим, я на следующей неделе обратился к директору Куйбышевского индустриального института (КИИ) Н. П. Воскобойникову с просьбой о зачислении аспирантом третьего года обучения для завершения диссертации. Н. П. Воскобойников обещал рассмотреть мою просьбу на заседании Ученого совета КИИ, согласовать с Наркоматом боеприпасов, которому институт был подчинен в те годы, а потом сообщить мне.

Встретив с родными Новый 1944 год, я выехал в Алма-Ату, не телеграфировав Беллочке, так как хотел преподнести ей сюрприз. Но сюрприз ожидал меня. Расскажу о нем подробно, сделав предварительно несколько замечаний.

В те времена поезд из Куйбышева до Алма-Аты шел почти неделю. Я ехал в плацкартном вагоне. Все, казалось, было хорошо, да и настроение у меня было хорошее. Но вот беда - трое из пяти остальных пассажиров купе дико (не подберу другого слова) храпели во сне. Надо же было сложиться такому ансамблю! Один заканчивал, другой начинал, а то и все трое брали аккорд "fortissimo", что в музыкальной терминологии обозначает "возможно более громко". В молодости я мог засыпать в любых условиях и при любом шуме. Исключение составляло храпение. Храп и до сих пор немедленно пробуждает меня и не дает заснуть. Чтобы вы поняли, насколько я чувствителен к храпу, приведу выдержку из письма, датированного 5 февраля 1970 года и отправленного Беллочке из Кисловодска, где я отдыхал и лечился.

"О дороге. В купе со мной находились дяденька средних лет и дамочка примерно моего возраста, пожелавшая ехать на второй полке. Они, хотя и не были знакомы друг с другом, быстро нашли тему для разговора ("Что нынче за молодежь?") и в разных вариантах обсуждали ее. Так что я, не вмешиваясь в беседу, к великому своему удовольствию за весь день сказал не более двух десятков слов и начал отдыхать еще в пути. Однако ночь была полна забот. Начать с того, что в нашем вагоне не было ни штор, ни занавесок. Поэтому спать ногами к окну было нельзя - путевые фонари резали светом по глазам. Пришлось спать головой к окну, но из окна дуло. Я решил спать в шапке. Вторая забота была связана с густопсовым храпением, издаваемым нашей соседкой. Она храпе-

ла так, что плохо укрепленный колпак потолочной лампы, который днем позвякивал только на стыках рельсов, теперь начал дребезжать непрерывно.

Сосед оказался храпоустойчивым. Я же пытался как-нибудь снизить интенсивность храповыделения, так как не мог заснуть. Я кашлял сначала тихо, потом громко. Чихал. Хрюкал. Посвистывал. Не помогало! Постучал туфлем по ее полке. Не помогло! Тогда рискнул еще на большее - дернул за край одеяла, которым была накрыта соседка. О счастье! Храп прекратился. Я скоренько нырнул на свое место, так как ясно представил, что она могла подумать, если бы, не дай Бог, проснулась и увидела молчаливого пассажира в зимней шапке и кальсонах, который стоит посреди купе и тянет с нее одеяло! К счастью, не проснулась, однако начала вновь повышать силу храпения. Помог мне случай. Машинист резко дернул состав, дама покачнулась, что-то залопотала и перевернулась на другой бок. Храп прекратился, и я заснул."

Теперь представьте себе, что концерт храп-ансамбля идет каждую ночь и непрерывно. В купе темно, читать нельзя, лежишь и наливаешься бессильным бешенством. В дневные часы я компенсировал недостаток сна, но не компенсировал раздражение, которое накапливалось день ото дня, вернее, ночь от ночи.

Поезд опоздал и пришел в Алма-Ату примерно в час ночи по местному времени. Трамваи уже не ходили, пришлось добираться до ул. Гоголя пешком, что тоже не улучшило моего настроения. Примерно в два часа ночи, наконец, я постучал в дверь комнаты общежития, которую, как писала мне Белла, она получила взамен квартиры после отъезда родителей в Куйбышев. В ответ на стук прошлепали босые ноги, и мужской голос, похожий на голос М. Д. Вайсмана, спросил: "Кого надо?" -Я ответил: "Резникова Белла Львовна здесь живет?" Видимо, мое крайнее раздражение, изменившее голос, или сонное состояние Вайсмана, ухудшившее его слух, привело к тому, что он, не узнав меня по голосу, ответил: "Здесь. А в чем дело?" "Телеграмма!" - прорычал я. Дверь открылась. Передо мной стоял Вайсман в кальсонах и майке. Бог знает, какие мысли, в каком количестве и с какой скоростью вертелись у меня в голове! Оттолкнув обалдевшего Вайсмана, я вошел в комнату. Вспыхнула лампочка под потолком, и все стало разясняться. Небольшая комната оказалась превращенной в мини-общежитие. У правой стенки стояла тахта, на ней - Беллочка и Маша Василенко, ее душевная подруга, у левой стенки - узкая кровать, возле которой стоял все еще обалдевший Вайсман. Вид его был столь комичным, что все мы расхохотались, хотя за минуту до этого мне было не до смеха, уверяю вас!

Оказывается, незадолго до моего приезда в общежитии был пожар, сгорело полкорпуса, чего я ночью не заметил. Семья Вайсманов, проживавшая в общежитии, как и многие другие, осталась без крыши над головой. Студентов в уцелевшей части общежития уплотнили, заняли комнату, где жила Маша Василенко, а Вайсманам дали столь маленькое помещение, что в нем не удалось поставить кровати для всех. Беллочка, которая жила в комнате одна (к счастью, в крыле здания, которое не сгорело), решила забрать Машу и Михаила Дмитриевича к себе.

Через день-два все устроилось - Вайсману нашли место, а Маша продолжала жить в нашей комнате. Эта комната вообще была своеобразным клубом, в котором по вечерам собирались близкие нам люди - коллеги и знакомые. До сих пор не могу понять, как на тахте, сделанной из обычного пружинного матраса, одновременно размещались 8-9 человек. Это было возможно, по-видимому, вследствие малых габаритов, свойственных всем нам в голодное военное время, и большого умения уживаться на малой площади. В "клубе" обсуждались любые проблемы, были шутки и юмор, разрешалось пропагандировать все, кроме пессимизма.

В начале февраля 1944 года я получил из КИИ сообщение о зачислении аспирантом и письмо в адрес директора КазСХИ с просьбой откомандировать меня в аспирантуру в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР № 719 от 2 июля 1943 года. Я уже писал в главе, посвященной брату Боре, что этим постановлением всем предприятиям и учреждениям было предписано в месячный срок откомандировывать лиц, зачисленных в аспирантуру, по месту учебы. После ряда трудностей, связанных с получением разрешения на отъезд, самим отъездом и дорогой, мы с моей дорогой супругой 20 марта 1944 года прибыли в Куйбышев. Начался новый этап нашей жизни.

РАДОСТЬ ПОБЕДЫ СМЕНЯЕТСЯ МУТНОЙ ВОЛНОЙ "БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ"

Последний год Отечественной войны и первые послевоенные годы наша семья жила, испытывая те же трудности, которые испытывали и другие люди. Трехкомнатная квартира, предоставленная отцу в

1944 году, не отапливалась. Поэтому в зимнее время одна из комнат была превращена в склад топлива и кладовую скудных припасов - картофеля и капусты, вторая комната пустовала - в ней стояли только тахта и стол. На тахте ночевали мы с Беллочкой. За столом в теплом пальто, валенках, перчатках с отрезанными пальцами и шапке, по вечерам и ночам я работал над кандидатской диссертацией. Все остальные члены семьи помещались в третьей комнате, где была установлена круглая железная печка ("буржуйка"), дымовая труба от которой выведена в форточку. Трудно было и с питанием. Помню, однажды родители по какому-то случаю пригласили в гости соседей - профессора Кнорре с супругой. Было подано шикарное по тем временам угощение - мелкая отварная картошка с подсолнечным маслом.

Несмотря на трудности быта, настроение у всех было оптимистическое, каждый работал в полную силу. Были радости, были удачи. Согревали душу сообщения об успехах нашей армии на фронтах войны. Неопишуемой радостью было сообщение о Победе! Накануне по городу уже бродили слухи о том, что будет передано сообщение о капитуляции фашистской армии. Мы не ложились спать, слушали радио. Однако передачи закончились в час ночи (по московскому времени 24.00), и никакого сообщения не было. Мы легли спать. В три часа ночи нас разбудил голос Левитана, читавшего по радио долгожданное сообщение. Войне конец!!! Все вскочили, смеялись и плакали, радуясь Победе! Радость была так велика, что ее было необходимо разделить с другими людьми. Все оделись, включая Инночку, вышли на улицу Куйбышева. Улица уже была полна народу, люди все прибывали. Приходили с гармошками, бутылками вина. Незнакомые люди поздравляли друг друга, обнимались. Мы побежали в КИИ, расположенный на той же улице. Из окна химического корпуса института был выставлен огромный репродуктор, и кто-то все время передавал веселую музыку, танцы, на улице танцевали. Впечатления той ночи и следующего за ней дня невозможно забыть, как невозможно и изменить им!

Кроме общей для всех радости Победы были, если так можно сказать, частные радости в нашей семье. По хронологии их надо расположить в следующем порядке. Вскоре после дня Победы, а именно 28 июня

1945 года, в Совете Московского автомеханического института я защитил кандидатскую диссертацию. Во второй половине года Указом Президиума Верховного Совета СССР отец был награжден двумя орденами: Трудового Красного Знамени (по представлению Наркомата авиационной промышленности СССР) и Красной Звезды (по представлению Наркомата боеприпасов СССР). Так была отмечена огромная работа, выпол-

ненная им по становлению кафедр "Резание металлов" в Куйбышевских авиационном и индустриальном институтах (в последнем он был заведующим кафедрой по совместительству), а также активная деятельность по повышению производительности процессов механической обработки материалов на предприятиях. Брат Боря был награжден (в дополнение к полученным ранее "За боевые заслуги" и "За оборону Сталинграда") медалью "За победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", а мы с мамой - медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

В 1947 году (30 июня) Беллочка защитила дипломный проект и получила квалификацию инженера-механика. Война все время выбивала ее из ритма учебы: начинала она студенткой Харьковского института текстильного машиностроения, потом была студенткой факультета механизации Казахского сельхозинститута и, наконец, завершила высшее образование на мехфаке КИИ. По окончании института осталась старшим лаборантом на кафедре "Технология машиностроения" КИИ, где проработала три года.

В июле 1947 года меня утвердили в ученое звание доцента по кафедре "Режущий инструмент". В те годы я увлекался общественной деятельностью, был избран председателем месткома профсоюза КИИ.

Мама работала заведующей терапевтическим отделением поликлиники № 1 обл здравотдел а. Под этим наименованием подразумевалась санчасть для высокого партийного начальства Куйбышева и области. Это была трудная работа, прежде всего из-за особенностей контингента больных.

Брат Боря успешно учился в Куйбышевском авиационном институте (КуАИ). В Куйбышеве, как я писал выше, уже жили Ольга Давидовна, Муса и ее дочь Сусанна.

К радостям семьи в эти годы, безусловно, можно отнести выход в свет книги под названием "Учение о резании металлов" - фундаментального учебника для вузов (объемом около 40 печатных листов), написанного отцом. По мнению многих специалистов, эта книга удачно систематизировала большое количество отечественных и зарубежных работ по резанию металлов, содержала оригинальные исследования самого автора, намечала перспективы развития отечественной науки. Книга была очень хорошо встречена инженерной и научной общественностью, ее часто цитировали в технической литературе, на нее ссылались в докладах и статьях.

В те годы весь народ был охвачен энтузиазмом послевоенного восстановления страны и дальнейшего ее развития. Свой вклад в это благо-

родное дело вносила и наша семья. Но Сталиным уже была задумана новая волна репрессий. На сей раз эта мутная волна готовилась и проводилась под лозунгами борьбы с "иностранщиной" и "безродным космополитизмом", а замешана она была на изрядной доле антисемитизма. Я уже писал об убийстве выдающегося актера Михоэлса. Думаю, что была дана негласная команда (а может, когда-нибудь в архивах найдутся и далеко спрятанные документы на эту тему) об устранении лиц еврейской национальности с руководящих должностей. Приведу лишь один пример.

В начале войны из Москвы в Куйбышев был эвакуирован подшипниковый завод, получивший название 4ГПЗ. Героическая эпопея перемещения завода и его становления на новом месте прекрасно описана в книге Евгения Астахова "Жизнь прожить", изданной в Самаре в 1991 году к пятидесятилетию предприятия. Во время войны и в послевоенные годы коллектив 4ГПЗ возглавлял талантливый организатор Яков Соломонович Юсим, в свое время стоявший в одном ряду с такими новаторами производства, как Стаханов, Бусыгин, Сметанин и другие. Еще в довоенное время молодой инженер Юсим пошел бригадиром штамповщиков в кузнечный цех, чтобы показать, как можно резко повысить производительность труда и "расшить" одно из узких мест на заводе. В течение нескольких лет Я. С. Юсим прошел путь от бригадира штамповщиков до директора крупнейшего, передового в отрасли подшипникового завода. Далее привожу цитату из книги Евгения Астахова:

"В начале лета 1950 года Я. С. Юсим был освобожден от должности директора 4ГПЗ решением министра как допустивший ошибки в расстановке и использовании кадров. Сугубо бюрократическая формулировка, за которой не стоит ничего конкретного. Что касается меня, то не могу не заметить следующее: пятидесятые годы - это начало печально известной кампании по искоренению из нашего общества "безродных космополитов", затеянной Сталиным на излете его зловещей деятельности. В годы войны и после окончания ее среди инженерно-технического персонала завода работало значительное число представителей еврейской национальности. Это могло сыграть и наверняка сыграло роковую роль в судьбе Я. С. Юсима. Ладно, что обошлось лишь отстранением от должности. По нравам тех темных времен, отмеченных "делом врачей" и другими средневековыми игрищами, могло произойти все, что угодно."

Зловещая кампания по "борьбе с иностранщиной и космополитизмом" чувствительно ударила и по нашей семье. Я уже писал, что в конце 1948 года без всяких на то оснований была арестована и отправлена в лагерь Ольга Давидовна, Беллочкина мама. Под надуманным предлогом

заведующий Куйбышевским обл здравотдел ом Касаткин, который только недавно выносил маме благодарности за добросовестный труд, 21 июля 1949 года снимает ее с должности заведующей терапевтическим отделением поликлиники № 1. Мама обращается в обком профсоюза медицинских работников, и тот под давлением фактов принимает решение о незаконности увольнения, требует от Касаткина отмены приказа. Более полугода тянется это дело, пока, наконец, приказ отменяется в обмен на уход мамы из санчасти партактива "по собственному желанию". С той поры и до 70 лет, когда она ушла на пенсию, мама работала врачом-терапевтом в палате патологии роддома № 1, спасла жизнь и здоровье многим женщинам и их новорожденным детишкам.

В октябре 1949 года мы отмечали 60-летие отца. Как нарочно, именно в эти дни "Литературная газета" опубликовала явно инспирированную статью профессора Шаумяна "На коленях перед Тейлором", в которой резкой, несправедливой, но выдержанной в духе времени критике подверглась книга отца "Учение о резании металлов". Автор статьи обвинял отца в упоминании и цитировании многих трудов иностранных ученых. В частности, гнев Шаумяна вызвало то, что после рассмотрения пионерских работ русского ученого И. А. Тимэ в книге было написано: "Новое направление наука о резании получила в связи с работами Ф. Тейлора (1880-1905). Уделив известное внимание вопросам, поставленным Тимэ, - стружкообразованию и усилию резания - Тейлор центром своей работы сделал исследование вопроса о скорости резания и стойкости режущего инструмента". "Как можно говорить о каких-либо исследованиях Тейлора, - возмущался Шаумян, - если предложенную им систему организации труда Ленин назвал "погогонной"?" (Тейлор проводил исследования не только по резанию металлов, но и по организации труда.)

Дальше - больше. Отец, упоминая комплекс исследований, выполнявшихся в СССР по единому плану, писал: "Надо думать, что результаты этих работ явятся наиболее крупным вкладом в мировую науку о резании металлов". "Какая может быть мировая наука, - вопрошали его оппоненты (не помню, то ли Шаумян, то ли кто-то из выступавших при обсуждении статьи), - наука может быть только капиталистической или социалистической, мировой науки нет и не может быть!"

Отвлекаясь, напомним анекдот, имевший хождение после того, как Н. С. Хрущев в шестидесятые годы разделил единые обкомы партии на обкомы по промышленности и по сельскому хозяйству. Один еврей, говорилось в анекдоте, пришел в синагогу и попросил службу вызвать раввина. "Какого тебе раввина, - спрашивает служба, - по промышленное-

ти или по сельскому хозяйству?" Такой же смысл, как разделение равнин, а скорее всего еще меньший со значительно худшими последствиями, имеет дифференциация общечеловеческой мировой науки по партийному, социальному или территориальному принципу.

Профессор Шаумян, специалист по механике станков, в этой статье показал себя недюжинным "специалистом" по животноводству. Издавна производительность процесса резания при заданном припуске на обработку и прочих неизменных условиях характеризовали объемом стружки, снятой в единицу времени. Больше снял стружки, значит, быстрее работал, больше продукции сделал! Об этом написал и отец. "Характеризовать производительность процесса резания объемом снятой стружки, - возражал Шаумян, - так же неправильно, как объемом навоза, вывезенного с фермы, характеризовать удои коров!" Что скажешь на эту сентенцию?

Прошу прощения, уважаемый читатель, что при рассмотрении упомянутой выше статьи мне пришлось немного затронуть чисто технические вопросы. Но без этого нельзя было показать, сколь вздорной и тенденциозной она была. Прочитав статью первый раз, мы с отцом улыбнулись и решили не отвечать на эту чепуху. Однако дело было не так просто! В те времена статья в газете, да еще в центральной, была не просто публикацией, а "сигналом". "Сигнал" требовал обсуждения, причем не могло быть и речи о том, что газета не права. В обсуждении, как правило, принимали участие либо партийные функционеры, либо реакционные хулители критикуемого, иногда сводившие личные счёты под предлогом борьбы за идею, либо те, и другие вместе. Критикуемому полагалось каяться и кланяться, а затем униженно согласиться с решением, которое было в принципе заранее согласовано с вышестоящими организациями.

Так было и со статьей Шаумяна. Правда, обсуждение в КуАИ и КИИ прошло по-разному. На совете КуАИ оно прошло сравнительно интеллигентно, если не считать, конечно, дежурных фраз о преклонении перед иностранщиной и аналогичных им. Дело в том, что в ту пору в Совет КуАИ входил ряд серьезных ученых, в том числе и с авиационных предприятий, которые, конечно же, понимали всю надуманность и вредность "борьбы с космополитизмом", но не имели мужества выступить против официальной партийной позиции. Поэтому хоть и выступали в поддержку автора статьи, но не очень активно и резко.

По-другому прошло обсуждение в КИИ. Секретарем парткома в ту пору была А. Г. Киселева, для которой слово партии было большим законом, чем закон Божий для верующего. Тогда ей было около пятидесяти-

ти лет от роду. Киселева всегда ходила в простых темных платьях или костюмах, нескладно сидевших на ней. Происходила из рабочих, сама начинала трудовой путь работницей. Всю свою молодость и жизнь отдала работе в партийных организациях, поэтому не успела ни получить среднего образования, ни сложить семью. Точно знала все правила и партийные законы, считала себя вправе выступить на любом совещании (включая заседание Ученого совета) с "авторитетным мнением" и указаниями. В учебных заведениях не работала, поэтому многого не знала, но умела привлекать себе в помощь квалифицированных сотрудников института и жестко проводить "партийную" линию. За пределами партийной работы, впрочем, Киселева была одинокой, уставшей, стареющей женщиной, и ее человечески было даже немного жаль. Киселеву прислали в институт секретарем парткома из райкома, поскольку в парторганизации КИИ не нашлось своей кандидатуры на эту штатную должность.

Киселева организовала обсуждение статьи Шаумяна по всем правилам: на заседании Ученого совета КИИ и на собрании сотрудников и студентов механического факультета. Докладчиком вызвался быть доцент Г. В. Дембинский, о котором скажу несколько слов. Дембинский всегда был одет в темный засаленный костюм. Лицо имел длинное, худое, на одном глазу - бельмо. Руки узловатые, всегда с трещинами и ранками, поврежденными ногтями. Он был владельцем довольно большого дачного участка, которому уделял большое внимание. Все положенные ему занятия просил назначать только в два дня недели, в эти дни работал в институте без перерыва по 10-12 часов. Зато остальные дни проводил на своем участке, выращивая овощи и фрукты, которыми лично торговал на рынке.

В нынешние дни тоже есть достаточное количество преподавателей, занимающихся коммерцией, причем торгующих не только на рынке, но даже в институте. Так что теперь Дембинский был бы из числа обычных бизнесменов, тем более, что он торговал тем, что производил своим трудом, трудом своей семьи и сезонных рабочих, которых поднимал. Но в те времена многих студентов и коллег-педагогов шокировало, когда они встречали на рынке доцента, продающего по стаканчикам клубнику или смородину. Естественно, что участие в коммерции снижает активность сотрудника в методической и научной работе кафедры. Но если сейчас, в трудные времена экономического кризиса, этому можно искать (не говорю - найти!) какое-либо оправдание, то в те годы, когда зарплата научных работников была сравнительно высокой, а моральный настрой общества - другим, чем сейчас, оправдания деятельности Дем-

бинского не находилось, на что намекал ему и отец.

Г. В. Дембинский заведовал кафедрой до прибытия отца в Куйбышев, звание доцента получил без ученой степени, план работы над кандидатской диссертацией переписывал из года в год, не выполняя. При изложенных выше обстоятельствах трудно было ожидать теплого отношения с его стороны к отцу, и понятно, почему, завершив свой разгромный доклад на Совете КИИ, Дембинский предложил ходатайствовать о лишении отца ученой степени доктора наук и звания профессора. Однако, несмотря на еще одно-два резких выступления, Совет не пошел на это предложение, в решении ограничился общими рассуждениями и рекомендациями.

Отец очень тяжело перенес обсуждение на Совете КИИ; придя домой, даже на некоторое время потерял зрение, которое, к счастью, быстро восстановилось после того, как мама дала ему успокоительные лекарства. Мрачнее тучи, он сидел в своей комнате, что-то писал, зачеркивал, писал вновь. Затем состоялось собрание студентов и сотрудников мехфака КИИ.

Большая аудитория, где проходило собрание, была переполнена. Сообщение сделал тот же доцент Дембинский, но в несколько менее резких тонах, чем на Совете. Затем слово было предоставлено отцу. И тут собрание пошло совсем не по стандартному сценарию. Отец, собравшись, спокойно и логично показал всю надуманность предъявленных ему обвинений, зачитал ряд цитат из учебника, демонстрирующих его уважение и высокую оценку роли отечественной науки, свое участие в ней, словом, не "каялся и кланялся", а активно оборонялся, защищая свою честь и достоинство в глазах молодежи. По окончании его речи студенты устроили овацию. Поскольку собрание явно пошло не по задуманному сценарию, организаторы поспешили его закрыть, даже не успев толком принять какую-либо резолюцию. "Скандал" стал известен всему институту.

Через день состоялось заседание парткома КИИ, на котором рассматривали мое персональное дело. Мне были предъявлены два обвинения. Первое - что я, читая лекции по теории резания, рекомендовал студентам учебник, написанный отцом, а не критиковал его. Второе - что я не оказал влияния на беспартийного отца, в частности, не удержал его от выступления на собрании мехфака. Партком вынес мне строгий выговор с занесением в учетную карточку, постановил вывести из состава и освободить от обязанностей председателя местного комитета института. Многие члены парткома, голосуя за это решение, не могли посмотреть мне в глаза, а старый большевик, заведующий кафедрой истории партии

Иван Осипович Потапов после заседания отозвал меня в сторонку и сказал: "Ты не обижайся на партию. Так надо! Через год взыскание снимут!" - и грустно улыбнулся.

Мне не известно, проходило ли обсуждение статьи Шаумяна в других вузах. Знаю только, что в Москве состоялось собрание специалистов по резанию металлов, в котором приняли участие работники вузов и производства. С докладом выступал Г. А. Шаумян. Его поддержали несколько человек, главным образом секретари парткомов вузов. Но были и выступления против. В частности, выступил профессор Василий Александрович Кривоухов, заведующий кафедрой Московского авиационного института, один из корифеев отечественной науки о резании металлов. Профессор Кривоухов, как по внешности, так и по мышлению, был истинно интеллигентным человеком. Типично русскими чертами лица, обрамленного большой гривой седых волос, мощной фигурой, широкими жестами, Василий Александрович производил на каждого, кто с ним знакомился, впечатление монолитности, надежности и фундаментальности. Это впечатление было особенно сильным, когда с В. А. Кривоуховым мы познакомились еще до того, как он ушел в МАИ, а был заведующим кафедрой в Бронетанковой академии, ходил в военной форме с ромбами в петлицах. Но только те, кто с ним общался непосредственно, знали, что фундаментальная внешность профессора сочетается с доброжелательностью, честностью и высокой интеллигентностью. И уж совсем узкий круг знакомых знал, что на стенах квартиры, в которой жил профессор, висело большое количество удивительно красивых картин и этюдов с изображением природы Подмосквья. Эти картины, писанные маслом, принадлежали кисти Василия Александровича.

Мне рассказывали, что на совещании В. А. Кривоухов выступил с принципиальной, честной и откровенной речью, высказал резко отрицательное отношение к статье Шаумяна и ее автору. Вслед за ним выступил еще кто-то, обративший внимание собравшихся на то, что в книге Г. А. Шаумяна, вышедшей почти одновременно с учебником отца, дана высокая оценка исследованиям Тейлора и использованы его формулы, о чем автор статьи, по-видимому, "забыл". Шаумяна обвинили в карьеризме, поскольку статья была написана накануне выборов в Академию наук СССР, когда на вакансию члена-корреспондента он выставил свою кандидатуру. (Кстати, при выборах академики проголосовали против Г. А. Шаумяна, в чем, думаю, немалую роль сыграла его статья.)

Словом, московское собрание ученых оказалось не победой, а поражением Г. А. Шаумяна и газеты. Об этом я вспоминаю всегда, когда нынче говорят о постоянном молчаливом согласии людей со всеми лозунга-

ми, которые выдвигало руководство страны. История со статьей Шаумяна и реакция на нее со стороны научной общественности Москвы является хоть и маленьким, но примером того, что это не всегда было так.

Однако вредное дело статья Шаумяна сделала. Все библиотеки получили указание изъять из обращения книгу отца, и ее реабилитировали только спустя многие годы, когда труд в известной мере устарел, а то и просто исчез из библиотечных фондов.

Отец ушел из КИИ, сосредоточив свое внимание только на работе в КуАИ.

Для меня эта история, порядком потрепавшая нервы всей семье, имела, однако, и некоторый положительный эффект. Бросив общественную работу, я решил всерьез переключиться на научные исследования и укрепление связей с машиностроительным производством.

САМЫЙ МОЛОДОЙ ИЗ ТРЕХ ДЕКАНОВ

ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Так уж сложилось, что отец, брат Борис и я были деканами факультетов в различных вузах и в разные годы. Отец - деканом механико-технологического факультета Харьковского института с 1929 года, Борис - факультета механизации Казахского сельскохозяйственного института с 1974 года, а я - механического факультета Куйбышевского индустриального института с 1951 года. Отец стал деканом в возрасте 40 лет, работал в этой должности 2 года, Боря - соответственно в 51 год и 8 лет, я - в 36 и 9 лет.

Тот из читателей, кто обратит внимание на год начала моей работы деканом, пожалуй, удивится. На пороге пятидесятих годов по указаниям из центра подспудно нагнеталась атмосфера антисемитизма, которая в 1953 году взорвалась в виде небезызвестного "дела врачей". Мое назначение пусть на невысокую, но все же руководящую должность удивило многих, в том числе и меня. Тем более, что я еще помнил персональное дело, связанное с "преклонением перед иностранщиной", и хотя партийное взыскание к этому времени было снято, упорно сопротивлялся новому назначению.

Причин, по которым руководство института решило сделать меня де-

каном, было, пожалуй, две. Первая из них - состояние учебной и трудовой дисциплины на мехфаке. В среднем одна неудовлетворительная оценка приходилась на каждого третьего студента - вещь невиданная в те годы. Значительную часть остальных оценок составляли "тройки". Студенты напропалую пропускали занятия. К тому же если в Ленинском районе города, в котором располагался институт, кому-нибудь, извините, набили морду, то с высокой степенью вероятности можно было утверждать, что в этом "благородном деле" не обошлось без участия студентов-механиков КИИ. Институт резко критиковали за мехфак, в том числе на городских и областных партийных конференциях и всяких пленумах.

Руководители вуза сделали попытку обновить руководство факультета. Сначала сняли декана, назначили другого. Не помогло. Тогда решили, что дело не в декане, а в заместителе, заменили его. Опять не помогло. Наконец, сняли нового декана, так как положение обострилось с каждым днем.

Вторая причина, по которой решили мне вручить бразды правления на мехфаке, состояла в том, что в 1950-1951 гг. я уже содействовал выходу из незавидного положения одной из институтских организаций - студенческого научного общества (СНО), за слабую работу которого КИИ подвергали критике в прессе и устно. Решив в 1949 году, как уже писал выше, углубиться в научные исследования, я организовал заключение договоров между кафедрой и предприятиями (4ГПЗ, 9ГПЗ) и привлек к работе над совершенствованием режущих инструментов довольно много способных студентов мехфака. Мы создали дружную группу, в деятельности которой принимали участие и некоторые преподаватели кафедры (например, П. Г. Терликов). Группа вошла в СНО и постепенно возглавила его работу. К нам начали тянуться студенты других факультетов. Оказалось, что на кафедрах и в лабораториях КИИ под руководством преподавателей работают способные ребята, но они разобщены и поэтому незаметны. Мы решили показать "товар лицом". Больше двух недель в свободное время мастерили, писали, клеили, строгали, привлекли лучших художников-студентов, и осенью 1951 года в одной из аудиторий химического корпуса (он тогда был центральным) открыли выставку "Студенты КИИ - науке и производству". Выставка смотрелась очень хорошо, на ней были модели, экспонаты (в том числе действующие), реальные дипломные проекты и т. д. Как говорят теперь, выставка "имела хорошую прессу", авторитет СНО института возрос. Директор института В. С. Козлов (заменивший на этом посту Н. П. Воскобойникова), очень способный научный работник, хотя и посредственный администратор

(об этом я еще расскажу в дальнейшем), заметил мое активное участие в деятельности СНО.

Так или иначе, но после длительного давления руководство института заставило меня взяться за работу на факультете. Правда, через несколько лет я узнал, что отдавая дань времени, видимо, по подсказке "директивных органов", приказом по КИИ меня назначили не деканом, а исполняющим обязанности декана. Вроде бы есть декан нежелательной национальности, и вроде нет его.

Приняв на себя обязанности декана, я попытался определить, по какому пути следует пойти для улучшения ситуации. Сразу отбросил чисто административные методы воздействия на студентов. Во-первых, они не в моем характере, а во-вторых, опыт предыдущей работы привел меня к заключению, что это очень ненадежный способ управления любым коллективом. Некоторые вузовские руководители разного ранга применяют административные методы и до сих пор, поскольку видят в студентах прежде всего ловкачей и бездельников, главная задача которых - с наименьшими усилиями, а если удастся, то и вовсе без таковых, получить заветные корочки диплома. Эти руководители убеждены, что если бы на второй день после поступления в институт студентам сказали: "Ребята, вы пять лет погуляйте, потанцуйте, побудьте где-нибудь, а потом приходите, - и мы выдадим вам дипломы!" - то многие бы согласились. Ну, а если уж не совсем так, то студенты, несомненно, действуют по поговорке, якобы распространенной в их среде: "К дню окончания института лучше иметь красную физиономию и синий диплом, чем синюю физиономию и красный диплом". Понимается, что красная физиономия свидетельствует о здоровье и небольшой краске стыда за "успехи" в учебе, а синяя - это физиономия труяги-отличника, отдающего учебе все силы и здоровье. Что касается цвета диплома, то общеизвестно, что красный - это диплом с отличием, а синий - при любых других, даже весьма скромных, успехах.

Спору нет, среди разношерстной студенческой массы есть определенная прослойка таких, которые соответствуют приведенному выше описанию. Они учатся в институте не потому, что ищут необходимые знания как залог будущего положения в обществе, а потому, что институт освобождает от службы в армии, или потому, что так хотят родители, или еще по чему-либо. Удельный вес и авторитет этой части студенчества в остальном коллективе зависит не только от персональных качеств этих индивидуумов. Он в значительно большей степени зависит от атмосферы общения, существующей в данном учебном заведении, на факультете или в группе. Чем меньше педагогический коллектив видит в

каждом студенте личность, достойную уважения и внимания, тем больше, как правило, студентов, манкирующих учебным процессом, и наоборот. Всем хорошо известно, что на каждом курсе или в каждом потоке есть активные, хорошо успевающие и дисциплинированные группы, а есть разболтанные и слабоуспевающие. Казалось бы, и состав групп примерно одинаков, и другие статистические данные схожи, а результат разный. Для меня нет сомнения в том, что разница зависит от атмосферы, сложившейся в группе.

Для студентов "с красной физиономией" институт - это здание с партами, досками и другим оборудованием, но отнюдь не Alma mater (в буквальном переводе с латыни - "кормящая мать"), как любовно и ласково раньше называли студенты свои университеты, дававшие им духовную пищу. А если институт или факультет не Alma mater, то и нет нужды беспокоиться о его добром имени. В лучшем случае достаточно защищать спортивную честь своей команды. Если институт или факультет не Alma mater, то нечего гордиться принадлежностью к нему, оберегать и собственную честь, чтобы тем самым оберегать честь корпорации.

Мне стало ясно, что надо поднять патриотизм студентов по отношению к факультету, надо чтобы студент говорил с гордостью: "Я - механик!" Однако было также ясно, что сделать это силами одного деканата невозможно. Это могут сделать только сами студенты, если они будут хозяевами на факультете. Так я пришел к крамольной по тем временам (а для некоторых и сегодня) мысли, что делами факультета должны во многом заниматься студенты. Для того, чтобы так получилось, необходимо, во-первых, отдать студенческим организациям некоторые права и функции деканата, а во-вторых, привлечь их к участию в повседневных делах факультета, включая организацию учебного процесса.

Расскажу, как я начал практически реализовывать эти мысли. В наше время не является новостью участие студенческих организаций в назначении стипендий, хотя и сейчас часто списки стипендиатов составляет деканат, тем более, что в них включают теперь почти всех студентов. В те же времена, о которых я веду речь, стипендию давали, как правило, студентам, имевшим отличные и хорошие оценки, лишь очень небольшое количество стипендий выделяли тем, кто имел "тройки". Решал этот вопрос только деканат.

Я начал работать в деканате с декабря 1951 года, когда приближались сроки назначения стипендий по итогам зимней экзаменационной сессии. Мне удалось договориться с дирекцией и бухгалтерией института, что временно, сроком на один семестр, факультету будет увеличено количество стипендий для студентов с "тройками", тем более, что общий

стипендиальный фонд мы использовали не полностью. Затем попросил собрать студенческое профбюро и предложил профсоюзу принять на себя всю "кухню" назначения стипендий, включая составление списков. Обещал, что никакие коррективы в списки, составленные профбюро, вносить не буду. Но попросил, чтобы, во-первых, назначали стипендии по совести, в первую очередь тем, кто в них действительно нуждается; во-вторых, чтобы предупредили студентов, которые, по мнению профбюро, могут учиться лучше, что в следующий раз при посредственных успехах им стипендии не будет.

Профсоюзное бюро, которое до этого занималось главным образом тем, что собирало членские взносы и поэтому никаким авторитетом у студентов не пользовалось, со всей серьезностью взялось за новое ответственное поручение. Я всячески поддерживал их авторитет, не принимал никаких жалоб или ходатайств по поводу назначения стипендий, адресуя всех жалобщиков и ходатаев к профбюро. Студенты почувствовали силу профорганизации и начали относиться к ней с уважением. Поэтому, когда нужно было направить несколько групп на весеннюю очистку улиц, деканат не стал этим заниматься, а поручил профбюро, и оно впервые за несколько лет без всякого шума вывело студентов на работу. Факультет был в положительном смысле отмечен в приказе по институту. В копилку авторитета механиков был сделан первый взнос.

Продолжая ту же линию, я решил передать в руки студентов подготовку предложений о распределении молодых специалистов на места работы по окончании института. Надо сказать, что в течение многих лет до этого сохранялся один и тот же глупейший порядок распределения выпускников. План распределения молодых специалистов приходил в институт из Москвы задолго до начала распределения, но, как правило, сохранялся в тайне. На заседание комиссии, назначавшей на работу, выпускников вызывали по алфавиту.

Представлю картинку, как говорят, почти с натуры. В кабинет директора, где заседает комиссия, заходит ладный, крепкий и неженатый парень. Поскольку комиссия заинтересована в выполнении плана (за невыполнение директор будет иметь неприятности), выпускнику предлагают сначала одно из самых дальних и невыгодных мест работы, ну пусть, например (условно), Верхний Уфалей Челябинской области. Студент и названия-то такого раньше не слышал, да и не понимает, зачем в такую глушь нужно посылать инженера-механика. Он яростно сопротивляется, приводит разные доводы, в большинстве своем неосновательные. Комиссия пропускает его доводы мимо ушей, уговаривает парня, наконец, предлагает ему место чуть поближе, какой-нибудь Саракташ

Оренбургской области, тоже малоизвестный пункт. Парень отказывается, так как знает, что есть места получше. В самом деле, перед ним заходил в комиссию сокурсник, который получил назначение в Ульяновск. Но парень не знает, что по поводу сокурсника директору института позвонил некто и попросил. Может быть, парень и догадывается об этом, но у него нет такого "некто". Поскольку выпускник продолжает отказываться, ему определяют назначение в Саракташ и предупреждают, что он все равно поедет туда под воздействием прокуратуры.

Следом в комиссию заходит девушка, допустим, Иванова (здесь и далее фамилии названы условно). Ей предлагают место "более или менее". Она спрашивает только, сколько на это предприятие требуется выпускников и, узнав, что два, сразу соглашается. Бедное дитя, она переживает тяжелые часы своей молодой жизни. Количество мест девушку интересует только потому, что ей обязательно нужно попасть в один город с выпускником Петровым. Они дружат, он ей очень нравится, но объявить об этом комиссии официально она не может, тем более, что Петров с ней окончательно не объяснился. А у него такая далекая буква в алфавите! Займут или не займут второе место до того, как вызовут Петрова? По тому, как через некоторое время горько плачет Иванова в коридоре, можно понять, что место занял какой-нибудь Николаев. Рушатся у девушки все надежды! Можно предвидеть, что будет в дальнейшем. Придут Иванова с Николаевым в чужой город, никого, кроме друг друга, не знают. Погрустят, погрустят и поженятся. Наживут одного-двух детей и разведутся, потому что Иванова всю жизнь думает только о Петрове, а он далеко.

Сопровождаемое человеческими драмами и трагедиями распределение одной группы студентов идет целый рабочий день. Все устали, измотаны, поломаны некоторые судьбы, но план выполнен! И так день за днем, год за годом.

Плановое распределение молодых специалистов имеет важное достоинство - выпускник вуза не может пополнить собою отряд безработных, как это случилось, например, с рядом молодых специалистов в 1992 году, когда обязательное распределение было отменено. Однако у распределения в том виде, как оно происходило в начале пятидесятых годов в КИИ, были существенные недостатки. Во-первых, конечно, ломка судеб некоторых выпускников, что я попытался проиллюстрировать приведенным выше примером. Во-вторых, оно не стимулировало у студентов желание учиться возможно лучше, поскольку от уровня успеваемости не зависело лучшее или худшее место работы, на которое назначался выпускник.

Размышляя над плюсами и минусами тогдашней системы распреде-

ления молодых специалистов, я, новоиспеченный декан, и только что избранный секретарь партбюро М. К. Клебанов решили попытаться воспользоваться положительными ее сторонами и ослабить недостатки. С этой целью деканат получил в отделе кадров института план очередного распределения выпускников мехфака и за месяц до заседания комиссии передал его в распоряжение комсомольской организации факультета. Эле Кувакиной, секретарю бюро комсомола, очень толковой девушке, пришедшей в институт с производства, я предложил через комсоргов групп пятого курса организовать изучение этого документа и составление списка распределения выпускников по местам работы. При этом поставил несколько условий. Первое - должны быть учтены все формальные льготы, которые имеют те или иные студенты, а также неформальные обстоятельства типа "Иванова-Петров", о которых шла речь выше, или другие. Второе - при прочих равных условиях преимущественное право выбора мест должны иметь студенты, средний балл которых за период обучения в институте выше. Третье - план распределения должен быть выполнен, причем все студенты-выпускники с предложенным вариантом назначения на места работы должны быть согласны. Я гарантировал, что в случае, если список мест назначения подпишут все без исключения студенты, этот вариант распределения будет принят комиссией. Но если хотя бы один из студентов откажется подписать список, распределение будет идти по-старому.

Комсомольцы очень серьезно подошли к этому поручению. Они обложились географическими картами и справочниками, с моей помощью и без нее через работников куйбышевских предприятий собрали информацию о местах назначения. В далекие пункты, о которых ничего не удалось узнать в Куйбышеве, отправили двух-трех студентов для выяснения обстоятельств на месте. Подготовили список, в котором студенты были расположены не по алфавиту, а в порядке убывания среднего балла за весь период обучения. Затем в течение недели за закрытыми дверями, никого из посторонних не приглашая, провели несколько собраний выпускников, на которых бурно и долго обсуждали распределение. И представьте себе, принесли мне список мест назначения, в котором против каждой строки стояла подпись студента как знак согласия с этим назначением! Никаких чудес при этом не было. Просто тому парню (продолжу приведенные выше примеры), которому комиссия насильно записала назначение в Саракташ, рассказали, что там реконструируется мехза-вод, специалисты нужны, жилье получить сравнительно легко, да и городок неплохой. Парень, который намучился за пять лет учебы жизнью в общежитии, не был связан семьей или другими обстоятельствами, сра-

зу согласился ехать в тот же Саракташ. Поскольку у Петрова оказался средний балл выше, чем у Николаева, он с удовольствием взял назначение в тот же город, что и Иванова. Николаев попробовал было возражать, но студенты пристыдили его, и он, не имея каких-либо особых причин, сдался. Словом, так или иначе, все места назначения были распределены.

Теперь передо мною стояла сложная задача - в неприкосновенности утвердить список, предложенный студентами, в комиссии. Я заранее побеседовал с членами комиссии - сотрудниками института (исключая директора) и заручился их поддержкой. С этой же целью позвонил тем из представителей предприятий, входивших в состав комиссии, кого знал лично. На заседании комиссии первым попросил слово и сказал, что факультет предлагает вариант распределения, который должен всех устроить, и что я прошу принять этот вариант. В принципе никто не возражал, даже директор, хотя он и имел пару, как говорят, "позвоночных" кандидатур (то есть тех, о ком ему звонили). Распределение началось, пошло гладко, в быстром темпе. Заходил очередной студент, вызванный в алфавитном порядке. Я называл предназначенное ему место, председатель комиссии спрашивал: "Согласен?" - студент отвечал: "Согласен!" - расписывался в протоколе заседания и выходил из кабинета. Пять, десять, пятнадцать человек подряд, и все одно и то же. Даже "позвоночные" студенты соглашались с рекомендуемым местом работы, и директор не мог ничего изменить, неловко было. Но вот зашел тот студент, которого мы условно назвали Николаевым. В ответ на вопрос председательствующего он ответил: "Не согласен! Хочу..." - и назвал место, предназначенное Петрову. Я быстро сориентировался и сказал: "Тогда, пожалуйста, выйдите. Мы сначала поговорим с теми, кто согласен". Николаев вышел. Порядок восстановился. Прошел Петров, получил свое место. В конце распределения, когда осталось одно-единственное место, мы пригласили Николаева, и он, естественно, согласился. Заседание комиссии продолжалось всего час-полтора, и распределение было завершено. "Ну, механики! Ну, молодцы! Удивили!" - сказал кто-то из членов комиссии.

Замечу, что по почину мехфака с тех пор и по настоящее время в вузах области план распределения молодых специалистов объявляется студентам заранее, а его предварительное обсуждение ("предварительное распределение"), как правило, проводится на каждом факультете. В те же далекие времена, о которых шла речь, слух о том, как прошло распределение молодых специалистов на мехфаке, быстро распространился

среди студентов факультета и института. В копилку авторитета нашей Alma mater был внесен еще один весомый вклад, а комсомольская организация факультета праздновала успех.

ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ СТУДЕНТЫ, ЕСЛИ ЗАХОТЯТ

Следующей сферой деятельности коллектива, на которую решили обратить внимание деканат и студенческие организации, была внеучебная работа. На нашем факультете, как, впрочем, и на других, традиционно проводили вечера, посвященные тем или иным датам. Эти вечера не отличались оригинальностью: очередной довольно нудный доклад, пару номеров убогой самодеятельности, танцы под радиолу. Первая часть вечеров проходила, как правило, при полупустом зале. Зато к танцам собиралось много народу, часто не имеющего никакого отношения ни к факультету, ни к институту; кое-кто был в нетрезвом состоянии. Поэтому на вечерах возникали конфликты, стычки и даже драки. Из парткома института последовало мудрое указание: на вечерах мехфака танцы не устраивать. Решение вполне в стиле мышления той дамы, которая, услышав, что в последнем вагоне поезда сильно трясет, предложила: "Так отцепите последний вагон!"

Танцы необходимы молодежи как важный элемент развлечения и отдыха (скажу вам откровенно, я сам, будучи уже давно за пределами того возраста, который позволяет именоваться молодым человеком, все еще любил танцевать при каждом удобном случае). Задача состояла в том, чтобы восстановить вечера танцев на факультете, но сделать их культурными и приличными. Обычные меры воздействия на нарушителей порядка - всякого рода выговоры и другие взыскания - не оказывались эффективными прежде всего потому, что они выносились через день-другой после того, как вечер уже прошел, и настроение испорчено. Надо было придумать такое наказание, которое было бы в молодежном стиле и осуществлялось тут же, на вечере. И комсомольцы придумали! Они достали две пары санитарных носилок, белые халаты и шапочки с эмблемами красного креста. На военной кафедре взяли ручную сирену. Оче-

редной вечер танцев проходил в зале учебного корпуса КИИ. Этого зала теперь, к сожалению, нет, его застроили разными перегородками, перегородили даже по высоте. В те же времена, когда на территории учебного корпуса размещался мехфак КИИ (мехфак Самарского политехнического института до сих пор находится здесь же), зал был двухсветным, с балконом, имел хорошую акустику и служил местом проведения собраний, конференций, вечеров.

На вечере, о котором я собираюсь рассказать, звучала музыка - очередное танго или фокстрот, молодежь танцевала. В какой-то момент в зал вошли двое нетрезвых студентов и стали приставать к девушкам. Немедленно с балкона раздался вой сирены, такой неожиданный и резкий, что все танцующие остановились. С балкона быстро спустились две бригады "санитаров" - человек шесть сильных ребят, одетых в белые халаты. Они, несмотря на крики и сопротивление пьяниц, насильно уложили их на носилки, быстро вынесли из зала, снесли по лестнице со второго этажа во двор и бросили в сугроб снега. Затем спокойно возвратились в зал и, приветствуемые смехом и аплодисментами участников вечера, заняли свое место на балконе. Еще долго в последующие дни "жертвы скорой помощи" не могли пройти по коридорам факультета, чтобы не вызвать колкие замечания и усмешки.

Метод, надо сказать, был не вполне джентльменским, но действенным - с той поры на вечерах мехфака появление нетрезвых ребят прекратилось. Вечера танцев на факультете были восстановлены.

Нам, однако, было ясно, что при всей необходимости танцев они должны занимать лишь небольшую нишу во всем здании культурно-эстетического воспитания студентов, отнюдь не выходя за пределы этой ниши. Однажды (в те времена или позднее) я увидел в Доме офицеров в г. Куйбышеве афишу, анонсировавшую концерт Эмиля Гилельса, он собирался играть произведения Листа. После основного текста афиши стояла возмущившая меня приписка: "По окончании концерта - танцы!". Это как раз тот самый случай, когда "ниша", отведенная танцам, перекрывает "главные помещения" светлого зала культуры. Но как сделать концерты и другие вечера на факультете интересными, полезными и, главное, привлекающими внимание многих студентов? Сделать это можно было только руками самих студентов, если программа и организация вечера были тщательно продуманы и подготовлены.

В те времена были модны весенние фестивали молодежи и студентов. Оценку фестивалю, проведенному на том или ином факультете, давало квалифицированное жюри. К очередному фестивалю на мехфаке готовились очень серьезно. Деканат и общественные организации реши-

ли, что наш фестиваль вечер должен отличаться следующими основными особенностями: 1) в меру наших возможностей быть интернациональным; 2) состоять не только из концерта, но и большой программы других мероприятий, которые могут заинтересовать студентов; 3) в фестивальном вечере должны участвовать только те студенты, которые для этого вечера что-либо сделали.

Штабом фестиваля, в который вошли наиболее инициативные и остроумные студенты, а также некоторые преподаватели, была заранее разработана программа вечера. Интернациональность обеспечивалась приглашением студентов-болгар, обучавшихся в Куйбышевском медицинском институте, а также молодых рабочих-вьетнамцев, стажеров Сред-неволжского станкозавода. Мы договорились с болгарскими и вьетнамцами, что они подготовят по номеру художественной самодеятельности на родном языке. Программой фестиваля предусматривалось проведение выставки рисунков и фоторабот студентов и преподавателей мехфака, а также демонстрация рукоделий и предметов народных промыслов, исполнителями которых были члены нашего коллектива. Были задуманы также другие фестивальные мероприятия, в том числе некоторые под загадочными названиями, например: "Факультетский музей", "Конкурс на лучшие глаза" и другие, содержание которых заранее не раскрывалось. Были подготовлены красочные афиши - анонсы с программой фестиваля, которые за месяц до его проведения вывесили в разных местах учебного корпуса. В конце каждой афиши сообщалось о неперемennom условии: участвует в вечере только тот, кто для него что-либо сделал.

Реакция на афиши последовала немедленно. Первым пришел ко мне доцент Иван Осипович Потапов, заведующий кафедрой общественных наук. "Послушай, - сказал он, - там твои ребята объявили какой-то конкурс на лучшие глаза. Смотришь, потом объявят конкурс на лучшие ножки или еще что-нибудь безыдейное в этом же духе! Прикажи им снять эти объявления!" Бедный мой старый друг, ныне уже покойный Иван Осипович, блюститель идейной чистоты и нравственности! Он умер бы второй раз, если бы прочитал действительно возмутительное объявление, опубликованное в городской газете в нынешние дни, в котором сообщалось, что студенческий клуб при Тольяттинском политехническом институте организует конкурс на звание "Мисс стриптиз"! Какое гигантское падение нравственности за 35-40, вернее, за последние пять-шесть лет! В те времена я, не открывая секрета, дал слово старому педагогу, что ничего безнравственного в "Конкурсе на лучшие глаза" не будет. Нынче же я, со значительно большим основанием, чем мой по-

койный коллега, возмутился и написал открытое письмо в институтскую газету с требованием лишить коммерческую организацию, в которую выродился клуб, права упоминать в своем названии институт, чтобы не бросать тень на доброе имя нашего коллектива перед нынешними и будущими поколениями. Не считайте меня ретроградом! Вкусы могут быть разными - мне не нравится стриптиз. Я вообще против "распивочно и на вынос", о чем уже упоминал. Кому-то, наоборот, это нравится. Но покажите мне нормального человека, который бы занимался стриптизом с участием собственной матери! Понятия "стриптиз" и "Alma mater" с моей точки зрения несовместимы! Поэтому и упоминаю будущие поколения, что не сомневаюсь - разум и достоинство возобладают, не сейчас, так позднее, но Alma mater сохранится в чистоте!

Следом за И. О. Потаповым в штаб фестиваля начали приходить студенты с предложениями или вопросами о том, что они могут сделать для участия в фестивале. Студент-первокурсник Ювеналий Иванов (в дальнейшем мой аспирант, теперь доцент Самарского политехнического института) предложил написанный им текст "Марша механиков". Доцент М. Я. Цаф написал к этому тексту несложную музыку, которую разучил с группой студентов. "Маршем механиков" открылся фестиваль концерт.

Группа студентов четвертого курса предложила подготовить аттракцион "Электронный предсказатель судьбы и универсальный ответчик". Тем же, кто сетовал на отсутствие талантов, штаб предлагал участие в административно-технической бригаде, которая должна была обеспечить дежурство, порядок и технические работы на вечере, или советовал в выходной день пойти на железнодорожный вокзал, чтобы принять участие в очистке путей и территории от снега. Профбюро факультета договорилось с Управлением дороги об оплате этой работы, что создавало денежный фонд для расходов, связанных с проведением вечера.

Наступил день фестиваля. Коридоры учебного корпуса хорошо освещены (студенты заменили все перегоревшие лампочки и почистили остальные). Каждый, кто предъявлял пригласительный билет, получал программу, в которой была указана дислокация фестивальных помещений и время, когда каждое из этих помещений откроется. Открывались не все сразу, чтобы интерес участников к вечеру не угасал.

Зал был переполнен нарядными ребятами и девушками, тепло принимавшими наших зарубежных гостей, а также своих студентов и преподавателей - участников концерта самодеятельности. Номера были неоднократно отрепетированы, поэтому прошли, что называется, без зазубринки!

Открылись выставки рисунков, фоторабот и рукоделия. Они показали, сколько талантливых ребят на факультете. Художественные вышивки, плетения, вязания, коробочки и другие поделки были сделаны изящно, со вкусом и умением.

Открылся "Факультетский музей" - плод фантазии нескольких остроумных студентов во главе с Марком Нерубаем (теперь он уже профессор, доктор наук). Экспонаты этого "музея" в шуточной, а иногда и остросатирической форме иллюстрировали жизнь студентов. Вот, например, под стеклянным колпаком стоит блюдечко и недопитый стакан чая. На блюдечке - черный сухарь и смятый окурочок. Подпись под экспонатом - "За день до получения стипендии". Рядом другой экспонат - "Интеллектуальный рост некоторых студентов". Стоят последовательно пять бутылок: из-под молока, лимонада, пива, вина и, наконец, из-под водки. Под каждой из них надпись (соответственно): "1-й курс", "2-й курс" и так далее до пятого. Были и экспонаты с упоминанием конкретных личностей. Так, например, часть пола комнаты, в которой находился "музей", по всем правилам музейного искусства была огорожена столбиками и шнуром. Внутри загородки мелом на полу нарисована пара следов мужских ботинок. Надпись гласила: "Следы студента такого-то, замеченные в институте более месяца тому назад!" (студент систематически пропускал занятия). "Факультетский музей" имел колоссальный успех, в нем все время толпились студенты, звучали смех и веселые реплики.

Через некоторое время открылось помещение "Конкурса на лучшие глаза". Все объяснялось просто - это был конкурс на лучший глазомер. "Электронный предсказатель и универсальный ответчик" представлял собою круговую ширму, разрисованную электрическими схемами и каббалистическими знаками, со щелью в передней стенке. Можно было подойти к ширме и задать любой вопрос. После этого был слышен шум какого-то работающего механизма, и через некоторое время из щели вылезала бумажка, на которой рукою студента, сидевшего за ширмой, был написан ответ. Например, на вопрос "Что делать, если потерял подружку сердца?" следовал ответ: "Принимай на ночь стакан холодной воды, утром делай зарядку, и такие вопросы у тебя отпадут сами собой!" Если через незаметную дырочку в ширме "оракул" узнавал вопрошающего, то ответ мог быть более конкретным и острым.

Фестивальный вечер прошел отлично, факультет получил высший балл и первое место в институте, призовое место в городе. Однако нам был важен не только этот очередной взнос в копилку авторитета Alma mater, но и та атмосфера дружбы, сотрудничества, взаимной требовательности и внимания друг к другу, которая возникала между студентами

факультета в процессе подготовки и проведения фестиваля.

О том, что такая атмосфера постепенно создавалась, свидетельствовали многие факты. Приведу два из них в виде историй, которые интересны не только сами по себе, но и показывают, что может сделать коллектив студентов, если он хочет решить ту или иную, подчас достаточно сложную задачу.

Какой-то очередной учебный год, как обычно, начался с того, что студенты выехали в колхозы помогать крестьянам убирать урожай. Один из курсов мехфака попал в какой-то дальний район Куйбышевской области. Специальных помещений для студентов здесь не было, прибывших по одному-два человека определили на квартиры к местным жителям. В те времена не было принято посылать с каждой группой студентов преподавателя, как это делали в более поздние годы. Просто из числа наиболее взрослых и самостоятельных ребят назначали бригадиров, которые вместе с "треугольниками" групп (старосты, комсорги, профорги) организовывали работу студентов, а также вели необходимые переговоры с администрацией колхоза. Одним из бригадиров был назначен Геннадий Баранов. Среднего роста, широкоплечий, с крупной, немного лысеющей головой, темными внимательными глазами, Баранов производил хорошее впечатление, прежде всего, уравновешенностью и солидностью. Он уже отслужил в армии, поэтому был одним из старших по возрасту студентов курса.

Геннадия взял к себе на квартиру колхозный бригадир. В квартире бригадира на стене висело охотничье ружье. Далее все происходило точно по А. П. Чехову, который как-то сказал, что если в первом акте спектакля на стене висит ружье, то в последнем акте оно должно выстрелить. В какой-то из непогожих дней, когда работать на полях было нельзя, Баранов с разрешения хозяйки квартиры взял ружье и пошел в ближайшую рощицу, чтобы подстрелить какую-нибудь живность. В высоких кустах что-то зашумело, и Геннадий, не раздумывая, выстрелил туда. Раздался девичий крик, подбежавший Баранов обнаружил на земле окровавленную студентку. Это была его сокурсница Валя Бардина, себе на беду решившая в то же время побродить по роще. Выстрел раздробил ей ногу выше колена, в остальном девушка была невредима.

Неудачливый стрелок на руках отнес свою жертву в сельский медпункт. Здесь сделали первичную обработку раны, а затем девушку срочно отправили в районную больницу. В больнице Валу прооперировали и положили в хирургическое отделение. На Баранова местная милиция завела дело. Но это не так волновало парня, как судьба девушки, которой он нанес тяжелую травму. Каждый день после работы он отшагивал

туда и обратно расстояние от колхоза до больницы, справлялся о Вали-ном самочувствии, носил ей передачи. Частыми посетителями больницы были и другие ребята и девушки.

Вскоре, закончив работы на селе, студенты вернулись в институт. Валя осталась в районной больнице одна/Баранов и другие сокурсники продолжали систематически ездить из Куйбышева навещать больную. Я, естественно, зная об этом ЧП с первого дня, наблюдал за действиями студентов, готовый прийти им на помощь в любую минуту. В частности, оформив через дирекцию института необходимые характеристики и поручительство, направил в райотдел милиции замдекана В. А. Крузе, и он договорился о закрытии дела на Баранова.

Но вот однажды Геннадий, а с ним еще кто-то, возвратившись из больницы, нашли меня и сообщили, что здоровье Вали ухудшилось, повысилась температура, началось нагноение в ноге. Врачи райбольницы рекомендуют перевезти ее в областную клинику, но девушка так слаба, что не сможет перенести переезд машиной по тряским осенним дорогам. Надо договориться, чтобы облздрав послал за Валею самолет санитарной авиации.

Мы немедленно сформировали делегацию студентов и вооружили ее необходимыми документами. На другой день наши делегаты пробилась на прием к заведующему обл здравотдел ом, а еще через день девушку доставили самолетом и поместили в клинику мединститута. Началось интенсивное лечение, имевшее целью не только заживить рану, но и сделать так, чтобы девушка не осталась хромоножкой. Врачи предупредили, что Валя не сможет посещать занятия весь осенний семестр учебного года, ей следует оформить академический отпуск. Но при этом возникала одна сложная задача.

Увлеченный изложением стремительно развивавшихся событий, я ничего не сказал о Вале Бардиной. Валя была высокой, светловолосой, хрупкой на вид, миловидной девушкой, с тонкими чертами лица. Училась она хорошо, активно участвовала в самодеятельности - пела приятным высоким голосом. Всегда была изящно и просто одета, просто причесана. Отец Вали погиб на фронте, в семье была мать и еще кто-то младший, то ли сестра, то ли брат. Мать получала небольшую зарплату, и Валина стипендия составляла важную часть материального обеспечения семьи. По существующим и доныне правилам студенту, уходящему в академический отпуск, стипендию не выдают.

Перед нами возникла сложная задача: как обеспечить Валею и ее семью, если девушка уйдет в академотпуск? Выход нашли студенты ее группы. Посоветовавшись, они заявили, что отпуск Бардиной не нужен,

они сделают все, чтобы Валя не отстала в учебе. Студенты стали писать для нее подробные конспекты лекций, вместе с учебниками носили их в больницу. Сконструировали и приделали к кровати небольшую чертежную доску, которая позволяла писать и чертить лежа на спине. Договорились на кафедрах о замене некоторых лабораторных работ расчетными заданиями, благо на втором курсе, где училась Валя, лабораторных работ было немного. Словом, не посещая занятий, больная девушка с помощью своих товарищей вовремя и качественно выполняла все домашние задания и отработывала практикумы.

Критический момент наступил, когда началась зимняя экзаменационная сессия. Приезжать на экзамены в институт Валя не могла, нога была еще на вытяжке. Экзамены, а с ними и стипендия повисали в воздухе. Здесь уже подключился я, оформив приказ по институту, согласно которому ввиду исключительных обстоятельств преподавателям был разрешен прием экзаменов у студентки Бардиной в больнице. Студенты обеспечили транспорт и пропуск в больницу, я договорился с преподавателями, экзамены состоялись. На них наша больная коллега показала столь хорошие знания, что все экзаменаторы были удовлетворены и поставили ей высокие оценки.

В один из дней ранней весны того же года врачи разрешили Вале посещать занятия. Опираясь на палочку, она подошла к учебному корпусу института. К ее удивлению здесь ее встретили студенты, которые на руках внесли Валу на второй этаж прямо в лекционную аудиторию. Все смешалось - приветствия, аплодисменты, слезы! Валя приступила к занятиям. Это была победа не только ее, но и всего коллектива!

А что же Геннадий Баранов? А ничего! За время болезни Бардиной он и Валя так подружились, что вскоре поженились. Студенты-механики с радостью наблюдали, как на очередном вечере танцевала эта пара, пришедшая к любви через страдания.

За многие годы, которые прошли с той поры, я упустил из виду Бардину и Баранова. Только на каком-то из вечеров, посвященных то ли пятилетию, то ли десятилетию выпуска, я их встретил. У них было уже двое детей, Валя расцвела, а Геннадий стал вполне солидным главой семейства.

Теперь расскажу вторую из обещанных историй. Она началась с того, что на первый курс с серебряной медалью из средней школы поступила ладенькая девчужка невысокого росточка, немножко курносенькая, с большими серыми глазами, в которых, как говорят, иногда прыгали бесенята. Звали ее Тамара Д. (читатель вскоре поймет, почему я не хочу называть фамилию девушки). Тамара - оживленная и вся еще какая-то

детская, быстро освоилась в институте, даже согласилась читать стихи на вечере, посвященном новому набору на факультет. Но вышла на сцену, глянула в многоликий зал, растерялась, сбилась и со слезами убежала со сцены. Во время традиционных танцев сидела в углу, как несчастный обиженный зверек, переживала свой провал. Танцевать ее никто не приглашал, ребята ее просто не замечали. Я решил вывести девушку из грустного состояния, подошел к ней и пригласил на танец. Тамара испуганно вскинула на меня глаза, но отказать декану не посмела. Танцевала она, конечно, скованно, так что мы не сразу вошли в ритм. После окончания танца я посадил ее не в тот уголок, откуда пригласил, а на более заметное место и сразу же пригласил на следующий танец. Во время второго танца Тамара освоилась, даже смогла ответить на мои вопросы. Рассказала, что мама у нее машинистка, папа инженер, - к сожалению, папа часто уезжает в длительные командировки, на днях должен приехать, и она ждет его с нетерпением.

Студенты обратили внимание на девушку, с которой дважды танцевал декан. Поэтому ребята стали приглашать ее, Тамара размянчилась, повеселела.

После этого вечера мне сравнительно редко приходилось сталкиваться с Тамарой. Училась она отлично, активно работала в студенческих организациях. Только на третьем курсе должна была сдавать мне экзамен по дисциплине "Допуски и технические измерения", которую я читал в ее потоке. Я не сомневался, что Тамара сдаст экзамен как следует, так как она вовремя выполнила все домашние задания и активно участвовала в консультации, которая состоялась за два дня до экзамена. Однако получилось не так. Тамара пришла к концу экзамена, когда обычно уже идут слабые студенты, взяла билет, немного посидела, и сказала: "Я не знаю ответа на два вопроса их трех", - не стала сдавать экзамен, забрала зачетную книжку и вышла из аудитории.

Вскоре я закончил экзамен и пошел в деканат. Оттуда выскочила Тамара, вся в слезах пробежала мимо меня. В комнате деканата была только Александра Никитична Каткова, секретарь факультета.

Здесь я должен остановиться, чтобы сказать добрые слова об этой женщине, незаметной труженице с большим материнским сердцем. Александра Никитична была небольшого роста, немного сутулилась, длинные волосы укладывала в узел. Тонкие черты лица хранили следы былой девичьей красоты. Ласковые, всегда печальные глаза смотрели, как говорят, прямо в душу собеседника. Когда-то в молодости ее обманул какой-то подлец, оставил одну с ребенком. Ребенок вырос, стал мальчишкой, единственным членом семьи Катковой, так как замуж она

не вышла. К сожалению, сын учился неважно, капризничал, доставлял матери неприятности.

Весь свой запас любви и материнских чувств Александра Никитична обратила на студентов. Многие из них, особенно девушки, отвечали ей взаимностью, делились своими секретами. Она же чем могла помогала им. В создании на факультете атмосферы дружбы, сотрудничества и взаимного уважения Александра Никитична играла неоценимую роль. Она была не только секретарем, но и совестью деканата.

Много лет спустя, когда я уже работал в Тольятти, А. Н. Каткова все еще была секретарем мехфака Куйбышевского политехнического института (так теперь именовался КИИ), все также пользовалась доверием и любовью студентов, все также аккуратно вела дела и ушла на пенсию, только когда ей исполнилось лет семьдесят или больше.

В тот день, когда я пришел с экзамена, Александра Никитична поведала мне причину, по которой Тамара не смогла сдавать экзамен. Оказывается, накануне, когда ее отец должен был прибыть из очередной длительной командировки, он не приехал, а прислал письмо, что просит извинить его, так как нашел себе новую семью и остается с нею. Удар был неожиданным и жестоким! Мать с дочерью проплакали всю ночь. Где уж тут было сдавать экзамен!

Я попросил А. Н. Каткову подготовить приказ о том, что Тамаре Д. передвигаются сроки окончания экзаменационной сессии. После экзамена по "Допускам и техническим измерениям", который Тамара сдала мне в зимние каникулы на "отлично", на мой вопрос, как у них дела в семье, ответила, что большую поддержку ей с мамой и маленькому брату оказывают соседи. Разоткровенничавшись, сказала также, что с сыном соседей Ваней дружит с восьмого класса школы, сейчас он в военном училище где-то на Урале или в Сибири (не помню точно), они систематически переписываются и договорились пожениться, когда ему присвоят офицерское звание.

Больше года после этого я встречал Тамару только случайно - в коридоре или на занятиях. Каждый раз, здороваясь со мной, она немного загадочно улыбалась, как будто намекала на то, что я знаю ее сердечную тайну. "Сердечная тайна" материализовалась весной того года, когда Тамара заканчивала четвертый курс. Зайдя в деканат, немного смущаясь, Тамара сообщила мне, что ее Ваня прибыл на побывку в свою семью и, если я не возражаю, она хотела бы привести его ко мне для знакомства. Я, конечно, не возражал.

Через некоторое время девушка появилась в обществе молодого румяного лейтенанта авиации, на котором ладно сидела новенькая офи-

церская форма. Оказывается, Ваня закончил училище и, как отличник, был оставлен при нем в качестве инструктора. Тамара сияла! Она высказала мысль, что хорошо бы ей попасть на преддипломную практику в тот город, где располагалось его училище. Тогда они могли бы пожениться до окончания ею института, и ей при распределении молодых специалистов было бы дано официальное назначение по его месту службы. Мне показалось, что лейтенант достаточно прохладно отнесся к этому проекту, но, может быть, только показалось.

В сентябре, явившись на занятия, Тамара попросила у меня отпуск на неделю. Она хотела преподнести своему лейтенанту сюрприз - слетать к нему, а заодно узнать, есть ли там предприятие, которое могло бы служить местом предполагаемой практики. Я разрешил. Прошла неделя, другая, а Тамара все еще не появлялась в институте. В начале третьей недели она позвонила в деканат и попросила меня принять ее в вечернее время. Когда она вошла в деканат, я поразился тому, как выглядела эта недавно симпатичная девушка. В черной, какой-то монашеской одежде, лицо осунувшееся, бледное, на нем скорбные большие глаза. Молча подала мне заявление с просьбой отчислить из института. В ответ на вопрос о том, что привело к такому решению, бесстрастным голосом, короткими фразами, без слез (их уже, по-видимому, не осталось) рассказала о событиях последних недель.

Оказывается, когда Тамара разыскала квартиру своего друга и позвонила, дверь открыла молодая женщина с младенцем на руках. Она оказалась женой лейтенанта, ее Вани. Сам лейтенант был на работе. Тамара захлопнула дверь и в полуобморочном состоянии побрела, сама не зная куда. Погода была дождливая, ненастная, улицы были мокрыми. Переходя какую-то улицу, то ли поскользнулась, то ли нарочно бросилась под автобус, теперь не помнит. Автобус вильнул и избежал наезда, благо ехал с небольшой скоростью. Дальше помнит, что очнулась вся мокрая, дрожащая на какой-то скамейке. Рядом немолодой полковник и женщина, приводившая ее в чувство. В порыве горя рассказала им про свою беду и про то, что не знает, что делать дальше - денег на проезд домой у нее не хватит, думала взять у Вани. Полковник отвел ее на вокзал, взял билет до Куйбышева и усадил в вагон поезда. Как ехала - не помнит, была высокая температура, все время лихорадило. В Куйбышеве кто-то из соседей по вагону довел до дому. Отлежалась, теперь может ходить. Но институт посещать больше не будет - ей стыдно перед студентами ее группы, которые знали, куда она ездила и зачем. Пойдет работать. Может быть, машинисткой, как мама, печатать умеет. Вот и все.

Понимая трагедию девушки и ее нежелание встречаться с сокурсни-

ками, я предложил Тамаре, не оформляя уход с дневного отделения, чтобы не потерять стипендию, посещать занятия и сдавать оставшиеся экзамены с вечерниками. Благо незадолго до этого произошло очередное объединение дневного и вечернего отделений в рамках факультета под эгидой единого декана (на моей памяти объединений и разъединений дневного и вечернего отделений в вузах было несколько). Подумав немного, Тамара согласилась и, прихватив мою записку к замдекана по вечернему отделению В. М. Савочкину, удалилась.

На другой день я обсуждал ситуацию с Семеном Фишбейном, секретарем комсомольского бюро факультета, сменившим на этом посту Элю Кувакину, которая к тому времени закончила институт. Семен пришел на факультет из армии после ранения. Ранение он получил не на фронте (ведь шли уже пятидесятые годы!), а на учениях. Не знаю как, но ему сильно повредило кисть левой руки, так что часть пальцев и кисти пришлось ампутировать. Красивый, умный и остроумный парень, прекрасный организатор, Фишбейн пользовался большим авторитетом у студентов: Замечу, что по окончании института он работал (может быть, и сейчас работает) на филиале 4ГПЗ, выпускавшем точнейшие миниатюрные подшипники, достиг высоких должностей. Мы с Семеном обдумывали вопрос о том, как вытащить Тамару из мрачного шокового состояния, вернуть ей интерес к жизни. С ходу ничего не придумали. Фишбейн обещал, не раскрывая тайну девушки, посоветоваться с ребятами.

Через несколько дней Семен Фишбейн и член бюро Тая Матвеева пришли ко мне и сказали, что они, кажется, нашли подход к этому деликатному делу, но не хотят меня посвящать в его суть, а только просят не оставлять Тамару на преддипломной практике в Куйбышеве, где будет вся ее бывшая группа (инструментальщики), а отправить в Волгоград, куда должна выехать группа студентов другой специальности (технологи) из параллельного потока. Хорошо было бы дать ей трудоемкое задание по сбору материалов для дипломного проекта. Остальное студенты берут на себя. Я согласился и, чтобы не возбуждать ненужных разговоров, решил взять руководство дипломным проектом Тамары Д. на себя. Вызвал ее, объявил, что поедет на преддипломную практику в другой город со студентами чужой группы, а также написал ей объемистое задание, рассчитанное на условия инструментального производства Волгоградского тракторного завода.

А секрет, придуманный студентами, был простым и разумным. Они решили окружить Тамару неназойливым дружеским вниманием и с помощью этого внимания и теплоты растопить лед ее души. Как мне потом рассказали, это сделано было очень тонко и по-человечески. Снача-

ла кто-то из студентов, имевших производственный опыт, предложил ей, растерявшейся в громаде цехов, где было столько станков, механизмов, людей, сколько ей раньше не приходилось видеть в одном месте, свою помощь в анализе технологии конкретных операций. Через день-два ненавязчиво помог другой. Потом кто-то уговорил ее вместе с другими студентами принять участие в экскурсии по памятным местам Волгограда. Потом кто-то вытащил ее в кино - раз, два. Причем все это без тени ухаживания. Словом, когда практика закончилась и все вернулись домой, Тамара была хоть и не той, которую мы знали на четвертом курсе, но уже совсем не такой печальной монашенкой, какой явилась ко мне в сентябре месяце.

Не сочтите меня нескромным, но я расскажу и заключительный эпизод этой истории. После того, как Государственная экзаменационная комиссия (ГЭК) присвоила Тамаре Д. звание инженера-механика и оценила дипломный проект на "отлично", она, как и все выпускники, защищавшие проекты в тот день, подошла к столу комиссии, чтобы по традиции пожать руку каждому члену ГЭК. Когда дошла очередь до меня, Тамара, заметно волнуясь, произнесла вслух: "Арон Наумович, позвольте мне вас поцеловать!" Председатель ГЭК, главный инженер станкозавода Игорь Константинович Яковлев, ответил ей шутливой репликой: "Не понимаю! Если поцелуй предназначен ГЭК, то почему он должен достаться декану, а не председателю комиссии? Если же он предназначен декану, то почему должен быть реализован на заседании ГЭК?" "Так надо!" - ответила Тамара, встала на цыпочки и легко коснулась губами моей щеки.

Года через полтора-два Александра Никитична получила письмо, в котором Тамара Д. писала, что вышла замуж за хорошего парня, которого очень любит. Словом, happy end по всем правилам.

Мне бы не хотелось, чтобы на основании приведенных выше двух историй у читателя сложилось впечатление, что на мехфаке была, как говорят, тишь да гладь, да Божья благодать, что все студенты были ангелами и все краски были только различными оттенками розового цвета. Совсем нет! Было достаточно неприятностей и провалов, бед и нарушений порядка. Даже на фестивальном вечере, о котором я писал, нашлись несколько студентов, которые с выставки поделок украли два или три изящных сувенира. Правда, их быстро разоблачили сокурсники, заставили вернуть сувениры. Заводилу воришек, который к тому же учился очень плохо и раньше был замечен в различных нарушениях порядка, пришлось отчислить из института.

Одно время на различных собраниях и совещаниях, произносили как

стихотворение, три фамилии - Орлов, Шкелев и Федоров. Например, кто сдал последним или не вовремя зачет? Орлов, Шкелев, Федоров! Кто отлынивает от любой работы? Орлов, Шкелев, Федоров! Кто пропускает занятия? Опять - Орлов, Шкелев, Федоров! Три друга всегда держались вместе, плевали на любое общественное мнение, и только на самой последней ступенечке лестницы, ведущей к исключению из института, умудрялись остановиться. Шкелев был заядлым спортсменом, волейболистом или баскетболистом, не помню. За пределами спорта его ничто не волновало. Орлов был не столько спортсменом, сколько болельщиком, его интересы не выходили за пределы количества забитых мячей, турнирных таблиц и составов команд. Самым умным и толковым был Федоров. Он первым оторвался от этой "бригады", взялся за ум, на старших курсах учился хорошо.

Не помню, закончил ли институт Шкелев. Если и закончил, то думаю, что не его усилиями двигалось вперед отечественное машиностроение. Орлов институт закончил, но работал спортивным комментатором. С Федоровым я встретился лет через десять, когда меня попросили проконсультировать решение какой-то задачи на Куйбышевском заводе координатно-расточных станков. К моему удивлению, главным технологом завода оказался Лев Федоров, тот самый, из бригады "Орлов-Шке-лев-Федоров". Значит, в свое время крепко взялся за ум!

Были у нас и неожиданные массовые провалы на экзаменах, хотя в целом уровень успеваемости студентов непрерывно повышался. Такой провал возник, например, по металловедению в одной из групп второго курса, которую до этого традиционно считали сильной и хорошо организованной. Я попытался выяснить, в чем дело. Староста группы сказал, что профессор Зайцев создает на экзамене столь нервную обстановку, что одни студенты теряются, а другие и вовсе не идут отвечать.

Пошел я на очередной экзамен по металловедению. Перед тем как рассказать, что я увидел и услышал на экзамене, несколько слов о профессоре Г. П. Зайцеве. Он приехал в КИИ из другого города, где работал в научно-исследовательском институте. Был известен как автор ряда интересных статей по техническим проблемам металлофизики в журналах Академии наук. Невысокого роста, с круглой, бритой наголо головой, присоединенной к туловищу практически без шеи, какой-то широкий, с короткими руками и ногами, профессор напоминал жука или божью коровку, стоящих на задних лапках. Но он отнюдь не был божьей коровкой! Экзаменационные билеты не клал на стол, а как великое сокровище держал во внутреннем боковом кармане пиджака, вынимал их оттуда только тогда, когда надо было предложить билет очередному студенту, и

сразу же клал обратно. Как только студент брал билет, Зайцев осматривал билет со всех сторон, словно хотел убедиться, что это именно его творение, а не какой-нибудь подлог. Лично сам провожал студента к рабочему месту, осматривал стол и все вокруг него. Когда студент полагал, что подготовился к ответу, и подходил к столу педагога, профессор отбирал у него билет и все, что экзаменующийся написал, откладывал, не глядя, в сторону и начинал задавать вопросы, не только не имевшие отношения к билету, но вообще какие-то странные. Например: "Где в Америке применяют алюминий?" или "Что будет, если в латунную лампу вместо керосина налить серную кислоту?"

Бедный студент, сразу, как говорят, сбитый с катушек, на вопрос об алюминии начинал перечислять: "При строительстве самолетов, при изготовлении посуды, в автомобилестроении". "Нет, не то!" - каждый раз говорил Зайцев. Когда же студент, наконец, выдавливал из себя: "Не знаю", - профессор торжествуя заявлял: "Не знаете? А я на лекциях говорил! Вы, видимо, на лекции не ходили или не слушали меня внимательно. Алюминий в Америке, чтоб вы знали, применяют для облицовки небоскребов! Ставлю вам двойку, идите и готовьтесь еще!"

Если студент случайно прорывался через частокол первой очереди вопросов, его ждала ключая проволока вопросов второй очереди: "Напишите мне формулу такую-то (в том числе и эмпирическую)! Дайте точную расшифровку элементов, входящих в сталь 12Х18Н9Т, кроме тех, которые можно прочесть по ее обозначению" и аналогичные им. Ответы на эти вопросы требовали не столько знаний, сколько механического запоминания. И не дай Бог ошибиться на 0,1% в рецептуре стали! Опять: "Не знаете, ставлю вам двойку!"

Хотя я кипел, но не сказал профессору ни слова, памятуя, что декан не имеет права вмешиваться в ход экзамена. На другой день, однако, пригласил его в кабинет и сделал попытку объясниться, но встретил глухую стену сопротивления. Профессор решил поучить доцента. "Экзамен - это противостояние двух индивидуумов, - заявил он мне, - один должен ухитриться сдать, а второй поймать его на чем-нибудь и поставить двойку. Без такой требовательности знаний не будет!"

По окончании экзаменационной сессии я вынес разговор с профессором Зайцевым к проректору по учебной работе. Проректор, опытный педагог, сразу встал на мою сторону, Зайцев обиделся и довольно скоро перешел из нашего института в авиационный. Там он, однако, не долго задержался, уехал в другой город, куда - не знаю.

Поскольку я затронул вопрос об экзаменах, хочу высказать некоторые общие соображения о методике их проведения. Они могут быть по-

лезными как педагогам, которых много в нашей семье, так и другим преподавателям. Экзамены, проводимые по окончании курса какой-либо науки, - древнее, но, по-моему, не лучшее изобретение человечества. Что бы ни говорили, экзамен стоит нервов отвечающему, очень часто и спрашивающему, а нервные ткани, как известно, не восстанавливаются. Хорошо было древним ученым, например, Платону или Аристотелю, которые в своих школах проводили дискуссии, философствуя по широкому кругу проблем, обучая своих подопечных мыслить, определяя, насколько они овладели логикой и методикой науки, насколько готовы сами быть учителями. Мы же, нынешние педагоги, часто впервые встречаем студента лицом к лицу лишь на экзамене и за двадцать-тридцать минут должны сделать заключение о знаниях отвечающего и выставить ему оценку, которая будет включена в приложение к диплому как характеристика подготовленности молодого специалиста к той или иной области инженерной деятельности.

В условиях цейтнота экзамены содержат больший или меньший элемент случайности, не зря ведь студенты верят в восточную мудрость, которая гласит: "Если не повезет, то и на верблюде собака укусит".

Чтобы достигнуть цели: возможно более объективно оценить знания студента при минимальном расходе нервных тканей и малой вероятности случайных заключений, экзаменатор, по-моему, должен руководствоваться несколькими правилами, которые, сохраняя стиль предыдущих глав, попытаюсь представить в виде афоризмов.

Первый: "Экзамен не допрос, а беседа". Противостояние типа "один ухитряется, а другой разоблачает", о котором шла речь выше, может быть отнесено к взаимоотношениям обвиняемого и следователя, но никак не студента и экзаменатора. Экзамен должен служить средством выявления достоинств и недостатков подготовки студента, даже, если хотите, продолжением учебного процесса.

Второй афоризм - парафраз известной песни: "С голубого ручейка начинается река, а экзамен начинается с улыбки". Атмосфера взаимоотношений преподавателя с экзаменуемым должна строиться на доброжелательности и уважении к студенту как личности. Преподаватель ни в коем случае не должен иметь вид грозного судьи, допускать резкие выражения типа: "Ну, это чепуха! Думайте, что говорите!" или аналогичные им.

Третий афоризм: "Голова студента не справочник, а средство мышления". Я полагаю, что экзаменуемый не должен задавать студенту вопрос типа: "Напишите мне наизусть формулу, по которой надо рассчитывать то-то или то-то". Вместо этого могут быть два варианта вопроса: "Выве-

дите формулу, по которой надо рассчитывать то-то или то-то", или "Вот перед вами формула для расчета того-то или того-то; объясните физический смысл величин, входящих в нее". Исключение составляют, конечно, общеизвестные формулы типа теоремы Пифагора или закона трения. На экзамене от студента нельзя требовать сведений о численных значениях той или иной величины, которые обычно приводятся в справочной литературе. В необходимых случаях речь может идти об оценке порядка или диапазона изменения величин, встречающихся на практике.

Четвертый афоризм: "Не уподобляйтесь принцессе Турандот!" В театральной сказке, написанной итальянским драматургом Карло Гоцци еще в 1762 году, принцесса Турандот подвергала экзаменам претендентов на ее руку и сердце. Каждому она задавала по три вопроса (столько же их содержится в нынешних экзаменационных билетах). Вопросы намеренно формулировала невразумительно и подавала в головоломной форме. Если экзаменуемый не отвечал хотя бы на один из вопросов, ему рубили голову. "Успеваемость" экзаменуемых была низкой, в живых остался только принц Калаф.

Мой призыв не уподобляться принцессе Турандот касается прежде всего формулирования вопросов, которые задает экзаменатор. Они должны быть ясными и точными, доступными пониманию студента. В какой-то мере мой призыв касается и "рубки студенческих голов" за один неправильный ответ, если, конечно, этот ответ не демонстрирует непонимание основ науки, являющейся предметом экзамена.

Пятый афоризм: "Зачетная книжка студента - не справочник для экзаменатора". Многие преподаватели имеют привычку до того, как начать опрос очередного студента, перелистать его матрикул, чтобы составить себе представление о том, как студент сдавал предыдущие экзамены. Это вольно или невольно создает предубеждение по отношению к экзаменуемому (неважно - в лучшую или худшую сторону) и лишает экзамен необходимой объективности. Только после того, как экзамен закончен и оценка поставлена в ведомость, преподаватель может перенести ее в матрикул.

Шестой афоризм предварю двумя примерами. Дочь Инна, будучи студенткой, сдавала экзамены по теоретической механике доценту И. М. Волку. Экзамен у Волка всегда длился очень долго, с утра до вечера. В середине дня, почувствовав голод, доцент отодвигал в сторону билеты, зачетки и ведомости, а на освободившееся пространство клал два-три сваренных вкрутую яйца. Разбивал их о ножку экзаменационного стола, чистил своими длинными худыми пальцами и поочередно, не запивая,

отправлял в рот. Доцент Волк был очень высоким, худым, с длинной шеей, по которой двигался крупный кадык. Когда он ел яйца, казалось, что это не кадык, а яйцо спускается вниз по морщинистой шее, а затем оно уже падает в желудок. Было довольно смешно. До сих пор, если при Инне упомянуть фамилию Волка, она обязательно скажет: "А, это тот, кто жевал крутые яйца?", хотя прошло уже немало лет с той поры, когда она была студенткой.

Другой доцент - А. Д. Москвичев экзаменовал по математике. Однажды студенты пришли в деканат и, улыбаясь, попросили меня посмотреть, как доцент устроился в аудитории. Я зашел в помещение, где экзаменовал Москвичев, и с трудом удержался от смеха. Учебные столы в аудитории были поставлены кольцом наподобие того, как ныне стоят столы в Совете безопасности ООН, только ящиками внутрь кольца, а глухой стенкой - наружу. В центре кольца стоял большой стол, на нем стул, а на стуле восседал толстенный доцент. Он вертел лысой головой налево и направо, наблюдая за всеми экзаменуемыми сразу и лишая их возможности пользоваться шпаргалками, поскольку, как поется в известной песне: "Мне сверху видно все, ты так и знай!"

Для того, чтобы проэкзаменовать очередного студента, Москвичев комично, задом вперед, спускался со своей вышки, а затем вновь, кряхтя, влезал на верхотуру. Пришлось мне вызвать экзаменатора в коридор и настоятельно попросить его не смешить студентов.

Теперь привожу афоризм, заимствованный у Лиона Фейхтвангера: "От великого до смешного - один шаг, но от смешного уже нет пути к великому". Если педагог ставит себя в смешное положение, то его авторитет, как бы он ни был высок до этого, падает.

Наконец, седьмой афоризм (цифра семь меня преследует!): "Загляните экзаменуемому в глаза сами, а не поручайте это компьютеру". Развитие компьютерной техники привело к тому, что появились многочисленные методы тестирования, экзаменирования (если можно так сказать) и другие способы определения уровня знаний с помощью ЭВМ. Отчасти это хорошо, поскольку снижается трудоемкость опроса, открывается ряд новых возможностей, в частности, включения в экзаменационные билеты многовариантных задач, ориентированных на практику производства. Но как бы мы ни применяли ЭВМ, с ее помощью можно оценить лишь конкретный результат решения, а не процесс мышления экзаменуемого. Нам же важно оценить именно процесс, чтобы судить о том, освоил ли студент логику данной науки и ее методологию. Не зря ведь Эйнштейн в свойственной ему манере однажды написал: "Образование есть то, что остается после того, когда забывается все, чему нас

учили". Под образованием, насколько я понимаю, великий физик имел в виду умение использовать логическую науку, которое должно остаться, тогда как конкретика их, обновляющаяся непрерывно, может устареть и забыться.

Машинная техника, на мой взгляд, может быть прекрасным средством самообразования, для входного контроля и решения задач на экзамене, но основным должно все же оставаться живое общение преподавателя и студента.

Я прошу прощения у тех читателей, которых не интересует экскурс в область методики экзаменов, и возвращаюсь к мехфаку КИИ середины пятидесятих годов нашего столетия. К этому времени, несмотря на ряд трудностей, механический факультет по всем показателям стал лучшим в Куйбышевском индустриальном институте. Повысилась успеваемость и дисциплина студентов; на вечера и фестивали, которые проводили студенты мехфака, стремилась попасть молодежь с других факультетов и даже вузов (хотя это было нелегко); факультет четко и своевременно выполнял любые поручения дирекции и общественных организаций института; сократился отсев студентов и повысился конкурс при поступлении на факультет.

В чем же причина (или причины) резкого изменения в лучшую сторону положения дел на факультете за каких-нибудь два-три года? Проницательный читатель уже, наверное, сделал свои выводы и знает ответ на поставленный вопрос. Но все же я хочу сам перечислить эти причины, хотя, может быть, мои выводы в чем-то не совпадут с выводами читателей.

Первая причина состоит в том, что нам удалось привлечь к заботам о делах факультета значительное количество студентов и предоставить им возможность действовать. Для этого передали им некоторые административные функции и права, не вмешиваясь в решения, принятые студенческими организациями, а лишь (в некоторых случаях) консультируя эти организации.

Вторая причина - деканату и комсомольской организации удалось существенно повысить уровень патриотизма студентов по отношению к своему факультету, добиться того, что каждый из них как мог содействовал росту авторитета, достоинства и чести своей Alma mater. Нас иногда критиковали за это, обвиняли в развитии "квасного" патриотизма и местничества (были в ходу такие ярлыки). Но мы упрямо стояли на своем, понимая, что патриотизм по отношению к Родине начинается с уважения к своей работе, с патриотизма по отношению к своему коллективу,

с постоянного беспокойства о чести и достоинстве ячейки общества, в которой ты состоишь.

И третья причина, связанная с первыми двумя. Удалось (может быть, и не в полной мере) обратить коллективы лицом к студенту с его личными особенностями, интересами, трудностями и болью. Мы прививали молодежи чувство уважения, если хотите, в отдельных случаях и сострадания к человеку. Я уже писал об этом, но не могу удержаться от того, чтобы не привести еще один случай, происшедший в последние годы моей работы деканом.

Шел набор в институт. Как всегда перед тем, как окончательно сформировать список принятых в вуз и представить его на утверждение приемной комиссии института, деканат вместе с представителями студенчества проводил собеседование с абитуриентами. Одной из последних зашла женщина лет сорока просто, но аккуратно одетая. Нервно теребя носовой платок, она сообщила, что ее дочь С. не придет на собеседование, а затем спросила, есть ли хоть какая-нибудь возможность зачислить девушку в институт, если она набрала мало баллов главным образом за счет невысоких оценок на устных экзаменах. На этих экзаменах дочь очень волнуется, так как у нее сильно обожжена левая часть лица и ей всегда кажется, что все люди на нее смотрят. Ожог случился во время войны, девочке тогда было два года. Горел вагон эшелона, в котором семья эвакуировалась из Воронежа, вблизи станции Лиски, их бомбила фашистская авиация.

Боже мой, подумал я, неужели это тот самый эшелон, который шел впереди нашего и попал под огонь фашистов в сентябре 1941 года?

Студенты единодушно сочли необходимым зачислить девушку в институт, я был с ними согласен. Но решить вопрос для себя было значительно легче, чем оформить зачисление официально. Формально абитуриентка не имела никаких льгот, а суммарная оценка экзаменов у нее была на две единицы меньше, чем минимальный проходной балл. С таким баллом, как у нее и даже с более высокими, не попадали в институт тридцать абитуриентов. Приемная комиссия института строго наблюдала за порядком зачисления, а ректор института В. Ф. Совкин был человеком очень осторожным и больше всего боялся нарушить какое-нибудь положение или инструкцию. Казалось, ситуация неразрешима.

Но надо было знать энергию наших мехфаковцев, которая проявлялась, если они поставили перед собою цель! На другой день, захватив с собой личное дело абитуриентки, в котором была ее фотография, делегация студентов пробилась на прием к облвоенкому. Военком, участник войны, фронтовик, повидавший многих обездоленных и изуродованных

войной детей, понял студентов и написал письмо в приемную комиссию института. В нем сообщал, что хотя гражданка С. (абитуриентка) не может быть отнесена к числу участников войны ни фактически, ни по возрасту, она все же может быть отнесена к числу лиц, пострадавших от военных действий. Явившись с этой бумагой в приемную комиссию, студенты настояли на том, чтобы дело С. рассматривалось вне конкурса, и добились зачисления ее в институт.

В дальнейшем С. хорошо училась, отлично защитила дипломный проект и ушла на производство, всю жизнь, наверное, вспоминая чуткое и человеческое отношение к себе коллег-студентов.

Память человеческая долго хранит добро! Недавно листая книгу Евгения Астахова "Жизнь прожить", изданную в Самаре в 1991 году в связи с пятидесятилетием 4ГПЗ, я наткнулся на запись беседы автора книги с ветераном труда, бывшей студенткой вечернего отделения мехфака Н. Н. Першиковой:

"Вы знаете, - сказала моя собеседница, - когда декан вечернего отделения Арон Наумович Резников вручал новоиспеченным инженерам дипломы, то сказал такие слова: хочу поздравить в первую очередь не вас, а ваших долготерпеливых близких, ваших жен, любовь и самоотверженность которых помогали вам учиться долгие шесть лет. Жены сидели рядом с мужьями, аплодировали каждому, получавшему из рук Резникова диплом, и плакали".

Как долго помнят люди теплую атмосферу общения, которая была в те годы на факультете!

Поскольку я привел цитату из литературного произведения, в которой упоминается моя работа в качестве декана механического факультета КИИ, расскажу еще об одной публикации на эту тему. В предпоследний или последний (не помню точно) год моей работы деканом ко мне обратился корреспондент газеты "Волжский комсомолец" с просьбой назвать студентку, о которой можно бы было сделать очерк к празднику 8 Марта. Я предложил ему побеседовать с Таей Матвеевой, которая пришла в институт с производства, училась отлично, пару лет была секретарем комсомольской организации факультета, а теперь работала над дипломным проектом. Кафедра дала Матвеевой интересную тему - изучить возможность создания на одном из предприятий города участка, который изготавливал бы протяжной инструмент для всех заводов, подчиненных Совнархозу. Тая собрала сведения о потребности в протяжках и приступила к работе над проектом.

Корреспондент ушел и больше не появлялся. Зато в газете накануне 8 марта появилась буквально взбесившая меня статья. Вы поймете мою

реакцию на статью, если скажу, что очерк начинался почти дословно так: "Удивительный человек этот декан Резников. Когда он ест, когда отдыхает - неизвестно, в любой момент с раннего утра и до позднего вечера зайдите в деканат - он всегда там. Однажды в деканат пришла озабоченная студентка Таисия Матвеева. "Арон Наумович, - сказала она, - я долго думала и решила, что на предприятиях Совнархоза плохо обстоит дело с производством протяжек. Я предлагаю создать в системе Совнархоза цех, который бы делал протяжки для всех заводов. Необходимые расчеты подготовлю, чертежи сделаю, а потом мы с вами доложим руководству Совнархоза!" Резников долго думал, а затем сказал: "Что ж, вы правы, действуйте!" И работа закипела."

Все кроме того, что Матвеева была студенткой, а я - деканом, было неправдой или полуправдой. Так я и заявил редактору газеты. Редактор, ссылаясь на то, что в статье никого не обругали и не обидели, что художественное преувеличение - это литературный прием, не принял моих претензий. А то, что студенты мехфака, зная истину, прочитают ложную статью и в другой раз, даже если газета напишет правду, ей не поверят, редактора мало беспокоило. В те времена газета всегда была права, и то, что она писала, следовало принимать как чистую правду. Поэтому среди журналистов в большом ходу были алилуишники, умевшие из ничего сделать "великий звон" и с умным видом рассуждать о чем угодно. В той же газете "Волжский комсомолец" ее редактор вскоре опубликовал большую "теоретическую" статью о любви и ревности, предпослав ей в качестве эпиграфа слова Ломоносова: "Ревнуйте нашему примеру!" Куда уж ехать дальше!

Особенно меня возмущало утверждение, что я работаю в деканате чуть ли не круглосуточно. Это совершенно не соответствовало стилю моей деятельности. Поскольку часть работы деканата выполняли студенческие организации, текущую административную работу с успехом выполняли замдекана В. А. Крузе (по дневному отделению) и замдекана В. М. Савочкин (по вечернему), весь учет и отчетность прекрасно вела А. Н. Каткова, то у меня оставалось вполне достаточно времени, чтобы уделять внимание семье, науке и налаживанию связей с производством. В частности, работая деканом, неся полную нагрузку доцента, я смог подготовить и защитить докторскую диссертацию, что было бы, конечно, невозможно, если бы находился в деканате с раннего утра и до позднего вечера.

На этом заканчиваю воспоминания о периоде работы деканом факультета КИИ. Он завершился в сентябре 1960 года. Для меня это был значительный и, в основном, радостный период жизни, когда многое из

того, что задумывалось, удалось выполнить. Радостно было видеть, как дружно и целеустремленно работают студенческие коллективы, как взрослеют и развиваются многие студенты. Мехфак еще ряд лет и после того, как я ушел из деканата, занимал ведущее место в институте.

Сегодня, мысленно обращаясь к тем дням, не могу скрыть глубокого беспокойства сменой ориентиров у части студенчества. Вместо патриотизма и коллегиальности появились безыдейность, потеря уважения к своему коллективу, даже к стране, стремление обогатиться не всегда порядочными и чистыми способами.

Беспокоюсь о Родине, ее культуре, науке, прогрессе, словом, о всем том, что связано с молодежью, опорой и надеждой нашего Отечества в будущем.

КОЕ-ЧТО ИЗ ХРОНИКИ ЖИЗНИ СЕМЬИ И ДРУГИХ СОБЫТИЯХ В 1951-1960 ГОДАХ

В дополнение к некоторым фактам из жизни нашей семьи в пятидесятые годы, о которых я писал выше, расскажу в хронологическом порядке еще о ряде событий, происшедших в этот период времени. Одно из них - рождение 28 ноября 1951 года сына Лёвы. В семейном архиве сохранились записки, которыми мы с Беллочкой обменивались во время ее пребывания в роддоме. В частности, сохранился конверт с адресом: "Беллочке Резниковой и молодому гражданину № 2253". Письмо в этом конверте я писал утром 28 ноября 1951 года, когда сынок еще не имел собственного имени, а только порядковый номер роддома. Беллочку увезли в роддом во второй половине дня 27 ноября, там с нею непрерывно находилась моя мама, работавшая терапевтом в этом учреждении. Весь вечер и часть ночи мы с отцом сидели у телефона, пытаясь успокоить друг друга малозначащими фразами, волнуясь и ожидая звонка. В начале третьего ночи мама позвонила и поздравила меня с сыном, а папу - с внуком, продолжателем рода. В записке, переданной утром 28 ноября, я писал Беллочке: "Поцелуй нашего сыночка и от моего имени пожелай ему счастья, широкой и честной жизни, удачи в труде и успехов в науках!" Сегодня, когда я пишу эти строки, сыну Лёве исполнился

41 год, и я вновь готов подписаться под этим пожеланием на всю его дальнейшую, даст Бог, долгую жизнь!

Малыш, когда его привезли домой, оказался довольно беспокойным, часто и громко кричал, причем во время крика четко выговаривал: "Ля! Ля! Ля!" Детский врач Аксельдорф, приходивший к нам на дом, услышав этот своеобразный крик, сказал: "Музыкантом будет, все ноту "ля" тянет!" В общем, доктор ошибся не намного - хоть Лев и не стал профессиональным музыкантом, но у него впоследствии оказался абсолютный слух, он много лет музицировал, руководил студенческим ансамблем в Тольяттинском политехническом институте, сочинял песни и пьесы.

В сентябре 1953 г., когда Левушка немного подрос, Белла поступила на работу в Областное отделение научно-технического общества машиностроительной промышленности (НТО Машпром) в качестве штатного заместителя председателя правления. В этой должности она проработала бессменно 14 лет, вплоть до нашего отъезда в Тольятти. Обладая хорошими организаторскими способностями, умением точно и своевременно проводить в жизнь принятые решения, корректно и с достоинством разговаривать с людьми, независимо от их служебного положения, Беллочка пользовалась большим авторитетом среди главных инженеров и других сотрудников предприятий и научных работников вузов, с которыми повседневно имела дело.

Куйбышевское отделение НТО Машпром систематически проводило областные научно-технические конференции, выставки, семинары и консультации. Отмечу, в частности, научно-техническую конференцию по внедрению в производство процесса резания с большими подачами, состоявшуюся в декабре 1953 года. Эта конференция привлекла внимание многих специалистов из других областей, поскольку резание с большими подачами впервые было широко внедрено на Средневолжском станкостроительном заводе в Куйбышеве. В трудах конференции опубликована первая моя работа по теплофизике резания, вошедшая в дальнейшем в докторскую диссертацию.

Беспокойным для нас оказался 1954 год. В январе этого года оперировали Инночку, а в конце года - Леву. У дочурки после тяжелой инфекции, перенесенной в годы войны, развилось косоглазие. Правый глаз сильно уходил в сторону, девочка его интуитивно щурила, зрение ослабевало. Мы попросили известного офтальмолога профессора Тихона Ивановича Брошевского, который впоследствии был удостоен звания Героя Социалистического Труда СССР, проконсультировать Инну. Он тщательно осмотрел ее и сказал: "Я бы, не откладывая в долгий ящик,

оперировал глаз!" "Я бы тоже!" - немедленно откликнулась Инна.

"Ну, если ты такая героиня, - сказал Ерошевский, - то прооперирую тебя лично!" Операция прошла удачно, с тех пор Инна, если можно так сказать, смотрит на мир прямо и обоими глазами.

У Левы оказались врожденные полипы в носоглотке. Поэтому малыш плохо и беспокойно спал, иногда даже похрапывал во сне. Пришлось в трехлетнем возрасте сделать ему операцию. О том, что она прошла успешно, можно судить хотя бы по тому, что Лев и до сих пор не прочь поспать часок-другой, добирая, по-видимому, то, что не доспал в младенческом возрасте.

В 1955 году Инна с серебряной медалью закончила среднюю школу № 15 в г. Куйбышеве и в том же году поступила на первый курс электротехнического факультета КИИ.

В 1956 году институт предоставил мне квартиру в новом доме (ул. Ульяновская, 19, кв. 7), куда мы с Беллой и детишками переехали из комнаты, которую много лет занимали в квартире родителей (Куйбышевская, 129, кв. 6). Поначалу нам было непривычно, слишком свободно и роскошно в трех комнатах, но потом мы привыкли к нормальной обстановке. Прикупили кое-что из мебели и отметили новоселье. Если не считать того, что вскоре в одной из комнат с потолка обвалился примерно квадратный метр штукатурки (благо, никого не пришибло), струя воды, вытекавшая из крана, была током (благо, никого не травмировала), а водопроводные трубы в течение многих часов ежедневно выли на разные голоса (чтобы хоть на несколько минут прервать этот нудный звук, надо было одновременно открыть все водопроводные краны и спустить воду в туалете) - в остальном, как сказано в известной песне, "прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!" Через некоторое время все строительные недостатки были выявлены и устранены, и мы зажили в новой квартире весело и дружно.

Осенью 1957 года Инночка в составе студенческого отряда выехала на освоение целинных земель в Сибирь. В те времена освоение целины было важнейшей общегосударственной кампанией. Предоставляю слово Инне, чтобы описать ее работу на целине.

"Летом 1957 года мне сделали операцию по удалению аппендикса, и поэтому я не смогла поехать на целину в Казахстан со своим потоком студентов. Но в сентябре был организован еще один отряд, который отправлялся на целинные земли в Сибирь. Я поехала с этим отрядом.

Руководству совхоза, расположенного на расстоянии примерно 30 км от Новосибирска, наш приезд был выгоден, так как студенты работали честно, а платы за труд не требовали. В последующие годы студенческие

стройотряды ехали на село за заработками и зарабатывали, в общем, неплохо. Мы же трудились в основном на энтузиазме, считая себя участниками общегосударственного дела. Думаю, что нынешние студенты ни за что не стали бы жить и работать в тех условиях, в которых пришлось жить и работать нам. Жильем служила недостроенная изба на краю села Коченево. У одной стены на соломе, не раздеваясь, спали девчонки, у другой - мальчишки. Продукты, которые мы взяли из дому, были съедены в пути за пять дней езды в теплушках. Когда мы приехали, руководство совхоза, поставив нас на работу, кормить отказалось до получения официального сообщения из ЦК ВЛКСМ о том, что наш отряд должен прибыть на целину. Чушь какая! Мы уже здесь, мы работаем, а официально нас вроде нет! Выясняли, есть мы или нет, трое суток. За это время мы так оголодали, что ели зерно на току. Засунешь руку поглубже в кучу зерна, - оно там теплое и вполне съедобное. Но студенты есть студенты! Даже в самых трудных условиях способны на юмор. Одна из моих подружек, Лия Лившиц, сочинила частушку:

*Бригадир наш дядя Яша, Что ты водишь
нас за нос, Не даешь нам даже каши, От
зерна ж у нас - ангина.*

Услышав эту частушку, наш бригадир из местных дядя Яша, отвечавший за размещение и питание студентов, даже пальцем не шевельнул, чтобы наладить питание, но счел необходимым сказать: "Эх, девки! Вы же с высшим образованием! И не можете рифму подобрать! Разве здесь годится "ангина"? Надо "понос"!" И никак не мог понять, почему мы встретили его слова взрывом хохота.

Работа была тяжелой - ребят поставили механизаторами, комбайнерами, трактористами, а девочек - на току - с помощью зернопогрузчиков и лопат переваливать зерно в кузова грузовых машин.

Оглядываясь назад, думаю, почему мы, голодные и замерзшие, шли на работу? Почему не забастовали? Нам и в голову это не приходило! Как же так, мы приехали по комсомольским путевкам и вдруг станем бастовать? Мы были убеждены, что комсомольцы должны стоически переносить трудности. А этим пользовались безалаберные и нечестные руководители на местах, для которых важен был план, а какой ценой он достигается - безразлично. Вот еще один пример. Однажды мы закончили работу на току и вернулись "домой". Почти все ребята и девушки ушли в соседнее село (3 км от нашего) в клуб на танцы (молодежь есть моло-

дежь!). Остались в избе только я и еще одна девушка - Рая К. Вдруг к нам вбежал взъерошенный дядя Яша и закричал: "Девки! Я подсчитал, что если мы сегодня ночью поработаем, то выйдем на первое место в области! Я уже позвонил на центральную усадьбу и попросил, чтобы все грузовики посылали нам. Давайте идите на ток пока вдвоем, начинайте грузить, а я сбегаю в клуб за остальными". Ни в какой клуб он не пошел, никто к нам на помощь не пришел. Но и мы не бросили работу - вдвоем с Раей загрузили 40 машин, хотя последние машины грузили в полубессознательном состоянии.

Когда я утром проснулась в избе, то никак не могла вспомнить - как я сюда пришла, с кем и когда, как легла спать? И опять думаю - что заставляло нас работать? Почему не ушли, когда стало ясно, что нас обманули, отправив зарабатывать совхозу первое место, от которого нам не было ни холодно, ни жарко? И не нахожу четкого ответа на этот вопрос. За ударный труд мы с Раей получили по наградному знаку "За освоение целинных и залежных земель". Совхоз, вычтя стоимость питания, заплатил нам за 1,5 месяца работы по 500 рублей (старыми, дореформенными деньгами, теперь это 50 рублей).

Прошло 35 лет. Вспоминая целинную эпопею, не могу высказать однозначного суждения о ней. С одной стороны, освоение новых земель и получение с них дополнительной продукции кажется правильным. Но, с другой стороны, не ясно, почему та же задача не могла быть решена за счет существенного улучшения организации работ на освоенных уже землях, без того, чтобы отвлекать от дела или учебы большое количество молодежи, используя ее энтузиазм и труд в нечеловеческих условиях."

Вот что написала Инна. Я ничего не могу добавить к ее словам. Поэтому продолжаю хронологию основных событий, происшедших в период между 1951 и 1960 годами.

В середине 1958 года я представил к защите докторскую диссертацию. Лева осенью того же года пошел в школу. О работе над диссертацией и ее защите я намереваюсь рассказать отдельно, поэтому здесь упомяну лишь сам факт ее представления. Более подробно расскажу о том, как Лев поступал в первый класс средней школы № 3. В те годы детей принимали в среднюю школу в возрасте семи лет. Лева к началу учебного года до семи лет не хватало трех месяцев. Терять год было жаль, тем более, что малыш уже неплохо читал и считал. Пришлось мне идти к директору школы и просить его принять сына до семилетнего возраста. Директор захотел побеседовать с "абитуриентом". Чтобы оценить уровень развития ребенка, он задал Льву несколько вопросов, в том числе: "Как будешь учиться - на "отлично"?" Лева всю жизнь свойственна осторож-

ность и недостаточная уверенность в конечном результате своей деятельности при решении сложных задач. Поэтому он и тогда заявил директору: "Заранее сказать не могу. Начну учиться - там будет видно!" Старому педагогу понравился этот ответ вместо стандартного "на отлично", как обычно говорят первоклашки. Он распорядился зачислить Леву в первый класс.

С удовольствием приступив к занятиям, Лева в один из первых дней учебы принес двойку по чистописанию (сказалась, я думаю, дурная в этом смысле наследственность, полученная от меня). Когда мы с Беллочкой выразили неудовольствие по поводу двойки, малыш спокойно сказал: "Что вы волнуетесь? До десятого класса я еще успею получить пятерку!" Как говорят, утешил!

В феврале 1959 года Инночка вышла замуж за студента КИИ Александра Рудого. Мы выделили молодоженам одну из комнат нашей квартиры.

В 1959 году запомнился летний отдых. Мы поехали "диким" манером в Трускавец, поскольку врачи рекомендовали промыться "Нафтусей", известной лечебной водой. В Трускавце мы сняли комнату, сходили в курортную поликлинику на прием к врачу и начали пить минеральную воду. Вода, попахивавшая нефтью, столь интенсивно промывала наши гидросистемы, что невозможно было миновать ни один из многочисленных туалетов, установленных на курорте. А ходить по курорту приходилось довольно много - к источникам, к столовой, домой и все под нудным, непрерывным дождем, который начался в день нашего приезда и лил целую неделю подряд. Погода портила настроение, а скверное настроение - плохой помощник отдыху. Чтобы хоть немного развеселить мое семейство, я должен был сделать что-либо необычное. И я сделал - сочинил стихи на мелодию известной песни Аркадия Островского "Как провожают пароходы". В этой песне был припев, вполне подходящий к нашим условиям: "Вода, вода, кругом вода".

Уважаемый читатель! Я рискую привести свои стихи как архивный документ, надеясь, что наши с вами отношения после их прочтения не испортятся настолько, что вы вообще отложите в сторону мои записки и не пожелаете к ним возвращаться. Если же вам от моих стихов станет худо, включите телевизор и послушайте слова современных песенок на бесконечную тему: "Ты ушла (или ушел), ты пришла (или пришел)", которые дикими голосами орут те антропоиды, которые называют себя современными людьми. По сравнению с этими примитивами я, надеюсь, буду выглядеть еще не как самый плохой стихоплет. Итак, вот слова трус-кавецкой песни:

*Мы уезжали на курорты, Где есть лечебная вода -Раз
пять на кислые Минводы И на "Нафту сю" иногда.
Вода течет в стакан и плещет, И промывает нас
вода, И ремонтирует здоровье На дни, недели и
года. **Припев:** Вода, вода, кругом вода.*

*Мы ждем прекрасную погоду
И радуемся ей всегда,
Но если с неба льются воды,
Зачем лечебная вода ?
Вода нас сверху поливает,
За шиворот течет вода,
Все наши вещи промокают,
И даже в кишках мокрота!*

Припев.

*Мы молим Бога или черта Убрать подальше
облака, Чтоб над кварталами курорта Не
собиралась вода! Чтоб воду только для
леченья Мы принимали, как всегда, И только в
душе в воскресенье Нас поливала бы вода!*

Припев.

*Мы можем даже согласиться -Пускай вода течет
из нас, Уж раз лечиться, так лечиться, Мы будем
"бегать" двадцать раз! Но пусть нам солнышко
сияет, Пусть греет, жарит и печет, И только
пусть по нашей воле Вода куда-либо течет!*

Припев.

Как ни странно, но песня подействовала - мои домочадцы заулыбались, а на другой день дождь прекратился и до самого нашего отъезда была прекрасная погода. Еще раз убеждаюсь в магической силе истинно высокой поэзии!

От воды перейдем к охлаждению. Я имею в виду мою первую монографию "Температура и охлаждение режущих инструментов", которая вышла в Куйбышевском книжном издательстве в 1959 году. Теперь у меня их (монографий), написанных самостоятельно или в соавторстве, изданных в нашей стране или за рубежом, одиннадцать. Но, конечно, самой дорогой была первая!

В начале 1960 года мы с радостью узнали, что Президиум Верховного Совета России присвоил отцу почетное звание "Заслуженный деятель науки и техники РСФСР". Отца чествовали в связи с этим на расширенном заседании Ученого совета КуАИ его ученики, коллеги и многие работники производства. Отмечу также, что вскоре он был удостоен высшей награды страны - Ордена Ленина. Так был отмечен большой вклад отца в развитие отечественной науки и подготовку инженерных кадров.

В июне 1960 года меня утвердили в ученой степени доктора технических наук, и с сентября того же года, оставив работу в деканате, я стал заведующим кафедрой "Резание и режущий инструмент". Одновременно был руководителем отраслевой научно-производственной инструментальной лаборатории (НПИЛ) Средневолжского Совнархоза. Об этой лаборатории считаю необходимым рассказать несколько более подробно.

Я уже писал, что в 1950 году организовал выполнение в КИИ исследовательских работ для подшипниковых заводов, в частности для 4ГПЗ. Первые из них дали определенный экономический эффект - расход режущих инструментов на полуавтоматах для обточки колец подшипников сократился в полтора-два раза. Узким местом в производстве была операция по фасонной обточке беговых дорожек внутренних колец. Отделение многолезцовых станков автоматного цеха 4ГПЗ, где выполняли эту операцию, работая в три смены, с трудом справлялось с заданной программой. Вместе с руководством автоматного цеха (АТЦ) мы создали комплексную бригаду из сотрудников КИИ и АТЦ. Ответственным исполнителем в этой бригаде был инженер КИИ, опытный и вдумчивый Игорь Павлович Лимонов. Бригада предложила принципиально новую конструкцию инструмента - стержневые фасонные твердосплавные резцы, усовершенствовала приспособления и станки, на которых выполнялась обточка беговой дорожки. Производительность операции повысилась в три-четыре раза, отделение перешло на работу в две смены.

Опыт совместной работы послужил основой для предложения, с которым выступили главный инженер завода Федор Никанорович Дорофеев, я и начальник автоматного цеха Виктор Георгиевич Лов-

кин - создать научно-производственную лабораторию непосредственно в цехе. Завод выделил под лабораторию светлое помещение, установил в нем оборудование, приобрел аппаратуру для исследований. Штат лаборатории состоял из сотрудников и студентов КИИ, а также ИТР и рабочих АТЦ. Финансирование осуществлял завод. Лаборатория пользовалась правами заводского участка - имела возможность заказывать в цехах завода инструменты и приспособления, изготовление которых входило в обязательный план работы этих цехов.

Бывший главный механик, а затем главный инженер завода Дмитрий Федорович Шапошников в воспоминаниях, опубликованных в документально-художественном повествовании Евгения Астахова "Жизнь прожить" (Самара, 1991 г.), пишет:

"Огромную роль в оказании помощи цехам в совершенствовании технологии играли созданные в то время лаборатории шлифовальной и токарной обработок (с участием профессора Политехнического института Арона Наумовича Резникова). Нужно сказать, что эта форма сотрудничества с наукой, когда ученые решают свои проблемы прямо на производстве, используя рабочую смекалку, наиболее результативна. Я, пожалуй, нигде не наблюдал большего эффекта, чем от такого вида сотрудничества."

В приведенной цитате имеются две неточности. Поскольку воспоминания писались в 1990 году, Дмитрий Федорович привычно называет институт Политехническим, а меня - профессором. Между тем, в период времени, когда лаборатория создавалась и функционировала на заводе, институт еще был Индустриальным, а я - доцентом.

В 1957-1958 годах управление промышленностью и строительством перешло из ведения отраслевых министерств в руки региональных Советов народного хозяйства (Совнархозов). Средневолжский Совнархоз возложил на нашу лабораторию работы по совершенствованию конструкций и технологии режущих инструментов не только на подшипниковом заводе, но и на некоторых других предприятиях экономического региона. В связи с этим лаборатория в 1959-1960 гг. перешла в ведение технического управления Совнархоза. Это управление утверждало наши планы и штаты, а также централизованно финансировало исследования независимо от того, для какого предприятия они проводились. К этому времени в НПИЛ выросли квалифицированные кадры, среди которых отмечу В. И. Пилинского, Г. Г. Яшина, И. П. Лимонова и И. С. Кушне-ра, ставших впоследствии кандидатами наук.

Между делом скажу, что не очень благозвучное название НПИЛ (научно-производственная инструментальная лаборатория) победило в

борьбе с более благозвучной альтернативной аббревиатурой ОН ПИЛ (отраслевая научно-производственная инструментальная лаборатория), поскольку альтернатива содержала намек на то, что кто-то пил, выделяя кого-то одного из нашего дружного коллектива, и вообще вводила в сторону от основного направления работы лаборатории.

После перехода в подчинение Совнархозу структура НПИЛ была несколько изменена - головная ее часть находилась в КИИ (для нее был сделан специальный пристрой к учебному корпусу института), а опорные пункты - на отдельных предприятиях (4ГПЗ, 9ГПЗ, завод "Авто-трактордеталь" и др.). При лаборатории начала функционировать межзаводская школа инструментальщиков, созданная совместно с Куйбышевским отделением НТО Машпром и Бюро технической информации Совнархоза. В состав школы входили руководители и инженерно-технические работники инструментальных служб предприятий, подчиненных Совнархозу. Она имела целью осуществлять обмен опытом и изучать новинки инструментального производства. Отмечу, что школа периодически собирается и теперь - в Самаре или Тольятти.

Усилению связи НПИЛ с производством содействовало также то, что меня ввели в состав технико-экономического совета Совнархоза, возложив руководство инструментальной секцией этого совета. Как член технико-экономического совета и участник работ, осуществлявшихся лабораторией на предприятиях региона, могу судить о том, насколько оправданной была система Совнархозов, заменившая систему союзных и республиканских министерств. Могу высказаться однозначно: система региональных Совнархозов, подчиненных Высшему совету народного хозяйства страны (ВСНХ), была, по-моему, целесообразной, и очень жаль, что с уходом Н. С. Хрущева по настоянию А. Н. Косыгина ее отменили и возвратились к отраслевым министерствам. При Совнархозах повысились инициатива и самостоятельность предприятий и их руководителей (этого мы стараемся добиться и сейчас, правда, на другой основе), резко сократилась бумажно-бюрократическая карусель, свойственная нашей управленческой манере, уменьшился поток командировок. Руководство Совнархоза и его управления значительно лучше знали состояние дел на предприятиях, чем министерства, быстрее реагировали на изменение обстановки, лучше использовали резервы производства.

Если говорить о науке, то безусловно полезным было централизованное финансирование, обеспечивавшее выполнение крупных исследований. Полезен был и контроль за внедрением разработок со стороны технического управления СНХ. Улучшилось снабжение научных учрежде-

ний оборудованием, инструментом, материалами, поскольку все отделы Совнархоза считали нас "своими".

Как ни прискорбно об этом писать, но с давних времен и до нынешних дней в нашей стране (может быть, и в других странах, не знаю) значительное влияние на деловые отношения оказывают понятия "свой" или "посторонний". Я неоднократно сталкивался с этим и во времена Совнархозов, и до них, и после, и не только с связи с делами науки или производства.

Вот пример. Куйбышевский индустриальный институт одно время принадлежал Министерству боеприпасов СССР. Мне по поручению директора КИИ приходилось несколько раз выезжать в министерство с целью получения нарядов на станочное оборудование. Приезжаю в Москву, иду на улицу Кирова, где тогда располагалось министерство, захожу в отдел оборудования. Далее происходит примерно такой диалог с начальником отдела.

- Здравствуйте, Иван Петрович, привет вам от Николая Прокофье-вича Воскобойникова (директора института)!

- Здравствуйте, здравствуйте, садитесь, пожалуйста! Что нужно нашему институту?

- Нужен токарный станок для учебных мастерских.

- Одну минуту! (Звонит по телефону.) Михаил Михайлович, зайти, тут из нашего института приехали. (Тот вскоре заходит.) Слушай, Михаил Михайлович, Куйбышевскому индустриальному нужен токарный станок, можем дать?

- Мы выделяем Шосткинскому заводу десять станков, можем дать им девять, хватит с них (это уже Михаил Михайлович).

- Ну ладно, договорились, оформляй наряд КИИ!

- Спасибо! (Это уже я). Всего хорошего!

Иду с Михаилом Михайловичем, он в пять минут оформляет мне наряд на станок и, прощаясь, говорит, что месяца через три будут фонды на сверлильные станки, можно будет получить станок для института.

Приезжаю через три месяца. К сожалению, за это время произошла очередная перестройка системы управления, и индустриальный институт принадлежит теперь не Министерству боеприпасов, а ВКВШ (Всесоюзному комитету по делам высшей школы). Опять иду в знакомый отдел, но диалог идет совсем по-другому.

- Здравствуйте, Иван Петрович, привет вам от Николая Прокофье-вича Воскобойникова!

- Вы из какой организации?

- Из Куйбышева, из индустриального института!

- А что, такой институт еще существует? Что же вы хотите?

- Прошлый раз, когда я был у вас, мы договорились, что можно будет получить наряд на сверлильный станок. Он нам крайне необходим!

- Одну минуточку! (Звонит по телефону). Михаил Михайлович, есть у нас лишние сверлильные станки, которые не нужны нашим предприятиям? Нет? Я так и думал. Извините, у нас станков нет, ничем помочь не могу!

Уезжаю не солоно хлебавши. А все потому, что из разряда "свои" мы перешли в разряд "посторонние".

Деление на "своих" и "посторонних" наносило и наносит колоссальный вред науке, промышленности, культуре и образованию. Каждое министерство (а их у нас до последнего времени было несколько десятков) имело свои отраслевые научно-исследовательские организации. Значительная часть отраслевых институтов, блюдя "честь мундира", ставила (и ставит) всяческие препоны предложениям и инициативам "посторонних" организаций, за исключением тех случаев, когда "посторонняя" организация "догадается" включить в состав авторского коллектива кого-либо из отраслевого института (чем выше по должности, тем лучше). В 1959 году сотрудник НИПИЛ Геннадий Георгиевич Яшин предложил новую оригинальную конструкцию спирального сверла, обеспечивающую стопроцентное дробление стружки. Тот, кто видел, как рабочие-сверловщики, вооруженные крючками, пытаются разорвать и откинуть в сторону клубок стружки, угрожающий безопасности оператора, кто слышал изящные слова, которые они произносят, останавливая станок для очистки сверл от стружки, поймут, какое благо сделал Г. Г. Яшин для производства. Его сверла даже при обработке достаточно глубоких отверстий выдают "на гора" стружку в виде мелких завитков, которую остается только периодически смахивать щеткой.

Верные своему принципу - испытывать предлагаемые инструменты в реальном производстве - мы заказали партию сверл новой конструкции на Оренбургском заводе сверл и передали их Куйбышевскому долотному заводу (сейчас он называется как-то по-другому) для применения на операции сверления массовой детали - лапы долота (элемент бурильного инструмента). Производственники единодушно высказались за целесообразность сверл Г. Г. Яшина. Оставалось немного - внести нашу конструкцию в отраслевые нормалы Министерства станкоинструментальной промышленности с тем, чтобы любое предприятие могло заказать их для себя. Но не тут-то было! Стеной встал отдел сверл Всесоюзного научно-

исследовательского инструментального института (ВНИИИ). Этот отдел в течение многих лет не выдал производству ничего путного, и, естественно, появление сверл Яшина было для него прямым упреком. С помощью ряда ухищрений, несмотря на повторные испытания, проведенные на предприятиях Московского и Пензенского Совнархозов и показавшие положительные результаты, несмотря на прямое указание Госкомитета по науке и технике (кажется, он так назывался), ВНИИ И не включил чертежи наших сверл в нормали. Нет их там и до сих пор, хотя во всех учебниках и других трудах по режущим инструментам пишут о сверлах Г. Г. Яшина, или, как их еще называют, "сверлах НПИЛ". Вот что значит "свои" и "посторонние", что значит борьба за "честь мундира" во вред общему делу!

Замечу, что модификации сверл НПИЛ, предназначенные для обработки легких сплавов, были в дальнейшем разработаны моим аспирантом Виктором Плешивцевым. Их и до настоящего времени изготавливают мелкими партиями в инструментальных цехах авиационных предприятий Самары, не имея возможности заказать на специализированных заводах сверл.

Завершая воспоминания о некоторых событиях, происшедших в период с 1951 по 1960 годы, отмечу, что в 1960 году в составе КИИ была восстановлена кафедра "Резание и режущий инструмент". Она была ликвидирована, вернее объединена с кафедрой "Технология машиностроения" в 1950 году, когда отец после появления статьи "На коленях перед Тейлором" и рьяного ее обсуждения в КИИ (об этом я писал выше) ушел из Индустриального института.

Коллектив новой кафедры я скомплектовал в основном из сотрудников НПИЛ, с которыми работал на 4ГПЗ. В состав кафедры вошли В. И. Пилинский, И. П. Лимонов, Г. Г. Яшин, И. С. Кушнер, А. М. Ма-ханов, Г. М. Гаврилов, а также старые сотрудники КИИ - доцент Г. В. Дембинский и старший преподаватель Л. А. Чижов. В дальнейшем кафедру дополнили пришедшие с производства М. И. Гофман, А. В. Шеин, Т. Н. Беляева и С. Я. Сагалович, а также аспиранты В. В. Басов, Ю. А. Новоселов, Н. А. Подлесова, Я. И. Барац и другие. Кафедра стала известным в стране центром исследований по теплофизике резания и алмазным инструментам. Но об этом расскажу в следующей главе воспоминаний.

Я ШАГАЮ ПО ТЕМПЕРАТУРНОМУ ПОЛЮ, ПЕРЕХОЖУ ВБРОД ТЕПЛОВЫЕ ПОТОКИ И ПОСТИГАЮ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Моя докторская диссертация называлась "Температурное поле и тепловые потоки при резании металлов". Вряд ли необходимо в этих записках раскрывать смысл и содержание диссертационной работы. Лучше рассказать о том, как я ее готовил, апробировал и защищал. Это представляет интерес с точки зрения истории семьи и может оказаться полезным тем читателям, которые пожелают пойти по пути научных исследований.

Несмотря на такую общую формулировку цели данной главы воспоминаний, полагаю все же необходимым сказать несколько слов о самой проблеме, которая легла в основу диссертации, иначе кое-что в дальнейшем изложении может оказаться непонятным. С развитием техники уровень энергетической оснащенности технологических процессов непрерывно возрастает. Академик А. И. Берг как-то писал, что в начале XIX века из всей энергии, потреблявшейся производством, 94% приходилось на мускульную энергию человека и животных, тогда как в XX веке доля мускульной энергии едва достигает 1%. Соответственно росту энерговооруженности технологических процессов в них возрастают тепловыделение и температура, которые часто становятся препятствием на пути повышения производительности операций и качества продукции. Поэтому проблема определения температур, описания температурного поля в зоне резания и отыскания путей управления тепловыми явлениями живо интересовала исследователей с того времени, как наука о резании металлов начала делать первые шаги, то есть с начала XX века. В первой половине XX века температуры при резании определяли только экспериментальным путем, что не позволяло создать общую теорию тепловых явлений и теорию управления ими. Отдельные теоретические работы, появившиеся в сороковых годах вначале в России, а затем за рубежом, решали задачу о температурах столь грубо, что результаты расчетов и экспериментов отличались друг от друга в десятки и сотни раз.

Теперь, отнюдь не с целью бахвальства, а только по логике изложе-

ния, приведу слова члена-корреспондента Академии наук СССР Н. Н. Зорева, одного из крупнейших ученых в области резания материалов. В письме ко мне 20 марта 1960 года Николай Николаевич писал: "На мой взгляд, Вам удалось создать основы общей теории тепловых явлений при резании металлов, показать, что основные следствия этой теории находятся в соответствии с экспериментально установленными фактами и, что самое важное, получить удовлетворительное количественное совпадение расчетных значений с наблюдаемыми".

Такова краткая информация о моей докторской работе и проблеме, которой она посвящена.

Теперь попробую сформулировать некоторые общие выводы об особенностях труда того, кто поставил перед собою серьезную творческую задачу и желает ее успешно решить. К этим выводам я пришел в процессе подготовки, апробации и защиты диссертации, а также в результате многолетней научной работы. Вполне возможно, что эти особенности относятся не только к научным исследованиям в области техники, но и к другим видам творчества.

На первое место я поставил бы увлеченность. Одним из главных условий творческого труда является работа не потому, что надо, а потому, что хочу. Даже если по каким-либо причинам надо, то оно должно трансформироваться в хочу. На свидание со своим письменным столом или с экспериментальной установкой исследователь должен идти с таким же настроением, как на свидание с любимой девушкой, то есть с радостью и желанием. Во имя творчества можно переносить трудности, жертвовать привычками. Я, например, во время работы над проблемами теплофизики бросил курить.

Дело было так. Я уже писал, что мы в начале пятидесятых годов жили вместе с моими родителями - занимали комнату в трехкомнатной квартире. В другой комнате (проходной) была столовая (там спала Христина, а раньше Боря с Раей), в третьей комнате - папа с мамой. Начинать работу за письменным столом я мог только тогда, когда все утихомиривались, то есть часов в 11 ночи. Работал далеко за полночь. Курить в комнате, где спали дети, естественно, было нельзя. Чтобы покурить, надо было тихонько пройти через столовую, мимо комнаты чутко спавших родителей, выйти на лестничную площадку, потом тем же маршрутом обратно. В работе, особенно при сложных математических выводах или расчетах, возникали дезорганизующие дело довольно частые перерывы, поскольку курил я много.

Кстати (если можно здесь употребить это слово), я простудился и к обычному кашлю курильщика добавился еще бронхиальный кашель. Все

это мешало работе над увлекшим меня исследованием. По совокупности обстоятельств я решил, что курить больше не буду, и пообещал это маме, которая много лет уговаривала меня бросить курение. И с тех пор не курю. Не могу сказать, что далось это легко, но именно потому, что наркотическое воздействие табачного дыма было заменено своеобразным наркотическим воздействием работы, которую выполнял с большим увлечением, я выстоял. Поистине прав А. П. Чехов, который писал: "Кто испытал наслаждение творчества, для того все другие наслаждения не существуют".

Вторая особенность - самодисциплина. В любой работе, как бы она интересна ни была, всегда существует необходимость периодически выполнять рутинные, как правило, трудоемкие расчеты или построения, без которых обойтись нельзя. Вчера вы упивались новыми задачами, новыми идеями, новыми решениями, вы горели от радости и наслаждения. А сегодня, чтобы двигаться дальше, вам надо делать какую-то нудную техническую работу. В то время, когда я писал диссертацию, такой работы у меня было хоть отбавляй - нужно было составлять таблицы значений нестандартных сложных функций, используемых при расчете температурных полей. Счетная техника, которой я располагал, состояла из логарифмической линейки и бухгалтерского арифмометра; ЭВМ еще не было.

Когда вам предстоит необходимая, но нудная работа, в вас (как, впрочем, и во мне) просыпается дремавший до поры до времени вольтер, который стремится отодвинуть начало работы, увести вас от ее исполнения. Вы садитесь за стол, и оказывается, что бумага, на которой предстоит писать, не очень хороша ("Подожди, завтра пойдешь в институт, поищешь бумагу получше!" - скулит вольтер). "Ладно, будем писать на этой бумаге," - решаете вы. Тогда оказывается, что в авторучке плохо пишет перо; вы ее разбираете, весь перемазываетесь чернилами, собираете ручку вновь, но она пишет еще хуже. ("Брось, завтра пойдешь в магазин, купишь перо получше или новую ручку!" - опять подает голос вольтер). И так далее, и тому подобное.

В этом случае нужно набраться мужества и строго сказать самому себе: "Перестань вольтерить! Принимайся за работу!" И оказывается, что на бумаге можно неплохо писать, вместо ручки можно использовать карандаш (даже лучше), и дело идет. Это я называю самодисциплиной. Нужно что-либо сделать - не уклоняйся, не отлынивай, а делай!

В древней еврейской притче сказано: "Если кто говорит: "Я скоро приступлю к делу", - у него гнусный характер; если кто говорит: "Я готов приступить к делу", - у него сносный характер; если же кто говорит:

"Я делаю дело", - у него характер прекрасный!" С этим я вполне согласен.

Теперь о третьей особенности - упрямстве и мужестве в достижении цели. В любой творческой работе, особенно если приходится идти непроторенными путями, возможны срывы и провалы. В этом случае люди слабой воли могут отступить от движения к избранной цели или даже совсем бросить начатое дело. Наоборот, настоящий исследователь должен сказать себе: "Отрицательный результат - это тоже результат", сделать необходимые выводы, преодолеть горечь поражения и упрямо продолжить движение к цели.

После полугода адской работы, сопровождавшейся выводом сложных формул, бесконечным верчением ручки арифмометра и перемещением визира линейки, я, наконец, смог сделать первый пример по расчету температуры резания. С бьющимся сердцем дописывал я последние строки расчета. О, ужас! Рассчитанная мною температура оказалась раз в десять больше той, которую наблюдали на практике. Еще один пример, сделанный с лихорадочной поспешностью, привел к еще большему расхождению между расчетом и экспериментом. Мой лоб покрылся холодным потом, сердце прыгало в груди, как испуганная птица в тесной клетке. Рушился, казалось, весь мой новый подход к теплофизическому анализу процесса резания! Все пропало! Все было ни к чему! Впору было бросать работу.

Два дня я не мог заставить себя вернуться к письменному столу. На третий, однако, стиснув зубы, решил начать все сначала. Двигаясь шаг за шагом, проверяя свои выводы и заключения, я в одной из самых первых формул обнаружил логическую ошибку - неправильно поставленный верхний предел интеграла. В этом ли было дело? Красными чернилами, словно собственной кровью, вносил я в прежнюю рукопись поправки, вытекающие из обнаруженной погрешности, упорно и со страхом двигаясь к конечному результату. Можете представить мое счастье, когда в новом варианте порядок температур, определенных расчетом и экспериментом, совпал!

"Достоин тот иметь, кто имеет мужество искать!" - писал Шекспир. Мужество необходимо исследователю, без него невозможно добиться цели.

В качестве четвертой особенности творческого труда я назвал бы умение слушать других. Это умение вообще полезно интеллигентному человеку, но особенно оно полезно тому, кто решает какую-либо творческую задачу. Дело в том, что будучи увлеченными своим делом, я сказал бы даже влюбленными в свою работу, мы иногда с порога отвергаем крити-

ку ее с той же горячностью, с какой отвергаем критику любимой девушки. Между тем, в критике со стороны, если только она не основана на нечистых побуждениях, всегда есть элементы истины, учтя которые, можно улучшить свой труд.

Приведу пример. Мне тяжело давалась публикация первых статей по теме диссертации в центральных научно-технических журналах. Этому были две причины. Во-первых, практический вывод из теоретических исследований по температуре резания был в какой-то мере сомнительным, если ориентироваться на труды авторов, писавших до меня; во-вторых, подход к решению тепловой задачи в моих работах был нетрадиционным и не всегда понятным тем, кто привык определять температуры чисто экспериментальным путем. В такой ситуации редакции журналов, как правило, стараются уклониться от публикации работ мало-знакомых авторов. Послав первую статью в журнал "Известия вузов. Машиностроение", я через некоторое время получил ее обратно с анонимной (так было принято) рецензией и отказом редакции принять работу к публикации по мотивам, изложенным в рецензии. Я прочитал рецензию и чуть не взорвался от возмущения. За малым исключением, замечания рецензента показывали, что он в материалах статьи не разобрался, просто не понял их! В тот же вечер я написал главному редактору журнала письмо, в котором разложил рецензента "на корки", а редактору советовал посылать статьи на отзыв грамотным людям, а не кому попало. "Спустив пар", лег спать, имея в виду утром отпечатать мое письмо на машинке и отправить адресату.

Утром, как говорят, на холодную голову, у меня возникла простая мысль: "Рецензент хоть какой-никакой, но специалист по резанию металлов, инженер или научный работник. Следовательно, он относится к кругу людей, для которых я делаю свою работу, в руки которых хочу дать новые методы и способы расчета. Если этот инженер или научный работник не понял моей работы, то скорее всего и многие другие не поймут, а значит, мои труды повиснут в воздухе. По-видимому, в статье есть недостатки изложения, делающие ее не понятной специалисту!" Я пересмотрел под этим углом зрения свою статью и действительно нашел в ней много мест, где изложение было сухим, слишком кратким и не вполне понятным. Переделал статью и вновь отправил ее в журнал с письмом редактору, в котором перечислял сделанные мною изменения в тексте, и в заключение (не выдержал все-таки!) просил послать статью на отзыв специалисту, более близко соприкасающемуся с проблемами тепловых явлений при резании.

Для тех, кто интересуется, что было дальше, скажу, что редакция жур-

нала решила одним махом угробить строптивного автора и показала (как я потом случайно узнал) мою статью академику В. И. Дикушину, бесспорному авторитету в области металлообработки. Он неожиданно (для редакции) быстро разобрался, в чем дело, и предложил опубликовать мою работу, не задерживая. Она вышла в очередном номере журнала.

Важной особенностью творческого труда является нетрадиционный подход к рассмотрению сложных проблем и к решению новых задач. Можно утверждать, что если задачи, которые вы поставили перед собою, решаются традиционными методами, то они наверняка уже решены; если вам эти решения неизвестны, то это недостаток информированности, не более того. Только новый, нетрадиционный подход позволяет подняться еще на одну ступеньку той лестницы, которая ведет науку бесконечно вверх. Заставить себя мыслить нетрадиционно, посмотреть на явление или процесс с новой точки зрения очень непросто, я бы даже сказал, трудно. Наше мышление огорожено забором привычных знаний и представлений, собственным и коллективным опытом. Перепрыгнуть через этот забор удастся не всем и не всегда.

Приведу пример из моего опыта работы над докторской диссертацией. Я поставил перед собою в качестве одной из задач изучить экспериментальным путем закон распределения температур на площадке контакта между стружкой и резцом в процессе резания. Размерами эта площадка невелика, как правило, несколько квадратных миллиметров, вроде той площадки, какую занимает на кончике ножа щепотка соли, которую вы решили добавить в свою чашку бульона. На площадке контакта возникают температуры в несколько сотен (даже до тысячи) градусов, определяющие износ и разрушение инструмента.

Теперь, уважаемый читатель, какой бы специальности вы ни были, задам вам задачу. Перед вами достаточно крупный резец, зажаты в станке, ясно видимый и вполне определенный. С другой стороны - стружка, бегущая по резцу, завивающаяся неорганизованно, часто ломающаяся. Если вам надо вставить устройство для измерения температуры, места их соприкосновения (условно говоря, термометр), куда вы его вставите - в резец или в стружку? Не сомневаюсь, что все, кроме тех, кому задача будет непонятна (у них, кстати, прошу прощения за технические подробности), поместят измерительное устройство в резец. Именно так и поступали многие исследователи. Но "термометр", именуемый в нашем случае термопарой, имеет определенные габариты, а площадка контакта, на которой надо измерить температуру, очень невелика. Поэтому в самом лучшем случае удавалось, просверлив дырочки в резце, установить на этой площадке одну-две термопары и измерить температуру в

одной-двух точках, что никого не устраивало. Вот почему американские ученые Б. Чао и К. Триггер, подводя итоги исследованиям, выполненным многими авторами (и ими в том числе), пришли к пессимистическому выводу, что непосредственно изучить закон распределения температур на поверхности контакта резца со стружкой пока невозможно. Они опубликовали свое заключение в одном из известных американских журналов в 1955 году. Когда я примерно через год получил этот журнал, то улыбнулся - к этому времени в НИИЛ уже создали метод, позволявший непосредственно записать закон распределения температур в процессе резания. Идея была нетрадиционной: все размещали измеряющий термоэлемент в резце, а я предложил помещать его в стружку и с помощью этого элемента по мере движения стружки по резцу записывать по осциллографу температуру контакта.

Слишком сложно и вряд ли необходимо рассказывать здесь о том, как это было сделано. Кто захочет - может прочитать о так называемой "бегущей" термодаре в любом учебнике по резанию материалов и в других книгах. Важно то, что решение удалось получить, "перепрыгнув" тот самый забор из традиционных знаний и представлений, о котором шла речь выше.

Эйнштейн как-то сказал, что открытия совершают невежды: все знают, что так нельзя делать, а он не знает, поэтому делает, и у него получается. В острофористичной манере, свойственной великому ученому, он хотел, по-моему, привлечь внимание к нетрадиционному мышлению ("делать не так, как делают все").

Заканчивая обсуждение вопроса о поиске нетрадиционных подходов, я хотел было заметить, что этот поиск отнюдь не является парением в облаках бесплотных фантазий. И тут все же решил это замечание не делать, так как вспомнил потрясший меня в свое время отрывок из книги В. Чивилихина "Память" (Роман-газета, № 4, 1985). Там написано:

"В 1848 году "Московские губернские ведомости" напечатали заметку о том, что мещанина Никифорова за крамольные речи о полете на Луну сослали на поселение в Байконур."

Надо же! Сослали именно туда, откуда через 122 года был запущен на Луну самоходный аппарат ("луноход"). Так что фантазируйте, друзья! Даст Бог, вас никуда не сошлют, и вы найдете свой Байконур в процессе творчества!

Наконец, остановимся на последней (по порядку, но не по важности) особенности творческого труда из числа тех, которые позволяют мне сформулировать многолетний опыт научной работы. Я имею в виду широту взглядов исследователя и его умение использовать их в своих целях

достижения сопредельных наук. Об этом, по-моему, очень хорошо сказал известный математик академик П. С. Александров: "Литаврист, впервые не игравший в оркестре, а бывший слушателем в зале оперы, сказал: "В то время, когда я играю на своем инструменте свою партию "бум-бум", оказывается, певцы поют прекрасные арии, а скрипачи и виолончелисты ведут прекрасную тему". Так вот, нужно, чтобы люди, занимающиеся наукой, не только слышали свое "бум-бум", но слышали и ту красоту, которая происходит в их науке, и во всей науке, и во всей человеческой культуре".

Если говорить о технических науках, то я полагаю, что наиболее значительные и красивые исследования получаются тогда, когда для описания тех или иных процессов или явлений применяют современную математику. Не зря ведь еще Маркс писал, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой. При этом я имею в виду не "математизирование" закономерностей и формул, которые, грубо говоря, можно было получить с помощью четырех действий арифметики или методов элементарной алгебры. Мне не раз приходилось сталкиваться с такими трудами, в которых их авторы свою бездарность пытаются прикрыть "математическим туманом". Не могу удержаться от рискованной аналогии, за которую прошу читателя меня извинить. Проводя ее, опираюсь на некоторую общность законов творчества для науки и искусства. В одном из солидных журналов опубликовано произведение Эдуарда Лимонова "Это я, Эдичка", текст которого обильно пересыпан нецензурными выражениями. Когда во время встречи в Останкино, транслировавшейся по телевидению, Лимонову был задан вопрос по поводу неприличной формы его повести, писатель ответил, что он хотел таким путем сделать основные мысли произведения доходчивыми, соответствующими современному языку общения людей. Как видим, здесь все тот же прием - прикрытие бездарности содержания трескотней того или иного вида (в данном случае непотребщиной). Одни - инженеры - для того, чтобы прикрыть убогость мышления, "математизируют" изложение, а другие - писатели - "матизируют" его. Где уж тут красота человеческой культуры, о которой говорил академик Александров!

Но возвратимся к моей докторской диссертации. Математика и сведения из сопредельных наук, которые я применил при анализе процесса механической обработки материалов, доставили мне многие радости и некоторые огорчения. Главная радость состояла в том, что математический аппарат, разработанный членом-корреспондентом АН (впоследствии академиком) Н. Н. Рыкалинным для анализа тепловых процессов при сварке, мне удалось трансформировать, применить к процессу резания

и таким путем получить новые результаты, о которых писал Н. Н. Зорев в приведенном выше отзыве о моей работе.

Огорчения же были связаны с тем, что математический подход к анализу теплофизической обстановки в зоне резания в то время был воспринят некоторыми коллегами по науке не сразу, а иногда и в штыки. Я уже писал о трудностях, возникших при прохождении первых статей по теплофизике резания в центральном журнале. Определенную нерешительность проявили и в Томском политехническом институте, в совет которого я сдал диссертацию на защиту - от момента поступления моей работы в совет и до защиты прошло почти полтора года. Но самый драматический эпизод разыгрался во время защиты, вернее, во время утверждения решения совета механико-технологического факультета на большом совете института. Об этом стоит рассказать подробнее.

Защита была назначена на 9 декабря 1959 года. Мы с Беллочкой (она, конечно же, не могла отпустить меня одного!) выехали из Куйбышева и с пересадкой в Новосибирске добрались до Томска, приехав за два-три дня до защиты, чтобы иметь возможность акклиматизироваться. Акклиматизироваться пришлось серьезно: во-первых, разница во времени составляла три часа, а во-вторых, в Томске стояли морозы до минус 42° по Цельсию.

Защита проходила в аудитории, в которой было довольно холодно, поэтому все присутствующие сидели в верхней одежде. Только диссертант был по всей форме - в костюме и при галстуке, так что было холодновато. Нервного подъема, который мог бы согреть, не было. Я устроен так, что волнуюсь не в день выступления или экзамена, а примерно за два дня до этого. Поэтому защита на совете факультета шла спокойно и даже явно провокационные вопросы, которые задавал председательствовавший профессор Добровидов, рассчитанные на то, чтобы сбить меня с толку, не привели к результату, который ожидал вопрошавший.

Оппоненты - известный ученый-резальщик профессор А. М. Розенберг, профессор А. Н. Еремин и профессор-теплофизик Шваб (инициалов, к сожалению, не помню) дали хорошие отзывы о диссертации; в вопросах и выступлениях членов совета серьезной критики практически не было. Нескольким неожиданным поэтому оказался результат тайного голосования - из 17 членов совета 14 "за" и 3 "против", хотя даже при таком раскладе голосов необходимые 2/3 были обеспечены.

В тот же вечер Александр Минеевич Розенберг и его милейшая супруга Ксения Александровна (к сожалению, ныне уже покойные) пригласили нас с Беллой к себе домой, познакомили со своими двумя сыновьями (сейчас они оба доктора наук, профессора) и их женами, приветли-

во встретили и согрели душевным теплом в чужом и незнакомом городе.

Решение совета механико-технологического факультета по результатам защиты диссертации, как того требовала инструкция ВАК (Высшей аттестационной комиссии), следовало утвердить на заседании большого (общейнститутского) совета. Это заседание должно было состояться через неделю, 16 декабря 1959 года. Так что мы с Беллочкой остались еще на неделю и имели время для того, чтобы познакомиться с Томском. Сорокадвухградусный мороз не очень мешал, так как, во-первых, мы были молоды, а во-вторых, при абсолютном отсутствии ветра мороз переносился сравнительно легко. Достаточно было тепло одеться, перекрыть рот и нос шарфом, и можно было ходить и ездить по городу. К чести городской администрации скажу, что в дни экстремальной погоды трамваи и троллейбусы ходили изумительно точно, по расписанию - через каждые две минуты к остановке подходил очередной вагон. В транспорте пассажиры стояли (сидеть было холодно), но не толпились, не толкали друг друга, так как вагоны не были переполнены.

Мы побывали в городском музее, в кино. Город произвел на нас хорошее впечатление молодостью населения (значительную часть жителей составляли студенты), красотой некоторых старинных зданий и улиц. В магазинах было много разных продуктов, особенно рыбы.

По вечерам мы неоднократно бывали в семье Розенбергов. Впервые смотрели там телевизор, поскольку Томск был одним из первых городов, организовавших свою телестанцию. Громадное впечатление на нас произвел рассказ Иракия Андронникова "Загадка Н. Ф. И.", который передавало местное телевидение.

В эти дни я получил из Куйбышева от студентов мехфака телеграмму следующего содержания:

Арон Наумович, с волнением Мы ждем известия от вас. Примите наше поздравление Без громких слов и лишних фраз. Пускай трепещут оппоненты, Да будет в прах низвергнут враг. Ждем доктора с победной лентой. С приветом дружеским! Мехфак.

Дорогие мои ребята! Насчет оппонентов они зря написали, оппоненты вели себя как положено - строго, требовательно и объективно. Но мои юные коллеги интуитивно чувствовали, что у работы есть враг, хотя

не знали, что это - косность. Представителем косности оказался председатель Ученого совета механико-технологического факультета, уже упоминавшийся профессор-металловед Добровидов. Докладывая 16 декабря 1959 года на большом совете о состоявшейся защите, он завершил свое сообщение утверждением, что неединогласное голосование имело причиной слишком большой объем математики и теплофизики в диссертации. Поэтому, как он полагал, работа не соответствует профилю совета факультета, защита должна быть отменена, а диссертация передана в другой институт или на другой факультет. Он назидательно сказал, что обязанность членов большого совета состоит именно в таком решении вопроса.

Женщина, член совета, спросила Добровидова о том, присутствовал ли он на защите. "Присутствовал и вел заседание," - ответил профессор. Тогда она задала второй вопрос - высказывал ли профессор на заседании совета факультета то, что говорит на большом совете. Добровидов ответил отрицательно. "Тогда это элементарная непорядочность!" - громко сказала член совета.

По предложению ректора института совет решил заслушать оппонентов и меня. Я рассказал о новых результатах, относящихся к теории резания металлов, полученных мною; упомянул о том, что часть работы была сделана в научно-производственной лаборатории на 4ГПЗ; рассказал об опыте внедрения в производство новых инструментов, при конструировании которых выполнялся теплофизический анализ. В заключение высказал мысль, что многие проблемы, стоящие перед отраслевыми науками, должны решаться на фоне фундаментальных наук, в частности, математики. В нынешнее время такое заключение не имело бы смысла - теперь это ясно всем и не требует доказательств. В те же годы (все-таки более тридцати лет тому назад!) ряд специалистов, особенно технологов, привыкших к превалирующей роли экспериментов, не всегда были согласны с такой постановкой вопроса. Не знаю, были ли у профессора Добровидова какие-либо другие претензии ко мне лично или к моей работе, но думаю, что немалую роль в его поведении сыграло то, что в металловедении той поры математические методы применялись слабо.

Большой совет, в который входили немало крупных ученых, мыслил более прогрессивно, чем заведующий кафедрой металловедения. При тайном голосовании из 35 членов совета 31 отдал свои голоса "за", трое (по-видимому, те же, что и раньше) - "против", а один - воздержался. После объявления результатов голосования член совета, массивный мужчина с открытым красивым русским лицом, под смех своих коллег внес

предложение поблагодарить профессора Добровидова за точное объяснение обязанностей членов большого совета при решении обсуждавшегося вопроса. "Нокаут!" - негромко сказал кто-то из сидевших позади меня.

Вечером следующего дня мы выехали из Томска и через пять суток добрались домой. В дороге у нас было только одно, если его можно так назвать, приключение. Понадеявшись на четырехчасовой перерыв между поездами при пересадке в Новосибирске, а также на вагон-ресторан в поезде "Новосибирск - Куйбышев", мы в Томске купили только красной рыбы "семужного посола" и мандаринов. Но железная дорога припод-несла нам два сюрприза: первый - из-за опоздания поезда из Томска в Новосибирске у нас едва-едва хватило времени, чтобы закомпостировать билеты в Куйбышев и сесть в поезд; второй - вагон-ресторан оказался в ремонте и в нашем составе его не было. Поэтому до Омска мы питались исключительно экзотической пищей - красной рыбой с мандаринами без хлеба. Только в Омске на вокзале я купил буханку хлеба, которая по своей твердости вполне могла служить броней снарядом. Но так или иначе мы приехали домой, и 1960 год встретили в хорошем настроении.

ПОЯВЛЯЕТСЯ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СЕМЬИ, А СТАРЫЕ ПРОДОЛЖАЮТ ЖИТЬ, УЧИТЬСЯ И РАБОТАТЬ

В следующем десятилетии, а точнее в 1967 году, произошло событие, сильно повлиявшее на судьбу всей нашей семьи - меня назначили ректором Тольяттинского политехнического института. О том, как это получилось, я напишу в дальнейших главах. Сейчас же расскажу о некоторых событиях, происшедших в период между 1960 и 1967 годами.

Пятого августа 1961 года состоялось важнейшее для нас событие - появилось на свет новое поколение семьи. Инна родила дочку Олечку, сразу сделав меня с Беллочкой дедом и бабушкой, а моих родителей и Ольгу Давидовну - прадедом и прабабушками. Не знаю, как я выглядел дедом, но Беллочка определенно не была похожа на бабушку. Наш знакомый - народный артист РСФСР Г. А. Шебуев - называл ее "бабушка-

симулянтка", имея в виду несоответствие между внешним видом Беллочки и термином "бабушка".

С супругами - народными артистами Зоей Константиновной Чекма-совой и Георгием Александровичем Шебуевым - мы, завязтые театралы, были знакомы как зрители по многим спектаклям Куйбышевского драматического театра, в которых они играли ведущие роли. Но более близко познакомились с этими очаровательными людьми в доме отдыха "Белое озеро" в 1946 году. Зоя Константиновна любила брать с собою Ин-ночку и идти в лес по грибы. Мы с Георгием Александровичем гуляли, обсуждая разные проблемы.

По приезде домой встречались в театре (я одно время участвовал в заседаниях общественного худсовета при театре), а также во время вечерних прогулок, для которых Георгий Александрович с Зоей Константиновной и мы с Беллочкой облюбовали площадь Куйбышева. О Зое Константиновне лучше не скажешь, чем было написано в рецензии на постановку пьесы Горького "Варвары", в которой она играла Надежду Монахову.

"Она очень красива, стройна, со вкусом одета - и всем этим уже отчетливо противостоит своему обывательскому окружению. Она движется по сцене сосредоточенная, недоступная, увлеченная своими думами, и ее широко открытые выразительные глаза все время устремлены куда-то вдаль."

Чекмасова блестяще играла главные роли в спектаклях, поставленных по пьесам А. Н. Островского, - Купавину в "Волках и овцах", Неги-ну в "Талантах и поклонниках" и другие.

Георгий Александрович - высокий, артистичный с головы до пят, играл роли в широком диапазоне - от герцогов и графов (например, в комедии Скриба "Стакан воды") до Протасова в "Детях солнца" Горького или генерала Реутова в пьесе Кремлева "Крепость на Волге" (после исполнения этой роли Г. А. Шебуев стал лауреатом Государственной премии СССР). Юмор, ирония, мудрость были чертами характера Г. А. Ше-буева. Вполне в его стиле было, например, выступление на юбилее Куйбышевского оперного театра, на котором и мне довелось присутствовать: "Наш оперный театр, - сказал Шебуев, - по составу труппы должен быть отличным - в нем работают актеры Соловьев, Дроздова и другие певчие птицы. Даже директор театра имеет музыкальную фамилию - Садковой. Вдумайтесь! "Садко" - известная опера, а "вой" - какая ни есть, а все же музыка!"

В 1992 году общественность Самары отметила 90-летие З. К. Чекма-совой. Г. А. Шебуева, к сожалению, уже давно нет с нами.

Увлечшись воспоминаниями о любимых актерах, я отклонился от основной темы - нового поколения семьи и ее главной героини - Олечки. Малышка быстро подрастала, начала ходить и говорить, была очень уравновешенной, смешливой и общительной. Как все дети, имела своеобразное мышление. Например, приходя из детсадика или с гуляния домой, всегда сразу спрашивала: "А кулька ляба была?" Нужно было ответить: "Нет, Олечка, курка Ряба не была!" Тогда она спокойно раздевалась и принималась за свои девчоночьи дела. Если же кто-либо по незнанию или невниманию отвечал: "Была, была!", то Олечка нахмуривалась и строго говорила: "Нет, не была!" - и отворачивалась от обидчика. По-видимому, уходя, малышка всегда беспокоилась о том, что в ее отсутствие может прийти сказочная курка Ряба, которая снесет яичко не простое, а золотое, а Олечка пропустит этот важный момент. И, возвращаясь домой, она должна была убедиться, что ничего такого не произошло.

Забегая вперед, отмечу, что в школе Олечка училась хорошо, организаторскими способностями или твердостью характера не отличалась, была обычной девочкой. Тем разительнее перемены, которые произошли с ней в двадцать пять - тридцать лет. Теперь Ольга - хороший организатор, достаточно жесткий менеджер, источник многих и оригинальных инициатив. Уверенно водит свои "Жигули", отлично смотрится по телевизору в передачах, посвященных страховой компании "АСКО", в которой она работает.

Под статью своему мужу Юре Анцыферову, деловому и серьезному человеку. Оля и Юра положили начало следующему поколению нашей семьи - в 1980 году у них родилась дочка, названная Яной, так что мы с Беллой теперь уже прадед и прабабушка.

Но вернемся в те времена, когда прадедом и прабабушками были только наши родители, и посмотрим, что происходило в те годы с другими членами семьи.

Лева в 1962 году с похвальной грамотой закончил четыре класса восьмилетней (неполной) средней школы № 3, и мы перевели его в среднюю школу № 6, в которой, во-первых, можно было закончить 10 классов, а во-вторых, педагогический коллектив был сильнее, чем в школе № 3. К нашему ужасу сынок-отличник стал в новой школе получать тройки по математике. На классном собрании родителей я попросил пояснить, в чем дело, и получил от учителя математики Сергея Федоровича Погодина короткий ответ: "Делает меньше, чем может!"

С. Ф. Погодин был оригинальным человеком и педагогом. Лева, вспоминая о нем, рассказывает, что "Сережа", как звали учителя между

собой ученики, немолодой человек, был очень высокого роста, худой, как будто вытянутый по вертикали. Предмет свой знал отлично, но отлично знал также и литературу, часто и к месту на уроках математики читал на память отрывки из "Евгения Онегина" и других произведений. Склонен к эксцентричным поступкам - мог, например, входя в длинное классное помещение, через головы учеников от самой двери бросить классный журнал на стол, причем всегда попадал. Был страстным болельщиком футбола - мог за свой счет купить билеты на очередной матч с участием куйбышевской команды "Крылья Советов" для всего класса и во главе его прийти на стадион. К ученикам относился доброжелательно, но строго - от каждого требовал полной отдачи сил. Всегда склонен был поставить скорее более низкую, чем более высокую оценку, если уровень знаний ученика находился между ними. Подход к каждому из ребят у него был индивидуальный - то, что могло быть оценено четверкой для более слабого ученика, неизменно оборачивалось тройкой для более сильного. Высокой требовательностью к Лева С. Ф. Погодин добился того, что сын отлично знал математику. Погодин впоследствии стал регулярно ставить ему пятерки, даже привлекал к проверке домашних заданий соучеников.

Школа № 6 была достаточно элитной, в ней, в частности в левином классе, учились дети крупных начальников. С. Ф. Погодина совершенно не интересовало положение родителей ученика. Он, приводя в ужас школьную администрацию, мог систематически ставить низкие оценки сыну секретаря горкома партии или дочери какого-либо другого из местных высокопоставленных лиц. Папы и мамы жаловались в районный отдел народного образования, Сергея Федоровича неоднократно туда вызывали, обсуждали на заседаниях педсовета школы. Но он не отступал ни на шаг! После любых "проработок" оставался строгим и требовательным. Поэтому при очередном награждении или поощрении С. Ф. Погодина, как правило, обходили. И знаете, кто ценил учителя по заслугам? Его ученики! На выпускном вечере, рассказывает Лева, первый и самый большой букет цветов ребята преподнесли Погодину, ему же достались самые бурные и длительные аплодисменты, самые теплые слова.

Теперь, уважаемый читатель, идем дальше. Поскольку о родителях, Боре и Беллочке я рассказывал в предыдущих главах, скажу о себе. В 1961 году правительство наградило меня орденом "Знак Почета". В период времени между 1960 и 1967 годами вышли в свет три моих монографии: "Режущий инструмент для автоматов и полуавтоматов" (в соавторстве с сотрудниками НИИЛ), "Алмазные режущие инструменты" и "Теплообмен при резании и охлаждении инструментов". Первые две

вышли в Куйбышевском книжном издательстве, а последняя - в Москве, в центральном издательстве "Машгиз" (впоследствии переименованном в "Машиностроение").

В 1960-1967 гг. защитили кандидатские диссертации девять аспирантов и сотрудников, работавших под моим руководством.

В апреле 1965 г. ректорат Азербайджанского политехнического института (АзПИ) пригласил меня прочитать цикл лекций по теории резания и проконсультировать научных работников. Впервые я прилетел в Баку. Город произвел на меня прекрасное впечатление, особенно его прикаспийская набережная, которую местные архитекторы украсили рядом изящных павильонов, а прибрежной части придали вид "мини-Венеции" с каналами, мостиками, бассейнами и фонтанами. Люди различных национальностей жили в городе дружно, одевались красиво, любили гулять по набережной и другим улицам города.

Прибыв в Баку под вечер и разместившись в гостинице того же названия, что и город, я на другой день к девяти часам утра, как обычно дома, пришел на работу на кафедру "Технология машиностроения" АзПИ. Этим учинил небольшой переполох, так как на кафедре застал только лаборанта. Члены кафедры, как они мне потом объяснили, предполагали, что профессор выспится только, дай Бог, к обеду, а может быть, вообще придет через день или два (в запасе ведь еще две недели!). Лаборант побежал к телефону, и вскоре почти все члены кафедры собрались. Мы выработали достаточно напряженный график лекций и консультаций, включили в него беседы со всеми, кто высказал такое желание, посещение бакинского бюро новаторов производства, с которым кафедра была тесно связана, а также другие научные контакты.

Вряд ли необходимо рассказывать подробно об этих контактах. Мне кажется более правильным, особенно в свете нынешних событий, упомянуть об общей атмосфере, царившей на кафедре. Основную часть сотрудников этого коллектива составляли азербайджанцы, но были и лица других национальностей. Начать с того, что в течение многих лет кафедрой заведовал доцент, кандидат технических наук Федор Маркович Яро-шевский, бакинский еврей, пользовавшийся большим авторитетом на предприятиях города. В состав кафедры входил Карпов С М . - русский, давний житель Баку, а также украинец, мой бывший студент-выпускник КИИ (фамилию, к сожалению, забыл). Кафедра работала слаженно, члены коллектива относились друг к другу с уважением, дружили домами.

На кафедре было много молодых, энергичных и толковых людей, интересовавшихся тепловыми процессами при резании и алмазной обработкой материалов, то есть как раз теми областями науки, в которых ра-

ботал и я. Поэтому у меня с АзПИ завязались тесные контакты. Впоследствии со мной работали бакинцы (теперь кандидаты наук) Адиль Джафаров, Али Гаджиев, Айдын Гафаров, Асим Мирзоев, Вагиф Мовла-заде, Али Садыхов. Одни из них были моими аспирантами, другие - соискателями, у третьих я был консультантом или оппонентом по диссертации.

Мне еще дважды довелось побывать в Баку - в 1973 году и в ноябре 1988 года. Оба раза я приезжал с Беллочкой. В 1973 году мы с удовольствием окунулись в темпераментную жизнь южного города, мирного и благополучного. В ноябре 1988 года в Баку состоялось выездное заседание Научно-методического совета по технологии машиностроения Минвуза СССР, членом которого я являлся. Самолет, которым прилетели мы с Беллой, прибыл примерно в час ночи. В аэропорту нас встречали мои бакинские друзья. Они отвезли нас в профилакторий "Загульба", расположенный на берегу Каспийского моря, где организаторы заседания разместили членов совета. Название профилактория является каким-то азербайджанским словом, его не следует трактовать по-русски, бросая тень на отдохавших (или приехавших на заседание научного совета) людей. Небольшое исключение, правда, следует сделать вот по какому случаю. В трехкомнатной квартире, которую мы с Беллочкой получили на время сессии совета, к моменту прибытия из аэропорта - примерно в половине третьего ночи - с истинно восточным гостеприимством был накрыт стол, и мы то ли поздно ужинали, то ли ранехонько завтракали в кругу друзей и знакомых.

В ту ночь и в последующие два дня в городе было спокойно, хотя огонь карабахского конфликта уже, как говорили друзья, накалял атмосферу и здесь. Но к вечеру второго дня правительство объявило о введении в Баку комендантского часа, все въезды и выезды из города заняли танки и бронемшины. В городе сразу начались демонстрации и забастовки. Когда мы захотели на чьей-то автомашине съездить в центр города, то наткнулись на улицы, перекрытые грузовиками и автобусами, на колонны демонстрантов с различными лозунгами. Наша машина приостановилась в каком-то месте. И сразу из толпы людей, двигавшихся по улице, выскочили трое мужчин с перекошенными злобой лицами. Заглядывая в открытые окна машины, они орали: "Карабах! Карабах!" Мы спешно ретировались.

С тяжелым сердцем в тот раз мы покидали Баку, который на наших глазах превратился из цветущего, уравновешенного города с жителями, спокойно и дружелюбно относившимися друг к другу, в издерганный город, с нарушенным транспортом, беспорядочно перемещающимися по-

токами жителей, озлобленных, растерявшихся, опасющихся за жизнь и судьбу своих семей, своих детей.

Я не знаю, кто виноват в тех кровавых конфликтах, первым из которых стал карабахский. Политики разного толка говорят по-разному. Я, как уже писал выше, не хочу в этих воспоминаниях вмешиваться в политику. Но свидетельствую как очевидец - спокойный, благополучный, цветущий город в одночасье был взорван, брошен в огонь междоусобицы и беды. Теперь националистический угар полностью овладел Азербайджаном, как и некоторыми другими республиками, именующими себя суверенными. Переписка, которую я поддерживал в течение двадцати пяти лет с друзьями из Азербайджана (кстати, как и с друзьями из Армении), прервалась. В 1991 и 1992 гг. я не получил из этих республик даже ответа на новогодние пожелания здоровья и благополучия, которые получал много лет подряд.

История, наверно, разберется, назовет и осудит виновных в развале страны и национальных конфликтах на ее территории. Может быть, мои дети и внуки станут свидетелями справедливого суда истории. Желаю им этого!

Не хочется заканчивать эту главу на грустной и трагической ноте. Поэтому расскажу об одном комичном случае, свидетелем которого я был в первое же свое посещение города Баку. В предвечернее время ко мне в гостиницу пришли Адиль Джафаров и Али Садыхов и сказали, что их друг Рафик, который в тот день успешно защитил диссертацию, очень просит меня принять участие в банкете по этому поводу. Я ответил, что с Рафиком не знаком, на защите у него не был, не знаю даже, на какой кафедре сделана диссертация, и поэтому не могу понять, почему я вдруг удостоился приглашения на банкет. В ответ мне сказали, что Рафик считает себя моим другом и на банкет приглашает как старшего друга. Мое недоумение по поводу термина "друг" по отношению к совершенно незнакомым людям приехавшие за мной бакинцы парировали с чисто математической аксиомативностью: "Вы наш друг? Друг! Он наш друг? Друг! Следовательно, вы с ним должны быть друзьями!" Словом, по принципу: "Две величины, порознь равные третьей, равны между собой".

Бакинцы настаивали, я, впрочем, не очень сопротивлялся, так как вечер у меня был не занят, и мы поехали на банкет. Он происходил в подвале жилого дома работников литературы и искусства. По-видимому, остро и часто нуждаясь в том, чтобы банкетный зал был, как говорят, под рукой, писатели, артисты и художники пожертвовали кладовками и погребями, которые должны быть в любом жилом доме. Освободившиеся помещения разгородили, хорошо отремонтировали и осветили. Полу-

чился длинный зал с подсобными комнатами для подогрева пищи и хранения посуды. Столы в зале были установлены в виде длинной буквы П.

Меня наскоро познакомили с диссертантом, он тут же убежал, так как был занят сервировкой столов и дирижировал подачей блюд. В зале уже было человек шестьдесят, приглашенные все еще прибывали. Их тут же усаживали за столы. Меня, например, посадили на одно из мест, расположенных на короткой планке буквы П. Слева от меня посадили одного из моих приятелей. Он познакомил меня с соседями, сидевшими справа от меня. Это были по порядку расположения (вы скоро поймете, почему я дотошно описываю размещение гостей за этой частью стола): первый оппонент, профессор, приехавший из какого-то другого города; декан факультета; жена декана факультета; заведующий кафедрой, на которой работал диссертант; тамада, руководивший столом. Далее сидели другие гости, в основном мужчины, так как у азербайджанцев не принято ходить на банкеты и в ресторан с женами. Упомянутая выше жена декана факультета, довольно интересная, молодящаяся женщина, присутствовала потому, что была самостоятельной единицей. Как я понял со слов моего приятеля, она работала доцентом на той же кафедре, что и виновник торжества, и помогала ему в процессе подготовки диссертации к защите.

Банкет начался. Звучали традиционные тосты. Диссертант и его подручные непрерывно подносили все новые блюда и напитки. Присутствовавшие уже несколько "подогрелись", в зале стало шумно.

По прошествии некоторого времени первый оппонент, по-видимому, большой специалист по послезащитным банкетам, заметил, что не был произнесен один из важных традиционных тостов. Вознамерившись произнести этот тост, потянул за рукав сидевшего справа от него декана и спросил: "Жену, жену как зовут?" Декан в это время, отклонившись за спину своей супруги, что-то бурно обсуждал с заведующим кафедрой, сидевшим дальше. На вопрос оппонента он автоматически назвал женское имя, допустим, "Солмаз", и продолжал свою беседу с завкафедрой. Движимый благородным чувством, слегка захмелевший оппонент встал и попросил слова. В зале стало немного тише. "Я подымаю свой бокал, - сказал оппонент, - и провозглашаю тост за уважаемую Солмаз. От души желаю, чтобы она продолжала жить с дорогим диссертантом так счастливо, как живет сейчас!" В зале повисла мертвая тишина. Острота ситуации состояла в том, что декан, не поняв, что оппоненту нужно имя супруги диссертанта, автоматически назвал ему имя своей жены! Единственным, кто не растерялся, был тамада. Сообразив, в чем дело, он попытался овладеть обстановкой, сказав, что уважаемый профессор приехал

издалека и поэтому не знает, что дорогой Рафик еще не женат. Следовательно, тост надо понимать как доброе пожелание диссертанту найти избранницу сердца и счастливо прожить с нею всю жизнь. Конфликт хуже или лучше был устранен.

Вот что значит выступать на ответственных собраниях, не располагая достаточно проверенными сведениями. Кстати, это относится не только к оппонентам и не только к банкетам!

ЧАСТЬ III

РАЗ, ДВА - И В РЕКТОРА!

Приступая к воспоминаниям о периоде времени, который начался с моим назначением ректором ТПИ, я понимаю, что писать об этом периоде будет труднее, чем о более ранних годах жизни. Может быть, и читать эту часть воспоминаний будет не так легко и интересно (если это было!), чем предыдущие главы записок, поскольку мне придется затрагивать более сложные и общие проблемы жизни общества. Кроме того, период в 15-20 лет, прошедший с той поры, кажется большим, но не достаточным, чтобы четко выкристаллизовались оценки, утвердились или были отвергнуты те или иные точки зрения на события, на поведение людей, на свое собственное поведение. Такие оценки, характеристики и суждения особенно трудно сделать в нынешнее неустойчивое время, поскольку еще совсем не ясно, к чему приведут изменения, происшедшие и происходящие в обществе, в том числе и в высшей школе, по сравнению с предыдущим двадцатипятилетием или же семидесятилетием. Но отведенного мне ресурса времени может не хватить для того, чтобы факты и действия получили правильную оценку, выкристаллизовались в сознании. Поэтому буду излагать их так, как вижу сейчас, независимо от той оценки, которую могут дать сторонники или противники моих взглядов в нашем нынешнем пестром обществе.

В этой части записок я вынужден буду приводить некоторые цифры и другие данные, характеризующие развитие института. Постараюсь, чтобы цифр было минимально возможное количество. В соответствии с принятым мною стилем изложения речь пойдет прежде всего о людях, с которыми встречался и работал, о жизни семьи и моей лично. Третью часть записок отнюдь не следует рассматривать как строгую историю Тольяттинского политехнического института, хотя, конечно, ряд фактов и событий, излагаемых мною, вплетаются в эту историю.

Сделав эти предварительные замечания, приступаю к рассказу о пе-

риоде жизни, совпавшем с моей работой в качестве ректора ТПИ.

В середине шестидесятых годов правительство СССР вело переговоры с итальянской фирмой FIAT о строительстве в нашей стране крупного предприятия по выпуску современных автомобилей. Насколько мне известно, была создана специальная комиссия по выбору площадки для строительства завода. Она рассматривала несколько вариантов размещения предприятия - в том числе в Горьком, в Набережных Челнах (там впоследствии был построен завод по выпуску грузовых автомобилей КамАЗ), в Полтаве и Тольятти. Преимущество было отдано Тольятти. Среди других факторов в этом решении немалую роль сыграло то, что город Тольятти служил базой для крупнейшей строительной организации Куйбышевгидрострой, мощности которой были недостаточно загружены после того, как она завершила строительство Куйбышевского гидроузла и ГЭС на Волге, а также возведение ряда предприятий большой химии, расположенных в этом районе.

Начальником Куйбышевгидростроя (КГС) многие годы был Иван Васильевич Комзин, крупнейший организатор строительного производства, впоследствии профессор, заведующий кафедрой в одном из московских вузов и руководитель научно-исследовательской организации в Москве. И. В. Комзин большое внимание уделял подготовке инженерных кадров для многотысячного коллектива КГС. Поэтому еще в 1951 году он добился организации в Ставрополе-на-Волге (так тогда назывался город, переименованный в Тольятти в 1964 году) филиала Куйбышевского индустриального института. Ставропольский филиал КИИ готовил без отрыва от производства инженеров-строителей, энергетиков, механиков. Вначале новое учебное заведение занимало убогие здания. Однако в дальнейшем с помощью КГС был построен современный учебный корпус (ныне главный корпус Тольятти некоего политехнического института). На средства химических предприятий построили еще один корпус - для химического факультета. Чтобы корпуса не пустовали днем, филиал КИИ добился разрешения обучать студентов и на дневном отделении, тем более, что в этом нуждалось население быстро растущего города.

Когда стало известно, что в Тольятти намечено построить автомобильный завод, И. В. Комзин и сменивший его на посту начальника КГС Николай Федорович Семизоров вместе с городскими властями выдвинули идею преобразования филиала в самостоятельный Тольяттинский политехнический институт. Соответствующий пункт был включен в проект постановления правительства о строительстве автозавода.

Однако министр высшего и среднего специального образования

РСФСР В. Н. Столетов, в ведении которого находилось большинство вузов России, отказался завизировать этот пункт, и проект постановления был передан на рассмотрение правительства без предложения об образовании ТПИ. Казалось, вопрос об институте в Тольятти был похоронен. Но история имеет свои, не всегда предсказуемые ходы. Первый проект постановления о строительстве автозавода Совмином был забракован и возвращен на переделку. Авторы второго варианта вновь включили пункт о преобразовании филиала КИИ в самостоятельный институт, но на этот раз представили его на визирование министру высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютину. Они не скрывали, что министр В. Н. Столетов не завизировал первый вариант проекта. В этом был определенный политический расчет. Дело в том, что между Минвузами СССР и РСФСР существовало негласное противостояние, вызванное прежде всего тем, что Минвуз России был распорядителем кредитов для большинства вузов и поэтому чувствовал себя хозяином. Общесоюзное же министерство хозяином вузов считало себя, поскольку Минвуз РСФСР формально находился в его подчинении. Поэтому если одно из министерств говорило "да", то другое по тому же поводу, как правило, говорило "нет" и наоборот. Немалую роль играло также и то, что В. П. Елютин в свое время был заместителем В. Н. Столетова, и когда назначали руководителя союзного министерства, российского министра, который, казалось, должен был бы являться первым претендентом на эту должность, обошли.

Ориентируясь на межведомственные противоречия, авторы проекта постановления, о котором шла речь, поднесли его на визирование В. П. Елютину, и тот согласился с созданием ТПИ. Постановление о строительстве автозавода в Тольятти было принято 27 июля 1966 года. В нем, кажется, сорок седьмым пунктом было записано: "Преобразовать филиал Куйбышевского политехнического института в Тольяттинский политехнический институт с автомобильным факультетом".

Получив это постановление, российский министр В. Н. Столетов был взбешен, но уже ничего сделать не мог. Настроение министра было известно всему аппарату ведомства, поэтому хотя постановление Совмина официально объявили, для его реализации никто палец о палец не ударил. Прошло около десяти месяцев, а ректор института не был назначен. Во главе филиала по-прежнему стоял не имевший ученой степени доцент Е. Ф. Винокуров. Куйбышевский обком КПСС под давлением тольяттинских властей начал поиск кандидатуры на должность ректора ТПИ. Министерство требовало, чтобы на эту должность был рекомен-

дован профессор, а в Тольятти в те времена днем с огнем профессора было не найти.

Все это я изложил для того, чтобы пояснить, почему в апреле 1967 года меня неожиданно вызвали к секретарю обкома партии Николаю Степановичу Черных. Он предложил мне должность ректора ТПИ. Я отказался. В самом деле, зачем мне это было нужно? В Куйбышевском, к тому времени уже политехническом, институте был создан дружный коллектив кафедры, который работал в едином научном направлении. Налажены устойчивые связи с промышленностью, активно функционировала научно-производственная инструментальная лаборатория. Разработки кафедры и НИПИЛ внедрялись в производство. Коллектив пользовался авторитетом в научных и инженерных кругах страны, показателем чего являлась, например, передача из НИПИЛ, которую транслировали сначала по Куйбышевскому, а затем Центральному телевидению (вел репортаж Леонид Элин, и ныне работающий на ТВ). У меня была хорошая квартира, все члены семьи, включая родителей, каждый на своем месте, работали или учились. Переезд в Тольятти разрушал налаженный ритм жизни учебной и научной работы, грозил разделением семьи. Все это я высказал Н. С. Черных. В свою очередь, секретарь обкома высказал контрдоводы, состоявшие в следующем. В Тольятти ожидается прибытие ряда специалистов, в том числе из-за рубежа. Поэтому необходимо создать престижный вуз, во главе которого должен стоять профессор, известный в научных и инженерных кругах машиностроителей. Уровень учебного процесса на филиале невысокий, если не сказать низкий. Обкому известно, что я, будучи деканом, хорошо организовал работу мех-фака, и он надеется, что я смогу то же сделать в ТПИ. Столь мощная организация, как строящийся автозавод, безусловно, окажет помощь в оснащении и развитии института, а обком партии всячески будет содействовать работе молодого вуза. (Как будет видно из дальнейшего повествования, ни то, ни другое не состоялось!) Словом, надо соглашаться, мою кандидатуру обком считает вполне подходящей. Я поблагодарил Н. С. Черных за лестный отзыв о моей деятельности, но все же отказался. Секретарь обкома предложил не спешить с отказом, а подумать. На том и расстались.

В Первомайский праздник, как это бывало и раньше, я получил приглашение на гостевую трибуну. Демонстрации проходили на площади перед Театром оперы и балета. На ступенях театра и вблизи него располагались гостевые трибуны, в центре - высокая трибуна для областного и городского начальства. После военного парада начиналось шествие колонн демонстрантов. Через некоторое время это зрелище наскучивало

своим однообразием, и многие из приглашенных вместо того, чтобы все время стоять на трибунах, периодически прогуливались по площадке перед театром. В один из таких перерывов я встретил Н. С. Черных, который шел с директором ремонтно-подшипникового завода Борисом Борисовичем Маклером. Последнего я знал еще со времени работы на 4ГПЗ.

Б. Б. Маклер - румяный, коренастый, почти квадратный человек невысокого роста с густой шевелюрой вертикально стоящих рыжеватых волос. Был очень дельным, живым, темпераментным, эксцентричным, о нем ходило много анекдотов. Говорили, например, что очередной трюк он отколол, проходя медицинское освидетельствование в военкомате. Все, кто проходил медосмотр в военкомате в те времена, знают, что медицинская комиссия в составе пяти или шести врачей разных специальностей обычно располагалась в большой комнате за одним длинным столом. Медосмотр был организован с чисто солдатской бесцеремонностью. Все, кто проходил переаттестацию, раздевались догола в приемной и в таком виде, держа в руках медицинскую карту, входили в комнату, где располагалась комиссия. Здесь гуськом, друг за другом, переходили от одного врача к другому. Каждый врач, осмотрев очередного военнообязанного, делал соответствующую запись в медицинской карте. По окончании осмотра бедняги, порядком продрогнув (переосвидетельствование, как правило, проходило в зимнее время), выскакивали в приемную и быстренько одевались. Медкомиссия в это время совещалась и принимала то или иное решение.

Так вот, на очередном переосвидетельствовании якобы случилось следующее. Борис Борисович, войдя одновременно с другими голыми мужчинами, увидел среди членов комиссии знакомую врачуху, сидящую у дальнего края стола. Не долго думая, он прикрыл срамное место медицинской картой, держа ее в левой руке, правую вытянул для рукопожатия, радостно закричал: "Здравствуйте, Мария Ивановна!" - отделился от своей "команды" и, шлепая босыми ногами, пошел через весь зал здороваться со знакомой. Можете представить себе этот спектакль и реакцию зрителей!

Прогуливаясь по площадке у оперного театра в тот праздничный день, о котором я веду разговор, Маклер по обыкновению рассказывал секретарю обкома что-то веселое. Я подошел, поздоровался. "Знакомься, Борис Борисович, - сказал Н. С. Черных, - это ректор Тольяттинского политехнического института!" Маклер, который меня хорошо знал, глянул с удивлением. "Николай Степанович шутит!" - сказал я и пошел дальше. Но в этой шутке, уважаемый читатель, как показали дальней-

шие события, была не доля правды, а все ее сто процентов.

События развивались следующим образом. В конце мая состоялся пленум Куйбышевского областного комитета партии, на котором рассматривали вопрос о ходе строительства автозавода. На пленум приехал какой-то крупный работник ЦК КПСС. Выступая, первый секретарь Тольяттинского горкома Г. Н. Андреев высказал в адрес обкома критическое замечание, состоявшее в том, что до сих пор не подобран ректор ТПИ, поэтому институт не функционирует как самостоятельный вуз и не готовится к новому учебному году. Сидя в зале среди приглашенных, я видел, что при этих словах высокий партийный босс что-то сказал первому секретарю обкома Орлову, видимо, упрекнул. Реакция последовала незамедлительно. В середине следующего дня меня вызвал Н. С. Черных и сказал, что секретариат обкома постановил рекомендовать меня ректором ТПИ. Я понял, что сопротивление бесполезно.

Огорченный, по дороге домой зашел на кафедру. В коллективе давно и неизвестно откуда появились слухи о том, что меня переводят в Тольятти. До этого дня на вопросы коллег я отвечал обычно, что мне предложили должность ректора нового института, но я отказался. Теперь, застав на кафедре доцента В. И. Пилинского, рассказал ему о разговоре, состоявшемся в обкоме партии. На другой день эту новость уже знали многие, и не только на кафедре. Ко мне приходили друзья - сотрудники института с различными мнениями и советами. Одни одобрительно относились к перспективам моей новой деятельности, старались подбодрить: "Давай, покажи им, как надо работать!" Другие рассматривали этот вопрос совсем с другой точки зрения: "Много ты видел ректоров-евреев? Пойми, как будут рады многие евреи за тебя и за нашу национальность!" Третьи считали, что мой уход может нанести вред кафедре и мне лично, советовали сопротивляться обкому. В те времена, однако, сопротивление обкому было делом бесполезным, ни к чему хорошему оно привести не могло.

Под вечер следующего дня позвонил В. И. Пилинский. От имени нескольких сотрудников кафедры он попросил разрешения прийти ко мне домой. Я ответил, что наш с Беллочкой дом всегда открыт для друзей. "Мы придем с женами, - сказал Вениамин Исаакович, - только ничего не готовьте, разговор будет чисто деловой!" Примерно через час у меня собрались В. И. Пилинский, Г. Г. Яшин, Г. М. Гаврилов, А. М. Маханов, В. В. Басов и Я. И. Барац со своими супругами Миной, Тоней, Юлей, Раей, Любой и Алиной. Все они, мои молодые друзья-единомышленники, заявили, что посоветовались между собой и решили тоже ехать в То-

льятти для того, чтобы работать в новом институте. Мы с Беллой были обрадованы и растроганы до слез!

В последующие годы в шутку мы называли решения, принятые в тот вечер, "сухаревской конвенцией". При этом имели в виду аналогию с конвенцией, принятой многочисленными "детьми лейтенанта Шмидта", о которой писали Ильф и Петров в "Золотом теленке".

На совещании коллективно продумали вопросы, которые следовало поставить в обкоме КПСС перед тем, как я поеду на утверждение в Москву, а также сроки перехода в ТПИ каждого из участников "конвенции". Чувствуя за собою моральную поддержку моей "гвардии" (не говоря уже о поддержке Беллочки!), я пошел к Н. С. Черных и поставил три условия моего переезда в Тольятти: 1) будет дано разрешение выехать в ТПИ всем преподавателям и научным сотрудникам Куйбышевского политехнического и других институтов, а также организаций, кто того пожелает; 2) обком даст указание городским властям Тольятти о внеочередном обеспечении квартирами лиц с учеными степенями и званиями, прибывающих в ТПИ; 3) будет дано указание о передаче части оборудования и аппаратуры НПИЛ на соответствующие кафедры ТПИ. Н. С. Черных пообещал оказать необходимое содействие в выполнении этих условий.

Через пару дней в сопровождении нескольких участников "сухаревской конвенции" мы с Беллой выехали в Тольятти, чтобы познакомиться с городом и институтом. Город произвел на нас хорошее впечатление чистой и зеленым нарядом, большим объемом строительства. Понравился вполне современный учебный корпус филиала (будущего института). Встретились с директором филиала Евгением Федоровичем Винокуровым, которого многие из нас знали раньше, так как он был выпускником мехфака КИИ. Не скажу, чтобы у меня как у декана сложилось о Винокурове очень высокое мнение. Учился средне, был что называется арапистым, но пробивным студентом, активистом и организатором профсоюзной работы. Благодаря особенностям характера, Винокуров после окончания вуза быстро перемещался по ступеням служебной лестницы завода "Волгоцеммаш", по командировке которого он в свое время поступил на учебу в КИИ. С должности главного инженера завода перешел в филиал КИИ, много сил приложил к строительству его корпусов, значительно меньше - к организации учебного процесса. Догадываясь, по-видимому, о цели посещения, Е. Ф. Винокуров принял нас развязно и не очень любезно, намекнув на то, что, в общем-то, и без посторонних дела здесь идут неплохо и единственное, что требуется от нас как от специалистов, - готовить для филиала аспирантов. Несмотря на этот разговор, поездка оставила в общем благоприятное впечатле-

ние, хотя и позволила понять, что работать в коллективе филиала будет непросто.

В конце июня 1967 года по вызову Минвуза РСФСР я выехал в Москву, конечно же, не один, а в сопровождении супруги. Нас поместили в гостинице "Центральная" на ул. Горького, правда, врозь - в мужском и женском номерах. Жара в тот год стояла ужасная, асфальт размягчался. Но "протокол" требовал, чтобы, посещая ответственных лиц в министерстве, я был одет по форме - в костюме и при галстуке. Изнывая от жары, в сопровождении начальника управления кадров Минвуза я поочередно побывал на приеме у всех заместителей министра. Каждый, знакомясь со мной, читал напутственную лекцию (на них работники министерства великие мастера!) и визировал проект приказа о моем назначении. Затем мы поехали на Старую площадь на прием к зам. завотделом науки и высшей школы ЦК КПСС.

Я впервые был в здании ЦК. Меня поразили тишина и какое-то беззвучное напряжение, которое ощущалось в коридорах здания. По ним изредка как-то настороженно двигались отдельные фигуры, звуки шагов утопали в толстых ковровых дорожках. На больших дверях, ведущих в кабинеты, висели таблички, на которых были напечатаны только фамилии и инициалы обладателя кабинета, без указания должности. Предполагалось, что посетитель должен знать, например, кто такой Иванов И. И. или Петров П. П., если они работают в ЦК. В больших кабинетах, площадь которых намного больше, чем требовалось для работы одного, редко двух человек, находившихся в них, решали судьбы людей и организаций, а на более высоких этажах, где стояла специальная охрана, и стран. Часто решения принимались одним человеком.

В приемную ответственного работника ЦК (фамилию не помню) мы вошли втроем: начальник управления кадров Минвуза, один из профессоров Куйбышевского авиационного института, которого рекомендовали на должность проректора по учебной работе недавно открытого Куйбышевского университета, и я. Секретарь (в ЦК, как я заметил, должности секретарей, или, вернее, референтов, при ответственных работниках занимали мужчины) вначале пригласил к своему шефу начальника управления кадров, а затем, через некоторое время, меня. Медленно перелистывая мое дело, хозяин кабинета задал несколько вопросов, в том числе - как я понимаю задачи вуза и имел ли партийные взыскания. На первый вопрос я коротко сформулировал свою точку зрения, на второй рассказал о строгом выговоре, полученном при обсуждении статьи профессора Шаумяна в "Литературной газете" (об этом я уже писал выше). Не дрогнув ни одним мускулом на лице, практически не глядя на меня,

не показав, понравились ему мои ответы или нет, мой собеседник сказал: "Ну, хорошо!" - и подал руку на прощанье, показав этим, что визит окончен. Я вышел, вслед за мной зашел кандидат в проректоры КГУ. Через некоторое время вышел и он, следом за ним минут через пять - кадровик. Когда мы вышли из здания ЦК на улицу, начальник управления кадров сказал, что мое дело в ЦК завизировали (считай, утвердили), а моего коллеги - нет, и он может возвращаться в Куйбышев, поскольку вопрос о его назначении проректором КГУ снимается. Впоследствии я узнал, что на вопрос о том, с чего проректор думает начинать работу в новом университете, он с прямолинейностью математика ответил, что будет начинать с укрепления и развития кафедр фундаментальных наук

- математики, физики, химии. "А как с кафедрами общественных наук?"

- спросили его. "Этими кафедрами займусь потом, они не так важны для университета", - ответил претендент. Его ответ не понравился, и утверждение не состоялось.

Мое дело следовало еще завизировать в ЦК профсоюза работников высшей школы. Но ЦК профсоюза - не ЦК партии, туда послали курьера, и необходимая виза была получена. В заключение меня принял министр В. Н. Столетов, который 3 июля 1967 года подписал приказ о назначении доктора технических наук профессора Резникова А. Н. ректором Тольяттинского политехнического института.

По дороге домой, а также в последующие недели, я думал над тем, какой стиль руководства коллективом должен принять. Вспоминал директоров и ректоров вузов, с которыми встречался и работал. Я уже писал, например, о директоре Казахского сельхозинститута А. И. Сембае-ве. Особенностью его стиля руководства вузом была интеллигентность и доверие к людям. Последнее качество он продемонстрировал вполне, когда поверил мне в той истории с производством гранат Сердюка, о которой я писал выше.

В Куйбышеве я познакомился с директором Индустриального института Н. П. Воскобойниковым, работал с ним в этом коллективе довольно долго. Внешне Воскобойников был не очень интересен: крупные, выступающие вперед прокуренные зубы прикрыты толстыми губами; небольшие, правда, очень острые глаза; невысокий рост и длинные руки. Если сделать очень неосторожное сравнение, то можно сказать, что Николай Прокофьевич весьма отдаленно но все же напоминал дальних предков человека. Почти всегда ходил в полувоенной форме - кителе защитного цвета, галифе и сапогах.

Несмотря на то, что Воскобойников имел заурядную внешность и не располагал к себе с первого взгляда, при дальнейшем общении с ним

нельзя было не почувствовать, что директор института - человек твердый, уверенный и деловой. Так оно и было в действительности - Николай Прокофьевич был отличным, я бы даже сказал, врожденным администратором. Он очень умело оценивал деловые и личностные качества подчиненных, умел рационально расставить людей и дать каждому точные указания; был взыскателен, никогда не забывал данных им поручений и в срок требовал отчета; никогда не обещал сделать то, что не мог выполнить, но если давал обещания, то неизменно и точно их выполнял. Не слушал доносов, до которых в любом коллективе всегда находятся охотники. Если кто-либо приходил с жалобой на другого, то Воскобойников немедленно вызывал того, кого обвиняли, и просил жалобщика в его присутствии повторить сказанное. Это давало возможность объективно разобраться в существовании конфликта, гасить склоки и устранять преднамеренные оговоры.

Четко и точно решал финансово-административные вопросы, при этом иногда рисковал, но в меру и, как правило, удачно. Умело защищал интересы института в наркомате и других инстанциях.

Административно-управленческая работа была стихией Н. П. Воскобойникова, педагогическая и научная его не привлекали. Получив звание доцента, как тогда говорили, "по примечанию" (имелось в виду Примечание к пункту 14 Положения об ученых степенях и званиях, по которому ученое звание могло быть присвоено лицам, не имевшим ученых степеней, если они пришли в вузы с более или менее заметных должностей на производстве), читал лекции по курсу "Детали машин" на химическом факультете, но читал неважно. Не помню, чтобы Воскобойников когда-либо выступил с докладом на научной конференции или семинаре. Это, однако, не мешало ему управлять вузом, и управлять хорошо, пользоваться авторитетом в коллективе и вне его.

Погубила Николая Прокофьевича личная трагедия. Он страстно, до упомощрачения, хотел иметь сына. А жена рожала только дочерей. После рождения четвертой дочери Воскобойников беспорядно пил несколько дней. Стал все меньше времени уделять семье, перенес свое внимание на одну из студенток пятого курса мехфака. Эта студентка, назовем ее А., была матерью-одиночкой. В войну потеряла мужа, растила дочь. Связь с директором института была для А. лестной, она не очень скрывала свои отношения с Воскобойниковым, ездила на его служебной машине, часто появлялась в приемной. Директор КИИ после защиты проекта оставил А. в институте, устроил в аспирантуру. Конечно это вызвало осуждение и разговоры в коллективе института, авторитет директора начал падать. Слухи дошли и до жены Воскобойникова. Будучи женщи-

ной не очень высокой культуры, она решила по-своему проучить соперницу. Встретив А. на улице (случайно как раз под окнами обкома партии), завязала с ней перебранку, затеяла драку и поколотила.

По указанию партийных органов поведение А. было предметом разбирательства на закрытом партсобрании, ей объявили строгий выговор с предупреждением. Н. П. Воскобойников был этим полностью скомпрометирован, и ему не оставалось ничего другого, как уволиться из КИИ и вместе с А. уехать в один из южных городов России, заняв там должность доцента кафедры "Детали машин" в политехническом институте.

Через некоторое время у них родился долгожданный сын. Но судьба была жестокой - мальчишка умер нескольких недель от роду. Николай Прокофьевич запил, начал пить регулярно. Пытаясь хоть как-нибудь возвратиться в сферу административной деятельности, к которой он только и был способен, попросил направить его директором или главным инженером МТС (как раз в это время членов партии отправляли в МТС, о чем писал брат Боря в посвященной ему главе). Однако ему отказали по причине пьянства. Тогда Н. П. Воскобойников пришел домой и повесился на спинке кровати. Такова трагическая судьба сильного администратора, силы воли которого, однако, не хватило для того, чтобы справиться с бедами личной жизни.

Н. П. Воскобойникова на посту директора КИИ сменил заведующий кафедрой химии взрывчатых веществ доцент Виктор Степанович Козлов. Он незадолго до этого получил Государственную (тогда еще Сталинскую) премию за разработку и внедрение в практику пароходства "Волготанкер" новой технологии ремонта нефтеналивных судов. Раньше перед проведением ремонтных работ, в том числе с помощью сварки, танки нефтеналивных судов обрабатывали изнутри различными составами, длительно пропаривали и сушили, чтобы полностью устранить взрывоопасные пары бензина и другие летучие вещества. В. С. Козлов, возглавив бригаду научных работников КИИ и специалистов из речного порта, выдвинул гениально простую идею: после слива горючего из танков заполнять их емкости газом, который не давал бы взрываться парам летучих веществ и бензина. Под его руководством был разработан состав такого газа и технология наполнения внутренних отсеков нефтеналивной баржи.

Для первого эксперимента очередную баржу без обычной подготовки и пропаривания отбуксировали на широкое место Волги и поставили на якорь в удалении от берегов. На большом расстоянии вокруг подопытного танкера убрали все суда и лодки, перекрыли движение по Волге - с возможным взрывом баржи шутить было нельзя! На катере подъехал

В. С. Козлов и другие участники эксперимента, заполнили танкер газом, купирующим взрыв, и отъехали на безопасное расстояние. Отъехали, да не все - на танкере остался один человек, который, рискуя жизнью, должен был зажечь сварочную дугу в трюме баржи. Я знал лично этого героя (до боли жаль, что забыл его фамилию!). Во время Отечественной войны он храбро сражался, получил ранение, оставившее длинный шрам, который обезобразил левую часть лица, перекосил рот. После демобилизации работал учебным мастером в КИИ, был человеком скромным, даже незаметным. Но кто из нас знает, какие героические характеры скрыты под повседневным обликом так называемых простых людей?

Стоявшие на берегу участники эксперимента, затаив дыхание, с помощью биноклей и стереотруб следили за тем, как в руках человека, стоявшего на палубе баржи, загорелось пламя газовой сварочной горелки; как затем, не гася пламени, человек начал спускаться в трюм баржи; как, пробыв там некоторое время, возвратился на палубу с той же горелкой, высоко поднятой в руке. Победа! Новая высокопроизводительная взры-вобезопасная технология огневого ремонта нефтеналивных танкеров начала жить! Герою-сварщику среди других было заслуженно присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Историю создания новой технологии ремонта я привел не только для того, чтобы показать, какие выдающиеся, поистине героические дела совершали обычные люди, мои современники, в нашей стране, но и для того, чтобы показать талант исследователя и ученого, которым, безусловно, обладал В. С. Козлов (впоследствии доктор химических наук, профессор, скончавшийся, к сожалению, не дожив до старости). Но каждый должен быть на своем месте! Талантливый ученый, он был никудышным администратором. Главное - не имел своего четко выраженного мнения по тем или иным вопросам организации работы вуза, иногда принимал необоснованные решения, затем вынужден был их отменять.

Приведу пример. В нашей стране всегда склонны перенимать зарубежный опыт, при этом иногда внося в него "местные" коррективы, которые этот опыт дискредитируют. В первой части записок я уже писал, как обошлись с "дальтон-планом", превратив его в бригадно-лабораторный метод. Нечто похожее произошло в КИИ с производственной гимнастикой. Прослышав, что в Китае успешно применяют производственную гимнастику, для чего делают небольшие перерывы в работе, а также то, что опыт китайцев использует ряд наших предприятий, работники кафедры физкультуры КИИ решили внести в это полезное дело и свою лепту. По их представлению директор института В. С. Козлов подписал

приказ "О внедрении производственной гимнастики в КИИ". Приказом было предусмотрено, что в отделах института (бухгалтерия, учебная часть, библиотека и т. д.) в определенное время делают десятиминутные перерывы, в течение которых инструкторы, подготовленные кафедрой физвоспитания КИИ, проводят производственную гимнастику. Десятиминутные перерывы для гимнастики предусматривались также в середине третьего и девятого часов учебных занятий непосредственно на лекциях (!) в потоках студентов, обучающихся в первую или вторую смену. Деканы факультетов обязаны были обеспечить проведение приказа в жизнь. Я, как и другие деканы, получив приказ, возмущился его содержанием. Приказ, инспирированный физкультурниками, был подписан директором без учета логики учебного процесса. Условились положить приказ "под сукно" и поднять вопрос о нем на ближайшем деканском совещании.

На этом совещании представитель кафедры физвоспитания доложил, что во всех отделах института производственная гимнастика проводится, но не проводится в студенческих потоках, так как сопротивляются деканы, особенно декан мехфака доцент Резников. В. С. Козлов, который вел деканское, предоставил мне слово для объяснения.

- Виктор Степанович, - сказал я, - в оперном театре по-новому поставлен "Евгений Онегин". Белла Львовна и я приглашаем вас с супругой посетить очередной спектакль.

- Перестаньте бузить, говорите по существу, - прервал меня Козлов.

- Я говорю по существу, - продолжил я. - Дело в том, что спектакль поставлен с учетом современных веяний. После того, как Ленский исполняет свою знаменитую арию "Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни", дирижер останавливает дальнейший ход оперы, поворачивается лицом к залу и просит почтенную публику встать и приготовиться к производственной гимнастике. В зале включают полный свет. Секундант Ленского выходит на авансцену, показывает, какие движения надо делать, оркестр играет марш. По окончании гимнастики свет гаснет, секундант возвращается на свое место, спектакль продолжается. Не может быть, скажете вы? И я говорю, что не может быть, спектакль -это творческий процесс. А лекция? Разве она не творческий процесс? Если вы не отмените свой приказ, то я, как дисциплинированный декан, вывешу его для сведения. Но, как доцент, выгоню из аудитории первого, кто на моей лекции попытается организовать гимнастику!

Под смех присутствующих и самого директора приказ в части, касающейся студентов, был отменен.

В. С. Козлов недолго пробыл директором КИИ, около двух лет. Веко-

ре он ушел из дирекции на свою любимую кафедру, где сделал еще много важных (в ту пору секретных) исследований, подтвердив тем самым правило, что каждый должен заниматься делом, к которому приспособлен более всего!

Вместе с тем, не могу не отметить одно важное качество В. С. Козлова, которое необходимо любому администратору, да и каждому человеку вообще. Виктор Степанович был очень внимателен к людям, старался помочь тем, кто находился в затруднительных обстоятельствах, причем помогал тихо, без всякой рекламы, от души. Это ценнейшее качество В. С. Козлова мне очень импонировало, и я включил его в свой арсенал будущего ректора института.

После В. С. Козлова кресло директора КИИ было некоторое время вакантным. Затем в него сел доцент, кандидат технических наук Василий Федорович Совкин, прибывший по рекомендации союзного вузовского начальства из Белоруссии, где занимал должность зам. директора по учебной работе в одном из институтов.

Внешне В. Ф. Совкин был полной противоположностью Н. П. Вос-кобойникову. Довольно интересный мужчина с холемым лицом, одетый "с иголочки", в тщательно отглаженном костюме. Весной и осенью носил отлично сшитое серое плащ-пальто и серую шляпу. Шляпу никогда не заминал, как это делают большинство мужчин, а носил ее "котлом" наподобие котелков у дореволюционных маклеров. Передвигался по институту и по улицам медленно, с достоинством. Если замечал в коридорах института какой-либо элемент нестандартного поведения преподавателей или студентов, подходил и спрашивал не "в чем дело?", а "что вас волнует?"

Методику организации учебного процесса знал хорошо, новаторства в этом деле не любил, считал необходимым поддерживать "статус-кво" на основании общеизвестных правил и традиций.

Стремился кое-что сделать на научном поприще, хотя особым талантом и уровнем подготовки в этом отношении не отличался. Для организации научной работы в институте по рекомендации Минвуза привлек на должность проректора по науке профессора - доктора Лонгина Фран-цевича Куликовского (настоящая фамилия Куликаускас), до этого много лет работавшего в Баку. Л. Ф. Куликовский - настоящий ученый и отличный организатор, во многом содействовал формированию в КИИ научных школ и общему повышению авторитета работ, выполненных в институте. В. Ф. Совкин, заведая кафедрой "Технология машиностроения", привлекал к научной работе преподавателей своей, а также других кафедр (например, математики), был научным руководителем несколь-

ких тем, хотя (если говорить откровенно) недостаточно разбирался в некоторых (особенно теоретических) разделах научных отчетов, которые подписывал.

Основной принцип деятельности В. Ф. Совкина как руководителя вуза я охарактеризовал бы украинской пословицей: "Не чшай лихо, хай буде тихо". Если перевести буквально, то получится: "Не трогай беду, пусть будет тихо", но в таком переводе, как всегда, теряется аромат и подтекст народной мудрости (не зря же известный еврейский поэт Хаим Бялик по аналогичному поводу сказал: "Читать поэзию в переводе - как целовать женщину через вуаль"). На мой взгляд, мысль, заложенную в украинской пословице, в более широкой трактовке можно сформулировать так: "Если хочешь жить спокойно, не затрагивай острые проблемы и не внедряйся в новые области деятельности, заранее не зная, к чему это приведет".

В. Ф. Совкин более всего остерегался умных и энергичных людей, опасаясь, что их деятельность может привести к непредсказуемым коллизиям в институте или повредить его личному авторитету. Но именно серость и повседневность, подозрительность и сверхосторожность постепенно привели к падению авторитета ректора института.

Я назвал руководителя института ректором потому, что к концу довольно длительного периода, в течение которого В. Ф. Совкин возглавлял институт, состоялось очередное постановление правительства о высшей школе, мало что менявшее по существу, но сменившее наименование директор на ректор и зам. директора на проректор. В институте мрачно шутили, что замена слова "директор" на более короткое слово "ректор" связано с вышедшим незадолго до этого нормативным актом об "упорядочении" зарплат работников вузов, в соответствии с которым несколько повысили оклады ассистентам, но существенно снизили оплату труда профессоров, а многие из них стояли во главе высших учебных заведений.

Шутники говорили также, что слова "ректор" и "проректор" соотносятся между собой как слова "хвост" и "прохвост", намекая на деятельность заместителя директора КИИ по административно-хозяйственной работе, энергичного, но очень не чистого на руку, в конце концов осужденного за оплачиваемое родителями незаконное вмешательство в дела экзаменационной и приемной комиссий по отбору абитуриентов в институт. Это судебное дело, постепенное снижение авторитета, о котором я писал выше, и ухудшение состояния здоровья привели к тому, что В. Ф. Совкин освободил место ректора института, оставшись заведующим-

щим кафедрой. К сожалению, вскоре после неудачной урологической операции он скончался.

Ректором вуза, переименованного к этому времени в Куйбышевский политехнический институт с не вполне грамотной аббревиатурой КПТИ, был назначен Николай Николаевич Панов - молодой доцент, кандидат технических наук, до этого сменивший меня на посту декана мехфака.

Н. Н. Панов поставил перед собой цель - улучшить условия работы кафедр, преподавателей и студентов путем расширения учебно-лабораторной базы вуза. Поэтому почти полностью передоверив заботы об учебном процессе и научной работе коллектива проректорам С. М. Муратову и Л. Ф. Куликовскому, сам занялся "внешнеполитической деятельностью" по изысканию способа решить поставленную задачу. Случай вскоре представился. По указанию вышестоящих организаций прекращала существование областная партийная школа (ОПШ), расположенная в большом здании в центре города. Политехнический институт много лет арендовал в этом здании один (четвертый) этаж, остальные принадлежали ОПШ. Здание находилось в ведении исполкома городского Совета. Горисполком предполагал после закрытия ОПШ разместить в этом корпусе детскую больницу. Н. Н. Панов ходатайствовал о передаче здания ОПШ институту, так как для больницы место было явно не подходящее - перекресток двух шумных улиц (Галактионовской и Ви-лоновской), по одной из которых ходил трамвай, причем вагоны останавливались вблизи входа в корпус ОПШ. При здании не было двора, где выздоравливающие дети могли бы гулять.

Горисполком, в частности, его отдел здравоохранения, был согласен с тем, что место для больницы, тем более детской, не подходящее, но отдавать здание институту задаром не хотел, требовал компенсации в виде средств для строительства больницы в другом месте. Ректор КПТИ добился согласия Минвуза РСФСР выделить институту деньги на строительство, которые можно было бы передать горисполкому. Казалось, задача решена. Но не тут-то было! У нас так просто все не делается.

Средства, которые мог выделить минвуз, проходили в бюджете по статье "образование", а финансировать надо было объект, строительство которого проходило по статье "здравоохранение". Кроме того, деньги на строительство учебных заведений, подчиненных Минвузу РСФСР, планировались в федеральном бюджете, тогда как средства для строительства городской детской больницы могли проходить только в местном бюджете.

На первый взгляд, какая ерунда! Два государственных учреждения (институт и горздрав), оба содержащиеся за счет бюджетных средств,

желали обменять деньги одного на здание другого. Ну и слава Богу, меняйтесь на здоровье! Не-ет! Канцелярско-бюрократическая система не позволяла произвести обмен просто так. Как же! Если все сами начнут распоряжаться своими средствами, то что будут делать работники планирующих и финансовых органов? Они могут оказаться без работы! Этого никто из начальников-плановиков и начальников-финансистов допустить не мог. Поэтому Н. Н. Панов, оббивая пороги многих высоких и невысоких организаций, задачу об обмене денег на здание долго решить не мог. Но он не отступил, как могли сделать многие из его коллег, а уговорил то ли председателя Куйбышевского облисполкома, то ли первого секретаря обкома КПСС позвонить председателю Совета Министров РСФСР Г. И. Воронову и попросить его принять ректора КГТИ. Панов представил Г. И. Воронову "проблему", председатель Совмина ее уразумел и своей властью "в порядке исключения" позволил перевести деньги с одной статьи бюджета на другую. Оказывается, для решения задачи потребовалось всего пятнадцать-двадцать минут, но на каком уровне!

Работая ректором ТПИ, я неоднократно сталкивался с бюрократией, которая и по настоящее время существует в нашей стране. Элементарный вопрос канцеляристы разного уровня с мастерством, достойным футболистов высшей лиги, перепасовывают друг другу на короткие и длинные дистанции до тех пор, пока он не "выйдет в аут" или пока не найдется человек, способный забить гол. При такой системе число решенных вопросов соотносится с числом нерешенных, как количество забитых голов с общим количеством пасов на поле.

Когда вопрос с передачей корпуса ОПШ был решен, в это здание из химического корпуса переехали (и сейчас в нем находятся) ректорат и основные отделы института. Туда же переехали и некоторые кафедры. Авторитет молодого ректора, решившего трудную задачу, сильно возрос.

Н. Н. Панов был последним ректором, с которым я работал в Куйбышеве, и, следовательно, последним в ряду руководителей вузов, которых я сопоставлял и оценивал, возвращаясь домой из Москвы после назначения ректором Тольяттинского политехнического института. Теперь мне предстояло, как известной Агафье Тихоновне из "Женитьбы" Гоголя, "взять губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича" и, прибавив свой опыт, выработать свой стиль и основные направления деятельности в новой должности, на которую определила меня судьба. Но об этом - в следующих главах воспоминаний.

РАБОТА НАЧИНАЕТСЯ, ИЛЛЮЗИИ КОНЧАЮТСЯ

Разделение семьи, связанное с нашим переездом в Тольятти, больше всего огорчило моих родителей. Только теперь, находясь примерно в том же возрасте, в котором они находились тогда, мы с Беллой можем понять всю глубину огорчения, не оставявшего их до конца жизни. Мы теперь знаем, что любой день оказывается серым и беспокойным, если не позвонит Инна, не зайдут Лева, его жена Нелли или племянница Сусанна, если не заскочат на бегу, находясь в водовороте своих дел, внуки Роман и Ольга. Наше сердце томится и волнуется, если мы ежедневно, а иногда и ежечасно, не знаем, что они здоровы и у них все хорошо. Иначе чудится черт знает что, возникают всякие страхи и переживания. В такие дни мы с Беллочкой обычно ничего не говорим о нашем беспокойстве друг другу, чтобы не усиливать волнение, но оба ждем, ждем, ждем, когда зазвонит телефон или хлопнет входная дверь. Тогда напряжение сразу спадает, дышится легче, повышается жизненный тонус. Именно поэтому Беллочка очень любит кормить завтраком или обедом внуков, детей, Сусанну (она у нас все равно что дочь) или ее дочурку Танечку, которая включена в категорию внуков. Я люблю при этом присутствовать.

Фигурально выражаясь, мы теперь вполне понимаем курицу, которая хочет прикрыть крыльями свое потомство и проявляет крайнее беспокойство, когда какой-нибудь цыпленок уходит за пределы ее поля зрения.

Дорогие дети! Помните, что чем старше становятся ваши родители, тем медленнее уставшее сердце проталкивает кровь через склеротические сосуды, от чего холодеют руки и немного познабливает. В этой ситуации все большую роль играет ваше тепло и ваша молодая энергия, способные без всяких таблеток и уколов согреть стариков и продлить их жизнь! Берегите и радуйте друг друга, несмотря на всякие трудности, которые чинит вам повседневная суматоха!

Я написал о чувствах Беллочки и своих в условиях, когда до детей и внуков, как говорится, рукой подать. Лева с семьей живет в нашем подъезде, этажом ниже, Инночка с сыном Гошей - на расстоянии трех-четырёх кварталов, остальные - тоже в нашем городе, не так уж далеко.

Теперь представьте, что должны были чувствовать мои отец с матерью, у которых один сын (Боря) с семьей прочно обосновался в Алма-Ате, на расстоянии нескольких тысяч километров, а второй тоже должен выехать в другой город, хоть и расположенный всего на расстоянии ста километров от Куйбышева. Все равно уже не забежишь запросто, даже по телефону надо связываться через междугороднюю станцию. Словом, старики были огорчены нашим отъездом, хотя понимали его неизбежность. В дальнейшем мы пытались хоть немного скрасить их одиночество - часто звонили, приезжали в Куйбышев как могли часто, в течение первого года не реже одного раза в неделю.

Я пишу о моих родителях, но не упоминаю о Беллочкиной маме Ольге Давидовне, которая в то время с дочерью Машей и внучкой Сусанной жила в Кировском районе города Куйбышева (в просторечии - на Безы-мянке). Дело в том, что Ольгу Давидовну мы, как только смогли, перевезли в Тольятти, и она жила с нами до самой своей кончины.

В июле 1967 года мы с Беллочкой переехали в Тольятти, оставив в куйбышевской квартире Леву и Машу ("тетю Мусю"), которая вышла к этому времени на пенсию. Мы сочли нецелесообразным сразу переводить Леву в Тольятти, так как ему оставалось учиться в средней школе всего один год, чтобы закончить десятый класс и сдать выпускные экзамены. Трудности, связанные с адаптацией в новом городе, могли помешать ему в этот ответственный момент. Согласно закону, куйбышевская квартира бронировалась за мною на пять лет, что было очень кстати.

До того, как переехать с Беллой, я прибыл в Тольятти вместе с секретарем обкома Н. С. Черных. По его указанию было организовано собрание преподавателей и сотрудников института, на котором Н. С. Черных представил меня в качестве ректора ТПИ, пожелал успехов и уехал.

На другой день я впервые переступил порог кабинета ректора Тольяттинского политехнического института. В этом кабинете пришлось работать почти двенадцать лет. Вошел в кабинет с определенными планами и идеями, а также некоторыми радужными надеждами. В процессе реализации планов рассчитывал на поддержку коллектива, как это было на кафедре в КПТИ, где почти все были единомышленниками. Рассчитывал на активизацию студенческих организаций подобно тому, как это было на мехфаке КИИ. Надеялся на обещанную обкомом помощь и содействие партийных органов. Был уверен в активном содействии руководства Волжского автомобильного завода. Однако оказалось, что не все было так просто, как я предполагал, многие надежды не осуществились.

Начну с важнейшего вопроса о помощи институту со стороны Волжского автозавода. В первые же дни после вступления в должность я по-

шел на прием к генеральному директору ВАЗа заместителю министра автомобильной промышленности СССР Виктору Николаевичу Полякову. В сравнительно небольшом кабинете из-за стола навстречу мне вышел худой, очень высокий, сутулящийся мужчина, подал большую руку с такими длинными пальцами, что им позавидовал бы любой пианист. Пригласил сесть и начал рассказывать о том, что будет представлять собою ВАЗ. В частности, отметил, что на заводе будут применяться прогрессивные технологические процессы, оборудование и инструмент, заимствованные не только у итальянских, но и других зарубежных фирм. Выпуск автомашин на одного работающего в год (есть, оказывается, такой статистический показатель) будет на ВАЗе выше, чем на некоторых предприятиях за рубежом. Не уверен, что помню точно, но, кажется, для ВАЗа он назвал цифру 10 или 11, а в среднем для заводов Европы - около 9. Следовательно, на планируемый выпуск 660 тысяч машин в год ВАЗу потребуется 60-70 тысяч работающих, в том числе, конечно, и много инженеров различных специальностей. В связи с этим, продолжил В. Н. Поляков, завод заинтересован в подготовке инженеров в ТПИ. Хотелось бы, сказал он далее, чтобы в процессе обучения студенты приобретали умение мыслить экономически, и привел наглядный пример. Оказывается, фирма FIAT, проектируя систему бытового обслуживания завода, предусмотрела в каждом из корпусов столовую таких размеров, что в ней могли одновременно разместиться все, кто работал в этом корпусе в данную смену. Предусматривалось оснастить столовые современным оборудованием и обеспечить сравнительно большим штатом с тем, чтобы каждый столоующийся расходовал на обед не более 20-25 минут часового перерыва. Эксперты наших организаций, которым проект итальянцев поступил на отзыв, сочли это излишеством и предложили уменьшить размеры и штаты столовых в два-три раза, установив, как это обычно у нас принято, "скользящее" время перерыва для различных подразделений, расположенных на территории того или иного корпуса.

Тот, кто работал на производстве, хорошо знает, что такое "скользящий" перерыв. Я тоже знал по опыту работы на заводе им. Шевченко (еще в Харькове), а затем в научно-производственной лаборатории на 4ГПЗ. Но, к слову сказать, высший уровень "знаний" я приобрел, общаясь с аппаратом Минвуза РСФСР, которому был подчинен наш институт. Вот пример. Допустим, я приехал в командировку, чтобы, исходя из конкретной обстановки, решить вопрос об изменении соотношения между количеством студентов, принимаемых на первый курс двух сходных по профилю специальностей - на специальность А нужно добавить 25 мест, а у специальности В столько же отнять. Еще дома, в Тольятти,

по этому поводу заготовлено письмо на имя зам. министра по кадрам, так как окончательное решение этого пустякового вопроса принадлежит ему.

Самолет из аэропорта Курумоч, которым я прилетаю в Москву, прибывает примерно в 9 часов утра. Быстренько добираюсь до гостиницы, получаю место и мчу в министерство, которое находится на Ленинском проспекте, дом 6. Как я ни спешу, все же прибываю в то время, когда начались "скользящие" перерывы. В главном управлении политехнических вузов, где я должен получить первую визу на моем письме, перерыв - все сотрудники в крошечной столовой на первом этаже пятиэтажного здания. Сижу, жду. По окончании перерыва получаю необходимую визу. Бегу на второй этаж, в управление кадров. Вы понимаете, что перерыв теперь "скользнул" туда. Опять сижу, жду. Наконец влетаю в приемную зам. министра, чтобы через секретаря подписать документ, на котором имеется полдюжата виз, но, увы, зам. министра куда-то уехал, до конца дня уже не будет. Вопрос откладывался на завтра. Полдня я потерял, набегался по этажам, а дела не сделал (не зря среди коллег-ректоров ходила мрачная шутка "Ректора ноги кормят!"). Вот что такое "скользящий" перерыв!

На производстве, конечно же, потери во много раз больше. Итальянцы как дважды два доказали, что расходы на строительство, оборудование и оплату персонала складов для хранения и транспортировки промежуточных заделов, возникающих в связи с нарушением ритма производства "скользящими" перерывами, во много раз превышают расходы на строительство и оплату персонала крупных столовых. И нашим экспертам, с улыбкой сказал В. Н. Поляков, пришлось признать, что экономическое мышление у них не на должной высоте.

Разговор между генеральным директором ВАЗа и мною начинался как будто неплохо. Но так было только до тех пор, пока мы обсуждали (вернее, он говорил, а я слушал) дела ВАЗа. Однако как только я поставил вопрос об оснащении вуза оборудованием и улучшении его материальной базы, В. Н. Поляков резко сказал: "Мы заканчиваем строить учебный корпус, который временно займем под дирекцию завода. Когда здание дирекции на территории ВАЗа будет построено, мы переедем в него, а корпус отдадим институту. (Замечу в скобках, что это здание до сих пор институту не передано, хотя корпус дирекции ВАЗа уже позволяет это сделать.) Что же касается оборудования, то мы получаем его строго по проекту, без излишков, поэтому передавать его вам не можем. Если хотите, - продолжил В. Н. Поляков, - организуйте изучение оборудования на месте. Пусть, например, электротехнические кафедры, используя

своих студентов в качестве рабочих, под ответственность ваших ученых, возьмут на себя монтаж электрооборудования какой-либо поточной линии с тем, чтобы сделать эту работу за три-четыре месяца, как положено по плану".

Предложение было неожиданным и необычным. Я обещал подумать, но сказал, что, во-первых, вряд ли студенты готовы к выполнению таких работ, а научные работники - к руководству монтажом, а во-вторых, не знаю, возможно ли это с точки зрения организации учебного процесса в вузе.

- Ну что ж, сделаем без вас! - сказал генеральный директор с известной степенью неудовольствия.

Размышляя над этой частью нашего разговора по прошествии четверти века после того, как он состоялся, я думаю, что, может быть, я проявил излишнюю осторожность. Но я и сейчас уверен, что институт не смог бы честно и с достоинством выполнить предлагаемую работу по существу, а не в рекламно-декоративных целях. Думаю, что монтаж вели бы заводские специалисты, а студентов использовали бы главным образом на подсобных работах, поскольку чернорабочих заводу всегда не хватало. Научные работники скорее всего болтались бы без дела, подавая своим питомцам не очень хороший пример. В последующие годы, да и сейчас по требованию АвтоВАЗа институт значительную часть практики, в том числе для студентов старших курсов, заменяет работой на конвейере. Студенты вместо того, чтобы углубленно изучать производство, в течение месяца, а то и более, заворачивают одни и те же винты или устанавливают сиденья в кузов очередной автомашины, движущейся по конвейеру. Вряд ли это правильно, если думать о подготовке инженеров в истинном понимании этого слова - "изобретательный, ищущий, знающий человек".

Но возвратимся к моему разговору с генеральным директором автозавода. Когда я предложил далее рассмотреть вопрос о перспективных научно-исследовательских работах, которые коллектив института мог бы выполнить для завода при наличии соответствующего финансирования, генеральный директор посоветовал обратиться с этим вопросом к заместителю технического директора Звирбянскому (управление лабораторий и исследовательских работ, а также связь с научными учреждениями). При этом В. Н. Поляков сделал как бы мимоходом два замечания. Первое состояло в том, что завод в ближайшее время не заинтересован в проведении исследований на перспективу, поскольку главная задача состоит в том, чтобы без малейших изменений освоить технологию, предложенную фирмой FIAT. Второе замечание, сопровождаемое ироничной

улыбкой, состояло в том, что он, якобы, вообще не знает вузов (за исключением нескольких столичных), которые сделали бы что-либо толковое для производства. Я, будучи оскорбленным этим бесцеремонным выпадом, сказал, что, по-видимому, Виктор Николаевич знает слишком мало высших учебных заведений, иначе он изменил бы свое мнение. И вскоре откланялся.

Наша беседа произвела на меня неблагоприятное впечатление не только слегка высокомерным тоном, которым вел ее генеральный директор завода. Когда рассматривалась моя кандидатура в Москве, пришлось побывать у нескольких заместителей министра, о чем я писал выше. Несмотря на то, что заместители министра высшего образования РСФСР были, конечно, "калибром" поменьше, чем заместитель министра автомобильной промышленности СССР (поскольку в "табеле о рангах" наше министерство стояло много ниже, чем Минавтопром СССР), они тоже вели беседу в назидательном и несколько высокомерном тоне. Такова, видимо, манера поведения лиц, стоящих у власти.

Значительно меньше, чем форма, меня огорчило содержание разговора с генеральным директором, наша различная оценка роли, которую должен играть новый вуз, и того, как он должен взаимодействовать с автогигантом. Я полагал, что институт во время строительства завода не должен быть ареалом рабочей силы, а использоваться как коллектив, имеющий определенный интеллектуальный потенциал. Институт должен в ближайшем и отдаленном будущем вносить в становление завода свою лепту кадрами, серьезными текущими и перспективными исследованиями, аналитической деятельностью. Поэтому руководство завода, заглядывая в будущее, должно было, на мой взгляд, серьезное внимание уделить становлению ТПИ как современного вуза, уровень которого соответствовал бы высокому уровню автогиганта.

Это отнюдь не значило, что я отрицал или не понимал, что необходимо и по-другому включиться в решение задач острого периода строительства ВАЗа. Но и в этот период, наряду с модными тогда различными "трудовыми десантами на строительство", мы должны были искать свойственное нам место во взаимоотношениях с заводом. Кстати, пример такого участия в ускорении строительных работ, основанный на интеллектуальном потенциале института, ТПИ вскоре продемонстрировал. В нашем коллективе были разработаны рациональные конструкции алмазных сверл и режимы их эксплуатации при изготовлении отверстий в бетоне и железобетоне. Затем в содружестве с институтом "ВНИИнеруд" сконструирован и в 1968 году изготовлен в металле переносной станок для этой операции. Новый метод позволил в несколько раз снизить тру-

доемкость и себестоимость изготовления отверстий для монтажа оборудования на фундаментных плитах, а также отверстий в перекрытиях и переборках, сквозь которые должны были прокладываться трубопроводы различных трасс. Я специально пригласил В. Н. Полякова на первое испытание нового станка в цеховых условиях, чтобы показать ему, что и работники вуза могут сделать "кое-что толковое для производства". Испытания прошли успешно. В дальнейшем с помощью алмазных сверл и нового станка было просверлено более двадцати тысяч отверстий в железобетонных плитах только при монтаже конвейёров в прессовом корпусе ВАЗа. Суммарная длина просверленных отверстий (работа выполнялась под руководством тогда еще аспиранта, а ныне доцента И. С. Ногина) превысила 1,6 километра.

Вспоминая о беседе с В. Н. Поляковым, пытаюсь понять, чем была вызвана его позиция? Думаю, по крайней мере, двумя причинами. Первая из них состояла в том, что генеральный директор, подобно мощной ракете с самонаводящейся головкой, был ориентирован только на одну цель - обеспечить монтаж и пуск завода в установленный планом срок. Как ракета, он не позволял себе отклоняться от траектории, ведущей к цели, отвлекая внимание на другие задачи и проблемы. Во имя выполнения плана В. Н. Поляков работал с утра до позднего вечера, включая выходные дни, "на износ" работали многие вазовцы. Во имя плана принимались нестандартные решения. Мне говорили, что как-то на одном из заводов-смежников произошла авария, вследствие чего поставка комплектующих деталей для автомашин оказалась под угрозой срыва. Тогда В. Н. Поляков выделил из коллектива своего предприятия большую бригаду ремонтников и направил ее на завод-смежник для того, чтобы устранить последствия аварии, несмотря на то, что завод-смежник, кажется, принадлежал другому министерству.

Волжский автозавод был пущен в срок, машины "Жигули" побежали по стране, генеральный директор В. Н. Поляков и начальник КГС Н. Ф. Семизоров заслуженно были удостоены звания Героев Социалистического Труда, многие вазовцы и строители получили высокие правительственные награды. Все это так. Но через несколько лет стало стареть оборудование, сократились фонды на приобретение инструментов и оборудования за рубежом. Вследствие этого возник ряд трудностей, которых можно было избежать при своевременном проведении перспективных технологических исследований и разработок. К сожалению, во время строительства завода о них думали мало.

Вторая причина, создавшая определенную тональность разговора с генеральным директором ВАЗа, на мой взгляд, состояла в следующем.

В. Н. Поляков, будучи производственником-практиком высочайшего класса, впитал в себя отношение к высшей школе (образованию вообще), которая многие годы существовала в нашей стране и, если хотите, существует и поныне. Теоретической основой для такого отношения служило известное положение о базисе и надстройке, по которому все непромышленные сферы народного хозяйства, включая науку и образование, имели ранг надстройки над базисными сферами производства. Так, словно высшая школа - это деревянная мансарда, в которой проживают бедные студенты. Мансарда надстроена на фундаментальном кирпичном здании, в котором живут богатые хозяева. Хозяева понемногу подкармливают студентов и следят за тем, чтобы они не очень шумели. Для этого управляющие, финансируемые хозяевами, периодически отвлекают внимание жителей мансарды громогласно объявляемыми реформами, суть которых состоит в перестановке внутренних перегородок или окраске в другой цвет окон, а площади, занимаемые студентами, и расходы на питание жителей мансарды не увеличиваются.

Читатель, надеюсь, извинит меня за несколько вольную трактовку философского учения. Я это сделал только для того, чтобы наглядно проиллюстрировать положение, в котором многие годы находилась (и находится по сие время) высшая школа страны. Имея в своем составе более половины отечественных докторов и кандидатов наук, высшие учебные заведения, как правило, не могут обеспечить прямой выход своих исследований в производство, поскольку не имеют для этой цели ни средств, ни надлежащей опытно-промышленной базы. Результаты исследований вузовских ученых попадают на производство, как правило, кружным путем - через отраслевые КБ и НИИ, причем авторство фундаментальных работ, лежащих в основе практических разработок, иногда теряется среди большого количества соавторов. Поэтому среди многих практиков от мала до велика распространено мнение, что главной целью вузовских ученых является защита диссертаций, а не создание "чего-либо толкового для производства", как сказал В. Н. Поляков. Соответственно формируется и отношение к высшей школе только как к поставщику дипломированных специалистов, и то подлежащих переучиванию на производстве.

Справедливости ради следует сказать, что мне довелось сталкиваться с крупными руководителями производства, которые мыслили и действовали по-другому. Взять, например, Николая Дмитриевича Кузнецова, которого я знал лично. Он руководил одним из крупных предприятий авиационной промышленности. Всегда поддерживал тесный контакт с Куйбышевским авиационным институтом, был членом совета этого ин-

ститута, профессором, не прерывал контакты с КуАИ и после избрания действительным членом Академии наук. Однажды, направляясь в Москву, я оказался соседом Н. Д. Кузнецова по креслу в самолете. Он с увлечением говорил мне о необходимости привлечения работников вузов к развитию и совершенствованию теоретических основ технологической наследственности. (Для неспециалистов поясню, что речь идет о влиянии технологии обработки на качество и надежность изделий.) Мне было приятно узнать, что Кузнецов, оказывается, знаком с моими трудами по теплофизике технологических процессов.

Всезнающий читатель может мне возразить, что Н. Д. Кузнецов был не только руководителем предприятия, но и всемирно известным конструктором авиационных двигателей, и что ему, мол, сам Бог велел заниматься наукой. На это я отвечу, что, во-первых, далеко не все крупные конструкторы были тесно связаны с высшей школой, а во-вторых, я знал целый ряд главных инженеров и директоров предприятий серийного и массового производства, которые читали лекции и участвовали в работе ученых советов вузов, а иногда переходили в учебные заведения на должности профессоров, заведующих кафедрами. Я уже писал о профессоре И. В. Комзине, начальнике КГС. Вот еще один пример. Когда Белла была студенткой КИИ, в их потоке читал лекции главный инженер 4ГПЗ Г. Б. Лурье, известный специалист по шлифованию, утвержденный в звании профессора по представлению совета КИИ.

В крутой и длинной служебной лестнице В. Н. Полякова - от мастера до министра, вероятно, не было ступеньки, которая содержала бы его прямые контакты с высшей школой.

Точка зрения генерального директора, конечно, влияла на отношение к вузу и других (за малым исключением) руководителей производства. В связи с этим сотрудничество между заводом и институтом в течение ряда лет строилось, как у нас говорили, по системе "полупроводника" - от ТПИ к заводу "проходит" (кадры, консультации, некоторые исследования), а от завода к институту "не проходит". Только в последнее десятилетие, когда ряд должностей на заводе заняли выпускники ТПИ, а на ВАЗе появились свои кандидаты наук, в том числе подготовленные с помощью института, ситуация начала меняться к лучшему. Хотя, впрочем, и сейчас теснота сотрудничества ТПИ и АвтоВАЗа еще далека от той, которая должна быть, на мой взгляд.

Разговор с генеральным директором ВАЗа, о котором я рассказал в этой главе, был ударом по главной иллюзии, с которой я приехал в Тольятти, - надежде на то, что институт будет развиваться, опираясь на

мощную поддержку автомобилестроителей.

К сожалению, со временем развеялись и некоторые другие иллюзии, о чем я напишу в дальнейших разделах воспоминаний.

КАК ПОССОРИЛИСЬ АРОН НАУМОВИЧ С НИКОЛАЕМ ХАРИТОНОВИЧЕМ

—

В этой и следующих главах я хочу рассказать о том, какие реальные формы приобрела помощь партийных органов, которую обещал секретарь обкома КПСС Н. С. Черных при моем назначении на должность ректора ТПИ.

Тольяттинский горком, когда его первым секретарем был Г. Н. Андреев - один из инициаторов создания в городе самостоятельного политехнического института, оказывал большое содействие становлению нашего коллектива. Бюро горкома КПСС и горисполком приняли постановление о выделении ТПИ 40 квартир для размещения в них лиц с учеными степенями и званиями, прибывающими на работу в институт. Первый секретарь лично контролировал исполнение этого решения. Не стал, как говорят, "лезть в бутылку", когда я уклонился от предложения горкома назначить проректором по учебной и научной работе Е. Ф. Винокурова, бывшего директора филиала. Я уже писал о Е. Ф. Винокурове. С моей точки зрения, он являлся проводником худших традиций, которые были свойственны части сотрудников филиала, - невысокие требования к организации и уровню учебного процесса, отсутствие интереса к науке, протекционизм при приеме в институт, склонность к выпивке. Он никак не годился на должность проректора, слишком разные у нас были подходы к делу. Однако кое-кого из партийного аппарата Евгений Федорович, по-видимому, устраивал, в связи с чем еще до моего фактического вступления в должность ректора, я думаю, по его просьбе из горкома КПСС в Минвуз РСФСР ушло письмо с предложением кандидатуры доцента Винокурова на должность проректора по учебной и научной работе ТПИ. В Главном управлении политехнических вузов при первом же моем появлении уже в должности ректора показали это письмо. Под предлогом замены должности проректора по учебной и научной работе на две - по учебной и по научной работе отдельно, по моей просьбе ми-

нистерство деликатно отклонило предложение горкома.

К сожалению, Г. Н. Андреева вскоре после моего прибытия в Тольятти отозвали в ЦК КПСС и направили в Чехословакию, в высшую партийную школу (ВПШ). Геннадий Николаевич за время обучения в ВПШ несколько раз приезжал в Тольятти, причем непременно каждый раз заходил в ректорат поинтересоваться, как идут дела в вузе, а также на кафедры общественных наук - поговорить с преподавателями. Профессор, доктор исторических наук А. Э. Лившиц, который в те годы был доцентом, а ныне заведует кафедрой политической истории ТПИ, рассказывал мне, что в откровенных беседах Г. Н. Андреев осторожно, но достаточно ясно высказывал свое критическое отношение к освещению чехословацких событий в печати, а также к позиции, занятой нашей страной в этих событиях.

Закончив ВПШ, Г. Н. Андреев защитил кандидатскую диссертацию и возвратился на работу в один из отделов ЦК КПСС. Потом, кажется, перешел в ведение Министерства иностранных дел и работал за рубежом (точно не знаю). У меня о Г. Н. Андрееве сохранилось впечатление как об интеллигентном человеке, одном из немногих партийных работников, интересовавшихся наукой и высшей школой.

После Г. Н. Андреева пост первого секретаря занял Николай Харито-нович Оболонков, присланный на эту работу из Куйбышева, где был председателем райсовета в одном из окраинных промышленных районов города. Новый "первый" сильно отличался от предыдущего. Даже внешне они были совсем различными людьми. Г. Н. Андреев - стройный, с приятными чертами лица. Напротив, при знакомстве с Н. Х. Обо-лонковым привлекала внимание неправильность черт его лица, особенно большой длинный нос, раздвоенный на кончике. Говорят, что некоторые физиономисты находят связь между чертами лица, данными человеку природой, и его характером. Я, во всяком случае, знал несколько человек с носом такой конструкции, как у Оболонкова. Все они имели плохой характер, были злопамятны и мстительны. Как оказалось в дальнейшем, упомянутые черты были свойственны и новому секретарю горкома.

Невысокого роста, с фигурой, позволявшей предположить, что ее обладатель в молодые годы занимался тяжелой атлетикой, Николай Хари-тонович не ходил, а медленно шагал, при разговоре с кем-либо слегка отклонялся назад, словно желая дистанцироваться от собеседника. Как многие мужчины невысокого роста, говорил громко, собственно даже не столько говорил, сколько веско произносил отдельные слова.

Новый секретарь горкома на первых порах мало внимания уделял

институту. От вуза требовалось главным образом, чтоб он не был местом возникновения конфликтов и поставщиком анонимных писем в адрес горкома и других властных структур. Поскольку в процессе перехода от филиала к современному вузу избежать конфликтов было нельзя, а до анонимок в те времена было много охотников, первый секретарь горкома начал присматриваться к ректору института, особенно потому, что ректор проявлял "ершистость" и нежелание понимать некоторые простые вещи.

Первый открытый конфликт между нами произошел 31 декабря 1969 года. В предпраздничный день, обойдя отделы и основные кафедры института, я поздравил сотрудников с наступающим Новым годом и примерно в 15 часов уехал домой. Однако в 17 часов мне позвонили из горсовета и просили немедленно прийти на заседание исполкома. Когда я прибыл, то узнал, что исполком "закрывает" годовой план строительных работ, чтобы обеспечить его стопроцентное выполнение. Формально совещание вел председатель горсовета, фактически всем распоряжался Оболонков. Вызывали по очереди тех руководителей, кто не подписал акты о приемке в эксплуатацию зданий, строительство которых было включено в план. Я тоже был среди "грешников". Дело в том, что я накануне отказался подписать акт о готовности корпуса студенческого общежития. Строители дважды пытались сдать его государственной приемочной комиссии, но не смогли этого сделать, так как корпус имел колоссальное количество недоделок - не работали душевые, в части комнат не работали батареи отопления, был не выполнен и ряд других важнейших работ.

Н. Х. Оболонков вызвал меня, как говорят, "на ковер" первым и сказал, что госкомиссия уже подписала акт о приемке здания с недоделками и что теперь дело только за мной, иначе план строительства по городу окажется невыполненным. Я посмотрел на председателя госкомиссии, он пожал плечами, мол, что поделаешь, заставили. Дальше между мной и Оболонковым состоялся следующий диалог.

Я (спокойно): Николай Харитонович, корпус не готов, студентов в него селить нельзя, там еще работы не менее чем на два-три месяца.

Он (нервно): Вы подпишите, а "Жилстрой" все сделает! (Представитель "Жилстроя" усилленно кивает головой.)

Я: Знаете, я не привык ставить студенту в зачетку оценку задолго до того, как он мне сдал экзамен. Считаю это аморальным!

Он (в ярости): Вы бросьте свои профессорские замашки! Надо закрывать план, потом все сделают. Подписывайте акт!

Я (спокойно, хотя внутри все кипит от возмущения): Подписывать липовый акт я не буду!

Он: Тогда уходите, мы потом еще разберемся, как вы сорвали выполнение плана строительных работ!

Я направился к двери, следом за мной поднялся проректор по административно-хозяйственной работе Ботов, которого тоже вызвали из дома. "Ботов, останьтесь!" -скомандовал Оболонков. Проректор сел на место. На другой день он позвонил мне и сказал, что криком и угрозами его заставили подписать акт. Другие "грешники" тоже сдались, подписав акты о готовности недоделанных зданий. Через пару дней я прочитал в городской газете, что обком партии поздравил руководство города Тольятти с выполнением плана строительства жилья. Вот так! Остается добавить, что заселение студентов в новое общежитие мы смогли начать только через четыре месяца, хотя и к этому времени часть дефектов все еще не была устранена.

Еще более острым был второй конфликт между мною и первым секретарем горкома. Предыстория его такова. С некоторого времени в институте начали пропадать ценные вещи - телефонные аппараты с кафедр, магнитофон из лингафонного кабинета, усилительная аппаратура и инструменты из комнаты студенческого клуба. Организатора этих краж нашла милиция. Им оказался студент Б., проживавший в общежитии. (Фамилию не называю, имея в виду, что он, теперь уже взрослый человек, возможно, стал лучше, чем был в юности.) Студенческие организации ТПИ, оформив официальный иск, требовали, чтобы суд над Б. был проведен открыто, в институте. Как только уголовное дело было возбуждено, меня начали осаждать телефонными звонками. Сначала позвонил главный инженер одного из химических предприятий города. Он сказал, что отец Б. - начальник цеха крупного химического завода, расположенного где-то на Урале, - звонил ему и попросил, чтобы дело сына закрыли, стоимость похищенного готов оплатить. Я ответил, что при всем уважении к главному инженеру не считаю возможным вмешиваться в дела правовых органов.

Следующим был звонок из Москвы, из Министерства энергетики и электрификации СССР. Звонил начальник одного из главных управлений, связанных с планированием объемов строительных работ для Тольятти (в ведении Минэнерго находился и КГС). К нему, видите ли, обратился фронтовой друг, внука которого у нас привлекли к ответственности "за какую-то ерунду". Просил отозвать иск института и закрыть дело. И ему я ответил, что судить внука его друга требуют студенты, и требуют справедливо. Начальник главка, не прощаясь, повесил трубку.

Еще через некоторое время позвонил заведующий отделом пропаганды горкома партии. Ссылаясь на то, что первому секретарю горкома звонили из Москвы (видимо, тот же начальник главка), сообщил, что Николай Харитонович просил ректора внимательно (было сказано вразяжку "вни-ма-а-тельно!") еще раз вернуться к этому делу. Я спросил, не означает ли эта просьба указание заставить студенческие организации отозвать из следственных органов свой иск в отношении Б. "Ну, это ваше дело", - последовал ответ. Намек был более чем прозрачный.

Я, однако, даже если бы и хотел что-либо предпринять (а у меня ни малейшего желания не было), то не стал бы ничего делать, поскольку рисковал потерять авторитет в глазах студентов института. На это я пойти не мог!

Пока шли разговоры, прокуратура города неожиданно, без видимых причин, якобы в порядке надзора, изъяла дело Б. у следователей райотдела милиции и перевела его в свое делопроизводство. Понять закулисную сторону этой операции не составляло труда.

Вскоре состоялся очередной пленум горкома КПСС, не помню, по какому вопросу. Выступая в прениях по докладу, прокурор города, между прочим, сказал, что за хищение некоторого количества запчастей к "жигулям" осуждены к условным мерам наказания учащиеся одного из производственно-технических училищ (ПТУ). Выступая вслед за ним, я в конце речи задал прокурору вопрос о том, почему не рассматривается дело студента Б., хотя стоимость похищенного им значительно превышает стоимость тех запчастей, которые похитили пэтэушники? Может быть, потому, сказал я, что у Б. имеются высокие покровители? И рассказал о звонке из Москвы, чем вызвал определенную реакцию зала. Словом, я хоть и не прямо, но критиковал руководство горкома партии, так как всем было ясно, что без его команды никакой звонок из Москвы не мог оказать воздействия на прокуратуру.

В конце заседания прокурор попросил слова для справки по моему выступлению. "Никаких справок! Товарищ Резников занимается не тем, чем надо, чтобы воспитывать студентов!" - едва сдерживая себя, выкрикнул председательствовавший на пленуме Оболонков.

На этом, однако, история не закончилась. Через некоторое время вне плана на заседание бюро горкома был вынесен какой-то вопрос с докладом секретаря парткома ТПИ Василия Ильича Макеева (не могу здесь не высказать скорбь по поводу недавней кончины этого честного, порядочного человека, заслуженного ветерана войны). В своем выступлении по обсуждаемому вопросу Н. Х. Оболонков обрушился на партком за то, что он не руководит деятельностью студенческих организаций, в резуль-

тате чего студенты лезут не в свои дела. Хотя речь шла как будто о парткоме, но всем было ясно, что слова первого секретаря адресованы главным образом ректору. Ситуация, как в известной еврейской поговорке, которая в переводе с идиш звучит так: "Ругают дочь, но имеют в виду невестку". В конце своего выступления Н. Х. Оболонков поручил присутствовавшему на заседании бюро заместителю редактора городской газеты лично изучить деятельность руководства института и написать неллицеприятную статью. Вскоре инспирированная статья вышла. В ней, вопреки фактам, огульно охаивалась работа института и моя деятельность в частности. Я думаю, что Оболонков был доволен.

Так непросто складывались мои отношения с партийным руководством города. Далеки от совершенства и от понятия "помощь новому институту" были и отношения с обкомом партии, вернее с его отделом науки и высшей школы, о чем расскажу в следующей главе.

СЕКРЕТАРИ, ИНСТРУКТОРЫ, АНОНИМКИ

Затронув вопрос о роли областных партийных органов в становлении и развитии института, хочу предварительно, как очевидец и участник событий, происходивших в обществе, рассказать о положении, которое занимал аппарат партийных органов в жизни страны. Формально ведущие работники аппарата областного, городского и районного комитетов КПСС избирались на соответствующих партийных конференциях. Однако все хорошо знали, что это не более чем профформа. Задолго до выборов аппарат парторгана, полномочия которого истекали, сам формировал список нового состава, не забывая, конечно, включить в него прежде всего самих себя. Президиум конференции, состоявший в основном из того же аппарата, принимал все возможные и невозможные меры к тому, чтобы в бюллетене было ровно столько кандидатур, сколько подлежало избранию в партийный орган. Только наивные люди думали, что если при тайном голосовании они вычеркнут из бюллетеня одну-две фамилии, то это изменит что-либо в составе секретариата, руководителей отделов обкома, горкома или райкома. Большинство делегатов конференции (в том числе и я, если был среди них), равнодушно

скользнув взглядом по списку кандидатур или даже не разворачивая бюллетень, опускали его в урну для голосования. "Аморально!" - скажете вы, мои молодые читатели. Конечно, аморально, отвечу я. Но все же хочу, чтобы потомки если не оправдали, то хотя бы поняли нас, живших в эту эпоху, представили обстановку, в которой мы жили и работали. О ней скажу несколько слов, поскольку за пятьдесят лет пребывания в КПСС многое видел и понял.

Элитное руководство средних и высших структур, само формируя свой замкнутый круг, все более дистанцировалось от рядовых членов партии. На долю рядовых членов партии приходились в основном обязанности, тогда как на долю элиты - права. Чувствуя свою независимость, многие руководители партийной элиты приобретали диктаторские замашки, их слово по любому вопросу становилось истиной в последней инстанции.

Появился даже термин "первое лицо", которым называли первого секретаря обкома или горкома партии, термин, на мой взгляд, оскорбительный для многотысячного населения области или города. Почему, например, в Куйбышевской области первым лицом должен был называться Е. Ф. Муравьев, инженер невысокой квалификации, самодовольный и ограниченный человек, которого партийная судьба вынесла на пост первого секретаря обкома, а не всемирно известный профессор-офтальмолог Тихон Иванович Ерошевский, спасший зрение тысячам людей, или академик Николай Дмитриевич Кузнецов - всемирно известный конструктор авиадвигателей, или народная артистка СССР Вера Александровна Ершова, в течение пяти десятков лет волнующая умы и облагораживающая души многих и многих зрителей своим искусством? Ряд достойных граждан области можно продолжать без конца, если только согласиться, что термин "первое лицо" уместен.

При существовавшей в партийных органах системе возвышения "первых лиц" они обладали практически неограниченной властью в подведомственном им регионе. Поэтому решение тех или иных вопросов, а также характер взаимоотношения с людьми на местах определяли не столько общегосударственные установки, имевшие часто вид лозунгов, а особенности характера и культурного уровня местного партийного босса, "хозяина", как иногда называли его подхалимы, которых всегда достаточно в окружении представителей власти. Рискую вызвать неудовольствие некоторых нынешних историков-флюгеров, так же рьяно облаивающих советский период жизни СССР, как они ранее его восхваляли (если вдруг мои записки попадутся на глаза кому-либо из них), скажу, что, по моему убеждению, идея социалистического развития претерпела

в нашей стране глубокие деформации не потому, что она неправильна в принципе, а потому, что реальное руководство обществом на многих уровнях осуществляли себялюбцы, люди с недостаточно чистыми (а иногда и вовсе грязными) руками, ставившие свое благополучие и карьеру выше благополучия и достатка других людей. Всех же, кто мешал, они, пользуясь властью, убирали. Я помню, например, каким уважением жителей Харькова в мои студенческие годы пользовался первый секретарь обкома Павел Петрович Постышев, много сделавший для развития города и повышения благосостояния горожан. Очень простой, доступный человек, он любил не ездить, а ходить по городу, жил в обычном доме неподалеку от территории политехнического института. Его сын Валька Постышев иногда бывал в нашей студенческой компании. Известно, что впоследствии П. П. Постышев "пришелся не ко двору" - из Киева (где был на посту второго секретаря ЦК КП(б)У) был переведен в Куйбышев. Не знаю, как вел себя Постышев в Киеве и Куйбышеве, поскольку в то время я там не жил и сведений не имею. Знаю только, что в конце концов он был уничтожен.

Помню другого первого секретаря Харьковского обкома - Н. Демченко, которого знал по громадным портретам, которые мы (я имею в виду студенческую бригаду оформителей ХММИ) рисовали, так как руководитель области требовал, чтобы его портреты несли в колоннах демонстрантов.

Но, пожалуй, я слишком далеко по времени и слишком высоко по уровню удалился от места и периода, относящихся к моей работе ректором ТПИ. Спустимся, читатель, ниже и подойдем поближе к местным партийным органам.

В последние годы пребывания в Куйбышеве, а затем после переезда в Тольятти я был знаком с тремя первыми секретарями обкома, последовательно занимавшими этот пост: Александром Сергеевичем Мурысе-вым, Владимиром Павловичем Орловым и Евгением Федоровичем Муравьевым. Стиль работы каждого из них был различным, соответственно, разным был и стиль работы аппарата обкома КПСС.

А. С. Мурысева многие тольяттинцы старшего возраста знают, поскольку он длительное время был партгором ЦК КПСС на строительстве Куйбышевской ГЭС им. Ленина. Те, кто помоложе, знают, что в Комсомольском районе города есть улица Мурысева, названная так после его смерти. Я знал Александра Сергеевича еще тогда, когда он был секретарем, а я - членом парткома КИИ. Высокого роста, массивный, но сложенный пропорционально, с большими сильными руками, он говорил низким голосом, почти басом, во время разговора внимательно и

доброжелательно смотрел на собеседника. Любил выслушивать мнение специалистов, никогда не выступал, не изучив досконально предмет обсуждения. Как секретарь парткома, будучи членом ученого совета, предпочитал по вопросам учебно-методической и научной работы сам не выступать. После предварительного (до заседания) обмена мнениями с двумя-тремя коммунистами - профессорами или доцентами - членами совета просил одного из них выступить с изложением точки зрения парткома. "Я ведь всего-то ассистент кафедры "Технология машиностроения", недавний выпускник КИИ, пусть лучше выступают мои учителя", - хитровато улыбаясь, говорил он. Работать с ним было спокойно и интересно. Многие в институте были огорчены, когда А. С. Мурысева забрали от нас и направили на должность первого секретаря Похвистневского райкома КПСС. Затем он был первым секретарем Чапаевского горкома, а далее, как я уже писал, перешел на работу в г. Ставрополь-на-Волге (впоследствии переименованный в Тольятти). В коллективе стройки пользовался большим авторитетом, по окончании строительства ГЭС заслуженно был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

По возвращении из Ставрополя в Куйбышев А. С. Мурысев с семьей довольно долго был моим соседом по дому, обычному жилому дому на Ульяновской улице. Никакая охрана у дома не стояла. Если мы встречались с ним во дворе, Александр Сергеевич всегда останавливался, здоровался, подробно расспрашивал о здоровье родителей и семьи, просил передать привет отцу.

Не помню точно, но в 1961 или 1962 году ректорат КИИ попросил А. С. Мурысева принять группу профессоров, в которую входил и я. Институт поручил нам в беседе с первым секретарем обкома поставить ряд вопросов, относящихся к развитию вуза. Примерно за полчаса до назначенного срока мы собрались в приемной. Вскоре А. С. Мурысев по какому-то поводу вышел из своего кабинета и, увидев нас, спросил у секретаря, почему она не доложила о прибытии профессоров. "Еще двадцать пять минут до назначенного срока", - ответила секретарь. "Что же вы думаете, - ответил ей А. С. Мурысев, - я буду двадцать пять минут держать в приемной уважаемых ученых, в том числе моих учителей? Проходите, пожалуйста (это уже к нам), и извините за оплошность секретаря".

Во время приема, связавшись по телефону с облисполкомом и другими организациями, Александр Сергеевич решил ряд вопросов, с которыми мы пришли к нему, а остальные записал и обещал решить в самое ближайшее время. И действительно вскоре решил.

Вторым секретарем обкома в те годы был Виталий Иванович Ворот-

ников, грамотный и вдумчивый инженер, пришедший на партийную работу из авиационной промышленности. Однажды как председатель инструментальной секции технико-экономического совета Средневожско-го СНХ на каком-то совещании я говорил о недостаточном еще применении инструментов, оснащенных синтетическими алмазами, к широкому выпуску которых приступил Институт сверхтвердых материалов (ИСМ) в Киеве. В перерыве совещания Виталий Иванович нашел меня и попросил зайти в обком, чтобы более подробно проинформировать о новом режущем материале. В моем распоряжении было достаточно сведений для такой информации, потому что с самого начала освоения технологии производства синтетических алмазов в СССР я был тесно связан с Институтом физики высоких давлений АН СССР, в частности с академиком Л. Ф. Верещагиным - автором отечественного метода и принципов конструирования оборудования для прессования алмазов, а также с коллективом ИСМ и его директором В. Н. Бакулем. Кафедра режущих инструментов КИИ и НПИЛ провели ряд исследований, относящихся к конструкции и эксплуатации алмазных кругов, в Куйбышевском книжном издательстве готовилась к выходу моя монография "Алмазные режущие инструменты" (1964).

В. И. Воротников сразу оценил прогрессивную роль, которую могут сыграть алмазные инструменты в народном хозяйстве страны и, в частности, на предприятиях нашего региона, насыщенного машиностроением. Он предложил созвать совещание руководителей технических служб заводов и научных работников, на котором принять конкретные решения по исследованию и широкому внедрению алмазных инструментов. У меня сохранилась стенограмма этого совещания, на котором председательствовал В. И. Воротников, а я выступал с основным докладом. Результатом совещания, а также постановления бюро обкома КПСС, принятого почти одновременно, было существенное ускорение научных разработок и расширение практического применения алмазов в нашей области.

Я изложил факты, которым был свидетелем лично, чтобы продемонстрировать стиль работы обкома партии в период, когда первым секретарем был А. С. Мурысев. К сожалению, Александр Сергеевич скоропостижно скончался от сердечного приступа. В. И. Воротников уехал из Куйбышева. В дальнейшем он, как известно, был назначен председателем Совета Министров, а потом - председателем Верховного Совета РСФСР (его подпись стоит на грамоте, свидетельствующей, что 18 апреля 1990 года мне присвоено почетное звание "Заслуженный деятель науки и техники РСФСР").

После А. С. Мурысева первым секретарем обкома стал В. П. Орлов. Среди основных черт стиля его руководства была жесткость по отношению к людям. Она же копировалась работниками аппарата обкома, в частности отделом вузов и научных учреждений. После того как секретарь обкома Н. С. Черных, в ведении которого находился отдел вузов, выехал на работу в Москву, а его заменил ректор КПТИ Н. Н. Панов, в отделе произошли определенные изменения. Деликатный и внимательный заведующий отделом И. Н. Русских был заменен другим, более жестким человеком. Инструкторами отдела стали молодые люди, недавние выпускники вузов, но успевшие уже вкусить власть, работая в структурах местных комсомольских органов.

Я писал о Н. Н. Панове, который удачно, несмотря на большие трудности, решил вопрос о передаче институту учебного корпуса областной партшколы, что создало ему большой авторитет как ректору КПТИ. Он не воспринял жесткий метод партийного управления, поэтому в особо конфликтных ситуациях мягко уходил в сторону. Способный научный работник, Н. Н. Панов, если бы продолжал трудиться в высшей школе, несомненно защитил бы докторскую диссертацию, стал профессором и развивал свою научную школу. Николая Николаевича, однако, прельстила партийно-административная работа, которой он отдал много лет вначале в обкоме партии, затем в одном из отделов ЦК КПСС, а теперь уже не знаю где. Заняв в конце шестидесятых годов пост секретаря обкома по пропаганде, Н. Н. Панов попал, по-видимому, в такой водоворот дел, что вынужден был вопросы деятельности учебных заведений почти полностью переадресовать отделу вузов. Работники этого отдела, не обладая достаточным кругозором и знаниями, приняли на вооружение в качестве главного способа взаимоотношений с вузами (может быть, только с ТПИ?) жесткость. Ректор института был обязан каждый более или менее важный шаг в своей работе, каждую инициативу предварительно согласовать с отделом, иначе возникали неприятности.

Заведующий отделом, например, высказал явное неудовольствие тем, что я без согласования с обкомом пригласил заведовать кафедрой профессора М. А. Криштала. Эта история заслуживает того, чтобы рассказать о ней более подробно, поскольку характеризует стиль работы не только Куйбышевского обкома партии, но и других партийных органов.

Доктор технических наук, профессор Михаил Аронович Криштал много лет работал в Туле, в политехническом институте. Талантливый ученый и педагог, он создал школу металлофизиков, известную не только в нашей стране, но и за рубежом. Многие руководящие должности на предприятиях Тулы и в Министерстве черной металлургии занимали его

ученики или коллеги по разработке прогрессивных методов повышения прочности и других эксплуатационных свойств металлов. И вот такой ученый и педагог попадает в зубы (не найду другого термина) первому секретарю Тульского обкома партии Юнаку, человеку грубому и своевольному, типичному представителю худших слоев партийной элиты. Кто-то из работников аппарата Тульского обкома, подготавливая выступление первого секретаря на пленуме, включил в текст доклада очередной "жареный факт". Так в партийных кругах называли внешне яркие (но не всегда отражавшие истину) факты, которые позволяли докладчику эффектно сосредоточить на ком-либо огонь критики главным образом по принципу "бей своих, чтобы чужие боялись". В данном случае роль "жареного факта" сыграли сведения о том, что одна из хоздоговорных работ, выполненных под руководством М. А. Криштала, якобы еще не внедряется в производство. Не глядя на заслуги ученого, подавляющее большинство исследований которого с успехом применяли на производстве (показателем этого служило, в частности, присуждение М. А. Кришталу премии имени С. И. Мосина за большой вклад в развитие оборонной промышленности), секретарь обкома Юнак в докладе на пленуме грубо и недостойно отозвался о профессоре, после чего сказал, что институту вообще следует посмотреть, кто у них заведует кафедрами. Подхалимы и трусы из ректората и парткома Тульского политехнического института немедленно приняли команду первого секретаря обкома. Воспользовавшись тем, что очередной пятилетний срок пребывания М. А. Криштала в должности заведующего кафедрой подходил к концу, руководство института организовало неизбрание на новый срок и объявило профессору, что в услугах его не нуждается. Известнейший ученый был вынужден уйти из института, уехать из города.

Зная о том, что в Тольятти создан новый вуз, и полагая, что здесь может открыться широкое поле деятельности, М. А. Кристал в одну из командировок разыскал меня в Москве. Мы встретились в номере гостиницы. Первое впечатление, которое произвел на меня Михаил Аронович, было очень приятным. Передо мной был высокий широкоплечий человек с буйной шевелюрой черных волос над выпуклым лбом, крупными чертами лица, мохнатыми бровями, из-под которых серьезно смотрели внимательные глаза. Говорил четко, логично. Если шутил или слышал шутку, то отрывисто смеялся, слегка покачивая головой из стороны в сторону и пожимая плечами, как бы говоря: "Вот это да-а-а!"

Михаил Аронович, не сгущая красок, откровенно поведал мне о том, что произошло с ним в Туле. Я рассказал ему о том, что представляет собою институт, какие перспективы имеет промышленность города и сам

город, а затем предложил должность заведующего кафедрой металловедения и технологии металлов. Профессор согласился. Понимая, какого крупного ученого и педагога может приобрести в лице М. А. Криштала наш коллектив, я на другой же день отпечатал на бланке института и подписал письмо в адрес ректора Тульского политехнического института с просьбой о переводе профессора в Тольятти.

С 1973 года и до самой своей кончины М. А. Криштал заведовал кафедрой и руководил лабораторией в ТПИ. В нашем институте он продолжал развитие научной школы, подготовил двух докторов и многих кандидатов наук, в том числе из работников АвтоВАЗа. Написал более 600 трудов, среди которых 14 монографий, был членом редколлегии известных журналов. По представлению совета ТПИ ему было присвоено звание "Заслуженный деятель науки и техники России", в 1991 году был избран действительным членом Инженерной академии.

Несколько лет тому назад, точнее в 1984 году, инсульт временно вывел М. А. Криштала из строя. Но могучий организм и воля ученого в сочетании с самоотверженной борьбой за его здоровье со стороны Людмилы Евгеньевны, его супруги, позволили М. А. Кришталу восстановить работоспособность. Опираясь на палку, забывая о боли в ногах, которая осталась после инсульта, профессор до последних дней читал лекции студентам, передавая им свои знания и опыт. Скончался осенью 1992 года скоропостижно - не выдержало сердце.

Я рассказал о Михаиле Ароновиче не только потому, что хочу доступными мне средствами сохранить память о крупном ученом и глубокоуважаемом человеке. Читатель помнит, что разговор я начал с замечания, которое получил в отделе вузов обкома за то, что пригласил М. А. Криштала без предварительной консультации с партийными органами. "Надо было, - выговаривал мне заведующий отделом, - сначала поставить в известность нас, мы связались бы с Тульским обкомом, получили необходимую информацию, а потом решили бы вопрос о приглашении". Сейчас, по прошествии многих лет, я ничуть не жалею, что проявил самостоятельность, привлек в коллектив института ученого с мировым именем, несмотря на недостойную возню, которую затеяли вокруг него аппаратные деятели партийных органов.

Продолжая разговор о взаимоотношениях с аппаратом обкома партии, отмечу, что значительное место в деятельности обкомовцев занимала организация всякого рода обследований и проверок анонимных писем.

Здесь я должен остановиться, чтобы рассказать молодежи об ужасном и аморальном явлении, которое культивировалось в нашем обще-

стве, особенно с середины шестидесятых до середины восьмидесятых годов. Я имею в виду анонимные письма, "анонимки", как их называли в просторечии. Анонимные доносы были, как известно, причиной, вызвавшей потоки крови во времена инквизиции. "Подметные письма" служили основанием для экзекуций и казней в древней Руси. Потом культурное человечество отвергло или, во всяком случае, существенно снизило роль анонимных доносов. В годы репрессий в нашей стране анонимные письма вновь начали играть роль. Не помню точно и буквально, но по какому-то поводу Сталин сказал, что если в письме есть хоть пять процентов правды, его надо внимательно рассматривать. И "рассматривали", отправляя в лагеря и уничтожая многих невинных людей.

После смерти Сталина, в годы так называемой "оттепели", анонимным сигналам стали придавать сравнительно меньшее значение, и их количество, естественно, снизилось. Однако в последующее двадцатилетие, когда государственная элита и аппарат партийных органов все больше отгораживались от рядовых людей, анонимные письма вновь стали важным источником информации и средством давления властей на тех, кто проявлял хоть небольшую самостоятельность и инициативу, прежде всего на руководителей предприятий и учреждений. Существовало незыблемое правило: анонимку, какая бы чушь в ней ни писалась, нельзя бросить в мусорную корзину, а необходимо разбирать по всей форме: назначать комиссию, вести следствие, писать заключение и "принимать меры". Такой подход содействовал бурному росту количества анонимных писем. Их авторы сводили личные счеты или просто испытывали садистское наслаждение от напряжений и взаимной подозрительности, которые возникали в коллективах при разбирательстве анонимок. Содержание этих гнусных бумаг строилось по определенным правилам. Вначале излагался какой-либо общеизвестный факт или описывалось нарушение, которое давно устранено, за которое объект анонимки уже понес наказание. Это делалось для того, чтобы бумага содержала те самые пять процентов правды, о которых упоминалось выше. Затем писались любые измышления, слухи и грязь, все шло в дело.

Игра была беспронимной. Если автору подметного письма даже не удавалось навредить объекту анонимки, то все равно последний должен был перед комиссией отмывать грязь и доказывать, что он "не верблюд". При этом была трепка нервов, нарушался ритм работы, человек терял равновесие, иногда начинал делать неверные или притормаживать верные шаги и этим создавал повод для новых анонимок.

Для того чтобы справиться с рассмотрением потока анонимок, многим партийным органам пришлось в семидесятые годы увеличить коли-

чество штатных инструкторов. Анонимок было так много, что появилась вполне оправданная мрачная шутка: "В нашей стране ликвидировали неграмотность, научили всех людей читать. Однако, к сожалению, многих научили и писать!"

К деятельности комиссий, проверявших анонимки, привлекали многих людей, их отрывали от работы. В большинстве случаев обследователям приходилось "с кондачка" разбираться в делах незнакомого коллектива. Под бдительным оком одного из инструкторов, который, как правило, лично участвовал в организации расследования, члены комиссии пытались выявить возможно большее количество "жареных фактов", написать возможно больше критических замечаний, памятуя о расхожей в партийных кругах фразе: "Критика - горькое лекарство, но его надо пить!"

Исключение составляли, конечно, случаи, когда в анонимках писали чушь, заметную невооруженным глазом. Но и в этом случае создавалась комиссия, которая выносила вердикт в пользу "обвиняемого". Так, например, вскоре после того как мы, прожив полгода в студенческом общежитии, наконец переехали в квартиру, предоставленную Тольяттинским горисполкомом, в партийные органы пришла анонимка. В ней писалось, что ректор вне очереди получил квартиру (действительный факт), получает большой оклад (тоже, в общем, правильно), но не покупает шикарной мебели и ковров, а значит, копит деньги, чтобы уехать в Израиль! Чушь собачья! Взять бы да бросить эту бумагу в унитаз. Ан нет! Хотя со смехом, но пришлось объяснять очередному инструктору, что мы с Беллой не любим шикарной мебели и ковров, а довольствуемся обычной обстановкой, что мы должны помогать детям и родителям и что, конечно, никуда бежать не собираемся. Смех смехом, а настроение на два-три дня испорчено, прежде всего потому, что какой-то мерзавец ходит недалеко от тебя, может быть, даже заискивающе улыбается, но при этом тешит свою черную душу!

Не все анонимки, конечно, содержали чушь. Часто в них писали о нарушениях финансово-штатной дисциплины. Окруженные частоколом всяких инструкций и указаний, связывающих по рукам и ногам, руководители предприятий и учреждений во многих случаях стояли перед выбором - либо решать вопросы кадров и развития предприятия, хозяйственной деятельности, нарушая инструкции, либо не нарушать, но и дело не делать. Простой пример. В институт с железнодорожной станции на трехтонной машине привезли станок. Машина не принадлежит институту, ее зафрахтовали в автохозяйстве (одно время весь транспорт, принадлежавший вузам и не только им, по указанию правительства был

передан автохозяйствам). Транспорт под грузом держать нельзя. Нужен автокран, чтобы сгрузить станок. Заведующий лабораторией, которой предназначен станок, бежит на ближайшую стройку. Договаривается с водителем автокрана, и тот в обеденный перерыв снимает станок с машины. Завлаб из своих денег отдает водителю обусловленный гонорар, например, 25 рублей - в те времена довольно большую сумму.

Теперь перед заведующим кафедрой и проректором возникает задача - как вернуть завлабу израсходованные им деньги. Выписать наряд нельзя, так как завлаб - штатный работник, ему по нарядам работать не положено (есть такая инструкция). Премиировать нельзя - никакой подходящей даты не видно, да и денег на премии в институте нет, отличившихся работников премируют обычно, как говорят, "благодарностями из фонда ректора". Дело кончается тем, что завлаб находит студента, оформляет на его имя наряд на якобы выполненную научно-исследовательскую или другую работу, подписывает наряд у завкафедрой и проректора. Студент получает в кассе института деньги и отдает завлабу. Все в порядке? Ан нет! Аноним не дремлет - в партийные органы идет "телега" (так называли анонимки) о том, что проректор, завкафедрой и завлаб с помощью студентов систематически незаконно получают и пропивают "на троих" государственные деньги. Опять комиссия, опять объяснения, опять взыскание за нарушение финансовой дисциплины!

"Телеги" покатились в разные инстанции, когда я принял на работу в ТПИ доктора технических наук, профессора Лашко Софью Васильевну. Она была одним из немногих в стране крупных специалистов по теории и технологии процесса пайки металлов. У нас в институте складывались благоприятные условия для организации кафедры пайки - были специалисты, заказы производства, площади для лабораторий. Нужен был ученый, который возглавил бы эту работу. Проректор по науке В. И. Столбов и доцент Б. Н. Перевезенцев лично знали С. В. Лашко, уговорили ее перейти в ТПИ. Но Софья Васильевна не могла переехать из Москвы в Тольятти, так как ее муж, тоже известный ученый, заведовал лабораторией в ВИАМе (институт авиационных материалов) и оставить работу не мог и не хотел. Да и терять московскую прописку С. В. Лашко не хотела. Мы договорились, что предоставляем ей жилье без прописки (у нас была квартира-гостиница), Софья Васильевна две-три недели живет в Тольятти, работает на кафедре, организует новую специальность, руководит наукой, а затем на одну-две недели уезжает домой, в Москву. Потом цикл повторяется. Замечу, что за сравнительно короткое время, в течение которого С. В. Лашко работала в нашем институте, удалось создать и ныне существующую единственную в России кафедру пайки, на-

чать подготовку инженеров по новой специальности, которых предприятия охотно берут на работу. Сотрудники кафедры подготовили к защите докторские и кандидатские диссертации, в частности, Б. Н. Перева-зенцев, нынешний заведующий кафедрой пайки, стал доктором наук, профессором. Словом, нет сомнений в том, что приглашение С. В. Лаш-ко пошло на пользу институту, науке и производству. Но, Боже мой, сколько раз меня мучил по этому поводу обком, сколько раз приезжали комиссии! И все, конечно, по анонимкам.

Мы теперь понимаем, что перестройка, затеянная М. С. Горбачевым, ничего реального, вернее, ничего конкретного не дала. Единственным светлым пятном на мрачном фоне кризиса, вызванного перестройкой, я считаю официальное решение о том, что анонимные письма не рассматриваются. Наконец-то вырезали язву, разлагавшую общество в течение многих лет! Надеюсь, что это уродливое явление никогда больше не возникнет!

Вернемся к вопросу о помощи, которую оказывал нам отдел вузов обкома партии в период становления института как самостоятельного учебного заведения. Классическое "тащить и не пущать" вполне подходит для характеристики этой помощи. Отдел проводил плановые и неплановые проверки деятельности ректората и парткома, которые должны были, по мнению их организаторов, "научить нас работать".

В одном из своих произведений ("Свободная цена") писатель И. Меттер устами учителя Николая Охотникова говорит: "Вообще я не понимаю, почему сама должность человека может предопределять его правоту? Если он инспектор или инструктор, то непременно положено считать, что он умнее меня. А это разлагает нас обоих: он не терпит возражений, а я отвыкаю возражать". Золотые слова!

Работники обкома, не утруждая себя изучением существа процессов, происходивших в молодом вузе, считали, однако, себя вправе поучать нас менторским тоном. Однажды я не выдержал и сказал то ли инструктору, то ли заместителю заведующего отделом вузов, прибывшему в институт на несколько часов и выступавшему на заседании парткома, что если бы работники обкома приезжали не как ревизоры на 1-2 часа, а побыли в коллективе неделю, посмотрели, как работают кафедры и факультеты, то они, надеюсь, повысили бы свою квалификацию, не делали бы неверных и поспешных заключений. Работник обкома побледнел от злости и сказал сквозь зубы: "Этого вашего предложения мы не забудем!"

И не забыли! Вскоре институт подвергся тотальной проверке по всем направлениям учебной деятельности. Комиссию возглавил тот самый

представитель обкома, которому я сделал замечание на заседании парткома. Члены комиссии были подобраны и настроены соответственно взглядам руководителя проверки. Приведу пример. Для того чтобы теснее увязать экономические дисциплины с Общественными и специальными, в ТПИ была предложена и разработана так называемая Единая программа экономического образования инженера (ЕПЭО). Программа была посмертным трудом высококвалифицированного экономиста доцента Анны Устиновны Коваленко, которая, зная, что она обречена на гибель раком желудка, всю оставшуюся энергию отдавала совершенствованию своего детища. Многие вузы, в том числе и московские, запросили у нас ЕПЭО. Она получила широкий отклик и признание на всероссийском совещании по экономическому образованию, созванному Минвузом РСФСР в Ленинграде. Но нет пророка в своем Отечестве! В Куйбышевской области, не без помощи отдела вузов обкома, возобладала точка зрения, что эта новация ни к чему. Против ЕПЭО, из соображений чести мундира, высказался на очередном совещании ректоров вузов представитель Куйбышевского планово-экономического института. Именно этот человек и был включен в состав комиссии по проверке учебной части ТПИ. Ему, естественно, было поручено обследование кафедр - инициаторов ЕПЭО. Следует ли удивляться тому, что в заключении комиссии не нашлось слов для того, чтобы отметить прогрессивные идеи, заложенные в ЕПЭО, а было записано, что на ряде кафедр она еще не внедряется, что свидетельствует о ее нежизненности.

Результаты проверки ТПИ были вынесены на заседание бюро обкома партии 10 января 1978 года. За десять лет самостоятельного существования наш институт впервые слушали на бюро обкома. Казалось, именно здесь следовало оценить громадный труд и старание, вложенные коллективом института в дело превращения провинциального филиала со свойственными ему недостатками в современный, достаточно широко известный к тому времени вуз со своими традициями, достижениями, трудностями и, разумеется, недоработками. Несмотря на это, представитель отдела вузов обкома Григорьев, выступавший от имени комиссии, как говорят, камня на камне не оставил от деятельности института. Главное внимание он сконцентрировал на том, что успеваемость студентов ТПИ на 1-2% ниже, чем в среднем по вузам области, а отсев - на 1-2% выше, и что около четверти студентов защищают дипломные проекты с оценкой "удовлетворительно".

Я не хочу, входить в обсуждение вопроса о том, насколько процент успеваемости студентов характеризует уровень работы коллектива. Отмечу только выступление министра высшего и среднего образования

РСФСР В. Н. Столетова, который на одном из совещаний говорил, что процент успеваемости студентов МГУ в среднем ниже, чем студентов Якутского госуниверситета, но это отнюдь не означает, что в Якутии готовят специалистов более высокого класса, чем в МГУ. Погоня за процентами успеваемости нанесла немалый вред средней школе страны, а через нее - и вузам. Однако понятие "процент" первому секретарю обкома В. П. Орлову было ближе всего. Поэтому в жесткой речи, выдержанной в соответственном тоне, первый секретарь, завершая обсуждение вопроса на бюро, в основном требовал повысить процент успеваемости и снизить отсев студентов. Мне рекомендовал усилить спрос с каждой кафедры и каждого преподавателя. "Институт будет работать удовлетворительно, - говорил В. П. Орлов, - если будет повышена требовательность к каждому преподавателю за успеваемость студентов" (цитирую по своей записи). Словом, первый секретарь рекомендовал брать пример с него и "закручивать гайки". Метод, конечно, адекватный способам управления, характерным для того времени. Но в вузах ни к чему другому, кроме показухи, приписок и снижения требований к знаниям студентов, он никогда не приводил.

Таковы были некоторые мои встречи с руководством обкома и его аппаратом в период пребывания ректором ТПИ. Размышляя теперь, по прошествии многих лет, над ролью партийных органов в деятельности высшей школы, прихожу к следующему выводу. В условиях всевластия партийной элиты отношение к вузам, науке и ученым формировалось не столько под воздействием социальных интересов общества, сколько под влиянием особенностей характера и культурного уровня "первых лиц" местного масштаба, а также аппарата, их обслуживавшего.

Нашему институту вместо помощи, обещанной Н. С. Черных, досталась жесткость, требовательность и бесконечные проверки. Еще одна иллюзия, с которой я приехал в Тольятти, рассеялась.

КТО - "ЗА", КТО - "ПРОТИВ"

Разговоры - разговорами, иллюзии - иллюзиями, а работать над преобразованием провинциального филиала в современный вуз было необходимо, для этого меня и направили в Тольятти. Следовало

сосредоточить внимание на трех основных проблемах, которые коротко обозначу словами: кадры, наука, строительство.

Лозунг "Кадры решают все", независимо от того, кем он был выдвинут - Сталиным или кем-либо другим, - правилен по существу. Недаром, как пишут корреспонденты и туристы, побывавшие в Японии, плакат с этими словами можно увидеть при входе на некоторые фирмы, отнюдь не связанные с коммунистической идеологией или социалистическим выбором.

Обстановка, которая складывалась в 1967 году в ТПИ, требовала решения трех взаимосвязанных кадровых задач. Первая - анализ состава педагогического коллектива бывшего филиала КПИ (для простоты будем далее называть его филиалом) и определение места сотрудников этого коллектива в создании нового вуза. Вторая - привлечение в институт квалифицированных научных работников со стороны. И, наконец, немаловажная третья задача - обеспечение дружной работы старых и новых сотрудников в едином коллективе. В этой главе расскажу о том, как на первом этапе в создании нового вуза включились сотрудники филиала. Поскольку филиал существовал уже более пятнадцати лет, в его коллективе, естественно, выработались свои традиции, хорошие и плохие, которые в новом институте следовало продолжать или, наоборот, устранять.

По состоянию на 1 июля 1967 года в институте обучалось 3048 студентов, в том числе на дневном отделении 768 человек (около 25%), остальные - на вечернем и заочном. Педагогический коллектив насчитывал 143 человека, из них 14 имели ученую степень кандидата наук и звание доцента, а 5 - только звание. Более трети кандидатов наук (5 из 14) читали общественно-политические дисциплины. Еще пять кандидатов наук приходилось на все остальные общеинженерные и профилирующие кафедры, наконец, четыре - на общетеоретические. Доценты без ученых степеней были практиками, пришедшими с производства. Они вели занятия главным образом на кафедрах, которые готовили инженеров-строителей. Такая расстановка кадров предопределяла сравнительно высокий уровень преподавания общественных наук, но недостаточный теоретический уровень общеинженерных и профилирующих дисциплин. Некоторые сотрудники филиала понимали, что важнейшей задачей нового вуза является повышение теоретического уровня обучения, усовершенствование методики инженерного образования.

На одном из первых совещаний, которые я проводил, вступив в должность ректора института, поднялся человек среднего роста, светловолосый, с открытым русским лицом. Назвался доцентом Иваном Ивано-

вичем Козыревым. Потирая указательным пальцем правой руки правую сторону носа вблизи ноздри (имел такую привычку), негромким голосом попросил повторить то, что я сказал о роли математики в подготовке инженеров. Я еще раз сказал, что считаю фундаментальные науки и в первую очередь математику основой инженерного образования. Думаю, что нам необходимо добиться возможно более широкого использования математического аппарата в общеинженерных и профилирующих дисциплинах. "Благодарю вас, я и первый раз понял, - сказал И. И. Козырев, - но попросил вас повторить для того, чтобы обратить внимание присутствующих на эту мысль, поскольку до сих пор у нас были распространены несколько другие взгляды!"

Позднее я узнал, что имел в виду Иван Иванович. Бывший директор филиала Е. Ф. Винокуров неоднократно говаривал, что он достиг должности главного инженера крупного завода, и за все время работы на предприятии только один раз ему пришлось пользоваться математикой, да и то при решении квадратного уравнения. Поэтому, мол, если в учебных планах подготовки специалистов предусмотрена высшая математика, то ничего не поделаешь - приходится ее изучать. Однако он очень просит преподавателей на экзаменах студентов "не мучить", не ставить большое количество неудовлетворительных оценок, что снижает общий процент успеваемости по филиалу.

К чести сотрудников кафедры общетеоретических дисциплин, в которую входила высшая математика, и прежде всего заведующего кафедрой И. И. Козырева, они делали все возможное для того, чтобы математика не превратилась в обязательную, но ненужную дисциплину.

И. И. Козырев прибыл в Тольятти (тогда еще Ставрополь-на-Волге) в сентябре 1958 года из Сибирского горно-металлургического института, расположенного в Новокузнецке. Фронтвик, старшина пулеметной роты, он защищал Родину с 1941 по 1945 год. После ранения лежал в госпитале на Урале, демобилизовался, закончил пединститут, а затем аспирантуру при Томском государственном университете, в 1955 году стал кандидатом физико-математических наук.

В те времена, когда И. И. Козырев прибыл в Тольятти, математику в филиале преподавали в основном бывшие учителя средних школ. Они имели хорошее педагогическое, но недостаточное математическое образование. Новый заведующий кафедрой начал настойчиво повышать квалификацию своих сотрудников. В течение года он дважды в неделю читал для коллег университетский курс математики на семинарах, посещение которых было обязательным. Многих коллег И. И. Козырев побуждал к подготовке и защите кандидатских диссертаций, всемерно содей-

ствовал этому. Человек очень добрый и уравновешенный, он создал на кафедре атмосферу дружбы и сотрудничества.

Мне довелось присутствовать при трагической, но славной кончине этого достойного человека. В сентябре-1988 года, когда Иван Иванович уже был на пенсии и работал в ТПИ на 0,5 ставки, коллектив кафедры высшей математики решил отметить свое тридцатилетие. Меня пригласили на юбилейное заседание. Кафедра к этому времени стала, конечно, совсем не той, какую принял И. И. Козырев в 1958 году. В ее составе стало много кандидатов наук, в том числе и тех, защите которых содействовал Иван Иванович. Несмотря на обновление состава кафедры, традиции, дух товарищества и дружбы, любви к своей профессии и требовательность друг к другу, заложенные еще в 1958 году, сохранились и до настоящего времени. На юбилейном заседании Иван Иванович произнес большую речь, в которой подвел итоги работы за тридцать лет, а главное - наметил новые направления деятельности коллектива на ближайшие годы. Эта речь оказалась завещанием педагога и ученого. Через несколько минут после выступления, приняв из моих рук Почетную грамоту, которую руководство ТПИ попросило вручить ветерану, Иван Иванович упал и мгновенно скончался. Скончался в кругу своих коллег, в аудитории, где много раз читал лекции студентам. Ему было 68 лет.

Смерть - это всегда трагедия. Смерть - трагедия вдвойне, когда из жизни уходит достойный и уважаемый человек, мастер своего дела, будь то артист, конструктор или педагог. Но мало кому, наверное только лучшим из нас, Судьба предоставляет право умереть на своем рабочем месте - на сцене, за чертежной доской или в аудитории, с последними словами, обращенными к людям, коллегам, ученикам. Почетная и памятная кончина!

Я сравнительно подробно рассказал об И. И. Козыреве не только потому, что по ходу воспоминаний хочу познакомить читателей с теми из моих современников, которые достойно защищали Родину и честно трудились во имя ее развития, но и потому, что Иван Иванович был одним из сотрудников филиала, активно включившихся в совершенствование процесса подготовки инженеров и повышение авторитета молодого вуза. Он был одним из инициаторов и разработчиков Единой программы математического образования инженера. Этот методический документ предусматривал активное использование математического аппарата в лекциях, практических и лабораторных занятиях по общинженерным и профилирующим дисциплинам. Программа получила одобрение министра высшего и среднего специального образования РСФСР академика И. Ф. Образцова, а также научно-методического совета по

математике при Минвузе СССР, на котором заведующий кафедрой Козырев выступал от имени нашего института.

Среди штатных сотрудников филиала, активно поддержавших ректорат в деле повышения уровня учебной и научной работы, назову Анатолия Эммануиловича Лившица, ныне профессора, доктора исторических наук, а тогда еще кандидата, доцента.

Широко эрудированный ученый, он, заведя в течение ряда лет кафедрой общественных наук, несмотря на жесткие партийные ограничения и инструкции, которые относились к этим дисциплинам, боролся с начетничеством и шаблоном. Самостоятельность мышления и честный подход к истории доставили А. Э. Лившицу много неприятностей во время подготовки и защиты кандидатской диссертации. Об этом Анатолий Эммануилович как-то рассказывал мне. Тщательно изучая архивы и сопоставляя факты, Лившиц в одной из своих печатных работ утверждал, что руководство самарского губкома партии, в частности Ю. К. Милонов, в двадцатые годы стояло на платформе так называемой "Рабочей оппозиции". Поскольку этот термин молодежи мало известен, скажу, что "Рабочая оппозиция" считала необходимым повысить роль трудящихся в управлении предприятиями путем организации через профсоюзы системы рабочего самоуправления (кстати, замечу, что идея самоуправления в наши времена трансформировалась в организацию советов трудовых коллективов и участие рабочих в качестве акционеров в управлении приватизируемыми предприятиями). В сталинском "Кратком курсе истории ВКП(б)" деятельность "Рабочей оппозиции" была, естественно, оценена как реакционная, поскольку противоречила методам тоталитарного подчинения трудящихся партии. Участники "Рабочей оппозиции" в годы репрессий были либо уничтожены, либо сосланы на длительные сроки. Только во времена "оттепели", наступившей после смерти Сталина, участники "Рабочей оппозиции" были реабилитированы, а те, кто остался жив, вернулись из ссылки, в частности Ю. К. Милонов. Но длительное пребывание в статусе "врагов народа", а также отсутствие четкой оценки идей "Рабочей оппозиции" со стороны нового руководства ЦК, заставляли этих людей всячески отрешиваться от своих прошлых взглядов. Поэтому, прочитав труд А. Э. Лившица, старый большевик Ю. К. Милонов написал письмо Н. С. Хрущеву, в котором обвинял автора статьи в клевете на самарский губком ВКП(б) и искажении исторической правды. По требованию ЦК Куйбышевский обком партии направил молодого ученого в Москву. А. Э. Лившиц на беседе в ЦК представил подробную, тщательно документированную справку, которую затем направили на заключение в Институт марксизма-ленинизма. Это ав-

торитетное учреждение подтвердило правоту А. Э. Лившица. Защита диссертации, которую задерживали, состоялась. Во время защиты развернулась дискуссия между сторонниками и противниками точки зрения А. Э. Лившица, прибывшими специально на заседание ученого совета. Молодой ученый благодаря принципиальности и самостоятельности взглядов победил в дискуссии и успешно защитил свою работу.

Следуя прогрессивным взглядам на роль гуманитарного образования инженеров, профессор А. Э. Лившиц вместе с другими сотрудниками кафедры (в частности, ветераном филиала, ныне профессором П. М. Шароновым) пытались и пытаются развить у студентов самостоятельное мышление, интерес к жизни общества и патриотизм. А это, как вы понимаете, необходимо не только для восприятия гуманитарных наук!

Упомяну еще некоторых сотрудников филиала, которые внесли свой вклад в становление и развитие молодого института. Я уже неоднократно подчеркивал, что между квалификацией инженера, его культурным уровнем и шириной кругозора имеется непосредственная связь. Развивая новый институт, ректорат пытался принять меры к повышению культурного уровня студентов и сотрудников. В начале 1969 года в ТПИ работал Университет культуры, на который в полном составе приезжал симфонический оркестр Куйбышевской филармонии, приезжали лекторы-музыковеды, поэты, артисты. Создавались первые коллективы студенческой самодеятельности, в которых активное участие принимали преподаватели и сотрудники института. Трудно переоценить роль в повышении культурного уровня и интернационального воспитания коллектива, которую играл и играет поныне доцент Герман Владиславович По-дейко, один из сотрудников филиала. Герман Владиславович вначале был проректором по учебной работе ТПИ, а затем в течение 13 лет работал деканом электротехнического факультета. Частичное представление об этом педагоге и человеке может дать рассказ Г. В. Подейко о его переписке с народной артисткой СССР Марией Ивановной Бабановой.

Поскольку молодые читатели могут не знать о М. И. Бабановой, скажу несколько слов. Мария Ивановна родилась в 1900 году и с 20 лет играла на сцене московских театров: вначале в театре РСФСР (был такой), а затем с 1927 года - в Московском театре драмы им. Революции (впоследствии переименованном в Театр имени В. Маяковского). Исполняла роли героинь в классическом репертуаре (например, Джульетты в "Ромео и Джульетте" Шекспира), а также в современных пьесах. Особой удачей было исполнение Бабановой заглавной роли в спектакле по пьесе А. Н. Арбузова "Таня". Изящная, подвижная, с голосом необыкновен-

ной красоты, Мария Ивановна была выдающейся актрисой, любимицей публики.

Далее с разрешения Г. В. Подейко привожу (с некоторыми сокращениями) его рассказ.

В 1945 году я окончил среднюю школу в подмосковном городе и выбрал для дальнейшей учебы Московский энергетический институт. Однажды в нашем студенческом клубе выступал Московский театр драмы имени Революции (тогда он еще не носил имени В. Маяковского). Ставили отрывки из пьес, среди них "Собаку на сене" Лопе де Вега. Графиню играла Бабанова. Не раз до этой встречи слышал по радио ее серебристый, особого тембра голос. Но когда увидел ее в роли графини Дианы, был совершенно ошеломлен блистательным исполнением. Играла Мария Ивановна восторженно, задорно, с какой-то дерзостью. Я сидел в первом ряду и, когда актриса появлялась на нашей небольшой клубной сцене, не шевелился, впитывая каждое слово, запоминая каждый жест.

В те же годы услышал по радио рассказ Ф. Кнорре "Ее большая судьба" в исполнении М. И. Бабановой. Рассказ довольно длинный, но Мария Ивановна читала его так искренне, что я и не заметил, сколько времени он звучал.

Я участвовал в художественной самодеятельности, мне захотелось прочитать "Ее большую судьбу" на студенческом вечере. Не надеясь на ответ (читал и слышал, сколько беззастенчивых надоедливых поклонников у известных артистов), написал Марии Ивановне. Вскоре, однако, пришел конверт с небольшой книжечкой - рассказом Ф. Кнорре. На обратной стороне обложки слова:

*"Герману Подейко с сердечным приветом. М. Бабанова.
12.1.1949г."*

В конверте было и письмо:

"Очень трудно писать, не зная того, кому пишешь. Я же вообще не люблю писать и, откровенно говоря, редко отвечаю на письма. Вам же мне хочется сказать спасибо за доброе отношение к тому, что я делаю в театре. Хотя это и не то, что мне хотелось бы делать. Если когда-нибудь соберетесь в наш театр, позвоните мне, пожалуйста, немного заранее, и я буду рада помочь хотя бы в отношении билетов. Звонить мне лучше всего с 5 до 6 иногда утром с 11 часов. И обязательно назовите свою фамилию, чтобы я подошла к телефону, я не всегда откликаюсь на незнакомые голоса. Это не от "гордости" ее у меня нет, а от усталости и злоупотреблений со стороны молодежи, любящей театр и не умеющей поставить черту между личностью актера и ролью, которую он играет."

Выучил рассказ Кнорре и прочитал его на факультетском смотре самодеятельности. Получилось неважно. Вначале меня слушали внимательно, потом рассеянно. Написал о своей неудаче Марии Ивановне и вскоре пришло ответное письмо.

"Сама я не чтица (я имею в виду профессионалов, которые много знают и читают). Ваша неудача с рассказом "Ее большая судьба" совершенно закономерна, потому что он слишком велик для простого концертного чтения, и когда я читала его по радио, помню, как мне специально испрашивали разрешение на 40-минутное чтение, но это было по радио! В обычном же концерте нельзя более 20 минут держать публику, и то лучше меньше. Вот, пожалуй, единственное, что я могу посоветовать. Читать надо не только то, что нравится самому себе, но я всегда в таких случаях задаю себе вопрос: "А понравится ли это другим?" Мне кажется, что в этом будет некоторый залог того, что вы не зря это будете делать. Спасибо Вам за хорошие слова, которые меня искренне обрадовали. Хотя я мало верю в похвалы, но Вами сказаны они были как-то не так, как они обычно говорятся. От всего сердца желаю вам одного - любимого дела. Мне кажется, что самые счастливые люди - это люди, которые занимаются делом, которое они любят. И самые несчастливые - не имеющие этого."

После окончания института я уехал на строительство Куйбышевской ГЭС на Волге. Работа была трудная, но интересная.

Собрался написать Бабановой обстоятельное письмо и все откладывал. Наконец, написал. И снова, как в прежнее время, не замедлил прийти ответ:

"Уважаемый Герман Владиславович! Спасибо за память обо мне, спасибо за Ваше доброе отношение, спасибо за дружеское доверие. Очень радуюсь Вашей плодотворной деятельности, Вашей полноценной жизни. Чтобы все было так же и впредь! К сожалению, не могу сказать того же о себе. Мое поле деятельности - увы! - ограничено недостатком материала, пьес, ролей, и это прискорбно и очень, а без работы для нас, советских людей вообще и для артистов в особенности, жизнь неинтересна и даже невыносима. Со времени нашей с Вами переписки я сыграла только одну роль в пьесе Горького "Зыковы!". Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вам и Вашей подруге жизни всего самого прекрасного на свете."

С сердечным приветом. М. Бабанова, Москва, 14.11.53 г."

Это было последнее письмо, которое я получил от Бабановой. Сразу не ответил, потом побежали производственные и житейские дела.

Закончилось строительство гидроузла. Вспоминал Марию Ивановну

Бабанову, особенно когда слышал по радио ее голос, жалел, что сам нарушил переписку. И всегда оставался благодарен ей за то, что она подтолкнула меня к деятельности, которая не ограничивалась инженерными делами.

Марии Ивановны не стало 4 апреля 1983 года. В ноябре, в день рождения Марии Ивановны, поеду в Москву и положу цветы у ступеней Театра им. Маяковского, где она играла, где она жила. Читатель, я думаю, понял, что я привел почти полностью этот рассказ (он опубликован в журнале "Театральная жизнь" за 1986 г.) не только для того, чтобы охарактеризовать Г. В. Подейко, но и для того, чтобы прикоснуться к мало известным широкой публике размышлениям великой русской актрисы. Эти размышления, на первый взгляд, касаются только актерского труда, но по сути относятся к любому творчеству, в том числе труду педагога. Смотрите: необходимость тщательно дозировать материал, чтобы владеть вниманием аудитории; необходимость заранее продумывать, заинтересует ли ваш материал слушателей, и умело подбирать текст; необходимость полностью отдаваться любимому делу и находить в этом счастье жизни. Разве это не те правила, о которых мы с вами уже говорили в первой части моих воспоминаний?

Возвращаясь к характеристике Г. В. Подейко, отмечу, что значительную часть своей энергии он отдавал и отдает налаживанию интернациональных связей между нашим институтом и людьми из зарубежных стран. Свободно владея английским языком, выезжал в другие страны, в том числе в США, Англию, Швецию, Финляндию, Болгарию. В каждой из стран приобретал многочисленных друзей, переписывался с ними, приглашал к себе, ездил в гости. По приезде из-за границы, как правило, выступал и выступает с увлекательными рассказами и деловыми предложениями. Самый свежий пример в этом отношении - выступление Г. В. Подейко в тот самый день, когда пишется эта страница воспоминаний - 4 февраля 1993 года. Герман Владиславович только два дня тому назад возвратился из поездки в Англию, где был гостем Кембриджского университета. Он привез предложения нескольких колледжей, входящих в университет, об организации обмена студентами и аспирантами, о чем сообщил на методической конференции ТПИ. После деловой части своего выступления Г. В. Подейко с волнением рассказал о том, как посетил колледж, в котором около 300 лет тому назад работал Исаак Ньютон. Ему показали витрины с рукописями и книгами великого ученого. "А нельзя ли увидеть какую-либо вещь, которая принадлежала Ньютону лично?" - спросил Герман Владиславович. В ответ из хранилища вынесли трость, лично принадлежавшую Ньютону, и как гостю Кем-

бриджа Г. В. Подейко разрешили подержать эту трость в руках. Можете себе представить, что переживал наш земляк, прикасаясь к предмету, который триста лет назад был в руках одного из выдающихся ученых, известных всему человечеству!

В заключение отмечу, что еще в первые годы существования ТПИ как самостоятельного учебного заведения деятельность Г. В. Подейко вносила большой вклад в становление молодого института и содействовала росту авторитета вуза в кругах отечественных и зарубежных ученых. Не случайно он был назначен советским экспертом ЮНЕСКО по высшему техническому образованию.

До Г. В. Подейко деканом электротехнического факультета был Василий Лазаревич Бондарев, один из старейших работников филиала. О нем скажу словами доцента Н. П. Бахарева, ныне проректора по учебной работе ТПИ, заимствованными из институтской многотиражки "Политехник".

В 1967 году я поступил на первый курс электротехнического факультета. Помню посвящение в студенты, на котором нас приветствовал новый ректор института А. Н. Резников. В тот же день произошла встреча с деканом факультета В. Л. Бондаревым, дотошным, придирчивым человеком. Мы виделись с ним каждый день, он знал всех по именам, вскоре стал необходимым. Василий Лазаревич приезжал и на картошку, куда мы попали сразу же после посвящения в студенты, привозил к нам старшекурсников, организовывал концерты. Мы жили на факультете единым студенческим коллективом, опекаемые старшими, комсомолом, создавали вузовскую самодеятельность, засаживали березками аллею Любви (замечу, что эту аллею студенты-электрики создали по инициативе декана В. Л. Бондарева. - *А. Р.*). До сих пор стоят рядом березы Валеры Тимофеева, Толи Новикова, Оли Бажановой и моя.

Как видит читатель, методы работы декана Бондарева в какой-то мере переключались с теми, которые использовал я, работая деканом мехфака КИИ. Василий Лазаревич, человек внешне строгий, требовательный, любил и защищал своих воспитанников, добивался того, чтобы каждый из них повышал авторитет своей *Alma mater*. Прекрасно знал учебный процесс, содействовал его лучшей организации, требовал дисциплины от студентов и преподавателей факультета.

Я не могу рассказать о всех сотрудниках филиала, которые рука об руку с ректором работали над становлением молодого института. Но еще об одном из них, моем друге и соседе по дому - Владлене Марковиче Заблудовском, к сожалению, ныне покойном, я должен обязательно сказать несколько слов.

В. М. Заблудовский был заместителем директора филиала, поэтому он первый встретил меня по приезду в Тольятти. (Е. Ф. Винокуров в это время находился в отпуске, а затем, не приступая к работе в институте, выехал в Москву, заняв какую-то должность в аппарате Минстройдор-маша, на одном из предприятий которого ранее работал главным инженером.)

Владлен Маркович был плотным (если не сказать толстым) мужчиной выше среднего роста с красивым интеллигентным лицом, густой шевелюрой темных седеющих волос, густыми бровями и открытым взглядом карих глаз. Всегда был добродушным, веселым, любил услышать и сказать острое словцо. Несмотря на полноту, двигался легко. Лихо ездил на своем "запорожце", о котором говорил, что эта машина изнутри больше, чем снаружи, поскольку легко вмещает его самого, жену Маргариту Артемьевну, сына-школьника Мишу, а при случае - и еще кого-либо. В дальнейшем сменил "запорожца" на "жигули", которые содержал в образцовом порядке. Воевал на фронтах Отечественной войны, в артиллерии. Был многократно удостоен боевых наград - орденов и медалей, имел ранения, в том числе и тяжелые, но о ранах и эпизодах войны рассказывать не любил.

В. М. Заблудовский произвел на меня хорошее впечатление, но я не мог предложить ему должность проректора, прежде всего потому, что он не имел ученой степени и звания, а такую кандидатуру Минвуз РСФСР даже рассматривать бы не стал. Все же до тех пор когда был решен вопрос о проректоре по учебной работе (им стал доцент Г. В. Подейко) Владлен Маркович примерно полгода исполнял обязанности проректора. В это время под моим давлением он начал усиленно работать над кандидатской диссертацией, которую защитил в 1969 году. Затем был заведующим кафедрой теоретической механики, несколько лет деканом механико-технологического факультета. Красиво и доходчиво читал лекции, тщательно к ним готовился.

Кроме упомянутых выше лиц, активно включились в деятельность молодого вуза ветераны филиала А. С. Писарев и Ю. А. Кустов, впоследствии защитившие докторские диссертации, доценты, а ныне профес-соры Н. Д. Беляев, Т. Н. Дерябина, М. А. Дубровин, М. Ф. Волков и другие.

Конечно, не все, кто пришел в институт из филиала, восприняли новые требования, идеи и задачи, выдвинутые ректоратом. В педагогическом коллективе была немалая часть таких, кто, продолжая работать по-старому, занимал выжидательную позицию. Одни из них в дальнейшем активизировались, другие, как, например, доценты А. Д. Каратеев,

Ф. Ф. Ханов, К. С. Сальников, не смогли воспринять новый ритм работы и новые требования и перешли в иные учебные заведения (в частности, в Сызранский филиал КПТИ).

Были, к сожалению, и такие, кто явно или неявно принимал ректора и его требования, как говорят, в штыки. Так, например, вскоре после моего прибытия в ТПИ на прием попросился кандидат технических наук В. С. Павличенко. В кабинет вошел мужчина невысокого роста, рыжий, стриженный "под бобр", веснушчатый, с низким лбом и маленькими глазками. В руках он держал солидную, переплетенную в твердые корки рукопись объемом 500 или 600 страниц машинописного текста. Этот труд В. С. Павличенко представил мне как свою докторскую диссертацию, посвященную исследованию и внедрению процесса воздушно-плазменной резки материалов. Бурно жестикулируя, обстреливая меня пулеметными очередями слов, В. С. Павличенко начал расхваливать свою работу, которая, по его мнению, имела всесоюзное значение, глубоко обоснована теоретически и подтверждена практически. Он просил, вернее, даже требовал, чтобы я от имени института рекомендовал диссертацию к защите и содействовал быстрому ее прохождению по тернистому пути, вплоть до ВАК, поскольку, как он выразился, "некоторые псевдоученые не понимают, а более того - отвергают этот выдающийся труд". Как я узнал впоследствии, Павличенко имел в виду к. т. н. В. И. Столбова, серьезного и известного специалиста по сварке, который только-только был назначен проректором по научной работе ТПИ.

Я попросил В. С. Павличенко успокоиться, а затем в течение двух или трех часов в его присутствии внимательно изучал то, что он назвал докторской диссертацией. Не являясь прямым специалистом по сварке, я, однако, в процессе подготовки своей докторской работы внимательно изучил труды члена-корреспондента АН СССР (затем академика) Н. Н. Рыкалина по теплофизике сварочных процессов. После защиты непрерывно поддерживал тесные научные контакты с этим выдающимся ученым, по его рекомендации был утвержден членом научного совета АН СССР по проблеме "Новые процессы получения и обработки металлических материалов", который возглавлял академик Б. Е. Патон. Систематически бывал в Институте электросварки имени Е. О. Патона. Так что проблемы сварки и резки металлов, во всяком случае в их теплофизической части, мне были не чужды. Я пишу это для того, чтобы читатель поверил, если скажу, что в труде В. С. Павличенко не было ничего, соответствующего понятию "докторская диссертация". Компилятивные материалы, полное отсутствие теоретических разработок, некорректно поставленные эксперименты, сдобренные громадным количеством рас-

суждений "за жизнь", как говорят в Одессе, - и ничего более.

Я в достаточно корректной форме, но решительно высказал Павли-ченко свое мнение о работе, отказался писать какие-либо рекомендации от имени института и порекомендовал некоторые направления, в которых ему следовало бы трудиться над докторской диссертацией (хотя в душе глубоко сомневался в том, что мой посетитель сможет достигнуть этой цели).

Павличенко был взбешен, так как в филиале он был одним из первых, кто считался претендентом на скорую защиту докторской диссертации. Схватив в охапку свои труды, выкрикивая что-то невразумительное, он выскочил из кабинета.

Через несколько дней мне позвонили из горкома партии и предложили зайти, чтобы познакомиться с заявлением к. т. н. Павличенко, поданным на имя секретаря горкома. Я зашел. Заявление было написано в резко антисемитском тоне, все действия ректората, в том числе и отказ представить к защите его работу, подвергались безосновательной и бездоказательной критике; аббревиатура "ТПИ" расшифровывалась как "То-льяттинская провинция Израиля" и т. д.

Выслушав мои соображения по поводу этого пасквиля, заведующий отделом горкома Дмитрий Филиппович Черненко (кстати, один из здравомыслящих, справедливых и спокойных работников партийного аппарата), не откладывая дела в долгий ящик, позвонил автору заявления и попросил немедленно прибыть в горком. В. С. Павличенко был ошарашен, увидев в кабинете Д. Ф. Черненко меня. Заведующий отделом попросил Павличенко в моем присутствии повторить критику в адрес ректората. По каждому пункту я тут же давал ответ. В заключение Черненко сообщил заявителю, что горком не признает его доводы справедливыми и никаких мер по заявлению принимать не будет. "Что же касается меня, - сказал я, - то немедленно подам заявление в суд для привлечения В. С. Павличенко к ответственности за разжигание национальной розни и оскорбление национального достоинства!" - "И будете совершенно правы!" - добавил Д. Ф. Черненко. "Только суда мне не хватало, - воскликнул Павличенко, - лучше я уволюсь из института!" И действительно, через несколько недель он уволился из ТПИ и выехал из Тольятти. Насколько мне известно, докторскую диссертацию он не защитил и до сих пор.

Если первый открытый конфликт, о котором я рассказал выше, произошел на фоне новых требований к уровню научной работы, то второй был связан с повышением требований к качеству учебного процесса. Учебный процесс по некоторым дисциплинам в филиале был организован плохо, особенно это касалось проведения практических и лабора-

торных занятий. Однажды, посетив лабораторные занятия по сопротивлению материалов, я увидел, что студенты тратят время попусту. Вместо того чтобы проводить эксперименты по определению механических характеристик материалов, они в течение всего занятия читают инструкцию по установке, монтажу и эксплуатации разрывной машины. Сама же машина находится в неисправном состоянии, на ней никакую работу проводить нельзя. Почитав в течение двух часов инструкцию, поглядев на внешний вид машины, студенты получали зачет по лабораторной работе.

После такого, с позволения сказать, занятия я сделал серьезное замечание доценту Бондареву Г. Е. (однофамильцу декана ЭТФ), который исполнял обязанности заведующего кафедрой. Человек нервный, амбициозный и упрямый, Бондарев обиделся, счел, что я к нему придираюсь, так как лабораторные по сопромату проводились по такому шаблону уже много лет. После этого не было практически ни одного совещания, ни одного собрания, на котором он не выступал бы с критикой ректората, защищая, как правило, многие "филиальские" традиции. Критика его изредка была справедливой, но в девяти случаях из десяти просто злопыхательской. Меня его выступления беспокоили сравнительно мало, поскольку на замечания Бондарева всегда (или почти всегда) удавалось ответить. Но нервная атмосфера, которую он создавал, конечно, мешала нормальной работе коллектива.

Через некоторое время, однако, Г. Е. Бондарев перестал выступать на собраниях. Не потому, что перестроился, не потому, что понял свои ошибки, а потому, что, оставив жену, с которой вместе воевал на фронте и прожил много лет после войны, нашел женщину помоложе, уволился из ТПИ и переехал в другой город.

Я рассказал о двух сотрудниках филиала из числа тех, кто принимал "в штыки" ректора и порядки, которые ректорат считал необходимым завести в институте. Таких людей было больше чем двое, и основания для "штыковой" политики у них были разные. Но объективно они не представляли собой опасности для формирующегося коллектива института в том случае, если выступали открыто. С ними всегда можно было вступить в дискуссию, отстаивать свою точку зрения, отводить ложные обвинения, а в отдельных случаях принимать критические замечания, если они были правильными, хотя и высказывались не с целью улучшения общего дела.

Значительно более опасными были сплетни и внутренние анонимки, которые, к сожалению, имели хождение в бывшем филиале КПТИ. Что касается сплетен, распространявшихся по адресу ректората, то с ними

можно было бороться личной честностью, открытостью, гласностью мер, которые проводились в институте. Был, правда, еще один способ, который я с возмущением отверг. Я имею в виду неожиданный визит одного из преподавателей, давно работавших в филиале, и его недвусмысленно высказанное предложение систематически докладывать мне о том, что говорят в институте. Я нашел в себе силы не выпроводить визитера из кабинета (если читатель помнит, то еще в первой части воспоминаний я рассказывал, как директор завода Чупис учил меня, молодого инженера, что интеллигентный человек должен уметь себя сдерживать в любых обстоятельствах), а просто сказал, что такого рода информация меня совершенно не интересует. Визитер был этим повергнут в изумление, растерялся и тихо ретировался из моего кабинета.

Известно, что недостойным методом, который предлагал мой визитер, пользуются некоторые начальники разного ранга, чтобы "держать руку на пульсе коллектива". На одном из совещаний ректоров, которое проходило в Москве в конце шестидесятых годов, тогдашний министр высшего и среднего специального образования РСФСР В. Н. Столетов, старый интеллигент, с возмущением "в пух и прах" разносил ректора одного из сибирских вузов, который в унисон с модным тогда движением за применение технических средств установил у себя в приемной, в нескольких аудиториях и в других помещениях вуза подслушивающие микрофоны и телекамеры, пульт управления которыми находился в кабинете ректора. Ректор мог без всяких "штатных информаторов" подслушивать разговоры и видеть, что происходит в различных местах вуза.

Мне противны любые методы фискальства, даже оснащенные современной техникой.

Более вредными, чем сплетни и фискальство, были внутренние анонимки - зло, с которым я впервые столкнулся в начале ноября 1968 года. Вся страна готовилась к празднованию очередного юбилея Октябрьской революции. Готовился и наш коллектив. В эти дни шесть сотрудников получили анонимные "поздравления", написанные мерзко, хамски и нецензурно. Выбор адресатов не оставлял сомнения в цели, которую преследовал автор анонимок. Открытки были посланы людям, которые повседневно сталкивались по работе, но принадлежали к разным, если так можно сказать, категориям. Например, одна пара анонимок была направлена старому преподавателю, который работал еще в филиале, и заведующему кафедрой, только недавно прибывшему в Тольятти кандидату наук. Другая пара была адресована декану факультета, назначенному на эту должность из числа кандидатов наук, прибывших со мною из КПТИ, и одновременно - заведующему кафедрой, которая входила в со-

став этого факультета. Словом, задача состояла в том, чтобы посеять подозрительность и неприязнь между людьми, взорвать коллектив изнутри.

Все шесть сотрудников института, получившие анонимки по домашним адресам, принесли их мне или в партком с просьбой защитить от оскорблений. Но что мы могли сделать? Содержание анонимок не оставляло сомнения, что они написаны одним из преподавателей института. Но тщательная проверка многих дел, выполненная отделом кадров по моему заданию, показала, что почерк анонима не соответствует почерку ни одного из преподавателей или лаборантов института. Положение оказалось тупиковым, праздничное настроение мне и ряду сотрудников коллектива было испорчено, по институту пошли разные разговоры.

Но, как неоднократно бывало в жизни, вмешался Его Величество Случай! Вскоре после праздников с пометкой "ректору - лично" в институт пришло письмо женщины, медработника одной из поликлиник города Жигулевска (до которого 30 минут езды машиной от Тольятти). Она писала, что накануне праздника по принуждению своего интимного друга переписала с черновиков на открытки тексты, заготовленные им, и надела адреса сотрудников института. Теперь, чувствуя угрызения совести, просит извиниться за нее перед незнакомыми людьми, тем более что она уже поссорилась со своим дружкой (в этом, по-видимому, и была причина появления покаянного письма!).

Идентичность почерка автора письма и исполнителя анонимок не вызвала сомнений. Автором же анонимок оказался преподаватель кафедры сопротивления материалов Измайлов. Получив эти материалы, я немедленно вызвал Измайлова к себе. Предо мной предстал высокий, спортивного вида мужчина, с низким лбом под коротко стриженными волосами, бегающими глазами, крупными неправильными чертами лица. Одет был в теплый свитер, лыжные брюки и тяжелые ботинки. Через плечо перекинуты ботинки с коньками, в руке - вязаная шапочка. Приоткрыв дверь кабинета, не входя полностью, он нахально посмотрел на меня и спросил: "Ну, что надо? Я спешу на тренировку!". Попросив его войти в кабинет, я сказал, что имею данные о его аморальном поведении - написании анонимок сотрудникам и поэтому до решения совета института отстраняю его от занятий со студентами. "Это незаконно и произвол!" - прорычал Измайлов и, хлопнув дверью, выскочил из кабинета.

Совет института, изучив документы, единогласно при тайном голосовании счел невозможным дальнейшее пребывание Измайлова в педа-

гогическом коллективе. Общее партийное собрание института исключило Измайлова из членов КПСС. Из института он был уволен. "Внутренние" анонимки, которые, как я уже писал, имели хождение еще в филиале, в институте больше не появлялись. Решительные действия ректората повысили авторитет руководства вуза в глазах коллектива.

Раз уж зашла речь о борьбе с аморальными явлениями, угрожавшими авторитету и работоспособности молодого вуза, расскажу еще о некоторых фактах, относящихся к моей работе в институте в первые годы пребывания в должности ректора.

После того как мы вдвоем с женой в июле 1967 года прибыли в Тольятти, нам пришлось в течение полугода жить в стареньком студенческом общежитии. Купили и затащили в нашу комнату холодильник, оборудовали в одном из углов комнаты "кухню" с электроплиткой и кое-как устроились. Шум в коридорах и комнатах, как и в каждом студенческом общежитии, не стихал допоздна, вынуждая нас укладываться спать в непривычное время. Но и ночью бывали рецидивы шума.

В один из первых дней после того как мы поселились в общежитии, около полуночи, едва мы задремали, кто-то постучал в дверь. Я встал с кровати и спросил: "Кто там?" - "Ректор здесь живет?" - вопросом на вопрос ответил женский голос. - "Здесь", - не открывая, сказал я. - "Очень прошу вас, откройте, мне необходимо вам сообщить нечто очень важное!" Не зажигая света в комнате, я приоткрыл дверь. Передо мной в освещенном коридоре стояла женщина лет сорока от роду, с взлохмаченной головой, в легком халатике, накинутом на голое тело. Халатик был сверху донизу распахнут, демонстрируя увядающие прелести посетительницы. - "Позвольте войти! - дохнув на меня винным перегаром, сказала женщина. - Мне необходимо сказать вам, как надо мной издевается начальство в институте и как мучают студенты в общежитии!" Пользуясь моим коротким замешательством, женщина попыталась оттолкнуть меня бедром и войти в комнату. Но я уже овладел собою и резко сказал: "Извините, во-первых, по делам ректората я принимаю в служебном кабинете в дневное время, а во-вторых, наш с вами разговор может потревожить мою супругу, которая в данный момент отдыхает!" Наличие супруги, как и мой резкий тон, были, по-видимому, неожиданностью для посетительницы. Махнув рукой и что-то проворчав, она удалилась.

Утром у коменданта я узнал, что ночной посетительницей была некая М. Б., преподаватель одной из кафедр, проживающая в общежитии. Комендант добавила, что М. Б. систематически пьянствует и развратничает, но выселить ее не удается. Дело в том, что "официальных" мотивов

для увольнения М. Б. из института якобы не было, так как пьянствовала она в нерабочее время, а в институте в нетрезвом виде не появлялась. Руководство филиала, обеспокоенное поведением М. Б. в общежитии, уговаривало ее уйти добровольно. А она не хотела! Эта дама решила, по-видимому, взять меня "на абордаж" доступными ей средствами и таким путем закрепиться в институте.

Когда через день М. Б. появилась в моем служебном кабинете, я спокойно и предельно вежливо, без тени намека на ночное происшествие, сказал, что разобрался в ее деле и подписываю приказ об увольнении, так как она была оформлена на работу временно, до избрания по конкурсу. Однако ситуация при преобразовании филиала в институт изменилась, объявленный ранее конкурс отменен, и теперь в ее услугах нет необходимости. Дама обещала жаловаться на меня в какие-то инстанции, но понимая, что моя позиция юридически безупречна, сама подала заявление об увольнении, освободила комнату в нашем общежитии, перешла в другое учреждение и, вероятно, осчастливила этим другое общежитие.

К сожалению, случай с М. Б. не был уникальным. За полтора десятка лет, в течение которых формировался коллектив филиала, наряду с честными, достойными педагогами, о которых я писал выше и которых было большинство, в штат проникли разного рода случайные люди с низким профессиональным и моральным уровнем. Они слетались в Ставрополь-на-Волге как зловредная мошкара на огонек, привлеченные сравнительной легкостью получения благоустроенных квартир и возможностью работать не в полную силу, не подвергаясь строгому контролю со стороны администрации.

Когда я пришел знакомиться к председателю горисполкома В. Ф. Прасолову и по ходу беседы затронул вопрос о квартирах для кандидатов наук, то услышал в ответ: "Даем квартиры вашим кандидатам, а они потом под заборами валяются!" - и он назвал фамилию Калишенко. Действительно, как я узнал потом, Калишенко, преподаватель одной из общественных дисциплин, поступил на работу в филиал и получил квартиру. Он оказался алкоголиком и вел себя настолько безобразно, что при всей нехватке преподавателей с учеными степенями его все же уволили с работы незадолго до моего прибытия в Тольятти.

В той или иной мере грешили приверженностью к "зеленому змию" еще некоторые сотрудники, тем более что руководство филиала смотрело на это сквозь пальцы. В кабинетах и лабораториях часто, а в предпраздничные дни - как правило, устраивали застолья с выпивкой. Неко-

торые преподаватели появлялись на занятиях, особенно в вечернее время, как говорят, "на взводе". Имели место случаи выпивок со студентами-вечерниками. Это не прибавляло авторитета ни педагогам, ни учебному заведению в целом.

Пришлось наряду с решением других задач взяться за наведение порядка и в этом деле. Случай вскоре представился. Заместитель декана одного из факультетов обнаружил, что преподаватель кафедры физики Жижимов принимает у студентов зачет, будучи в нетрезвом состоянии. Я распорядился, чтобы замдекана вызвал Жижимова из аудитории, где он принимал зачет, и пригласил пройти в свободную комнату, расположенную рядом с кафедрой. Одновременно позвонил заведующему медпунктом института с просьбой пройти в ту же комнату и удостовериться факт алкогольного опьянения преподавателя. Официальный документ и соответствующий рапорт были немедленно составлены, зачет прекращен, Жижимова я вызвал к себе и предупредил об отстранении от работы до решения совета института.

Совет при тайном голосовании принял решение об увольнении кандидата наук Жижимова из института. Я распорядился написать на листе ватмана заголовок "Пьяниц - вон из института!", а ниже наклеить протокол заседания и решение совета в отношении Жижимова. Кто-то немедленно доложил в горком партии, и мне позвонил третий секретарь горкома Н. П. Караваев: "Что за плакат вы приказали вывесить? Ведь вы подрываете авторитет преподавателей в глазах студентов!" - "Не больше, чем пьяницы делают это своим поведением!" - ответил я. Николай Павлович, человек интеллигентный и культурный, внимательно выслушал мои соображения о повышении требований к моральному облику педагогов как важному условию формирования здорового коллектива, и понял их. "Все же подумайте еще раз!" - сказал он в конце разговора. - "Подумал, - ответил я, - и этот плакат появится каждый раз, когда из института будет уволен за пьянку студент, преподаватель или сотрудник!". Замечу, что вывешивать плакат пришлось еще два-три раза, главным образом по поводу пьянок, которые учиняли студенты. Что же касается преподавателей, то урок с Жижимовым был настолько действенным, что их появление в нетрезвом виде прекратилось.

Я не хотел бы, чтобы читатель сделал вывод, что еще в начале семидесятых годов я проводил антиалкогольную кампанию, аналогичную той, которая была развязана в нашей стране вскоре после прихода к власти М. С. Горбачева. Совсем нет! Я согласен с известными строками, принадлежащими Расулу Гамзатову:

*Пить можно всем. Необходимо только
Знать что, когда и с кем, За что и сколько.*

с небольшим моим добавлением:

*Но пить нельзя Ни там, ни тут,
Когда идешь ты В институт!*

ПЯТЬ ЛЕТ, В КОНЦЕ КОТОРЫХ НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ

Перечитав содержание предыдущих глав третьей части воспоминаний, я обратил внимание на то, что, увлеченный рассказом о резком повороте судьбы - назначении ректором ТПИ и о бурных событиях, связанных с формированием коллектива, я почти ничего не писал о частной жизни нашей семьи. Стремясь восполнить этот пробел, прерываю рассказ об институте и перехожу к хронике событий, трагедий и жизни нашего разветвленного рода, которые имели место в течение первых пяти лет после того, как его представители появились в Тольятти.

Конец 1967 года ознаменовался двумя событиями. Во-первых, Беллочка в сентябре месяце поступила на работу в отдел научно-технической информации Всесоюзного научно-исследовательского института цементного машиностроения (ВНИИЦеммаш). Этот институт помещался в отличном, недавно построенном здании и был головным центром всех исследовательских работ по своему профилю в стране. Как-то директор института Василий Денисович Лысенко, шутя, говорил мне, что его сотрудники любят ездить в командировки "на периферию", например в Москву или Ленинград. Во ВНИИЦеммаше Белла проработала почти два десятка лет вплоть до того, как в мае 1986 года ушла на пенсию.

Вторым событием был выход в свет "Краткого справочника по ал-

мазной обработке", написанного мною и изданного Куйбышевским книжным издательством. Изящно оформленный, содержащий фундаментальные и современные сведения об алмазах и их применении в промышленности, справочник был одним из первых (если не самым первым) в стране пособием для инженеров-практиков и исследователей. Тираж разошелся очень быстро, и издательство неоднократно жалело о том, что своевременно не изготовило матрицы для дополнительного тиражирования книги, выгодной в коммерческом отношении.

Новый, 1968, год мы всей семьей встречали в Куйбышеве у моих родителей, а первого января Белла, Лева и я выехали в Москву, чтобы в дни школьных каникул показать сыну столичные музеи, побывать с ним на спектаклях лучших театров. Жили в гостинице "Россия". В нашем архиве имеется фотография, где мы засняты в фойе Дворца съездов.

Вскоре по приезде из Москвы, точнее 19 января 1968 года, мы с Беллой получили, наконец, квартиру в Тольятти. До этого, как я уже писал, жили в студенческом общежитии. В квартире на втором этаже дома старой (так называемой "дохрущевской") постройки, с высокими потолками, мы живем вот уже более 25 лет (улица Карла Маркса, 86, квартира 21). До нас в каждой из трех комнат жила отдельная семья, так что наша квартира была, как говорят, "коммуналкой". Как большинство "коммуналок", населенных многими жильцами с детишками, квартира, когда нам ее показали впервые, имела ужасный вид. Но после того как горисполком осуществил давно намечавшееся расселение трех семей в отдельные квартиры, а затем был сделан ремонт, наше жилье приобрело нормальный вид, без всяких излишеств и роскоши, которые мы с Беллой, откровенно говоря, недолюбливаем.

Комнаты были распланированы нами так: одна из них (20,1 кв. м) - столовая (здесь же стоял диван, на котором спал Лева), другая (20,1 кв. м) - рабочая комната для меня и Левы (в ней стояли наши письменные столы и шкафы с книгами), а третья (17,5 кв. м) - спальня.

В феврале 1968 года мы с Беллочкой поехали в Харьков на тридцатилетие моего выпуска из ХММИ. Война и другие беды погубили жизни более половины наших товарищей из тех, кто защищал дипломные проекты в 1938 году. Многие из оставшихся в живых стали лысыми или лысоватыми, пополнили и поседели. Но все это были любимые друзья! Поэтому воспоминания о нескольких днях, проведенных в Харькове, до сих пор теплые, радостные, как прикосновение к молодости.

В июне месяце 1968 года мы с Беллой, если можно так сказать, впервые "вышли на международную арену". Дело в том, что я получил изящную бумагу с тесненным гербом Repubblica Italiana, на которой было на-

писано: "По случаю 2 июня, Дня национального праздника Итальянской республики, посол Италии и г-жа Винчи имеют честь пригласить Вас с супругой на прием в понедельник, 4 июня, в 18.00 часов".

Сейчас, конечно, смешно, но тогда мы обсуждали и продумывали, как мы явимся на прием к иностранному послу. Прежде всего - что надеть? Темный костюм или более светлый (на дворе-то июнь месяц!); темный галстук или яркий (а может, "бабочку" надо доставать?); какое платье надеть Белле - обычное или длинное; как появиться у гостиницы "Жигули", где должен происходить прием, - пешком или на машине; ужинать дома до приема или не надо? И так далее, и тому подобное. Удивительного в этом ничего нет - мы прожили более двадцати лет в Куйбышеве, к которому иностранцев на пушечный выстрел не подпускали. Вообще всякое общение с иностранцами было предосудительным и могло вызвать нежелательные осложнения в жизни. Поэтому о всяких приемах мы могли судить только по кино или литературе. В среднем это выглядело так: к ярко освещенному подъезду подкатывают лимузины; люди в белых перчатках устремляются к ним, открывают дверцы; из машин выходят дамы в длинных платьях, сверкая крупными драгоценностями, мужчины в строгих костюмах и белоснежных рубашках; прибывшие входят в зал и усаживаются за шикарно сервированные столы.

Стоп! Все ясно! Крупных драгоценностей нет, но длинное платье у Бебы найдется! Темный костюм у меня тоже есть! Белую рубашку найдем! Хотя от нашего дома до гостиницы "Жигули" каких-нибудь триста метров, мы подъедем к ней как положено, если не в черном лимузине, то в прикрепленной к институту серой "волге" из автохозяйства! Поскольку там будут шикарно сервированные столы с заморскими блюдами, то зачем ужинать дома? Все решено!

В 17.50 мы подъехали к "Жигулям". Никаких швейцаров в белых перчатках нет, никто не кричит: "Прибыл сеньор ректор с супругой!" Ладно, поднимаемся по ступенькам, идем в холл гостиницы сами. Ага! У дверей ресторана стоит какой-то среднего возраста итальянец (по-видимому, посол), с ним красивая черноволосая дама (по-видимому, госпожа Винчи) и еще кто-то в сером костюме. Когда мы подходим ближе, тот, кто в сером костюме, говорит негромко: "Ректор института профессор Резников" (откуда он меня знает?). Посол, наклонившись, пару раз машет носом над кистью Беллочкиной руки, изображает поцелуй. Ладно, и я машу носом над надушенной рукой сеньоры Винчи! Затем посол подает мне руку, мы здороваемся, а тот, в сером, просит пройти в зал. Входим и что же мы видим? Весь центр зала пустой, ни одного не только что стола,

но и стула! Столы стоят у одной из стенок, на столах блюда с чем-то, много пустых рюмок и бутылки.

Все приглашенные тихо топчутся в средней части зала. Среди них итальянские специалисты. С нашей стороны - сотрудники дирекции ВАЗа, начальник "Куйбышевгидростроя" Н. Ф. Семизоров с супругой, его заместители, председатель горисполкома, начальник городской милиции (оказывается, по итальянским меркам очень большая шишка), главврач крупнейшей в городе больницы В. А. Суходольская (в этой больнице лечатся итальянцы), еще какие-то незнакомые мужчины и женщины. Никого из партийного начальства нет (оно здесь не котируется). По залу бегают нарядные малыши - дети итальянских специалистов; они шалят, шумят, но никто их не останавливает - не положено.

Ровно в 18.00 к микрофону подходит посол вместе с тем же серым переводчиком, что стоял у дверей, и произносит краткую речь, в которой благодарит прибывших на прием по случаю национального праздника Италии. Ответную, более длинную речь держит председатель горисполкома. И все! Никаких больше речей, никаких приветствий "от имени и по поручению"!

Теперь все идут к столам, установленным, как я уже писал, вдоль одной из стен. При ближайшем рассмотрении оказывается, что на блюдах лежат тоненькие бутерброды, нарезанные из белых батонов, причем хлебная корка удалена. В связи с этим размер бутерброда едва превышает размер медного пятака. В центре этого "пятака" лежат либо несколько красных икринок и кусочек масла, либо кусочек ветчины, либо кусочек семги, либо тоненький ломтик сыра. Вот тебе и шикарные закуски! Стройными рядами стоят рюмки, отдельно - графины с водкой, бутылки с коньяком. Горки пустых тарелок, на подносе - вилки, ножи. Оказывается, самообслуживание.

Беру тарелку, кладу на нее бутерброды. Таких бутербродов на мой неиностранный аппетит, чтобы закусить рюмку водки, надо штук десять-двенадцать, особенно если учсть, что дома не ужинал. Но не буду же я на глазах у международной интеллигенции грести бутерброды на тарелку лопатой! Тем более тарелка маленькая! Беру, как порядочный человек, ну два, ну три бутерброда, кладу на тарелку и вилку, а затем наливаю в рюмку вино. Отхожу в сторону, поискав глазами кого-либо из знакомых (у нас пить в одиночку не принято, это не питье, а алкоголизм!). Нахожу, улыбаюсь ему, идем с Беллой в его сторону. Но положение дурацкое. В одной руке рюмка, в другой - тарелка с мини-бутербродами и вилкой. Пока шел, вилка с тарелки соскользнула и со звоном упала на пол. Чертыхаюсь про себя, но поднять злополучный предмет с пола не

могу - обе руки заняты. Подходим к приятелю, чокаемся, как у нас положено, но залпом вино не выпиваем - знаем, что это неприлично! Делаю один глоток. Теперь надо закусить. Попробуй, если обе руки заняты, а поставить рюмку или тарелку некуда! Может быть, поставить рюмку на тарелку? Нет, опасно - тарелка маленькая, ножка у рюмки внизу большая, не устоит, пожалуй, еще пойдет туда же, куда вилка, позора не оберешься! Тогда махом допиваю вино, зажимаю рюмку за ножку между мизинцем и безымянным пальцем правой руки, а свободными пальцами смахиваю бутерброды в рот. Как говорят, что слону дробинка! Коротко посоветовавшись с приятелем, решаем: "черт с ним, с "а ля фуршет", так, кажется, называется этот способ угощения, пойдем домой ужинать!" Поскольку народу в зале постепенно становится все меньше, незаметно исчезаем и мы.

Справедливости ради надо отметить, что на последующих приемах, в том числе и по случаю итальянских праздников, на которых нам довелось присутствовать, угощение "а ля фуршет" было организовано лучше - в зале стояли стулья для дам и столы, на которые можно поставить тарелку или рюмку, более разнообразными были закуски. По-видимому, администрация ресторана "Жигули" первый раз имела еще недостаточный опыт устройства таких приемов. Но мы с Беллочкой все же, идя на очередной прием (пешком!), заранее ужинали дома.

Продолжаю хронику событий. Осенью 1968 года Лева поступил на первый курс ТПИ, избрав нашу фамильную специальность. В сентябре того же года мы принимали дорогих гостей - приехали мама, папа и гостивший у них в то время мамин брат дядя Хоня из Ташкента. Побыли у нас пару дней, познакомились с городом и институтом.

1969 год связан в памяти с двумя интересными событиями в моей научной жизни. Во-первых, в центральном издательстве "Машиностроение" вышла монография "Теплофизика резания" объемом 18 печатных листов, которую часто цитировали раньше, цитируют иногда и сейчас. Во-вторых, листая отечественный "Реферативный журнал", я наткнулся на статьи некоего Reznikow A., опубликованные в журнале *Microtecnic* в Швейцарии. Поскольку в этот журнал никаких работ я не посылал, запросил сведения о статьях из Государственной научно-технической библиотеки в Москве. Через некоторое время получил фотокопии статей, опубликованных в 1968 году. Оказывается, редколлегия журнала *Microtecnic*, выходившего в Женеве на трех языках, взяла несколько моих статей из отечественных журналов, объединила их и под общим заголовком "Распределение температур на контактных поверхностях резца" и изложила метод "бегущей термопары" и другие результаты исследова-

ний. Автором статей был назван доктор-профессор А. Резников из Москвы.

В юридическом отделе Минвуза РСФСР пояснили, что я не могу иметь к журналу каких-либо претензий (в том числе и материальных), так как СССР еще не подписал международную конвенцию об охране авторских прав и издатели вольны поступать, как им заблагорассудится.

Следующий, 1970, год был ознаменован радостным событием. В сентябре Инночка от второго мужа родила нам внука Гошу (Георгия).

Вторая половина 1970 года стала предвестником трагических событий в нашей семье. Отец до этого 15 лет болел диабетом. Вначале лечился таблетками, а затем инсулином, инъекции которого мама делала ему три раза в день. Диабет - болезнь изнурительная, но отец продолжал работать и в 1970 году, в возрасте почти 80 лет. Руководил исследованиями, выпускал аспирантов, вел занятия со студентами. Свидетельством его активности в этот период может служить коллективная монография "Обработка резанием жаропрочных, высокопрочных и титановых сплавов", написанная по инициативе отца, при его участии и под его редакцией сотрудниками кафедры "Обработка металлов резанием" Куйбышевского авиационного института. Монография готовилась в течение 1969-1970 гг. и ушла в набор через месяц после кончины отца. Вышла в свет в центральном издательстве "Машиностроение" в 1972 году с некрологом на первой странице.

Но восемьдесят лет - это восемьдесят лет! Надо было снижать нагрузку, в частности оставить заведование кафедрой. Отец не нашел в себе силы сделать этот решительный шаг. Возможно, он опасался, что с его уходом с должности заведующего кафедрой развалится, так как в коллективе были конфликтовавшие между собой группировки. Раздоры между ними утихомиривал отец. Так или иначе, но с должности заведующего кафедрой он не уходил. Между тем подрастали молодые (и не очень молодые) кадры. В частности, защитил докторскую диссертацию один из учеников отца доцент Лев Павлович Медведев (на кафедре его в шутку называли Львом Тигровичем Медведевым, чтоб уж все было в один ряд!). Известно, что после защиты докторской диссертации некоторые люди считают, что они, как говорят, "Бога за бороду взяли" и что им теперь все нипочем. Лев Тигрович поставил перед ректором КуАИ В. П. Лукачевым вопрос так: или ему отдадут заведование кафедрой, освободив отца, или он уйдет в Политехнический институт. Лукачев, который ряд лет относился к отцу хорошо (тем более что отец многое сделал для развития КуАИ), в этот раз поступил бестактно - вызвал папу и предложил ему написать заявление об отставке по болезни. Отец, конечно, напи-

сал, но был потрясен этим до глубины души, много дней затем не мог успокоиться.

Еще раз говорю: объективно уход отца с заведования кафедрой был необходимым. Но сделать это нужно было деликатнее, тоньше, чтобы не ранить душу старого профессора, который отдал КуАИ более 27 лет жизни, а всего заведовал кафедрами в высшей школе более сорока лет. Известно, что стрессы осложняют любую болезнь, особенно связанную с эндокринной системой человека, создают условия для всяческих катаклизмов.

В моем архиве хранятся записи, которые в течение 15 лет вел отец, фиксируя этапы своей болезни - результаты анализов, консультации у врачей, процедуры и т. д. На двадцать четвертой странице этой своеобразной истории болезни очередные анализы, датированные 2 августа, 7 сентября и 28 октября 1970 года, записаны обычным красивым, размашистым почерком отца. Потом почему-то записи не велись вплоть до 10 февраля 1971 года, что было странно. Но еще более странным был изменившийся до неузнаваемости почерк отца, которым он сделал последнюю запись. Буквы мелкие, неровные, налезавшие друг на друга.

Видимо, отец чувствовал себя плохо, но скрывал это от всех нас. А самочувствие было предвестником инсульта, который вскоре разразился. Отец потерял речь, способность двигать рукой и ногой. Больного увезла "скорая помощь" в неврологическое отделение областной больницы, с ним уехала и мама, которая день и ночь дежурила у постели отца. Получив сигнал из Куйбышева, немедленно примчались и мы. Беллочка сразу подключилась к дежурству у постели больного, давая маме хоть немного поспать и отдохнуть. Я приходил к отцу так часто, как это разрешала врач-ординатор Софья Григорьевна Черная, курировавшая больного.

Душа моя разрывалась, а сердце обливалось слезами и кровью. "Боже мой, - думал я, - почему судьба так безжалостна? Всякая боль есть боль, любой недуг тяжек, в том числе неподвижность руки и ноги. Но почему у человека, который столько лет логично и красиво говорил, учил сотни и тысячи людей, должна быть отнята речь? Почему у человека, который написал так много трудов и так много прочитал и знал, должна быть отнята способность узнавать буквы? Пусть не сочтет Всевышний святотатством, но все же не могу признать это справедливым!"

Папа все понимал, слышал речь, но сам мог сказать с трудом только что-то похожее на "дд-а" и "не-е". Мама и Бебочка с чисто женской интуицией научились угадывать желания и потребности отца по выражению его глаз и нечленораздельным звукам. Но один раз, когда я подо-

шел к кровати больного, он начал упорно произносить что-то непонятное, звучавшее как "Чиисс! Чи-и-с!". Мы все трое не могли понять, что это значит. Отец начал нервничать, в глазах у него появились слезы.

- Подожди, дорогой, не волнуйся, - сказал я, - мы с тобой сейчас все выясним. Я буду тебе задавать вопросы, а ты показывать "да" или "нет". Согласен?

- Д-да! - прохрипел отец.

Далее у нас произошел такой диалог, если его можно назвать диалогом:

- Это касается дома?

- Нне.

- Это касается Бори?

- Нне.

- Это касается работы?

- Д-да.

- Это касается студентов?

- Нне.

- Это касается преподавателей?

- Нне.

- Это касается аспирантов?

- Д-да! Д-да! Чи-и-с!

И меня осенило. У отца был аспирант Толя Черемисин, парень в прошлом рабочий, а затем сотрудник кафедры. Черемисину предстояло закончить диссертацию, отец до инсульта начал ее редактировать. Папа, видимо, хотел, чтобы я довел работу с Черемисиным до конца, до защиты.

- Ты хочешь, чтобы я занялся с Черемисиным и довел его до защиты? - спросил я.

Отец радостно улыбнулся, кивнул головой и произнес:

- Д-да, Чи-и-с!

Дорогие мои потомки! Дорогие читатели! Вы помните мой рассказ о профессоре Маковском, который на смертном одре дождался известия о завершении дела его жизни - пуске газовой турбины? Вы помните о доценте Козыреве, последние слова которого были о деле его жизни -математике? Отец тоже был из категории этих людей. Парализованный, беспомощный, он думал о главных делах своей жизни и не хотел, чтобы хоть одно из них осталось незавершенным! Честь ему, слава этому героизму! Прошу вас помнить о профессоре Науме Иосифовиче Резникове, жизнь которого была отдана людям!

Я выполнил просьбу отца, уже после его смерти закончил редактирование диссертации Черемисина и выступил на защите. Кандидат наук, доцент А. С. Черемисин теперь работает на одной из кафедр ТПИ.

Врачебная помощь доктора С. Г. Черной и уход за отцом сделали свое дело. Ему стало немного лучше, он мог стоять и передвигаться, опираясь на палку. Мы забрали его из больницы домой. Нашли врача-логопеда, который пытался обучить отца произносить отдельные звуки и слоги. Папа очень старался, но дело шло туго. Помню только один случай, когда в ответ на похвалу мамы "молодец!", произнесенную по какому-то поводу, он напрягся, выговорил: "п-о-о-ти о-е-ц!", что должно было означать "против овец", и засмеялся.

К сожалению, беды еще не закончились. Поскользнувшись в своей комнате, отец упал. Результатом падения был перелом берцовой кости. Пришлось его уложить в постель и фиксировать ногу с помощью гипсовой повязки. Чтобы уменьшить мучения больного, врачи давали отцу большие дозы болеутоляющих и снотворных веществ, а они начали влиять на сердце.

В начале июня 1971 года самочувствие бедного папы как будто немного стабилизировалось, и я решил вылететь на 2-3 дня в Москву на Всесоюзную конференцию по абразивному и алмазному шлифованию, в повестке дня пленарного заседания которой 17 июня стоял мой доклад. Однако 16 июня вечером я получил от мамы телеграмму, что отцу очень плохо. Первым самолетом вылетел в Куйбышев и прямо из аэропорта помчался в больницу, где лежал отец. У постели папы, тяжело дышавшего и бледного (у него начался отек легких), застал маму и Беллочку. Папа меня узнал и приветствовал, закрыв и открыв глаза - на большее у него уже не было сил. Мы пробыли с ним последние три часа его жизни. Брат Боря, прилетевший из Алма-Аты на другой день, не застал отца в живых.

Среди традиционных печальных дел, связанных с похоронами, оказалось одно нетрадиционное. По нему мне пришлось (в который раз в жизни!) вступить в бой с формализмом. Оказывается, по инструкции Минздрава любой больной, скончавшийся в стационаре, подлежит вскрытию, даже если причина смерти не вызывает сомнений. Соответствующий акт должен быть в делах медицинского учреждения. Мама после смерти отца закаменела в горе, не плакала, говорила каким-то сдавленным голосом. Когда она услышала про вскрытие, то закричала, что умрет, если скальпель коснется головы ее дорогого Наума! Ведь для нее, как и для всех нас, он оставался еще живым!

Я пошел к главврачу больницы и, ссылаясь на абсолютную ясность причины смерти и моральное состояние мамы, попросил распорядиться, чтобы вскрытие не производили. Главврач отказал, ссылаясь на то, что если в делах санчасти не будет соответствующего акта, то первая же комиссия из облздрави отметит нарушение инструкции, он может получить упрек, а показатели больницы будут снижены. Вот если я принесу разрешение за подписью заведующего облздраводелом, тогда другое дело.

Мчусь в облздрав, пользуясь своим служебным удостоверением, прорываюсь на прием к заведующему. Нет, и завоблздравом не хочет брать на себя ответственность - вдруг потом будут неприятности со стороны облисполкома. Вот если будет разрешение, подписанное хотя бы заместителем председателя облисполкома, тогда он даст указание санчасти.

Мчусь в облисполком, дожидаюсь конца какого-то совещания, попадаю на прием к заместителю председателя В. Ф. Снегиреву. Он меня знает лично. Внимательно выслушивает, трет друг о друга свои руки, изуродованные на фронте, долго думает. Видимо, в нем борются воспоминания о смерти фронтовых друзей, о потоках горя, которые он видел и не хотел бы увеличивать, и воспитанная в аппарате преданность инструкциям. Наконец, человеческие чувства побеждают, Снегирев вызывает секретаря и диктует ей письмо в облздрав. Прижимая к сердцу эту бумагу, мчу в облздрав, получаю на ней соответствующую резолюцию, отдаю бумагу главврачу и тем самым спасаю покойного отца от вскрытия, а маму - от очередного удара по нервам!

В день похорон гроб с телом отца установили в одной из больших аудиторий КуАИ. Непрерывным потоком шли преподаватели, студенты, сотрудники, представители предприятий, среди которых было много учеников покойного. Приближалось время выноса тела. Вдруг хлынул сильный дождь, словно сама природа оплакивала смерть своего достойного сына. Вскоре дождь прошел. Похоронная процессия растянулась больше чем на квартал по Молодогвардейской улице, на которой расположен КуАИ.

После похорон отца мама сникла, часто тихо плакала, болела. Мы старались как могли поддержать ее, приезжали из Тольятти, ночевали в осиротевшей квартире. Постоянно с мамой была немолодая домработница Таня, которая жила с моими родителями еще до болезни папы. К концу 1971 года мама немного успокоилась, хотя боль души у нее только чуть-чуть потускнела, но не притупилась. К новому, 1972, году мы получили от нее письмо-поздравление. На конверте ее крупным почер-

ком был написан адрес: "Тольятти, ул. Карла Маркса, 86, кв. 21 - Профессору Резникову Н. И." Мама непрерывно думала об отце, столько лет раньше адресовала ему письма, что рука сама вывела не мои, а папины инициалы. Это письмо было последним, которое мы получили от мамы. Вскоре у нее случился инфаркт, ее положили в больницу. Из инфаркта мама выкарабкалась, ее привезли домой, в кресле подняли на третий этаж.

С первых чисел апреля 1972 года у меня была путевка в Кисловодск. Мама настояла, чтобы я поехал лечиться. Вскоре, по-видимому, предчувствуя кончину, она начала говорить Беллочке как распорядиться вещами и мебелью после смерти, жалела, что давно не видела Борю. Беллочка вызвала брата телеграммой. Маме стало как будто бы легче, меня вызывать не стали. А когда вызвали - было уже поздно, я не застал маму в живых - она умерла 14 апреля 1972 года.

Родители похоронены на старом кладбище в Куйбышеве. Для потомков пишу, что их могилу на кладбище можно найти так. Стать лицом к обелиску, установленному на могиле героя гражданской войны Николая Щорса, затем повернуть налево, пройти по короткой аллее до первого поворота направо. С правой стороны, в пятнадцати - двадцати шагах от поворота, под раскидистым деревом, за оградой с шарами и массивной цепью стоит гранитный памятник, на котором под эмалированными фотографиями выбито:

РЕЗНИКОВЫ

Наум Иосифович Берта Ароновна
профессор врач

Лучше не скажешь: отец всю жизнь учил людей, а мама спасала их от недугов.

Дети мои, внуки и правнуки! Посещайте хоть изредка эту могилу, храните в памяти основателей нашего рода, отдавайте честь, которую они заслужили своей жизнью и трудом.

Завершая главу, скажу, что после смерти родителей папины награды и личные вещи (всего 97 предметов) сданы мною в Куйбышевский краеведческий музей (акт приемки, датированный 9 июня 1972 года, хранится в моем архиве). Библиотеку отца, за исключением нескольких книг, я подарил Тольяттинскому политехническому институту, а библиотеку мамы, всегда следившей за новинками лечебной науки и практики, - Медицинскому обществу города Куйбышева.

ТОЛЬЯТТИ – МИШКОЛЬЦ – БУДАПЕШТ - ТОЛЬЯТТИ

В июне 1972 года я получил от заведующего кафедрой технологии машиностроения Университета тяжелой промышленности в венгерском городе Мишкольце профессора Ласло Грибовского приглашение посетить в октябре это учебное заведение и участвовать в научной конференции по финишным методам обработки инструментами из синтетических сверхтвердых материалов.

Нездолго до получения приглашения я, как и некоторые другие члены семьи, возвратился из путешествия по Волге, предпринятого по случаю свадьбы Левы с его однокурсницей Неллей Ильиной. После регистрации брака в ЗАГСе утром 26 апреля 1972 года мы захали домой, взяли заранее уложенные вещи и продукты и поехали в речной порт Тольятти. Там приобрели билеты до Астрахани и обратно на рейсовый теплоход "Октябрьская революция". В нашем распоряжении были три двухместных каюты: для молодых, для нас с Беллочкой и для Марьи Львовны с Ольгой Давидовной, которая должна была подсесть в Куйбышеве. Кроме того, взяли несколько палубных билетов до Куйбышева для родителей Нелочки - Марии Сергеевны и Петра Алексеевича и их друзей.

Свадебным путешествием мы заменили традиционный пир в ресторане, который решили не проводить в связи с недавней кончиной моей мамы. Путешествие было также известной данью памяти моим родителям, которые много лет подряд совершали круизы по Волге. Теплоход отчалил от пристани Тольятти в двенадцатом часу дня. До Куйбышева он шел примерно пять часов. Этого времени было достаточно, чтобы в одной из кают накрыть стол и на торжественном семейном обеде еще раз поздравить наших дорогих детей.

В Куйбышеве родители Нелли сошли с теплохода и на заранее подготовленной автомашине уехали в Тольятти. Мы же вшестером совершили замечательное путешествие, длившееся около недели. Погода была прекрасная, сияло весеннее солнце, словно желая теплом, светом и лаской согреть молодую семью и их будущую жизнь.

Получив приглашение из Венгрии, о котором писал выше, я начал оформление необходимых документов и разрешения Минвуза РСФСР. За счет последнего были приобретены железнодорожные билеты до стан-

ции Ниредьхаза и обратно. От станции Ниредьхаза следовало машиной добираться до Мишкольца. Во время поездки в Венгрию я вел дневник. Несколько упорядоченные отрывки из дневника предлагаю читателю.

22 октября 1972 г. За окнами вагона проплывают Карпаты. Они в снегу, издали кажутся плоскими, как на киноленте. После Карпат - поляны с зеленой травой и деревьями, с которых уже опали листья. Чистенькие станции, например Пасека. Возле станции Мукачево - отдельно стоящая гора со старинным замком, точно таким, как рисуют в детских книжках. Но живет ли в замке людоед? Гора у Мукачево была последней возвышенностью, мимо которой проходил поезд, дальше возвышенности кончились, как ножом отрезало, вместо них - до горизонта ровная степь, у горизонта - леса.

На пограничной станции Чоп у вагонов меняют тележки с колесами, так как железнодорожная колея в других странах более узкая, чем на территории СССР. Для замены колесных тележек состав загоняют в тупик, на территории которого проложены две колеи рельсов - наружная широкая и внутренняя узкая. Каждый из вагонов поднимают гидравлическим домкратом так, что весь состав оказывается на высоте 1,5-2 метра от земли. При этом цапфы, которые соединяют тележки с днищем вагонов, выходят из своих гнезд, тележки освобождаются. Их одну за другой выталкивают из-под вагонов вперед по широкой колее. Взамен с противоположной стороны состава, но уже по узкой колее, подают комплект тележек, которые подводят к соответствующим вагонам и ориентируют по гнездам цапф. Затем вагоны опускают, и состав оказывается уже стоящим на рельсах узкой колеи.

После замены ходовой части вагонов состав подают на ту из платформ станции Чоп, на которой могут находиться только пассажиры, отъезжающие за границу, работники таможенной службы и пограничники. После соответствующего контроля переезжаем пограничную полосу и останавливаемся на венгерской станции Захонь. Здесь - венгерский таможенный и пограничный контроль, более поверхностный, чем на нашей территории. Часы перевозу на два часа назад - здесь уже действует средне-европейское время.

Затемно (по новому времени в 19 часов) поезд приходит на небольшую, довольно глухую станцию Ниредьхаза. У вагона меня встречает Ласло Грибовский (как я узнал впоследствии, здесь пишут наоборот: Грибовский Ласло) и еще два венгра. Грибовский и один из венгров свободно владеют русским языком, так как они учились в СССР, а Грибовский, кроме того, защищал и кандидатскую диссертацию. Третий из встречавших - за рулем машины "фиат" польского производства. Разместившись

в машине, едем по прекрасному шоссе, обсаженному по бокам красивыми деревьями типа пирамидальных тополей. Километров через 60-70 останавливаемся в деревушке, которая называется Токай. Название не случайное - именно здесь производят известные токайские вина. Друзья предлагают поужинать в сельском ресторане. Конечно же, соглашаюсь! В ресторане большой зал, стены украшены ковриками и полотенцами с местным орнаментом. Потолок в центре зала опирается на несколько деревянных столбов. Многие из столиков заняты, преимущественно семьями. Посетители ведут себя чинно, тихо поют, если не играет оркестр, или подпевают ему. Оркестр расположен на небольшой эстраде. В его составе три скрипки, контрабас и цимбалы (инструмент, по струнам которого ударяют молоточками). Музыканты - цыгане, они одеты в яркие рубахи. Только дирижер оркестра, он же первый скрипач, одет в темный костюм и сорочку с "бабочкой". Дирижер не стоит на месте, а ходит по залу, начинает мелодию, оркестр подхватывает. Подошел к нашему столу, услышал русскую речь и начал играть "Очи черные", "Из-за острова на стрежень". На мою просьбу сыграть что-либо венгерское оркестр исполняет блестящее попурри из оперетт Кальмана, а затем играет огненные цыганские пляски.

В ресторане обширное меню, качество пищи высокое. Еду запиваем токайским вином пятилетней выдержки. Поужинав, вновь садимся в машину, проезжаем еще 130 км и оказываемся на территории университетского городка в Мишкольце. Мне отводят однокомнатную квартиру на первом этаже студенческого общежития, я тут же валюсь спать, так как по тольяттинскому времени около 2 часов ночи.

23 октября 1972 г. Встал в 6. 40 утра, пошел поглядеть на территорию городка. На ней много деревьев, между которыми расположены красивые здания. В 8.00 за мной заходит еще один Ласло по фамилии Ораз, ассистент. Мы направляемся в главный корпус института. Это прекрасное многоэтажное здание современной архитектуры. На фронтоне укреплена большая медная доска, на которой выгравированы фамилии архитектора и руководителя стройки. Если бы такие таблички вывешивались на зданиях нашего института, то, может быть, строители постеснялись бы сдавать корпуса с недоделками и дефектами.

Внутри здания - полированные полы, красиво отделанные вестибюли и коридоры. Идеальная чистота (в дальнейшем я заметил, что уборщицы, похожие на любую нашу тетю Катю, работают в институте весь день, непрерывно поддерживая порядок, а не ограничиваются только уборкой помещений до начала занятий или ночью, как принято у нас). В нескольких местах - лифты с открытыми (без дверей) кабинами, каж-

дая на два человека. Кабины движутся друг за другом, не останавливаясь, по одной трассе вверх, а по другой - вниз. Надо привыкнуть и успеть заскочить в очередную кабину, если в ней есть место, а затем, как только пол кабины сравняется с полом нужного вам этажа - выскочить. Лифты двигаются медленно, поэтому только сначала кажется, что промахнешься, а затем быстро привыкаешь к ритму поездов.

С Ласло Оразом поднимаемся сначала на третий этаж - в буфет, завтракаем, а затем спускаемся на первый этаж, на кафедру технологии машиностроения, заходим в кабинет к профессору Грибовскому. Грибовский согласовывает со мной программу пребывания в Венгрии. Затем в общих чертах рассказывает об Университете тяжелой промышленности (данные, естественно, относятся к 1972 году). Университет имеет три факультета - горный, металлургический и машиностроительный. Горному - 200 лет, металлургическому - 170 лет, машиностроительному - 24 года. Первые два раньше были в других городах и переведены в Миш-кольц тогда, когда здесь 24 года тому назад был построен университетский городок. Общая полезная площадь помещений - 85 тысяч квадратных метров). Всего студентов: очников, вечерников, заочников - около 3000 человек. На одного студента, следовательно, приходится более 28 кв. м площадей (у нас - 4-8 кв. м). Преподавателей - 350, из них 10 профессоров, 50 кандидатов наук и университетских докторов.

Чтобы стать университетским доктором, надо написать сравнительно небольшую диссертацию и сдать экзамены, количество и номенклатуру которых определяет совет факультета. Защита диссертации происходит в комиссии, состоящей из декана, трех экзаменаторов и начальника учебного отдела факультета. При успешной сдаче экзаменов и защите на очередном заседании совета факультета происходит принятие претендента в состав университетских докторов, и теперь он может называться "доктор-инженер такой-то".

В университете 33 кафедры. На кафедре Грибовского 20 преподавателей, в том числе один кандидат наук (он сам), четыре университетских доктора, остальные - ассистенты.

Знакомлюсь с кафедрой. Она занимает очень большие помещения. Каждый из преподавателей имеет свое рабочее место в комнате, предназначенной не более чем на двух человек. Рабочий день, независимо от наличия учебных занятий, начинается для всех в 8.00, а заканчивается в 14.00. Все преподаватели ходят на занятия в белых халатах.

Кафедра, кроме помещений в главном корпусе института, имеет свои участки в лабораторном корпусе, в котором установлено станочное и другое тяжелое оборудование.

Кафедра имеет свою библиотеку примерно в 3000 томов (с удовольствием увидел на полках мои книги). Библиотеку обслуживают две молоденькие (и хорошенькие!) лаборантки - одна знает русский, другая -английский языки.

Ласло Грибовский знакомит меня с другими кафедрами и деканатом машиностроительного факультета. Обращаю внимание на то, что в фойе возле деканата на специальных подставках расположены небольшие бронзовые бюсты старейших преподавателей и сотрудников, которые до своей кончины работали на этом факультете. У каждого бюста - полированная табличка со сведениями о покойном ветеране института и названием дисциплин, которые он читал, а для лаборантского состава - должности, которые занимал. Такие мемориалы есть и на других факультетах.

Возле главного корпуса института за оградой устроен своеобразный пантеон профессоров, работавших в университете в разные годы. Среди клумб с цветами на высоких постаментах (2-2,5 м) установлены высеченные из красноватого гранита большие бюсты ученых.

Думаю, что факультетские мемориалы и пантеон являются немалым средством воспитания уважения и любви студентов к своей Alma mater, и неплохо было бы нам позаимствовать эту традицию.

Мы ходим по кафедрам, лабораториям и аудиториям учебного корпуса вплоть до обеда. Обедаем в большом, отдельно стоящем корпусе студенческой столовой. Затем совершаем небольшую прогулку по территории университетского городка. Венгерские друзья обращают мое внимание на холм, который студенты называют "памятником погибшим в неравной борьбе с учебой". Поднимаемся на этот холм. На нем - гранитные плиты с медными досками, эти памятники устанавливает каждый из выпусков молодых специалистов. На досках выгравирован год выпуска, наименование специальности, а далее, например, такие слова: "Нас было вначале столько-то. Выжили до конца учебы столько-то. Остальные выбыли, провалившись на экзаменах. Вспомните о нас и выпейте за нас!"

Кстати, замечу, что процедура выпуска из университета имеет свои традиции. Каждый поток силами студентов и преподавателей готовит и издает типографским путем журнал, в котором помещены статьи, стихи, юмористические обзоры, дружеские шаржи на коллег и преподавателей, полный список выпуска и некоторые сведения о нем. Студенты заказывают одинаковые по форме и цвету галстуки и перстни с эмблемой университета для каждого из выпускников. По этим галстукам или перстням через много лет люди узнают своих коллег по Alma mater. Для вы-

пускового банкета заказывают бокалы с эмблемой университета и годом выпуска, которые дарят любимым преподавателям и каждому из молодых специалистов. Я видел на кафедре технологии машиностроения добротные сделанные выпускные журналы, а на руках многих преподавателей - мемориальные перстни.

Вторая половина дня ушла на знакомство с Мишкольцем и его окрестностями. Мишколец сравнительно небольшой город, на окраинах которого расположены металлургические предприятия. Эти предприятия и транспорт очень загрязняют атмосферу города.

По городу ходят маленькие трамваи. Пешеходы очень дисциплинированные, пересекают улицы только на перекрестках. У светофора в центре города (этот светофор - единственный) ни в коем случае не идут на красный свет, даже если транспорта на улице нет. Ухожен и окружен клумбами памятник народному герою Кошту. Кошт возглавлял демократический лагерь Венгерской буржуазно-демократической революции 1848-1849 годов.

Центр города выглядит хорошо, красивые витрины. В них выставлены не только товары, имеющиеся в магазинах, но и продукция частных, живущих в доме, где расположен магазин. Обычно это вязаные изделия, домашняя обувь и другие предметы местных промыслов.

Возвращаясь в университетский городок (он находится на расстоянии 10-12 км от центра Мишкольца), заезжаем в курортное место Та-польца, расположенное недалеко. Это дачное место с хорошими пляжами на берегу озера и лечебными минеральными ваннами. Ванны, как и общий бассейн, в котором (как написано на плакате) не рекомендуется находиться более двух часов(!), питаются горячей водой из местного подземного источника.

Ужинаю в своей квартире, закупив предварительно в одном из магазинов с вывеской "ABC" (это продуктово-промышленные универсамы различного размера) бутылку кока-колы, два тюбика расфасованного джема и калач. Кстати, это слово по-венгерски произносится как и по-русски. Есть еще, по крайней мере, два сходных слова: капуста и шапка. В остальном - полное различие не только с русским, но и с другими иностранными языками. В венгерском языке очень мало международных терминов, таких, например, как политехника. Мой доклад в программе конференции назван так: "A gyematkoszorules hofizikaja" - разберите, что речь идет о теплофизике процесса алмазного шлифования. Мои коллеги-венгры утверждают, что их нация, не допуская интервенцию в свою речь слов из чужих языков, веками защищала свою национальную культуру от подавления другими культурами. (Примечание 1993 г.: к со-

жалению, в нашей стране за последние пять-семь лет не только язык не устоял от давления массы американизмов: вместо встречи - саммит, вместо спектакля - шоу и т. д., - но и культура не устояла от вторжения низкопробной западной продукции).

24 октября 1972 г. Принял участие в научной конференции, которая открылась сегодня. Был приглашен в президиум, сидел рядом со старейшим профессором из Будапешта Андором Хорнунгом. Открывая конференцию, директор института информации Йозеф Шайо приветствовал меня как ученого и гражданина нашей великой страны, что было мне приятно и налагало определенную ответственность на доклад, который я должен сделать завтра.

Доклады первого дня мне переводил Ласло Ораз. В один из перерывов, спустившись на первый этаж, я обратил внимание, что в вестибюле главного корпуса появился походный лоток с разной мелочью - письменными принадлежностями, тетрадами, зубными щетками, мелкой галантереей. Продавца возле лотка не было, товары и деньги лежали открыто. Ласло Ораз рассказал мне в связи с этим следующую любопытную историю. Некто Янош, немолодой и одинокий человек, работал в учебном отделе университета. Студенты называли его "объявитель", поскольку он сообщал о всех изменениях в расписании занятий и о распоряжениях начальства. Однажды один из студентов попросил Яноша передать начальнику учебного отдела закрытое письмо и не сообщать при этом, от кого оно. Янош, человек бесхитростный, не подозревая ничего худого, обещал фамилию автора не называть, а письмо передать по адресу. В письме оказалась грубая брань и инсинуации по адресу дочери начальника учебного отдела, обошедшей своим вниманием автора анонимки. Начальник был взбешен и, не раскрывая Яношу содержания послания, стал требовать от "объявителя" назвать фамилию автора письма, чтобы добиться исключения того из университета. Но Янош обещал молчать и свое обещание выполнил - фамилию студента не назвал. С тех пор начальник непрерывно придирался к Яношу и, найдя повод, уволил его из отдела, добился увольнения из университета.

Янош еще не достиг пенсионного возраста, жить ему было не на что, он начал заниматься мелкой торговлей. Его "дело", как и он сам, находятся под защитой студентов, оценивших поступок старика. Продавец может уйти куда угодно, оставить товар и деньги - никто ничего не тронет. Если что-либо возьмут - тут же положат деньги, причем сумму большую, чем объявленная стоимость вещи. Янош верит всем в долг, даже занимает деньги не только студентам, но и цыганам, живущим на обширной территории университетского городка или рядом с ним. Никто

не посмеет обмануть старика - студенты с ним немедленно и жестоко расправятся.

Через пару дней я увидел "дядю Яноша", как его называют студенты. Невысокого росточка, седой, худенький, со старческим румянцем на лице, двигался легко, ласково отвечал на приветствия студентов, проходивших мимо его лотка. Ласло Ораз сказал мне, что Янош зарабатывает торговлей примерно 500-600 форинтов в месяц (в 1972 году по нашему курсу - 35-40 рублей), где-то еще работает, кое-как сводит концы с концами, но скоро уже получит пенсию 700 форинтов (49 рублей) и тогда будет жить лучше.

25 октября 1972 г. В 9.15 сделал доклад на конференции. Переводил Ласло Грибовский. Доклад был принят хорошо, были вопросы. По окончании каждого сообщения здесь принято, что председательствующий делает короткое резюме. После моего доклада резюме делал профессор Калаши из Будапешта. Он дал высокую оценку теоретической части сообщения (теплофизика шлифования).

В перерыв, продолжая знакомство с университетом, посетил корпус, в котором расположена библиотека с читальным залом. Замечательное здание, архитектурно оформленное как стопка лежащих друг на друге книг. Внутри большие залы со стеллажами. Выкладка книг открытая, по разделам и темам. В читальном зале от студентов не требуют никаких документов (студбилета или читательского билета, как у нас). Бери любую книгу со стеллажа, садись и читай. На всякий случай, правда, зал оборудован телеустановками, позволяющими дежурному библиотекарю наблюдать за клиентами. Но, как правило, этими установками не пользуются, так как ни один из студентов не наносит вреда книгам. Да и зачем? Если ему нужно что-либо выписать из книги, то в течение получаса без всякой оплаты и без ограничения объема текста студент может получить ксерокопии интересующих его страниц.

Вечером по приглашению ведущих специалистов местного абразивного завода "Гранит" мы с Ласло Грибовским ужинали в ресторане. Здесь нас угощали отличным венгерским вином "Бычья кровь" и рассказали легенду о происхождении этого названия. Якобы туркам, когда они оккупировали Венгрию (XVI век), очень нравилось красное вино, но Коран категорически не разрешал пить спиртное. Тогда какой-то султан или другой правитель велел обозвать этот темно-красный густой напиток кровью быка, а про бычью кровь в Коране ничего не сказано. При таком решении все были довольны: Аллах - тем, что его паства не нарушала законы пророка, а паства - тем, что вдоволь пила "Бычью кровь".

26 октября 1972 г. После завтрака вместе с ассистентами кафедры тех-

нологию машиностроения Ласло Оразом и Дьердем (фамилии не знаю) на машине выехали в район пещер Агтелек, находящихся на расстоянии 70 км от Мишкольца, вблизи венгерско-чешской границы. Дорога идет через несколько венгерских сел. Села имеют вполне городской вид - асфальтированные тротуары, домики чистенькие, кирпичные, под черепичными крышами. В каждом селе - красивые магазины, как правило, имеются и рестораны. Много велосипедистов, хотя немало и пароконных телег.

Агтелек - горное селение, воздух чистый, как в Кисловодске. Пещеры находятся под землей. Они оборудованы для посещения туристами. Экскурсия длится один час. От входа в пещеры по всему маршруту проложены дорожки с поручнями. В необходимых местах умело сделана подсветка стен, потолка, отдельных ниш.

Вначале минуем подземные пруды. Они совершенно неподвижные, кажутся зеркалами, лежащими на земле. На первый взгляд, пруды глубокие, прозрачные, с многоцветным дном. Но это - оптический обман, просто вода отражает подсвеченные разными прожекторами потолки подземелья. На самом деле, как говорят экскурсоводы, пруды имеют глубину 25-30 см. Видимо, в каких-то местах они снабжаются проточной водой, так как не цветут, воздух в подземельях хоть и сыроватый, но чистый. Под землей текут две речки, которые называются Харон и Стикс. Первая названа по имени перевозчика из древнегреческой мифологии, доставлявшего души умерших к вратам Аида, бога подземного мира. Наименование второй реки также взято из греческой мифологии, согласно которой в подземном царстве была "река забвения" Стикс.

Перешли по мостикам эти речки и увидели ряд сталактитов, свисающих с потолка. Один из них называется "тещин язык" (оказывается, и в Венгрии знают этот термин!). Далее проходим через туннели, проложенные в горе, и попадаем в подземный концертный зал длиной примерно 70 м. Эстрада в торце зала вырублена из камня. Она имеет естественные фантастические скальные декорации, умело подсвеченные. В подземном зале в летнее время симфонические оркестры дают концерты классической музыки (представьте, например, как звучит в этой обстановке "В пещере горного короля" из "Пер Гюнта" Грига!). Говорят, в этом подземелье играл Давид Ойстрах. Акустика в зале прекрасная, малейший звук, не теряя чистоты, усиливается. Скамьи в зале деревянные, но слегка влажные, поэтому во время концертов зрителям выдают особые подушечки для сидения.

Если пройти за "декорации" концертного зала, то попадаешь в так называемый Черный зал. Он действительно имеет черные, закопченные

стены. Дело в том, что еще в 1848-49 гг. и в войны нашего времени здесь укрывались жители и партизаны. Жгли костры, копоть оседала на потолке и стенах. Постепенно она покрывалась слоем минеральных солей, создавая темную окраску зала.

Дальше - Колонный зал с рядом колонн от пола до потолка, представляющих собою сросшиеся сталактиты и сталагмиты. Часть колонн, поднимающихся с пола (сталагмиты), не соединилась еще со своими сталактитами, но обязательно соединится, правда, уже после моего отъезда, так как зазор между ними уменьшается со скоростью 1 мм в 3 года. Поперечное сечение колонн самое разнообразное, оно зависит от того, по каким трассам стекают капли, несущие минеральные соли. Одна из колонн, например, имеет вертикальные ребра разной толщины. Если по ним ударить, то они издадут чистые звуки различной высоты. "Это наш ксилофон!" - сказал экскурсовод и дверным ключом сыграл на ребрах колонны несложную мелодию.

Следующий зал - Кружевной. Его потолок действительно очень напоминает изящные кружева с бахромой, "сплетенные" минеральными отложениями. Из Кружевного зала выходим наружу, на свет Божий! Что ни говори, как ни красиво под землей, но чистое небо и зеленая трава на земле - лучше!

27 октября 1972 г. С утра, несмотря на сильный туман, выехали с Грибовским на его машине в город Дебрецен на подшипниковый завод. Нас встретили на проходной и провели к техническому директору предприятия, который немного рассказал о заводе, а затем прошел с нами по цехам. Поскольку производство подшипников качения мне хорошо знакомо, мы быстро нашли общий язык с техническим директором и другими специалистами, тем более что многие из них прилично владеют русским языком. С удовольствием рассказал о некоторых результатах работы НИПИЛ на 4ППЗ, которые могут быть использованы и на дебреценском заводе.

После экскурсии по заводу технический директор пригласил нас посмотреть город, а затем пообедать в ресторане. Центр города в тот день был освещен ярким солнцем, он выглядел очень красиво, застроен зданиями старинной архитектуры. Ярко-желтые вагоны трамвая разрезжают по разным маршрутам. Поток разноцветных автомобилей, зеленые аллеи и скверы. Недалеко от центра - Дебреценский университет. Прекрасное старинное здание с рядом скульптур у входа и на ведущей к нему аллее.

В ресторане "Дебрецен" наши новые знакомые (их было трое) настоятельно рекомендовали Грибовскому и мне фирменное блюдо "голубцы

по-дебреценски". Я, как человек осторожный (к тому же равнодушный к голубцам), все же заказал шницель по-венски - блюдо, в котором, как я уже знал, нет перца. В остальные блюда кулинары-венгры кладут столько перца, что во рту (и далее по трассе, вплоть до выхода) начинает пылать пожар! В Дебрецене повара превосходят своих коллег - кладут в голубцы такую большую дозу перца, что даже Грибовский не смог одолеть это блюдо, хотя хозяева ели и похваливали.

30 октября 1972 г. Дни 28 и 29 октября летели в таком темпе, что записать что-либо не было времени. Реконструирую события этих дней в поезде "Будапешт - Москва", хотя трясет на венгерских дорогах не меньше, чем на наших, и писать трудновато. Итак, в субботу, 28 октября, с утра провел двухчасовую беседу-лекцию с научными работниками кафедр технологии машиностроения, станков и теплотехники Университета тяжелой промышленности в Мишкольце. В течение лекции дважды открывалась дверь в аудиторию и симпатичные лаборантки обносили всех присутствовавших (и меня в том числе) чашечками с крепким кофе и солеными хлебными палочками на закуску. Вообще в Венгрии пьют кофе очень часто. Любой сотрудник на рабочем месте имеет термос с кофе. Скажу откровенно, что за дни моего пребывания в Венгрии я выпил столько кофе, сколько, наверное, не выпил за всю предыдущую жизнь. Чуть не окофел!

В 11.00 мы с Грибовским были на приеме у ректора института профессора Шандора Шамоди. Ректор защищал кандидатскую диссертацию в Московском институте стали. Кабинет ректора небольшой, но хорошо обставленный. Хозяин кабинета, как и другие, у кого я бывал в эти дни на приеме (деканы, завкафедрами), удивляется, что я отказываюсь пить водку и коньяк, а с удовольствием пью минеральную воду "Боршади".

После приема у ректора я ушел в свою квартиру в общежитии и укладывал вещи (в том числе покупки), готовясь к дороге домой, так как вечером был приглашен на бал первокурсников, а рано утром должен был выехать в Будапешт.

Бал первокурсников - традиционный праздник, который проводится ежегодно в конце октября, после того как вновь принятые студенты немного освоятся в университете и познакомятся друг с другом. Кстати, замечу, что вступительные экзамены для абитуриентов здесь организованы не так, как у нас. Они проводятся в два дня, следующих один за другим. В первый день - письменные экзамены: утром по математике, во второй половине дня - по физике. На другой день - устные экзамены по этим же дисциплинам. Когда я задал вопрос, почему абитуриентам не отводятся один-два дня на подготовку между экзаменами, мне ответили,

что программа испытаний соответствует объему знаний, которые абитуриент, закончивший среднюю школу, должен усвоить прочно, поэтому незачем ему что-либо специально готовить.

Пригласительный билет на бал - шикарно изданная книжечка. В ней, кроме программы вечера, приведен поименный список всех студентов нового набора, фамилии и имени ректора, деканов, заведующих кафедрами, некоторые сведения об университете. Стоимость билета, если его приобрести не позднее чем за неделю до бала, - 25 форинтов, а если у входа в день праздника - 35 форинтов. Это сделано для того, чтобы оргкомитет вечера мог заранее располагать необходимыми средствами. Оргкомитету деканаты передают также часть "хвостовых" денег. "Хвостовые" деньги возникают таким образом: если какой-либо студент (необязательно первокурсник) не отработал вовремя лабораторную работу, не сдал домашнее задание, не получил своевременно зачет или не сдал экзамен, то для ликвидации задолженности он должен заплатить в кассу института определенную сумму по прейскуранту, но не меньше 20 форинтов (около 1,5 рубля по курсу 1972 года). На квитанции об оплате деканат пишет разрешение на прием задолженности у студента. "Хвостовые" деньги поступают на счет деканата и расходуются на поощрение лучших студентов или финансирование студенческих мероприятий.

Бал первокурсников начинается обычно в субботу вечером и заканчивается официально в 4 часа утра следующего дня. Для подготовки здания к балу с 11 часов дня в субботу все лаборатории и кафедры закрывают; коридоры, залы, фойе поступают в распоряжение студентов. Последние начинают подготовку к балу. Стены украшают плакатами и карикатурами. Проводят в коридоры с помощью резиновых трубок временные водопровод и канализацию, необходимые для временных буфетов, которых открывается колоссальное количество из расчета на 5-5,5 тысячи гостей.

Здание университета имеет внутренний двор, по периметру которого на всех этажах расположены балконы, вернее, галереи, открытые с одной стороны и огороженные невысокими решетками. В самой нижней части такого колодца, перекрытого стеклянной крышей, находится эстрада. На эстраде в начале вечера устанавливают три шикарных кресла для деканов факультетов и микрофон. Студенты и гости располагаются на этажах (галереях), смотрят на деканов сверху, видят не столько лица, сколько почтенные лысины. Открыл вечер старейший из деканов, который произнес небольшую речь. Далее по радио зазвучала венгерская национальная музыка, и на площадку перед эстрадой вышел ансамбль танцоров - 16 пар, девушки в бальных платьях, ребята в черных костю-

мах. Под мелодию вальса Штрауса, сменившую чардаш, они очень изящно станцевали фигурный вальс.

На этом торжественная часть закончилась. Далее началось что-то невообразимое. На эстраду вышли какие-то первобытные бандиты, длинноволосые, в пончо и неаккуратных рубашках, у одного на груди пришит небольшой английский флаг (почему английский?). Оказалось, это знаменитый в Венгрии эстрадный оркестр нового толка. Раздалась музыка ужасной силы, сотрясавшая все этажи. Площадка перед эстрадой мгновенно заполнилась танцующими студентами. Все трясуся в диком танце, рисунок которого не зависит от того, как играет оркестр - быстро или медленно, такие же танцы начинаются на этажах. Поразительный контраст с изяществом вальса, которым был открыт бал. (Примечание 1993 года: напоминаю читателям, что мой венгерский дневник относится к 1972 году, когда в нашей стране еще не было засилья западной музыки и танцев. Поэтому я был так поражен этим массовым психозом!)

Все ребята и очень многие девушки курят. В университете своих девушек мало (6-8%), на бал приглашены девушки из гимназий и городских учреждений. Колоссальный объем внутреннего колодца и этажей учебного корпуса, прилежащих к нему, вскоре заполняется дымом, дым начинает есть глаза. Замечу, что в Венгрии курить разрешается где угодно и когда угодно, даже в фойе и буфетах театров, где становится нечем дышать уже в первом антракте.

Надоело смотреть на "трясучку". Мы с Грибовским "отметились" у стола на втором этаже, где сидел ректор, деканы и студент - председатель оргкомитета, выпили с ними по рюмочке токайского и удалились. Как хорошо было в аллеях университетского городка, по которым мы немного походили, подышали свежим воздухом и расстались до утра.

В воскресенье, 29 октября, Ласло Грибовский заехал за мною в семь часов и мы на его "жигулях" поехали в Будапешт. От Мишкольца до Будапешта (180 км) ехали три часа, так как, несмотря на хорошую дорогу, часто встречаются знаки ограничения скорости, а нарушать правила в Венгрии очень накладно - штраф может доходить до 1000 форинтов.

В Будапеште разместились в двух отдельных комнатах общежития инженерной школы. Кстати, скажу несколько слов об этом самостоятельном учебном заведении. Оно выпускает так называемых цеховых инженеров, то есть специалистов с более узкой теоретической, но более широкой практической подготовкой, чем у дипломированных инженеров, которых выпускают технические университеты. Установлен предельный верхний уровень должностей, которые могут занимать на предприятиях цеховые инженеры. Для занятия должности выше этого уровня

требуется диплом университета. Наоборот, ниже упомянутого уровня выпускники университетов, как правило, не используются. При желании получить полный диплом выпускники инженерной школы, поработав на производстве, могут поступать на 3-й курс университета с досда-чей некоторых теоретических дисциплин.

Итак, мы разместились в неплохо оборудованных комнатах общежития инженерной школы. Уготив меня бутербродами и фруктами, которые уложила в специальные контейнеры еще в Мишкольце супруга Ласло - Йолика, Грибовский вынул походные стаканы, термос и предложил выпить по стакану чая, который Йолика приготовила именно для меня. Я обрадовался, так как за все время пребывания в Венгрии пил только кофе, кока-колу, вино или минеральную воду. Здесь чай, как правило, не пьют и если сказать честно, то вовсе не умеют готовить этот напиток. То, что предложил мне Ласло, был не чай, а слегка подкрашенное, приторно сладкое питье. Я из вежливости выпил стаканчик, Ласло же не пил, а давился - он привык к кофе, легкому вину, к чему угодно, только не к такому "чаю". Осторожно, чтобы не обидеть моего друга и его супругу, я спросил, какой из способов приготовления чая они предпочитают. Ласло ответил, что технология очень простая: в большой чайник с холодной водой Йолика опускает сеточку со щепоткой чая. Затем все это греется и закипает, после чего сеточку удаляют, а в чайник кладут сахар. "Ну, тогда все ясно!" - подумал я и незаметно выплеснул в раковину остатки "чая" из своего стакана.

После чаепития Грибовский на своей машине повез меня посмотреть Будапешт. Вначале поднялись на самую высокую горку, на которой расположена старинная крепость "Цитадель". Она преобразована в мемориал второй мировой войны. С площадки, на которой установлен памятник солдатам Советской армии, изгнавшим с территории Венгрии фашистские войска, как на ладони виден весь город, в частности прекрасные мосты через Дунай. Спустившись с горы, мы поехали к одному из этих мостов. По дороге обратил внимание на невысокий гранитный постамент, на котором установлена большая, изготовленная из железобетона цифра "ноль". Оказывается, это геометрический центр Венгрии, отсюда производится отсчет всех расстояний.

Миная въезд на мост, прибываем на так называемый Рыбацкий бастион. Это сооружение из светлого камня с круглыми башенками, внутренними дорожками и окнами-бойницами, обращенными к Дунаю. Видимо, бастион имел какое-то значение в обороне района города, в котором селились рыбаки.

На площади у Рыбацкого бастиона стоит массивный памятник пер-

вому венгерскому королю (Венгрия стала королевством в 1001 году). Невдалеке - католический костел. Зашли в него. Молящихся много, все они сидят как в партере, в нужные моменты по ходу молитвы, которую ведет священнослужитель в белом одеянии, встают. Посетителей пускают только на балкон. Акустика в костеле прекрасная: когда внизу говорит священник - на балконе слышно каждое слово. Наоборот, как мне сказали, любой шум на балконе (а некоторые туристы - народ шумливый!) не достигает ушей молящихся, рассеивается в пространстве костела.

Переезжаем мост через Дунай и попадаем в другую часть города. Здания красивые, отличные проспекты, например имени Ракоци (в ушах немедленно звучит "Ракочи-марш" Берлиоза!). Красивейшее здание парламента со следами повреждений, нанесенных при обстреле в военное время. Торжественная площадь Героев, на которой конные скульптуры семи венгерских вождей и всех королей. Как рассказал Ласло, на нынешней территории Венгрии в IX-X веках появились угро-финские племена мадьяр (венгров). Эти племена шли с востока из районов, близких к нынешним нашим Чувашии и Мордовии. Затем часть племен ушла на север и слилась с финнами, а семь вождей привели свои племена на нынешнюю территорию Венгрии и обосновались на ней.

На площади Героев находится могила Неизвестного солдата, вечного огня близ нее нет.

Через другой мост едем на остров, где расположен красивый, ухоженный парк. На одной из площадок парка - скульптура в виде большого медного факела, не сплошная, а состоящая из отдельных частей, имитирующих языки пламени. На внутренней части этих "языков" выбита история Венгрии начиная от древних времен.

Вечером вместе с Ласло Грибовским идем слушать "Чио-Чио-сан" в прекрасное здание оперного театра. Обратил внимание на то, что в программке спектакля фамилии артистов указаны без званий (заслуженный или народный) - перед музыкой все равны. Партию Баттерфляй пела Ева Тордаи, трогавшая душу искренностью исполнения и чистотой голоса. Все остальные певцы, кроме того, кто исполнял партию Пинкертон, тоже были неплохи. Но Пинкертон (Бела Кариж) при относительно неплохом голосе выглядел как типичный оперный герой второго сорта - с животом, который не мог прикрыть даже китель, неподвижный, с наигранными жестами. Слава Богу (вернее, слава Пуччини), что он на сцене находился недолго и не повлиял на мое хорошее впечатление от спектакля в целом.

Утром 30 октября, сердечно распрощавшись с Ласло, поблагодарив

его за приглашение в Венгрию и усилия, приложенные к тому, чтобы мое пребывание в этой стране было полезным и приятным, поездом "Берлин - Москва", который проходит через Будапешт, отъезжаю на Родину. На станции Чоп получаю в сберкассе советские деньги, которые отложил на обратную дорогу еще по пути в Венгрию. Немедленно покупаю ворох газет и журналов (не читал их целую вечность!), полбуханки черного хлеба (в Венгрии его нет) и пакетики с чаем для заварки. В вагоне устраиваю себе праздничный пир - черный хлеб с плавленным сыром и горячий чай.

Нет, что ни говорите, а в своей стране лучше!

О ТЕХ, КТО ПРОРУБАЛ

ДОРОГУ В ДЖУНГЛЯХ

Ну что ж, дорогой читатель, я дал Вам возможность несколько отвлечься от дел ТПИ, даже свозил Вас за границу, но теперь нам следует вновь вернуться в Тольятти, чтобы посмотреть, как набирал силу и развивался молодой институт, как и кто способствовал повышению его авторитета и значения. Оглядываясь назад, прихожу к заключению, что самыми сложными в период становления нового учебного заведения были первые пять-шесть лет. Тогда создавались новые специальности, кафедры и факультеты, формировались основные научные направления, коллектив пополнялся высококвалифицированными учеными.

Стартовые позиции, с которых начинал ТПИ, были достаточно скромными. Я уже писал, что в 1967 году институт был в основном вечерне-заочным (на дневном отделении обучались всего около 25% студентов); только 14% преподавателей имели ученые степени и звания. Добавлю, что объем научно-исследовательских работ по заказам предприятий составлял 185 тыс. рублей в год, меньше, чем у нашей НПИЛ в Куйбышеве.

О том, насколько мало был известен новый институт, можно косвенно судить по двум из многих писем, полученных ректоратом в ответ на объявление в газетах, в котором мы приглашали ученых на работу в ТПИ. В первом из этих писем кандидат сельскохозяйственных наук Чертков В. А., заведующий отделом скотоводства одного из НИИ, предла-

гал свои услуги в качестве доцента по курсам основы животноводства или молочного дела. Во втором письме некто Канивец А. Н., закончивший в 1967 году электромеханический техникум и работающий наладчиком электрооборудования, писал: "Положения о конкурсах я не знаю, а пока его узнаешь, то черт знает сколько времени пройдет", - и предлагал себя в качестве преподавателя на кафедре оборудования и технологии сварочного производства.

Теперь приведу некоторые данные, относящиеся к 1972 году. На дневном отделении обучалось уже около 50% из общего количества 5600 студентов, заочное отделение ликвидировано. Педагогический коллектив возрос до 358 человек. В нем работали 7 докторов наук - профессоров, ПО кандидатов наук и доцентов; ученые степени и звания имели более 32% преподавателей. Объем научно-исследовательских работ для предприятий достиг примерно 2 миллионов рублей, то есть возрос за пятилетие более чем в 10 раз. В институте систематически проводились региональные и всесоюзные научно-технические конференции, такие, например, как IV Поволжская конференция по прикладной геометрии и инженерной графике или III Всесоюзная конференция по теплофизике технологических процессов. В последней, в частности, принял участие и выступил с докладом Н. Н. Рыкалин, среди участников конференции было более 20 докторов наук и много представителей различных предприятий, вузов и НИИ.

Сотрудники ТПИ активно участвовали в научно-технических конференциях и совещаниях, которые проходили в других городах. Мне, например, довелось выступить с докладом "Теплофизика алмазного шлифования" на пленарном заседании международной конференции "Interdiamond" (Киев, 1971 г.). В президиуме конференции я познакомился с рядом зарубежных ученых, в том числе с профессором Грибовским Ласло, который в 1972 году и пригласил меня в Венгрию.

Об уровне исследований, проводившихся в те годы в ТПИ, можно судить хотя бы по тому, что в 1972 году свыше 30 изобретений, сделанных сотрудниками института, были приняты и зарегистрированы Государственным комитетом по изобретениям и открытиям СССР, а их авторам были выданы соответствующие свидетельства.

В 1971 году Гольяттинский политехнический институт стал институтом первой категории, которую ему присвоило Министерство высшего и среднего образования РСФСР.

Я не хочу утомлять читателя другими цифрами и выкладками. Думаю, что и приведенных достаточно для того, чтобы понять, что коллектив ТПИ уверенно двигался вперед. В соответствии со стилем моих вое-

поминаний хочу рассказать о некоторых людях из тех, кто содействовал этому продвижению. Предварительно, однако, отмечу, что писатель Борис Никольский в повести "Жду и надеюсь" высказал верную мысль о том, что ученые бывают двух типов: одни прорубают дорогу в джунглях, другие ее асфальтируют. В дополнение к тому, что я писал о сотрудниках ТПИ в предыдущих главах, расскажу еще о некоторых ученых, которые прибыли в Тольятти из различных городов, и если воспользоваться терминологией Б. Никольского, прорубали новые пути, по которым двигался молодой институт.

В ноябре 1967 года приступил к работе в должности проректора по науке и заведующего кафедрой сварки кандидат технических наук Владимир Иванович Столбов. До этого он возглавлял одно из подразделений Куйбышевского филиала научно-исследовательского института авиационной технологии, был достаточно известен своими трудами среди специалистов-сварщиков, являлся членом редколлегии журнала "Сварочное производство".

Кандидатуру В. И. Столбова подсказала мне Белла Львовна. Работая в Куйбышевском отделении НТО Машпром, она знала Владимира Ивановича как активного члена секции сварки НТО. Мы встретились с ним во время одной из моих поездок в Куйбышев, побеседовали, убедились в единстве взглядов на развитие науки в институте, и я предложил ему должность проректора по НИР, а по совместительству руководство кафедрой сварки. И в той и в другой должности В. И. Столбов проявил недюжинную энергию. Так, например, для того, чтобы войти в курс дел и одновременно повысить уровень преподавания на кафедре, лично читал лекции для студентов по основным дисциплинам специальности "Оборудование и технология сварочного производства". Как проректор по НИР принял меры к укреплению материальной базы, организовав строительство корпуса мастерских, а в дальнейшем большого корпуса для научно-исследовательских лабораторий, содействовал созданию этих лабораторий, каждая из которых имела свое лицо и научное направление. Впоследствии, сменив в 1979 году меня на посту ректора, много сил приложил к строительству и развитию института, защитил докторскую диссертацию, утвержден в звании профессора, а недавно (1992 год) за заслуги в научной, педагогической и организаторской деятельности удостоен почетного звания "Заслуженный деятель науки и техники России".

Вскоре после прибытия в Тольятти В. И. Столбов пригласил на должность начальника научно-исследовательского сектора ТПИ своего коллегу по НИАТ к. т. н. Бориса Николаевича Перевезенцева. Борис Николаевич не только выполнял большую работу по организации научных

исследований на кафедрах и в лабораториях института, но, как специалист по технологии пайки изделий, пригласил в ТПИ профессора-доктора С. В. Лашко (о чем я писал выше), создал, а затем возглавил единственную в России кафедру, которая ныне выпускает инженеров этой специализации. Успешно защитил докторскую диссертацию, утвержден в звании профессора.

В феврале 1968 года к работе в ТПИ приступил к. т. н. Владимир Вар-танович Петросов. Он перешел к нам с предприятия, во главе которого стоял известный конструктор авиационных двигателей, впоследствии академик Н. Д. Кузнецов, о котором я уже писал в одной из глав воспоминаний. В. В. Петросов, автор многих изобретений (на сегодняшний день их у него более пятидесяти), разработал теорию и технологию изобретенного им метода гидродробеструйной обработки изделий. Не вдаваясь в технические подробности, скажу, что новое научное направление сулило большие выгоды для производства, так как вело к существенному повышению надежности и долговечности деталей, работающих в условиях циклических нагрузок. Приоритет Владимира Вартановича был несомненным - в США аналогичный метод начали применять лишь спустя восемь лет после того, как В. В. Петросов получил авторское свидетельство на изобретение.

Я уже писал во введении к этим запискам, что изобретатели, как правило, люди экспансивные, стремящиеся сделать все возможное для того, чтобы их предложение быстрее начало приносить пользу человечеству. Поэтому от изобретателей можно ожидать самых неординарных поступков. Так было и с Владимиром Вартановичем. Он написал докторскую диссертацию и сдал ее на защиту в одну уважаемую организацию. Будучи вполне уверенным в своем успехе, В. В. Петросов одновременно написал письмо в отдел машиностроения ЦК КПСС, пригласил кого-либо из работников аппарата ЦК принять участие в защите, чтобы оценить важность новой идеи и содействовать быстрому продвижению ее в производство.

В принципе в этом нет ничего особенного. Рядовой член партии уверен, что высшему партийному органу должны быть интересны его дела, особенно если они идут на пользу стране. А на самом деле что получилось? Вот что: из отдела машиностроения позвонили руководителю организации, в которую была сдана на защиту диссертация, и предложили эту работу "посмотреть внимательно".

Сколько раз, будучи ректором, я сталкивался с внешне нейтральными просьбами работников аппарата партийных органов, высказанными этими словами! Допустим, звонит мне инструктор райкома и между де-

лом спрашивает, есть ли среди поступающих на первый курс абитуриент Иванов. "Есть такой!" - отвечаю я, справившись у приемной комиссии. "Посмотрите внимательно!" - говорит инструктор и прощается.

Что это означает? Не требуется большого ума, чтобы понять, что кто-то заинтересован в поступлении Иванова в институт. Просьба высказана в такой форме, что автор звонка во всех случаях окажется прав, он полностью защищен от неприятностей. Если ректор через приемную комиссию протолкнет Иванова в институт, то инструктор доложит кому следует, что его просьба удовлетворена. Если же родители других абитуриентов, не попавших на первый курс, поднимут по этому поводу шум, начнется следствие, то тот же инструктор скажет ректору: "Я же просил вас смотреть внимательно!" - и опять окажется прав. Кстати замечу, что я довольно быстро отучил любителей звонить по такому поводу. Для этой цели сделал заседания приемной комиссии по зачислению в институт открытыми, приглашал на них представителей предприятий, родителей абитуриентов-медалистов. Сопредседателем комиссии сделал зам. председателя горисполкома М. Г. Иванову. Так что все зачисление делалось открыто. Тех же, кто звонил, я просил прийти на открытое заседание комиссии и защищать свою точку зрения. Звонки вскоре прекратились.

Рассказывая в одной из предыдущих глав о своих взаимоотношениях с первым секретарем Тольятти не ко го горкома КПСС Оболонковым, я уже писал, что именно с формулировкой "посмотреть внимательно" мне звонили из горкома по делу студента Б., уличенного в краже. Я тогда "не понял" намек горкома, что привело к конфликту с первым секретарем.

Но вернемся к просьбе "посмотреть внимательно", адресованной к труду Петросова. Работник аппарата ЦК и не подумал, конечно, ответить на приглашение рядового коммуниста ознакомиться с его трудом. Он по привычке, может быть, даже из лучших побуждений, посоветовал "посмотреть внимательно". Но такова была сила привычки на местах реагировать на сигналы "сверху", что руководители организации, принявшей диссертацию, отодвинули защиту по сравнению с ранее намечавшимся сроком более чем на девять месяцев, заставив диссертанта "на всякий случай" доложить свою работу еще в ряде инстанций. Защита, конечно, прошла успешно, но сколько лишних нервов стоила она Пет-росову. Ныне профессор В. В. Петросов заведует одной из кафедр на автомобильном факультете ТПИ.

Расскажу далее о кандидате наук Жоресе Самуиловиче Равве, который приступил к работе в ТПИ в июле 1968 года. Ныне он уже доктор технических наук, профессор, успешно развивает современное научное направление "Автоматическая адаптация технологических систем" и важ-

ную для института специальность "Автоматизация машиностроения". Ж. С. Равва работал в Тольятти, вернее в Ставрополе-на-Волге, еще задолго до организации ТПИ, но совсем в другом качестве. Это станет понятно, если прочитаем выдержки из автобиографических материалов, представленных им по моей просьбе.

"Мой папа, член партии с 1917 года, был расстрелян в 1937 году (С. С. Равва был директором крупнейшего завода "Ростсельмаш". -А *P.*). Мама - член компартии Чехословакии с конца 1922 года (номер ее партбилета был в первой сотне), затем член ВКП(б) с 1927 года, - в 1938 году была арестована как "член семьи врага народа" и восемь лет провела в лагерях. С 1938 года в возрасте 12 лет я попал в детдом. В 1943 году окончил среднюю школу и поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Будучи студентом, там же работал техником радиоузла. В 1944 году необоснованно был арестован и осужден сроком на 10 лет за "клевету на вождя трудящихся и антисоветскую агитацию". Прошел тюрьмы - внутреннюю (Лубянка), Лефортовскую, а затем лагеря - Темниковские, Куйбышевского УИТЛК, потом попал в Кунеевский лагерь на строительство Куйбышевской ГЭС. После освобождения из лагеря в конце 1952 года работал в "Куйбышевгидрострое" вольнонаемным техником, инженером, одновременно учился в Ставропольском филиале Куйбышевского индустриального института.

После XX съезда КПСС отец, мать и я были полностью реабилитированы; мать была восстановлена в партии в 1955 году, умерла персональным пенсионером в Москве в 1980 году. В 1956 году я переехал в г. Куйбышев. Работал на 4ГПЗ диспетчером цеха; в 1960 году окончил Куйбышевский индустриальный институт. В 1962 году перешел на преподавательскую работу в том же институте; в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию."

Я привожу отрывки из биографии Ж. С. Раввы не только для того, чтобы еще раз описать незаконные сталинских репрессий, но и для того, чтобы показать нашего современника, волевого человека, который, несмотря на беды, свалившиеся на него, упорно и достойно строил свою судьбу, преодолевал препятствия и шел вперед.

Волевой и неугомонный характер Жореса Самуиловича покажу на одном примере. В семидесятые годы, когда я был ректором ТПИ, а Равва - заведующим кафедрой "Детали машин", сердце его переутомилось от чрезмерной нагрузки, произошел инфаркт миокарда. Через пару дней, когда я позвонил в больницу, чтобы справиться о самочувствии Ж. С. Раввы, заведующая терапевтическим отделением больницы попросила приехать и помочь уговорить больного соблюдать режим, предпи-

санный врачами. Еду в больницу, вместе с завотделением и лечащим врачом захожу к Жоресу в палату. Он бледный, с синяками под глазами, выглядит болезненно, но не лежит на спине, как того требуют врачи, а сидит в кровати, обложившись какими-то научными материалами, что-то в них правит. У кровати сидит его аспирант и дает пояснения к рукописи.

- Жора! - говорю я, - что вы делаете? Врачи требуют, чтоб вы лежали неподвижно!

- Если я буду лежать неподвижно и без дела, - отвечает он, - то я умру. И кроме того, я недавно прочитал в иностранном журнале, что болгарские врачи лечат инфаркт не неподвижностью, а постепенными нагрузками. Это мне больше подходит!

Как я ни уговаривал его внять требованиям врачей - ничего не вышло. Вернее, вышло - Жорес Самуилович раньше чем другие больные поднялся с постели, ходил по коридору, а вскоре выписался из больницы с улучшением состояния здоровья. И, слава Богу, работает активно до сих пор!

Я уже писал, что доцент Ж. С. Равва заведовал кафедрой "Детали машин". Эту должность я предложил ему в 1968 году. И не ошибся - новый завкафедрой принял меры к повышению уровня преподавания дисциплин, относящихся к кафедре. В частности, одной из первых кафедра начала применять вычислительную технику при проведении лабораторных работ и курсового проектирования. Ж. С. Равва организовал научно-исследовательскую лабораторию по новому научному направлению, привлекая к работе в ней сотрудников и аспирантов.

Ныне доктор технических наук, профессор Равва - заведующий кафедрой автоматизации машиностроения, автор многих научных трудов и изобретений.

Среди сотрудников, начинавших в 1967-69 годах "прорубать дороги" научных направлений в ТПИ, назову, конечно же, участников "сухаревской конвенции", о которых я писал в первой главе этой части воспоминаний. Собственно, "прорубать" научное направление здесь не было необходимости - наш коллектив, который прибыл из Куйбышевского политехнического института, уже был достаточно хорошо известен в стране своими исследованиями по теплофизике процессов резания и методам обработки изделий алмазными инструментами. Важно было закрепить это направление в Тольятти, привлечь к нему возможно большее количество преподавателей и студентов. С этой целью я начал читать курс лекций по теплофизике технологических процессов, открытый для всех желающих. Лекции посещали преподаватели общетеоретических, инженерных и специальных кафедр, студенты. Впоследствии некоторые

из них (например, П. В. Гражданкин, Ю. Н. Тальнов, Ю. Н. Логинов, Е. Я. Седыкин и другие) подготовили под моим руководством и защитили кандидатские диссертации.

В 1969 году в научную работу семинара по теплофизике резания включился студент-второкурсник Олег Федосеев. Способный математик с широким кругозором, Олег продолжал работать над проблемами теплофизики шлифования вплоть до окончания института, затем поступил ко мне в аспирантуру, успешно защитил кандидатскую, а затем, в сорокалетнем возрасте, и докторскую диссертацию. Он первый из выпускников ТПИ, кто прошел в институте все ступени квалификации. В ноябре 1992 года, после утверждения О. Б. Федосеева в ученой степени доктора технических наук, я, выступив на совете института, попросил передать заведование кафедрой "Резание, станки и инструменты" (РСИ), которую возглавлял более 25 лет, моему ученику - доктору технических наук Федосееву Олегу Борисовичу.

Кафедра РСИ была создана в 1979 году путем слияния кафедр металлорежущих станков и инструментов и резания металлов, которые существовали раздельно начиная с момента их организации в 1968 году и до 1979 года. Будучи ректором ТПИ, я заведовал по совместительству кафедрой станков и инструментов. Повседневную деятельность кафедры обеспечивал мой заместитель, к. т. н. доцент М. В. Гомельский, опытный, знающий и добросовестный научный работник. Пользуясь случаем, я хочу в этих воспоминаниях отдать должное и высказать Михаилу Владимировичу мою признательность за то, что он был фактическим руководителем учебной части кафедры. Доцент М. В. Гомельский много сделал для повышения уровня подготовки студентов одной из коренных специальностей вуза - "Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты".

С 1968 по 1979 годы кафедрой резания металлов заведовал доцент, кандидат технических наук В. И. Пилинский, один из первых, кто прибыл в Тольятти в период организации нового института. Ему действительно пришлось "прорубать новую дорогу" в джунглях того невысокого уровня преподавания, который мы обнаружили в постановке дисциплин этого цикла на филиале.

Веню Пилинского я знал еще с той поры, когда он был студентом -именным (сталинским) стипендиатом КИИ. Высокий, стройный, красивый студент всегда радовал преподавателей глубокими и точными знаниями. По окончании института работал конструктором на одном из оборонных заводов Куйбышева. Однажды в толчее на станции электрички упал и получил столь сильное повреждение позвоночника, что на два

года был переведен на инвалидность. Еще не вполне выздоровев, иногда мучимый приступами жестоких болей, он вышел на работу, поступил в НИИЛ. С тех пор его увлекло исследование прогрессивных методов шлифования. В. И. Пилинский многое сделал для развития теории и внедрения в производство процессов финишной обработки изделий. В 1963 году первым из соискателей, работавших под моим руководством, защитил кандидатскую диссертацию по теплофизике шлифования. Постепенно стал одним из известных специалистов по технологии алмазной и абразивной обработки материалов.

Скромный, ироничный, немногословный наш дорогой "Пиля", как называли его друзья с легкой руки Мины Семеновны, живой и эксцентричной его подруги жизни, повсеместно пользовался любовью и уважением. Человек исключительной честности не только в жизни, но и в науке, он, будучи уже известным ученым, несколько раз переписывал свою докторскую диссертацию, так как каждый раз ему казалось, что не все еще до конца сделано и разъяснено. К сожалению, Судьба не отпустила ему времени. Боль от кончины моего лучшего ученика и друга, после которой прошло уже полтора года (он умер скоропостижно 30 сентября 1991 года) не затихает и сейчас, когда я пишу эти строки.

В течение первых пяти-шести лет становления ТПИ в коллектив прибыли и другие научные работники, вложившие свои силы и знания в развитие и повышение авторитета молодого вуза. Упомяну, в частности, кандидатов наук Р. Н. Старобинского (1969 г.), В. П. Щукина (1970 г.), М. А. Выбойщика (1973 г.), впоследствии защитивших докторские диссертации, ныне профессоров, заведующих кафедрами. В 1972 г. из Томска перешел на работу в ТПИ доктор наук, профессор В. В. Ивашин, заложивший основу нового научного направления на электротехническом факультете ТПИ. Его ученик к. т. н. И. А. Милорадов впоследствии также защитил докторскую диссертацию и теперь заведует одной из кафедр на ЭТФ.

Не могу не упомянуть участников "сухаревской конвенции" А. М. Маханова, В. В. Басова, Г. М. Гаврилова, которые в разное время занимали административные должности (проректор по учебной работе, завкафедрой, декан факультета). Они много сил и умения вложили в организацию учебного процесса. Другие участники "конвенции", доценты Г. Г. Яшин и Я. И. Барац, содействовали развитию научных исследований. Впоследствии по семейным обстоятельствам Я. И. Барац переехал в Саратов, где закончил и защитил докторскую диссертацию, начатую еще в Тольятти.

Кафедры сварочного профиля пополнились кандидатами наук, до-

центами Ю. В. Казаковым (в восьмидесятых годах - проректор по учебной работе ТПИ), Г. М. Коротковой, Р. А. Цепеневым, а также М. Г. Козулиным, перешедшим в ТПИ с должности главного сварщика завода "Волгоцеммаш". Все эти научные работники содействовали существенному повышению уровня подготовки молодых специалистов-сварщиков и улучшению учебного процесса в институте.

В течение первых пяти-шести лет происходило становление автомобильных специальностей ТПИ. В это дело внесли большой вклад доценты к. т. н. С. Н. Корнилов, В. М. Скутнев, И. С. Ревзин и другие.

Возвращаясь к тому, что писал Б. Никольский и что я цитировал в начале этой главы, хочу заметить, что писатель, на мой взгляд, упустил в своей классификации еще один тип ученых. Кроме тех, кто прорубает дороги в джунглях или их асфальтирует, существуют еще те, которые, фигурально выражаясь, создают завалы и роют ямы на дорогах, сделанных другими. Отвлекаясь от ТПИ, вспомним небезызвестного Трофима Денисовича Лысенко, который, пользуясь поддержкой Сталина, под предлогом борьбы с вейсманизмом-морганизмом тормозил работу отечественных ученых, содействовал их осуждению и репрессированию (например, Тимофеева-Ресовского и Н. И. Вавилова), на ряд лет затормозил развитие отечественной биологической науки. Можно вспомнить и о тех ученых-философах, которые объявили кибернетику исчадием идеализма и, как впоследствии говорил президент АН СССР М. В. Келдыш, вызвали отставание в этом направлении нашей науки по сравнению с зарубежной на 15-20 лет.

Люди такого типа, правда много меньшего калибра, имеются, как правило, и в учебных заведениях. Они либо становятся на пути новых идей, высказываемых другими учеными, либо ведут разрушительную работу в коллективе, по мере своих сил сопротивляясь всему новому, что связано с повышением качества учебного процесса и организации научной деятельности. Я уже писал, например, о профессоре Добровидове, который в процессе защиты мною докторской диссертации в Томске пытался устроить "завалы" на пути внедрения математических методов в технологическую науку, в частности в теорию резания материалов.

Были такие сотрудники и в ТПИ как из числа старых работников филиала, так и из вновь прибывших в первые годы самостоятельного существования института. Они будоражили коллектив, встречали мероприятия ректората в штыки и тем самым мешали развитию коллектива. Мне не хочется ворошить старые дела и называть этих ученых третьего типа по именам. Скажу лишь, что некоторые из них руководствовались только собственными амбициями, стремлением занять (кстати, доволь-

но жесткие и неудобные) кресла ректора института или проректора по научной работе. Один из них вел подробное досье всех поступков и высказываний не только членов ректората, деканов, но и других членов коллектива. В нужный момент извлекая из этих досье "тухлую" продукцию, придавая ей свое толкование, портил атмосферу в коллективе. Другие разыгрывали "еврейскую карту". Так, во время кампании по обмену партийных билетов (1974 год), когда полагалось при получении документа нового образца являться лично на беседу к первому секретарю райкома, один профессор высказал мнение, что я привлекаю на работу в институт слишком много лиц своей национальности. Первый секретарь райкома потребовал от меня предоставить список профессоров и доцентов-евреев, прибывших в институт в течение пяти лет. Представляя этот документ, я не удержался и спросил, почему столько внимания евреям, не нужно ли уважаемому секретарю представить одновременно список узбеков, грузин или армян, также прибывших в институт в этот период времени. Ничего не ответив, секретарь только глянул на меня холодным взглядом, никак не прокомментировал поданный список, в котором фигурировали фамилии ведущих ученых, молча спрятал эту бумагу в свой сейф "на всякий случай".

Но Бог с ними, с этими учеными третьего сорта, тем более что часть из них уже закончила свое земное существование, а другие ушли из института. Важно, что молодой институт, несмотря на их негативную деятельность, двигался вперед, завоеывая все новые позиции в науке и подготовке кадров.

ИЗ-ЗА ОСТРОВА НА СТРЕЖЕНЬ

Я уже писал в одной из предыдущих глав, что в нашей семье ни у кого не было собственных дач и земельных участков. Поэтому мы предпочитали отпуск проводить в курортных городах. Бывали в Ялте, Кисловодске, Железноводске, Ессентуках, Анапе, Дзиджигури, Трускавце -то ли вдвоем с Беллой, то ли с детьми, то ли (если не позволяли обстоятельства) врозь. Традиционными для моих родителей и для нас стали путешествия по Волге.

Впервые мы с Беллой и Инной совершили поездку теплоходом по Волге от Астрахани до Куйбышева летом 1951 года. Мы были на одном

из курортов Минеральных Вод и решили, имея в виду Беллочкино состояние (в ноябре 1951 г. родился Лева), добираться домой (в Куйбышев) не самолетом, не поездом, а по реке, чтобы дать ей возможность подышать чистым речным воздухом. Не имея никакого опыта по части поездов теплоходами, мы добрались из Минвод до Астрахани, а от Астрахани рассчитывали купить билеты на любой рейсовый теплоход, идущий вверх по Волге. Наивные люди! Мы не знали, что каюты на теплоходах бронируются заранее, а в продажу в лучшем случае поступают места IV класса, совершенно неподходящие для мало-мальски приличного отдыха.

Сначала мы растерялись, когда увидели на пристани Астрахани большое скопление пассажиров, жаждущих уехать, а на кассах Речного вокзала таблички "Билетов нет". Но, как говорят, смелость города берет. Все трое мы пошли на прием к начальнику Речного вокзала. Он оказался интеллигентным и внимательным человеком, выслушал нас и сказал, что хотя все билеты на очередные рейсы проданы, но имеется бронь на одну двухместную каюту. Он может продать нам билеты в эту каюту только в том случае, если владелец брони не явится за ними за час до отправления теплохода в рейс. Нам повезло (как, впрочем, везло всегда, когда мы были вместе) - претендент не явился, и через некоторое время мы стали обладателями билетов на проезд в каюте второго класса, а для Инночки - билета в IV класс, имея в виду, что она будет находиться с нами.

В последующие годы мы неоднократно совершали поездки по Волге, Дону и Каме рейсами теплоходов по маршрутам: Москва - Астрахань - Москва, Москва - Ростов-на-Дону - Москва и Астрахань - Пермь - Астрахань. В общей сложности таких поездок было, пожалуй, больше пятнадцати - в круговую или по отдельным участкам (например, Тольятти - Волгоград или Тольятти - Астрахань - Тольятти). Плавали теплоходами, дизель-электроходами и даже колесными пароходами. Плавали вдвоем, с детьми или внуками.

В сентябре 1973 года, не помню, по какой причине, я плавал один по маршруту Тольятти - Москва - Тольятти на теплоходе "Клара Цеткин". Поездка в одиночестве содействовала тому, что я вел нечто вроде дневника - "Нерегулярные записки", как я их назвал. Отрывки из них в несколько отредактированном виде представляю читателю.

"7 сентября 1973 г. Плыть по Волге третьи сутки и все еще никак не возьмусь за карандаш и блокнот, чтобы записать что-либо. Я уже знаю из предыдущих поездок, что, плавая на теплоходе, невозможно заниматься каким-либо интеллектуальным делом. В одну из поездок, например,

взял с собою гранки очередной книги с тем, чтобы по просьбе редакции (которой всегда некогда!) ускорить корректуру. К своему стыду, за все путешествие, длившееся более двух недель, я не продвинулся дальше первого параграфа первой главы и срочно доделывал корректуру уже дома. Даже художественная литература во время плавания по реке читается с трудом. Вот и сейчас имею интересную книгу Шапошниковой "Годы и дни Мадраса" из серии моих любимых произведений "По странам Востока", но за три дня прочитал всего 51 страницу.

В чем дело? Почему на теплоходе резко снижается интенсивность работы? Размышляя по этому поводу, прихожу к следующим выводам. Плавая по Волге, значительную часть суток проводишь на палубе. Красоты родной природы, непрерывный калейдоскоп видов, медленно открывающихся взору, постоянно меняющаяся окраска воды, спокойная зелень и желтизна прибрежной растительности, стерильная белизна теплоходов, которые медленно плывут навстречу - все это настолько овладевает вниманием, что мозг начинает работать в совершенно другом, более медленном, чем обычно, темпе. Активно функционируют обычно угнетенные повседневной текучкой части полушарий, которые воспринимают красоту и тишину. Резко снижается способность воспринимать спрессованную информацию книг и газет, с их описаниями быстротекущих событий и многообразием действующих лиц.

В вагоне железной дороги - другое дело. Природа, как бы она ни была красива, видна через окна, так или иначе сокращающие глубину и особенно ширину обзора; природа подается пассажиру в технизированном виде - в обрамлении столбов, проводов, составов, бегущих рядом или навстречу. Ритм движения подчеркивается быстрым перестуком колес. Словом, в вагоне поезда ты зажат тисками современной техники и изолирован от природы, естественной среды обитания человека. Поэтому мозг здесь работает в технизированном ритме современности. В поезде можно прочитать гору литературы, готовиться к докладу на конференции, словом, делать все привычное. Путешествия по реке хороши прежде всего тем, что проветривают мозги, успокаивают нервы, меняют ритм мышления и жизни, а как известно, смена ритма - уже отдых.

Первую ночь на теплоходе провел как обычно, вернее, как и в других рейсах, - в борьбе с шумами и посторонними звуками. Этим круиз на теплоходе также отличается от поездки по железной дороге. Входя в вагон поезда, мы заранее морально подготовлены к тому, что будет шумно: стучат колеса, хлопают двери, гудят встречные составы. Одним звуком больше или одним звуком меньше - уже безразлично. Поэтому в поезде мы спим, не реагируя на шумы, разве что на экстраординарные -

когда машинист сильно дернет состав или, наоборот, резко затормозит.

На воде дело обстоит совсем по-другому. Вы настроены на тишину, нарушаемую разве что мерным плеском воды за бортом, а это даже приятно. Поэтому каждый маленький противный звук превращается в молот, бьющий по вашим нервам, в вашего личного врага. А этих маленьких звучков в каюте довольно много. То, попадая в резонанс с какой-то гармоникой машины, начинает дребезжать решетка ограждения батареи отопления. Или начинает постукивать рама окна. А то еще периодически попискивает шарнир входной двери. И все! Вы уже не спите, вы ищете источники шума и пытаетесь их устранить. Подкладываете в разные места под решетку отопления обрывки газет. Затапливаете монету между рамой окна и притолокой, чтобы устранить зазор. Затыкаете носовой платок в шарнир двери. Все! Кажется, устранили противные звуки! Ложитесь на койку и блаженствуете, глаза уже слипаются. Ан нет! Появляется еще один проклятый звук - машина сменила частоту вращения, спектр колебаний изменился, и теперь что-то скрипит под каютным столиком. Вы чертыхаетесь и, найдя звучащий элемент методом проб и ошибок, успокаиваете его с помощью клочка салфетки, засунутой в щель. Опять становится тихо, можно спать.

Но в эту мою поездку дело оказалось сложнее, чем обычно. Во-первых, самопроизвольно включался и дребезжал вентилятор, который стоял на столе. Мало того что он шумел, но и без него в каюте было прохладно, как-никак сентябрь на дворе! Борьбу с вентилятором начал с того, что, обнаружив какой-то рычажок на его корпусе, вывел рычажок в нулевое положение. Однако от этого лопасти моего противника начали вращаться еще быстрее. Подумал, что выключатель или розетка расположены где-то под столом. Обследовал все доступные места, но их не нашел. Решив, что моего образования недостаточно, не стал ломать голову, а вызвал проводницу. Однако и она ничего не смогла сделать (видимо, у нее было такое же образование, как у меня), пошла искать электрика. Искала долго, но привела его, недовольного тем, что по пустякам классного специалиста тревожат в вечернее время. Недовольство было отчасти оправданным, так как незадолго до прихода электрика вентилятор сам остановился. Увидев невращающиеся лопасти и выслушав мое предположение, что вентилятор замыкает на корпус, электрик назидательно сказал, что в его хозяйстве все системы исправны и работают отлично, а мне надо хотя бы мало-мальски разбираться в элементарных вопросах электротехники. Я обещал ему поступить на курсы по подготовке слесарей-электриков при условии, однако, что вентилятор больше не будет включаться самопроизвольно. Мне так и не пришлось начи-

нать учебу, поскольку на другой день, когда вентилятор сам включился, на приборном щитке сгорели предохранители. Электрик пришел, прозвонил тестером все подведомственные ему приборы, обнаружил, что мой вентилятор коротит на корпус, снял- и унес грешный прибор, а мне отпустил комплимент, что я, видимо, слегка подкован по этой части, раз сигнализировал без проверки по науке.

Вторая беда состояла в эпилептических приступах воплей у кранов над умывальником. В самый неожиданный момент они начинали что-то буйно, захлебываясь, галдеть на своем водопроводном языке. Затем раздавался сильный удар, и на время воцарялась тишина. Но стоило мне сомкнуть глаза, как приступ эпилепсии у кранов начинался вновь. Устранить этот шум не удалось, ночь прошла беспокойно. Я вскакивал, то открывал, то закрывал краны, один раз даже до того озлился, что хватил по ним каблуком подвернувшейся туфли, ругался всеми известными мне способами.

Утром, едва начало светать, я встал, оделся и стал изучать дислокацию водопроводных агрегатов теплохода. Оказалось, что конструктор теплохода разместил под одноместными каютами верхней палубы туалеты для пассажиров второй палубы. Из чисто родственных чувств сантехника верхних кают реагировала на слив воды в туалетах нижнего этажа. Когда слив прекращался, то запорный кран так хлопал, что по всей верхней палубе разносился звук удара, усиленный трубами.

Стало ясно, что кто-то из нас должен уступить. Либо я следующей ночью должен сигануть за борт, либо трубы должны утихомириться. В качестве арбитра пригласил главного механика теплохода (так было написано на его каюте) после того, как совет из трех дежурных проводниц сделал заключение, что так было всегда и никто до сих пор не жаловался. Это меня не удовлетворило и я пошел к главному. Главный явился в туфлях на босу ногу, майке и тренировочных брюках (хотя время было рабочее и следовало, кажется, быть одетым по форме). Он разослал проводниц в разные туалеты и велел поочередно спускать в них воду. Оказалось, что зловредные краны находились в кабине женского туалета на второй палубе. (Не зря говорят, что во всяком несчастье ищите женщину!) В пять минут механик отрегулировал злополучный клапан, популярно объяснил мне, что такое гидравлический удар, и удалился. Последующие ночи я спал спокойно.

На второй день путешествия наш теплоход прибыл в Ульяновск. Не стану описывать достопримечательности этого города, во-первых, потому что они многократно описаны другими авторами, во-вторых, потому что в предыдущих поездках мы все это видели, и, наконец, в-третьих,

потому что я имел цель не ходить по городу, а посетить Ульяновский политехнический институт, куда меня приглашал коллега-ректор, профессор В. А. Андреев. Предварительно, однако, нашел междугородную телефонную станцию и позвонил домой.

В моих поездках складывалось как-то так, что Ульяновск часто встречал или провожал меня дождем. Так было и на этот раз. Выйдя из телефонной станции, я обнаружил, что идет не сильный, но довольно частый дождик. Нахлобучил поглубже берет и попытался поплотнее застегнуть непромокаемую куртку. Дернул за ползунок молнии, и к моему ужасу молния напрочь разошлась. Пришлось идти, придерживая полы куртки руками. Один прохожий ульяновец (может быть, надо сказать - уль-яновчанин?) объяснил мне, как пройти к институту - два квартала налево, потом прямо, потом... и так далее. Когда я прошел по этому маршруту, довольно изрядно промокнув, то оказалось, что нашел не тот корпус, который мне нужен, а тот, который нужен, находится в двух шагах от телефонной станции, исходного пункта моего движения.

Профессор В. А. Андреев принял меня тепло, предоставил в мое распоряжение машину, а в качестве гида - проректора по учебной части. Мы объехали все корпуса института, расположенные в разных местах. Мне особенно понравился только что построенный корпус радиотехнического факультета. Он хорошо оснащен оборудованием, красиво и дельно оформлены коридоры, рекреации.

Мы ходили по кафедрам часа три, и ресурс моего времени, определяемый длительностью стоянки "Клары Цеткин", уже был почти исчерпан. Попрощавшись с проректором, на той же машине мчу в центр города, в универмаг. В галантерейном отделе вежливая продавщица приложила деревянную линейку одним концом к моему подбородку, а другим - к тому месту, где у статуи Аполлона расположен фиговый листок, и выдала мне за 3 р. 15 коп. чудесный экземпляр молнии - нехитрого, но капризного механизма. Тут же я купил 25 штук иголок в стандартной упаковке и катушку ниток (200 метров), так что имел запас на случай возможного брака и осложнений в грандиозной работе - замене молнии, которую я собирался совершить.

Прибыл почти что к отходу "Клары Цеткин". Полный боевого задора и тревожных ожиданий, заперся в каюте и приступил к делу. Удалить старую молнию, в общем, было легко. Берешь ножик и режешь нитки, которыми пришита молния к полам куртки. Важно только при этом не продырявить полу или не отсечь напрочь какую-либо часть одежды.

Не так сложно оказалось и пришить одну из частей новой молнии, хотя я не убежден, что мое рукоделие заняло бы призовое место на смот-

ре-выставке швейного искусства. Не так уж красиво было зашито, но первая часть молнии держалась крепко. Во всяком случае, я заслуживал поощрительной премии и немедленно премировал себя порядочным куском домашнего пирога и двумя конфетами "Маска". Подкрепившись, принялся за вторую полу куртки и, соответственно, вторую часть молнии. По ходу этой операции получилось вот что. Сначала вторая часть молнии была пришита крепко, но в застегнутом виде правая пола куртки оказалась ниже левой на добрую четверть. Пришлось отпороть вторую часть и, ориентируясь на нижнюю часть полы, пришить наново (благо, как вы помните, ниток у меня было 200 метров). К сожалению, теперь не сходились обе части воротника, хотя полы были на одном уровне. К тому же, как оказалось, к одной поле куртки пришит кончик моего галстука, который не был снят заблаговременно. Опять отпорол вторую часть молнии и начал думать (что, кстати говоря, надо было сделать раньше!). Тщательно продумав технологию, соединил обе части молнии, а затем, выверив положение второй части молнии снизу и сверху, приколол двадцатью четырьмя иголками из наличных 25 и пришил окончательно, откинув галстук за спину, чтоб не лез куда не следует. Теперь все оказалось в порядке, работу принял сам от имени ОТК и, перетрудившись, слегка вздремнул.

Вечером вышел на палубу. Мы причаливали к пристани Бармино. Кругом темно, только на дебаркадере тускло светят три-четыре лампочки. Борт же теплохода, обращенный к реке, как будто завешен черным бархатным занавесом, в котором редко-редко расположены дырочки, сквозь которые пробиваются лучики света - это огоньки бакенов. Тихо-тихо. Чуть каплет дождик, но он не мешает, тепло. Спокойно и мирно на душе, отдыхают мозги и нервы.

8 сентября 1973 г. Вчера рано утром прибыли в Горький. По Горькому находил более семи тысяч шагов (со мной шагомер, все по науке!). Позвонил профессору М. И. Клушину, моему коллеге и другу, но в политехнический институт не пошел: во-первых, рано, а во-вторых, я уже бывал в этом институте, выступал оппонентом на защитах диссертаций.

Сходил на рынок, расположенный вблизи пристани, купил отличные мелкие овальные помидорчики (0 р. 80 коп. за килограмм) и с ними дважды прошел по маршруту рынок - теплоход. Дважды потому, что помидорчики я высыпал в безразмерную авоську (она растягивается по мере нагружения). Пока шел с рынка на причал - помидорчики падали сквозь ячейки авоськи, на что указала мне одна сердобольная женщина. Поэтому по своим же следам, подбирая помидоры, вернулся обратно, дошел почти до рынка, купил газету и, устранив с ее помощью возмож-

ность потерь в принципе, опять направился к причалу, где стоял мой теплоход и уже собрался коллектив пассажиров.

Несколько слов о пассажирах-попутчиках. Это в основном пенсионеры, лысые (мужчины), седые (преимущественно женщины). Имеется, правда, две-три пары молодоженов, но если рассматривать проблему в перспективе, то и они со временем могут полысеть и поседеть, так что исключение, которым они являются, подтверждает правило. Состав плавающих определяется, по-видимому, прежде всего тем, что в сентябре легче приобрести билеты на теплоход, чем в другое время. Люди тихие, добрые и даже, я бы сказал, трогательные. Любимое занятие - сидеть или медленно ходить по палубе (если не дует ветер и теплоход не качает на волнах), кормить чаек, которые следуют за кораблем и демонстрируют чудеса ловкости, хватая в воздухе брошенные им кусочки хлеба.

Сегодня прибыли в Ярославль. Хотя я этот город знаю (в 1971 году был здесь на семинаре ректоров вузов РСФСР), с удовольствием походил по зеленым с осенней желтизной улицам прибрежной части города. В одном из магазинов купил отличную пленку "Неаполитанские песни", слушаю ее часто (со мной магнитофончик) и наслаждаюсь голосом Ма-рио дель Монако.

После Ярославля резко похолодало. Небо затянули сердитые серые тучи. Они, отражаясь в воде, превращали волны реки в тяжелый жидкий металл серого цвета. При плавании по реке пасмурная погода ощущается сильнее, чем в городе, человек здесь беззащитнее, как будто слабее. Можно, конечно, уйти в каюту, поднять жалюзи и включить магнитофон или радио. Но я упорно не уйду с палубы, глотаю тугой и сыроватый воздух, чувствую на лице его холодное давление. Мне нравится смотреть, как сердится природа, гнутся прибрежные березки, и слушать, как волны хлопают о борт корабля. В Рыбинском водохранилище волны разгулялись не на шутку, корабль начало довольно сильно качать. Все старички попрятались в каютах. Только я да еще два-три таких же любителя стояли на палубе и наслаждались зрелищем того, как техника и воля человека побеждают стихию, как теплоход, хоть и кланяясь волнам, упорно режет свинцовую воду, словно говорит: "Злитесь, волны, злитесь! Но я, такой упрямый и красивый, все равно иду вперед к намеченной цели!" Хотелось бы мне самому, моим детям и внукам уподобляться в жизни такому кораблю. Не всегда это удается, иногда жизнь, случай, время бросают на тебя такую волну, что как бы не захлебнуться! Но все же даже в борьбе с крутым валом, даже когда силы предельно напряжены, надо думать о движении вперед, о будущем, сколько возможно сохранять волю и оптимизм!

Прибыли на небольшую пристань Переборы. (Кто, что перебрал или перебирал - неясно. Как именуют себя жители этого места: переборцы? переборчане? переборинцы? А женщины - переборки, что ли?) Дебаркадер пристани Переборы маленький и грязный, вполне соответствующий термину дебардакер, который придумал один мой знакомый.

Погода разыгралась не на шутку, дует пронизывающий ветер, тучи висят прямо над мачтами корабля, порывается идти дождь. В этих условиях команда теплохода под руководством боцмана грузит с дебаркадера на нижнюю палубу громадные катушки с кабелем. На пристанешке нет никакой механизации, погрузить катушку вручную - дело непростое: сначала надо ее удержать от того, чтобы, раскатившись по трапу, она не трахнула по борту теплохода, а потом повернуть и втащить на палубу.

А команда-то, команда! Молодые мальчишки - даже вида матросского нет. Впрочем, и боцман не соответствует привычному образу, который возникает в сознании, когда мы слышим это слово. На "Кларе Цеткин" боцман совсем не "речной волк", а чубатый парень, чуть старше, чем подчиненные ему матросы. Никакой бороды, никакой боцманской дудки!

Как меняются в наши времена представления о профессиональных внешностях! Мы уже привыкли к тому, что молоденьким может быть врач, продавец, водитель трамвая или троллейбуса, в том числе женщина (а я помню еще времена, когда в Екатеринославе и Харькове водителями и кондукторами трамваев были только солидные, усатые мужчины). Но когда уж боцман (боцман!) выглядит юнцом - это потеря последних исторически сложившихся представлений! Возможно, что омоложению и оженщиванию профессий (иначе не скажешь, ведь нехорошо написать "обабливанию", да и подтекст совсем не тот!) содействует техника, меняющая условия труда, в том числе и на флоте. Правда, погрузка катушек на Переборах заставляет усомниться в этом.

9 сентября 1973 г. Утром с опозданием на 2 часа прибыли к пристани Большая Волга. Вскоре после отплытия от нее теплоход начал движение по каналу имени Москвы.

Пробилось сквозь тучи солнышко, потом тучи совсем разошлись и вокруг все стало радостным и веселым. Из всех кают теплохода на палубу вышли пассажиры, любуясь открывающимися видами и согревая свои старые кости. Конечно, и я в том числе.

Солнечное освещение очень украшает панораму Волги и берегов, но при движении корабля по каналу даже оно не способно устранить некоторое однообразие картины. Канал сравнительно узкий, берега его ухо-женны, одеты камнем, вода течет медленно, и теплоход идет с очень ма-

лой скоростью. Между каналом и вольными волжскими просторами такая же разница, как между причесанным и подстриженным сквером и вольным диким лесом с морем буйной зелени, непредсказуемой прелестью просек и тропинок. Теплоход идет по каналу, как степенная дама под зонтиком, которая прогуливается по дорожкам стилизованного сквера, а по вольным просторам он бежит, как юноша к своей любимой, дрожа от нетерпения, счастья и собственной силы, или как могучий лесник, уверенно идущий среди буйной зелени дубрав. Мне, откровенно говоря, больше по душе движение по вольным речным просторам, чем скольжение по терренкуру водных дорожек канала.

Постепенно темнеет и холодает. Каплет нудный дождик. Становится грустно от однообразия стенок канала, и начинаются грустные мысли. Грустно, что молодость прошла, прожита большая часть жизни, неумолимо, как темнота, надвигается старость. Но неожиданно за лесом ночное небо вспыхивает разноцветным сиянием, которое вскоре гаснет. Затем еще раз, еще. Иду на нос корабля и вижу прямо по курсу, как вдалеке в небо взлетают разноцветные ракеты. Дерево, состоящее из красных, белых и зеленых огней, медленно поднимается и беззвучно падает. Через некоторое время доносится звук залпа, как удар по большому барабану. Смотрю на часы - 21.00. Салют! Это салют в честь Дня танкистов, как же я забыл? И хотя я имею весьма и весьма отдаленное отношение к танкистам, праздничные огни, которые вспыхивают и гаснут в вечернем небе, вдруг круто меняют мое настроение. Рассеивается грусть, в унисон со вспышками ярких огней возникает ощущение, что еще не на самом краю жизни стою, еще можно многое сделать, еще есть силы, еще могут быть радостные и счастливые дни! Салют закончен. Но прежней грусти уже нет.

Однообразное движение по каналу заканчивается, теплоход проходит под московскими мостами, на которых погромыхивают пригородные электрички. Возникают огни прибрежных районов Москвы, светятся окна многоэтажных домов и уличные фонари. Отражение этих огней на черной воде создает непрерывно колышущиеся серебряные сети и яркие блески. Минуем грузовые причалы с кранами, которые всегда мне напоминают доисторических гигантских птиц, готовых запустить свой жадный клюв во внутренности очередной жертвы-баржи. Бухта с главными причалами Химкинского речного порта светится двух-трехэтажными цепочками огней на палубах теплоходов, в несколько рядов стоящих у пирсов. Наш корабль отыскивает местечко у причала и под оживленную переключку встречающих и встречаемых крепит швартовы. На часах 22.15. Москва!

12 сентября 1973 г. Плыдем вниз. Рано утром в Ярославле объявили, что в связи с ремонтом нижнего горьковского шлюза наш теплоход должен прийти в Горький на четыре часа позже, чем предусмотрено расписанием. В связи с этим будут увеличены стоянки на пристанях, в частности, в Плесе мы простоим вместо 20 минут три часа. Это было очень кстати, так как мне давно хотелось побывать в городке, связанном с именем художника Исаака Левитана.

После прибытия в Плес часа полтора бродил по городу. Городок интересный, весь расположен на откосе, так что улочки, мощенные булыжником, очень круто идут от набережной вверх. Много патриархальных домиков, деревянных и кирпичных, которые так и хочется назвать "дом купца такого-то". В окнах цветы, все больше герань, на подоконниках жирные кошки, полусонным взглядом вззирающие на улицу. На небольшой площади, где раньше, наверное, был рынок и стояли возы с разной разностью, сохранились старинные лабазы и лавки. Тишина патриархальная. Резким диссонансом прозвучал жесткий бас сирены теплохода "Леонид Собинов", созывавшего своих туристов. (Леонид Собинов и бас, какое несоответствие!) Прямо ворвался он в эту тишину, располосовал ее! Наверное, и во времена Левитана тишину Плеса нарушали гудки пароходов. Но у старинных колесных судов (часть их сохранилась и до нашего времени) не рев, а голос: звук мягкий, рокочущий, бархатный, он усиливается постепенно, не так диссонирует с тишиной берегов и реки.

Места в Плесе действительно красивые. Несколько озер, покрытых ряской, с темной глубокой водой и камышами у берегов (сразу вспоминается левитановская картина "У омута"). Красивые холмы. Немного попрыгав, я влез на один из них, где расположен дом отдыха "Плес". Из беседки, построенной на вершине холма, открываются такие чудесные виды на Волгу и прибрежные места, что понятно, почему здесь устроились с этюдниками несколько художников.

С холма я спустился к бывшей церкви. В ней расположена выставка картин. Выставка, в общем, серенькая, если не считать двух произведений, неизвестно как сюда попавших - "Две подруги" Маковского и "Осень в парке" Юлия Клевера. На картине Маковского - две светские дамы, лица выписаны очень живо, отлично написаны детали туалета: парча, нитки жемчуга. Но подлинная красота - картина, принадлежащая кисти Ю. Клевера, художника с французской фамилией, жившего в России. С его работами я раньше не встречался. На полотне изображен уголок старого парка, лужи такие мокрые, что, кажется, они выльются с холста. За деревьями - хмурое небо, но такое хмурое, что вот-вот польется дождь. И при всем этом картина не навеивает уныния, она просто

спокойна, ее можно смотреть и смотреть, любуясь природой в ее обычном проявлении - не на Кавказе, не у снежных гор или у цветущих долин, а в простеньком старом парке. Художник как будто хочет сказать: "Смотрите, красота природы рядом с вами, только уделите ей внимание и вы будете счастливы!"

Несколько забегаю вперед, отмечу, что в домике Левитана я увидел еще одно маленькое полотно Клевера. Оно называется "Вечером, ранней весной". И опять все просто - небольшой домик, еще покрытый снегом; за горизонтом багряный солнечный свет (небо светится и горит!); на переднем плане ручейки и лужицы от тающего снега; все вновь спокойно и красиво естественной красотой природы.

Домик Исаака Левитана открыт в качестве музея в прошлом (1972-м) году. Этим объясняется, видимо, еще неустроенность его как музея, почти полное отсутствие если не оригиналов, то хотя бы квалифицированных копий картин известного мастера. Наиболее интересное место в музее - второй этаж, где расположена мастерская художника, а также жилая комната со старинным пианино, обеденным столиком и несколькими стульями. Не знаю, насколько подлинны эти вещи, но воспринимаются они как подлинные. Большинство посетителей, затаив дыхание, заглядывают в эти комнаты через двери, перегороженные шнурами. Трогательна простота и обыденность комнат, из окон которых видны Волга и берега одного из озер. В этих комнатах создавал (точнее, дорабатывал) свои гениальные произведения Левитан.

Но обыватель есть обыватель, куда его не занесет судьба! Две туристки - посетительницы музея рассуждают вслух. Одна: "Подумаешь, у меня тоже есть такие венские стулья!". Другая: "А что ты хочешь видеть за десять копеек?". Ей-ей, при всем моем мирном характере и отдохнувших нервах с удовольствием спустил бы этих дам со второго этажа по крутой лестнице, по которой хаживал когда-то Левитан. Только желание прибыть домой вовремя, а не отсиживать 15 суток хоть и в знаменитом городке, пусть даже в старинном красивом доме с резными наличниками, в котором расположена плесская милиция, удерживает меня от агрессивных действий.

После посещения музея еще осталось время для того, чтобы посидеть на набережной Волги и полюбоваться спокойным течением реки, красотой береговой растительности. Каждое дерево или кустарник осенью окрашены не в один и тот же цвет, например желтый или оранжевый, а по "этажам" - от зеленого внизу, через оранжевый и желтый до пурпурного наверху. Очень живописно!

Торжественная встреча
студентов нового набора
в Тольяттинском политехническом
институте, 1968 г.
В президиуме (справа)
ректор ТПИ
профессор А. Н. Резников,
рядом - проректор
по учебной работе
доцент Г. В. Подейко.

Заседание кафедры.
Тольятти, 1969 г.

1-й ряд:
доцент В. И. Пилинский,
секретарь кафедры
Е. И. Борисова;
2-й ряд: доцент
Г. М. Гаврилов,
доцент В. В. Басов;
3-й ряд: доцент
А. Г. Шмулевич,
доцент Б. И. Пикалов,
доцент Г. Г. Яшин;
4-й ряд: доцент
А. М. Маханов.

Испытания станка для алмазного сверления бетона и железобетона (конструкция ТПИ) на строительстве ВАЗа.

Вверху, слева направо: генеральный директор ВАЗа В. Н. Поляков, аспирант И. С. Ногин и профессор А. Н. Резников. 1968 г.

Внизу - на рабочем месте.

В президиуме международной конференции по алмазам. Киев, 1971 г. Третий слева - профессор Е. Н. Маслов (Москва), далее - профессор М. Ф. Семко (Харьков), профессор А. Н. Резников (Тольятти).

Обсуждение докторской работы
Ф. Я. Якубова в лаборатории
кафедры технологии
машиностроения Ташкентского
политехнического института.
1979 г. (У доски - Февзи Якубов).

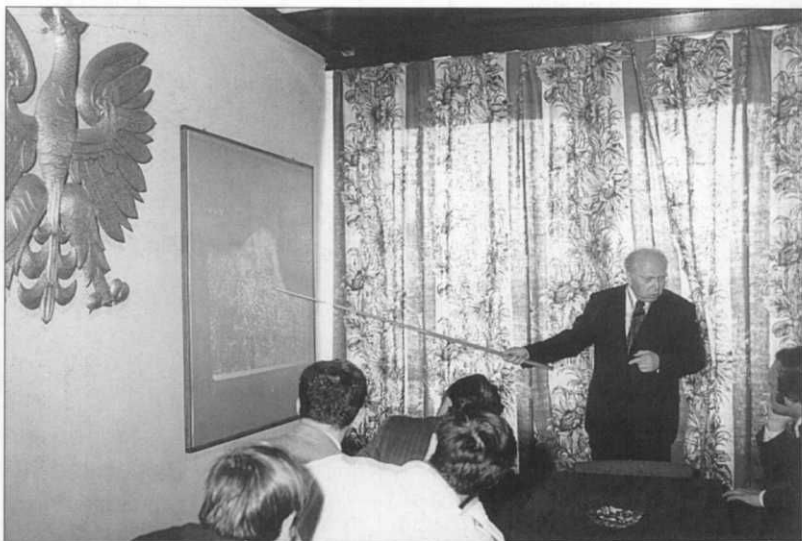
На борту теплохода «Клара Цеткин». Волга, 1973 г.

В день свадьбы Нелли
и Левы. 26 апреля 1973 г.

Объявление решения
Государственной комиссии
по присуждению знака
качества формовочной
машине, разработанной
на ВАЗе.
Председатель комиссии -
ректор ТПИ
профессор А. Н. Резников.

Лекция в Институте обработки резанием. Краков (Польша), 1975 г.

Лекция для научных работников Университета тяжелой промышленности Венгрии (Мишкольц, 1972 г.). Справа - переводит лекцию зав. кафедрой Университета проф. Ласло Грибовски.

Семья в Тольятти, 1979 г.

1-й ряд: Рома, Арон, Гоша, Белла, Ольга Давидовна, Муся. 2-й ряд: Лева, Нелли, Инна, Юра Анциферов, Оля.

Роман Резников, 1978 г.

Сусанна Калужская - медсестра, 1979 г.

Танечка Калужская, М. Л. Бержигал, Тольятти, 1980 г.

Лева и Арон на первомайской демонстрации. Тольятти, 1989 г.

На Всесоюзной конференции по сверхтвёрдым материалам
(Украина, Канев, 14 октября 1985 г.)

Слева - доцент Дудкин (Волгоград), профессор Н. В. Талантов (Волгоград),
Б. Л. Резникова, профессор А. Н. Резников, Г. А. Силина, профессор С. С. Силин
(Рыбинск), профессор Э. В. Рыжов (Киев), профессор Дунин-Барковский
(Москва). (Примечание: собачка среди участников конференции не числилась).

Три поколения Резниковых
путешествуют на т/х «Ларинская Коммуна»

9 июля 1985
Александр

Рисунок - шарж, автор А. Н. Резников.

14 сентября 1973 г. Последний день и последний вечер моего путешествия. Утром погода ясная, тепло. Берега изумительной красоты, особенно по правому борту. Вечером - звездное небо, тихо плещется вода. Вернулся с прогулки по палубе, сложил вещи. Пора уже домой, пора по всем признакам: отказал шагомер (видимо, от переутомления); сели батареи у магнитофона; доедено домашнее печенье, которым лакомился всю дорогу; израсходованы последние два куса сахара; кончается грифель в автокарандаше, которым пишутся эти записки.

Но самое главное - мне уже хочется домой, к вам, мои любимые, для кого, собственно, я и сочиняю эти записки, так как когда пишу, то чувствую себя в кругу родных, в привычной и милой моему сердцу обстановке. Вот и все!"

ЕЩЕ НЕМНОГО О СЕМЬЕ И РАБОТЕ

Очередную главу начну с радостного события, которое произошло в нашей семье 15 декабря 1973 г. В этот день у Нелочки и Левы родился сын, названный Романом. Роман - наследник фамилии, новая ветвь рода Резниковых. Все мы желали малышу хорошей судьбы, быть продолжателем лучших традиций семьи. В 1993 году, когда я пишу воспоминания, внуку Ромаше исполнится 20 лет, и я с радостью могу сказать, что, несмотря на большие беды и трудности, выпавшие на его долю, парень внушает надежды, которые дай Бог чтобы исполнились.

А беды были, и немалые. В начале восьмидесятых годов мальчишку, перебежавшего улицу, сбила, ударив задним колесом, грузовая машина, и он попал в больницу с сотрясением мозга. В 1984 году в результате автомобильной аварии Роман с переломом бедренной кости и ушибом мозга вновь попадает в больницу, на этот раз в городе Отрадном Куйбышевской области (авария произошла вблизи этого города).

В течение суток выводил Ромашу из шока врач провинциальной больницы Александр Карлович Бейфус, немец по национальности. Фамилию этого человека я упоминаю, чтобы она осталась в истории нашей семьи. Его искусству, знаниям и доброму сердцу мы обязаны спасением Рома-ши и тем, что парнишка в буквальном смысле встал на ноги.

Большую роль сыграли и заботы молодых родителей, особенно Нел-

лочки, которая самоотверженно, не жалея себя, обеспечила уход, а затем и послебольничное руководство восстановлением здоровья Романа.

Сейчас Роман - студент, учится одновременно на дневных отделениях нашего института (мехфак, IV курс) и Самарского госуниверситета (физфак, III курс). Учится отлично, в нашем институте является именным (раньше называли ленинским) стипендиатом. Мне нравится то, что он самостоятельно и четко планирует свое время, значительную часть дисциплин изучает непосредственно по учебникам, проявляет интерес к получению знаний, а это в наше время свойственно далеко не всякому студенту.

В августе 1973 года племянница Сусанна вышла замуж за сотрудника ТПИ старшего инженера Игоря Калужского, способного математика, работавшего в области исследования пластичности материалов. Под Первомайские праздники, а точнее 27 апреля 1974 года, у них родилось милое создание, названное Танечкой.

В августе 1975 года в Тольятти переехала Инна с детьми, обменяла квартиру в Куйбышеве на трехкомнатную в Тольятти. В Куйбышеве она была ассистентом на одной из электротехнических кафедр КПИ, особых перспектив не видела. В Тольятти через некоторое время начала работать преподавателем в Учебном центре ВАЗа.

Таковы основные штрихи хроники семьи за 1973-75 годы.

В эти же годы продолжалось развитие ТПИ. В нем обучалось теперь около 6000 студентов, причем более половины - на дневном отделении. Укреплялся кадровый состав: к концу 1975 года (вернее, на 1.1.1976 г.) в институте работали 372 преподавателя, среди которых 37,7% имели ученые степени и звания. Интересно отметить, что на эту же дату другие инженерные вузы Куйбышевской области в среднем имели 38,4% лиц с учеными степенями и званиями. Важно также обратить внимание на то, что увеличение количества преподавателей с учеными степенями и званиями в 1973-75 годах происходило в основном не за счет приглашения квалифицированных специалистов из других городов, как это было в начальный период формирования института, а за счет защиты диссертаций сотрудниками и аспирантами ТПИ.

Институт построил хорошую студенческую столовую, в связи с чем количество студентов и сотрудников, приходившихся на одно место в учреждениях общественного питания (есть такой среднестатистический показатель) для ТПИ, составляло около 7 человек, а для других вузов области - в среднем свыше 15. Образно говоря, на каждый стул в столовой у нас претендовало 7 человек (тоже не так уж хорошо!), а в других вузах - вдвое больше студентов и сотрудников.

В связи с вводом в строй новых корпусов более 80% студентов, нуждающихся в жилье, были обеспечены местами в общежитии (остальные размещались на частных квартирах), тогда как по другим вузам области обеспеченность общежитиями составляла в среднем 52% .

Объем научно-исследовательских работ для производства (опять применим статистический показатель) в ТПИ составил 3,3 тысячи рублей на одного сотрудника института в год, тогда как в других инженерных вузах области он колебался от 1,7 до 8,1 (КуАИ), а в среднем составлял 3,1. Увеличению объема научных исследований содействовали более тесные связи, которые начали возникать между кафедрами ТПИ и подразделениями ВАЗа, в частности УЛИР. В марте 1973 года прошла первая научно-техническая конференция "ВАЗ - ТПИ", давшая новый импульс содружеству института и завода.

В Москве в январе 1974 года состоялся всесоюзный семинар ректоров технических вузов. Министр высшего и среднего специального образования России И. Ф. Образцов в своем докладе на семинаре одобрительно отзывался о работе коллектива ТПИ. Он отметил, в частности, разработку Единых программ математического образования, заключение Генерального договора о содружестве с ВАЗом (идея этого договора при-- надлежала В. И. Столбову), увязку курсового и дипломного проектирования с потребностями промышленности и некоторые другие положительные стороны деятельности коллектива института.

Член-корреспондент АН СССР (впоследствии академик), крупный ученый, ректор Московского авиационного института Иван Филиппович Образцов был незадолго до этого назначен министром взамен В. Н. Столетова, который стал во главе Российской академии педагогических наук. И. Ф. Образцов помнится мне как крупный мужчина с большой лысеющей рыжеватой головой, с немного веснушчатым типично русским лицом, внимательными глазами. Всегда рассматривал те или иные вопросы глубоко, с учетом современного уровня развития науки и техники, к которому имел непосредственное отношение, так как, насколько мне известно, работал над проблемами, связанными с конструированием и надежностью космических аппаратов.

И. Ф. Образцов, правда, не обладал умением говорить ярко, плавно и остроумно, как, например, его предшественник на посту министра или некоторые заместители. А поговорить по любому поводу долго и всласть в министерстве умели и любили. Помню, однажды в Куйбышев приехал первый заместитель министра профессор А. Г. Лебедев. Обком партии организовал кустовое совещание научных работников вузов области. Вел совещание, кажется, первый секретарь обкома В. П. Орлов. Не объявляя

регламента совещания, он предоставил слово А. Г. Лебедеву. Замминистра вышел на трибуну и начал назидательно и плавно излагать ряд вопросов, относящихся к работе высшей школы. В его речи все было правильно, много цифр и фактов, были шутки и критика. Но если просеять то, что говорил докладчик, через сито общеизвестных истин, то в остатке почти ничего не оказывалось или оказывалось то, что при существующих финансах и порядках ни Минвуз, ни институты сделать не могли. Докладчик говорил час, ничего нового практически не сказал. Говорил еще час, и опять все в том же духе - плавно, спокойно, назидательно. Из уважения к заезжему гостю В. П. Орлов не прерывал оратора два часа. Затем, уловив момент, извинился и спросил замминистра, сколько еще времени ему потребуется для завершения выступления. "Я могу говорить еще или закончить сразу - все зависит от вашего желания", - ответил докладчик. В. П. Орлов деликатно промолчал, а в зале прошел шумок. "Ну давайте на этом закончим", - сказал А. Г. Лебедев и ушел с трибуны. Не то что обиделся или озлился! Нет! Он просто остановился, как мог остановиться в любом месте своей речи и раньше.

Вспоминая анекдот, известный, наверное, многим. За пятнадцать минут до конца рабочего дня конструктор начал складывать чертежи, готовальню, книжки. Начальник отдела, заметив это, сделал ему замечание, причем сослался на свой пример. "Вам что, - сказал конструктор, - в любой момент можете закрыть рот и сразу идти, а мне надобно сложить все по порядку; поэтому начинаю несколько раньше". Вот так и замминистра - закрыл рот и ушел с трибуны.

Неоднократно бывая в Минвузе, я, правда, убедился, что в аппарате есть также люди неохочие до разговоров. В главном управлении политехнических вузов этим отличался один из заместителей начальника главка. Назовем его Н. Грузный мужчина средних лет, Н. мог весь рабочий день (за исключением перерыва на обед) неподвижно просидеть за своим столом, лениво перебирая бумажки или просто глядя перед собой в глубоком размышлении. Все ректоры знали, что с Н. невозможно решить ни один вопрос. Оживлялся он лишь тогда, когда разговор заходил о почтовых марках - зам. начальника главка был ярым филателистом. Некоторые ректоры пользовались этим - вначале выводили его из состояния покоя, обсуждая какую-либо филателистическую проблему. Затем, по ходу разговора о марках, подносили Н. на визирование необходимую бумагу и получали желаемый автограф, на получение которого в других условиях надежды было мало.

Вообще аппарат Минвуза, на мой взгляд, был перегружен лишним количеством сотрудников. Это содействовало развитию бюрократии, так

как каждому надо было что-то делать, чтобы оправдать необходимость должности, которую он занимал. Поэтому изобретали различные инструкции, отчеты и указания, связывающие ректоров вузов по рукам и ногам. Разные отделы министерства запрашивали из учебных заведений одну и ту же информацию, но в различных по форме отчетных документах.

Любимым развлечением членов коллегии и других ответственных работников министерства было ловить ректора на разночтении данных, приведенных в разных отчетных документах. Чаще всего это развлечение они доставляли себе на ежегодных выездных заседаниях коллегии, на которых отчитывались вузы данного региона.

Вот картинка почти с натуры. На трибуне - ректор провинциального вуза. Он только что вкратце рассказал об основных направлениях деятельности института, о главных трудностях и проблемах. Теперь ему задают вопросы. Первый вопрос задает представитель управления кадров. Он хочет знать, действительно ли 65 преподавателей вуза, упомянутых в отчете по форме "К", выезжали на факультеты повышения квалификации (ФПК). Ректор подтверждает эту цифру. Тогда немедленно представитель планово-финансового управления, сидящий рядом с кадровиком, задает вопрос о том, почему в форме "ПФ" указано, что повысили квалификацию 66 человек? Заместитель министра, который ведет заседание, тут же включается в игру. Он просит ректора удостовериться, что на обоих документах стоит его личная подпись, а затем грозно вопрошает: "В каком же случае вы ввели министерство в заблуждение?"

Хорошо, если ректор вспомнит, что форму "К" отправляли в Минвуз в сентябре месяце, а "ПФ" - в ноябре и что один доцент, болевший осенью, выехал на ФПК дополнительно в октябре. Если же не вспомнит, то на коллегии начинаются рассуждения о том, можно ли вообще верить отчету института, знает ли левая рука, что делает правая, и так далее в том же духе. Уже никто не вспоминает, о каких проблемах говорил ректор в своем сообщении, какие вопросы ставил перед министерством, в чем просил помочь или на что просил обратить внимание. Все заняты тем, что учат ректора жить и служить! Вся эта история не стоит, как говорят, выеденного яйца, но она является одним из примеров стиля работы аппарата Минвуза РСФСР.

Став министром, И. Ф. Образцов сделал попытку изменить этот стиль. Однако даже ему, человеку энергичному и волевому, не удалось внести в работу аппарата кардинальных изменений. Приведу два лично мне известных факта, которые позволяют сделать такое заключение.

Вскоре после назначения министром Иван Филиппович прибыл в

Куйбышев, посетил все вузы, а затем собрал ректоров и попросил их откровенно высказаться о недостатках в работе министерства. Среди других проблем большинство ректоров подняли вопрос о неудовлетворительной работе научно-методического управления, которое возглавлял некто Герасин. Решение вопросов этим управлением затягивалось на месяцы, управление рассылало невразумительные, противоречащие друг другу инструкции, которые осложняли планирование учебной и научной работы на местах. "Про Герасина знаю, - сказал И. Ф. Образцов, - мое мнение о нем вполне совпадает в вашем. Обещаю, что через месяц мы его заменим другим человеком!"

Однако ни через месяц, ни через год министру не удалось заменить Герасина. Дело в том, что Герасин состоял в "номенклатуре" и поэтому пользовался поддержкой организаций, которые называли директивными. Сдвинуть такую фигуру с места было нелегко, даже невозможно, до тех пор пока начальник управления сам не ушел на пенсию.

Теперь расскажу о втором факте. В результате долгих переговоров ТПИ с генеральным директором АвтоВАЗа А. А. Житковым, заменившим на этом посту В. Н. Полякова, после экономического анализа и обсуждения с руководителями подразделений предприятия было решено обратиться в Минвуз РСФСР с предложением о введении предварительной контрактации выпускников института для работы на заводах объединения. Предлагалось, чтобы Волжский автозавод имел право отбирать для себя успевающих студентов начиная со второго курса, заранее определяя для себя подразделения (а если возможно, то и должности), на которых они будут работать по окончании института. Стипендию этим студентам, несколько более высокую, чем обычно, АвтоВАЗ соглашался выплачивать сам. Студентам предоставлялись места практики в цехах или отделах, где им предстояло работать. Тематика курсовых и дипломных проектов должна была соответствовать месту работы. К руководству проектированием должны были привлекаться сотрудники предприятия. Словом, еще в 1977 году предлагалась система, которую теперь называют целевой подготовкой специалистов и которую всячески пропагандируют.

Генеральный директор АвтоВАЗа и я подписали совместное письмо по этому вопросу в адрес министра И. Ф. Образцова. Я доложил Ивану Филипповичу и передал ему упомянутое письмо. Министр сразу оценил прогрессивность предлагаемой системы, одобрил ее и на нашем письме наложил резолюцию: "Тов. Никонову, тов. Трифонову. Подготовить необходимые материалы для оформления".

Из кабинета министра с этой бумагой я пошел к начальнику главно-

го управления политехнических вузов Никонову. Он прочитал письмо, резолюцию И. Ф. Образцова и безапелляционно сказал: "Ничего из этого не выйдет!" - "Почему?" - спросил я. "Во-первых, нарушается положение о стипендиальном фонде и инструкция по назначению стипендий студентам. Во-вторых, нарушается положение о персональном распределении молодых специалистов, согласно которому предприятие может получать выпускников только в пределах плана распределения, только во время распределения и только с согласия комиссии по распределению!". Я заметил, что И. Ф. Образцов, видимо, все это имел в виду, однако одобрил наши предложения. "Хорошо, - сказал Никонов. - Министр пишет, чтобы мы подготовили соответствующие материалы. Вы когда будете в следующий раз в Минвузе? Через две недели? К этому времени материалы будут!"

Когда я через две недели приехал в Москву, начальник главка познакомил меня с письмом за подписью заместителя министра Минвуза СССР Егорова, в котором союзное министерство не соглашалось с нашими предложениями, поскольку такой порядок распределения специалистов и оплаты стипендий, как было написано в письме, "не предусмотрен Положением о высшей школе СССР".

Вот и все! Аппаратчики обошли и нас, и собственного министра, прикрывшись вышестоящей организацией.

Размышляя над этим фактом сейчас, я упрекаю себя в том, что, возможно, не проявил достаточной настойчивости. Может быть, следовало пойти на прием к союзному министру В. П. Елютину, может быть, еще в какие-нибудь инстанции. Но вспоминая о том, как Н. Н. Панов, будучи ректором КПИ, только через Председателя Совета министров РСФСР добился перевода денег с одной статьи на другую в пределах федерального бюджета, думаю, что передача средств от АвтоВАЗа, подчиненного Минавтопрому СССР, в федеральную бюджетную организацию, которой являлся ТПИ, при сопротивлении аппарата министерств была бы нереальной. Сейчас это не представляет затруднений, поскольку предприятиям постановлением правительства разрешено переводить деньги вузам, оплачивая не только целевую подготовку, но вносить также определенную сумму за каждого молодого специалиста.

Продолжая размышления, отмечу, что всеисилие и бюрократизация аппарата являются, на мой взгляд, главным тормозом для прогрессивных мероприятий, проводимых и в нынешнее время. С беспокойством наблюдаю, как разрастается количество всяких комитетов, администраций, комиссий, в которых оказывается занятым все больше людей, отрывааемых от сферы производства и попадающих в сферу управления.

Думаю, что пока не будет изменена жесткая инерционная система, лежащая в основе аппарата разных уровней, пока не будет резко сокращена численность аппарата, дело, в том числе и в области высшего образования, будет топтаться на месте.

ЕДЕШЬ ТУДА - ИНТЕРЕСНО,

ЕДЕШЬ ОБРАТНО - ПРИЯТНО

В начале 1975 года я получил приглашение Польской академии наук (ПАН) посетить эту страну и прочитать цикл лекций по теплофизике резания и теории шлифования в Варшаве, Кракове и Вроцлаве. Инициаторами приглашения были Главный ученый секретарь ПАН академик Ян Качмарек, с которым я познакомился еще в 1963 году в Москве на Всесоюзной конференции по резанию материалов, где мы оба выступали докладчиками, и профессор Ян Харасимович из Кракова, с которым познакомился в период моего пребывания в Венгрии в 1972 году.

Получив столь интересное приглашение, я начал серьезно готовиться к поездке. Прежде всего попытался хоть немного освоить польский язык. Это оказалось не так уж трудно, поскольку в польском есть много слов, которые звучат почти как украинские, белорусские или русские, а буквы, которыми пишется текст, в основном латинские. Мне удалось освоить чтение польских текстов при помощи словаря. Надписи на слайдах, которыми я предполагал сопровождать лекции, сделал на польском языке.

В поездке вел довольно подробный дневник, отрывки из которого предлагаю читателю.

"7 июня 1975 г. Путешествие началось 5 июня 1975 года, когда поездом "Москва - Варшава - Берлин" отъехал от перрона Белорусского вокзала. До свиданья, Москва, до свиданья, москвичи и симпатичные москвички, - я опять на колесах. Еду один в двухместном купе первого класса. Традиционный чай, традиционная духота в вагоне, традиционная полубессонница, словом, все, как обычно. Утром похолодало, погода резко изменилась. За окном природа, мало отличающаяся от природы средней полосы России.

Брест. Пересадка состава на другие колеса, на более узкую колею. Это

я уже видел, теперь неинтересно. Ыт маленькой станции Тераполь, что уже на польской территории, перевожу часы на средне-европейское время - на два часа назад по сравнению с Москвой. Следовательно, с момента отъезда из Тольятти я помолодел на три часа. Интересно, как далеко надо отъехать от дому, чтобы помолодеть лет эдак на десять?

За окном все те же лесочки, но поля не такие, как у нас: узкие полоски и прямоугольники, а не бескрайние массивы, - в Польше мало колхозов, больше единоличников. Коровы только одной масти, как по Райкину: "черный верх, белый низ" или "черный низ, белый верх". Хоть бы для смеху одна рыжая попалась, так нет же!

Поскольку телеграмму в Варшаву я дал только в день отъезда, в вагоне разрабатываю варианты моих действий по прибытии на место. Вариант первый - меня встречают, тогда все в порядке. Вариант второй - не встречают. Для него подготавливаю следующие фразы:

- Прошу пана, де ту вимьян валюты! Дзенькую!
- Прошу пани зминяты валюту! Дзенькую!
- Прошу пана, де ту постой таксувек? Дзенькую!
- Прошу пана - до амбасады радзеньской!

(Постой таксувек - стоянка такси, амбасада радзеньска - посольство советское).

В Варшаве вышло нас двое, остальные пассажиры (в вагоне было всего шесть человек) поехали дальше. Перрон пустой, никого нет. Как выяснилось в дальнейшем, пан Гавлик, мой сопровождающий (по-польски - пилот), зная, что поезда всегда опаздывают, зашел в вокзальный буфет. А поезд, как нарочно, в тот день пришел вовремя, и когда мой пилот, насытившись, вышел на перрон, уже ни поезда, ни меня там не было.

Я запустил в ход второй вариант действий и добрался до посольства СССР в Варшаве. Дежурный посольства связался с ПАН, в ней - с бюро связи с зарубежными странами, а в нем - с некоей пани Боженной Анд-ракой. Последняя с ужасом узнала, что я в посольстве, тогда как пан Гавлик уже больше часа роет носом вокзал, ищет пропавшего пана профессора. Словом, через два часа после прибытия в Варшаву мой пилот в запарке примчался в посольство, посадил меня в самоход (так здесь называют авто) и увез в самую современную двадцатизатяжную гостиницу "Fogum", где мне забронировали номер. Номер оказался шикарным (как, впрочем, и вся гостиница, которую строили шведы), в нем две широченные кровати, так как я не один. Со мной женщина восточного типа, она одета в широкую юбку, веером прикрывает одну обнаженную грудь, другая не прикрыта. От этого дама смотрит несколько смущенно из рамки, висящей на стене.

Персонал в гостинице работает четко, даже как-то лихо, с удовольствием. В большинстве это молодые женщины и парни, знающие несколько языков. Непривычного человека сервис иногда может поставить в тупик. Так, например, вечером, когда я сидел в полунеглиже, в дверь номера осторожно постучали. Я даже сначала не обратил внимания на этот стук, тогда он повторился. Открываю. На пороге молоденькая, очень симпатичная девушка в форменной одежде. Улыбаясь и глядя мне прямо в глаза, она спрашивает по-польски, не нужно ли пану, то есть мне, постелить постель на ночь. Взвесив свои возможности (в смысле умения застилать постель, конечно!), вежливо отказываюсь. Тогда следует еще одна очаровательная улыбка и пожелание на добранич! (спокойной ночи!).

В ресторане гостиницы сервис тоже отличный. Красивые кресла и диванчики с высокими спинками поставлены так, что каждый столик как будто отделен от зала ресторана, но при желании можно видеть, что в этом зале происходит, пойти потанцевать. Не успел сесть за столик, как предо мной возник красивый стройный юноша в красном фраке и черных брюках, в белоснежной рубашке с бабочкой, и подал меню. Я заказал шницель и бутылку пива. Услышав мою речь, официант довольно правильно ответил по-русски и добавил (может, чтобы сделать мне приятное), что его дед служил еще в царской армии России.

Все было очень вкусно и мило до тех пор, пока красивый юноша не принес счет - 145 злотых. Я отдал 150 злотых и, чувствуя себя как герой произведений Фенимора Купера, с которого сняли скальп, вышел из ресторана. Фокус состоял в том, что мои суточные составляли 200 злотых в день (жилье, транспорт и культобслуживание оплачивала ПАН). Если один простенький ужин отбирает три четверти суточных, то я здесь, пожалуй, ноги протяну!

Но все оказалось не так трагично. На другой день утром неподалеку от гостиницы "Forum" я обнаружил элементарную забегаловку, где тот же шницель и бутылка кока-колы стоили всего около 40 злотых. Правда, вместо красивых официантов с дореволюционной генеалогией было самообслуживание, вместо фирменных тарелок - металлические, вместо красивых стульев и диванов - высокие столики с мраморным покрытием, у которых поглощают еду стоя. Оказывается, надо смотреть, что написано на дверях храма еды: "люкс" (в гостинице) или IV категория (в забегаловке)!

8 июня 1975 г. Ежедневно рано утром часов в семь (по-нашему уже десять!) выхожу из гостиницы и брожу по городу час-полтора. К удивле-

нию, понимаю, что написано на витринах и афишах, и только изредка лезу в карман за словариком.

Варшава - прекрасный город. В центре очень органично сочетается старая архитектура с архитектурой современных новых зданий. При восстановлении города, разрушенного во время войны, было принято, с моей точки зрения, очень правильное решение - восстановить лучшие здания в таком виде, какой они имели до разрушения. Сочетание "старых" зданий с новыми придает центру Варшавы, а прежде всего пересекающимся улицам Маршалковской и Иерусалимской, интересный вид и колорит. В центре города возвышается многоэтажное здание дворца науки и культуры, подаренное (построенное) нашей страной.

До слез трогает то, что на местах, где гитлеровцы расстреливали поляков, оставлены нетронутыми куски стен, на которых висят мемориальные доски с надписью: "Это место освящено кровью поляков". У доски - красно-белая лента (цвета национального флага) и всегда букеты живых цветов. Где бы ни стояло здание, может быть, здания уже нет, а кусок стены, когда-то обогранный кровью, сохраняет память о героях-патриотах!

Некоторые улицы, прилежащие к центру, но находящиеся за его пределами, имеют патриархальный вид: зеленые, тихие, дома чаще всего из красного кирпича, в нижних этажах маленькие магазинчики, в основном промтоварные. На такой улице часто располагается небольшой костел. Сегодня воскресенье, почти все магазины закрыты; в костелах - служба, на которой много людей, в том числе молодежи. Дни отдыха, как правило, сопровождаются классической музыкой, хоральными и религиозными напевами, передаваемыми по радио. Это поддерживает традиционно патриархальное и клерикальное настроение поляков. Народу на улицах в выходные дни сравнительно мало - жители идут в парки, сады, выезжают за город.

В городе множество больших и малых баров. На одном из них заметил издали крупно и красиво написанное объявление: "Потребны кобье-ты" (пишу в русской транскрипции). Подошел поближе, чтобы понять, кому срочно требуются женщины, представительницы лучшей половины рода человеческого, в том числе и в Польше. К сожалению, оказалось, что мелким шрифтом на объявлении написано "для работы на кухне". Все стало сразу серым, обычным и напомнило родные места.

Вчера был мой первый рабочий день. Он начался в 9.30 в Варшавском политехническом институте. С волнением вошел я в старый корпус, в который, возможно, входил мой отец в период пребывания его студентом Варшавской политехники, как здесь говорят. Знакомство с учебным

заведением начал со встречи с завкафедрой резания металлов проф. Дмо-ховским, он же декан механико-технологического факультета. В Политехнику входят несколько факультетов. Каждый факультет делится на институты, объединяющие группу родственных кафедр. Кафедры здесь называют секциями. На механико-технологическом факультете примерно 1600 студентов дневного отделения, 700 - вечернего, а во всей Политехнике около 20000 студентов. Все вопросы, касающиеся учебного процесса, окончательно решает декан факультета. Ректор Политехники только тогда рассматривает заявление студента, если последний жалуется на нарушение его прав деканатом.

Для всех научных работников принят обязательный шестичасовой рабочий день, каждый имеет свое рабочее место. На кафедрах хорошие лаборатории, оснащены иностранной (по отношению к Польше) аппаратурой.

После посещения кафедры резания и ее лабораторий был приглашен академиком Я. Качмарек на обед в ресторан "Европейский". Качма-рек - красивый, стройный, широко образованный человек, владеет русским языком. Вспомнили о моем папе - Качмарек его знал лично (кстати, как и профессор Дмоховский). Я был рад, что добрая слава отца как ученого и человека пережила его и еще живет.

Ресторан "Европейский" - один из самых фешенебельных в Варшаве, здесь даже днем негромко играет отличный оркестр, но, естественно, никто не танцует. Академик заказал обед в основном с национальными блюдами. Сначала принесли шампиньоны. Делать нечего, пришлось отступить от своих привычек, впервые в жизни есть грибы. Шампиньоны были запечены в сухарях и, в общем, как оказалось, на вкус - ничего страшного, хотя и особого удовольствия я не получил. На первое был суп-пюре из печенки (есть можно), на второе - фирменные зразы, внутри которых находился кусок сала размерами 10x10x50 мм. Сало я выбросил (вернее, потихоньку отложил в сторону), остальное съел. Во время обеда интересно беседовали с Качмарек не только о шлифовании (его конек), но и о жизни вообще. Распрощавшись, разъехались по своим местам - я в гостиницу, он, по-видимому, домой.

Это было вчера. Сегодня в 10 часов утра за мной приехал сотрудник Политехники пан Ковальский со своей знакомой пани Барбарой, студенткой последнего курса факультета журналистики университета. Она в этот день была гидом и переводчиком. Мы вдвоем сели в самоход и выехали за 50 км от Варшавы в Желязову Волю, где расположен парк и дом Фредерика Шопена. Сегодня - воскресенье, и по традиции с 11 часов в доме Шопена на принадлежавшем ему рояле лучшие пианисты иг-

рают его произведения, а посетители парка, расположившись в ближайших аллеях и вокруг дома, с благоговением слушают музыку, которая прекрасно и чисто транслируется многими репродукторами. Разговаривать громко никто себе не позволяет. В саду тихо-тихо, изредка на фоне музыки Шопена слышен щебет птичек, но он не мешает, даже как-то усугубляет необычность обстановки - старый парк, патриархальные деревья, много цветов, растущих не в газонах, а просто так - и волшебная музыка, которая, кажется, льется с неба.

Из Желязовой Воли мы вернулись в Варшаву, поехали на мемориальное кладбище советских воинов, погибших в боях за этот город. Затем - в Старе място, старый город. Здесь очень интересные старинные дома, площадь, на которой студенты-художники демонстрируют свои работы и продают их желающим. Закусочные, оформленные в стиле ретро, кабриолет, запряженный двумя лошадьми, на котором можно поездить по площади и близлежащим улицам. Словом, тихое и спокойное царство старины!

Мы пообедали в одном из кабачков, побродили еще немного по Старому мясту и на этом закончили сегодняшнюю экскурсию.

9 июня 1975 г. Вчера походил по вечерней Варшаве. Рекламы светятся не столь буйно, как в Будапеште, но все же света очень много. На каждом шагу маленькие и большие кафе и бары, в них преимущественно молодежь за бутылкой кока-колы и чашечкой кофе. Вина на столиках почти не видно. За весь свой вечерний поход встретил всего трех пьяных, двое из них были очень нетрезвы, но сохраняли пристойный вид: при галстуках, застегнуты и не орали. Третий тихо брел, держась за стены.

Сегодня в 11 часов для научных работников Варшавского политехнического института читал лекцию по новым вопросам теории шлифования. Читал на русском языке, но по лицам видел, что слушатели понимают меня. Как потом мне сказал проф. Дмоховский, при поступлении в институт абитуриенты среди других экзаменов сдают иностранный язык, чаще всего русский, а затем продолжают его изучать в институте.

После лекции мы с деканом Дмоховским поехали на прием к ректору. Кабинет ректора оформлен в подчеркнуто консервативном стиле -тяжелая старинная мебель, глубокие кожаные кресла. Словом, видно желание подчеркнуть традиции вуза. После короткого разговора о том о сем, в том числе об учебном процессе, стакана чая и подношения мне отличной книги о Варшаве прием закончился.

В 14 часов с Ковальским и Барбарой мы поехали в пригород Варшавы, именуемый Вилянов. Здесь расположен отличный парк со зданием-

ми, которые построил один из князей (или других правителей) для своей любимой по имени Марья. Очень красивые зеленые места с массой скульптур.

Из Вилянова - назад в Варшаву. Пан Ковальский достал два билета в кино на новый сверхбоевик - фильм "История греха" по одноименной повести польского писателя прошлого века. Ковальский отдал билеты Барбаре и мне, а сам пошел погулять и подышать воздухом с тем, чтобы встретиться нас по окончании сеанса. Скажу вам честно, он не прогадал. По ходу картины я вспомнил, что когда-то читал историю несчастной девушки, которую соблазнил заезжий корреспондент и уехал, а она, не имея средств, бросилась его искать по свету. Во время поисков с нею происходят разные беды - она попадает в банду, становится проституткой, потом уходит в монастырь, затем банда вновь заставляет ее участвовать в темных делах, вплоть до убийства и ограбления бывшего любимого. Но Боже мой, что сделали авторы фильма с этой старинной повестью! Сплошная эротика на грани порнографии, никакие "подробности" не скрываются, разве уж самые-самые. Возмутительно, что от первого кадра и до последнего фильм сопровождается скрипичный концерт Мендельсона, мое любимое светлое и чистое произведение!

Пани Барбара предложила мне переводить текст, но я отказался. Мне даже совестно было сидеть рядом с девушкой в этом царстве киноразврата. Хотя, впрочем, она восприняла фильм с интересом и встретившему нас Ковальскому сказала, что фильм отличный. Пан же Ковальский обратил мое внимание на афишу к фильму, расположенную неподалеку. Афиша была сделана, может быть, оригинально, но неприлично. Весь текст - название фильма, список актеров, аннотация и т. д. - был расположен на поле афиши так, что буквы образовывали контур обнаженного тела женщины. Например, название фильма, состоящее из двух слов, соответствовало контурам обнаженной груди. Что же касается званий и фамилий сценариста, режиссера и оператора, то они были набраны в виде треугольника и расположены на афише так, что представляли собою еще более интимное место женской фигуры.

(Примечание 1993 г. В нынешнее время, когда на экранах кино и телевидения непрерывно демонстрируют эротика на грани порнографии, эта часть моего дневника, по-видимому, не произведет особого впечатления на читателя. Но тогда я впервые встретился с мутной волной продукции, которую начали поставлять в восточноевропейские страны государства, как их нынче принято называть, цивилизованные. Поляки, по-видимому, одними из первых откликнулись на эту "цивилизацию". Могу вас заверить, уважаемый читатель, что ощущение прикосновения

к чему-то нечистому, которое возникло после просмотра упомянутого фильма и его рекламы, до сих пор сохраняется в моей памяти).

После кино и ужина в ресторане самообслуживания "Зодиак" пошел в гостиницу писать дневник и собирать вещи, так как завтра утром улетаю в Краков.

10 июня 1975 г. В 7.30 утра за мной заехал пан Ковальский и мы поехали в аэропорт. Интересно отметить, как здесь обставлен выезд из гостиницы. У нас надо звать горничную, она проверяет, все ли вещи на месте, не прихватил ли гость полотенце или стакан. Она забирает у вас ключи и подписывает пропуск на выход. В гостинице "Fogum" достаточно сдать ключи портье и сказать: "Я уезжаю". Он пожелает вам счастливого пути, а швейцар откроет двери и поможет вынести вещи.

В 8.15 наш ТУ-134 поднялся в воздух, и через полчаса меня в Кракове встретил профессор Харасимович. В полете всего полчаса, а стюардесса с милой улыбкой подходила к каждому пассажиру четыре раза. Два раза с конфетками (взлет и посадка), один раз с шоколадными вафлями и еще один раз с ароматической салфеткой.

По приезде меня поместили в гостинице "Краков", не такой шикарной, как "Fogum", но все же ничего. Ко мне прикрепили в качестве пилота магистра пана Вентуха, очень симпатичного парня. Жаль только, что по-русски не говорит, хоть и понимает (как мой маленький внучиш-ка Ромочка). А я по-польски немного, как говорят, насобачился понимать, но говорить связно пока не могу. Вот так мы с паном Вентухом и объяснялись, включая обсуждение проблем шлифования, которыми он занимается.

Краков - город совсем другого типа, чем Варшава. Новых зданий почти нет, все больше старые, из красного кирпича. Если бы не туристы и некоторые жители в современных нарядах, то впечатление такое, что попал в прошлый век, тем более что часто встречаешь ксендзов и монахинь в черной одежде. В Кракове много действующих костелов и религиозных семинарий, есть ряд магазинов по продаже икон и церковного инвентаря.

Долго ходил по городу, под вечер завалился в свой номер, разделся почти до уровня героев фильма "История греха", два часа отдыхал. На столе у меня приемник с диапазонами длинных, средних и коротких волн. Шарил по эфиру, пытался среди шорохов, пискон и незнакомой речи поймать Москву, русскую речь. Всего прошло пять дней, как уехал из своей страны, а кажется, что уже давно, и хочется чего-то родного, хотя бы пару слов на русском языке. К сожалению, не поймал ни одной московской радиостанции. Только потом, на коротких волнах, на две-

три минуты попался Мурманск, и мне откровенно приятно было слышать выступление какого-то начальника культотдела о том, как идут дела с обслуживанием рыболовных судов концертными бригадами. Аллах с ним, пусть о рыболовных судах, лишь бы из России. К сожалению, Мурманск вскоре отключился, и опять чужая речь, шорохи и свист. Я вполне убежден, что долго выжить в чужой стране очень трудно, даже если тебя размещают в гостиницах, возят на самоходах, симпатичная пани Барбара водит в кино, а пан магистр Вентух пытается обсуждать с тобой научные проблемы.

13 июня 1975 г. Не писал три дня, так как был загружен разными делами. Теперь пишу по порядку. В среду 11 июня утром был на приеме у ректора Краковского политехнического института. Со мной были проф. Харасимович, а также декан факультета. Разговор шел на польском языке (ректор) и русском (я). Но, несмотря на это, друг друга понимали, даже обменялись парой анекдотов, причем каждый смеялся "ха-ха-ха" на своем языке. В процессе беседы Харасимович рассказал о Единой программе математического образования инженера, разработанной в ТПИ. Ректор очень ею заинтересовался и попросил на эту тему прочитать лекцию для научных работников Политехники, как здесь тоже называют институт.

После осмотра некоторых кафедр Политехники и обеда в студенческой столовой, имея пилотом молодого пана Домбровского, отправился на экскурсию в бывший королевский замок Вавель. Осмотрели старинные палаты, гобелены XVI и XVII веков, оружие и рыцарские доспехи. На территории замка расположен большой действующий костел, привлекающий внимание туристов. Именно поэтому у входа в костел висят две таблички. Первая в буквальном переводе гласит: "Турист! Собор есть место Богово. Поэтому должно быть тихо!", а вторая: "Вход в шортах воспрещен!". Насчет мини-юбок ничего не сказано. По-видимому, святые отцы к обнаженным женским ножкам относятся более терпимо, чем к мужским конечностям.

Ходили по замку и Кракову долго. Я настолько устал, что завалился спать в 8 вечера (все-таки по-нашему 23 часа!) и проспал до шести утра.

С 8 час. 15 мин. 12 июня два часа читал лекцию по теплофизике для студентов четвертого курса и научных работников Краковского политехнического института. Был рад видеть и чувствовать, что меня понимают, интересуются. У некоторых из слушателей были на руках мои книги. Судя по вопросам, которые мне задавали, их читают и используют приведенные в тексте решения. Кстати, вопросы мне задавали по-польски, а отвечал я по-русски, обе стороны понимали друг друга и были доволь-

ны. Контакт с аудиторией облегчался также тем, что слайды к моей лекции были сделаны на польском языке, о чем я уже писал выше.

Мне показали несколько польских изданий по режущим инструментам, в которых цитируют мои книги и статьи. Не скажу, что это было мне неприятно.

После лекции осмотрел лаборатории резания и станков. Был также на кафедре металлорежущих станков и инструментов (завкафедрой - профессор Ридль) и беседовал с одним из сотрудников, молодым докторантом, работающим над диагностикой нарушений в механизмах по шумам и колебаниям. Интересная работа!

Если бы в ТПИ у кого-либо из завкафедр на стенах в служебном кабинете висело то, что у проф. Ридля, то очередная анонимка немедленно пошла бы во все инстанции, вплоть до ЦК. Кабинет был украшен картинками, на которых в достаточно легких и прозрачных нарядах в разных позах сидели и лежали молодые женщины. Кстати, это оказалось свойственным не только рабочему помещению немолодого профессора. Войдя в ассистентскую комнату кафедры технологии машин, я увидел, что на стенах висят цветные фотографии девушек почти в том виде, в котором праматерь Ева обитала в раю до того, как попробовала общеизвестное яблоко. Издали было видно, что девушки что-то держат в руках, но что именно - по близорукости я установить не мог. Осторожно, под каким-то предлогом, приблизился к этим изображениям и обнаружил, что у девушек в руках слесарные инструменты и приспособления (тоже слесарные, разумеется). Оказывается, это реклама фирмы, производящей инструмент. Видимо, не надеясь на то, что ее инструменты привлекут внимание, фирма решила сделать это с помощью девушек, обнаженных до предела.

После посещения лабораторий и кафедр с двумя молодыми сотрудниками института - Пшибыльским и Козелом - выехал на автомашине за 12 км от Кракова на соляные копи. Совершил подземное путешествие длиной около 3 км по штрекам и залам шахты Величка. Интереснейшее зрелище: стены, потолки, полы, ряд скульптур - все вырублено из соли. Все переливается световыми пятнами, радугами и огоньками, которые возникают под действием умело поставленных источников света. Экскурсовод предлагает желающим лизнуть стену или скульптуру, чтобы убедиться, что все вырублено в залежах каменной соли. Я решил не проводить эксперимент, поверить без этого.

Сегодня, 13 июня, с утра посетил комплекс автомобильных кафедр Краковской политехники. Этот комплекс называется "Институт поездов самоходных", т. е. Институт автомобилей. Он входит в состав одного из

факультетов Политехники, координирует научную работу автомобилестроительных кафедр и учебный процесс по профилирующим дисциплинам.

В 12 часов читал лекцию по теории шлифования докторантам и аспирантам. Приняли лекцию хорошо, особый интерес проявили к слайдам, где показаны корни стружек при шлифовании. Эти кадры действительно уникальны, они получены моим соискателем (теперь уже доцентом) В. В. Щипановым, которому с помощью взрыва удалось в процессе шлифования оторвать заготовку от круга и таким путем изучить поверхность контакта между режущими зернами алмазного инструмента и обрабатываемым материалом.

Вторую половину дня бродил по Кракову. Заметил на окнах нескольких ресторанчиков небольшие объявления: "strep tease" (стриптиз), ниже - "плата за вход 150 злотых". Не пошел смотреть это зрелище. Не могу понять стадо самцов, развлекающихся тем, что для всех них сразу раздевается одна женщина.

Вечером читал газеты - "Правду", "Известия" и "Комсомолку", которые купил в киоске при гостинице. Хоть газеты и старые, но читать интересно, потому что они из дому.

Спокойной ночи вам, мои домашние - от самых взрослых до самых малых (Ромочки и Танюши) включительно!

15 июня 1975 г. Вчера утром прочитал доклад по шлифованию в научном учреждении, которое называется "Instytut obrobki skrawaniem" (Институт обработки резанием), одной из исследовательских организаций ПАН.

После доклада, его обсуждения, традиционного чая в кабинете директора Збигнева Журавского, с Харасимовичем на его машине выехали в загородный парк, в котором размещается зоосад. Посмотрели, как кормят зверей, потом поели сами (разумеется, не то, что они, и не там, где они!) и около 15 часов вернулись в Краков.

Вечером слушал симфонический концерт в местной филармонии. Зал отличный, с замечательной акустикой (как расскажу несколько позже, акустика иногда мешает). Слева и справа от сцены - два больших балкона, на которых серебрятся трубы двух органов. Представляю, как мощно и стереофонично звучат эти инструменты, расположенные с двух сторон от слушателей!

Оркестром управлял молодой длинноволосый и весь какой-то плоский дирижер Марек Пиаровский. Оркестр звучал очень хорошо, состав его довольно большой - по пять пультов первых и вторых скрипок, четыре пульта виолончелей, семь контрабасов и остальное, что положено.

В зале, как и у нас, к сожалению, народа маловато. Вначале шла увертюра старинной оперы Глюка "Ифигения в Авлиде". Вторым номером в концерте выступал скрипач из Болгарии Георг Бадев. В программке написано, что он талант и прочее, и прочее,, Я лично как слушатель этого не обнаружил. Он играл Концерт ре мажор Моцарта, звук скрипки слабый, отдельные ноты тонут в музыкальной скороговорке. Возможно, что впечатление испортило также то, что перед каждым новым аккордом (если была пауза) раздавался такой звук, будто кто-то шипит. Сначала я не понял, а затем разобрался, что скрипач, мужчина хоть и молодой, но тяжеловесный, в паузах шумно вдыхал воздух, сопел, а акустика в зале отличная и доносила эти вздохи даже до седьмого ряда партера, в котором я сидел.

Заключительным номером оркестр емко и красиво исполнил Вторую симфонию Бетховена.

В 21 час был уже в гостинице, учинил генеральную постирушку и завалился спать. Так прошел вчерашний день.

Сегодня воскресенье, я свободен. В полдень совершил поездку катером по Висле. Висла по сравнению с Волгой, конечно, ручеек, ее ширина чуть больше ширины канала имени Москвы. Катер шел настолько медленно, что движения воздуха не ощущалось, было жарковато, так как солнце через облака парило. Развлекался тем, что обстоятельно (но осторожно) рассматривал попутчиков. Народ, в общем, симпатичный, вежливый до чрезвычайности. Почти каждую фразу начинают со слова пшепрашам, что соответствует нашему "извините за беспокойство". В польском языке, замечу кстати, много шипящих. Еще отец с улыбкой приводил когда-то польское выражение, которое звучит в русской транскрипции примерно так: "Не пепши Петша пепшем вепша, бо можеш пшепешить вепша пепшем". Это означает: "Не перчи, Петя, перцем поросенка, а то можеш переперчить поросенка перцем".

Продолжая наблюдения, установил, что поляки, в общем, народ дисциплинированный. Когда катер подошел к пристани, все заходили на трап чинно, по очереди, не рвались, хотя желающих поехать много, кое-кто, по-видимому, останется на следующий рейс. Чуть прижали лишнего - матрос сказал: "Проше панове, не пхать!" - и порядок восстановился.

Как одеты? Люди постарше и среднего возраста - очень аккуратно, со вкусом, хорошо причесаны. Молодежь же имеет чаще всего бесшабашный вид. И девушки, и молодые женщины, и парни ходят в туфлях на высокой (5-7 см) "платформе". Ребята, как один, с длинными волосами, волосы у некоторых ниже плеч. Из волосяного покрова едва видно

лицо, часто с бородой. Девушки (многие) не носят лифтов, обтягивают свое естество майками, почти все в тесных брюках. На майках - надписи, реклама товаров; у одной девчонки на массивном бюсте написано "ароматные бананы", а ниже - фирменный знак.

(Примечание 1993 г. Не кажется ли Вам, уважаемый читатель, что в 1975 году я пророчески описывал внешний вид нашей молодежи в нынешние дни? Действительно, мы "отстали от цивилизации" почти на полтора десятка лет!)

По возвращении из поездки немного прошелся по городу. Заметил, что некоторые жители ездят на тандем-велосипедах. Колеса у велосипедов маленькие, видимо для того, чтобы ограничить скорость движения.

16 июня 1975 года. Утром выступал в Политехнике перед деканами и кафедрой высшей математики по вопросу о единой программе математического образования инженеров, было интересное обсуждение, многие одобрили эту идею. Жаль, что у нас она реализуется туго.

Днем проф. Харасимович на своей машине отвез меня в магазин для нестандартных фигур. Хорошо, что такой магазин есть, но жаль, что я принадлежу к категории его клиентов. В этом магазине за 1775 злотых я купил летний костюм, который все присутствовавшие поляки-продавцы и покупатели одобрили, сказав: "Бардзо добже!". Посмотрим, что скажут более строгие рецензенты дома.

По-польски я теперь понимаю совсем неплохо. Когда сегодня в машине Харасимович чихнул два раза подряд и со злостью сказал: "От холера!", - я точно понял все, что он хотел сказать!

Сейчас 22 часа, только что вернулся из оперы, где вместе с Харасимовичем и его супругой слушал "Кармен". Что сказать? Общее впечатление - выступает самодеятельность дома престарелых с небольшим включением в состав исполнителей лиц предпенсионного возраста. Хозе неустойчиво держался на ногах (подагра, наверное), в первом акте зацепился ногой за ступеньку. Кармен хорошо декольтирована, что позволяет видеть остатки ее молодости. Тем не менее во втором акте, как положено, Эскамильо уговаривал ее полюбить его, причем довольно свободно укладывал свою руку на декольтированную грудь Кармен, несколько окрашивая свою игру в сексуальные тона.

Сам Эскамильо имел вид дровосека; когда пел forte, то почему-то дрожал с ног до головы. Контрабандисты имели вид какой-то банды. Балет состоял из пяти-шести женщин, из них двое - минимум бабушки.

Мужчины в балете примерно моего возраста, поэтому и ноги у них гнутся, как у меня: в одну сторону - да, в другую - нет. Дирижер не знал, под какую и чью ногу отмахивать такт, поскольку каждая из ног в кор-

дебалете двигалась в своем темпе и в свою сторону.

Возможно, что не вполне благоприятное (если сказать вежливо) впечатление о спектакле усугублялось тем, что я слушал оперу на голодный желудок - рано утром легко позавтракал, *а пообедать не успел. Вся надежда была на театральный буфет. Мои уважаемые спутники перед началом спектакля показывали мне здание оперы, но до буфета мы не дошли. В антракте, хотя я готов был рвануть в буфет со спринтерской скоростью, счел неприличным оставить пана Харасимовича и его супругу. Они же двигались столь медленно, что когда мы поднялись на второй этаж, где размещался буфет, прозвучал второй звонок к началу очередного акта. В следующем антракте мы уже даже не делали попытки сходить в буфет. Счастье, что спектакль закончился рано, и я успел, распроставшись с четой Харасимовичей, заскочить в какую-то забегаловку, которая еще работала.

19 июня 1975 г. Во второй половине дня 17 июня мы с профессором Харасимовичем выехали в город Вроцлав. Мой коллега приобрел билеты первого класса на экспресс, проходящий через Краков. Когда поезд подошел к перрону Краковского вокзала, оказалось, что вагон первого класса в составе всего один, а билетов на него продано столько, сколько было желающих. О том, чтобы сидеть, не могло быть и речи, пассажирами заполнены даже коридоры, причем так плотно, что продаться через этот строй невозможно. В купе, хоть и с мягкими сиденьями (первый класс все-таки!), на каждой полке по четыре-пять человек (верхних полок нет). Словом, смеху было мало. Из четырех часов езды больше часу мы простояли на ногах и только от Катовиц смогли войти в купе и сесть, причем, кроме нас, там было еще 7 человек (на шесть сидячих мест).

Поезд, который именовался скорым, действительно быстро разогнался, но затем, словно устыдившись своей прыткости, двигался шагом или просто останавливался. Словом, путешествие было изнурительным.

Однако все последующие дни, проведенные мною во Вроцлаве, заставили забыть эти неприятности, настолько сердечным был прием, который оказали коллеги из политехнического института. Начну с того, что на вокзале, куда прибыл опоздавший экспресс, нас встретили четыре человека, в том числе директор института технологии машиностроения, его заместитель и декан факультета (здесь, так же как в Варшаве и Кракове, сходные по профилю кафедры объединены в институты внутри факультетов). Вдвоем с Харасимовичем нас разместили в гостинице "Панорама" в двухместном люксе.

Утром 18 июня в сопровождении целой свиты я посетил технологи-

ческие лаборатории и кафедры. Приятно, что при этом многие, имевшие мои книги, просили дать на них автограф. В 11 часов читал лекцию по шлифованию для сотрудников института, а в 13 был зван на обед, в котором хозяевами были проректор Вроцлавской политехники, директор института технологии и другие коллеги. С 15 до 17 часов был на приеме у ректора. В Политехнике около одиннадцати тысяч студентов, большой объем научных исследований, в том числе выполняемых с зарубежными странами. При мне позвонили ректору и сообщили, что президент Франции Жискард д'Эстен (он в эти дни был в Польше) наградил его орденом Почетного легиона за научно-технические связи с французскими учеными.

Сегодня, 19 июня, читал для большой аудитории, состоявшей из научных работников, лекцию по теплофизике процессов резания. Затем присутствовал на защите диссертации (повидимому, то же, что и в Венгрии - "доктор-инженер").

Затем улетел в Варшаву, так как от поездки по железной дороге отказался. В аэропорт, кроме коллег, меня провожала симпатичная девушка, которую здесь называют диамантна пани, т. е. алмазная госпожа, так как она ведет исследования по обработке изделий алмазами. Я уточнил, что, надеюсь, пани не из синтетических, а из натуральных алмазов, с чем все сразу согласились. Через пятьдесят минут в аэропорту Варшавы меня встретил представитель ПАН и отвез в гостиницу "Метрополь", расположенную в центре города.

21 июня 1975 г. Вчера был интересный и важный день. Утром мне позвонила в номер пани Вожена Андрака, женщина, которую я знаю по голосу, но ни разу еще не видел. Она, как я уже писал в самом начале дневника, работает в ПАН и курирует мою поездку - заказывает номера в отелях, обеспечивает транспортом, следит за выполнением программы пребывания в Польше. Пани Андрака на сей раз сообщила, что в 12 часов меня ждет в своем кабинете на 26-м этаже Дворца науки и культуры академик Ян Качмарек.

Качмарек принял меня очень тепло. Мы сняли пиджаки (было жар-ковато), и это создало обстановку простой и дружеской встречи. В течение часа, прерываемого традиционным кофе и редкими телефонными звонками, мы обсуждали проблемы теории шлифования, думали о возможном коллективном труде по этому вопросу. Насколько я понял, ему доложили, что мои лекции с интересом встречены научной общественностью институтов, где я их читал. В заключение Качмарек вручил мне два приглашения - на церемонию подписания протокола о сотрудничестве-

стве между советской и польской академиями наук на 1976-80 годы и на ужин по этому поводу.

Возвращаясь в свой номер в "Метрополе", у лифтов встретил мужчину и женщину. Дама была высокого роста, лет пятидесяти, с волевым лицом, говорила хрипловатым голосом курильщицы. Мужчина немного старше, с шапкой черных, поседевших волос, говорил резко и отрывисто, может быть потому, что был астматиком. Они на русском языке обсуждали вопрос о том, который из лифтов работает (здесь тоже бывает, что работают не все подъемники сразу). Трудно передать, насколько приятно за рубежом услышать чистую русскую речь. Я знал, который из лифтов работает, и сказал об этом попутчикам. Поехали в одной кабине. Оказалось, что живем на одном этаже, практически в соседних номерах, в связи с чем дама сделала замечание, что пятый этаж, по-видимому, национальный. Мы раскланялись, но как оказалось, ненадолго. В 18 часов мне позвонил Качмарек и попросил спуститься вниз, чтобы поехать к нему домой, как он сказал, на короткий дружеский прием. У него дома я встретил своих соседей по этажу. Мужчина оказался главным секретарем АН СССР Георгием Константиновичем Скрыбиным, женщина - его женой, профессором медицины.

После встречи у Качмарека мы все поехали в ПАН, поднялись в зал, где уже было много народу, в том числе телевизионщики и кинооператоры, журналисты. Все было готово к подписанию соглашения, тексты уже лежали на длинном столе. Группа советских ученых, прибывших с Г. К. Скрыбиным, выстроилась вдоль стола слева, а поляки во главе с Я. Качмареком - справа. Я стал в сторонке, среди журналистов. Однако кто-то из сотрудников ПАН, по-видимому, достаточно хорошо осведомленный о составе приглашенных, подошел ко мне и попросил присоединиться к делегации советских ученых. Так впервые в жизни я видел процедуру подписания международных документов не с той стороны, с которой обычно наблюдал ее по телевизору.

Ждали президента ПАН. Наконец, он прибыл, и процедура подписания соглашения состоялась. От имени АН СССР ее подписал академик Г. К. Скрыбин, от имени ПАН - академик Ян Качмарек. Они по очереди пожали руки всем участникам встречи. Затем всех обнесли бокалами с шампанским, Скрыбин и Качмарек дали интервью журналистам, а остальные разделились на небольшие группы и беседовали. Тут я впервые познакомился с пани Боженной Андракой, миловидной женщиной средних лет, хорошо говорившей по-русски, правда, с польскими интонациями и ударениями. Поблагодарил ее за заботы обо мне в дни пребывания в Польше.

Вскоре в машине Качмарека, которую он вел сам, с его женой и еще одним сотрудником ПАН выехал в Радзиеовицы - загородный дом Минвуза Польши, расположенный на расстоянии 45 км от Варшавы. Здесь, как написано в приглашении, состоялась колация з okazji подписания протоколу о współpracy науkowej (ужин по случаю подписания протокола о научном сотрудничестве). На ужине был президент ПАН с женой, которая сама является видным ученым в области химической биологии, польские и наши академики.

Меня представили президенту и его супруге (фамилии не запомнил) и вице-президенту с супругой (их фамилию - Пинежек - запомнил по аналогии с одним из персонажей оперетты "Марица"). Жена Пинежека, оказавшаяся моей соседкой по столу, будучи специалистом по выращиванию яблок, собиралась ехать на международный конгресс биологов-садоводов в Ленинград. Она провела на мне свои успехи в изучении русского языка.

Застолье длилось около двух часов с переменной нескольких блюд и вин, которые разносили официанты. Потом все перешли в зал, где горел камин и мерцали огоньки свечей. Сюда подали кофе и коньяк. В достаточно интимной обстановке участники ужина негромко пели польские и русские песни, кто как мог. Расстались около полуночи.

Так прошел вчерашний день. Сегодня утром позвонила пани Андрака и предложила в мое распоряжение на весь день автомашину. Вскоре машина прибыла, и я поехал по Варшаве. В частности, был в парке Лазьенки, в центре которого искусственное озеро, а на острове в этом озере прекрасный памятник Шопену. Композитор, как будто бы обдуваемый порывом ветра (скульптура напоминает работы Врубеля), оперся о дерево и полон творческого порыва. Рядом со скульптурой стоит рояль (не скульптурный, а настоящий), на котором по традиции в выходные дни исполняют произведения классической музыки, транслируемые по парку. Прекрасная традиция!

Вечером по собственной инициативе пошел в оперу. К зданию польского Большого театра от гостиницы шел пешком, по улице, на которой расположен памятник Копернику.

Здание Оперы большое и шикарное. Все полы, лестничные марши и даже перила на маршах покрыты мрамором, причем полы - в рисунках. В фойе расположен театральный музей. Зрительный зал большой, многоярусный, с удобными креслами, с кондиционированием воздуха, что очень приятно после жары на улицах.

Шла комическая опера Верди "Фальстаф". Спектакль поставлен блестяще. Прекрасные голоса у всех участников. Прекрасно звучал оркестр.

хор - слаженно и красиво. Интересен тонкий юмор, заложенный в режиссерских решениях (кстати, режиссер Резник, почти однофамилец). Все певцы не только поют, но и играют как драматические актеры. В последнем акте отлично сделан маскарад в Виндзорском парке. Словом, последний вечер в Варшаве провел отлично, хоть за весь вечер произнес всего два слова: "Прошу оранж", - в буфете театра, когда купил стакан апельсинового сока.

23 июня 1975 г. Вчера, 15 июня, провожаемый Яном Качмарком, сел в поезд, идущий на Родину. В купе со мной едет молодой доцент из Ленинградского электротехнического института, который был в Варшаве на стажировке. На его о вопрос, как мне понравилось путешествие в Польшу, я ответил: "Когда едешь туда - интересно, когда едешь обратно - приятно!". Эту фразу я и вынес в заголовок главы воспоминаний, потому что где бы ты ни был, а ехать на Родину, домой - лучше всего!"

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ –

ЭТО ДЕЛАТЬ ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Название этой главы представляет собою часть фразы, принадлежащей академику Сергею Львовичу Соболеву, известнейшему математику. Полностью фраза звучит так: "Главное в жизни - это делать любимое дело и делать его так, чтобы что-то получалось". В этом же смысле - о счастье делать любимое дело - говорила и народная артистка СССР Мария Ивановна Бабанова, отрывки из писем которой я приводил в одной из предыдущих глав.

В 1975 году мне исполнилось 60 лет. Следовало подвести некоторые итоги, поразмышлять, приложить к своей деятельности тот важный принцип, о котором почти одинаковыми словами сказали столь разные и вместе с тем столь замечательные люди как С. Л. Соболев и М. И. Бабанова. Вот что получилось из этих размышлений.

Прежде всего я отметил, что в 1975 году исполнилось двадцать лет с момента опубликования моей первой статьи по вопросам теплофизики резания, а вскоре и двадцать лет со времени выхода в свет первой моей монографии на эту тему ("Температура и охлаждение режущих инструментов", Куйбышевское книжное издательство, 1958 г.). Эти работы по-

служили началом нового научного направления в анализе теплофизики процесса резания.

За двадцать лет это направление окрепло, оно привлекло внимание достаточно широких кругов специалистов-технологов. Начали создаваться новые научные школы: в Рыбинске - во главе с С. С. Силиным, в Волгограде (Н. В. Талантов), в Ижевске (В. А. Сипайлов), в Минске (П. И. Ящерицын), в Киеве (В. А. Остафьев) и в других городах. Резко увеличилось количество работ, представленных в качестве диссертаций на соискание ученых степеней кандидата или доктора наук, основу которых составлял анализ тепловых явлений.

В конце шестидесятих годов плодотворным оказалось переплетение проблем теплофизики резания с проблемой использования новых инструментальных материалов - синтетических алмазов. Это подвинуло вперед исследование процессов теплообмена при финишных методах обработки - важнейшей части современной технологии машиностроения. Возникли научные школы - в Ленинграде (Л. Н. Филимонов, В. И. Островский), в Одессе (А. В. Якимов) и в других местах.

Главным центром, координировавшим исследования по всем направлениям технологической теплофизики, как я уже писал выше, был Институт металлургии АН СССР, где работал академик Н. Н. Рыкалин, труды которого дали мощный толчок изучению и инженерному описанию тепловых явлений в процессах и телах, где действуют сосредоточенные источники различной формы. Неофициальным центром исследований по теплофизике процессов механической обработки (резание, шлифование) стал Тольяттинский политехнический институт. К нам приезжали диссертанты, чтобы выслушать всегда доброжелательную, но принципиальную критику и получить наш отзыв. Не случайно Тольятти стал местом проведения двух всесоюзных конференций по теплофизике технологических процессов (1972 и 1976 гг.), причем участники этих конференций обсуждали не только проблемы резания, но также сварки, обработки давлением и других методов технологии. Наш институт был инициатором и организатором издания фундаментальной книги "Абразивная и алмазная обработка материалов", вышедшей под моей редакцией в издательстве "Машиностроение" (1977 г.). Много энергии в качестве соавторов этой книги и составителей некоторых ее разделов приложили В. И. Пилинский, А. В. Гордеев, Г. М. Гаврилов и другие сотрудники нашей кафедры. Книга "Абразивная и алмазная обработка материалов" заняла второе место во всесоюзном конкурсе на лучшую техническую книгу, проведенном НТО Машпром в 1978 году. Она в дальнейшем издавалась за рубежом.

Высокую оценку наши работы получали и у зарубежных ученых, о чем, в частности, можно судить по научным контактам в период моего пребывания за рубежом, которые описаны в предыдущих главах воспоминаний.

Словом, в ТПИ мы делали, если использовать терминологию С. Л. Соболева, любимое дело и делали его так, что кое-что получалось. Естественно, что я как профессор и научный руководитель ряда работ находился в эпицентре этой деятельности, испытывал большое удовлетворение от ее результатов.

Значительно меньшее удовлетворение испытывал как ректор от результатов административной деятельности, несмотря на то, что становление и развитие института продолжалось. Повышался уровень подготовки молодых специалистов, выпускаемых вузом, о чем свидетельствовали отзывы предприятий. В олимпиадах "Студент и технический прогресс" команды ТПИ в своем регионе часто становились победителями и призерами по общенаучным и общетехническим дисциплинам. В 1978 году студенческое конструкторское бюро "Багги" было удостоено медали и диплома Выставки достижений народного хозяйства СССР за разработку и создание конструкции спортивно-кроссового автомобиля.

Однако новые идеи, относящиеся к совершенствованию учебного процесса, реализовались в институте слабо. Это относилось, например, к дальнейшей разработке и применению единых координационных программ типа ЕПМО и ЕПЭО, упоминавшихся выше. Мне не удалось подобрать на должность проректора по учебной работе ученого-методиста, который, не оглядываясь на обстоятельства, настойчиво проводил бы в жизнь прогрессивные идеи и требовал их реализации кафедрами и факультетами. Когда, наконец, я остановил свое внимание на профессоре Ивашине В. В., который, на мой взгляд, мог улучшить учебно-организаторскую работу института, его кандидатуру по каким-то закулисным соображениям не санкционировали партийные органы.

Много сил и нервов приходилось расходовать на то, чтобы в условиях жесткого ограничения прав ректора всякого рода инструкциями и приказами решать повседневно возникающие текущие проблемы. Я уже писал, например, о трудностях, возникших в связи с приглашением крупного специалиста профессора С. В. Лашко, когда в интересах института пришлось пойти на некоторые нарушения финансово-штатных порядков. Иногда приходилось в интересах дела идти на сознательное нарушение инструкций, понимая, что за этим последует административное или партийное взыскание. Надо сказать, что в те времена многие руководители предприятий и учреждений "вызывали огонь на себя", по

необходимости нарушая финансово-штатную дисциплину. Некоторые из них постепенно становились равнодушными к ожерелью выговоров и предупреждений, которые навешивали им вышестоящие организации, понимая, что впоследствии эти взыскания могут быть сняты, а дело будет сделано.

Приведу пример нарушения финансовой дисциплины, за которое впоследствии я и В. И. Столбов получили административные и партийные взыскания. В конце 1977 года у нас оказалась неизрасходованной довольно большая сумма средств, о чем, к сожалению, бухгалтерия не поставила ректорат в известность своевременно. По существовавшим тогда правилам 31 декабря эта сумма списывалась в доход государства. Списание было неприятно не только тем, что у вуза отнималась часть и без того скудных средств, но и тем, что бюджет следующего финансового года мог быть уменьшен по бюрократической логике: обошлись в этом году, обойдетесь и в следующем.

В. И. Столбов предложил срочно израсходовать остаток средств на оплату труда студентов, активно участвовавших в научной работе. Замечу, что в 1977 году в научной работе в студенческих конструкторских бюро и на кафедрах института участвовали 1852 студента, многие из которых активно содействовали проведению исследований и разработке опытных образцов, приборов и механизмов (я уже писал, например, о СКВ "Багги"). Целесообразность оплаты труда студентов была очевидной. Но эту оплату нельзя было осуществить одновременно, например в виде премии - такой статьи в финансовом плане института не было. Студенту можно было оплачивать не более чем 50% стипендии в месяц при условии своевременного зачисления его на должность лаборанта соответствующей кафедры или лаборатории. Мы с В. И. Столбовым пошли на нарушение - задним числом отдали приказ о зачислении некоторого количества студентов в штат с тем, чтобы оплатить их работу за два-три месяца. В министерство и партийные органы сразу ушли анонимки от "недремлющих глаз". Естественно, что из этих инстанций сразу прибыли проверочные комиссии.

Замечу, кстати, что комиссии всякого рода - плановые и внеплановые, выматывали душу у ректората, создавали обстановку нервозности в коллективе. Каждой мало-мальски солидной комиссии полагалось выделять одну или две комнаты, обязательно с телефоном. На дверях комнаты вывешивалось объявление о том, что здесь помещается комиссия по проверке работы института и что все желающие что-либо сообщить по этому поводу могут приходить со своими устными или письменными заявлениями. Как правило, кроме проверки документов, приказов по

институту и других материалов, комиссии аккумулировали искаженные сведения, сплетни и клеветы, часть из которых попадала в акт проверки в виде "жареных фактов".

Помню, как однажды обследователь из КРУ (контрольно-ревизионного управления финотдела) в акте проверки записал, что в институте не выполняются индивидуальные планы преподавателей. Основанием для этого был следующий факт. На кафедре физкультуры не хватало двух преподавателей, вакансии не были заполнены. Каждому преподавателю положено отработать 1540 часов в год. Чтобы не срывать занятия, члены кафедры добровольно решили нагрузку недостающих преподавателей поделить между собою и увеличить (без дополнительной оплаты!!!) число часов в своих индивидуальных планах до 1700-1800. В дальнейшем, однако, оказалось, что на занятия по физвоспитанию должно было ходить меньше студентов, чем планировалось, и поэтому фактическая нагрузка преподавателей оказалась в пределах 1600-1700 часов. Представитель КРУ усмотрел в этом невыполнение индивидуальных планов, и на все мои объяснения, что преподаватели, даже если исходить из фактического объема часов, работали добровольно и без оплаты больше, чем им положено, твердил: "Но им было запланировано 1700-1800 часов, значит, столько и должны были отработать!"

Не все факты, попадавшие в акты ревизий и проверок, имели, конечно, такое трагико-анекдотическое основание. Многие были записаны правильно. Недостатки, отмеченные в актах, были следствием недоработок и упущений администрации, неумения или халатного отношения отдельных сотрудников, а порой и прямых злоупотреблений. Так, например, в 1977 году в Тольятти была раскрыта группа преступников, возглавляемых сотрудником универмага "Рубин", которая осуществляла хищение и продажу дефицитных радиодеталей. Детали похищали на электротехническом заводе, в институте ВНИИЦеммаш и ТПИ, а затем продавали в "Рубине". У нас воровал старший инженер одной из лабораторий Данилов. Механика воровства была предельно проста. Он выписывал детали со склада института в большом количестве, а затем вскоре списывал их как израсходованные в процессе исследований. Бухгалтерия, заинтересованная в снижении товарных запасов на складе (за это ее работники по соответствующей инструкции получали премию), охотно визировала акты о списании материалов, незадолго до этого приобретенных за счет института по заявкам того же Данилова. Всю шайку преступников посадили, директора "Рубина" сняли с работы, а я получил строгий выговор в приказе по министерству.

В середине семидесятых годов уехал в Канаду в качестве туриста на-

чальник научно-исследовательского сектора ТПИ Ротт и остался там. Ротт был венгром (так он писал в анкетах), родители его еще в тридцатые годы эмигрировали из Венгрии в СССР, а родственники - в Канаду. Мы взяли его на работу в порядке перевода с должности начальника одного из цехов ВАЗа, где Ротт пользовался авторитетом и даже был награжден орденом. Кто мог предположить, что он сбежит из страны? Но факт был фактом, и я как руководитель учреждения получил от бюро райкома партии выговор с занесением в учетную карточку "за серьезные недостатки в подборе кадров". Это было в июле 1975 года, вскоре после моего возвращения из Польши.

Отношение ко мне как ученому и как администратору было столь различным, а самочувствие при решении научных и административных задач - столь несопоставимым, что я начал задумываться, а свое ли дело делаю, продолжая оставаться ректором института? Ведь задание, которое я получил в 1967 году - преобразовать провинциальный филиал в самостоятельный вуз, - в основном выполнено. В 1978 году контингент студентов приближался к шести тысячам человек, причем около 60% из них составляли студенты дневного отделения. Сформировался квалифицированный коллектив преподавателей (7 докторов наук, профессоров и свыше 140 кандидатов наук, доцентов). Несколько сотрудников подготовили к защите докторские диссертации (В. И. Столбов, Ж. С. Равва, А. С. Писарев, В. С. Ивлентьев и другие). Аспирантура, созданная при кафедрах ТПИ, непрерывно поставляла в коллектив молодых кандидатов наук. За годы самостоятельного существования институт, хоть и недостаточно, но все же расширил свою материальную базу - построены мастерские, столовая на 530 мест, два корпуса студенческих общежитий. Деятельность коллектива неоднократно отмечалась в печати. В частности, газета "Правда" в передовой статье "Ответственность высшей школы" (26 ноября 1977 года) назвала Тольяттинский политехнический институт среди передовых вузов, сочетающих общетеоретическую и практическую подготовку студентов. Это, конечно, не значило, что в институте было все хорошо, гладко и спокойно, что не было недостатков и ошибок. Но все же в основном задача, поставленная передо мной и коллективом в 1967 году, была выполнена.

Возникал вопрос: не следует ли мне возвратиться к любимому делу - научной и педагогической работе, которую я не мог выполнять в полном объеме, будучи администратором, расходуя силы, нервы и время на решение текущих, преимущественно хозяйственных задач, на противостояние наскокам партийных и иных органов, на борьбу с формализ-

мом, свойственным отношению к высшей школе со стороны государства?

Однажды возникнув, эта мысль постепенно созрела и завершилась тем, что в конце 1978 года я подал заявление об отставке с поста ректора. Примерно полгода обком и горком партии подбирали кандидатуру ректора ТПИ. Сначала привозили в Тольятти профессоров из куйбышевских вузов, но они либо сами отказывались, либо не подходили по тем или иным обстоятельствам. Наконец, остановились на В. И. Столбове, кандидатура которого, на мой взгляд, была наилучшей, что, впрочем, показала и последующая его деятельность.

28 мая 1979 года, проработав ректором ТПИ почти двенадцать лет, я был освобожден по собственному желанию и смог полностью отдаться любимому делу, возглавив кафедру резания, станков и инструмента в том же институте.

ПРОШЛО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ

После событий, описанием которых я завершил предыдущую главу, прошло без малого четырнадцать лет. За эти годы в семье и в институте произошли новые события - печальные и радостные. О том трагическом, что произошло в семье - кончине в 1982 году Ольги Давидовны, а в 1986 году - Марии Львовны, я уже писал. Трагической была также гибель от рук хулиганов летом 1983 года мужа Сусанны - Игоря Калужского. Под вечер он вышел прогуляться по опушке леса, расположенного вблизи дома. Под утро его нашли в лесу убитым. Несмотря на большое количество вещественных доказательств, несмотря на показания свидетелей, которые видели трех мужчин, вышедших из леса вблизи места убийства, и описали их наружность, уголовный розыск Центрального района Тольятти не смог раскрыть это преступление и отыскать виновных. Причина такой беспомощности органов правопорядка вскрылась через пару лет, когда выяснилось, что начальник угрозыска и его подчиненные находились на содержании бандитско-воровской шайки и всячески покрывали преступников. Начальник угрозыска пошел под суд, весь отдел был расформирован, но нам от этого не стало легче.

Если бы убийцы даже и были найдены, потерю Игоря этим компенсировать нельзя, трагедия оставалась трагедией.

Наша дружная семья, как говорят, "сомкнула ряды", помогала Сусанне пережить боль утраты и воспитывать дочку Танечку. Танечка, закончив десятилетку, поступила в Тольяттинский театр "Эксперимент" (теперь ТЮЗ) и одновременно на первый курс заочного отделения Самарского института культуры. Содружеству театра и института культуры тольяттинская городская газета, которая тогда называлась "Новый день", 19 июля 1991 года посвятила большую статью. В этой статье, касаясь вступительных экзаменов на отделение театральной режиссуры, корреспондент газеты писала:

"С Сусанной Львовной Калужской я познакомилась в первом же маленьком перерыве. Оказалось, что театр - давнее семейное пристрастие Калужских. Сусанна Львовна с удовольствием болела за дочку: пусть театр станет ей и частью души, и будущей профессией, как у ее бабушки, она ведь была актрисой-профессионалкой. Да и мама многие годы отдала народному театральному коллективу, играла в разных спектаклях". (Имеется в виду участие Сусанны в народном самодеятельном театре в тот период, когда она жила в Куйбышеве и работала шлифовщицей на 9ППЗ. - *А. Р.*)

К сожалению, наша дорогая Мусенька не дожидая до этого момента, он был бы счастьем в ее жизни. Вся семья рада тому, что Танечка своим выбором ставит нерукотворный памятник "бабе Мусе". Как хорошо было бы, если бы хоть часть детей и внуков жила и работала так, чтобы ставить нерукотворные памятники старшим поколениям!

В октябре 1992 года семья проводила в последний путь Неллочкину маму - Марию Сергеевну Ильину, погибшую в автомобильной катастрофе. Достоянная, заботливая и скромная Мария Сергеевна, в прошлом преподаватель ТПИ и Учебного центра ВАЗа, оставила о себе светлую память у всех родственников и других знавших ее людей.

Однако жизнь шла, и удары Судьбы перемежались с радостными событиями. Расскажу о некоторых из них в хронологическом порядке. В конце сентября 1979 года вышла замуж внучка Оля. "Судьба все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует" - таков афоризм, принадлежащий перу французского писателя Франсуа де Ларошфуко. Ну, в самом деле - кому из пассажиров, едущих в предпраздничный день из Куйбышева в Тольятти, может быть выгодна поломка рейсового автобуса в пути между пунктами отправления и назначения? Вы скажете - никому, и ошибетесь. Оказывается, во время непредвиденной остановки, пока водитель что-то "химичит" с двигателем, а пассажиры, выйдя из

салона, разминают затекшие от долгого сидения ноги, по инициативе Судьбы может состояться знакомство студентки Куйбышевского института культуры Оли Рудой со студентом авиационного института Юрой Анцыферовым. Стоянка автобуса оказалась настолько продолжительной, что молодые люди успели поговорить о том о сем, заинтересоваться друг другом и договориться после выходных дней ехать обратно одним рейсом, чтобы скоротать длинную двухчасовую поездку приятным разговором. Все! Судьба устроила то, что хотела - познакомила двух молодых жителей Тольятти. Остальное, как говорится, было делом техники, завершившимся свадьбой.

Молодые супруги несколько лет жили в Кировском районе Куйбышева (в просторечьи - на Безымянке), в комнате, принадлежавшей Марии Львовне, поскольку сама она уже жила у нас, в Тольятти. Через год у Оли с Юрой родилась малышка, названная Яной. Несмотря на помощь, которая поступала из Тольятти в разных видах, молодым родителям жилось довольно трудно, поскольку оба они учились, с ребенком оставались поочередно. По окончании вузов они переехали в Тольятти.

Идем дальше по хронике событий. В 1981 году в центральном издательстве "Машиностроение" вышла очередная моя монография "Теплофизика процессов механической обработки материалов". Это был первый капитальный труд, написанный после смерти отца, одного из отечественных ученых, внесших вклад в науку о резании, в частности в экспериментальное изучение тепловых явлений при резании металлов. Сдавая рукопись, я попросил дирекцию издательства поместить на первой странице книги короткую фразу о том, что этот труд посвящается памяти отца - видного отечественного ученого-резальщика. К сожалению, обычные человеческие чувства не укладывались в соответствующие инструкции. В инструкциях не было упоминания о том, можно или нельзя делать эпитафии на технических книгах. Поэтому редакция, решив, видимо, "посоветоваться с кем следует", попросила прислать официально заверенную биографию отца, чем меня немало удивила, так как книги профессора Н. И. Резникова неоднократно выходили в издательстве "Машиностроение", а на посмертном его труде (1972 г) был помещен портрет и краткий некролог, о чем я уже писал выше. Но "совет", по-видимому, был не в пользу эпитафии, и издательство под незначительным предлогом отказало в моей просьбе.

Год 1981-й ознаменовался также тем, что начала развиваться алма-атинская ветвь нашего рода. Дочь Бори и Раи, а моя племянница Марья-на вышла замуж за хорошего парня-производственника Бориса Платонова. Теперь у них уже двое детишек - Андрюша и Аллочка.

В конце 1981 года Лева оформился соискателем для завершения диссертации на кафедре технологии материалов Ленинградского политехнического института к профессору В. Г. Подпоркину. Кафедра жестко контролировала его работу, установив крайний срок завершения диссертации ("Мы его подперли жестким задним центром", - сказал зам. завкафедрой М. А. Шатерин). Завершив кандидатскую диссертацию на тему "Исследование теплофизики процесса резания с плазменным подогревом обрабатываемого материала", Лев в марте 1983 года успешно защитил ее в Грузинском политехническом институте и был утвержден в ученой степени кандидата технических наук. Выбор ленинградского и грузинского институтов объяснялся тем, что в этих вузах ряд лет проводили исследования по резанию нагретого металла.

К 1983 году относятся два небольших, но интересных документа, сохранившихся в моем архиве. Первый - программка спектакля, поставленного Театром юного зрителя, который на правах молодежной студии работал в Тольятти. По пьесе Г. Мамлина "Обелиск" ТЮЗ поставил спектакль "Выбор" и показал его 26 марта 1983 года на сцене одного из лучших театральных помещений города - Дворца культуры завода "Синтез-каучук". В роли шестиклассника Миши впервые вышел на сцену наш внук Георгий, Инночкин сын, которому тогда было около 13 лет. Он давно посещал молодежную студию и, наконец, получил хоть маленькую, но самостоятельную роль. Гоша с детских лет мечтал о театре и упорно пробивал себе к нему дорогу. В 1985 году, не закончив среднюю школу, держал экзамен и поступил на театральное отделение Куйбышевского музыкального училища, к которому была приписана студия Куйбышевского академического театра драмы. Училище не было заинтересовано в театральном отделении, а руководство театра уделяло ему незначительное внимание. Общежития студийцам не предоставляли, а снять комнату или хотя бы уголок в тот год не удалось. В результате парнишка жил, вернее ночевал, в "Доме колхозника" и в других случайных местах. К концу года ему пришлось покинуть училище и вернуться для завершения среднего образования в Тольятти, в школу рабочей молодежи. Закончив ШРМ, Гоша вновь сделал попытку выйти на свою дорогу - в 1987 году, несмотря на конкурс, поступил в Горьковское театральное училище, одно из лучших в нашей стране. Училище успешно закончил в 1991 году и теперь работает в профессиональном Камерном театре при ВАЗе.

Второй документ из моего архива - вырезка из городской газеты "За коммунизм" от 19 ноября 1983 года. В статье "Учатся мастера" корреспондент, рассказывая о курсах, организованных Домом техники, пишет: "Особенно запомнились слушателям занятия по психологии и правовым

проблемам управления, проведенные преподавателями И. А. Золовой и Т. А. Островской".

И. А. Золова - это наша Инна, которая преподавала в Учебном центре ВАЗа. Будучи по образованию инженером-электриком, она одной из первых в городе поняла важность изучения социально-психологических аспектов управления производством и начала упорно работать в этом направлении. Вскоре освоила методику и организацию деловых игр, а затем и более сложные вопросы инженерной психологии. Стала известным специалистом по этим проблемам, ее приглашали для чтения лекций в Тольятти и в других городах. Теперь Инна успешно работает в То-льяттинской школе бизнеса - дочернем предприятии АвтоВАЗбанка - преподавателем-консультантом, проводит видеотренинг и другие занятия с руководителями подразделений ВАЗа и других предприятий.

В октябре 1984 года я и Лев в качестве докладчиков, а Беллочка - в качестве сопровождающей выехали в Ташкент и приняли участие в очередной (шестой по счету) Всесоюзной конференции "Теплофизика технологических процессов". Поскольку председатель оргкомитета академик Н. Н. Рыкалин не смог прибыть в Ташкент, открывал конференцию и вел пленарные заседания я. Конференция продемонстрировала дальнейшее развитие работ по совершенствованию процессов теплообмена при резании, шлифовании, сварке, обработке давлением, плазменной и лазерной технологий. В программу конференции были включены около 380 докладов и сообщений, представленных авторами из 52 городов СССР. С удовольствием отмечу, что 27 докладов и сообщений были представлены сотрудниками Тольяттинского политехнического института.

Год 1985 был юбилейным - 1 февраля во ВНИИЦеммаше отметили Беллочкин юбилей, а 31 мая политехнический институт провел заседание ученого совета и научный семинар, посвященный моему 70-летию. На заседание совета и семинар прибыли ученые из Горького (профессор М. И. Клушин), Рыбинска (профессор С. С. Силин), Ленинграда (профессора Л. Н. Филимонов и М. А. Шатерин), Харькова (профессор В. М. Дрожжин), Свердловска (ПО "Уралмаш" - к. т. н. В. Б. Серебровс-кий), Баку (к. т. н. А. Д. Джафаров), Уфы (профессор А. П. Доброрез), Куйбышева (профессора Д. Д. Папшев, Б. А. Кравченко, М. К. Клебанов), другие мои коллеги и ученики.

В дни юбилея Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными связями, имея в виду многолетнюю деятельность в качестве вице-президента и члена правления тольяттинского отделения общества "СССР - Италия", а также научные контакты с вузами других стран, наградил меня Почетным знаком "За вклад в дело дружбы". Знак

имеет номер 1890. Мне было приятно оказаться среди почти двух тысяч отечественных и зарубежных граждан, удостоенных этой награды, так как укреплению дружбы народов, в том числе и в нашей стране, я был верен всегда. С грустью и болью переживаю нынешние времена, когда разорваны многие интернациональные связи, а великая многонациональная наша держава разрушена. Не сомневаюсь, что, когда развеется угар национализма и сепаратизма, народы вновь потянутся друг к другу, священные узы дружбы будут восстановлены. Желаю моим детям и внукам дожить до тех времен и участвовать в этом благородном деле!

8 июля 1985 года сводный отряд трех поколений семейства Резниковых совершил путешествие по Волге на теплоходе "Парижская коммуна" по маршруту Тольятти - Горький - Астрахань - Тольятти. Как записано в небольшом вахтенном дневнике, который вели дед и внук, отряд состоял из Командира (Беллы), Начштаба (деда Арона), Главбороды (Левы) и Юнги (Романа). Наиболее ответственной задачей путешествия, как следует из того же дневника, сохранившегося в архиве, были поиски пристани Йошкар-Ола на Волге. Несмотря на то, что упомянутая пристань числилась в официальном расписании движения теплохода, Главборода утверждал, что ее быть не может, поскольку общеизвестный город Йошкар-Ола, столица Марийской АССР, расположен на расстоянии не менее чем 150 км от Волги. К сожалению, географический парадокс остался неразрешенным, о чем свидетельствуют следующие выдержки из дневника: одна - по пути вверх, другая - по пути вниз.

9 июля 1985 г. В 7 час. 10 мин., когда теплоход должен был согласно расписанию причалить к пристани Йошкар-Ола, Командир перехода и Начштаба на часок задремали, утомленные почти четырехчасовой борьбой с комарами, которые залетели в каюту около трех часов ночи, когда теплоход швартовался к пристани Козловка. (Казалось бы, с этой пристани на теплоход должны залетать не комары, а козлы, или пристань следует переименовать в Комаровку). Что же касается Главбороды и Юнги, то в такую ужасную рань они вообще не могут открыть глаза, им снится еще очередной, далеко не последний сон. Поэтому по пути вверх не было выяснено - чалился ли теплоход к искомой пристани, и решение задачи было перенесено на обратную дорогу.

12 июля 1985 г. Осталась проклятая неизвестность с пристанью Йошкар-Ола. Дед Арон был назначен вахтенным и впередсмотрящим. Ровно в 7.00 он стал на вахту у левого борта теплохода, так как левым глазом видел лучше, чем правым. Простоял до 8.00 (пристань по расписанию должна была быть в 7 час. 40 мин.), и бесполезно. Оказалось, что по пути вниз капитан теплохода решил к пристаням между Чебоксарами и

упоминавшейся уже Козловкой (Комаровкой) вообще не чалиться. Броситься же вплавать, чтобы добраться до берега и сделать необходимое географическое открытие, вахтенный профессор не решился по двум причинам: 1) его прыжок с теплохода в Волгу мог вызвать цунами, которое, как известно, наносит большой вред; 2) он мог слишком быстро оказаться на твердом грунте (имеется в виду дно Волги), а тогда продолжать этот дневник было бы некому.

Улыбнувшись, уважаемый читатель, посмотрим, что происходило в следующем, 1986, году. Здесь отметим выход в свет в издательстве "Машиностроение" монографии "Обработка металлов резанием с плазменным подогревом". Книга была написана четырьмя авторами: мной, канд. техн. наук (впоследствии доктором наук, профессором) М. А. Шатериным, инженером В. С. Куниным и канд. техн. наук Л. А. Резниковым. М. А. Шатерин и В. С. Кунин - ленинградцы, они, как и мы с Левой, в течение нескольких лет занимались исследованием и внедрением в производство новейшего метода обработки резанием, которому посвящена монография.

В 1987 году отмечу два события. Во-первых, Неллочка, Левина супруга, инженер-механик по образованию, блестяще сдала в Ленинградском политехническом институте кандидатский экзамен по физике, там же успешно защитила диссертацию и была утверждена в ученой степени кандидата физико-математических наук. Сейчас, когда пишутся эти строки, она является докторантом Санкт-Петербургского технического университета и, надеюсь, в ближайшие годы станет доктором наук.

В ноябре 1987 года семья тепло отметила нашу с Беллочкой "золотую свадьбу". Как быстро промелькнули эти золотые пятьдесят лет!

Следующий, 1988, год прошел под знаком подготовки и проведения в Тольятти очередной (седьмой по счету) Всесоюзной конференции по теплофизике технологических процессов. Среди авторов докладов было 60 докторов и более 200 кандидатов наук, многие работники производства, в том числе и ВАЗа. Конференция прошла на высоком уровне. К сожалению, основатель научного направления академик Н. Н. Рыкалин, бессменный председатель оргкомитетов предыдущих конференций, скончался в период между VI и VII конференциями. В память о нем в актовом зале ТПИ, где проходили пленарные заседания, был вывешен большой портрет Николая Николаевича, сопровождаемый строками из его письма, адресованного мне еще в декабре 1968 года: "Уверен, что наша совместная работа сможет еще принести пользу народу. Желаю полного успеха в ваших больших начинаниях, расцвета ТПИ и победы теплофизических подходов в технологии". (Кроме этих строк, в письме

содержался следующий текст: "Клавдия Ивановна и я шлем самый сердечный привет Белле Львовне и радуемся успехам Левы. Будьте здоровы и всегда бодры, дорогой Арон Наумович. Искренне Ваш. Н. Рыкалин".)

Николай Николаевич, крупнейший ученый, мудрый и обаятельный человек, до последних дней своей жизни сохранял бодрость, громадную работоспособность и любовь к людям.

На последнем пленарном заседании, которое вел ректор ТПИ профессор В. И. Столбов, неожиданно для меня группа ученых во главе с профессорами Н. В. Талановым (Волгоград) и В. И. Дрожжиным (Харьков) предложила от имени конференции обратиться в соответствующие инстанции с просьбой о присвоении мне почетного звания "Заслуженный деятель науки и техники РСФСР". Впоследствии это ходатайство было удовлетворено и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 апреля 1990 года почетное звание мне было присвоено.

В 1990 году Государственный комитет по народному образованию утвердил в качестве учебника для студентов машиностроительных специальностей вузов книгу "Тепловые процессы в технологических системах", написанную мною и Левой. Это был первый учебник общесоюзного значения, авторами которого являлись сотрудники ТПИ.

Таковы в хроникальном изложении основные события, относящиеся к жизни и деятельности нашей семьи за годы с 1979 по 1993 г. Следует лишь добавить, что в самое последнее время синхронно, не договариваясь между собою, мы с братом оставили должности заведующих кафедрами и перешли на штатные должности профессоров.

Теперь несколько слов о ТПИ. За последние годы успешно развернулось строительство новых корпусов института. Этому немало содействовало привлечение на должность проректора заслуженного строителя РСФСР Николая Сергеевича Комаровского. Еще в последние месяцы моей работы ректором Н. С. Комаровский, начальник одного из крупных подразделений Куйбышевгидростроя, в связи с уходом на пенсию высказал пожелание перейти на должность главного инженера по строительству ТПИ. Несмотря на сопротивление парткома института, полагавшего, что нужен более молодой человек, я пригласил Николая Сергеевича занять эту должность. Прекрасный организатор строительства, честный и здравомыслящий человек, самоотверженно воевавший на фронте, а затем многое сделавший для строительства ВАЗа и города Тольятти, Н. С. Комаровский внес и вносит неоценимый вклад в развитие материальной базы института. Если в 1979 году ТПИ располагал учебно-производственными площадями порядка 30 тыс. кв. м (в 1967 году - около 19 тыс. кв. м), то в 1992 году - 80,6 тыс. кв. м. Построены несколько

новых современных многоэтажных учебных корпусов, новое общежитие, оздоровительный лагерь и ряд других помещений. Строительство продолжается.

Осенью 1992 года город Тольятти тепло отпраздновал двадцатипятилетие ТПИ как самостоятельного вуза. Выступая на торжественном заседании, встреченный овацией зала, я с большим трудом сдерживал волнение. Радости и огорчения прошедшей четверти века клокотали в моем горле. Была в них гордость за родной институт, за то, что и мой труд есть в его создании и развитии. Была боль за тех коллег и товарищей, с кем мы закладывали фундамент нового вуза, но которым не пришлось дожить до юбилейного дня. Была, наконец, надежда на то, что, несмотря на трудности нынешних лет, институт сохранит то светлое и благородное, что издавна заложено в понятие "высшее учебное заведение", а наши воспитанники прошлых и будущих лет еще много сделают во имя развития промышленности и науки, во имя повышения авторитета и процветания Родины, в каком бы тяжелом положении она сейчас ни находилась.

ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ

Почти год я работал над этими воспоминаниями, отдавая им все свободное время, всю душу и сердце. Перед моим умственным взором прошли пять поколений, почти сто лет жизни и деятельности этих поколений, радости и печали семейств, которые волей судеб в разное время соединялись, образуя наше разветвленное родовое древо.

На склоне лет, окинув взглядом это древо от корней до самых молодых побегов, вижу некоторые общие свойства, принадлежащие всем, кто это древо образовывал, развивал и развивает.

Во-первых, это - труд. Все поколения рода жили не за счет наследственных богатств, случайных выигрышей или благотворительных подношений. Все, что имели, чем жили, как жили, было только результатом собственного труда, выполняемого с инициативой и любовью на избранном поприще. Поэтому в нашем роду были и есть хорошие (в том числе и заслуженные) педагоги и ученые; были и есть преданные людям врачи и медицинские работники; были и есть уважаемые инженеры и мастера;

были и есть умелые экономисты, коммерсанты и служащие; были и есть люди других профессий, каждый из которых честно трудился или трудится на своем месте.

Второе свойство - это дружба и взаимное уважение. Между поколениями и внутри поколений никогда не было и, надеюсь, не будет острых конфликтов, отчуждающих какую-либо часть рода от другой; мы жили и живем с любовью и уважением друг к другу. За очень малым исключением супружеские пары жили и живут в согласии долгие годы. Если у кого-либо случается беда, вся семья бросается ему на помощь, стремясь внести свою лепту в облегчение положения бедствующего.

Дружба и взаимоуважение внутри семьи, как живительный источник, питали и питают уважительное отношение к достойным людям других родов и племен, без различия национальностей и рас.

Мне не хотелось бы, чтобы на основании сказанного читатель подумал, что я идеализирую свой род, не отмечая каких-либо недостатков. Но в том-то и дело, что недостатки (а они были и есть) свойственны отдельным членам семьи, а не всему роду в целом. На любом дереве могут быть отдельные ветви и листья, пораженные порчей. Эти ветви или листья на здоровом дереве, как правило, выздоравливают или отсыхают и отваливаются. Беда, конечно, если болезнь нескольких ветвей перебрасывается на все дерево, тогда оно может разрушиться или засохнуть. Нашему родовому дереву удалось устоять и сохраниться здоровым.

Еще один вопрос - уникально ли наше родовое дерево? Нет, ни в коем случае! Таких родов и семей в нашей стране, а если сказать точнее, во всем мире подавляющее большинство, именно они создают повседневную жизнь Человечества. Примеры можно, в частности, почерпнуть из судеб достойных людей, тружеников и воинов, о которых я писал в предыдущих главах воспоминаний.

Если продолжить аналогию, то можно отметить, что и наше родовое дерево, как и многие другие, попадало в огненные бури, которые раздували бессердечные политики, страдало от пуль, выпущенных из вражеского оружия, но, понеся болезненные потери, все же выжило, все же тянется к свету и миру.

Я приближаюсь к окончанию своих записок. Что будет дальше? На что надеюсь? Чтобы дать ответ, приведу слова одного из персонажей повести В. Каверина "Открытая книга", вернее кинофильма, поставленного по этому произведению. Этот персонаж задает вопрос о том, что остается после ученого? И отвечает:

- Идеи? Открытия? Книги? Да нет! Идеи недолговечны - они умирают под напором новых фактов. Открытия? Их не так уж много. Ну, на-

пример, все учение Ньютона можно изложить в нескольких строчках. Книжки? Я автор пяти книг, а прочел за свою жизнь несколько тысяч. И скажу вам откровенно, что полсотни томов заслуживают того, чтобы их переиздали через пять лет, а через десять лет читали. Так что же остается, что остается, друзья мои? Остаются живые люди, остаются наши ученики, которые, взяв все лучшее, что сделали мы, сплавят с тем, что сделают они!

Не вполне соглашаясь с некоторым экстремизмом автора реплики по поводу ценности книг (мы и сейчас со вниманием читаем фундаментальные работы ученых прошлых десятилетий и даже столетий), идею реплики в целом принимаю, но позволю себе несколько обобщить ее основную мысль.

Я думаю, что, точно так же как после ученого остаются его ученики, способные развивать науку, в каждом роду после старших поколений остаются младшие. Взяв лучшее из того, что сделали старшие, они должны, сплавив это со своим трудом и талантом, с любовью и дружбой, сохранять доброе имя и честь рода.

На этом пожелании последующим поколениям моей семьи, ученикам и друзьям кладу мое верное перо и закрываю последний томик воспоминаний.

17 марта 1993 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Зачем эти записки.....	3
Я болею дифтерией.....	6
Наш дом на Чечелевке.....	12
О нашей квартире и немного о ее обитателях.....	19
Четыре врача и юрист-металловед из одной семьи.....	26
Дед Резников и другие родственники.....	34
Все растет на свете.....	39
Проверка на ябедность.....	61
К вопросу о ношении галстуков, модных причесок и применении "крепких" слов.....	67
Дальтон-план и шахтер Степан Негурыця.....	72
Профессура и доценты глазами бывшего студента.....	80
Студенчество тридцатых годов.....	94
Курортное знакомство в понедельник.....	108
Обычная трудовая и честная семья.....	116
Молодой инженер образца 1938 года.....	123

ЧАСТЬ II

Мой брат Боря - участник Отечественной войны.....	138
Харьков, первые месяцы войны.....	148
Война перебрасывает нашу семью в Казахстан.....	152
В двух шагах от ареста.....	160
Жизнь, заботы, печали и радости в 1942 году.....	166
Трое в шинелях предлагают создать танк-паровоз.....	176
Почти детективная история получения исходных материалов для кандидатской диссертации.....	197
Радость Победы сменяется мутной волной "борьбы с космополитизмом".....	202
Самый молодой из трех деканов приступает к работе.....	211

Что могут сделать студенты, если захотят	219
Кое-что из хроники жизни семьи и других событиях в 1951-1960 годах.....	241
Я шагаю по температурному полю, перехожу вброд тепловые потоки и постигаю особенности творческого труда	254
Появляется новое поколение семьи, а старые продолжают жить, учиться и работать.....	265

ЧАСТЬ III

Раз, два - и в ректора!	274
Работа начинается, иллюзии кончаются	291
Как поссорились Арон Наумович с Николаем Харитоновичем	300
Секретари, инструкторы, анонимки	305
Кто - "за", кто - "против"	318
Пять лет, в конце которых невосполнимые потери	337
Тольятти - Мишкольц - Будапешт - Тольятти.....	348
О тех, кто прорубал дорогу в джунглях	363
Из-за острова на стрежень	373
Еще немного о семье и работе	395
Едешь туда - интересно, едешь обратно - приятно.....	402
Главное в жизни - это делать любимое дело.....	419
Прошло четырнадцать лет	425
Дальше, дальше, дальше	433

РЕЗНИКОВ Арон Наумович

Эскизы прошлого
в проекции на настоящее

Издательская группа:

СВ. ЗОЛОТАРЕВ,
В. П. СЕРГЕЕВА,
Л.Н. КАРТУНОВА,
Н.Г. КАЛИНИНА,
ГЛ. ШИРОКОВА,
СЮ. ПРИЛЕПСКАЯ.

Лицензия ЛР № 063811 от 5.01.95

443086, г. Самара-86, а/я 10373

Подписано в печать 14.04.98. Формат 60x84¹/₁₆- Бумага мелованная
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. п.л. 46,2 Тираж 500 экз. Заказ
638 Отпечатано в типографии ГУП ИПК "Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

